

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ ИМЕНИ КОНФУЦИЯ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

白俄罗斯国立大学共和国孔子学院

ISBN 978-985-586-053-3

9 789855 860533

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Выпуск VI

4

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Выпуск VI

в 2 частях
Часть 1

Белорусский государственный университет
Республиканский институт китаеведения имени Конфуция
Кафедра языкознания и страноведения Востока БГУ

ПУТИ
ПОДНЕБЕСНОЙ
中国之路

Сборник научных трудов
论文集

Выпуск VI

第六集

В двух частях

两册

Часть 1

上

Минск
РИВШ
2017

УДК 811.58/082
ББК 81.2Кит.я43
П90

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано

советом Республиканского института китаеведения имени Конфуция
Белорусского государственного университета
(протокол № 6 от 23 января 2017 г.)

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор *Е.Н. Руденко*;
доктор филологических наук профессор *В. И. Коваль*

*Организационный комитет VI Международной научно-теоретической конференции
«Китайская цивилизация в диалоге культур» благодарит
Государственную канцелярию КНР по распространению китайского языка за рубежом
(Ханьбань) / Штаб-квартиру институтов Конфуция за помощь
в проведении конференции и подготовке к изданию настоящего сборника.*

Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. VI. В 2 ч. Ч. 1. – Минск : РИВШ,
П90 2017. – 422 с.
ISBN 978-985-586-053-3.

Сборник подготовлен по материалам VI Международной научно-теоретической конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Минске 26–27 ноября 2015 г. в Белорусском государственном университете. В статьях раскрываются китаеведческие проблемы в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, география, история, философия, юриспруденция, религиоведение, искусствоведение, педагогика.

Предназначен для научных работников, преподавателей китайского языка и литературы, аспирантов, магистрантов, студентов, а также для всех интересующихся китаеведением.

УДК 811.58/082
ББК 81.2Кит.я43

ISBN 978-985-586-053-3 (Ч. 1)
ISBN 978-985-586-052-6

© РИКК БГУ, 2017
© Оформление. ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2017

**КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Букатая А.М.
(Минск, Беларусь)

РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЖАН ЛИН (张翎)

В статье рассматриваются особенности культурного синкретизма как характерной черты национальной китайской литературы, а также воплощение и трансформация данного явления в творчестве Чжан Лин (1957 г.р.), представительницы современной китайской прозы зарубежья.

Ключевые слова: *религиозно-культурный синкретизм, китайская литература зарубежья, Чжан Лин.*

The article considers the features of Cultural Syncretism as the specific characteristic of Chinese literature, also the reflection and the transformation of this phenomenon in the works by Zhang Ling (b. 1957), one of well-known Overseas Chinese fiction writers in Canada.

Keywords: *the religious and cultural syncretism, Overseas Chinese literature, Zhang Ling.*

Одной из национально определяющих идентификационных характеристик китайской литературы является религиозно-культурный синкретизм, представленный сочетанием Трёх учений: конфуцианской, даосской и буддистской культурной традиции. От философско-идеологической конфуцианской традиции она воспринимает родовой коллективизм и иерархичность, воплощённые в модели семьи. Большое влияние на китайскую литературу оказали космолого-онтологические воззрения даосизма, и особая модель мира, где важное место отводится понятию и образу 道 Дао, категории преобразующего Небытия (Хаоса), принципам 无为 У-вэй ('Недеяния') и 自然 Цзыжань ('Естественности'). Во вселенной Дао всё «уравнено и объединено в единое целое. Все противоречия гармонизированы, субъект и объект не представлены, различия не имеют сущностного характера и не принадлежат объектам самим по себе» [3, с. 234]. В китайской культуре в процессе познания превалируют отношения равноправия, т. е. субъект-субъектные, когда «субъект (это) уже заключен в объекте (то) и наоборот» [3, с. 234], в отличие от субъект-объектных на Западе.

Принцип У-вэй, который часто путают с исключительной пассивностью, означает лишь невмешательство и мудрое "со-бытие" с природой, окружающим миром, социумом. Этот принцип означает такое поведение человека, которое не нарушало бы мировой порядок вещей. Универсум как живой организм в состоянии сам следовать своим правильным Путём (Дао). С помощью У-вэй достигается Цзыжань. Практическое воплощение такого отношения к природе гораздо сложнее осуществить, чем целенаправленную, целерациональную, преобразовательную деятельность западного человека. Последующие конфуцианские мыслители придали высшему Дао универсальный, онтологический смысл. В результате под Дао в конфуцианской теоретической мысли понимаются «принципы организации вселенского церемониала, явленные людям через природные процессы и феномены». Все эти приметы «восточности» в большей или меньшей

степени проявляются в литературе: в большей степени – в литературе архаического и классического периодов, в более скрытой форме – в произведениях новой (к. XIX – нач. XX вв.) и новейшей (с 1949 г.) литературы.

Китайские исследователи выделяют такие черты национальной специфики, национального духа, как гуманность (仁 жэнь) и следование ритуалу (礼 ли), которые выдвигались ещё Конфуцием. Сейчас к соблюдению ритуала можно отнести общепринятые правила поведения, соответствующие нормам морали, следование этикету. Китайцы прагматичны, что выражается в вере в равновесие сил природы и отражает натурфилософское влияние даосизма. У буддистской философско-религиозной традиции китайское мировоззрение заимствовало концепт Пустоты (空), который обладает положительной коннотацией и сопрячен процессу созидания. Буддизм, в частности чань-буддизм, способствовал развитию универсалистского мировоззрения, и в литературной традиции нашёл отражение в поисках истины и познания тайн человеческой души, страстей и желаний.

Религиозно-культурную принадлежность большинства китайцев К.М. Тертицкий определяет «как приверженность комплексу синкретических народных верований» [6, с. 22] и описывает феномен селективной религиозности, в основе которой лежит характерный для китайцев «ситуационизм» и «функциональный» подход к религии [6, с. 23 – 24]. М.Е. Кравцова отмечает наличие феномена вариативности индивидуального вероисповедания, а механизм взаимодействия Трёх учений также связывает с принципом ситуативности [3, с. 281 - 283]. Исследовательница называет безусловной культурно-идеологической доминантой конфуцианство, подчеркивая при этом, что «культуральные изъяны конфуцианской традиции могли бы пагубно сказаться на духовном облике китайской цивилизации, если бы не компенсировались даосизмом» [3, с. 225, 283]. С.А. Торопцев пишет о единстве противоположностей двух моделей культуры: конфуцианской и даосской [1, с. 332], и отмечает, что «в душе отдельного человека» разграничить эти культурные типы сложно, и «в лучшем случае это будет пропорциональное расхождение – доминирование либо той, либо другой модели на фоне их сосуществования, причем достаточно мирного» [1, с. 333].

Еще в рамках направления Сюаньсюэ (Учение о сокровенном 玄学 приблизительно II – III вв.), по утверждению А.Г. Сторожука, «фактически – смешения даосизма со многими положениями конфуцианства», происходило переосмысление и синтез даосских и конфуцианских философских концептов и положений [5, с. 284]. Известный китайский писатель, переводчик и ученый Линь Юйтан (林语堂) характеризует конфуцианство и даосизм как сплав положительного и отрицательного элементов, единство начал инь и ян, которое «породило бессмертное явление – китайский национальный характер» [4, с. 64], но афористически заключает, что китайцы по натуре (природе) своей больше даосы, нежели по воспитанию (культуре) – конфуцианцы [4, с. 65].

Следование ключевым даосским понятиям Естественности и Недеяния воплощается в стремлении к «пресности» и видимой безыскусности художественного текста, так как только в случае отсутствия излишеств можно достичь истинного смыслового наполнения. Конфуцианская идея Преемственности учения

Даотун (道统) сообщает тексту жанрово-композиционную традиционность и системе Дяньгу (典故), которая воплощается в обилии прямых и скрытых цитат, намеков, ссылок, активном использовании афоризмов и т.д. Конфуцианство всегда подчеркивало такую утилитарную функцию изящной словесности как исправление нравов и гармонизация не только социума, но и всего мирового континуума. Результатом влияния буддийских концептов явилось особенно актуальное в эпоху Тан представление, что «произведение как таковое и есть искусно организованная *Пустота*» [5, с. 182]. А.Г. Сторожук указывает на ряд принципов создания литературных произведений, которые раскрываются в литературоведческих трактатах эпохи Тан: «Смысл за пределами слов» (言外之意), «Суть за пределами знаков» (文外之旨), Наполненность смыслом (重意) [5, с. 185 - 186]. Главная идея состоит в том, что слова должны **не называть** этот Смысл, а **указывать** на него.

Образцом наиболее репрезентативного проявления синтеза Трех учений в китайской словесности является эпоха Тан [5, с. 174]. В современной же китайской литературе понятие религиозно-культурного синкретизма включает не только конфуцианскую, даосскую и буддистскую, но также исламскую и христианскую традиции.

Отношение китайцев к христианству всегда было настороженным, так как в Китае уже с середины I тысячелетия до н. э. активно развивались атеистические учения [7]. Западноевропейской оппозиции религии и язычества соответствовало китайское противопоставление народных верований (с их представлениями о нечистой силе, душе, загробном мире, посмертном существовании и т.д.) и «культурности» (вэнь 文, которая в первую очередь означает грамотность, образование, знание, а не веру). Позже это воплотилось в уникальном сочетании не противоречащих друг другу атеизма и анимизма. Китайское мировоззрение антропоцентрично и сконцентрировано на земном существовании человека в отличие христианства, целью которого является посмертное спасение человеческой души. Первые активные попытки адаптации христианской проповеди к китайскому культурному контексту связаны с деятельностью Маттео Риччи, который пробыл в Китае около тридцати лет, вплоть до своей кончины в 1610 году. Исключив даже возможность отрицания исконной китайской традиции, он вынужден был обратиться к христианской интерпретации конфуцианства [2, с. 309]. Очевидным трансформациям подвергся понятийно-категориальный аппарат римско-католической проповеди.

Долгое время китайская литература развивалась независимо от мирового литературного процесса. Но с конца XIX – начала XX вв. в результате целого ряда исторических событий происходит активное взаимодействие китайской и западноевропейской культурных традиций.

С религиозным синкретизмом, включающим христианство, конфуцианство, даосизм и буддизм, Китай впервые близко столкнулся во время Тайпинского восстания (1850-1864). Попытки создать Небесное царство Великого спокойствия (太平天国) вызвали обратную реакцию отторжения иноземной религии. Отголоски движения тайпинов, необратимые последствия Опиумных войн, а также

то, что христианские миссии продолжали активную проповедническую деятельность, привели к новой волне народных выступлений. Апогеем стало восстание Ихэтуаней («Дружин справедливости и мира» 义和团) в 1899 – 1901 гг., направленное против иноземного вмешательства западных империалистических держав не только в политику и экономику Китая, но и в религиозно-культурную сферу. А.В. Ломанов говорит о начале активизации религиозной жизни КНР в конце 70-х гг., и подчеркивает, что для понимания современных процессов развития китайского социума актуальна «проблема адаптации христианства к китайскому культурно-религиозному контексту» [2, с. 318].

Американская исследовательница китайской прозы зарубежья Чэнь Жуйлинь высоко оценивает значение взаимодействия китайской и западной культур и отмечает, что большинство современных китайских писателей прошли «обряд крещения западной культурой, и одновременно обладают прочными основами классического китайского образования»; и делает вывод, что только в такой обстановке взаимовлияния культуры Китая и западных стран могут появиться такие значимые фигуры как Лу Синь, Мао Дунь, Ба Цзинь, Лао Шэ, Цао Юй, Линь Юйтан, Чжан Айлин, Шэнь Цунвэнь, Юй Дафу и др. [8]. В настоящее время наибольшее влияние мировая мультикультурная парадигма оказывает на китайских литераторов, проживающих за рубежом. Четче всего христианские реалии выделяется в «заморской» составляющей китайской литературы, включающей иммигрантскую и пограничную.

Яркой представительницей китайской прозы зарубежья является Чжан Лин. Писательница прошла обряд крещения в сознательном возрасте в одной из Евангелистских церквей Торонто, впоследствии она там же обвенчалась. Сознательное обращение Чжан Лин к западноевропейской религиозной традиции во многом объясняет наличие в ее творчестве христианских мотивов, сюжетов, образов, символов, библейских аллюзий и т.д.

Одними из самых показательных с точки зрения проявления религиозного синкретизма представляются повести «Овечка» («羊», вошла в сборник 2004 г.) и «А-си идет в школу» («阿喜上学» 2009). В эпиграфе к повести «Овечка» говорится: «冥冥之中果真有一个上帝? 你跟上帝求的不知道他肯不肯给你, 但他给你的, 一定是最好的, 尽管不一定是你求的。」 [11, с. 47] (В самом деле, в мире, сокрытом от глаз, существует ли Бог? Неизвестно, согласится ли Бог дать тебе то, о чем ты его просишь, но то, что он тебе дает – непременно самое лучшее, хотя и не обязательно то, о чем ты просишь) (здесь и далее перевод наш – А.Б.). Нет сомнений в прямой связи с христианской традицией. 1) Ни в конфуцианстве, ни в даосизме нет подобного верховного божества, к которому можно было бы обратиться с прямой просьбой или мольбой. 2) В значении ‘Бога, царя небесного’ автор применяет слово «上帝», в отличие от «阿弥陀佛» (‘Амитофо, Будда Ами-табха’), «菩萨» (‘бодхисаттва, Будда, божество’) и др., используемых в буддийской традиции. Почти дословно эту же фразу произносит впоследствии священник, обращаясь к главной героине.

Героиню повести зовут Ян Ян 羊阳. Фамилия Ян 羊 в контексте данного произведения может переводиться ‘овечка’, и содержит явную отсылку к значению ‘паства, агнец божий’. Одно из значений имени Ян 阳 ‘солнце, солнечный свет’. Читатель застаёт героиню в смятении, так как будущее её неопределённо, она ищет работу, и душа её запуталась. Для того, чтобы отправить заявление о приеме на работу уборщицей в детском саду при евангелистской церкви, Ян Ян необходимо заполнить графу, ответив на вопрос: «Вы христианин?». «这次羊阳一点也没有犹豫，他回答道：现在不是--但是假如我能得到一个温暖的房间（最好晒得到太阳），也许我会是。」 [11, с. 48] (На этот раз у Ян Ян не было ни капли сомнений, она ответила: сейчас – нет, но если я смогу получить тёплую комнату (лучше всего на солнечной стороне), то, пожалуй, что и да). И в прямом, и в переносном смысле героиня ищет свет и тепло. Она не пытается найти утешение в вере, но по стечению обстоятельств находит она его именно в лице служителя культа христианской церкви, пастора Пола Уилсона. Изначально героиня не испытывает к христианству ни приязни ни антагонизма, она не отступает ни от каких своих принципов, как и большинство китайцев склонна к компромиссу, в том числе религиозному. В итоге именно религиозно-культурный синкретизм помогает Ян Ян пережить тяжелейший стресс и выйти из духовного кризиса.

Автор искусно создает ситуации, в которых бы разница в мышлении представителей Запада и Востока представала со всей очевидностью. Но при этом с китайской «стороны» возникают состояния не конфликта или отторжения, а удивления и изредка частичного принятия. Пастор Уилсон предложил Ян Ян несколько раз в неделю приходить к нему в кабинет и перепечатывать его черновики. Однажды ей нужно было перепечатать наброски проповеди, темой которой была «Добродетельные женщины», составленной на основе Книги Руфь из Ветхого Завета. Ян Ян работает и задаёт очевидный для неё вопрос: «哪个路得，为什么非要和婆婆一起回乡呢？老家不是没人了吗？」 [11, с. 51] (Почему же эта Руфь настояла на том, чтобы вернуться вместе со свекровью? У неё что, в родном доме никого не осталось?) Пастор отвечает, что это из любви к Богу, и тогда героиня задаёт риторический вопрос: «在别的地方难道不可以敬爱上帝？」 [11, с. 51] (Неужели нельзя любить Бога в другом месте?). Поведение библейского персонажа кажется героине нелогичным, она задает прямые, по-детски наивные вопросы, которые заставляют пастора переосмыслить его собственные взгляды. У него не возникает сомнения в вере, но смятение в душе возникает. Для каждого персонажа общение с представителем другой культуры и религии имеет положительный результат – подвигает к самоанализу.

Пастор не случайно выбирает ветхозаветную историю Руфи. Когда-то его дед, христианский миссионер в Китае, спас маленькую девочку-китайку, окрестил ее и нарек Руфь. Значение этого имени в китайском написании (路得) несет дополнительный смысл: «китайская» Руфь, как и библейская праведница прошла долгий нелегкий жизненный путь.

Пастор Пол Уилсон помогает Ян Ян учить английский, чтобы она смогла сдать экзамен. Каждую неделю он дает ей небольшой отрывок из Библии, кото-

рый она должна прочесть и затем письменно кратко передать основное содержание. Прочитав отрывок из Евангелия от Матфея о непорочном зачатии Марии, Ян Ян дает совершенно отличное от канонического толкование этой истории: «马利亚早上醒来时完全没有显示出即将成为人母的喜悦。」 [11, с. 78] (Проснувшись утром, Мария совсем не проявила радости то того, что вот-вот станет матерью). Она думала, что ее муж не поверит ей, свекровь захочет разорвать брак, и другие женщины на рынке будут «словно кинжалы, метать взгляды в ее живот». Мария подумала, что этому ребенку у нее в животе предопределено закончить свою жизнь на кресте и «слезы затуманили ее взор». В короткой интерпретации Ян Ян история благовещения Марии приобретает черты притчевости благодаря новому назидательному выводу: «后来的日子里，人们开始称呼马利亚为圣母，却很少有人能略过圣母头上的光环，看见她作为一个寻常女人的寻常哀伤。眼泪蓄在她心里的时候是湖是海，流出来的，却只有两滴。」 [11, с. 79] (В последние времена люди начали называть Марию Богородицей, однако мало кто мог пропустить нимб над головой Богоматери и увидеть в ней, как в обычной женщине, обычное горе. И в то время, когда в душе скапливается столько слез, что выходит целое море, - просачивается все-таки только две капли). Ян Ян заботят душевные переживания женщины, которая точно знает, что ее ребенок погибнет. Китайка принимает этот религиозный сюжет очень близко к сердцу, но непреднамеренно и легко вычленяет именно «земную» смысловую составляющую.

В повести выделяются две пары героев: пастор Пол Уилсон и Ян Ян, пастор Джон Уилсон и Руфь. В каждом случае возникала сильная любовная эмоция, которая носила исключительно платонический характер. Одной из причин могло быть то, что оба священнослужителя были женаты и были порядочными людьми. Джон Уилсон приводит другое объяснение: «他和她之间的阻隔不是岁数，不是种族，也不是人群。站在他们中间的，只有一个威严的上帝。」 [11, с. 77] (Преградой между ним и ней был не возраст, не раса, и не люди. Только грозный Бог, стоящий между ними).

Имя Руфь вновь появляется в романе 2014 года «Схватки» ((«陈痛»). Эпиграфом к роману служит отрывок из Библии:

(耶和華) 又對女人說：
“我必多多加增你懷胎的苦楚，
你生產兒女必多受苦楚。”
(旧约·创世记) [12]

(Иегова) и сказал женщине：
«Я должен многократно усилить твои мучения,
когда носишь плод, и в великих мучениях будешь рожать детей».
(Ветхий завет. Сотворение мира)

Автор сразу фокусирует внимание читателя на главной теме – тяжелой женской доле. Сильный и выносливый женский характер претерпел значительные изменения под воздействием социальных, экономических и политических процессов Китая второй половины XX века. Китайская женщина «выросла» в личностном плане, и в лице маленькой Руфи она стоит на пороге перемен. Открытым остается вопрос: обречена ли она на муки в дальнейшей исторической перспективе.

В повести «А-си идет в школу» из трех исконно китайских учений наиболее показательно представлены конфуцианство и буддизм. Важнейшую роль в формировании личности и манеры поведения героини оказало традиционное воспитание в конфуцианском духе с безоговорочным соблюдением *ли* (礼), *и* (义), *сяо* (孝) и др. Чжан Лин описывает общественный статус героини: «她是一个还没过门就死了男人的女人;一个不配在别人的快乐里有份的人;一个遇上了别人的喜事就要回避的人。从今往后她只能穿着青布衫,低眉敛目地等待着一个住在远方不忌讳阿久的事又愿意娶她做大婆的男人,把她从阿妈身边领走。否则,她将永远是阿爸装气话的篓子,阿妈擦眼泪的帕子,阿文阿武上茅房拉屎垫脚的石头。十四岁的阿喜仿佛已经把自己的一辈子一眼看到底了。」 [10] (Она была той женщиной, которая, не переступив порога, уже стала вдовой; человеком, недостойным принимать участие в чужом веселье; человеком, который должен отступить, случайно встретив чужую радость. Отныне и впредь она может лишь облачившись в чёрное, потупив взор, быть в ожидании мужчины издалека, где история с А-Цзю не будет запретом, и который будет готов взять её первой женой, и увести её от матери. В противном случае она навсегда будет бамбуковой плетёной корзиной, наполненной сердитыми речами отца, носовым платком, чтобы вытирать материнские слёзы, каменной подставкой для ног в сортире, когда А-вэнь и А-у ходят по-большому. Будто вся жизнь в одно мгновение прошла перед глазами четырнадцатилетней А-си). Поначалу А-си осознает и принимает сложившееся положение вещей, перемены наступят позже, под воздействием инородной религиозной традиции. Атмосфера культурного духа китайской диаспоры передана настолько аутентично, что не будь ряда топонимов, читатель мог бы подумать, что действие происходит в Китае, а не в Канаде.

Конфуцианская база общественной и семейной модели сочетается со следованием буддистскому религиозному культу. В одном из эпизодов отец спрашивает А-си: «这几天,你拜过菩萨吗? » [10] (Ты молилась Бодхисаттве в эти дни?). И она отвечает, что совершает поклоны каждый день, утром и вечером. Кроме того автор включает в монологическую речь А-си прямые обращения с общепринятыми для буддистской молитвы оборотами: «大慈大悲,观世音菩萨……» [10] (О, великая и милосердная Гуаньинь¹ ...). Обращаясь к традиционному божественному образу, героиня просит о том, что совершенно противоречит устоявшемуся, освященному обычаю мироустройству: «大慈大悲……我不做大,也不做小……我不要香肠,天天煮饭,洗衣……我只要跟阿文阿武一样……去学堂。」 [10] (О, милосердная ... я не хочу быть ни главной женой, ни наложницей ... мне не нужна колбаса, ежедневная стряпня, стирка ... я только хочу также, как А-вэнь и А-у ... ходить в школу).

Устойчивый культурный синкретизм Трёх учений в данной повести обогащен христианской традицией. У семьи А-си появилась возможность вернуть «подушный» эмигрантский налог за дочь при условии, что ребенок отучится в местной христианской школе. Но за А-си закреплено очень много домашних обязанностей, поэтому для её родителей школа – вынужденная мера, а для героини

---

¹观世音菩萨 – Авалокитешвара, Бодхисаттва Гуань-ши-инь, богиня милосердия Гуаньинь.

– свобода. Изначально неосознанно А-си стремится не к «физической» свободе от тяжелой работы, а к свободе разума, поэтому ее мечтой становится школа как место, олицетворяющее Знание. Она, как истинная китаянка, испытывает особое благоговейное отношение к таким граням понятия *вэнь* как грамотность, образование, знание, культурный уровень. В школе героиня испытывает сложности с адаптацией, потому что она, во-первых, - девочка, во-вторых, - самая старшая в классе, в-третьих, - китаянка. девочкой учит вместе со всеми молитву, читает Ветхий завет и пр. Для нее одинаково важно и интересно все, о чем говорит учительница, будь то история о Ноевом ковчеге, или знакомство с картой мира. Она оказалась единственной из всех детей, кто выучил «Отче наш». Чжан Лин приводит полный текст на китайском языке:

我们在天上的父，	我们日用的饮食，	不叫我们遇见试探，
愿人都尊你的名为圣。	今日赐给我们。	救我们脱离凶恶。
愿你的国降临。	免我们的债，	因为国度、权柄、荣耀，
愿你的旨意行在地上，	如同我们免了人的债。	全是你的，
如同行在天上。		直到永远，阿门。 [10]

Благодаря посещению школы религия ассоциируется у героини со знанием, лишена схоластики и несет функцию просвещения. Символическая модель отношений «пастырь - агнец» обретает дополнительный оттенок, и христианский образ священника соединяется с китайским образом наставника, учителя. Ян Хуньюй называет Чжан Лин «ревностной христианкой», акцентирует внимание на христианском подтексте в ее творчестве и указывает на образы священников в других ее произведениях (романы «Глядя на луну», «Встречные берега», «Невеста по почте») [9].

В настоящее время наблюдается «феномен развития китайского христианства на фоне возрождения в КНР проконфуцианского культурного традиционализма» [2, с. 318]. Творчество Чжан Лин представляется наглядной иллюстрацией этого явления в китайской литературе. В ее произведениях проявляются отдельные элементы христианского религиозного сознания, но не кардинальная его замена. Частично это служит необходимой мерой для создания правдоподобной ситуации адаптации героев в новом обществе, которая передается через фактографическое изображение бытовых реалий, относящихся к религиозной традиции. Но автор далека от фанатичной проповеди христианских ценностей.

Таким образом, религиозно-культурный синкретизм в творчестве Чжан Лин представлен не только «внутренними», но и «внешними» связями, обусловленными взаимодействием западноевропейской и китайской традиций, и является примером культурного полифонизма современной китайской прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровская, Н.Е. Китайская культура во времени и пространстве. 50 и 50 – век в китаеведении / Н.Е. Боровская, С.А. Торопцев. – М.: ИД «ФОРУМ». 2010. – 480 с.

2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Ин-т Дальнего востока; редколл.: М.Л. Титаренко (гл. ред.). – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 2: Мифология. Религия / под ред. М.Л. Титаренко [и др.]. – 2007. – 869 с.: ил.
3. *Кравцова, М.Е.* История культуры Китая / М.Е. Кравцова. – СПб.: изд.: «Лань», 2003. – 416 с.
4. *Линь, Юйтан.* Китайцы: моя страна и мой народ / Линь Юйтан; пер. с кит. и предисл. Н.А. Спешнева. – М.: Вост. лит., 2010. – 335 с.
5. *Сторожук, А.Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан / А.Г. Сторожук; Вост. фак. С.-Петербург. гос. ун-та. – СПб.: ООО «Типография «Береста», 2010. – 552 с.
6. *Тертицкий, К.М.* Китайские синкретические религии в XX веке / К.М. Тертицкий. – М.: Восточная литература, 2000. – с. 3 – 95.
7. *Щепановская, Е.М.* Мифологические архетипы как ядро ментальности национальных культур (на примере Индии и Китая) / Е.М. Щепановская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/fileex/24>. – Дата доступа: 19.03.2014.
8. *Чэнь Жуйлинь.* Духовный тупик современной китайской литературы – актуальная значимость «тройки» зарубежья для современной литературы на китайском языке / Чэнь Жуйлинь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=48228 – Дата доступа: 10.12.2014.
9. *Ян Хуньюй.* К вопросу о христианском подтексте в прозе Чжан Лин / Ян Хуньюй // «Шаньдунская литература» № 5, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wuxizazhi.cnki.net/Search/SDWX200805025.html> - Дата доступа: 09.09.2015.
10. *Чжан Лин.* А-си идёт в школу / Чжан Лин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_abf7df760101aqa8.html – Дата доступа: 02.02.2015.
11. *Чжан Лин.* Овечка / Чжан Лин // Житейское море. – Наньнин: Народное издательство Гуаньси, 2004. – с. 47 – 86.
12. *Чжан Лин.* Схватки / Чжан Лин. – Пекин: Писательское издательство, 2014. – 340 с.

Вариченко Г.В.
(Минск, Беларусь)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассматривается проблема обучения русскому языку как иностранному студентов из Китая. На основе разработанной системы заданий и упражнений, предусматривающих включение элементов, характеризующих белорусскую культурную среду, созданы методические пособия. Констатируется, что специфика обучения китайских студентов связана с использованием элементов русскоязычной языковой среды Беларуси.

Ключевые слова: *обучение, русский язык, иностранные студенты, элементы языковой среды, типология языковой среды*

In this article the problem of teaching Russian as a foreign language for students from China is considered. On the basis of the developed system of exercises that include elements characterizing Belarusian cultural environment manuals were created. It is stated that the specific training of Chinese students is related to the usage of elements of the Russian-speaking linguistic environment of Belarus.

Keywords: *training, Russian language, foreign students, the elements of the language environment, typology of language environment*

Многолетняя практика обучения китайских студентов в Белорусском государственном университете позволяет поделиться некоторыми соображениями по поводу использования методик обучения, являющихся наиболее эффективными в языковом образовании. Прежде всего следует обратить внимание на реализацию в учебном процессе дидактического принципа учета родного языка учащихся. Применение приема обращения к практике перевода на родной язык способствует формированию навыков и умений в словообразовании, конструировании и трансформации предложений. Как известно, принцип учета родного языка реализуется в предлагаемых преподавателем специально разработанных комплексах заданий и упражнений, в которых опора на родной язык либо является скрытой, либо используется очевидное сопоставление изучаемого и родного языков.

Скрытая форма опоры на родной язык и культуру действует стимулирующее при вовлечении студентов в творческие мероприятия. В педагогической науке работает закон формирования разных видов опыта в передаче и усвоении положительных чувств. Тогда наиболее продуктивно вырабатываются различные психологические установки, стереотипы речевого поведения, обуславливающие усиление мотивации к овладению языком.

В процессе разыгрывания ситуаций, мини-спектаклей и других форм творческого общения создаются возможности для реального общения. Принцип воздействия активной обучающей языковой среды представляется также достаточно действенным и эффективным.

Целью обучения русскому языку как иностранному является развитие у иностранных учащихся способности к межкультурному взаимодействию, использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия. Русский язык выступает в качестве базовой дисциплины, служащей фундаментом для формирования знаний, навыков и умений у иностранных учащихся. Процесс образования и воспитания в современном вузе проецируется на социум, реализуется в социуме и рассматривается в соответствии с документами Совета Европы как процесс формирования компетенций, связанных с жизнью в поликультурном обществе, владением устной и письменной коммуникацией, позволяющей ориентироваться в обществе как социокультурной системе.

Объектом изучения иностранных учащихся, прибывших для обучения в Беларусь, становится русскоязычная языковая среда, в рамках которой русский язык выступает в роли основного средства социокода – главной знаковой реалии

культуры. Построение языковой картины мира (или ее коррекции) может происходить с помощью интенсивного использования слов, фразеологизмов, которые, формируя языковой фон, одновременно выделяются (или становятся ключевыми), употребление их с нарастающей частотностью заметно влияет на мировосприятие и мировоззрение носителей языка [1, с.3], а, следовательно, и иностранных учащихся, с которыми вступают в общение носители языка.

Понятие языковой среды исходит из представления о ней как о языковом (речевом) и социально-культурном окружении учащихся в стране изучаемого языка [2, с.48].

Языковая (речевая) среда содержит не только элементы речи носителей языка и включает фоновую лексику, но также и невербальные средства общения (жесты, позы, мимику, интонацию, манеру поведения). Если считать совокупность языкового (речевого) и социально-культурного окружения иностранных учащихся языковой средой, то нам кажется возможной следующая типология языковой среды: учебная, или учебно-профессиональная, социально-бытовая, культурно-массовая, или собственно культурная, информационная, стихийная и традиционная.

Учебная или учебно-профессиональная языковая среда аудиторных занятий содержит не только языковой (речевой) материал, но и также и социокультурный, которым овладевает иностранный учащийся под руководством преподавателя, задачей которого является введение учащихся в контекст новой социокультурной среды и адаптация в ней. Учебно-профессиональная среда предполагает включение в презентуемый материал названий географических пунктов, исторических фактов, элементов речевого этикета, обращений, принятых в том образовательном учреждении, в котором проходит курс обучения учащийся, формул официальных представлений, приветствия, прощания, благодарности, извинения, просьбы, отказы, объяснения, также фразеологизмы, пословицы и поговорки, касающиеся данной сферы.

Учебно-профессиональная языковая среда содержит лексические единицы, имеющие характерную национальную семантику, современные источники информации о русской и белорусской культуре, интеграцию информации об истории, географии, экономике, политике, образовании, ситуативные клише.

Уровень презентации учебного материала предполагает усвоение социокультурных знаний, закладывающих основу для выработки стойких навыков использования лексики с национально-культурным компонентом, ознакомление с правилами речевого и неречевого поведения в определенных, стандартных ситуациях (например, обратиться с вопросом к преподавателю, используя принятую форму обращения, к сотрудникам библиотеки, деканата, лаборатории и т.д.).

Социально-бытовая среда относится к менее управляемому типу языковой среды, в котором участвует преподаватель русского языка. Задача преподавателя – корректировать социокультурные знания, полученные учащимися в бытовой сфере. Социально-бытовая среда студенческого социума может корректироваться введением в обучающий материал фоновой лексики, обслуживающей данную сферу обращения, имена, отчества, фамилии, прозвища, слова и имена

собственные с суффиксами субъективной оценки, невербальные средства общения, использование текстов и диалогов, включающих речевые образцы с элементами социокультурных знаний.

Социально-бытовая среда содержит лексические единицы, несущие информацию не только для учащихся-иностранцев, но и для носителей языка, это, в основном, речевые стереотипы.

В социально-бытовой сфере ситуации общения в первую очередь связаны с беседами носителей языка в неофициальной обстановке, обсуждением проблем студенческой жизни, посещением учебных занятий, занятий вне университета, занятиями спортом, знакомством с достопримечательностями города, знанием вкусов, пристрастий коммуникантов. Данный тип языковой среды характеризуется сокращенным набором языковых средств, интенсивным количеством эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики, наличием синтаксических конструкций, характеризующих разговорную речь.

Культурно-массовая, или собственно культурная языковая среда определяет воздействие на личность обучаемого иностранца лексических единиц и речевых стереотипов, содержащих информацию о культуре страны изучаемого языка и мировой культуре. Ситуации общения в данной среде связаны с диалогами с носителями языка при обсуждении проблем культуры, а также посещением театра, кино, музея, культурно-исторических комплексов и памятников городов страны. Знание фактов культуры предполагает продвижение к познанию вечных ценностей данного народа в виде созданных им произведений (живописных полотен, архитектурных памятников, музыкальных произведений), к постижению его менталитета, так как менталитет является важнейшим базовым понятием в формировании культуры и фактором культурных различий.

Культурно-массовая языковая среда оказывает определяющее влияние при формировании социокультурной компетенции. Управление воздействием языковой (речевой) среды в культурной сфере предполагает комплексную работу над актуальными для этой сферы темами, включающими аудиторные занятия и внеаудиторные культурно-массовые мероприятия (экскурсии, встречи с деятелями культуры и т.д.).

На этапе обучения важно построить учебный процесс так, чтобы культура страны изучаемого языка как бы вошла в душу учащегося, обогащая и обеспечивая ее внутреннюю мотивационную основу.

«Культура всегда национальна, как бы ее не понимать – в философском ли, обыденном или антропологическом смысле. Это не означает, что нет понятия общечеловеческой культуры, но в нем нет ничего, чего бы не было в культурах национальных» [3, с. 37].

Информационная языковая среда также играет важную роль в обучении иностранных учащихся. Принято считать, что первым этапом в овладении языковыми средствами является произвольное запоминание нового лексического или грамматического материала при восприятии и воспроизведении его в устной или письменной речи. Слушая радио, просматривая телепрограммы, впитывая наглядную информацию, читая прессу, учащиеся могут получить сведения о раз-

ных сторонах жизни общества, найти материал, соответствующий их личным интересам, в частности – в области политики, науки, экономики культуры и спорта, ознакомиться с освещением последних событий, имеющих место в международной и внутренней жизни страны, а также получить сведения и факты из истории и культуры страны. По мнению М. Кастельса, «СМИ есть выражение нашей культуры, а наша культура работает главным образом через материалы, поставляемые СМИ» [4, с. 323]. Язык СМИ актуален, так как отражает реалии окружающей жизни, постоянно пополняется новыми словами для обозначения новых предметов, реалий, понятий. Лексические единицы с элементами новизны, газетные клише, повторяющиеся рекламные клише воздействуют на сознание учащегося. Информационная языковая среда является важнейшим источником социокультурных знаний, позволяющих иностранному учащемуся ориентироваться в окружающей его действительности. СМИ (пресса, телевидение, радио, Интернет) играют значительную роль в обучении русскому языку как иностранному. Осуществление управлением данным типом языковой среды может происходить только при предшествующей предварительной подготовке преподавателя: организации видеозаписей типовых телепрограмм, наиболее популярных у иностранных учащихся и разработке заданий к ним, работе над наиболее употребляемой лексикой СМИ и обсуждением услышанного, просмотренного и прочитанного.

Стихийная языковая среда также воздействует на формирование языковой картины мира иностранного учащегося. В условиях стихийного воздействия языковой среды формирование социокультурной компетенции происходит на подсознательном уровне независимо от посещения или непосещения учащимися учебных занятий. Задача преподавателя – упорядочить воздействие стихийной языковой среды путем вовлечения в различные внеаудиторные мероприятия. Стихийная языковая среда характеризуется эклектикой составляющих ее элементов. Она может включать элементы разных типов языковой среды: лексические единицы разных стилей, речевые клише, фольклор даже сниженную лексику (жаргонизмы и вульгаризмы). Процент содержания социокультурных знаний в данной среде менее значителен, хотя рекламные тексты несут в себе культурную информацию, отражают элементы речевого и неречевого поведения представителей определенной культуры. В определенной степени они могут представлять интерес, так как язык рекламы содержит социокультурные знания, которые формируют «речевую компетенцию», и «изучение социокультурных стереотипов формирует данную компетенцию, увеличивает страноведческий потенциал, упрощает диалог культур» [5, с.22].

Традиционная языковая среда дает возможность в определенном смысле поставить вопрос об экспликации проблем семантики в контексте диалога культур, а также социальных отношений людей, т.е. позволяет обнаружить социокультурные знания. Для китайских учащихся традиционная (родная) языковая среда играет очень важную роль на начальном этапе пребывания иностранца в стране изучаемого языка, так как для «коллективистских культур» основными ценностями являются взаимовыручка, гостеприимство, поддержка.

На начальном этапе обучения социокультурные знания как элементы культуры носителей языка могут быть приобретены учащимися в родной среде и на

родном языке, но подтвердить или опровергнуть их достоверность они смогут позже, овладевая языком. В период адаптации иностранных учащихся еще сохраняется их привязанность к родному языку и культуре, к своему этносу. Аккультурация учащихся данного типа связывается с изменениями в психологии, происходящими под воздействием новой языковой среды.

В процессе обучения РКИ работа под руководством преподавателя при использовании упражнений проводится путем последовательного сопоставления родной для учащегося и иноязычной (белорусской) культуры с целью выявления сходства и различия между ними. Изучение русского языка прежде всего должно означать осознание редких черт когнитивной системы изучаемого языка, понимание иной картины мира и особенностей национальной культуры, которая исторически сложилась на территории Беларуси. Осознать и понять национальные черты народа можно только в реальном процессе практического использования русского языка, что в полной мере реализуется в стране изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев, А.Д.* Слово в российском телеэфире / А.Д.Васильев. – М., 2003.
2. *Журавлева, Н.А.* Языковая среда как обучающий фактор и резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку. Автореф. дис. канд. пед. наук / Н.А. Журавлева. – М., 1981.
3. *Караулов, Ю.Н.* Язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М., 2003.
4. *Кастельс, М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
5. *Фаст, Л.* Национально-культурная специфика языка маркетинга, рекламное поведение в лингвистическом аспекте / Л.Фаст // Русский язык за рубежом, № 3. – М., 2003.

Галыня И.В.
(Минск, Беларусь)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРОСОДИИ КИТАЙСКОЙ РЕЧИ НА ОСНОВЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

В статье раскрывается суть функционального подхода к обучению просодии китайской речи с учётом её специфики и структуры просодического навыка. Автором обоснованы методические принципы, лежащие в основе обучения просодии китайской речи, акцентируется взаимосвязь функций просодических средств и операций просодического навыка, являющихся важными компонентами содержания обучения просодии.

Ключевые слова: *просодия китайской речи, обучение просодии, просодические средства, просодический навык, функция, функциональный подход, принцип.*

The article reveals the essence of the functional approach to teaching Chinese prosody in correlation with its specificity and the structure of the prosodic habit. The author grounds the core methodic principles of teaching Chinese prosody and emphasizes the connection between the functions of prosody and operations of the prosodic habit, which are important components of the contents of teaching prosody.

Key words: Chinese prosody, teaching prosody, prosodic means, prosodic habit, function, functional approach, principle.

Методике обучения просодии иноязычной речи посвящено относительно небольшое количество научных работ, однако, очевиден возрастающий интерес современных исследователей к данной проблеме. Об этом свидетельствуют исследования российских авторов, посвященные формированию интонационного навыка (В.С. Нефедьева, О.В. Соклакова), развитию интонационного умения (А.С. Дмитриевский), обучению произносительным особенностям вариантов английского языка на основе просодических характеристик (Н.А. Кретинина), а также когнитивному аспекту просодической интерференции (Л.Г. Фомиченко). Однако до сих пор остаётся не до конца решенным вопрос о содержании обучения просодии и его организации и о методических положениях реализации данного содержания в обучении.

Обучение просодии китайской речи приобретает особую актуальность в связи с её первостепенным значением в овладении китайской речью студентами, чей родной язык обладает значительными типологическими отличиями. Основные трудности, как показывает практика обучения, связаны с наличием в китайском языке системы слоговых тонов, выполняющих в речи, прежде всего, смысловоразличительную функцию. Слоговым тоном оказывает влияние на специфику других просодических средств, что обуславливает необходимость параллельного овладения звуками и просодическими средствами – слоговым тоном, тоновыми сандхи и речевой мелодией, ударением и темпом, ритмом и паузацией, а также тембром для формирования и совершенствования просодического навыка, который, соответственно, включает операцию слогового и межслогового интонирования, операцию фразового интонирования, операцию фразовой акцентуации, операцию темпорального оформления высказывания, операцию ритмической организации высказывания, операцию паузации и операцию тембрального варьирования голоса. Просодический навык составляет основу психологического компонента содержания обучения просодии китайской речи.

Методические закономерности становления просодического навыка имеют непосредственное отношение к лингвистическим особенностям китайской просодии и специфике функционирования просодических средств в китайской речи. Наиболее важной для определения просодии является её полифункциональность [1, с. 125]. Российскими лингвистами термин «функция» употребляется, когда речь идёт о значении, подобно его использованию в математике [2, с. 60]. Полифункциональность просодии заключается в способности просодических средств выражать ряд значений. Функции просодии могут рассматриваться в качестве наиболее важной составляющей лингвистического компонента содержания обучения просодии. Каждая из операций просодического навыка в большей или

меньшей степени отвечает за выполнение просодическим средством конкретных просодических функций – лингвистических (смыслоразличительная, акцентологическая и функция ритмического членения речи), паралингвистических (эмотивная, модальная, идентифицирующая) и экстралингвистических (стилистическая, прагматическая, эстетическая). Единство формы просодических средств и функций просодии, достигаемое за счет построения иерархии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических функций и реализующих их просодических средств лежит в основе функционального подхода к обучению просодии китайской речи.

В процессе речепроизводства просодические средства взаимодействуют различным образом для реализации общих для них функций. Это позволяет предположить важность поочередного овладения группами операций просодического навыка в соотнесенности с выполняемыми ими функциями, начиная с наиболее важных, базисных функций – лингвистических. Среди них на первое место по значимости выходит смыслоразличительная функция, реализуемая, прежде всего, слоговым тоном и речевой мелодией, при этом отмечается тесное взаимодействие данных просодических средств в китайской речи. С одной стороны, слоговые тоны согласуются между собой, создавая сложный мелодический рисунок фразы, который искажается в случае произнесения одного из слогов с неверным тоном [3, с. 153]. С другой стороны, направленность речевой мелодии на дифференциацию коммуникативных типов, а также выражение эмоций и модальных значений высказывания требует определенной степени гибкости цепочки слоговых тонов, которые «лавируют» и изменяются на уровне фразы для создания нужного интонационного контура и более конкретной интонационной структуры. В целом возможно выделение семи блоков операций. Тонально-мелодический, акцентно-темпоральный и ритмико-паузационный операциональные блоки направлены на усвоение смыслоразличительной, акцентологической и ритмической функций просодии, мелодико-тембральный и мелодико-темпоральный блоки необходимы для овладения эмотивной и модальной функциями соответственно, мелодико-темпорально-ритмический и акцентно-паузационно-мелодический – для реализации стилистической и прагматической функций. Синтез операций просодического навыка, осуществляемый в последовательности их описания, составляет суть одного из наиболее важных методических положений обучения просодии китайской речи – принципа функционально-операциональной интеграции, в котором ведущей является функция языковых средств.

Функциональность просодических средств проявляется в фонологических противопоставлениях, которые наиболее выражены в системе слоговых тонов, интонационных контуров и моделей и частично в двусложных акцентных моделях. В процессе обучения просодии имеет смысл противопоставление различных вариантов ритмического членения, расстановки пауз и ударения для демонстрации изменения смысла высказывания и фонологической роли данных просодических средств. Различия в оформлении одного и того же высказывания по темпу, тембру и тональности также могут служить наглядным примером действия паралингвистических и экстралингвистических функций при выражении оттенков

смысла и стиля. Таким образом, для функционального подхода к обучению просодии значимость имеет принцип использования фонологических оппозиций, основанный на наличии в просодической системе китайского языка функционально значимых фонологических противопоставлений.

Для китайского языка в высокой степени характерно двустороннее взаимодействие просодии с грамматикой. Согласно распространенной среди китайских лингвистов идее о просодической грамматике, количественно-качественный состав лексических единиц и синтаксических структур во многом определяется закономерностями ритмообразования [4]. Так, биномиальность ритма китайской речи объясняет преобладание в современном китайском языке двусложной формы слова и двусложных просодических слов, частое употребление четырехсложных лексических и синтаксических образований, а также параллельных конструкций с использованием одинакового количества слогов в левой и правой частях высказывания. Примерами могут служить идиомы чэньюй, антонимические обороты с отрицательной частицей типа «破旧不新» (pòjiùbùxīn – старый, не новый) или «犹豫不决» (yóuyù bùjué – сомневаться, не решаться) и другие.

Актуальное членение высказывания определяет порядок и характер сандхи тонов внутри и на стыке просодических единиц. Полное изменение третьего тона наблюдается внутри двусложного просодического слова, в то время как частичное изменение третьего тона имеет место на границе лексико-грамматического членения [5, с. 8]. Данная закономерность хорошо иллюстрируется изменением тонов в словосочетаниях, в которых несколько слогов оформлены третьим тоном, например, 小雨伞 xiǎo yǔsǎn (маленький + зонт) и 小雨里 xiǎo yǔlǐ (дождичек + под). С точки зрения просодии, оба они являются просодическими словами. В первом случае начальный слог представляет собой отдельную лексическую единицу и служит определением к слову зонт, состоящему из двух слогов, поэтому произносится с полутретьим тоном, во втором слоге третий тон меняется на второй, а третий слог произносится с третьим тоном. Во втором примере первые два слога образуют одну лексическую единицу, поэтому первый слог произносится со вторым тоном, а второй с полутретьим перед слогом с нулевым тоном.

Паузация также имеет характерные особенности, связанные с использованием союзов и специфических для китайского языка синтаксических конструкций. В китайском языке паузы, как правило, сопутствуют выражению тема-рематических отношений внутри высказывания, довольно частыми являются паузы после некоторых союзов, отделяется от определяемого слова служебным словом 的 de и паузой распространенное определение, которое в китайском языке находится перед определяемым словом. Подобно другим языкам, в китайском языке тип логико-смысловой связи, обозначенный синтаксической структурой высказывания, отражается в его интонационном оформлении. Ввиду специфики морфологии и синтаксиса китайского языка и их тесной связи с выполнением просодией лингвистических функций необходимым представляется использование в функциональном подходе к обучению просодии принципа опоры на морфолого-синтаксические особенности китайского языка.

Важными особенностями организации просодической системы китайской речи являются иерархическая организация просодических средств и их контекстуальность. Просодические средства начинают функционировать на уровне определенной просодической единицы: тон в слоге, ударение в двусложном просодическом слове, ритм в ритмогруппе и синтагме, интонация в интонационной группе, паузация во фразе из нескольких ритмогрупп или синтагм и т.д., при этом просодические единицы более высокого порядка выступают в качестве контекста для просодических единиц более низкого уровня организации [6, с. 260]. Какой бы уровень сложности организации речи не представляла просодическая единица, она должна выступать в обучении в качестве фразы, завершенной с точки зрения супрасегментной организации, введение и усвоение нового языкового материала происходит по мере увеличения её длины.

Овладение слоговым тоном и интонацией повествования и вопроса начинается на уровне односложной фразы, в двусложной фразе отрабатываются основные тоновые сандхи и двусложная акцентная модель, интонация восклицания и побуждения, на материале трехсложной односинтагменной фразы продолжается изучение акцентных моделей, тоновых сандхи, речевой мелодии, основ ритма. Четырехсложная фраза служит контекстом ритмического членения речи, в том числе с использованием паузы. Постепенно увеличивается количество синтагм во фразе, изучается темп и паузация, происходит переход от простого к сложному союзному и бессоюзному предложениям. В рамках сверхфразового единства осуществляется овладение комбинированием интонационных контуров для придания речи экспрессивности [7]. Помимо лингвистического контекста существенным с точки зрения функции является экстралингвистический контекст реализации просодического средства, который полностью раскрывается в ситуативно обусловленном тексте. Таким образом, при использовании в обучении просодии функционального подхода актуальным становится выделение принципа концентрической организации языкового и речевого материала для акцентирования функций просодических средств и создания достаточного контекста для их реализации и взаимодействия.

Функциональный подход в обучении просодии китайской речи, учитывающий суть просодии как полифункционального явления, структуру просодической системы и просодического навыка и характер взаимодействия просодических средств, направлен на объединение формы и функции последних. Единство формы и функции достигается посредством разработанных с этой целью принципов обучения – принципа функционально-операциональной интеграции, принципа использования фонологических оппозиций, принципа опоры на морфолого-синтаксические особенности китайского языка и принципа функционально-концентрической организации языкового и речевого материала. Их применение в методике обучения студентов просодии китайской речи призвано способствовать более эффективному формированию и совершенствованию просодического навыка, отличающегося целостностью и единовременной реализацией в речи всех просодических функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перепечкина, С. Е.* Обучение иноязычной интонации: фонологический подход / С. Е. Перепечкина, Е. Е. Сухарева // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 154. – С.123–127.
2. *Попова, Л. В.* Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики») [электронный ресурс]: монография / Л. В. Попова. – 2-е изд., стереотип, М.: ФЛИНТА, 2011. – 198 с.
3. 曾毓美 对外汉语语音 / 曾毓美主编. – 长沙: 湖南释放大学出版社, 2008.1. – 221 页.
4. 冯胜利 韵律语法理论与汉语研究 / 冯胜利 // 语言科学. – 2007. – 第 6 卷第 2 期. – 48–59 页.
5. 吴宗济 中国音韵学和语音学在汉语言语合成的应用 / 吴宗济 // 语言教学与研究. – 2002. – 第一期. – 1–14 页.
6. *Lavin, Richard S.* Issues in Chinese Prosody: Conceptual Foundations of a linguistically motivated text-to-speech system for Mandarin / Richard S. Lavin // Language, Information and Computation: Proceedings of The 16th Pacific Asia Conference, School of Information Science. – Jeju (Korea), 2002. – P. 259-270.
7. 吴洁敏 汉语普通话朗读的韵律规范 / 吴洁敏 // 南京师范大学文学院学报. – 2011. – 第三期. – 23–32 页.

Головня А.И., Ян Сяоянь
(Минск, Беларусь)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕМА КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В СФЕРЕ РОДСТВА В ПАРЕМИЯХ КИТАЙСКОГО НАРОДА

В статье представлены взгляды китайского народа в паремиологической наивной картине мира на концепт «женщина». Определена роль концепта «женщина» в традиционной китайской семье, рассмотрено отношение к жене, дочери, невестке, свекрови, теще, сестре, зафиксированное в китайских паремиях.

Ключевые слова: *концепт, женщина, жена, тёща, свекровь, невестка, сестра, родство, семья, мать*

Annotation: This article is described the traditional views of Chinese people in the context of idioms on the concept «woman». The concept «woman» in the Chinese proverbs is represented by words such as wife, daughter, daughter-in-law, mother, sister.

Key words: *concept, woman, wife, mother in law, sister in law, sister, relatives, family, mother*

Понятие родства в Китае представлено в толковом словаре «Эръя». Он был составлен в начале ханьской эпохи. В четвертой главе этого словаря описывается

сфера китайского родства. Большой вклад в изучение сферы родства китайского языка, истории семьи и брака внес Го Можо. Он всесторонне рассмотрел проблемы семейно-брачных отношений в Китае.

В данной работе мы исследовали 260 пословиц и поговорок китайского языка. Среди них мы выделили те, в которых встречаются наименования концепта *женщина* в сфере родства, а именно *жена, мать, невестка, теща, свекровь, сестра, бабушка*.

В рассмотрении пословиц с концептом *женщина* важно и рассмотрение специфических слов, например, в пословице *姑娘是个菜籽命, 撤到哪得哪得生* – Судьба девушки как семя, где вывел, там должно вырасти имеется слово *哪得* (где-нибудь), которое используется только на юге Китая. В пословице *长兄如父, 老嫂比母* – Старший брат – как отец; старшая невестка – как мать есть прилагательное *老*. Его прямое значение – *старый*, а здесь оно используется в значении *старший*.

В китайских пословицах и поговорках с семами родства, в которых описывается концепт *женщина*, широко используются переносные значения слов. Например, *娘勤女不懒, 爹懒子好闲* – Трудолюбивая мать – и дочь такая, ленивый отец – и сын такой же) имеется слово *女* – основное значение этого слова – *девушка*, однако в этой пословице оно используется как сема *дочь*.

В некоторых случаях китайские пословицы и поговорки с семами родства могут представлять собой простое или сложное предложение с различными типами сказуемого, при этом сочинение преобладает над подчинением, бессоюзная связь – над союзной, часто опускаются предлоги и послелогии: *兄弟虽和勤算数* – Несмотря на то, что братья живут в мире, все равно нужно трудолюбие; *千朵桃花一树生* – Дети одной матери (букв. Тысячи цветков персика рождены одним деревом).

В некоторых случаях китайские пословицы и поговорки с семами родства делятся на две синтагмы, разделенные запятой. Эти синтагмы могут представлять собой две равновеликие части, основанные на количественном, лексико-семантическом и грамматическом параллелизме. Такие пословицы и поговорки выделяются в особую группу – «яньюй (谚语) параллельной конструкции». Например, *男人无妻家无主, 女人无夫家无梁* – Муж без жены – дом без хозяйки, жена без мужа – дом без опоры; *只愁母老, 不愁孩小* – Не нужно переживать о том, что сын слишком мал; а о том нужно переживать, что мать стара.

Родительские отношения в китайских пословицах и поговорках с семами родства непараллельной конструкции могут быть представлены самыми разными структурными моделями. Например: *养儿方知父母恩* – Хочешь знать, что должен родителям, займись своими детьми и внуками; *恩爱夫妻不到头* – Влюбленные супруги не доходят до конца.

Большинство китайских пословиц и поговорок с семами родства двуплановы – они одновременно могут иметь и буквальное, и переносное значение. Например: пословица *一张床上说不出两样话* переводится как *В одной постели*

не говорят по-разному, а её переносное значение может быть передано на русский язык как *Муж и жена – одна сатана* или *Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится*.

Концепт *женщина* в китайских пословицах и поговорках с семами родства описывается с разных сторон, в первую очередь, в связи с разнообразием лексического состава паремий. Часто в китайских пословицах используется метафора.

Женщина и невеста описывается в пословицах следующим образом: *好女不吃两家饭* – *Порядочная женщина не может есть рис в двух домах* и пословица *一女不吃两家茶* – *Одна невеста не пьет чай в двух домах* – варианты одной пословицы, смысл которой *Одна невеста дважды замуж не выходит*.

В китайских пословицах и поговорках с семами родства, структурно представляющих собой параллельные построения - яньюй 谚语 параллельной конструкции - может наблюдаться как частичный, так и полный параллелизм.

В двучленных китайских пословицах возможны различные преобразования. Чаще всего в пословицах параллельной конструкции, состоящих из двух равновеликих частей, построенных на количественном, грамматическом и лексико-семантическом параллелизме встречается такой способ варьирования, как перестановка частей пословицы, например: *子不嫌母丑, 狗不嫌家贫* – *狗不嫌家贫, 子不嫌母丑* – *Дети не брезгуют, что мать некрасива, собака не брезгует, что семья бедна*.

Идентичность синтаксической структуры и лексические соответствия частей пословицы делают возможным ее усечение. Одночленные китайские пословицы и поговорки в связи с частым использованием метафоры и сравнения редки. Они представлены в форме усеченного варианта двучленных пословиц, представляя собой индивидуальное авторское преобразование говорящим фразеологической единицы.

Положительно коннотированную женскую безграмотность зафиксировала китайская пословица – *女子无才便是德* – *Безграмотность – женская добродетель*. В китайской наивной картине мира, как и в русской, для женщины не характерен ум. Это свидетельствует о месте женщины в традиционном китайском обществе, которое подчиняется патриархальным законам, что фиксируется в пословичной картине мира.

На протяжении веков в патриархальном китайском обществе классическая китайская семья чаще строилась на основе своеобразной субординации. В большинстве все конфликты между членами семьи разрешались по принципу главенства старшего над младшим, родителей над детьми, мужа над женой. Единство достигалось не путем компромиссов, а только путем односторонней жертвы младших.

Важность роли родителей в семье подчеркивается, например, в пословице *天下无不对之父母* – *В Поднебесной нет неправых родителей*. В традиционном китайском обществе считается, что мнение родителей всегда верно, и дети, независимо от возраста, должны слушаться старших.

Огромное количество пословиц и поговорок структурно строится на противопоставлениях. Чаще всего противопоставляются в пословицах и поговорках

семьи муж и жена. В рубрике муж – жена пословицы и поговорки фиксируют взаимозависимые отношения между мужем и женой.

Китайское общество сделало отношения между мужем и женой неоднозначными, но благодаря пословицам и поговоркам мы обнаруживаем, что муж и жена зависят друг от друга: *夫妻恩爱到白头，日子清贫也风流* – Если супруги любят друг друга до седины, даже бедная и убогая жизнь будет счастливой; *夫妻同苦共甘，棒打鸳鸯不散* – Если супруги вместе пережили трудности, их не разлучат даже под палками; *鲜花虽美怕寒霜，夫妻恩爱寿无疆* – Свежие цветы хоть красивы, но боятся мороза и инея, а если супруги любят друг друга, то нет предела жизни.

С древности считалось, что женитьба являлась предначертанной свыше. Старинная поговорка отражает эту предопределенность: *百年修的同船渡，千年修的共枕眠* – Необходимо сто лет перерождений, чтобы два человека вошли в одну лодку; тысяча лет, чтобы они разделили одну постель.

Китайские древние летописи говорят, что брак являлся сочетанием морали и обязательств, включая привязанность и любовь. Брак – это соглашение между мужем и женой, в основе которого доверие друг к другу на всю жизнь: *少年夫妻甜如蜜，老年夫妻恩如漆* – У молодых супругов любовь сладка как мёд, у старых неразделима как краска).

В старинных летописях упоминается, что брак являет собой кульминацию доброты в союзе двух полов, в отношениях между мужем и женой особо подчеркивалось слово «уважение».

Ли Юн, известный последователь конфуцианства, живший во времена династии Цин, сказал: «Муж и жена, уважайте друг друга, как если бы другой был вашим гостем (相敬如宾). Таким образом, вы будете находиться в гармонии с Дао (путь, закон). Когда двое следуют Дао, общие отношения между отцом и сыном, братьями и сестрами, правителем и подданными также будут соответствовать Дао» [6]. Это значит, что уважение способно объединить и укрепить семью, а с крепкими семьями все общество будет мирным и гармоничным. Отсюда пословица *夫妻相敬如宾，越活越显年轻* – Если супруги уважают друг друга, то чем дольше живут, тем кажутся моложе.

Жена в обществе становилась не столько спутницей мужа, сколько членом большой семьи: *男人无妻家无主，女人无夫家无梁* – Муж без жены – дом без хозяйки, жена без мужа – дом без опоры. Жена занимает важнейшее место в семье: *无妻不成家，无梁不成屋* – Без жены нет семьи, без опоры нет дома; *秧好一半谷，妻好终生福* – Хорошая рассада – половина долины, хорошая жена – счастье на всю жизнь. Но статус жены не может быть выше, чем статус мужа: *男地女强，幸福不长* – Слабый муж, сильная жена – счастье недолговечно.

Жена, прежде всего, считается принадлежащей родителям мужа, а не ему самому, именно им она предназначает исполнение своих первейших обязанностей: *孝顺公婆自有福，勤种庄稼自有谷* – Уважай свекра и свекровь – будет счастье, сей поле с трудолюбием – будет урожай. Хорошая невестка и хороший

зять важны для обеих семей родителей супругов: 儿孝不如媳妇孝, 女孝不如女婿孝 – *Лучше уважение невестки, чем сына; лучше уважение зятя, чем дочери.*

Консервативность взглядов в китайской наивной картине мира проявляется и в том, что если жена нравится сыну, но не нравится его родителям, то он должен расстаться с ней. И наоборот, если жена не нравится сыну, а его родители говорят, что она хорошо им служит, то он не смеет расставаться с ней. Сама же женщина не могла выходить замуж во второй раз, это осуждалось: 烈女不更二夫 – *Добродетельная жена не выходит замуж во второй раз; 贞女不待二夫 – Целомудренная жена не служит второму мужу.*

Следует заметить, что по-китайски слово «жениться» буквально означает «брать в дом жену», а «выходить замуж» - «покидать семью». Этими словами выражался точный смысл свадебного обряда. Жених приводил невесту к своим родителям, а невеста покидала родную семью. После свадьбы молодая жена становилась членом семьи мужа. Сын мог быть недоволен избранной для него родителями женой; жена, в свою очередь, могла быть недовольна мужем – не это считалось главным в брачном союзе.

В китайском обществе главное для жены – долг и благодарность, воздаяние перед супругом и приемными родителями. Следует заметить, что важнейшими и лучшими качествами женщин считались робость, сдержанность, умение приспособиться к характеру мужа. Насильственное соединение молодых людей породило поговорку: 夫妻同床睡, 心隔千里远 – *Муж и жена вместе живут, а сердца их за тысячу ли друг от друга.*

Главной обязанностью молодой женщины является услужение родителям мужа: 孝顺公婆自有福, 勤种庄稼自有谷 – *Уважай свекра и свекровь – будет счастье, сей поле с трудолюбием – будет урожай.*

В китайских семьях три или четыре поколения по прямой нисходящей линии жили большей частью вместе, одним домом. Родственники же со стороны жен и матерей принадлежали к другим семьям и жили отдельно. Родня со стороны матери даже именуется отлично от родни от стороны отца.

В китайских пословицах и поговорках, теща практически всегда довольна зятем: 吃儿子骂进骂出, 吃女婿谢进谢出 – *Ест еду сына – недовольна, ест еду зятя – рассыпается в благодарностях; 女婿顶半子 – Зять – половина сына; 墙门朝稻田, 岳母寻女婿 – Дома не хватает рук – теща ищет зятя; 岳母一声呕, 蛋壳一畚斗 – Теща, услышав от зятя «мать», от радости разбила корзину яиц.*

Свекровь, напротив, находится с невесткой в недружелюбных отношениях: 河埠头讲婆母, 念佛堂讲媳妇 – *Невестки стирают – жалуется на свекровей, свекровь молится – жалуется Будде на невесток; 没媳妇东托西托, 有媳妇东哭西哭 – Нет невестки – ищут направо и налево, есть невестка – жалуется направо и налево. При этом, 好媳妇不怕恶公婆 – Хорошая невестка не боится злых свекра и свекрови, потому что 十年媳妇熬成婆 – Невестка через девять*

лет – еще одна свекровь. Невестка в пословичной картине мира, выступает в разном облике – она может быть *хорошая* и *злая*, но от нее всегда требуется почтительность, которая относится к семантическому полю *добро, правильное*.

Как и в русских паремиях, в китайских пословицах свекровь находится в более напряженных отношениях с невесткой, чем зять с тещей, и, как и в русской культуре, в китайской семейной культуре это может быть связано с тем, что невестка живет в доме свекрови, а зять ездит к теще в гости, поэтому *岳母看女婿, 越看越欢喜* – Теща глядит на зятя – не наглядится, а *十对婆媳九不和* – В девяти парах из десяти свекровь и невестка имеют плохие отношения.

Следует заметить, что сердце мужа могло обливаться кровью при виде издевательств над его женой, но он не имел права выразить недовольство поступками матери. Если же осмеливался это сделать, то причинял еще больше страданий жене и жизнь ее становилась совсем невыносимой. Заступничество мужа вызывало негодование его родителей, и даже соседи осуждали его за непочтительность к старшим. Невестка должна была избегать личного общения с главой семьи и его сыновьями и постоянно находиться «под рукой» свекрови, которая обычно не отличалась тихим нравом. Жестокое обращение свекрови с невесткой – одна из мрачных сторон в жизни традиционной китайской семьи.

Конфуцианский культ предков и нормы «Сяо» (孝 или 肖) способствовали расцвету культа семьи и клана. Семья считалась сердцевинной обществу, интересам семьи придавалось гораздо больше значения, чем отдельной личности, которая рассматривалась лишь в аспекте семьи, сквозь призму ее вечных ценностей (от отдаленных предков к отдаленным потомкам). Перед каждым китайцем стоял долг соблюдения интересов семьи, т.е. рождение детей, прежде всего сыновей, призванных продолжить род, упрочить позиции семьи в веках. Отсюда постоянная тенденция к росту семьи: *不肖有三, 无后为大* – Есть три способа выражения отсутствия уважения, отсутствие наследника (сына) – наибольший из них.

Следует заметить, что женить сына и увидеть внучат было самым сокровенным желанием главы семьи: только в этом случае он приобретал уверенность в том, что, перейдя в мир иной, будет сыт и обеспечен всем необходимым. Если род прекращался, то об усопших некому было заботиться и их «посмертное существование» оказывалось очень трудным.

Мужское превосходство видно и в желании иметь сына и это считалось целью брака и большим счастьем для семьи. Это нашло отражение и в поговорках: *养儿防老, 存谷预饥* Вырастившь сына – обеспечишь старость, соберешь зерно – предотвратишь голод; *儿子自己的好* – Лучшие сыновья в мире – свои собственные; *人养子女防老年, 树留根芽待来春* – Человек растит детей, чтобы обеспечить старость, дерево пускает побеги, чтобы пришла весна.

В результате большие семьи, включавшие в себя несколько жен и наложниц главу семьи, немалое число женатых сыновей, множество внуков и иных родственников и домочадцев, были весьма распространены. Такие семьи обычно делились лишь после смерти отца, а то и обоих родителей: *儿大分家, 树大分叉* – Выросшие сыновья делят имущество, выросшее дерево делится на ветки. Старший сын занимал место главы семьи и получал большую долю наследства,

остальная часть общего имущества делилась поровну между сыновьями. Следует заметить, что воспитанием и обучением дочерей в основном занимались жены.

Но и отцы не должны были полностью оставаться в стороне. Именно на их плечах лежала ответственность по воспитанию в дочерях так называемых «трех правил подчинения» (三从): дома повиноваться отцу; в замужестве повиноваться мужу; во вдовстве повиноваться сыну (未嫁从父, 既嫁从夫, 夫死从子).

Мужчина – глава семейства отвечал и за воспитание у дочери «четырех добродетелей» (四德), состоящих в соблюдении супружеской верности, честности, скромности и усердия (德, 容, 言, 工). Дочки в китайских семьях с самого их рождения считались *отрезанным ломтем*, так как после выхода замуж они навсегда уходили в семью мужа. Возврат в свою семью был возможен только в случае смерти мужа. Решение о замужестве дочери родители могли принять в любое время, даже еще до рождения дочери. Мнение и желание будущей невесты никогда не учитывалось, что и зафиксировано в пословице: *嫁鸡随鸡, 嫁狗随狗* – Если я выйду замуж за птицу, я должна буду летать за ней; если я выйду замуж за собаку, должна буду следовать за ней всюду, куда она побежит.

Женское воспитание девушки – дочери менялось, когда она выходила замуж. Она фактически теряла все свои корни и попадала в новую семью, где, по известным причинам, отношение к ней было по меньшей мере подозрительное. *嫁出去的女儿, 泼出去的水* – Выданная замуж дочь, то же, что вылитая вода, т.е. совершенно бесполезный для семейства человек.

Воспитание мужчин происходило следующим образом: мальчику суждено было до конца дней пребывать в неразрывной связи со своими предками. Родители рассчитывали получить поддержку в старости, что было особенно важно для бедных семей, где каждый работник вносил свой вклад в благосостояние семьи, а женщина рассматривалась как нечто крайне несовершенное и несамостоятельное. С самого рождения и до смерти, она была под властью: отца, мужа, сына: *老儿不发根, 婆儿没布裙* – Муж не работает, жена страдает.

В китайских пословицах и поговорках с концептом *жена* замужество и эмоциональная привязанность не являются идентичными, брак имел преимущественно экономический характер и мало соотносился со сферой человеческих эмоций и привязанностей: *娶妻娶妻, 烧饭洗衣; 嫁汉嫁汉, 穿衣吃饭* – Женятся ради готовки и стирки, замуж выходят ради одежды и еды.

Несмотря на подчиненное положение жены, женские способности оценивались очень высоко и для китайской культуры характерно наличие высказываний, высоко оценивающих мудрость жены: *妻贤夫祸少, 子孝父心宽* – Если жена добрая и умелая, то у мужа мало бед, а если сын уважает отца, то сердце отца становится мягким; *聪明的妻子管家比丈夫管家要好* – Способная жена лучше руководит домом, чем муж; *女人喜欢吹耳边风* – Женщина что ветер возле подушки: мужу невольно придется ее послушать.

В паремиях зафиксировано, что супружество может быть неудачным: *有柴有米是夫妻, 无柴无米各东西* – Есть дрова и рис – супруги, а если нет – расходятся по сторонам; *夫妻本是同林鸟, 大难来时各自飞* – Супруги, как птицы из

одного леса – при большой беде разлетаются в стороны. Однако чаще всего супружество оценивается положительно, особенно в старости: *少年夫妻老来伴 – В молодости – супруги, в старости – спутники; 少年夫妻甜如蜜, 老年夫妻恩如漆 – У молодых супругов любовь сладка как мёд, у старых неразделима как краска (переносное значение не разлей вода).*

Концепт *мать* в китайских пословицах и поговорках оценивается высоко, ведь она всегда заботится о сыне: *儿行千里母担忧 – Сын уезжает за тысячу метров, мать беспокоится; 娘想儿, 长江水; 儿想娘, 扁担长 – Думы матери о сыне длиннее реки, думы сына о матери с коромысло длиной; 娘疼儿, 路样长; 儿疼娘, 线样长 – Забота матери о сыне длиннее дорог, забота сына о матери с нить длиной.*

О достоинствах или недостатках будущей жены можно судить по ее матери: *母要癫狂, 女必轻贱 – Если мать сумасшедшая, дочь будет худородная; 娘勤女不懒 – Если мать трудолюбивая, дочь не будет ленивой; 娘好女好, 苗好米好 – Какова мать, такова и девушка; из лучшей рассады растет вкусный рис.*

Сема *дочь* чаще всего употребляется в китайских пословицах только в связи с семьей *мать* в контексте выбора мужчиной невесты. Иметь дочь считается не престижным, потому что *嫁出去的女儿, 泼出去的水 – Выданная замуж дочь, то же, что вылитая вода*, однако *儿是根, 女是叶, 堂前有女不为绝 – Сын как корень, дочь как лист, но если в семье есть дочь, то всегда будут следующие поколения; 姑娘是个菜籽命, 撤到哪得哪得生 – Судьба девушки как семя, где посеял, там должно вырасти.* Китайцы предпочитали «рабыню из большой семьи, а не красивую девочку из маленькой семьи» – считалось, что женщины много работают в большой семье, поэтому окружающая среда влияет на их поведение, т.е. они имеют богатые социальные навыки.

Интересно отметить, что лексема *сестра* в китайских пословицах встречается редко и коннотирована отрицательно: *兄弟顶凶, 姐妹最尖 – Братья злопамятны, сестры коварны; 兄弟兄弟, 各人自理; 姐妹姐妹, 各人自去 – Братья – каждый сам по себе, сестры – разбредаются по сторонам.*

Гораздо чаще встречается лексема *невестка*, роль которой в китайской семье значительнее, ведь дочь уходит из семьи, а невестка, наоборот, живет в доме постоянно: *长兄如父, 老嫂比母 – Старший брат как отец, старшая невестка как мать; 兄弟同心金不换, 妯娌齐心家不散 – Если у братьев сердца едины, не надо и золота, если у невесток сердца едины, семья не распадется.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулик ван Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае / Пер.с англ. Кабанова А.М. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 185 с.
2. Китайские народные пословицы и поговорки / Пер. А.Тишкова. – М.: Просвещение, 1958. – 48 с.
3. Коростовец, И. Китайцы и их цивилизация / И. Коростовец. – Смоленск: Русич, 2003. – 311 с.

4. *Малявин, В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени / В.В. Малявин. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 355 с.
5. Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок». В 2-х томах. – Чжэнджоу, 2001.
6. *Сидихменов, В.Я.* Китай: страницы прошлого / 3-е изд. испр. и доп. / В.Я. Сидихменов – М.: «Наука», 1987. – 376 с.
7. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток – Запад: Женские Инновационные проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.
8. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
9. *Усов, В.Н.* Жены и наложницы Поднебесной / В.Н. Усов. – М.: Наталис: РИПОЛ классик, 2006. – 479 с.

Жуковец В.В
(Минск, Беларусь)

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В БЕЛОРУССКОЙ КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

На основе системного анализа рецепции и переводов китайской литературы, а также выявленных литературоведческих статей была обоснована периодизация белорусско-китайских литературных связей, соответствующая четырём культурно-историческим этапам развития: I этап: 1910–1959 гг.; II этап: 1960 – начало 1985 гг.; III этап: 1985–1990 гг.; IV этап: с 1991года – по настоящее время. Значительное внимание было уделено восприятию в эстетическом пространстве Беларуси творческого наследия китайских писателей, неоспоримому вкладу белорусских литературоведов (В. Рудман, Г. Кашуба, А. Карлюкевич, Д. Фактарович) в области изучения китайской литературы в разные исторические периоды.

Ключевые слова: *Китайская литература, классическая китайская литература, современная китайская литература, проза, поэзия, культурные связи, литературные связи, рецепция, переводы, этапы развития, литературоведение*

The thesis is based on the system analysis of Chinese literature translations, literary articles were taken as a basis for working out periodization, which corresponds to the four cultural and historical stages of the development, occurring in the Belarusian cultural space: stage I: 1910–1959; stage II: 1960 – beginning of 1985; stage III: 1985–1990; stage IV: 1991 – till present. Considerable attention was paid to the individuality of Chinese writers' creative thought, indisputable contribution of Belarusian literary critics (B. Rudman, G. Kashuba, A. Karlyukevich, D. Faktarovich) in the study of Chinese literature in different periods of historical stages.

Key-words: Chinese Literature, Classical Chinese Literature, Modern Chinese Literature, Poetry, Prose, Cultural contacts, Literary contacts, reception, translations, stages of development, history and criticism of literature.

Диалог культур между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой на современном этапе приобретает интенсивный характер, который способствует закреплению международных связей между двумя государствами не только на торгово-экономическом, но и на социально-культурном уровне. Именно в сфере социально-культурных взаимоотношений одним из ярчайших проводников выступают литературные связи. На протяжении долгой истории человечества литература впитывала в себя содержание о традициях, ценностях и мировоззрениях народов, возведенная в ранг общечеловеческих понятий, она формирует духовность каждого отдельного индивида. Литература каждого народа помимо эстетической функции при постижении прекрасного помогала читателю находить ответы на волнующие вопросы, воспитывать в себе идеалы современности и бороться с ее недугами.

Таким образом, в результате проведенного анализа эмпирической базы, рецепции произведений литературы Китая, литературоведческой и переводной динамики по трём позициям – поэзия, проза, драматургия – были выделены следующие *четыре этапа* развития белорусско-китайских литературных связей: I этап, или «зарождение» культурных отношений (1910–1959 гг.); II этап, или «изоляция» (1960 – начало 1985); III этап, или «возрождение» (1985–1990); IV этап, или «укрепление» белорусско-китайских отношений (1991 – по настоящее время). В данной статье более подробно будет рассмотрено место китайской литературы в белорусской критике и литературоведении:

I этап, или «зарождение» культурных отношений (1910–1959 гг.). Критические статьи в данный период начали появляться только к моменту полноценного осознания специфики китайской литературы. Пользуясь достижениями советских китаеведов, белорусские литературоведы стремились к собственному осмыслению особенностей повествования и содержания произведений писателей Поднебесной. Революционная литература Китая, которая положила отсчет для современной китайской литературы, была горячо воспринята советскими деятелями и активно переводилась, так как её содержание соответствовало духу времени. К 1950 году фрагментарность знаний была преодолена посредством доступа к уже переведенной литературе дружественной страны. Результатом стала статья «Новая літаратура кітайскага народа» [21] в журнале «Полымя», написанная В. Рудманом. Статья содержала в себе краткий экскурс о выдающихся писателях того времени, таких как Лу Синь, Мао Дунь, Ай Цин, Го Можо, Ван Синцзян.

Особого внимание заслуживают статьи В. Рудмана, которые продолжали выходить в журнале «Полымя». С 1951 года они носили более развернутый характер, оставляя позади краткость и обзорность, уступая обоснованности и содержательности. В. Рудман в своей статье «Апавяданні аб новым Кітаі» [17] выделяет следующие черты китайской литературы: «Гэта літаратура, якая адлюстроўвае вялікія зрухі, выкліканыя ў краіне новадэмакратычнай

рэвалюцый, літаратура шматлікая і вельмі рознастайная...» [17, с. 145]. Автор предлагает читателям ознакомиться с молодыми китайскими писателями, произведения которых были изданы в Москве и объединены в «Сборник китайских рассказов» (который в 1953 году будет переведен на белорусский язык А. Саприкой), отмечая силу военной тематики у каждого из них. Особым уважением пользовались романы Лю Байюя «Шэсць гадзін раніцы», Мяо Кана «У бацькі героя і сын храбрэц», Чжао Шули «Зямельны падатак», Ван Жована «Начальнік харчовага пункта». В. Рудман к концу своей статьи приходит к следующим выводам, основанным на объективном и структурированном анализе: «Новадэмакратычная кітайская літаратура яшчэ вельмі маладая, і творцамі яе ў большасці выпадкаў з'яўляюцца пачынаючыя аўтары. Сярод іх твораў нямала таленавітых работ, але сустракаюцца і слабыя, няспелыя рэчы...Аднак, гэтыя недахопы ўвогуле не зніжаюць вялікага пазнавальнага значэння зборніка. Кніга, дзе нашаму чытачу даецца даволі грунтоўнае знаёмства з тым, як пад кіраўніцтвам кампартыі кітайскі народ заваяваў свабоду і незалежнасць і як ён на сваёй вызваленай зямлі будзе цяпер новае жыццё» [17, с. 146].

В статье «Поэзия миру і братэрства народаў» [22] В. Рудман проводит анализ современной китайской поэзии, говоря о ее масштабности как самого распространенного жанра среди жителей Поднебесной. Многочисленные стихотворения, благодаря народной любви, становятся песнями, которые звучат из каждого дома, данная лирика «апявае любоў да Радзімы, напамінае аб пільнасці, прапагандуе ідэі ўсеагульнага міру і братэрства народаў, кліча на працоўныя подзвігі, паказвае вобразы, раскрывае пачуцці простых людзей: рабочых, сялян, салдат» [22, с. 149]. Анализируя сборник «Поэзия вызволеннаго Китая» (1951 г.), который вышел в переводе А. Гитовича, автор статьи освещает особенности стиля Ай Цина, Мао Цзэдуна, Лю Цзяна, Сю Шужэня, Тянь Цзяна, Ван Линя. В. Рудман впервые в этой статье смог оценить качество переводов, изучив структуру стихосложения классической китайской поэзии, которая в своей сложности противостояла так называемому «новому стилю», в котором писало большинство современных писателей Китая. В качестве примера литературовед приводит стихотворение Мао Цзэдуна, которое лидер партии специально исполнил в классическом стиле, чтобы доказать тот факт, что классическая форма стихосложения, переосмыслив свое содержание, может и должна служить народу. По мнению В.Рудмана, переводчик «не знайшоў адпаведнай формы, і гэта пазбавіла яго магчымасці перадаць іх глыбокую нацыянальную спецыфіку», но, учитывая проделанную работу над другими лирическими произведениями, автор статьи утверждает: «Справядліvasць патрабуе адзначыць, што перакладчыку ўсе ж удалося даволі дакладна перадаць сэнс і дух арыгінала...» [22, с. 151].

Следующая статья под названием «Кніга заснавальніка рэвалюцыйнай літаратуры Кітая» была издана в девятом номере журнала «Полымя» и была посвящена творчеству Лу Синя [20]. В. Рудман, отмечая мастерство писателя, также обращает внимание на публицистические статьи Лу Синя («Успамінаю», «Ці страцілі кітайцы веру ў сябе?»), анализируя их, приходит к выводу, что «ён кляйміў прадажнасць, двудушнасць і подласць...выкрываў планы імперыялістаў,

накіраваныя на далейшае закабаленне кітайскага народа, жорстка высмейваў цемру, невуцтва феадальна-буржуазнага грамадства» [20, с. 164]. В 1956 году расказы Лу Синя на беларусскі язык былі пераведены Л. Соловьев [1, с. 180], это было обусловлено тем, что самобытные и национально уникальные произведения писателя отвечали всеобщим требованиям времени: поискам нового человека, преодолению негативных последствий от закоренелых традиций, воспитанию в современном человеке решимости и ответственности за свою судьбу, а также за судьбу народа.

Газета «Чырвонае знамя» публикует статью Л. Шкавро «Маладая літаратура новага Кітая» [25], в которой публицист рассказывает о молодых писателях, удостоенных Сталинской премии в 1950 году. Писательница Дин Лин, автор романа «Солнце над рекой Сянган» (в 1954 году книгу на белорусский язык перевел Л. Соловей), показывает современную жизнь китайского народа, а «высокая ідэйнасць рамана надае яму неаслабную жыццевую сілу» [25, с. 7]. Произведение Чжоу Либо «Ураган» перекликается с тематикой Дин Лин: оба автора обеспокоены современным состоянием простого народа, а именно, жителей деревни, больше других пострадавших во времена феодализма. Л. Шкавро отмечает задумку молодого писателя и его веру в простой народ, гнев которого «... як ураган, змятае памешчыкаў і кулакоў» [25, с. 7].

Журнал «Полымя» по-прежнему остается одним из лидирующих изданий, которые печатают литературоведческие обзоры о китайской литературе и автором которых неизменно остается В. Рудман. В очередном номере появляется статья «Голас Маякоўскага ў кітайскай паэзіі» [19]. Автор пишет о близости советского поэта китайскому народу, его творчество не только было востребовано в Китае на протяжении тридцати лет, но также пользовалось уважением и бесконечной любовью. Перед тем, как обратиться к истории переводов поэзии В. Маяковского, белорусский исследователь говорит о сложности данного процесса, отмечая следующее: «Кітайская мова амаль не дапускае збегу зычных, што вельмі абмяжоўвае магчымасць канчатковай сугучнасці рускіх вершаў і тым больш багатай і бясконцай маляўнічай рыфмоўкі Маякоўскага» [19, с. 130]. Далее следует информация о тех, кто являлся переводчиками Маяковского, узнавшими сложность русского стихосложения, среди них выделяют Цюй Цюбо, Го Можо, Вань Чжиси. В. Рудман также знакомит белорусского читателя с разновидностями революционной поэзии, на которую оказал влияние стиль В. Маяковского, к ним автор относит: «лансуши» – «вершы для дэкламацыі», «цзетуши» – «вулічныя вершы», а также «хуанчуан» – «жанр, які аб'ядноўвае малюнкi і карыкатуры, забяспечаныя кароткім вершаваным тэкстам» [19, с. 132-133].

Статья «Выбраныя творы Го Мажо» [18] посвящена выходу сборника с одноименным названием на русском языке, который раскрывал китайского писателя «і як паэта і навэліста, і як драматурга, літаратуразнаўца і публіцыста» [18, с. 154]. С особым вдохновением В. Рудман говорит об истинном предназначении творчества, приводя в пример строки из стихотворения «Декларация», в котором поэзия наделяется чертами живого человека и силой стихий, призванных буше-

ать и греметь, но донести любовь и покровительство над простым народом. Автор статьи раскрывает Го Можо как драматурга в произведениях «Цюй Юань» и «Близнецы», а также публициста через статьи «Учиться у народных масс», «Течение литературной мысли в Китае». В. Рудман завершает публикацию следующим призывом к читателю: «Зборнік каштоўны тым, што дае чытачу магчымасць адчуць і паэтычнае хараство вершаў Го Мажо, і пругкасць, і выразнасць глыбока лірычнай мовы яго прозы, і ўсхваляванасць, і рамантычны ўздым мовы яго трагедый, і палемічную страснасць публіцыстыкі... Перад чытачом паўстаюць...сцэны з часоў антыяпонскай вайны і малюнкi далекіх эпох кітайскай гісторыі, якія напоўнены гераічнай барацьбой патрыётаў за вызваленне радзімы, яе мірнае існаванне, яе мірную працу» [18, с. 154.].

В 1956 году волной появляются артикулы, посвященные знаменательной дате – 75-летию со дня рождения Лу Синя. Китайский прозаик скончался в 1936 году, однако память о нём продолжает жить, писатель был признан одним из основоположников китайской революционной литературы, что и отразил в своих статьях Д. Факторович «Вялікі кітайскі пісьменнік – Лу Сінь» [23].

Завершающие Первый этап статьи были изданы в 1959 году. Один из номеров газеты «Літаратура і мастацтва» был посвящен десятилетию со дня образования Китайской Народной Республики. Обзор китайской литературы представил М. Павлов в своей статье «Маладосць старажытнай літаратуры» [16], он говорит о том, «что перадавыя пісьменнікі ішлі разам з народамі...З першых дзён устанаўлення народнай улады яны сваю творчасць, свой талент аддаюць маладой рэспубліцы» [16, с. 2]. Таким образом, статьи *I этапа* носили информационный и обзорный характер, а также появлялись первые публицистические труды, в которых исследовались типологические и контактологические аспекты связей китайской и советской (белорусской) литературы на примере отдельных авторов.

II этап, или «изоляция», (1960 – начало 1985) отмечен ухудшением советско-китайских отношений, что было связано с новой политикой Н.С. Хрущева в конце 1950-х годов. Конфликт достиг своего пика в 1966, в результате чего культурные контакты между СССР и КНР были фактически разорваны, что, несомненно, отразилось на возможности переводить и печатать китайских авторов

III этап, или «возрождение», (1985–1990 гг.) связан с новой идеологией, курсом на «перестройку» М.С. Горбачёва в 1985 году, что послужило восстановлению дружеских отношений между СССР и КНР, активному обмену делегациями двух стран. В этот период в периодическом «Літаратура і мастацтва» выходит статья «Дзеці вялікага народа» У. Галайшы [12].

В рамках издания «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі» 1987 года в пятом томе под разделом «Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі сацыялістычных краін Азіі і Лацінскай Амерыкі» была размещена статья под редакцией Г.Я. Адамович о связях белорусской и китайской литератур [1]. Энциклопедический характер статьи позволил в краткой форме изложить основные достижения переводной китайской литературы на белорусский язык, также были упомянуты белорусские писатели, востребованные в Китае.

IV этап, или «укрепление» белорусско-китайских отношений, (1991 г. – по настоящее время) представляет собой совершенно новое содержание и переосмысление литературоведческих исследований, от их прямой службы идеологии и государственной политике к пониманию о бесценной мудрости классической китайской прозы. Это связано с тем, что на современном этапе белорусско-китайских отношений при установлении более тесных культурных связей появляется возможность подготовки специалистов не только со знанием китайского языка, но и со знанием всех культурных аспектов Поднебесной, так как китайская литература начинает преподаваться в университетах на высоком уровне.

Начиная с 1996 года «Беларуская энцыклапедыя» под редакцией Г.П. Пашкова размещает небольшие заметки о китайских писателях. В третьем томе (1996 г.) появляется раздел Бо Цзюйи [5, с. 224-225] и Ван Вэя [5, с. 501]. Шестой том (1998 г.) разместил информацию о Ду Фу [6, с. 264], а восьмой том (1999 г.) содержал полноценный артикул о Китае с разделом о китайской литературе [3, с. 305-306] с кратким изложением её истории от зарождения первых письменных памятников (XII – V ст. до н.э) и до XX века – начала новой китайской литературы. Информация о Ли Бо [7, с. 237] была опубликована в девятом томе. Последний на данный момент восемнадцатый том (2003 г.) содержит артикул о Гао Синцзяне [4, с. 369].

Статья Г. Кашубы «В зеркале истории», опубликованная в девятом выпуске литературно-художественного журнала «Всемирная литература» [14], даёт обзор китайской литературы с момента ее зарождения и до современного этапа с характеристикой самых знаменательных творцов и их произведений.

К каждому из ныне изданных сборников переводов китайской поэзии «Пад крыламі дракона. Сто паэтаў Кітая» (2012 г.), серии «Светлыя знакі: паэты Кітая», куда входят: «Лі Бо «Флейты сумныя гукі» (2014 г.), «Ван Вэй. Альтанка ля возера» (2014 г.), «Ду Фу. Адзінота горных вышынь» (2014 г.), «Ай Цін. Водар стонага лесу» (2015 г.), а также сборнику поэзии и прозы «Стагоддзе на знаёмства» (2014 г.) А. Карлюкевичем были написаны предисловия. Эти публикации небольшого объёма, но их содержание выходит за рамки только лишь обзора. В сборнике произведений Ван Вэя автор сумел определить особенность поэтического искусства великих классиков: «Чалавек сам па сабе – усяго толькі пясчынка, невялікі фрагмент неабсяжнай мазаікі. Творца, які бярэ ў рукі пэндзаль альбо пяро, павінен разумець, якога ўзроўню адказнасць ляжыць на ім, на яго уваходжанні ў святло красак і фарбаў. Відаць, у тым і сакрэт доўгажыхарства мастацкага адкрывальніка, што перамагае ў барацьбе з часам найболей вострая і дакладная думка, найболей востры і пранізлівы погляд» [2, с. 7-8].

Новым этапом в осмыслении белорусско-китайских отношений стал сборник научных трудов «Беларусь-Китай», изданный в 2007 году. В данном издании появлялись работы, посвященные экономическим, социальным, цивилизационным вопросам, истории культуры, образования и литературы в белорусско-китайском культурном пространстве. В первом выпуске публикуется статья Цзянь Цюня «Общий обзор классической литературы», где автор утверждает, что литература – это «наиболее экспрессивное выражение

национального духа» [8, с. 145]. В седьмом выпуске (2010 г.) была размещена статья Тан Чаньбо «Культурный феномен современной китайской молодежной литературы» [9], автор которой делится современными тенденциями развития молодежной литературы. Публикация В. Рагойши и Чжао Цзиньяня «Образ Китая в отображении Максима Танка» [10, с. 231-335], статья Т. Кабржицкой и В. Рагойши «Китайская сказка-притча на старонках «Нашей Нивы» [10, с. 242-249], а также статья А. Горбачева «Даосская притча в переключке китайской и русской культур» [10, с. 293-297] вошли в состав восьмого выпуска.

Сборник «Белорусско-китайский культурный диалог: история, современное состояние, перспективы» [11] был издан в 2014 году и представлял собой итоговый результат двух круглых научных столов (2012 и 2013 гг.) о белорусско-китайских культурных отношениях. Мероприятие было проведено на кафедре китайской филологии Белорусского государственного университета, на нём были рассмотрены актуальные проблемы преподавания китайского языка и литературы, а также история и возможные перспективы развития диалога культур между Беларусью и Китаем. На проходившей в 2014 году XXII Минской международной выставке-ярмарке китайская сторона являлась почетным гостем. Стала возможной встреча с выдающимися современными писателями Поднебесной, среди которых были А Лай, Си Чуань, Ла Ма, Сю Цжэнь. Результаты данной встречи были опубликованы в 5 выпуске газеты «Літаратура і мастацтва». Во время беседы писатель А Лай о предназначении литературы высказал следующую точку зрения: «Калі ў творы ідзе гаворка пра чалавека, яго лёс у пэўным этнасе, краіне, культуры, ніякіх значных перашкод для разумення няма» [13, с. 14]. В данном номере помимо обзорных статей о уже изданных сборниках переводов китайской поэзии и прозы на белорусский язык публикуется статья М. Кеньки «Цвіце Мэйху. Гісторыя аднаго перакладу», которая посвящена творчеству китайской классической поэтессы Ли Цинчжао [15, с. 6].

В целом, динамика, рецепции переводов, критическое осмысление китайской литературы в белорусском эстетическом пространстве были подвержены постоянным колебаниям: от многочисленных публикаций (I и IV этап) до их полного отсутствия (II и III этап), что, несомненно, было обусловлено определёнными политическими и историко-культурными событиями, спецификой отношений между Республикой Беларусь (в составе СССР и как независимого государства) и Китайской Народной Республики. Отечественное литературоведение, направленное на изучение китайской литературы, в первую очередь, стремилось осознать её значимость с точки зрения общественных и художественных задач, соответствующих требованиям эпохи. С течением времени обзорный характер публикуемых статей уступал более последовательному и структурированному анализу произведений, авторского стиля и философской мысли, трансформируемой им в художественной форме.

Таким образом, интерес к культуре Китая формирует отечественный базис, литературоведов, мастерство и талант которых не уступает коллегам из других стран, что позволяет составить достоверный портрет заинтересованности бело-

русского народа в осмыслении себя и окружающей действительности через взаимодействие с другой культурой. Познавая друг друга, обогащая представления о себе, наши культуры стремятся не только сохранить свою целостность, но также наладить взаимопонимание посредством диалога культур, где литературные связи выполняют одну из самых важных ролей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамович, Г.Я.* Сувязі беларускай і кітайскай літаратуры/ Г.Я. Адамовіч // *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі.*: у 5 т. – Мінск, 1987. – Т.5. – С. 179-180.
2. *Альтанка ля возера: зборнік паэзіі / Ван Вэй; уклад.:А. Карлюкевіч, В. Алексеева.* – Мінск: Звязда, 2014. – 64 с.
3. *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т./ рэдкал.:Г.П. Пашкоў [і інш].* – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1991-2004. –Т.8. – 1999.–300 с.
4. *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т./ рэдкал.:Г.П. Пашкоў [і інш].* – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1991-2004. –Т.18. – 2004.–300 с.
5. *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т./ рэдкал.:Г.П. Пашкоў [і інш].* – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1991-2004. –Т.3. – 1996. –300 с.
6. *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т./ рэдкал.:Г.П. Пашкоў [і інш].* – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1991-2004. –Т.6. – 1998.–300 с.
7. *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т./ рэдкал.:Г.П. Пашкоў [і інш].* – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1991-2004. –Т.9. – 1999.–300 с.
8. *Беларусь-Кітай: сб.науч.ст; / Издательский центр БГУ; науч.ред.Цзян Цюнь .* – Минск,2007. – Вып.1– 168 с.
9. *Беларусь-Кітай: сб.науч.ст / Издательский центр БГУ; науч.ред. И.А. Малевич.* – Минск,2010. – Вып.7.– 112 с.
10. *Беларусь-Кітай: сб.науч.ст; / Издательский центр БГУ; науч.ред. В.И. Стражев.– Минск,2010. – Вып.8.– 366 с.*
11. *Белорусско-китайский культурный диалог:история, современное состояние,перспективы:сб.нпуч.ст/ редкол Н.Н. Хмельницкий [и др];под науч.ред. Н.Н. Хмельницкого.* – Минск: РИВШ, 2014. –112с.
12. *Галайша, У.* Дзеці вялікага народа / У.Галайша // *ЛіМ* – 1960. – №7. – С. 3.
13. *Зразумець суседа па «глабальнай весцы» //ЛіМ.- 2015.- № 5.- С.14.*
14. *Кашуба, Г.* В зеркале истории / Г.Кашуба // *Всем.лит.* – 2001. – №9. – С.180-184.
15. *Кенька, М.* Цвіце Мэй Хуа. Гісторыя аднаго перакладу/ М.Кенька//*ЛіМ.- 2015.- № 5.- С.6.*
16. *Паўлаў, М.* Маладосць старажытнай літаратуры / М. Паўлаў // *ЛіМ.* – 1959. – 30 вер. – С.2-3
17. *Рудман, У.* Апавядані аб новым Кітаі / У.Рудман // *Полымя.* – 1951. – №1. – С. 145-146.
18. *Рудман, У.* Выбранные творы Го Мажо / У.Рудман // *Полымя.* – 1953. – №10. – С. 150-154.

19. Рудман, У. Голас Маякоўскага у кітайскай паэзіі / У.Рудман // Польша. – 1953. – №6. – С. 130-135.
20. Рудман, У. Кніга заснавальніка рэвалюцыйнай літаратуры Кітая / У.Рудман // Польша – 1951. – №9. – С. 164-165.
21. Рудман, У. Новая літаратура кітайскага народа / У. Рудман // Польша.– 1950. – №5. – С. 106-114.
22. Рудман, У. Паэзія міру і братэрства народаў / У. Рудман // Польша. – 1951. – №7. – С. 149-151.
23. Факторович, Д. Вялікі кітайскі пісьменнік / Д. Факторович // ЛіМ. – 1956. – № 39. – С. 4.
24. Факторович, Д. Успех новай кітайскай літаратуры / Д. Факторович // Советская Белоруссия. – 1954. – 6 кастр. – С. 3.
25. Шкаўро, Л. Маладая літаратура новага Кітая / Л. Шкаўро // Чырвоная знамя. – 1952. – 5 жн – С. 7.

*Надумович А.Н.
(Минск, Беларусь)*

РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проявлениям в социокультурной сфере содержательных аспектов глобализации как многомерного процесса. Обсуждаются проблемы кризиса идентичности, унификации и стандартизации национальных традиций, а также феномена языковых заимствований в условиях модернизации китайского общества.

Ключевые слова: *культурная глобализация, диалог культур, традиционные ценности, национальная идентичность, национальный язык, языковые заимствования*

The article is devoted to the socio-cultural manifestations in the sphere of substantive aspects of globalization as a multidimensional process. Discusses the problems of identity crisis, harmonization and standardization of national traditions, as well as the phenomenon of linguistic borrowing in the context of modernization of Chinese society.

Key words: *cultural globalization, dialogue of cultures, traditional values, national identity, national language, linguistic borrowing*

Социокультурное измерение глобализации выступает в качестве мегатенденции развития современного общества: на глобализирующемся мировом рынке не только обмениваются товары и услуги, движется капитал, но интернационализация и интеграция экономики циркулирует параллельно и культурно-символические коды: ценности, стандарты, стилевые формы, то есть маркеры культурной идентичности, все более транснациональной по своему содержательному наполнению.

В культуре и массовом сознании глобализация является следствием информационно-коммуникативной революции. Формирование глобальной информационной системы позволяет мгновенно соединить практически все цивилизованные точки нашей планеты. В итоге осуществляемые контакты и связи в области культуры приобретают новые черты. В частности, взаимодействие отдельных индивидов, а также целых групп людей, социальных организаций может осуществляться напрямую через границы, без обязательного, как это было прежде, участия в этом процессе государства. Базируясь на информационной революции, культурная (социокультурная) глобализация имела и иные социальные предпосылки. Среди них И.Г. Владимирова выделяет следующие:

- ослабление роли привычек и традиций, социальных связей и обычаев, преодоление национальной ограниченности, что повышает мобильность людей в территориальном, духовном и психологическом отношениях, способствует международной миграции;

- возникновение глобального единомыслия в оценке рыночной экономики и системы свободной торговли. На смену недавним противоречиям между рыночной экономикой Запада и социалистической экономикой Востока пришло практически полное единство взглядов на рыночную систему хозяйства;

- проявление тенденции формирования глобализированных «однородных» средств массовой информации, искусства, поп-культуры. Английский язык становится международным языком общения, облегчая межкультурные коммуникации, учебу и взаимопонимание;

- преодоление границ в образовании благодаря развитию дистанционного обучения;

- либерализацию подготовки трудовых ресурсов, что ведет к ослаблению контроля национальных государств за воспроизводством «человеческого капитала» и его духовной составляющей [2].

На протяжении столетий европеизация рассматривалась как образец правил упорядочивания жизни. Примерами европеизации, в её классическом варианте, являются модернизация традиционных обществ, стремление к образованности, насыщенность повседневности духом науки и техники.

Важным сюжетом в рассмотрении специфики механизмов китайских модернизаций является феномен языковых заимствований. Традиционно, язык рассматривается как способ становления национальной идентичности [1], однако в контексте модернизационных преобразований языковые заимствования представляют интерес как способ установления языковой идентичности со значимым другим. Очевидно, что одним из факторов специфичности данных процессов для Китая является наличие иероглифической письменности; однако для понимания механизмов появления и легитимации новаций необходимо принятие во внимание специфики системы модернизаций: здесь в качестве сложноустроенного контрсубъекта как источника легитимаций выступают страны Запада, а функции легитимации преобразований в основном выполняют представления о собственно прошлом.

В связи с событиями второй мировой войны и близкими контактами с европейскими странами перед Китаем встал вопрос об интеграции в новую структуру

мировых отношений¹. В этот период в китайское общество начали проникать новые понятия и термины; особенности китайской иероглифической письменности обусловили необходимость поиска путей фиксации заимствованных слов в языке. Первые формы перевода иностранных слов принимали вид практической транскрипции. Со временем варианты практической транскрипции, за исключением особых случаев, были вытеснены формами смыслового перевода термина.

Одним из самых любопытных и специфических способов языковых заимствований и образования неологизмов в китайском языке является фиксирование нового термина старыми иероглифами. Употребление такого рода средств перевода заимствованных слов приводило к тому, что иноязычный термин через некоторое время переставал восприниматься как заимствование, включаясь в фонетическую и грамматическую сферы языка. Иностранное слово, обозначенное иероглифами, обретало китайский контекст, своего рода новое семантическое поле, которое было для него не характерно в языке-источнике.

В последние годы в развитии китайского языка обозначились новые тенденции – употребление специфических англицизмов в названиях китайских компаний, фирм, предприятий, торговых марок и др. Истоки данной тенденции коренятся в международной ситуации в целом и во внешней политике Китая в частности. За последние десятилетия английский язык стал языком международного общения. Современные реалии таковы, что большая часть молодых людей Китая ориентирована на контакты с представителями Соединенных Штатов, английский язык изучается повсеместно, и наличие в названии компании или продукта «англо-звучащих» слов привносит некий эффект, свидетельствующий о мировом признании продукта.

Важным фактором, характеризующим тенденцию более активного включения Китая в мировое сообщество, является возвращение в активную лексику старых вариантов практической транскрипции, вытесненных в свое время семантическими заимствованиями. Можно говорить о том, что в настоящее время при использовании термина значимым представляется не определение его смыслового контекста, а иностранное (прежде всего английское) звучание. В современном китайском языке, таким образом, вновь после длительного перерыва сосуществуют два принципиально разных варианта перевода – практическая транскрипция и семантическое заимствование: тенденция, обратная наблюдавшейся в начале-середине XX века.

Использование практической транскрипции, англоязычных морфем для образования новых слов и унификация терминологии свидетельствует о новом уровне позиционирования Китая на мировой арене, о более высоком, чем десятилетие назад, качественном уровне интегрированности страны в общемировые процессы. «Открытие Китая» – это свершившийся факт, который проявился и в языковых реалиях.

---

¹ Как известно, Нанкинский мирный договор, подписанный 26 августа 1842 года, стал следствием первой «опиумной» войны и установил международно-правовые основы отношений между Китаем и Западом. Он определил включение страны в европейский контекст и тем самым задал новый вектор развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2001. – 287 с.
2. *Владимирова, И.Г.* Этапы интернационализации хозяйственной деятельности. Корпоративный менеджмент / И.Г. Владимирова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru>. – Дата доступа: 09.10.2015.
3. *Кулаков, А.В.* Политическая и культурная глобализация: два измерения многомерного процесса / А.В. Кулаков // *Пространство и Время*. – Часть 3. Социокультурное пространство глобализации. – 2011. – № 2. – С. 8–18.
4. *Куратченко, М.А.* Языковые заимствования в контексте модернизаций китайского общества: способы установления идентичности / М.А. Куратченко // *Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст. / редкол. В.Д. Старичёнок [и др.] ; отв. ред. В.Д. Старичёнок*. – Минск: БГПУ, 2007. – С. 108–110.

Нечипорук Д.Б.
(Минск, Беларусь)

中国文化与中国典籍在白俄罗斯传播情况

В статье представлены основные факты распространения китайской культуры и литературы в нашей стране, называются персоналии, принимающие активное участие в деле распространения китаеведения, китайской культуры и литературы в Беларуси, выявляются вопросы, связанные с данной тематикой.

Ключевые слова: *китайская культура, китайская литература, распространение, территория Беларуси, исследование*

In the article we represent the main facts of spreading of Chinese culture and literature in our country, we also mention the persons who took (or take) an active part in the deal of spreading sinology, Chinese culture and literature in Belarus. We also reveal the problems and questions related to this topic.

Key words: *Chinese culture, Chinese literature, spreading, the territory of Belarus, research*

几年来中国文化踏上了“走出去”这条道路，是指中国传统文化不仅属于中国，而属于整个世界。不过要完成全面“走出去”和文化传播的计划并不是简单的任务。在本文中浅谈中国文化在白俄罗斯“走出去”的情况。

当前，随着中白政治、经济、文化、学术等方面的合作关系，白俄罗斯境内的汉学越来越受关注。许多学者研究两国之间的关系、中国的历史与现状。对中国的兴趣与关注自二十世纪二三十年代就出现了，甚至更早。那时白俄罗斯是苏维埃社会主义共和国联盟（苏联）的成员，而其名是白俄罗斯苏维埃社会主义共和国。此时对中国比较感兴趣的是研究历史与政治的学者们。

1920 至 1930 年代在白俄罗斯领土上中国近现代史的研究开始发芽，但是由于专业汉学家的缺乏以及不良的社会政治条件，白俄罗斯战前的汉学无法形成独立的科学分支，而只是个别的文章与论文作为白俄罗斯汉学存在的证据。

生于白俄罗斯境内的汉学家与翻译家

白俄罗斯成为独立的国家以来，历史并不长，因为自古以来白俄罗斯长期属于其他国家，如十三世纪是立陶宛大公国、十六世纪是波兰立陶宛联邦、十九世纪属于俄罗斯帝国，而二十世纪是苏维埃社会主义共和国联盟。这种现象持续到苏联解体。1991年始，白俄罗斯独立，并得名为白俄罗斯共和国。自此，白俄罗斯境内逐渐出现了一些优秀的汉学家，他们可以称为白俄罗斯汉学的创始人。如白俄罗斯格罗德诺出身的奥西普·卡哇列夫斯基（О. Ковалевский）是19世纪上半叶的伟大的东方学家、西藏学家。在俄罗斯与立陶宛收藏了作者的许多佛教学方面的手稿。其中保留下来的手稿是“佛教宇宙学”。另外，白俄罗斯早期的汉学家米哈伊尔·帕夫罗夫斯基（М. Павловский）。出生于1885年白俄罗斯莫吉廖夫市。在纽约编写并出版了“中俄关系”一本书。白俄罗斯早期的翻译家弗拉基米尔·帕拿秀克（В. Панасюк）出生于1924年白俄罗斯波洛茨克市。该汉学家从事中国典籍翻译行业。1954年撰写并答辩了“现代汉语情态动词类别与其应用”副博士学位论文，总共发表了数为60多篇文章。他翻译过罗贯中的“三国演义”、司马迁的“精选”、曹雪芹的“红楼梦”，编写过汉俄大字典。除了弗拉基米尔·帕拿秀克（В. Панасюк），我们还不得不提到一位优秀汉学家与翻译家维大力·费奥克其斯托夫（В. Феоктистов），该汉学家出生于1930年白俄罗斯城市莫吉廖夫，他的研究方向为中国哲学史。其副博士论文题目是“荀子哲学与社会政治观点（公元前3世纪）”，他长期从事翻译荀子作品的工作。

19世纪中旬研究中文的白俄罗斯同胞是约瑟夫·郭舍科维奇（И. Гошкевич）（1814-1875），他出生于现代戈梅利洲，是语言学家、东方学家、自然科学家，1839年8月29日成为俄国东正教驻北京第12届传教士团成员。在京居住9年（1839-1848）期间他深入地研究了中国历史、大自然、政治情况等。他留下了广泛题目的文章。为了撰写第一本书“中国人生产眉笔、白粉及红的方法”他读过了大量的中文的书籍，并且做了无数的试验。在文章“关于中国的算盘”作者阐述了其形状与计算方法。在“关于养蚕业”中详细介绍了生产丝绸的过程。除此之外，他还研究了种山药的技术。回到彼得堡之后，他在“俄国东正教驻北京传教士团文献”中发表了一系列文章（文献中的四分之一的文章是郭舍科维奇写的）。郭舍科维奇广泛的研究对白俄罗斯的汉学留下深刻的痕迹，明显地影响到了同时代的人及其眼界，给他们介绍了前所未有的事务及事件，纠正了别人对中国、及其历史与文化的看法。

至于中国典籍在白俄罗斯翻译与出版的功劳应该属于翻译家列夫·萨拉微（Л. Соловей）。他出生于1925年，是白俄罗斯的翻译家与文学评论家。1954年把丁玲的“太阳照在桑干河上”翻译成了白俄罗斯文，而1956年翻译了鲁迅的小说。

现如今中国文化“走出去”主要体现在文学合作方面。为了庆祝中白百年文学方面的合作，我国的出版社还出版了一本叫做“百年的认识”（“Стагоддзе на знаёмства”）一本书。书中收集了并翻译了各个时代文学作品，其中有屈原时期的诗歌、古代中国散文以及20世纪50-60年代出版的作品。白俄罗斯历史上

第一位把中国诗歌翻译成白俄罗斯文的著名诗人是维拉基米尔·杜鲍阔 (В. Дубовко)，出生于 1900 年维捷布斯克州的他，1922 年开始中白翻译者的生涯。1930 年由于他被囚禁，因此无法从事他所爱的事情，1959 在“火焰” (“Полымя”) 杂志上发表了杜甫诗歌的译诗。不久以前这些诗歌在“天边之声”诗选被发表。在该杂志中，新一代翻译家杨卡·思皮娃阔夫 (Я. Сипаков) 也发表了杜甫白俄罗斯语的译诗。白俄罗斯民族诗人日格尔·巴拉杜林 (R. Baradulin) 也曾经翻译过杜甫的诗歌。他在“东方诗歌之声”一书中，表达自己对王维、李白、杜甫的创作深深的兴趣，他曾经还翻译了王维的十七首诗。此后，哲学家伊戈尔·巴布阔夫 (I. Babkov) 也开始了对李白诗歌的翻译。

中国文学在白俄罗斯传播情况

自中华人民共和国成立以后，白俄罗斯人开始更关注中国的民族文学。1953 年由于翻译家安娜·萨布乐卡 (А. Сапрыко) 的不懈努力，“中国作家作品”一本书出炉。两年后出版了鲁迅的“短篇小说”的译文，译者是列夫·萨拉微 (Л. Соловей)。1954-1959 年在明斯克出版了“选集”，其中包含赵树理的作品、茅盾的“黎明前”、周立波“暴风骤雨”等的片段。

此外，白俄罗斯的出版社准备一系列典籍“吉兆：中国诗人” (“Светлыя знакі: паэты Кітая”)。目前该系列由四卷组成。书籍系列以王维的诗歌为开头，而李白、杜甫、艾青的诗歌为该系列的续编。

我国的出版社到目前为止已积累了多年的中国典籍对白翻译经验，而广泛介绍中国的文学作品，并且中国典籍的译文务必是白俄罗斯语。即将出版的是“中国人：我的祖国与我的人民”一书。“白俄罗斯人看中国”也是由我国的出版社推出的一个富有创意性的项目，记载了不同时间段来过中国的白俄罗斯的政治学家、科学家、记者等对该国度的印象。“在龙的翅膀下。中国的一百位诗人”，是用白俄罗斯语翻译的第一本中国诗歌诗集。总编辑与译者是白俄罗斯的诗人尼古拉·米特里茨基 (Н. Метлицкий)。读者通过阅读这本书能够充分地了解不同世纪甚至几千年的中国文学史。在本书中，翻译家给读者介绍了自公元前 4 世纪至 20 世纪的中国一百位伟大诗人的作品，由此，此书也成为了白中两国之间文化与人文方面交流的有力见证。

2015 年 2 月中旬，在白俄罗斯首都明斯克市举办了第 24 届国际图书展销会。中国成为这次图书展销会主宾国。两国签署了 2015-2020 年互相翻译作品的备忘录。白中长期合作关系的很重要的理由之一是年度图书论坛，中国是主宾国。在该项计划中，自 2015 至 2020 年在中国与白俄罗斯将有 50 本书会被翻译成白俄罗斯语与中文，从而使两国文化能够互相引入。这项工作不仅使两国文化交流更加灿烂，而且使两国人民更加互相了解。中方已完成选题这项工作。

中国文化与文学“走出去”的体现

为了成功地完成中国文化“走出去”的任务，就是把中国文化与文学传播到国外，务必了解别的国家的文化，并关注别的国家“走进来”的过程。“中国文化日”在白俄罗斯是具体的体现，如中国民族服饰织绣展与丝绸服装绣以及由北京人艺话剧“我们的荆轲”在白俄罗斯明斯克“库帕拉民族剧院”演出，中国电影

在白俄罗斯播映等文化类的活动。另外，白俄罗斯的一些音乐家（如 И. Сергей）也把中国的音乐添加到自己演出剧目中。

为了完成文化传播的工作，中国文化部做不懈的努力，主要体现在的一个叫做“中国文化译研网”的网站上。“中国文化译研网”的主任是北京语言大学的教授。“中国文化译研网”是一个专注于中国文化翻译与研究资源共享公益类知识网站，其目的是为全世界从事中国文化翻译与传播的专业人士和机构提供交流平台、翻译工具、项目对接、资源分享等服务，让更多文化翻译与研究以及专业机构能够通过该平台找到适合自己的工作及学习资源、合作伙伴、合作项目，共同发现、分享、体验中国文化翻译与研究的乐趣”。

其中非常重要的文化传播因素是通过图书把中国文化推广出去。首先需要了解考虑到读者的兴趣、年龄、人群、教育程度、宗教规律等。中国在这方面做得很好，即推荐一系列出色的作品来翻译成外语。目前在中国有专门机构，他们编写推荐图书的书册，同时每年统计畅销书与常销书。

作为汉语教师，我们应把中国典籍的对外翻译与教学过程连接起来。10月初起在白俄罗斯国立大学语文系汉语教研室开办“中国典籍对白俄罗斯语翻译”班(简称“对白”)，并建立了翻译小组。该小组成员已经开展翻译徐志摩诗歌的工作，受领导的指派，我作为该小组指导老师之一现期待这些译文早日在“青年”杂志上出版。不过在白俄罗斯出版当代作家的作品时难免会敏感，其原因是涉及到出版权的问题。因此，翻译作品前必考虑到作家出生的年份，即作者去世 50 年之后，作品不再受著作权保护，不过未满 50 年版权的问题一定与相关的出版社解决。

为了更有效地在国外传播中国文化与中国典籍，需要深深地了解该国家的文化特色，在文化互动的情况下才能达到传播最佳效果。

参考文献:

1. Милибанд, С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов / С.Д. Милибанд. – М., 1995.
2. Мятліцкі, М.М. Пад крыламі Дракона: Сто паэтаў Кітая / М.М. Мятліцкі – Мінск, 2012.

*Рубаник Т.В.
(Мінск, Беларусь)*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ УСВОЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье излагаются методические основы формирования профессиональной филологической компетенции китайских студентов (на материале усвоения терминологии).

Ключевые слова: профессиональная филологическая компетенция, терминология, русский язык как иностранный

In the article methodical bases of formation of professional philological competence of the Chinese students are stated (on the basis of mastering terminology).

Keywords: professional philological competence, terminology, Russian as foreign language

Перед преподавателями в учреждениях высшего образования Республики Беларусь сегодня стоит сложнейшая задача – формирование высокой профессиональной филологической компетенции иностранных обучающихся, составляющими которой являются коммуникативная, лингвистическая, литературоведческая, эстетическая, нравственная, педагогическая компетенции. Прочное усвоение основных терминологических понятий, необходимых в образовательном процессе, оперирование ими при анализе художественных произведений, а также применение в ходе построения собственного конструктивного общения – обязательное условие и показатель результативности и успешности обучения студентов из других стран, в том числе из Китая.

Анализ исследований, посвященных изучению терминов и методики работы с ними (работы Б.Н. Головина, М.Н. Володиной, С.И. Лебединского, Р.Ю. Кобрина, Ю.В. Зорина и др.), показал, что, для того чтобы в полной мере использовать свойства термина, необходимо установить способы их экспликации и методического применения. В основу подхода к решению поставленных задач могут быть положены следующие позиции [1]:

1. Термин – это минимальный носитель научного знания.
2. Специфика термина, определяющая основу построения терминологической работы, обуславливается его одновременной принадлежностью и системе языка, и системе научных понятий.
3. Овладение предметным (лингвистическим) знанием и усвоение средства его выражения (лингвистической терминологии) составляют две стороны единого познавательного (учебного) процесса.

Владение термином означает усвоение как языковых, так и внеязыковых его характеристик, а также умение определять место термина в терминосистеме, которой он принадлежит.

4. Системность термина обуславливает особое значение принципа системности при организации учебного материала и учебных действий с термином.
5. Когнитивная функция термина обеспечивает возможность рассматривать процесс овладения термином как решение определенной познавательной задачи.

Эти положения могут быть реализованы в системе терминологической работы, строящейся с учетом общедидактического требования ориентации на адресата (обучающегося), с одной стороны, и использованием указанных свойств термина – с другой. В типовую схему терминологической работы войдут следующие элементы: 1) фонетическая характеристика термина (ударение, произношение); 2) морфологическая характеристика (род, число, падеж, особенности склонения и т.д.); 3) характеристика происхождения, этимологии, способа образования; 4) семантизация: а) дефиниция, б) описание свойств, в) языковая

наглядность и т.д.; 5) выявление и характеристика парадигматических и синтагматических свойств термина; 6) установление места термина в логико-понятийной системе (родо-видовые отношения); 7) построение высказываний, характеризующих отдельные свойства содержания термина; 8) построение развернутой характеристики содержания термина [3].

Суть этой схемы заключается в том, что полная ее реализация и составляет последовательный процесс овладения термином, обеспечивающий усвоение его предметного содержания и особенностей функционирования в учебно-речевой деятельности. Однако это не означает, что работа по описанной схеме – одноразовый методический прием, который применяется в рамках одного учебного задания или занятия. Элементы схемы могут использоваться на разных этапах работы с конкретным термином в разных комбинациях. Главное, что любой ее элемент – необходимый шаг в решении познавательной задачи, результатом которого становится создание устойчивого представления о термине, которое остается в нормативно-научной картине мира языковой личности.

При организации работы нами применялись следующие приемы введения термина в речь китайских студентов [2]:

– толкование значения термина, то есть его семантическое определение, описание его значения с помощью уже известных слов. Этот способ семантизации доступен, позволяет прибегнуть к раскрытию значения любых терминов. Такой способ семантизации терминов принят в словарях.

– обращение к словообразовательным связям. Этот способ широко применяется для объяснения значений производных слов-терминов. Например: рифма (греч. *rhythmos* – плавность, соразмерность) – созвучие концов стихов или полустихий.

Монорим (то же самое, что и монорифма (*франц. monorime, от греч. μόρος – один и франц. rime – рифма*)) – стих, построенный на одной рифме – монорифме (АААА, АА-ББ-ВВ), редкий в европейской поэзии, но широко распространенный в классической поэзии Ближнего и Среднего Востока.

Панторифма (панторим от др.-греч. ὅλος – полный, целый + рифма) – стих, в котором все слова рифмуются между собой.

Опьяняет смелый бег,

Овекает белый снег,

Режут шумы тишину,

Нежат думы про весну (В. Брюсов).

– Включение терминов в семантическое поле. Этот способ является продуктивным, так как позволяет объединить отдельные термины определенной области в тематический ряд, что важно при интегрированном подходе к обучению на продвинутом этапе.

– Перевод терминов на родной язык. При усвоении непонятных слов и терминов большинство иностранных студентов сразу обращается к родному языку, то есть студенты предпочитают применять на практике переводный способ, полагая, что перевод является более эффективным, доступным, экономичным по времени и затратам.

К беспереводам способам семантизации иноязычных терминов и

терминсочетаний китайские студенты прибегают крайне редко, объясняя свое нежелание или неосведомленностью о других способах, или устоявшейся привычкой – в случае затруднений обращаться к родному языку. Не оспаривая достоинств и преимуществ переводного способа, считаем, что применение лишь его одного при семантизации слов, понятий, терминов и терминсочетаний снижает эффективность их усвоения. Обучение студентов РКИ ведется на русском языке, поэтому опытный преподаватель-практик стремится воссоздать русскоязычную среду. Активное использование китайского языка в процессе обучения русскому языку не способствует сознательному и глубокому овладению лексикой, в том числе и терминологической. Кроме того, перевод терминосочетаний русского языка не всегда бывает тождественным по значению терминологии китайского языка. Семантизация терминов и терминсочетаний, имеющих точный эквивалент в родном китайском языке, не исключает переводной способ, а бывает вполне уместной. Однако практика убеждает нас в том, что следует как можно чаще обращаться и к беспереводной семантизации, которая приучает студентов к самостоятельности и инициативе в овладении профессиональным русским языком.

Важно также учить китайских студентов находить подходящие дефиниции и толкования в специальных словарях и справочной литературе, так как данное умение является важным для любого человека, который занимается научной работой и воспринимает научные тексты. Поиск дефиниций учит выделять основную информацию, сокращать ее, подбирать адекватные замены. На продвинутом этапе обучения в процессе изучения спецкурса по языку такая работа проводилась с мини-словарями лингвистических, литературоведческих и риторических терминов.

– Рассмотрение термина в контексте позволяет продемонстрировать специфическую точность значения термина, так как становится видна его сочетаемость. Контекст является обязательным условием для лучшего восприятия термина. Хотя нужно объяснить китайским студентам, что терминологическое значение слова не изменится, но в контексте оно проявится намного ярче и выразительнее.

– Прием сравнения русского и китайского подхода к пониманию термина представляет собой оптимальный путь к постижению сущности терминов. С этой целью предлагался в ряде случаев китайский эквивалент и его толкование (сравнивались примеры, иллюстрирующие синтаксический параллелизм в русской сказке о репке и в китайской притче о монахе).

– Выявление социокультурных особенностей терминов. Поскольку на развитие терминсистем оказывают влияние исторические условия, национальные традиции и даже личности конкретных ученых, то бывает, что в одних странах появились понятия, а в других их еще нет. Эта безэквивалентная социокультурная терминология нуждается в более подробном разъяснении.

Изучив методический опыт работы над терминологией (исследования М.К. Денисова, Н.А. Максимук, С.И. Лебединского и др.), мы в экспериментальном обучении китайских студентов выделили следующие этапы:

- 1) актуализация и запоминание теоретических знаний по терминологии;
- 2) трансформация и конструирование языкового явления;

3) практическая реализация при работе с текстом и моделировании собственного профессионального речевого общения.

В первую очередь при создании комплекса упражнений необходимо определить конечные требования к каждому этапу. При работе с иностранными студентами такой этап может быть эквивалентен разделу или соответствовать блоку в процессе повторения и обобщения на занятиях по соответствующему предмету или в процессе изучения спецкурса.

Общие требования к этапам следующие:

1. Овладение терминами, соответствующими активному минимуму филолога.
2. Умение дать определение языковому, литературному, риторическому понятию.
3. Умение трансформировать филологическую единицу с учетом полученных знаний.
4. Умение по аналогии представить языковое явление.
5. Умение самостоятельно конструировать языковое явление.
6. Умение использовать данные языковые явления при работе с текстом.
7. Умение свободно оперировать языковыми явлениями в соответствии с условиями речевых ситуаций при моделировании общения.

Разработанная система упражнений основана на ряде принципов:

1. Интегрированный характер упражнений.
2. Использование профессионально-ориентированных заданий (особенно характерно для этапа практической реализации).
3. Соотнесение упражнений этапа практической реализации с основными этапами работы с текстом: дотекстовым, текстовым и послетекстовым.

Дотекстовый этап включает в себя такие виды заданий:

- ознакомьтесь с терминологическим минимумом;
- заучите определения понятий и уясните их суть;
- выделите специфические особенности понятий;
- группируйте явления на основании общих признаков.

Китайским студентам предлагается также алгоритм работы по составлению определения термина. Данный этап имеет целью актуализировать и закрепить в памяти теоретические знания обучаемых и подготовить их к практической работе с языковым материалом и научным текстом.

Текстовый этап представлен сериями заданий: проанализируйте текст, выделите в тексте идеи, тренируйтесь (данная серия связана с активизацией усвоенного лингвистического материала).

Виды упражнений на выделение информации представлены заданиями на оперативное ориентирование в научном тексте филологической направленности:

- выделите смысловые части текста;
- найдите в тексте определения следующих понятий;
- прочитайте утверждения и скажите, верны ли они; опровергните неверные утверждения, найдя в тексте правильные ответы.

Завершает данную серию контроль понимания основного содержания текста в форме ответов на вопросы. Следует отметить, что для работы на занятиях по РКИ в целях экономии времени удобно использовать небольшие по объему, но содержательно насыщенные текстовые фрагменты.

Упражнения текстового этапа направлены на активизацию использования профессионального и языкового материала с опорой на исходный текст. Серия включает различные виды заданий:

- трансформационные;
- подстановочные (напр., вставьте пропущенные слова, составьте предложение и т.п.);
- условно-речевые (напр., закончите конструкцию).

Большое значение имеют упражнения на установление логико-смысловых связей между высказываниями. Завершаться текстовый этап может составлением плана и пересказом текста или его частей.

Послетекстовый этап направлен на совершенствование профессиональных умений на базе изучаемой темы. Каждый текст раскрывает несколько языковых, литературоведческих, риторических проблем. Опираясь на имеющийся запас знаний китайских студентов, на продвинутом этапе обучения можно предложить им ряд заданий на расширение и дополнение информации. Приведем следующие примеры упражнений:

- выделение отличительных признаков языковых явлений;
- группирование терминов на основе характерного признака;
- терминологические диктанты,
- составление схем, таблиц по тексту с использованием основных терминов и понятий;
- выполнение тестовых заданий и т.д.
- анализ языкового явления или речевой ситуации с позиции филолога-профессионала;
- научное сообщение на предложенную тему (например, на продвинутом этапе обучения удобным вариантом работы была подготовка выступления на основе дипломного проекта);
- научное обсуждение предложенного вопроса (например, репетиция предзащиты диплома).

Последние задания моделируют реальные речевые ситуации, практически значимы для иностранных студентов продвинутого этапа обучения и поэтому подкрепляют мотивацию учебно-познавательной деятельности обучаемых.

Такая целенаправленная поэтапная работа не только обеспечит прочность знаний, но и позволит сформировать целый комплекс практических умений, которые являются основой профессиональной компетенции филолога по специальности РКИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: Уч. пособие для филол. спец. вузов/ Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: ВШ, 1987. – 104 с.
2. Костомаров, В.Г. Методическое руководство для преподавателя русского языка иностранцам/ В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. – М.: Русский язык, 1988.– 270 с.
3. Лебединский, С.И. Русский язык для иностранцев: полный курс. Russian for foreigners: Complete Course. B2. Уровень бакалавра и специалиста: учебник/ С.И. Лебединский. – Минск: Научный мир, 2014. – 544 с.

*Скворцова Н.Н., Лю Мэнди
(Минск, Беларусь)*

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

Объектом рассмотрения авторов статьи являются китайские и русские устойчивые сравнения, в основании которых лежит признак лица или предмета (善如菩薩 (добрый как Бодисатва), 虎党狐齐 (злой как тигр), 胆大如斗 (храбрый как До), 害羞如姑娘 (застенчивый как девушка), 澄江如练 (прозрачный как платок), 人云亦云 (слабый как облако), 意志如钢 (твердый как железо); красный как рак, белый как мрамор, добрый как ангел, злой как черт, храбрый как лев). Предмет исследования составляет лексическая семантика компонентов, входящих в сопроводительную часть устойчивых сравнений («основание сравнения»).

***Ключевые слова:* устойчивое сравнение, адъективное устойчивое сравнение, основание сравнения, семантико-тематическая группа**

The article is devoted to detection of national-cultural specificity of the Chinese and Russian sustainable comparisons. The object of study is Chinese and Russian sustainable comparisons. Subject of research is the lexical meanings of the 1st component of the sustainable comparisons (the basis of comparison) in the Russian and Chinese languages.

***Keywords:* sustainable comparison, adjectival sustainable comparison, basis of comparison, semantic and thematic group**

Как известно, существуют две категории образных сравнений: сравнения индивидуально-творческие, или свободные, и сравнения общенародные, или устойчивые. Устойчивые сравнения относятся к наиболее маркированным с точки зрения проявления национально-культурной специфики фразеологическим единицам и образуют в совокупности особый – компаративный – пласт фразеологии. Они представляют собой своего рода микросистему фразеологиче-

ских единиц, имеющих структурные и семантические особенности и отражающих специфику образного мышления, национальную самобытность, своеобразие традиций и – шире – культуры народа.

Многообразные и сложные взаимосвязи китайских компаративных фразеологизмов, определяющие структурно-семантическую специфику последних, позволяют, с одной стороны, относить все устойчивые сравнения китайского языка к общему классу шуюй, с другой – выделять в их составе устойчивые сравнения, в которых «основанием сравнения», или *tertium comparationis*, выступает качественный (предметный) признак. Аналогичные им устойчивые сравнения в русском языке принято называть «адъективными». Как правило, «адъективные» устойчивые сравнения противопоставляются «глагольным» устойчивым сравнениям (А.В. Кунин, С.Н. Муница, А.О. Долгова и др.).

В устойчивом сравнении принято выделять сравнительную и сопроводительную части. Сравнительная часть состоит из сравнительного союза *как* (*словно, точно, будто*) и слова или словосочетания, выражающего предмет, с которым осуществляется сравнение, например: (*задиристый*) *как петух*. Сравнительная часть воспроизводится без изменений и характеризуется постоянством, неизменностью своего состава в процессе функционирования фразеологической единицы. Сопроводительная часть представляет собой слово, выражающее общий признак сравниваемых предметов, т.е. «основание сравнения», или *tertium comparationis*: *задиристый* (*как петух*). Слова, выражающие «основание сравнения», как правило, характеризуются регулярностью употребления, т.е. устойчивостью. Однако эта устойчивость относительна, поскольку названные слова могут заменяться другими словами компаративно-синонимического ряда – «ряда слов, семантически объединенных выражением единого основания сравнения» [1, с. 8].

Национально-культурное своеобразие устойчивых сравнений создается рядом факторов, в числе которых:

- тематическое разнообразие устойчивых сравнений, определяемое на основе внешней компаративной валентности, т.е. «приложимости компаративной конструкции как средства языкового выражения к конкретным предметам реального мира» [2, с. 124];
- многозначность устойчивых сравнений и семантика компонентов, представляющих *tertium comparationis* («основание сравнения»);
- лексико-тематический состав образных основ, представляющих «непременный элемент сравнения» («образ сравнения»);
- национально-маркированные лексические средства выражения «непременного элемента сравнения».

Ввиду того что национально-культурная специфика языковых единиц выявляется в сопоставлении с единицами другого языка (других языков) и описывается на их фоне, нами исследуются адъективные устойчивые сравнения русского языка и аналогичные китайские устойчивые сравнения. Таким образом, тематическая сегментация охватывает микросистемы исследуемых устойчивых сравнений обоих языков.

На основе сплошной выборки из китайско-русского фразеологического словаря [4], китайского фразеологического словаря [3] и «Словаря устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимического)» [1] была составлена рабочая картотека единиц анализа, в которую вошли 129 устойчивых сравнений китайского языка рассматриваемого структурно-семантического типа и более 300 единиц, представляющих сравнительную часть адъективных устойчивых сравнений русского языка (391 адъективное устойчивое сравнение модели «*Adj + как + N₁*»).

Наиболее общая семантико-тематическая дифференциация устойчивых сравнений рассматриваемого структурно-семантического типа связана с их внешней компаративной валентностью – исходным и ключевым пунктом любой семантической классификации вообще всех устойчивых сравнений. Исходя из этого в исследуемом типе устойчивых сравнений китайского языка выделяются следующие классы: 1) устойчивые сравнения, приложимые только к человеку (класс «*О человеке*»); 2) устойчивые сравнения, к человеку неприможимые (класс «*Не о человеке*»); 3) устойчивые сравнения, приложимые не только к человеку (класс «*О человеке, животном, предмете*»). В адъективных устойчивых сравнениях русского языка также выделяются классы исходя из внешней компаративной валентности: 1) устойчивые сравнения, приложимые только к человеку (класс «*О человеке*»); 2) адъективные устойчивые сравнения, к человеку неприможимые (класс «*Не о человеке*»); 3) адъективные устойчивые сравнения, приложимые не только к человеку (класс «*О человеке, животном, растении, предмете, событии*»). Как видим, в исследуемых устойчивых сравнениях обоих языков выделяются соотносительные семантико-тематические классы, однако третий класс устойчивых сравнений имеет меньший перечень «субъектов» компаративных отношений: «*человек*», «*животное*», «*предмет*» (кит.) vs. «*человек*», «*животное*», «*растение*», «*предмет*», «*событие*» (рус.).

Количественный состав выделенных классов устойчивых сравнений в рассматриваемых языках неодинаков, однако самым многочисленным классом как китайских, так и русских исследуемых сравнений является класс «*О человеке*». Проведенное исследование показало, что данный класс китайских устойчивых сравнений составляют 116 единиц, в то время как такой же класс русских адъективных устойчивых сравнений (АУС) включает 270 единиц, представляющих сравнительную часть АУС (333 конкретных АУС).¹ Например: кит. 高大魁梧 (высокий как дерево), 珠圆玉润 (толстый как круглый бисер), 肉肥膏红 (толстый как краб), 尖嘴猴腮 (худой как щека обезьяны), 齿如含贝 (белые как моллюск; о белых зубах женщины), 风波平定 (сильный как волна), 力大如熊 (сильный как медведь), 蝉腹龟肠 (голодный как брюшко цикады), 师老兵疲 (усталый как солдат),

¹ При классификации адъективных устойчивых сравнений, представленных в словаре только своей сравнительной частью, мы исходили из семантики «оснований сравнения», т.е. прилагательных, формирующих конкретные АУС. К примеру, сравнение *как черт* употребляется с прилагательными *злой* (*злой как черт*), *грязный* (*грязный как черт*), *хитрый* (*хитрый как черт*), *страшный* (*страшный как черт*), т.е. в составе четырех АУС. Следует заметить, что вопрос о многозначности устойчивых сравнений и пределах варьирования средств выражения «основания сравнения» до сих пор остается дискуссионным.

缩头乌龟 (трусливый как черепаха), 像墙头草 (слабый как трава), 金发碧眼 (зеленые как немцы; о зеленых глазах женщины), 烂醉如泥 (пьяный как глина); рус. *желтый как лимон, хитрый как лиса, худой как мумия, высокий как каланча, вялый как муха, черный как негр, пьяный как зюзя, болтливый как баба.*

В отличие от китайских устойчивых сравнений, в числе русских АУС данного класса отмечено 50 единиц, представляющих сравнительные части разных адъективных устойчивых сравнений, например: *красивый как ангел, добрый как ангел, невинный как ангел, кроткий как ангел; одинокая как былинка, тонкая как былинка; здоровый как верблюд, выносливый как верблюд; румяный как девушка, стройная как девушка, застенчивый как девушка; красивый как кукла, нарядный как кукла; гибкий как змея, коварный как змея; тяжелый как чугун, черный как чугун* и т.п.

В составе 2-го класса анализируемых устойчивых сравнений русского и китайского языков также имеются количественные различия. В русскоязычном языковом материале насчитывается 75 единиц, составляющих сравнительную часть АУС (или 81 адъективное устойчивое сравнение), в китайском – 3. Например: рус. *гладкий как блюдце* (о земной поверхности), *круглый как блюдце* (о водоеме); *крупный как горох* (о мелком предмете), *мелкий как горох* (о крупном предмете); *гладкий как зеркало* (о водной или земной поверхности, предмете), *чистый как зеркало* (о водной поверхности, предмете); *твердый как камень* (о предмете, веществе, массе), *тяжелый как камень* (о предмете, массе); кит. *澄江如练* (прозрачный как платок; о прозрачном предмете).

3-й класс устойчивых сравнений рассматриваемого типа составили 10 китайских устойчивых сравнений и 62 единицы, представляющие сравнительную часть АУС в русском языке (или 65 адъективных устойчивых сравнений). Например: *意志如钢* (твердый как железо; о твердом предмете и характере человека), *弱不禁风* (слабый как ветер; о предмете, о слабом человеке), *人云亦云* (слабый как облако; о предмете, о слабом человеке), *如弃敝屣* (бесполезный как плохая обувь; о бесполезном предмете и человеке), *危如累卵* (опасный как тонкое яйцо; об опасном предмете и состоянии человека), *视如珍宝* (любимый как сокровище; о любимом предмете и человеке), *凶如魔鬼* (злой как черт; о злом человеке и животном); рус. *черный как антрацит* (о глазах человека; о предмете, веществе, массе чего-л.), *гладкий как атлас* (о коже человека; о коже, шерсти животного), *мягкий как бархат* (о коже, волосах человека; о шерсти животного), *тяжелый как гиря* (о руке человека; о предмете), *огромный как гора* (о человеке; о животном; о предмете), *жесткий как подошва* (о кулинарном изделии, преимущественно мясном; о ладонях человека). В числе русскоязычных единиц данного класса также есть многозначные.

Дальнейшая семантико-тематическая классификация устойчивых сравнений китайского языка, как и устойчивых сравнений русского языка, осуществлялась с учетом двучленной структуры устойчивого сравнения, а именно: лексической семантики компонента, представляющего «основание сравнения» в сопроводительной (левой) части. Внутри каждого класса на основе общего (интегральн-

ого) семантического признака выделяются группы, подгруппы, разряды, т.е. более мелкие семантико-тематические объединения.

Поскольку семантико-тематический класс «О человеке» является самым многочисленным в обоих языках и поскольку основная смысловая оппозиция связана с приложимостью / неприложимостью устойчивых сравнений к человеку как «основному объекту сравнения» [2, с. 124], в статье рассматривается класс устойчивых сравнений, приложимых только к человеку.

В данном семантико-тематическом классе русских и китайских устойчивых сравнений рассматриваемого типа выделяется несколько групп, подгрупп, разрядов и подразрядов, однако их количество и состав разнятся.

Так, данный класс адъективных устойчивых сравнений русского языка распадается на следующие группы (с последующим членением на подгруппы, разряды, подразряды):

1. наружность, телосложение, внешний вид человека;
2. черты характера, нрав, душевные свойства;
3. речь;
4. умственные способности, мудрость;
5. физические качества и состояние, физиологические особенности;
6. эмоциональное (душевное) состояние, настроение;
7. семейное, социальное положение;
8. материальное положение;
9. неизбежность, рок.

В классе исследуемых китайских устойчивых сравнений, приложимых только к человеку, выделяются следующие группы (также с последующим членением на подгруппы, разряды):

1. наружность, телосложение, внешний вид человека;
2. черты характера, нрав, душевные свойства;
3. речь;
4. умственные способности, мудрость;
5. физические качества и состояние, физиологические особенности;
6. эмоциональное (душевное) состояние, настроение.

Количественный подсчет показал, что и в китайском и в русском языках самая многочисленная из групп этого класса – **«Наружность, телосложение, внешний вид человека»**. В данной семантико-тематической группе выделяется несколько подгрупп (см. ниже).

Подгруппа **«Рост»**:

о высоком человеке: кит. 人高马大 (высокий как лошадь), 顶天立地 (высокий как небо), 高大魁梧 (высокий как дерево); рус. *высокий как каланча, высокий как колокольня, длинный как шест*;

о низкорослом человеке: кит. 形如侏儒 (низкий как карлик), 小鸟依人 (низкий как птица).

Подгруппа «**Телосложение, вес, размеры и форма частей тела**»:

о полном, тучном человеке: кит. 肥头大耳 (толстый как свинья), 珠圆玉润 (толстый как круглый бисер), 肉肥膏红 (толстый как краб), 肥胖如熊 (толстый как медведь); рус. *толстый как боров, толстая как корова, толстый как свинья*;

о стройном человеке: кит. 杨柳细腰 (стройный как тополь), 瘦燕肥环 (стройная как ласточка); рус. *стройная как девушка, стройный как тополь, стройный как юноша*;

о худом, щуплом человеке: кит. 枯瘦如柴 (худой как щепка), 尖嘴猴腮, 皮包骨头 (худой как кость); рус. *худой как вобла, худой как глист, худой как К(к)ощей, худой как стичка, щуплый как стручок*;

о голове человека: кит. 滚瓜溜圆 (круглая как арбуз), 人头马面 (длинная как лошадиная голова); рус. *круглая как арбуз*.

Подгруппа «**Наличие / отсутствие волосяного покрова, структура волос, кожи**»:

о курчавом, лохматом человеке: кит. 卷毛如狗 (курчавый как пудель); рус. *курчавый как баран, курчавый как пудель, лохматый как медведь*;

о лысом человеке: рус. (голова) *лысая как яйцо, лысый как колено*;

о коже человека: кит. 面如方田 ((лицо) гладкое как поле); рус. *морщинистый как сморчок*;

о волосах, растительности на лице человека: рус. *жесткий как щетка, жесткий как щетина*.

Подгруппа «**Цвет (оттенки, интенсивность цвета) кожи, глаз, волос, губ, зубов**»:

белый: кит. 奶油小生 (белый как сливки), 鬓发如云 (белый как туман), 鹤发童颜 (белый как перо), 肌肉玉雪 (белый как снег); рус. *белый как бумага, белый как известь, белый как мрамор, белый как мука*;

черный: кит. 面如关公 (черный как Гуань Гун); рус. *черный как негр, черный как эфиоп, черный как агат, черный как цыган*;

красный: кит. 红如烤虾 (красный как (варёный) рак), 唇若点樱 (красные как вишня; о красных губах женщины); рус. *красный как бурак, красный как кумач, красный как мак, красный как помидор, красный как рак*;

желтый: кит. 面如蜡像 (желтый как воск); рус. *желтый как лимон, желтый как померанец*;

синий, голубой: кит. 深邃蓝眼 (синие как небо); рус. *голубые (синие) как васильки, голубые как небо*;

зеленый: 金发碧眼 (зеленые как немцы; о глазах).

Необходимо отметить, что многие прилагательные со значением цвета в рассматриваемых устойчивых сравнениях вначале имели только прямые значения, например: *белый как снег* – «белый, белоснежный», *肌肉玉雪* (букв. белый как снег). Однако с течением времени многие из таких прилагательных потеряли свое прямое значение и стали выражать другие качества предмета: *белый как мел* – бледный, *鬓发如云* (белый как туман) – седой. Прилагательные со значением

цвета в исследуемых устойчивых сравнениях могут характеризовать не только внешний вид человека, но и физическое состояние. Так, в устойчивом сравнении 面如蜡像 (желтый как воск) колоратив обозначает не только цвет, но и указывает на болезненное состояние человека.

Подгруппа «**Внешняя красота / непривлекательность, безобразность**»: кит. 如花似玉 (красивый как яшма), 蕙质兰心 (красивая как орхидея), 美若天仙 (красивый как ангел); рус. *красивый как амур (амурчик), красивый как ангел, красивый как Аполлон, красивый как бог, красивый как херувим, красивый как цветок*; кит. 人老珠黄 (некрасивый как воск); 小鼠目獐 (некрасивый как мышь), 囚首垢面 (некрасивый как арестант), рус. *страшная (некрасивая) как ведьма, страшный как черт*.

Подгруппа «**Опрятность / неопрятность, нарядность, цвет одежды**»: кит. 面似锅底 (грязный как дно котла); рус. *грязный как кочегар, грязный как поросенок, грязный как свинья, грязный как трубочист, грязный как черт*.

Семантико-тематическая группа устойчивых сравнений «**Черты характера, нрав, душевные свойства**» представлена в обоих языках также несколькими подгруппами (ниже даны иллюстрации некоторых подгрупп).

Подгруппа «**Доброта**»: кит. 赤子之心 (добрый как ребенок), 浑金白玉 (добрый как яшма), 善如菩萨 (добрый как Бодисатва); рус. *добрый как ангел*.

Подгруппа «**Злоба, злобность**»: кит. 虎党狐齐 (злой как тигр), 狼心狗肺 (злой как волк); рус. *злой как волк, злой как зверь, злая как ведьма, злая как мегера, злой как пес, злой как черт, злой как шакал*.

Подгруппа «**Хитрость**»: кит. 狡猾的像狐狸 (хитрый как лиса), 狡兔三窟 (хитрый как заяц), 鹰头雀脑 (хитрый как ястреб); рус. *хитрый как бес, хитрый как лиса, хитрый как черт*.

Подгруппа «**Храбрость**»: кит. 英勇如虎 (храбрый как тигр), 大勢雄兵 (храбрый как армия), 胆大如斗 (храбрый как До), 胆大如狮子 (храбрый как лев); рус. *храбрый как лев*.

Подгруппа «**Трусость, робость**»: кит. 胆小如鼠 (трусливый как мышь), 缩头乌龟 (трусливый как черепаха), 胆小如兔 (трусливый как заяц); рус. *трусливый как заяц, робкий как зверек*.

Подгруппа «**Застенчивость**»: кит. 害羞如孩子 (застенчивый как ребенок); рус. *застенчивый как барышня, застенчивая как девочка, застенчивый как девушка, застенчивый как институтка*.

Подгруппа «**Сдержанность, спокойствие**»: кит. 安如泰山 (спокойный как гора Тайшань); 心如止水 (тихий как вода); рус. *тихий как мышка*.

Подгруппа «**Лицемерие, неискренность, скрытность**»: кит. 守口如瓶 (скрытный как горлышко бутылки); рус. *лицемерный как фарисей; скользкий как налим*.

Подгруппа «**Трудолюбие**»: кит. 勤劳如蜜蜂 (трудолюбивый как пчела), 勤劳如园丁 (трудолюбивый как садовник), 勤劳如牛 (трудолюбивый как бык); рус. *трудолюбивый как пчела, трудолюбивый как муравей*.

Семантико-тематическая группа «**Речь**» представлена в обоих языках также несколькими подгруппами (см. ниже).

Подгруппа «**Болтливость**»: кит. 从令如流 (болтливый как поток воды); рус. *болтливый как сорока, болтливый как баба, болтливый как балаболка.*

Подгруппа «**Красноречие**»: рус. *красноречивый как Демосфен, речистый как Цицерон.*

Подгруппа «**Звучность речи, звонкость голоса**»: кит. 叽叽喳喳说个不停 (букв. звонкий как сорока); рус. *звонкий как колокольчик.*

Семантико-тематическую группу «**Умственные способности, мудрость**» составляют устойчивые сравнения, характеризующие человека по наличию (или отсутствию) ума, его качеству, а также мудрости.

Подгруппа «**Глупость, тупость**»: кит. 笨如槁木 (глупый как дерево), 愚笨如猪 (глупый как свинья), 蠢如鹿逐 (глупый как олень), 形容愚蠢 (глупый как баран); рус. *глупый как баран, тупой как валенок, тупой как дуб, умный как утка (ирон.).*

Подгруппа «**Ум**»: кит. 足智多谋 (умный как Чжу Гэлян), 智慧如猴 (умный как обезьяна), 聪明伶俐 (умный как ребенок); рус. *умный как бес.*

Подгруппа «**Мудрость**» представлена только русскими адъективными устойчивыми сравнениями *мудрый как змий, мудрый как Соломон.*

И в русской, и в китайской фразеологии имеются устойчивые сравнения, характеризующие человека по его физическим качествам и состоянию, физиологии. Семантико-тематическую группу «**Физические качества и состояние, физиологические особенности**» образуют несколько подгрупп (см. ниже).

Подгруппа «**Здоровье**»: кит. 寿比南山 (здоровый как гора Наньшань), 强壮如牛 (здоровый как бык), 强壮如马 (здоровый как лошадь), 福如东海 (здоровый как Восточно-китайское море); рус. *здоровый как битюг, здоровый как боров, здоровый как буйвол, здоровый как бык, здоровый как жеребец;*

Подгруппа «**Сила, выносливость, живучесть**»: кит.: 早春惊雷 (сильный как гром), 风波平定 (сильный как волна), 力大如熊 (сильный как медведь); рус. *сильный как медведь, крепкий как дуб, выносливый как верблюд, живучий как кошка.*

Подгруппа «**Слабость, беспомощность**»: кит. 面黄肌瘦 (слабый как воск); рус. *слабый как соломинка, беспомощный как ребенок, беспомощный как младенец.*

Подгруппа «**Усталость, вялость**»: кит. 鞍马劳倦 (усталый как конь), 师老兵疲 (усталый как солдат), 舟车劳顿 (усталый как путевой танкер); рус. *вялый как муха.*

Подгруппа «**Чувство голода**»: кит. 饿狼饥虎 (голодный как волк), 饥鹰饿虎 (голодный как коршун), 蝉腹龟肠 (голодный как брюшко цикады), 饿得像只狗 (голодный как собака); рус. *голодный как волк, голодный как зверь, голодный как пес, голодный как собака.*

Подгруппа «**Сытость**» представлена только китайскими устойчивыми сравнениями 吃的像猪 (сытый как свинья), 饱的像牛 (сытый как корова), 吃的像

熊 (сытый как медведь).

В подгруппе «*Трезвость*», наоборот, только русские адъективные устойчивые сравнения: *трезвый как стеклышко, трезвый как огурчик*.

В подгруппе «*Алкогольное опьянение*» русские устойчивые сравнения *пьяный как зюзя, пьяный как сапожник, пьяный как свинья, пьяный как стелька* и устойчивое сравнение китайского языка *烂醉如泥* (пьяный как глина).

Семантико-тематическую группу «*Эмоциональное (душевное) состояние, настроение*» составляют устойчивые сравнения, образующие подгруппы «*Веселье, радость*», «*Счастье*», «*Грусть, печаль*» и др. Например,

о веселом человеке китайцы говорят: *心花怒放* (веселый как расцветший цветок), *手舞足蹈* (веселый как танец), *欢呼雀跃* (веселый как птица);

о счастливом человеке: *满面春风* (счастливый как весенний ветер), *碧海青天* (счастливый как темно-синее небо), *幸福像鸳鸯* (счастливый как мандаринка);

о грустном, мрачном человеке русские говорят: *мрачный как ворон, мрачный как демон, мрачный как ночь, мрачный как туча*; китайцы используют устойчивые сравнения *忧郁的像阴霾的天* (угрюмый как темное небо), *忧郁的像残花* (угрюмый как вялый цветок), *忧郁的像槁木* (угрюмый как сухое дерево), *面如死灰* (печальный как зола), *无可奈何花落去* (скорбный как отцветший цветок), *槁木死灰* (безучастный как сухое дерево).

Семантико-тематические группы устойчивых сравнений «*Семейное, социальное положение*», «*Материальное положение*», «*Неизбежность, рок*» образуют только русские адъективные устойчивые сравнения, например: *одинокая как былинка, одинокая как кукушка, одинокий (один) как перст; богатый как жид, богатый как Крез, богатый как Ротшильд; неизбежный как судьба*. В анализируемом фразеологическом материале китайского языка устойчивых сравнений, образующих аналогичные группы, не обнаружено.

Устойчивые сравнения с «основанием сравнения» – качественным признаком являются, как правило, оборотами с ярко выраженной отрицательной или положительной оценкой. И в китайских и в русских устойчивых сравнениях обозначены как положительные, так и отрицательные черты характера, физические качества и состояние, умственные способности, поведенческие характеристики. Сравним: кит. *虎党狐齐* (злой как тигр), *蠢如鹿逐* (глупый как олень), *胆小如鼠* (трусливый как мышь), *面黄肌瘦* (слабый как воск) *像墙头草* (слабый как трава), *烂醉如泥* (пьяный как глина) и др., рус. *злой как волк, трусливый как заяц, глупый как пень, пьяный как зюзя* и др.; кит. *善如菩萨* (добрый как Бодисатва), *足智多谋* (умный как Чжу Гэлян), *勤劳如蜜蜂* (трудолюбивый как пчела), *力大如熊* (сильный как медведь) и др., рус. *добрый как ангел, трудолюбивый как пчела, сильный как медведь* и др.

Сопоставительный анализ показал, что в «основании» исследуемых русских и китайских устойчивых сравнений лежат как общие (одни и те же) признаки, так и различные. Такие признаки, как *большой, полный, стройный, худой, круглый, красивый, хитрый, застенчивый, храбрый, трудолюбивый, глупый, тупой, здоровый, грустный* и др., лежат в «основании» как русских, так и китайских

устойчивых сравнений. Такие признаки, как *тонкий, длинный, короткий, прямой, сутулый, лысый, мягкий, жесткий, свежий, опрятный, рассудительный, вспыльчивый, чуткий, коварный, нелюдимый, скупой, мудрый, ловкий, подвижный, неуклюжий, недовольный, одинокий, богатый* и др., выступают «основанием» только русских устойчивых сравнений. Такие признаки, как *низкорослый, веселый, счастливый* и нек. др., лежат в «основании» только китайских устойчивых сравнений. Как видим, адъективные устойчивые сравнения русского языка и устойчивые сравнения китайского языка, обозначающие качественный признак, отражают как общность народных наблюдений и направлений компаративных связей и отношений, так и уникальность. Ряд признаков-«оснований» является значимым только для носителей русского языка, равно как выделяются признаки, которые положены в «основание» устойчивых сравнений только китайского языка.

Итак, компаративные связи и отношения устанавливаются не только по отношению к человеку как «основному объекту сравнения» [2, с. 124], но и по отношению к неодушевленному предмету, животному, что релевантно для исследуемых микросистем устойчивых сравнений обоих языков. Однако проявление внешней компаративной валентности специфично в русских и китайских устойчивых сравнениях исследуемого типа: перечень «субъектов» адъективных устойчивых сравнений русского языка шире (человек, животное, растение, предмет, событие). В количественном составе семантико-тематических классов (и выделяемых в них групп и подгрупп) исследуемых китайских и русских устойчивых сравнений имеются как сходства, так и различия. Самым многочисленным классом является класс «О человеке», самой многочисленной группой в данном классе является группа «*Наружность, телосложение, внешний вид человека*». В русском языке, в отличие от китайского языка, сравнительная часть адъективных компаративных единиц может образовывать разные по значению устойчивые сравнения (*как змея – гибкий, коварный; как палка – худой, прямой; как черт – злой, грязный, хитрый, страшный; как поросенок – толстый, грязный; как медведь – сильный, неуклюжий, лохматый; др.*), что важно не только для лингвистического описания устойчивых сравнений русского языка, но и для составления фразеологических словарей, в том числе тематических и/или двуязычных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В.М. Огольцев. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ. – 2001. – 800 с.
2. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 159 с.
3. 中国成语大辞典, 上海辞书出版社, 2005年.
4. 俄汉成语辞典, 哈尔滨外国语学院出版社, 1958年.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЛЕНЬ»
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале зоонимической лексики)**

В статье на материале зоонимической лексики рассматриваются особенности вербализации лексико-семантического поля «лень» в русском и китайском языках.

Ключевые слова: зооним, зооморфизм, семантика, сема, коннотация

In the article on the example of the features of vocabulary zoonimicheskoy verbalization lexical- semantic field of "laziness" in Russian and Chinese.

Keywords: zoon , zoomorphism , semantics, sema , connotation

Русское слово *лень* восходит к латинскому *lassus* ‘вялый, медлительный, усталый’ [1, с. 482]. В самой этимологии лексемы заложено представление, связанное с важнейшими признаками, положенными в основу номинации: медлительностью и вялостью. По определению С.И. Ожегова, *лень* – ‘отсутствие желания действовать, работать; неохота’ [2, с. 410]. С точки зрения психологии *лень* – это универсальное средство защиты от бесполезного труда, чаще всего следствие неуверенности в цели, отсутствия стимулов, просто многолетней усталости. Таким образом, *лень* в той или иной степени присуща каждому человеку, так как все живые организмы ставят своей задачей оптимизировать соотношение полученных ресурсов и затраченной для этого энергии. Несмотря на это, как в русской, так и в китайской культуре *лень* совершенно справедливо порицается и рассматривается как недостаток. Русская мудрость гласит: *Леность наводит бедность; Ленивый да шалопай – два родных брата; Лень добра не деет; Лень к добру не приставит*. Изречения о лени находим и в «Библии»: *Алчба ленивца убьет его, потому что руки его отказываются работать; Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает* (Книга притчей Соломоновых) и др. В китайской культуре существует понятие 六蔽 (liùbì) ‘шесть пороков, мешающих совершению добрых дел’ [3, с. 624], которое известно как в конфуцианстве, так и в буддизме. Наравне с жадностью, неверностью слову, вспыльчивостью, разнузданностью и глупостью в число шести самых порицаемых пороков также входит *лень*. Отношение китайцев к лени также демонстрирует пословица: 人懶, 富不遠。人勤, 穷不久 (= Ленивые люди, хоть сейчас богаты, не долго останутся богатыми. Трудлюбивые люди, хоть сейчас бедны, не долго останутся бедными). Таким образом, *лень* – на первый взгляд негативно окрашенное понятие, имеющее в целом отрицательную коннотацию в обеих культурах.

Тем не менее, необходимо отметить, что в русской культуре находит отражение и несколько иное понимание лени. А.В. Зеленин в статье «Русская лень», так описывает отношение к лени в русском фольклоре: «В языческие времена лень считалась некоторым родом мести, которую насылали домовые хозяину дома (или его домочадцам) за его (их) нерадение, плохое содержание дома или

же просто так, из-за нелюбви к жильцам» [4, с. 25]. То есть лень считали следствием влияния мистических существ, которому человек не мог сопротивляться, поэтому и отношение к ней было достаточно снисходительное: *Всех дел не переделаешь; Нашей работы не переработает; Работа не чёрт, в воду не уйдёт; От работы не будешь богат, а будешь горбат*. В русских сказках лень также довольно безобидна и не агрессивна, ведь главные герои волшебных сказок – Иван-дурак, Емеля и др. – явно ленивые, но положительно осмысливаемые персонажи. Таким образом, лень понимается как «нечто родное, неотъемлемое свойство русского человека, один из возможных способов его жизни» [5, с. 44].

Несмотря на то что работа, а, следовательно, и лень не свойственна представителям фауны, человек, стремясь охарактеризовать поведение ленивых, прибегал к сравнениям с животными, так как при восприятии окружающей действительности именно животные чаще всего являлись воплощением тех или иных людских черт и характеристик.

Для того чтобы проследить, как реализуется лексико-семантическое поле *лень* в зоонимах русского и китайского языков, необходимо рассмотреть предметно-понятийный макрокомпонент лексемы *ленивый*. Семы, занимающие позицию ядра лексического значения данного слова, будут входить в околядерную зону зоонимов, в которых реализуется лексико-семантическое поле лексемы *лень*.

Толковый словарь русского языка даёт следующие определения лексемы *ленивый*: ‘не желающий работать, заниматься’ [2, с. 410], ‘выражающий лень, вялый, медлительный’ [2, с. 410]. Нормативный словарь современного китайского языка определяет слово 懒 (= ленивый) следующим образом: ‘отлынивает от работы; без радости расходует физическую силу или умственные способности’ [6, с. 781].

Проанализировав приведённые толкования, можно выделить следующие семы, составляющие ядерный компонент семантики лексемы *ленивый*: ‘любить безделье’, ‘не желать трудиться’. Околядерная зона представлена семами ‘малоподвижный’, ‘непроворный’, ‘медлительный’, ‘вялый’. Перечисленные семы на основе ассоциаций могут потенциально реализовывать такие семы, как ‘толстый’, ‘много спать’, ‘не приносить пользу’, ‘жить за чужой счёт’ и др.

Описывая языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков, Ли Сяндун справедливо заметил, что «в русском языке форма не имеет непосредственной связи со значением, и изменение лексической семантики может происходить без изменения словоформы» [7, с. 32]. Формирование переносных значений зоонимов осуществляется за счёт переструктурирования: предметно-понятийный макрокомпонент отходит к периферии, в то время как потенциальные семы занимают позицию ядра лексического значения. Таким образом, возникает зооморфизм – дериват зоонима, употребленный в метафорическом значении для характеристики человека.

Например, прямое значение зоонима *кот* ‘самец кошки’ [2, с. 382] реализуется через гиперсему ‘млекопитающее’ и гипосемы ‘хищник’, ‘относится к семейству кошачьих’, ‘самец’. Кроме того, в семантическую структуру указанного зоонима входят потенциальные семы ‘похотливый’ и ‘часто дремать’, называющие повадки животного. На периферии лексического значения обнаруживаются

семь, 'толстый', 'сытый', 'малоподвижный', 'неповоротливый', 'сластолюбивый', 'живёт на содержании', которые раскрывают образно-ассоциативные связи. Эмоционально-оценочные семы, занимая позицию ядерного компонента, формируют негативную коннотацию зооморфизма *кот* – 'похотливый, сластолюбивый мужчина', а также 'ленивый человек'. Например, *Похоже, журналист – толстый ленивый кот, а отнюдь не испуганная мышь* (В. Громов. Компромат для олигарха). В данном контексте словосочетанием *толстый ленивый кот* охарактеризован человек, достигший определённых карьерных высот, который может позволить себе сытость и лень.

Известно, что «кот оказывает благотворное влияние на сон. Поэтому образ кота часто встречается в детских колыбельных песнях» [8, с. 639]. Именно из-за своей чрезмерной потребности во сне коты в сознании русских стали воплощением ленивого человека, давая негативную оценку его поведению. Кроме того, славянские народы связывают образ кота с нечистой силой (Кот Баюн, напускающий смертный сон).

Для китайского языка метафоризация как способ образования новых слов менее характерна, так как этот язык стремится к мотивированному и конкретному выражению лексического значения. «Словообразование китайского языка осуществляется главным образом за счёт словосложения, новое понятие чаще всего получает свою форму выражения в виде неологизма на основе сложения двух или нескольких свободных морфем, уже имеющих в семиотической системе» [7, с. 32].

Например, внутренняя форма лексемы 懒猫 'ленивый' [9] определяется компонентами 懒 (= ленивый) и 猫 (= кот). С одной стороны, кот является воплощением покоя, и буддисты считают, что кот, как и человек, может добиться состояния нирваны – абсолютной отрешенности от реального земного мира. С другой стороны, бездействие, праздность и сонливость порицаются. Поэтому, употребляя в речи лексему 懒猫, китайцы дают отрицательную оценку человеку. Например, 她可不愿意让人家说她是小懒猫。 (= Она не хотела, чтобы люди говорили, что она лентяйка). \当代\报刊\作家文摘

Лексема 懒猪 (= ленивая свинья) употребляется в значении 'толстяк или лентяй' [9]. Например, 我现在后悔当初娶了个小懒猪。 (= Теперь я жалею, что взял в жёны лентяйку). \当代\文学\台湾作家\于晴 红苹果之恋.txt; 虽说君子不欺暗室, 但独处时, 你既可以尊贵如君子, 亦可浪漫如仙子, 或是天真幼稚得像个小孩; 又可以胡闹如野马, 懒惰如猪。 (= Хотя благородный человек безукоризненно честен, но, когда находится в одиночестве, может быть благородным, как джентльмен, романтичным, как фея или наивным, как маленький ребёнок; может скандалить, как дикая лошадь или лениться, как свинья). \当代\报刊\读者\读者 (合订本).txt. Слово-мотиватор 懒 (= ленивый), участвуя в процессе словообразования, указывает на потенциальную сему 'ленивый', входящую в структуру лексического значения зоонима 猪 (= свинья).

По итогам ассоциативного эксперимента, проводившегося учёными-лингвистами из Владивостока, с целью выявления значения зоонаименований человека в сознании современных носителей русского и китайского языков, ответы информантов распределились следующим образом: «Китайские информанты считают свинью ленивой (60%), ненасытной (32%), пассивной (6%), хитрой (2%). Русские информанты считают, что свинья грязная (60%), ненасытная (24%), толстая (16%)» [10, с. 9]. И русские, и китайцы соотносят со свиньёй негативные оценки, но ассоциации китайских информантов в своём большинстве не совпадают с представлениями о свинье русских людей. Несомненно, это связано с культурными особенностями. Согласно древней китайской легенде, двенадцать животных стали спорить о том, кто из них должен был возглавить двенадцатигодичный цикл времени. Боги решили, что двенадцатигодичный цикл начнёт тот, кто первым из них вплавь достигнет противоположного берега реки. По легенде, последней среди животных на другом берегу оказалась свинья, которая была слишком ленивой для того, чтобы быстро плавать, и поэтому год свиньи начинается в последнюю очередь. Кроме того, общеизвестным в Китае является комический образ получеловека-полусвиньи 猪八戒 (= Чжу Бацзе), который олицетворяет собой воплощение мелких человеческих страстей – прожорливости, похотливости, глупости и лени.

Лексико-семантическое поле «лень» также реализует русский зооним *байбак* ‘степной грызун из рода сурков, осенью и зимой впадающий в спячку’ [2, с. 41]. Семантическая структура зоонима представлена гиперсемой ‘грызун’; гипосемами ‘род сурков’, ‘крупный’, ‘впадать в спячку’ и потенциальными семами, ‘толстый’, ‘малоподвижный’, ‘непроворный’, ‘медлительный’. Все указанные потенциальные семы пересекаются с потенциальными и периферийными семами лексемы *ленивый*, поэтому зооморфизм *байбак* означает ‘неповоротливого, ленивого человека’ [2, с. 41] и имеет отрицательную коннотацию. Например, *Бурнашов тоже кидался помогать, он больше всего боялся выглядеть лентяем, байбаком: он горячо тыкался в каждое дело, но получалось из рук вон плохо, нескладно как-то, отчего Бурнашов мучился ещё более.* (В. Личутин. Любостай). В данном контексте зооморфизм *байбак* находится в однородном ряду со словом *лентяй*, что свидетельствует о приравнивании значений этих двух лексем. Байбак стал ассоциироваться с ленивым человеком из-за своего образа жизни: спячка длится 6-8 месяцев, а остальное время зверёк активно накапливает подкожный жир для очередной зимовки, стараясь как можно больше съесть и как можно меньше двигаться.

Прямое значение инсектонима *трутень* ‘самец в пчелиной семье’ [2, с. 1065] реализуется через гиперсему ‘насекомое’ и гипосемы ‘пчела’, ‘самец’. Также в семантическую структуру лексемы входят потенциальные семы ‘беспомощный’, ‘беззащитный’, ‘находиться на иждивении’, которые порождают образно-ассоциативные связи, которые обозначим семами ‘не желать трудиться’, ‘не приносить пользу’. Трутень – символ праздности и никчемности. Важным для формирования отрицательной оценки зооморфизма *трутень* является отсутствие общественно полезного труда насекомого, так как трутни из-за недоразвитого хо-

ботка не могут самостоятельно добывать себе пищу и находятся на полном иждивении рабочих пчёл улья. Поэтому зооморфизм *трутень* имеет значение ‘лентяй, ленивый, беспечный человек, живущий за чужой счет’ [2, с. 1065]. Например, *И он ухаживал за этим трусом и лодырем Вишняковым, за этим трутнем безмедовым, – как нянька, как мать* (А.И. Куприн. Гранатовый браслет); *После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно работать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым – оболтусы, тунеядцы, трутни!* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком!).

Китайская лексема 懒虫 (= ленивое насекомое) шутивно употребляется в значении ‘лентяй, лодырь’ [6, с.781]. Например, 那个连爱情都拉不动的懒虫, 你象吗? (= Тот, который испытывает чувство любви, лентяй, который не в состоянии что-то сделать, а ты похож?) \当代\报刊\读书\vol-110.txt. Компонент 虫 (= насекомое) также входит в состав лексемы 寄生虫 (= паразит), имеющей переносное значение ‘тунеядец, трутень, дармоед’ [11, с.1102]. Данное значение лексемы 寄生虫 (= паразит) является примером не характерного для китайского языка способа словообразования – метафоризации. Прямое значение лексемы 寄生虫 (= паразит) – ‘насекомое, паразитирующее на теле человека или животного’ [11, с. 1102]. На его основе развился новый лексико-семантический вариант за счёт того, что предметная сема ‘насекомое’ отошла к периферии лексического значения, а оценочная сема ‘паразитировать’ заняла позицию семантического ядра наряду с семами ‘живёт чужим трудом’ и ‘не желает трудиться’. Например, 八旗子弟多是寄生虫, 托荫贵族, 享受特权, 尔吃尔喝, 民脂民膏。 (= Потомки маньчжур тунеядцы, находятся под покровительством знати, пользуются благами и исключительными привилегиями, едят вашу еду и пьют ваши напитки, тратят народные деньги). \当代\报刊\人民日报\1998年人民日报\1998年人民日报.txt

Лексема 懒龙 (= инертный дракон) означает ‘лентяя, лежебоку’ [3, с. 707]. Например, 在我的印象中, 三叔永远是一头乱蓬蓬的头发, 一身油光发亮的破衣衫, 腰里扎根绳子, 脚上趿拉着一双破布鞋, 谁都不喜欢他, 背地里还叫他“大懒龙”。 (= В моём представлении, дядя отныне и до века представляется с растрёпанными волосами, в залосненной одежде, подпоясанный верёвкой, одетый в матерчатую обувь, никто его не любит, за глаза его называют большим лентяем). \当代\报刊\人民日报\1995年人民日报\4月份.txt. Согласно китайским традициям, старшие и пожилые люди всегда пользовались почетом и уважением, поскольку они были носителями мудрости, которую передавали другим поколениям. В приведённом контексте в отношении дяди лексема 大懒龙 ‘лентяй’ употреблена, наверняка, не случайно. Хотя она имеет негативную, коннотацию, наличие в её структуре зоонима 龙 (= дракон) указывает на уважительное отношение к возрасту.

Таким образом, представленный материал даёт основания говорить о разнообразии особенностей вербализации лексико-семантического поля «лень» в зоонимической лексике сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. \ М. Фасмер; Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель – АСТ, 2009. – Т. 2. – 671 с.
2. Ожегов, И.С. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов \ С. И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Оуразование», 2008. – 1200 с.
3. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1984. – Т.4. – 1062с.
4. Зеленин, А.В. Русская лень / А. В. Зеленин // Русский язык за рубежом. – 2004. – № 1. – С. 24 – 32.
5. Попова, Е.А. Лень в жизни и в русской речи / Е.А. Попова, А.Ю. Скрыльникова // Русская речь. – 2007. – № 4. – С.41 – 45.
6. 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 北京: 外语教学与研究出版社, 语文出版社, 2004. – 1790 页.
7. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Сяндун Ли // Вопросы филологии. – М., 2003 – № 2 (14). – С. 30-34.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: «Институт славяноведения РАН», 1995. – Т. 2: Давать – Крошки. – 639 с.
9. 大 БКРС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bkrs.info/> – Дата доступа: 09.11.2015.
10. Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения [Текст]: колл. монография / под общ. ред. Ю. О. Коноваловой; Ю. О. Коновалова, И.В. Андреева, Е. Ю. Гончарук, О. Д. Дербенёва и др. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. – 324 с.
11. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983. – Т.2. – 1100 с.

Фан Сян
(Минск, Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАИМЕНОВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ (на материале китайского языка)

Статья посвящена основным понятиям теории номинации: принципы, способы номинации, мотивированность и др. Рассмотренные теоретические понятия раскрываются на материале названий болезней в китайском языке.

Ключевые слова: номинация, деривация, ономасиология, принципы и способы номинации, мотивированность

The article is devoted to the basic concepts of the nomination theory: principles, methods of nomination, motivation, etc. The above theoretical concepts are illustrated by the names of diseases in Chinese.

Key words: nomination, derivation, onomasiology, principles and methods of nomination, motivation

Цель настоящей статьи – рассмотреть основные принципы и способы номинации на примере китайских названий болезней.

Термин номинация может трактоваться в широком и узком смысле. В узком понимании номинация – это обозначение предметов и явлений с помощью слов и словосочетаний. В широком плане номинация предполагает «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [1, с. 234].

Для изучения номинативных процессов особое значение имеет установление принципов, способов и средств номинации.

Под принципом номинации понимается «исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивирующих признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых именовании» [2, с. 77]. Выявление принципов номинации происходит на основании определения элементов, которые маркируются в структуре лексической единицы и соответственно помогают понять способы оценки внеязыковой действительности.

В работе Т.И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)» выделяются такие принципы номинации, как функциональный, качественно-характеризующий, акциональный, акторный, квантитативный, реляционный, партитативный, экзистенциальный и темпоральный [3].

Функциональный принцип номинации связан с практической деятельностью человека и актуализирует во внутренней форме слова информацию о назначении объекта наименования. Качественно-характеризующий принцип номинации актуализирует во внутренней форме слова информацию о физических свойствах объекта наименования. Партитативный принцип номинации актуализирует во внутренней форме слова сему ‘составляющая часть объекта наименования’. Квантитативный принцип номинации актуализирует во внутренней форме слова сему ‘количество составляющих элементов объекта наименования’. Локативный принцип актуализирует во внутренней форме слова сему ‘место использования объекта наименования’. Акциональный принцип актуализирует во внутренней форме слова сему ‘действие’. Экзистенциальный принцип актуализирует во внутренней форме слова сему ‘особенности существования (эксплуатации) объекта наименования’. Реляционный принцип номинации актуализирует во внутренней форме слова сему ‘отношение’. Акторный принцип актуализирует во внутренней форме слова сему ‘результат действия’.

Исследователи процессов номинации отмечают, что для разных тематических групп лексики характерны как общие, так и специфичные принципы номинации, основанные на определенных мотивировочных признаках, что объясняется как внутриязыковыми семантическими закономерностями, так и внеязыковыми особенностями объектов номинации.

Кроме того, отмечается, что такие характерные мотивировочные признаки и принципы для многих тематических групп могут полностью или частично совпадать в разных языках.

Способ номинации – это конкретный прием, с помощью которого реализован принцип номинации.

А.Ф. Журавлев в своем исследовании способов номинации в русском языке представил каталогизацию средств предметной номинации, а также отметил наличие универсальных и специфических черт в создании номинативных единиц в разных языках [4, с. 45–109]. В качестве основных универсальных способов номинации, которые занимают центральное положение в системе номинативных средств любого языка, исследователь называет некоторые виды деривации, словосочетание, семантический перенос и лексические заимствования из других языков [4, с. 45–46].

Исследованию способов номинации и словообразованию посвящены работы многих лингвистов, например, В.Г. Гака, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, А.И. Моисеева, В.Н. Немченко, И.С. Улуханова, А.А. Уфимцевой и др. Ученые выделяют следующие способы. 1) Морфемная деривация объединяет разные виды аффиксации, сложение и аббревиацию. 2) Семантическая деривация обозначает создание нового слова (слова с другим значением), но не морфологическими, а семантическими средствами. 3) Образование несвободных (цельных, нечленимых) сочетаний. В отличие от свободных словосочетаний, в которых сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в его состав элементов, в несвободном словосочетании самостоятельность значений его компонентов ослаблена или полностью утрачена. 4) Заимствования также являются одним из основных источников пополнения словарного запаса языка. Заимствованная лексика отражает факты социальных, экономических, культурных связей между языковыми коллективами. Кроме собственно заимствований существуют процессы словообразовательного, семантического и фразеологического калькирования.

Остановимся подробнее на названных способах номинации.

Морфемная деривация предполагает создание нового слова с помощью присоединения к производящей основе различных словообразовательных аффиксов. Морфемная деривация объединяет такие способы словообразования, как префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ, а также нулевая суффиксация, образование сложных слов, аббревиация и некоторые другие.

Семантическая деривация обозначает создание нового слова (слова с другим значением), но не морфологическими, как обычно, а семантическими средствами. К семантической деривации относятся метонимические переносы, метафорические переносы, а также конверсия.

Образование несвободных (цельных, нечленимых) сочетаний. В отличие от свободных словосочетаний, в которых сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в его состав элементов, в несвободном словосочетании самостоятельность значений его компонентов ослаблена или полностью утрачена. Большинство исследователей сходятся во мнении, что устойчивые словосочетания (фразеологизмы) должны характеризоваться тремя важнейшими параметрами: неоднословностью, устойчивостью и идиоматичностью (непрозрачностью и переинтерпретацией).

В.В. Виноградов, предложил в 1940-е годы классификацию фразеологизмов, которая восходит к концепции французского лингвиста Ш. Балли. Он выделил три основных типа фразеологических единиц: 1) фразеологические сращения (устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой (рус. *точить лясы*); 2) фразеологические единства (устойчивые сочетания слов с прозрачной внутренней формой – рус. *подливать масла в огонь*); 3) фразеологические сочетания (выражения, в которых одно из слов употреблено в прямом значении, а второе – во фразеологически связанном, ср. рус. *корень зла*, англ. *kick the bucket* ‘умереть’).

Заимствования бывают как прямыми, так и опосредованными. Кроме собственно заимствований существуют процессы словообразовательного калькирования (создание нового слова из своих морфем по образцу иностранного слова), семантического калькирования (использование для выражения нужного значения уже имеющегося в языке слово, путем придания ему нового значения по образцу иностранного слова, которое имеет аналогичную полисемию или внутреннюю форму) и фразеологического калькирования (пословный перевод идиоматического словосочетания, например рус. *взять такси* – это калька с франц. *prendre un taxi*. Примером словообразовательного калькирования выступают рус. *ледокол*, которое является калькой нем. *Eisbrecher* .

Под средствами номинации подразумевают различные фонетические, морфологические и синтаксические средства языка. Традиционно к номинативным средствам относятся лексические единицы. Однако расширенное представление о языковой номинации позволяет включить в ряд средств с номинативной функцией некоторые грамматические средства и служебные слова, так как они также способны соотноситься с предметами окружающей действительности. Выполняют они эту функцию только в составе слова, словосочетания и предложения.

Синтаксические средства также могут выполнять номинативную функцию. Так, например, порядок слов может быть семантическим и отражать определенные отношения между предметами и явлениями окружающей действительности. Последовательность элементов в высказываниях может отражать последовательность каких-либо событий (*Поезд прибыл на станцию, пассажиры вышли из вагонов*). Интонационные средства могут соответствовать определенному коммуникативному заданию (сообщение, вопрос, импликация и т.д.) или быть выражением какого-либо эмоционального состояния. Таким образом, «к средствам номинации относятся не только лексические единицы, но

любые не подвергшиеся десемантизации элементы языковой системы, служащие для обозначения объектов, связей, качеств, отношений» [1, с. 237].

Когда человек знакомится с новым предметом, он подмечает из совокупности присущих ему свойств какой-либо характерный, существенный признак, который уже имеет наименование в данном языке и использует его для создания нового наименования. При этом данный признак не раскрывает всей природы предмета или явления. Со временем признак, положенный в основу, может стать несущественным. Формальная изоляция слова (затемнение внутренней формы слова) возможна вследствие утраты источника наименования, что может привести к забвению основы наименования (*береза, лебедь*); заимствования слов из других языков (этимология слов остается в пределах языка-источника); различных фонетических процессов (чередование, ассимиляция, фонетическое выветривание и т.д.) и др. [1, с. 170–172].

При наименовании предметов, явлений и процессов в разных языках могут использоваться разные признаки, так как окружающий мир может восприниматься людьми по-разному (наличие опыта, ассоциативное мышление, уровень культурного развития, влияние внешней среды и др.). Иногда происходит конвергенция, когда признаки, положенные в основу наименований предметов, совпадают в разных языках, таким образом «...можно предположить, что разные языки «набрасывают» на действительность сеть с ячейками в целом примерно одинаковой частоты, сами эти ячейки не совпадают в своих очертаниях, в связи с чем и имеют место различия в «видении» мира» [1, с. 250].

Звукоподражание играет важную роль в номинации. В отличие от других наименований, в звукоподражательных словах положенный в основу признак всегда ощущается (рус. *щебетать, чирикать, жужжать, чавкать, шуршать, шепелявить* и т.д.). Фонетические особенности языков влияют на характер звукоподражательных слов.

Звукосимволика является более сложным явлением, при котором определенные звукосочетания применяются для выражения свойств предметов, явлений и процессов. Данное явление связано со сложным процессом переосмысления акустического восприятия и использование его в качестве средства передачи других свойств предметов (тат. *пылт-иту* ‘подражание миганию’, *тар-мар иту* ‘разгромить’; нанайск. *булчи-булчи* ‘прижимать уши’, *гуку-гуку* ‘задирать голову кверху’). В настоящее время существует тенденция к уменьшению создания звукосимволики.

Одним из центральных понятий ономазиологии (теории номинации) и в частности синхронного словообразования является понятие мотивированности. Под **мотивацией** понимается связь между словами, которая обнаруживает их мотивированность.

О.И. Блинова под внутренней формой слова подразумевает морфосемантическую структуру слова, позволяющую осознать взаимообусловленность его звучания и значения, структура которой включает следующие составляющие: мотивационная форма, мотивационное значение, мотивирующая часть, формантная часть [2, с. 16].

Обычно разные языки представляют значения по-разному. Изучение внутренней формы слова позволяет понять ассоциативность мышления носителей языка, особенности их образного восприятия мира и самобытный характер языка.

Живая внутренняя форма слова выявляется языковым сознанием современных носителей языка. С течением времени под влиянием различных внутриязыковых (развитие семантики, переразложение и опрощение морфемной структуры слов и т.д.) и внеязыковых процессов внутренняя форма слова может забываться, стираться. **Мертвая внутренняя форма слова** не выявляется языковым сознанием носителей языка.

Понятие мотивированного и немотивированного слова было введено в лингвистику Ф. де Соссюром. В славистике термины мотивация, мотивированность, мотивированный вошли в широкое употребление после публикации работы М. Докулила «Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov» (1962 г.).

Существует несколько определений понятия мотивированность. В ономазиологии «**мотивированность** представляется как результат процесса создания мотивированной формы наименования на основе мотивировочного признака, легшего в основу наименования, что соответствует ономазиологическому подходу в изучении языка: от понятия к слову» [2, с. 13]. О.И. Блинова в своей книге «Явление мотивации слов» под мотивированностью слова понимает структурно-семантическое свойство слова, которое позволяет понять рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической (на базе корневых морфем) и структурной (на базе аффиксальных морфем) соотносительности [2, с. 15–16].

В синхронном словообразовании мотивированность обозначает выводимость значения мотивированного слова из значения мотивирующего слова, а в диахроническом словообразовании мотивированность (производность) подразумевает формально-семантические отношения между производным и производящим словом.

Каждый предмет и явление действительности имеет определенный набор свойств. Он может быть обозначен либо через класс (благодаря указанию родового признака), либо через указание одного из своих специфических видовых признаков. В прямом номинативном значении слов представлено обобщение свойств предмета, в нем отражаются реальные (существенные и постоянные) свойства вещей: функции, внешние характеристики, среда использования, способ употребления и т.д. Выбор признака обусловлен познавательно-классификационной деятельностью человека, практическим освоением человеком мира, укладом жизни конкретного общества, уровнем его социального и культурного развития и другими экстралингвистическими факторами.

Мотивировочные признаки, т.е. признаки, которые кладутся в основу наименования объекта действительности, могут быть собственными и относительными. К собственным признакам предмета обычно относят форму, цвет, устройство, размеры, поведение, т. е. то, что отличает данный предмет от

всех других предметов данного класса. Относительные признаки характеризуют отношения и связи данного объекта с другими объектами. К ним относятся, например, последовательность, пространственные отношения, принадлежность, функции и т.д. Соответственно речь идет о квалификативных и релятивных номинациях.

Необходимо также отметить, что оба вида признаков могут одновременно присутствовать в номинациях (речь идет о смешанных номинациях) [1, с. 272–274].

Исследование общих закономерностей обозначения реалий через какой-либо признак помогает выявить специфическую для каждого конкретного языка «картину мира».

Различают следующие типы мотивированности слова:

1) В зависимости от способа мотивировки отличают абсолютную мотивированность (значение слова непосредственно обусловлено явлениями внеязыковой действительности) и относительную мотивированность (значение слов становится понятным через значение других слов).

2) В зависимости от средства мотивировки С. Ульман, В.В. Левицкий и В. Ульрих выделяют фонетический (для абсолютно мотивированных слов, например, рус. *барабан*, *колокол*), морфологический и семантический типы мотивированности. В словах с морфологическим типом мотивированности в зависимости от характера, закрепленного в лексеме мотивировочного признака, различают лексическую мотивированность, которая является результатом мотивации слова однокорневой лексемой и структурную мотивированность, обусловленную мотивацией одноструктурной лексической единицей [Блинова, О.И. Явление мотивации слов 1984, с. 34].

3) В зависимости от степени мотивированности: полная (слова характеризуются одновременно лексической и структурной мотивированностью и частичная мотивированность (слово имеет либо лексическую мотивированность и соотносится только с мотивирующим словом, например, *стеклярус*, ср. *стекло*), либо структурную мотивированность и соотносится только с одноформантным словом, например, *брусника*, ср. *костяника*) [2, с. 34–35].

Все уровни языка непосредственно или опосредовано участвуют в процессах номинации. Однако словообразование играет особую роль в теории номинации и выступает как одно из важнейших способов пополнения словарного состава языка.

Наименования болезней могут быть как мотивированными, так и с утраченной мотивировкой. Первые три из перечисленных выше способов номинации дают мотивированные наименования, заимствования же, конечно, являются немотивированными. Для мотивированных названий существенны конкретные мотивировки и мотивировочные признаки, т.е. признаки, которые кладутся в основу наименования объекта действительности. Они могут быть собственными и относительными. К собственным признакам предмета обычно относят форму, цвет, устройство, размеры, поведение, т.е. то, что отличает данный предмет от всех других предметов данного класса. Относительные признаки характеризуют отношения и связи данного объекта с другими объектами. К ним относятся,

например, последовательность, пространственные отношения, принадлежность, функции и т.д. При номинации нового предмета или явления на основе признаков другого предмета / явления происходит своеобразное смещение или перенос значения, который осуществляется двумя путями: посредством метафоры или метонимии.

Анализ названий болезней в китайском языке показывает, что, если проводить их классификацию в зависимости от способа номинации, то среди них наиболее часто встречаются сложения.

Например, кит. 伤寒 (shāng hán) ‘брюшной тиф’ восходит к названию из вэнь-янь, из области традиционной китайской медицины. Название 伤寒 буквально означает ‘травма от холода’ и образовано сложением двух основ 伤 (shang) ‘травма’ + 寒 = 寒冷 (han = han leng) ‘холод’. Обе морфемы 伤 и 寒 несвободны в современном китайском языке. То же наименование в традиционной китайской медицине употребляется для наименования любых заболеваний, вызванных переохлаждением (ср. рус. *простуда*, англ. *cold*), симптомами которых являются головная боль, озноб, лихорадка, боли в суставах, частый пульс и под.

Кит. 糖尿病 (táng niào bìng) ‘диабет’ переводится буквально как ‘болезнь сахарной мочи’: 糖 (tang) ‘сахар’ + 尿 (niao) ‘моча’ + 病 (bing) ‘болезнь’ (последняя морфема в современном китайском языке несвободна). Название мотивировано характером болезни: недостаточная секреция инсулина вызывает высокий уровень сахара в крови и моче, полиурию, жажду, чувство голода, зуд, слабость, потерю веса, острый ацидоз (повышение кислотности) и возможную кому.

Кит. 痢疾 (lì jí) ‘дизентерия’ также является сложением: 痢 (lì) + 疾 (jí) ‘болезнь’, где 痢 (lì) – фонетическое слово, часть 疒 обозначает что слово связано с болезнями, а 利 – фонетическая часть иероглифа, отвечающая за его произношение. Название болезни восходит к традиционной китайской медицине. Дизентерию в Древнем Китае называли Zhi xia буквально ‘застой’ + ‘низ’. В зависимости от разных симптомов выделяли Chi li ‘красная дизентерия’, Bai li ‘белая дизентерия’, Chi bai li ‘красно-белая дизентерия’, Jin kou li ‘рвотная дизентерия’ и т. д. Как известно, дизентерия – инфекционная болезнь, симптомами которой являются учащенное испражнение, боль в животе, лихорадка, стул с гноем, кровью и слизью и т.д., т.е. в этом случае название болезни также связано с ее симптомами.

Все три приведенных примера сложения являются мотивированными наименованиями. Первое из них кит. 伤寒 (shāng hán) ‘брюшной тиф’ / ‘простуда’ мотивировано понятием 寒 (han) ‘холод’ путем метонимии – причинно-следственного переноса. Метонимия лежит и в основе кит. 糖尿病 (táng niào bìng) ‘диабет’ (букв. ‘болезнь сахарной мочи’) < 糖 (tang) ‘сахар’ + 尿 (niao) ‘моча’ + 病 (bing) ‘болезнь’, где 糖尿 «сахарная моча» есть следствие и составляющая болезни. Названия типа кит. Chi li ‘красная дизентерия’, Bai li ‘белая дизентерия’, Chi bai li ‘красно-белая дизентерия’ образованы метафорическим переносом – по внешним цветовым характеристикам заболевания.

Что касается принципов номинации, реализуемых в рассмотренных выше названиях болезней в китайском языке, то в названии кит. 伤寒 (shāng hán) ‘брюшной тиф’ / ‘простуда’ реализуется акторный принцип: данная болезнь вызвана холодом, является результатом воздействия холода. Во втором случае – кит. 糖尿病 (táng niào bìng) ‘диабет’ (букв. ‘болезнь сахарной мочи’) < 糖 (tāng) ‘сахар’ + 尿 (niào) ‘моча’ + 病 (bìng) ‘болезнь’ – реализуется экзистенциальный принцип: реализуется сема ‘особенности существования объекта именованного’. В третьем случае реализуется качественно-характеризующий принцип, т. е. китайские номинации Chi li ‘красная дизентерия’, Bai li ‘белая дизентерия’, Chi bai li ‘красно-белая дизентерия’, Jin kou li ‘рвотная дизентерия’ указывают на качественные характеристики болезни.

Среди наименований болезней в китайском языке встречаются и заимствования.

Кит. 帕金森病 (pà jīn sēn bìng) ‘болезнь Паркинсона’ – это транскрибирование имени собственного Паркинсон (от англ. *Parkinson's disease* ‘болезнь Паркинсона’) средствами китайской графики 帕金森 (pà jīn sēn) + кит. 病 (bìng) ‘болезнь’.

Таким образом, наиболее частотны в китайском языке названия болезней, образованные сложением и мотивированные названиями симптомов и внешних признаков заболевания путем метонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языковая номинация: (Общие вопросы) / редкол.: Б.А. Серебrenиков, А.А. Уфимцева [и др.]. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
2. Блинова, О.И. Явление мотивации слов / О.И. Блинова. – Томск, 1984. 191 с.
3. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М., 1998. – 240 с.
4. Журавлев, А.Ф. Технические возможности языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке / А.Ф. Журавлев [и др.]; под общ. ред. Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1982. – С. 45–109.
5. 蔡基刚, 英汉词汇对比研究 (Сопоставительное исследование китайской и английской лексики) / 蔡基刚. Шанхай: Cai Jigang (Цай Джи Ган) – Изд-во Фудань университет, 2008. 363 с.
6. 汉语大词典 (普及版) (V6.62版) (Толковый словарь китайского языка (версия V6.62). Интернет-ресурс. URL: www.hydc.com. Дата доступа: 10.03.2015.
7. 新华字典在线-查字典网 (Словарь Синьхуа китайского языка). Интернет-ресурс. URL: <http://www.chazidian.com/ci>. Дата доступа: 10.03.2015.

ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ С ОПОРОЙ НА КОГНИТИВНУЮ БАЗУ ОБУЧАЕМЫХ КАК ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЧТЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается сущность обучения чтению на китайском языке на начальном этапе с опорой на когнитивную базу обучаемых и анализируются ее составные компоненты.

Ключевые слова: *когнитивное пространство, когнитивная база, когнитивная (статическая и динамическая) структура, концепт, фрейм, когнитивный шаблон*

The article analyzes the forming of cognitive base as one of the main principles of teaching students Chinese reading at the elementary level.

Key words: *cognitive space, cognitive base, cognitive structure (dynamic, static), concept, frame, cognitive routine*

Обучение чтению с опорой на когнитивную базу подразумевает под собой осуществление обучения чтению параллельно с формированием прочной когнитивной базы обучаемых, как части их когнитивного пространства, и с опорой на ее уже сформированные фрагменты.

Когнитивное пространство представляет собой некое абстрактное образование, предназначенное для переработки и хранения полученной извне информации. В него входит весь объем знаний индивида (когнитивные, семантические, семиотические, прагматические, психолингвистические, психофизиологические компоненты, служащие фильтрами (или векторами преломления) в передаче информации в процессе коммуникации) [1], так как, согласно Ю.Е. Прохорову, «принадлежность к определенной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии» [2].

Когнитивная база, представляя собой обязательные стереотипные знания, которыми должен овладеть обучаемый, является основой когнитивного пространства. Под когнитивной базой понимается определенным образом структурированная совокупность обязательного минимума знаний, национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители данного языка [3].

Вследствие того, что в процессе обучения иностранному, в частности китайскому, языку происходит присвоение образов другой культуры, в когнитивном пространстве обучающихся происходят изменения, что [4] находит свое отражение в насыщении когнитивной базы обучаемых новыми когнитивными структурами, отражающими представления о законах языка, функционирования его единиц и построения речи [5].

Когнитивные структуры бывают статические (концепты, фреймы) и динамические (фреймы-сценарии), которые при помощи процесса категоризации систематизируют знания, хранимые в памяти, на основе наличия сходных признаков.

Фреймы представляют собой когнитивные структуры, выражающие способы систематизации информации в сознании человека [6], которые основаны на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов.

Фрейм как статическая когнитивная структура состоит из вершины (темы), и слотов, терминалов, которые должны быть заполнены характерными примерами, или данными [7, 8]. При этом, надо отметить, что фрейм – это открытая структура, которая может расширять свои границы за счет поступления новой информации [9].

Динамические когнитивные структуры для процедурного представления знаний, такие как фреймы-сценарии [10] отличаются наличием (1) базового элемента – элемента действия, (2) темпоральных связей и (3) каузальных связей между отдельными элементами [11]. Согласно А.Н. Баранову, Д.О. Добровольскому они представляют собой совокупность процедур анализа единиц различных уровней, элементами которых являются подробные шаги алгоритма [11, с. 49]. В частности, А. Нойберт рассматривает фреймы-сценарии как механизмы анализа текста, а именно: как механизмы, активирующие фреймы в текстах [12].

Мы вслед за И.В. Баценко, считаем, что каждый фрейм организован вокруг некоторого концепта и хранит упорядоченную информацию, связанную ним. То есть фрейм – это некая когнитивно-языковая структура, предопределяющая языковое наполнение концептуальной ячейки. При этом, с одной стороны, *концепт* описывает ментальную действительность, являясь «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [13], и, с другой стороны, действует как глобальная мыслительная единица, сформированная в сознании человека, главной функцией в мышлении которой является категоризация, позволяющая группировать объекты, предметы и явления, имеющие определенные сходства в соответствующие классы.

Представляя собой, согласно Ю.С. Степанову, «основную ячейку культуры в ментальном мире человека», концепты обладают национально-культурной спецификой. В структуру концепта входит все то, что делает его «фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [14, с. 40–76].

Концепты как ментальные репрезентации языковых явлений структурируются во фреймы [15] и вербализуются в актах коммуникации языковыми средствами в результате процесса номинации [16].

Мы согласны с И.В. Баценко, которая утверждает, что «каждый язык эквивалентен определенной системе концептов» и, соответственно, фреймов. Вследствие чего считаем, что для китайского языка характерно наличие своего набора концептов, которые находят свое языковое отражение в фреймах, содержащихся в долговременной памяти индивида.

В нашем исследовании мы рассматриваем китайский язык через призму когнитивной лингвистики, согласно положениям которой язык рассматривается как система в совершенстве освоенных структур – «когнитивных шаблонов» (cognitive routine) [17], которые включают в себя 1) «символьные единицы», являющиеся биполярными, так как выражают связь между «семантической единицей» (значением) и «фонологической единицей» (звучанием) [18]; 2) «схемы построения» «символьных единиц» [18].

Вслед за Р. Лангакером мы считаем, что лексикон, морфология и синтаксис образуют единый континуум «символьных единиц», не распадающийся на непересекающиеся классы [19], вследствие чего рассматриваем китайский язык как совокупность «когнитивных шаблонов», в качестве которых выделяем иероглифы, слова, словосочетания, предложения и их «схемы построения».

По нашему мнению, в когнитивной базе обучаемых чтению на китайском языке на начальном этапе должна быть сформирована система «когнитивных шаблонов» (иероглифов, слов, словосочетаний, предложений), которые, благодаря наличию у человека двух фундаментальных когнитивных способностей, а именно схематизации (способности выделять общее, поднимаясь над частными отличиями) и категоризации (способности сравнивать новый опыт с имеющимся образцом) [18], в памяти представлены в виде упорядоченной совокупности концептов (концепт «смысловая группа X», «синтаксический концепт китайского простого предложения») и фреймов (мегафрейм «смысловая группа X», фрейм «значение идеографа N», фрейм «фонетик Y», фрейм «иероглиф N», фрейм «слово N», фрейм «синтаксический концепт N», «функциональный тип предложения N»).

Согласно Ши Юэ, в китайском языке насчитывается 163 идеографа, которые относят к 18 смысловым группам [20], которые образуют соответствующие концепты, находящие свою реализацию во фреймах. Значение идеографов будет выступать в качестве вершин фреймов, включающих в себя информацию о значении каждого идеографа, за каждым из которых стоит семантическое поле [21]. Каждый из фреймов будет содержать информацию о значении иероглифов, образованных от него. Например, иероглиф 茶:

иероглиф	фрейм «смысловая группа: явления растительного мира»	фрейм «значение идеографа 艹»	значение иероглифа
茶	艹、木、麦、 竹、禾	<ol style="list-style-type: none"> 1. Растения (травянистые), цветы, кусты (茶、草、苗、药、花、菊) 2. Овощи (蔬、葫、芦、菜、萝、葱、茄) 3. Фрукты (苹、蕉、菠、萝、莓、葡、萄) 4. Свойства растений (芬、药、芳、蔽、苾、菲) 	чай

То есть фрейм «значение идеографа 𠂇» является включенным в концепт, (и соответственно, во фрейм) «явления растительного мира», в результате чего образуется «мегафрейм» «смысловая группа: явления растительного мира» [22].

Таким образом, при овладении знаниями концептов/фреймов «смысловая группа» и фреймов «значение идеографа» студенты смогут определять значение любого незнакомого иероглифа, относящегося к ним с точностью до 70–80%.

Мы согласны с позицией Х. ван дер Халста, С. Элиассона, В.Л. Завьяловой и др. касательно того, что не только семантическую, но и фонологическую систему языка необходимо понимать как концептуальную систему, в которой фонологические структуры работают в тесной взаимосвязи с общекогнитивными схемами и которая представлена различного рода когнитивными структурами (фреймами) [23, 24, 25]. В данном случае в качестве вершин фреймов будут выступать фонетики, детерминирующие звучание иероглифов, образованных от них. Например,

Фрейм «фонетик 𠂇(тǎ)»
tǎ 𠂇, 码, 玛 mā 妈, mà 骂, ma 吗

В современном китайском языке выделяют различные степени совпадения звучания фонетика и фоноидеограммы, в состав которой он входит [26, с. 130-131]. Овладев фреймами «фонетик», возможно определять чтение незнакомого иероглифа-фоноидеограммы с точностью 35-100%.

Каждый иероглиф, являющийся фоноидеограммой, будет также характеризоваться своей включенностью во фрейм «фонетик 𠂇», вершиной которого будет чтение данного фонетика и совокупность всех его вариантов чтения в иероглифах, отражающих различные степени совпадения его звучания и фоноидеограмм, в состав которых он входит.

Таким образом, иероглиф-фоноидеограмма может рассматриваться через призму отнесенности к двум видам фреймов – мегафрейму «смысловая группа Х» и фрейму «фонетик 𠂇». Например, иероглиф 河:

иероглиф	«семантическая единица»			«фонологическая единица»	
	мегафрейм «смысловая группа»	фрейм «значение идеографа»	значение иероглифа	фрейм «фонетик 𠂇(kě)»	чтение иероглифа
河	«астрономические и природные явления»	1. водные пространства (реки, озера, моря, пруды, бассейны, пузыри) 2. действия с водой 3. жидкости (напитки, гели, масла и т.д.)	река	kě, hé	hé

Слово, как «когнитивный шаблон», в китайском языке представлено трем основными типами структур: они могут быть одно-, двух- и трехсложными, то есть состоять из одного, двух или трех иероглифов. Однако основной массив слов китайского языка составляют двусложные слова [27].

Слово, обладая лексическим значением, реализует его (семантическую единицу) в составе словосочетаний, предложений, являясь при этом не только структурным, но и смысловым элементом [28, с.68].

Слова входят во фреймы, вершинами которого являются значения иероглифов, например,

Фрейм «иероглифа 学»
学生、小学生、中学生、大学生、学者、学校、大学、中学、小学、学院、学家、汉学家、科学家、学历、学位、学术、学习

Словосочетания в китайском языке характеризуются большим многообразием [29]. По числу знаменательных слов, входящих в состав словосочетаний они подразделяются на простые (состоящие из двух знаменательных слов, выражающие единое значение и способные обозначать различные понятия: предметы, качества, действия, процессы) и сложные словосочетания (состоящие из трех или более знаменательных слов) [29].

По центральному (стержневому) компоненту основную массу словосочетаний современного китайского языка можно подразделить на субстантивные (центральный компонент – существительное), адъективные (центральный компонент – прилагательное) и глагольные (центральный компонент – глагол) [29].

В нашем исследовании «когнитивными шаблонами» являются определенные простые (двучленные) словосочетания, представляющие собой, согласно В.И. Горелову, простейшие, элементарные синтаксические единицы, которые создаются на основе единичной синтаксической связи - субстантивные и глагольные словосочетания, вследствие того, что именно к ним относится целый ряд синтаксических единиц с достаточно жесткой сочетаемостью их знаменательных компонентов.

Словосочетания могут входить во фреймы, вершинами которого будут а) значения иероглифов, например,

Фрейм «иероглифа 打»
打球、打人、打电话、打扮、打的、打字

б) значения слов.

Пример глагольных словосочетаний с жесткой сочетаемостью компонентов:

Фрейм «глагола 获得»
获得知识、获得消息、获得成功、获得独立、获得学位、获得成绩、获得信息、获得经验

Пример субстантивных словосочетаний с жесткой сочетаемостью компонентов:

Фрейм «прилагательного 优秀»
优秀人物、优秀儿童、优秀学生、优秀作品、优秀产品、优秀品质

Осмысленную говорящим ситуацию действительности (тип отношения между предметами), находящую выражение в предложении определенной структуры, в терминах когнитивной лингвистики можно назвать синтаксическим концептом и, таким образом, под структурной схемой простого предложения (ССП) понимать знаковое образование, семантической единицей которого является некоторый синтаксический концепт, выраженный средствами определенного набора синтаксических позиций, наложенных на определенную структурную схему простого предложения [30, 31, 32, 33]. Семантическое пространство языка состоит из синтаксических концептов, которые выражаются различными видами

структур в конкретном национальном оформлении [32, с. 38]. Весь лексикон языка распределен по структурным схемам предложений, обслуживающих типовые концепты, в которых осуществляется человеческое мышление и которые классифицируют и типологически объединяют структурные схемы простого предложения в те или иные синтаксические концепты, образующие единое синтаксическое поле [30, с. 171].

Рассматривая концептуальную природу китайского простого предложения, мы придерживаемся классификации Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой и выделяем следующие синтаксические концепты китайского простого предложения: «бытие объекта»; «бытие признака объекта»; «инобытие объекта»; «самостоятельное перемещение агенса»; «агенса воздействует на объект»; «речемыслительная деятельность человека»; «пациенс претерпевает состояние»; «небытие объекта», которые свое конкретное языковое оформление обретает в соответствующих фреймах, представленных конкретными предикативными структурами.

Так, например,

Фрейм «бытие признака объекта»
<p style="text-align: center;">是+宾语 副词 + 形容词 数字 (年龄/时间/钱数) 动词 + 得 + 程度副词 + 形容词</p>

В свою очередь предложения относятся к фреймам «функциональный тип предложения N». Например, фрейм «повествовательные предложения», фрейм «побудительные предложения», фрейм «вопросительные предложения».

Фрейм «побудительные предложения»
<ul style="list-style-type: none"> • 主语 + 谓语+吧 ‘подлежащее + сказуемое + побудительная частица’ • 主语 + 谓语+好吗 (可以吗) ? ‘подлежащее + сказуемое + 好/可以+вопросительная частица吗?’ • 请/让+(主语) + 谓语+(吧) ‘глагол «просить/заставлять» + (подлежащее) + сказуемое + (побудительная частица)’ • (主语) + 别+谓语+了 ‘(подлежащее) + отрицательная частица 别+ сказуемое + частица 了’

Мы считаем, что для обеспечения эффективности процесса чтения на китайском языке уже с самого начала обучения необходимо заниматься последовательным и системным формированием прочной когнитивной базы студентов, в нее должны входить специально отобранные когнитивные структуры, необходимые для начального этапа обучения чтению на китайском языке.

Формирование когнитивной базы, представляющее собой формирование «когнитивных шаблонов», в нашем исследовании имеет последовательный характер в соответствии с принципом «от простого к сложному», а также концентрическим принципом обучения. Их запоминание имеет не разрозненный характер, а путем отнесенности к группе единиц, представляющих собой некоторую единую схематизацию опыта (знание) [6]. С помощью когнитивных операций

схематизации (способности выделять общее, поднимаясь над частными отличиями) и категоризации (отнесения единичного объекта к некоторому классу [34] и способности сравнивать новый опыт с имеющимся образцом) [18], обучаемый в своем сознании поэтапно формирует сложные когнитивные структуры – концепты и фреймы «когнитивных шаблонов», представляющие собой совокупность хранимых в памяти типичных ассоциаций [35] и отражающие типические связи и характеристики единиц, входящих во фрейм. Таким образом, студенты могут определить значение/чтение единицы (абсолютно незнакомой – с большой долей вероятности), активировав в долговременной памяти нужный фрейм и связав значение/чтение единицы с лежащим в ее основе фреймом.

Каждый фрейм является частью более широкой фреймовой системы, включающей родственные соотнесенные фреймы [36], поэтому его можно расширить в более сложную фреймовую структуру за счет тесной взаимосвязи и взаимопроникновения фреймов, в результате чего образуется «мегафрейм» [22].

Таким образом, студенты сначала овладевают набором черт и графем, являющимися основными строевыми элементами иероглифов, затем начинается формирование концептов и фреймов (концепт «смысловая группа N» /мегафрейм «смысловая группа X», фрейм «значение идеографа N», фрейм «фонетик Y»), овладение которыми облегчит идентификацию знакомых иероглифов, а также понимание и озвучивание незнакомых.

На следующем этапе происходит формирование фреймов «иероглиф N», «слово N», которое позволяет быстро и безошибочно прогнозировать и понимать значение слов и словосочетаний.

С целью овладения синтаксическими (предикативными) конструкциями и образованными от них простыми предложениями в сознании обучаемых происходит формирование понятия о «синтаксическом концепте простого предложения» и его структуре. Данный тип концепта позволяет совместить языковые и неязыковые знания в сложном механизме взаимодействия всех уровней предложения, что позволяет обучаемому не только осуществлять прогнозирование развертывания структуры предложения, но и его значения. Затем осуществляется переход к формированию фреймов «функциональный тип предложения N».

«Когнитивные шаблоны», вступая в различные отношения между собой, образуют сложную единицу – текст. При восприятии текстов, с помощью фреймов-сценариев активируются содержащиеся в текстах фреймы [12], в результате в сознании читающего создается некий текстовый «фрейм», который включает в себя содержание языковых реализаций всех «когнитивных шаблонов», образующих его. Следовательно, в основе восприятия текста лежит не столько интерпретация его филологических характеристик, сколько создание под влиянием этого текста модели фрагмента картины мира [37], в результате чего происходит построение/изменение когнитивного пространства обучаемых. Данный процесс напрямую связан с извлечением и интерпретацией когнитивных структур (фреймов, концептов), наполняющих текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуревич, Л.С.* Когнитивное пространство метакоммуникации [Текст] / Л.С. Гуревич. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – 372 с.
2. *Прохоров, Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
3. *Красных, В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
4. *Латышева, В.Л.* Характеристики прецедентных феноменов как ядерных элементов языкового сознания (на материале русского и французского языков) [Текст]: автореф. ... дис. канд. фил. наук: 10.02.19 / В.Л. Латышева. – Иркутск, 2011. – 19 с.
5. *Багаева, Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко // Вестник Московского университета. – 1997. – № 3 (9). – С. 62–75.
6. *Филлмор, Ч.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.
7. *Минский, М.* Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
8. *Макаров, М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998., – 200 с.
9. *Ежова, Е.А.* Фрейм как метод структурирования логико-семантического пространства системы 2+ [Электронный ресурс] / Е.А. Ежова // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 7. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/28056>. – Дата доступа: 24.06.2015.
10. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
11. *Иванова, С.В.* Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра «лимерик» [Текст] / С.В. Иванова, О.Е. Артемова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №3 (006). – С. 46–52.
12. *Neubert, A.* Translation as Text / A. Neubert, G. Shreve. – Kent, Ohio & London: Kent State University Press, 1992. – 169 p.
13. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
14. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
15. *Телия, В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
16. *Баценок, И.В.* Формирование у студентов неязыкового вуза иноязычного лексикона (на материале английского языка): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / И.В. Баценок. – Минск, 2003. – 173 л.

17. *Langacker, R.W.* A usage-based model / R.W. Langacker // B. Rudzka-Ostyn ed. Topics in cognitive linguistics. – A. ; Ph.: Benjamins, 1988. – Pp. 127–161.
18. *Langacker, R.W.* Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / Langacker R. W. – Berlin ; New York: Mouton de Guyter, 1991. – 527 p.
19. *Langacker, R.W.* An overview of cognitive grammar / R.W. Langacker // B. Rudzka-Ostyn ed. Topics in cognitive linguistics. – A. ; Ph.: Benjamins, 1988. – Pp. 3–48.
20. 史, 玥. 常用汉字表:形声字形符义类分布分析 = Ши, Юэ. Перечень наиболее частотных иероглифов: классификация идеографов / 史玥 // 重庆科技学院学报 (社会科学版) – 2010. – №4. – 81–82 页。
21. *Кочергин, И.В.* Очерки лингводидактики китайского языка / И.В. Кочергин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 192 с.
22. *Огнева, Е.А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: монография / Е.А. Огнева. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
23. *Завьялова, В.Л.* Когнитивные фонологические исследования в языкознании / В.Л. Завьялова // Гуман. иссл-я в Вост. Сиб. и на Дальн. Вост. – 2014. – № 4. – С. 131–143.
24. *Eliasson, S.* An outline of a cognitively-based model of phonology / S. Eliasson // V. Ivir, D. Kalogjera eds. Languages in contact and contrast. – B. ; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – Pp. 155–178.
25. *Hulst, H.G. van der.* Cognitive phonology [Electronic resource] / H.G. van der Hulst // Germania at alia. A linguistic webschrift for Hans den Besten on the occasion of his 55th birthday. – 2003. – Mode of access: <http://odur.let.rug.nl/koster/DenBesten/VanderHulst.pdf>. – Дата доступа: 11.10.2015.
26. 对外汉语教学研究 = Исследования в области методики преподавания китайского языка как иностранного / 孙德金主编. – 北京: 商务印书馆, 2006. – 481 页。
27. *Горелов, В.И.* Теоретическая грамматика китайского языка / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
28. *Булынина, М.М.* Проблема синтаксического концепта / М.М. Булынина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова: Филологические науки. – 2012. – №4. – С.67-73.
29. *Горелов, В.И.* Лексикология китайского языка: учеб. пособ. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.
30. *Волохина, Г.А.* Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 196 с.
31. *Казарина, В.И.* Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / В.И. Казарина. – Воронеж, 2003. – 429 л.
32. Французские обороты с местоимением *il* в зеркале русского языка: монография / В. А. Федоров. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. – 216 с.
33. *Фурс, Л.А.* Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... доктора фил. наук: 10.02.04 / Л.А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 370 л.

34. *Богданов, И.В.* Психология и Педагогика [Электронный ресурс] / И.В. Богданов, С.В. Лазарев и др. – Режим доступа: <http://www.ido.edu.ru/ffec/psych/ps13.html>. – Дата доступа: 11.10.2015.
35. *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104 с.
36. *Бабина, Л.В.* Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография / Л.В. Бабина. – Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 264 с.
37. *Ларина, Т.Ю.* Репрезентация знаний и когнитивное пространство художественного текста / Т.Ю. Ларина // Межд. научн. журнал «Символ науки». – 2015. – № 3. – с.139-143.

Холева Г.С.
(Мінск, Беларусь)

ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ ПЕРАКЛАДАЎ ВЕРША ДУ МУ “金谷园” НА АНГЛІЙСКУЮ, РУСКУЮ І БЕЛАРУСКУЮ МОВЫ

У рабоце праводзіцца параўнальны аналіз перакладаў верша Ду Му “金谷园” на англійскую, рускую і беларускую мовы. Дзеіцца вызначэнне такім паняццям, як адэкватнасць і функцыянальная адпаведнасць. Асобая ўвага аддаецца творчым аспектам моўнай трансфармацыі мастацкага тэксту.

Ключавыя словы: мастацкі пераклад, эквівалентнасць, адэкватнасць, функцыянальная адпаведнасць

This article is devoted to the translating analysis of Du Mu poem “金谷园” into English, Russian and Belarusian. The given article defines such terms as adequate translation and functional accuracy. The article focuses on creative aspect of language transformation.

Key words: literary translation, equivalence, adequate translation, functional accuracy

Пераклад – гэта ключ, з дапамогай якога чытач адчыняе дзверы ў іншы свет, у свет іншага народа, а дакладней, у свет рэчаіснасці, адбітай у мастацкіх творах вачыма пісьменніка. Гэта не толькі паслядоўная перадача элементаў тэксту з адной мовы на другую, гэта, перш за ўсё, дыялог паміж людзьмі, паміж культурамі, сродак узаемадзеяння і ўзаемаабагачэння нацыянальных літаратур.

Эквівалентнасць – цэнтральнае паняцце тэорыі перакладу. Пад эквівалентнасцю прынята разумець меру супадзення перакладзенага тэксту з зыходным [1]. Пры гэтым кожнаму слову і рэаліі адной мовы трэба падабраць адпаведнае слова і рэалію ў той мове, на якую робіцца пераклад. Але на практыцы знайсці адпаведнікі да кожнай адзінкі першапачатковага тэксту немагчыма, і імкненне да звышдакладнага перакладу аказваецца безвыніковым. У сувязі з гэтым, асабліва ў дачыненні да мастацкіх тэкстаў, прынята казаць пра адэкватнасць перакладу. Адэкватны пераклад – стварэнне адзінства зместу і

формы арыгінала сродкамі іншай мовы [1]. Прагматычнае паняцце адэкватнасці заснавана на адпаведнасці цэласнага ўражання, той эмацыйнай рэакцыі, якая дасягаецца перакладам у супастаўленні з арыгіналам. Па сутнасці, гаворка ідзе пра экспрэсіўна-эстэтычную адэкватнасць, пра здольнасць мастацкага перакладу забяспечыць эмацыйнае перажыванне той жа інтэнсіўнасці, якая дасягаецца пры чытанні арыгінала. Такім чынам, асноўная задача перакладчыка мастацкіх тэкстаў заключаецца ў стварэнні функцыянальна эквівалентнага перакладу, пад якім мы разумеем ідэнтычнасць інтэлектуальна-эмацыйнай рэакцыі рэцыпіента (у дадзеным выпадку чытача) на арыгінал і пераклад. Функцыянальная адпаведнасць – гэта пошук і адбор аўтарам перакладу моўных сродкаў, якія здольныя выканаць тыя ж функцыі ў перакладзе і аказаць такое ж уздзеянне на чытача, як бы ён чытаў тэкст у арыгінале.

Пераклад – гэта не проста механічная перадача ўсёй сукупнасці элементаў арыгінальнага тэксту, а складаны свядомы адбор розных магчымасцей іх перадачы. Перакладчык, як і любы чытач, які ўступае ў камунікацыю з мастацкім тэкстам, суб’ектыўны. Часам канцэпцыі ўспрымання твора перакладчыкам і аўтарам могуць значна адрознівацца, што прыводзіць да суб’ектыўнай інтэрпрэтацыі арыгінала ў працэсе перакладу на іншую мову. А таму часта пераклады аднаго і таго ж твора могуць значна адрознівацца паміж самой. У гэтым артыкуле мы паспрабуем параўнаць пераклады верша “金谷园” Ду Му – вядомага кітайскага паэта эпохі Тан – на англійскую, рускую і беларускую мовы і прасачыць, ці ўдалося перакладчыкам дасягнуць функцыянальнай адпаведнасці з арыгіналам.

Для больш нагляднага і зручнага параўнання мы зрабілі свой паслоўны, максімальна набліжаны па семантыцы да арыгінала пераклад, які дазволіць праілюстраваць ступень адыходжання перакладаў ад першапачатковага тэксту.

Таблица 1. Пераклады верша “金谷园” Ду Му на англійскую, рускую і беларускую мовы

Арыгінал	Падрадкоўнік	Пераклад Уілтэра Бінера
金谷园 繁华事散逐香尘， 流水无情草自春。 日暮东风怨啼鸟， 落花犹似坠楼人。	Сад залатой даліны Раскоша мінулага развевалася з духмяным пылам. Вада плыве без пачуццяў, а трава, як і раней, зелянее. На захадзе сонца з усходнім ветрам чуваць стогн птушак. Кветкі ападаюць, як падае чалавек з вежы.	The Garden of the Golden Valley Stories of passion make sweet dust, Calm water, grasses unconcerned. At sunset, when birds cry in the wind, Petals are falling like a girl's robe long ago.

Пераклад А. Сяргеева	Пераклад Р. Барадуліна	Пераклад М. Мятліцкага
<p>Сад Цзиньгу Роскошная жизнь расточилась вослед за благоуханной пылью. Бегущие воды не знают чувств, трава не знает людей. Восточный ветер и птичий стон в деревьях на склоне дня. Со стебля падает лепесток, как девушка из окна.</p>	<p>Сад Цзіньгу Услед за духмянай пярхою Жыццю марнавацца лацвей. Пачуццяў не ведаюць воды, не ведаюць травы людзей. І вецер усходні, і шчэбет у дрэвах жыве дапазна. Пялёстка ляціць са сцябліны, нібыта дзяўчына з вакна.</p>	<p>Сад Цзіньгу Раскоша жыцця разляцелася ўслед за пахкім, свежым пылком. Пачуццяў не мае вірлівая плынь, людзей не помніць трава. Усходні вецер і птушак грай у кроне на схіле дня. Пялёстак падае са сцябла, нібы прыгажуня з акна.</p>

Назву верша “金谷园” можна перакласці як “Сад залатой даліны”, аднак толькі ў англамоўным варыянце захавана лексічная адпаведнасць назвы з арыгіналам (The Garden of the Golden Valley). У перакладах на рускую (Сад Цзиньгу) і беларускую мовы (Сад Цзіньгу) выкарыстоўваецца спосаб транслітэрацыі – фанетычнай перадачы знакаў з адной мовы на другую. Гэты спосаб часта ўжываецца для перадачы безэквівалентнай лексікі, а таксама для абазначэння геаграфічных назваў. Аднак, нам падаецца, што для захавання вобразнасці пры перакладзе паэтычных твораў, пры магчымасці паслоўнай перадачы з захаваннем першаснага сэнсу, больш адэкватным будзе з’яўляцца эквівалентны пераклад. Назва “Цзіньгу” функцыянальна не адпавядае арыгіналу і не нясе ў сабе канцэптуальна-эстэтычнага зместу.

Назва верша – алюзія на гісторыю прыгажуні Люй Чжу (绿珠 – зялёны жэмчуг), якая нарадзілася ў вёсцы ў простаай сям’і. Пра яе незвычайную прыгажосць ведалі далёка за межамі вёскі. Заможны саноўнік Шы Чун (石崇), уладальнік сада 金谷园, за жэмчуг выкупіў дзяўчыну ў бацькоў і зрабіў яе сваёй наложніцай, даўшы ёй новае імя – Жамчужына. Палкаводзец Сунь Сю (孙秀) таксама быў закаханы ў прыгажуню і, каб атрымаць яе да сябе ў наложніцы, абвінаваціў Шы Чуна ў дзяржаўнай здрадзе. Шы Чун быў пакараны смерцю, але Лю Чжу, даведаўшыся праўду, не захацела быць з Сунь Сю і скончыла жыццё самагубствам, выскачыўшы з акна вежы. На жаль, ні ў водным варыянце перакладаў у каментарых не падаецца адсылка на гэту гісторыю. Такім чынам, схаваны ў назве падтэкст застаецца нераскрытым, што пазбаўляе чытача магчымасці атрымаць перажыванне аднолькавай з арыгіналам па інтэнсіўнасці.

Свой верш Ду Му напісаў пасля таго, як на ўласныя вочы пабачыў занядабалы сад, ад мінулай прыгажосці якога не засталася ні сляда. Уражанне ад убачанага ўвасобілася ў першым радку “繁华事散逐香尘”, які паслоўна можна перакласці як “Раскоша мінулага развееся з духмяным пылам”. “Раскоша мінулага” – гэта бесклапотнае, насычанае падзеямі жыццё былых гаспадароў сада, і ўсё, што нагадвала пра ранейшую веліч гэтага месца, знікла, ператварыўшыся ў пыл. У англамоўным перакладзе “раскоша мінулага”

перадаецца праз словазлучэнне “Stories of passion” (“гісторыі жарсці”), якія ператварыліся ў салодкі пыл (“sweet dust”). У гэтым варыянце перакладу словы “passion” і “sweet” акцэнтуюць любоўны кампанент гісторыі сада, які адсутнічае ў арыгінале. Але, з пункту гледжання функцыянальнасці, такі варыянт перакладу можна лічыць адэкватным. У сваім перакладзе М. Мятліцкі скарыстаўся такім спосабам трансфармацыі, як дабаўленне, дадаўшы ў апісанне пылу прыметнік “свежы”, што, аднак, функцыянальна не паўплывала на агульнае ўспрыманне радка. Рускамоўны пераклад Сяргеева “Роскошная жизнь расточилась вослед // за благоуханной пылью” максімальна набліжаны да арыгінала і захоўвае ў сабе лексічную адпаведнасць з кітайскім тэкстам, а словы “расточилась” і “благоуханный” перадаюць яшчэ і стылістычныя асаблівасці верша. Пераклад першага радка Р. Барадуліным можна лічыць самым вольным і далекім ад арыгінала, але ў такім перакладзе захаваны агульны настрой і экспрэсіўнасць верша.

Другі радок верша “流水无情草自春” можна паслоўна перакласці як “Вада плыве без пачуццяў, а трава, як і раней, зелянее.” Гэтым радком Ду Му падкрэслівае нязменнасць прыроды ў параўнанні з чалавечым жыццём, яго зменлівым лёсам, поўным выпрабаванняў і цяжкасцей. “Вада без пачуццяў” азначае, што прырода аб'якава да людскіх пачуццяў, а трава, незалежна ні ад чаго, будзе ізноў зялёнай кожную вясну. У перакладах на рускую і беларускую мовы першая частка радка перакладзена ў адпаведнасці са зместам кітайскага тэксту (“Бегущие воды не знают чувств”, “Пачуццяў не ведаюць воды”, “Пачуццяў не мае вірлівая плынь”). Аднак, нельга не адзначыць, што пераклад другой паловы радка не зусім карэктны (“трава не знае людзей”, “не ведаюць травы людзей”, “людзей не помніць трава”). Чытач успрымае траву некранутай, яна не ведае чалавека, а гэта значыць, што чалавек ніколі па ёй не хадзіў. У перакладзе М. Мятліцкага фраза “не помніць людзей трава” хутчэй азначае, што раней каля сада жылі людзі, але з цягам часу яны пакінулі гэтае месца. У арыгінале маецца на ўвазе, што трава не залежыць ад чалавека, яна, нягледзячы ні на што, заўсёды будзе зелянец і радавацца вясне. Больш адэкватным другі радок выглядае ў перакладзе на англійскую мову: “Calm water, grasses unconcerned.” (Спакойная вада, бесклапотныя травы.)

Трэці радок верша “日暮东风怨啼鸟” азначае, што на захадзе сонца з усходнім ветрам можна пачуць стогн, плач птушак. Вясновы спеў птушак павінен радаваць чалавека, але тут, на схіле дня, ў забытым людзьмі месцы, ён успрымаецца як энк, прыводзіць чалавека ў смутак і роспач. Наогул, ва ўсіх варыянтах перакладу захаваны семантычная і функцыянальная еднасць з арыгіналам, але англійскі варыянт ўсё ж выглядае больш эквівалентным. У беларускамоўных і рускамоўным перакладах, у адрозненні ад англамоўнага, ёсць дабаўленне слова “дрэвы” (“стон в деревьях”, “шчэбет у дрэвах”, “трай у кроне”), якое адсутнічае ў арыгінале. Р. Барадулін у дачыненні да стогну птушак ужывае слова “шчэбет”, а М. Мятліцкі “трай”, якія семантычна не перадаюць энк, плач птушак. Такі недакладны пераклад зніжае экспрэсіўнасць радка,

робіць яго эмацыйна нейтральным. Англійскае слова “сгу” падаецца больш трапным, бо сумяшчае ў сабе значэнні “крычаць” і “плакаць”.

Апошні радок “落花犹似坠楼人” мае значэнне “кветкі ападаюць, як падае чалавек з вежы”. Гэты радок – алюзія на гісторыю Люй Чжу і Шы Чуна. Цікава, што ва ўсіх чатырох перакладах слова “кветка” заменена словам “пялёстка” (“Petals are falling”, “Пялёстка ляціць са сцябліны”, “Пялёстак падае са сцябла”, “Со стебля падает лепесток”), а ў рускім і беларускіх варыянтах было дададзена і слова “сцябліна”. Аднак, нам падаецца, што такое змяненне арыгінала не ўплывае на агульнае ўспрыманне тэксту чытачом, а, наадварот, робіць тэкст больш паэтычным. Слова “чалавек” у перакладзе У. Бінера, Р. Барадуліна, А. Сяргеева было заменена на “дзяўчыну” (“like a girl's robe long ago”, “нібыта дзяўчына з вакна”, “как девушка из окна”), а М. Мятліцкі замяніў яго словам “прыгажуня” (“прыгажуня з акна”). Такое замяшчэнне з’яўляецца сродкам перадачы алюзіі на гісторыю Люй Чжу, якая скончыла жыццё самагубствам, выскачыўшы з вежы. Аднак адсутнасць зноскі на гэту гісторыю робіць немагчымым знаёмства чытача з гераіняй, пры гэтым зніжаецца экспрэсіўная інтэнсіўнасць як асобнага радка, так і ўсяго верша, бо для чытача застаецца незразумелым, пра якую дзяўчыну-прыгажуню ідзе гаворка. Такім чынам, алюзія ў перакладзеных вершах застаецца нераскрытай.

У арыгінале тэксту няма дакладнага ўказання з якога месца вежы кідаецца ўніз дзяўчына, але ў перакладах на рускую і беларускую мовы з’яўляецца слова “акно”. Такая канкрэтызацыя, аднак, ніякім чынам не ўплывае на змест і не парушае ўспрыманне вобраза дзяўчыны. У англамоўным варыянце перакладчык карыстаецца прыёмам сінекдахі і замяняе падзенне самой дзяўчыны падзеннем яе халата.

Важнай прыкметай адэкватнасці перакладу з’яўляецца максімальная дакладнасць перадачы формы арыгінала. Аднак для перакладчыка кітайскай класічнай паэзіі – гэта вельмі складаная, нават нездзяйсняяльная задача. Класічныя кітайскія вершы часцяком будаваліся па тыповых традыцыйных формах з фіксаванай колькасцю іерогліфаў у радку (五言古诗, 七言古诗, 五言律诗, 七言律诗, 五言绝句, 七言绝句). Звычайна радок складаўся з пяці або сямі іерогліфаў, пры чым колькасць радкоў таксама магла быць абмежавана правіламі класічнага вершаскладання. Нельга не ўлічваць і тое, што да пачатку дваццатага стагоддзя, а дакладней, да антыімперыялістычнага руху 4 мая 1919 года, кітайская літаратура пераважна стваралася на пісьмовай літаратурнай мове вэньянь (文言), якая захавала ў сабе сінтаксічныя і марфалагічныя нормы старажытнакітайскай мовы. Цяжкасць пры перакладзе тэкстаў, напісаных на вэньяне, заключаецца ў сканцэнтраванай семантычнай лаканічнасці кожнага слова, калі кожны іерогліф з’яўляецца самастойнай лексічнай адзінкай (у адрозненні ад сучаснай кітайскай мовы, у якой пераважаюць двухскладовыя словы). Цесная сувязь з кантэкстам, частая немагчымасць разумення зместу тэксту без дапаможных каментароў ускладняе працу перакладчыка. Аднаскладовасць лексем класічнай кітайскай мовы і іх полісемія, а таксама асаблівасці марфалогіі і граматыкі вэньяня прыводзяць да таго, што тэкст у

перакладзе ні на сучасную кітайскую мову, ні на любую іншую мову не можа захаваць у сабе першапачатковую форму арыгінала. Для адэкватнай перадачы зместу ў адпаведнасці з нормамі той мовы, на якую робіцца пераклад, перакладчыку даводзіцца разбіваць адзін радок арыгінальнага тэксту на два і болей, што поўнасьцю змяняе форму арыгінала.

Самай частай формай напісання вершаў Ду Му з'яўляецца чатырохрадкоўе, дзе ў кожным радку фіксаваная колькасць іерогліфаў – сем (七言绝句). Вершы, напісаныя менавіта ў гэтай форме, зрабілі Ду Му знакамітым паэтам. Але перадаць гэту форму пры перакладзе сродкамі большасці сучасных моў немагчыма.

Пераклад мастацкага тэксту – творчы працэс, у фінале якога нараджаецца новы твор, і тое, як загучыць гэты твор на другой мове залежыць не толькі ад добрага валодання перакладчыка мовай, а, перш за ўсё, ад яго таленту, здольнасці бачыць свет вачыма аўтара і перадаваць яго ў вобразах. Пры параўнанні мастацкіх перакладаў заўсёды цяжка сказаць, які з іх больш удалы, тым больш не трэба гаварыць пра іх правільнасць, эквівалентнасць з арыгіналам. Аналізуючы трансфармаваны на іншую мову мастацкі тэкст, неабходна зыходзіць з ацэнкі адэкватнасці перакладу, яго функцыянальнай адпаведнасці. Перакладчык можа замяніць слова, перабудаваць сказ, апусціць або дадаць лексічную адзінку, але пры гэтым ён павінен захаваць настрой, эмацыйную інтэнсіўнасць арыгінала. Калі параўнаць паміж сабой чатыры пераклады верша Ду Му, то можна прыйсці да высновы, што англійскі і рускі пераклады больш блізкія да першапачатковага тэксту, а пераклад Р. Барадуліна выглядае больш вольным, суб'ектныўна трансфармаваным. З пункту гледжання функцыянальнай адпаведнасці, пераклады выглядаюць раўназначнымі, у кожным з іх можна адзначыць і свае хібы, недакладнасці, галоўная з якіх – адсутнасць адсылкі на гісторыю прыгажуні Люй Чжу, што прыводзіць да зніжэння ступені эмацыйнага ўздзеяння на чытача.

ЛІТАРАТУРА

1. *Нелюбин, Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь: справ. пособие / Л.Л. Нелюбин – Москва: Флинта, 2003. – 318 с.
2. 唐诗三百首/ 责任编辑: 谢将. – 武汉: 长江文艺出版社. –149 页.
3. *Bynner, W.* The Jade Mountain: A Chinese Anthology, Being Three Hundred Poems of the T'ang Dynasty 618–906 / W. Bynner. – New York, Knopf, 1929.
4. Поэзия эпохи Тан / составитель Л. Эйдлин. – Москва: Художественная литература, 1987. – 479 с.
5. *Барадулін, Р.І.* Гуканне паэзіі Усходу/ Р.І. Барадулін. – Мінск: Рымска-каталіцкая парафія святога Сымона і Алены, 2007. – 312 с.
6. *Мятліцкі, М.М.* Пад крыламі дракона: Сто паэтаў Кітая / М.М. Мятліцкі. – Мінск: Выдавацкі дом “Звязда”, 2012. –280 с.

**БЕЛАРУСЬ – КИТАЙ:
ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ**

*Вальковский М.А.
(Минск, Беларусь)*

МЕДИЙНЫЕ ФАКТОРЫ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Статья посвящена анализу значения медиа в стратегическом партнерстве Республики Беларусь и КНР и отражению в print-медиа роли лидеров Беларуси и Китая в развитии нового этапа отношений двух стран. Автором сформулированы наиболее значимые признаки, отражающие общее состояние данной проблематики в медиа, сделан прогноз тенденций ее развития.

Ключевые слова: *стратегическое партнерство, медиаконтент, роль личности в истории.*

The article analyzes the importance of media in a strategic partnership of Belarus and China and the reflection in the print-media as leaders of Belarus and China in the development of a new stage of relations between the two countries. The author formulated the most significant signs that reflect the general condition of the issues in the media, to predict the trends of its development.

Keywords: *strategic partnership, media content, the role of personality in history.*

Отношения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в последнее время вышли на качественно новый уровень, который характеризуется как всестороннее стратегическое партнерство.

Его масштабы, характер и динамика стали объектом пристального внимания исследователей. Была предпринята попытка найти ответы на фундаментальный вопрос о причинах и движущих силах стратегического партнерства Беларуси и Китая [1,2,3,4,5,6].

Особого внимания заслуживают факторы, выступившие предпосылкой перехода сотрудничества Беларуси и Китая на новый уровень. Прежде всего, это отсутствие религиозных или политических разногласий, схожесть мировоззренческих взглядов на развитие глобальной геополитики и геоэкономики, определяющих иные общие подходы.

В то же время нельзя не отметить культурные и ментальные различия белорусского и китайского социумов, которые предопределены историей двух наций. К факторам, влияющим на сотрудничество скорее негативно, также можно отнести языковой барьер и географическую удаленность двух стран. Очевидной проблемой выглядит различие масштабов экономик, разные тренды и динамика их развития.

Разумеется, каждый из перечисленных факторов оказывал и продолжает оказывать влияние на отношения двух государств. Однако более 10 лет достаточно успешного и динамичного стратегического партнерства при сохранении тех же комбинаций факторов позволяют сделать вывод об фундаментальных причинах белорусско-китайского стратегического партнерства.

Несколько вне фокуса исследовательского интереса остались факторы, которые лежат скорее в социальной плоскости. При том, что в процессе дальнейшего развития стратегического партнерства их значимость неизменно возрастает.

В первую очередь к ним следует отнести роль лидеров Беларуси и Китая в развитии стратегического партнерства двух стран.

Во-вторых, необходимо отметить возрастание значения медиа в стратегическом партнерстве.

Рассмотрим оба этих фактора.

Прежде всего, следует отметить, что данный формат межгосударственного сотрудничества задает базовые параметры и условия работы общенациональных СМИ, в значительной степени определяет возрастание роли информации и медиа в его процессах.

Стратегическое партнерство также способствует формированию единого событийного и информационного пространства: представления людей о мире и происходящих процессах в значительной мере формируются медиа, а имидж любого субъекта или объекта международной политики и мировой экономики стал играть гораздо более важную роль, чем прежде. Это выводит нас на принципиально новое понимание роли медиа в данном процессе, где они становятся не просто одним из его активных участников, но и актором.

Это обстоятельство поставило на повестку дня теоретическое осмысление роли информации и медиа в процессах стратегического партнерства, их воздействия на становление данного формата отношений: как характера и полноты освещения внешнеэкономического сотрудничества со странами-партнерами, так и механизмов влияния на него. В данном контексте значительный интерес представляет внешнеэкономический дискурс общенациональных медиа, формы и методы отражения ими процессов стратегического партнерства.

В начале третьего тысячелетия научно-технический прогресс вывел глобальные информационные процессы на качественно новый уровень. Современные информационно-коммуникативные технологии позволили не только увеличить степень воздействия медиа на экзистенцию социума, но и сделать информационное влияние на общественное мнение практически неощутимым для масс. В свою очередь, информация определяет образ мыслей, поведение и поступки отдельного человека, воздействует на социально-экономические процессы в стране.

Можно констатировать, что борьба за влияние на мировое общественное мнение ведется главным образом через медиа: различные аспекты межгосударственных отношений «...попадают в зону внимания миллионных аудиторий, становятся объектами, по поводу которых формируются мнение мировой общественности, общественное мнение и мнение элит национальных государств»[7,с.3].

В свою очередь, сформированные мнения используются государствами как инструмент ведения геоэкономической и геополитической борьбы, предопределяя ее ход и исход, выступают как действенный фактор проведения внешнеэкономической политики страны, выхода на новые рынки.

В современном мире журналистика не может быть сведена лишь к сфере, где делается видимым политическое или экономическое сотрудничество стран, так как через медиа происходит само это сотрудничество: они создают особый продукт – информационный, отражающий то, что происходит в действительности. Потому растет значимость информации в жизни социума в связи с потребностями государства представлять как своим гражданам, так и мировому сообществу собственную картину действительности в соответствии со своими геополитическими задачами.

Именно журналистика является ключевым звеном в системе производства смыслов, в соответствии с которым политическая и социально-экономическая действительность формируется в матрице информационной реальности. В конечном итоге идеи, суждения, мнения, вербализированные в медиа, становятся фактором развития сотрудничества, и, в результате, инсталлируются в картину мира человека, расширяют ее границы.

Зачастую международная журналистика задает алгоритм и маркеры для определения друзей и врагов, и в этом ее амплуа она представляет повышенный интерес для политиков.

К ключевым факторам развития белорусско-китайского сотрудничества, безусловно, относится роль лидеров двух стран в процессах партнерства, их межличностные отношения, степень взаимного доверия. Ведь «... проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда актуальна. И она очень актуальна в век глобализации, когда влияние определенных людей на весь мир может возрасти»[8, с.179].

К сожалению, специальных исследований в этом отношении на удивление мало. В то же время можно назвать авторов, которые при анализе процессов образования государств и развития цивилизаций высказывали интересные идеи о роли личности. Такие подходы дают возможность расширить наши представления о роли личности в разные периоды, в разных обществах и в различные эпохи.

В последнее время получила распространение точка зрения, что роль личности в истории во времена глобальной экономики и геополитики не так велика, как в предшествующие периоды, например, в индустриальную эру. Безусловно, долговременные геоэкономические процессы имеют свою природу и логику, они продолжаются вне зависимости от личностей, которые возглавляют правительства, являются лидерами стран.

Однако президенты Беларуси и Китая, совместно десятилетиями работая над углублением сотрудничества, определяют предпосылки, задают вектор, направление движения, развития стратегического партнерства двух стран. В результате постепенно формируются новые тенденции, накапливается их количество, критическая масса. И они не могут резко и одномоментно измениться, ибо базируются на объективных предпосылках, точном учете лидерами двух стран исторических условий, политических и экономических факторов.

В настоящее время деятельность политиков связана непосредственно с публицистикой как со способом трансляции своих экономических и политических взглядов.

В рамки данной тенденции четко вписывается статья Председателя КНР Си Цзиньпина, опубликованная в ведущих белорусских медиа накануне его официального визита в Беларусь в мае 2015 года. А также общение Александра Лукашенко с журналистами Центрального телевидения Китая и агентства Синьхуа.

В своей статье, опубликованной накануне официального визита в ведущих белорусских общественно-политических газетах «Советская Белоруссия» и «Рэспубліка», Председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «...*Китай и Беларусь достойны называться настоящими друзьями и надежными партнерами*»[9].

В свою очередь Президент Александр Лукашенко в интервью китайским СМИ так охарактеризовал отношения с Си Цзиньпином: «*И то, что наш очень близкий друг Си Цзиньпин, а мы с ним знакомы еще до того, как он стал Председателем, приезжает в Беларусь в канун президентских выборов, мы это очень высоко оцениваем, потому что в политике жесты и в политике подобные визиты многое значат*»[10].

Роль Президента Республики Беларусь в сотрудничестве с КНР отмечает и китайская сторона. Так, министр иностранных дел КНР Ван И во время встречи с Президентом Республики Беларусь заметил, что: «*Мы знаем, что вы лично постоянно уделяете внимание дальнейшему развитию сотрудничества с Китаем, и это является одним из главных приоритетов во внешней политике Беларуси. Мы это высоко ценим*»[11].

В большинстве ситуаций обстоятельства, которые вызывают интерес людей, являются производными от высказываний или поступков других людей. Безусловно, резонансные выступления политических лидеров оказывают существенное влияние на волю и сознание граждан, особенно если они целенаправленно воздействуют на эмоциональных составляющих человеческой природы.

Информация, источником которой выступают политические лидеры страны, имеет наивысший уровень легальности, как, как правового события, и легитимности, как политического события. Поэтому политические системные лидеры уделяют публичным выступлениям, публикациям в медиа серьезное внимание.

Во всех белорусских медиа в 2015 году большинство материалов посвящено встречам лидеров Беларуси и Китая. Значительное внимание медиа к данной тематике объясняется желанием вынести на всеобщее ознакомление подробности встреч и переговоров, удовлетворить интерес к мессиджам лиц, которые принимают принципиальные решения в жизни социума.

Рассмотрим, как лидеры двух стран характеризуют достигнутый уровень связей и межличностные контакты.

Принимая в Минске в первой декаде мая лидера Китая Си Цзиньпина, Президент Беларуси высказал Председателю КНР признательность за дружеские и доверительные отношения и отметил, что: «*Сложившиеся между нами отношения позволяют нам обсудить самые деликатные вопросы и наших отношений, и ситуации в регионе*»[12].

В ходе рабочего визита в КНР в начале сентября Президент Александр Лукашенко отметил, что «...*недавний визит Си Цзиньпина в Беларусь стал историческим и прорывным*»[13].

Говоря о взаимодействии с КНР, Александр Лукашенко подчеркивает: *«Нас связывают многолетние доверительные отношения»*[14].

Александр Лукашенко, во время встречи с представителями белорусских и зарубежных СМИ, отвечая на вопрос корреспондент агентства «Синьхуа» в Беларуси Цзюньфэн Чэня сказал: *«Мы вам очень благодарны. Когда нам было очень сложно и когда я просил и бывшего руководителя Китая, и Си Цзиньпина, моего большого друга (мы дружны были с ним еще до его президентства, он приезжал сюда к нам, сейчас мы поддерживаем очень доверительные и тесные отношения), вы выделили нам до 15 миллиардов долларов кредитов»*[15].

В свою очередь Председатель КНР Си Цзиньпин первым из всех глав государств поздравил Александра Лукашенко с переизбранием на пост Президента Беларуси. Китайский лидер подчеркнул: *«Я уделяю большое внимание развитию китайско-белорусских отношений, дорожу установленными с вами хорошими*

На избирательном участке на пресс-конференции после голосования на выборах Президента Республики Беларусь, отвечая на вопрос журналиста о перспективах отношений между Беларусью и Китаем, Александр Лукашенко дал следующую характеристику белорусско-китайскому сотрудничеству:

«У нас никогда не было таких добрых, близких, стратегически важных отношений с Китайской Народной Республикой, как сейчас. Мы будем развивать, как и развивали наши отношения. Мы будем идти только вперед, выстраивать очень хорошие отношения. Нам дорого обошлись, в плане дипломатическом, наши отношения с Китаем. Мы их выстраивали больше двадцати лет».

О перспективах их дальнейшего развития Александр Лукашенко сказал следующее: *«Как показатель будущего наших отношений могу привести слова Си Цзиньпина, а с ним мы хорошо знакомы задолго до его президентства. У нас дружеские отношения. Он мне сказал: Китай готов поддержать Беларусь по всем направлениям и в любое время. И ко мне обратился: ты понял, что я сказал? Я готов сделать для Беларуси все, что нужно, и поддержать ее вопреки всему. Это дорогого стоит. Китай просто так слов на ветер не бросает. Поэтому у нас прекрасные отношения. <...> С Китаем у нас сегодня нет никаких проблем».*[17].

В поздравительной телеграмме Председателю КНР Си Цзиньпина и дружественному китайскому народу по случаю 66-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики Президент Беларуси выразил уверенность, что *«..тот импульс, который придали двустороннему сотрудничеству официальный визит Председателя КНР в Республику Беларусь в мае 2015 года и последующие контакты на высшем уровне, позволит вывести всестороннее стратегическое партнерство Беларуси и Китая на качественно новый уровень»*[18].

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Беларуси Цуй Цимин особо отметил частоту и регулярность встреч двух лидеров: *«Рабочий визит главы белорусского государства в Пекин 1-3 сентября по случаю 70-летия победы в войне китайского народа против японских захватчиков и победы в мировой антифашистской войне был восьмым по счету визитом Александра Лукашенко в Китай, а также третьей встречей глав двух государств за последние четыре месяца»*[19].

По мнению дипломата, такая регулярность встреч глав двух государств беспрецедентна в истории современных международных отношений, что четко отражает насколько тесные и дружественные отношения и глубокое сотрудничество у Китая и Беларуси.

Перед вылетом в Пекин, 31 августа, президент Беларуси Александр Лукашенко подписал Директиву № 5 о развитии двусторонних отношений с Китаем. В преамбуле документа отмечено, что: «*Развитие отношений всестороннего стратегического партнерства Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой отвечает долгосрочным интересам Беларуси, укреплению ее международных позиций, способствует обеспечению развития всего спектра белорусско-китайского сотрудничества.*

Основным содержанием белорусско-китайского сотрудничества является взаимная решительная поддержка по вопросам, касающимся коренных интересов двух стран, таких как суверенитет, территориальная целостность, безопасность и экономическое развитие»[20].

Директива является четким и однозначным сигналом о нацеленности нашей страны и ее политического лидера на углубление и расширение всестороннего стратегического партнерства с КНР. Она свидетельствует о том внимании, которое уделяет лично Президент Беларуси Александр Лукашенко китайскому вектору внешнеэкономического развития, какие перспективы с ним связывает. Документом определены основные направления взаимодействия с КНР, намечен ряд конкретных мероприятий по реализации целей сотрудничества во всех сферах. Воплощение намеченных в директиве мероприятий безусловно позволит выйти отношениям наших стран на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальковский, М.А.* СМИ в контексте стратегического партнерства Беларуси и Китая: дис. ... к. филол. н.: 10.01.10 / М.А. Вальковский. – Мн., 2015. – 156 с.
2. *Залесский, Б.Л.* Беларусь – Китай: научно-технические аспекты всестороннего стратегического партнерства / Б. Л. Залесский // *Materialy XI mezinarodni vedecko-prakticka conference “Moderni vymozenosti vedy–2015”*. – Dil 4. Pravni vedy. Administrativa. Politicke vedy – Praha: Publishing House “Education and Science” s. r. o. – С. 92–94.
3. *Залесский, Б.Л.* Беларусь – Китай: промышленно-энергетические аспекты всестороннего стратегического партнерства / Б. Л. Залесский // *Материали за 11-а международна научна практична конференция, “Настоящи изследвания и развитие”*, – 2015. Том 5. Закон. Политика. Философия. – София: “Бял ГРАД–БГ” ООД. – С. 54–56.
4. *Залесский, Б. Л.* Беларусь – Китай: автомобильно-транспортные аспекты всестороннего стратегического партнерства / Б. Л. Залесский // *Закономерности и тенденции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 января 2015г., г. Уфа)*. – в 2 ч. Ч. 2.- Уфа: Аэтерна, 2015. – С. 199–201.

5. *Залесский, Б.Л.* Беларусь – Китай: региональные аспекты всестороннего стратегического партнерства / Б. Л. Залесский // Закономерности и тенденции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (18 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014. – С. 179–181.
6. *Залесский, Б. Л.* Беларусь – Китай: новый уровень стратегического партнерства и медиа / Б. Л. Залесский // Materialy IX mezinarodni vedecko-prakticka conference “Dny vedy–2013”. – Dil 27. Politicke vedy. – Praha: Publishing House “Education and Science” s. r. o. – С. 22–30.
7. *Алтунян, А. Г.* От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов / А. Г. Алтунян. – М.: РГГУ, 1999. – 260 с.
8. *Гринин, Л.Е.* Роль личности в истории как философско-историческая проблема / Гринин Л.Е. // Философия и общество. Выпуск №4, -2011.- С.175-192.
9. *Си Цзиньпин* Пусть дружественное сотрудничество между Китаем и Беларусью будет подобно раскатистой и задорной песне / Си Цзиньпин // Советская Белоруссия. – 2015. – 8 мая. – С. 2.
10. Стенограмма интервью Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко Центральному телевидению Китая и информационному агентству Синьхуа (КНР) 4 мая 2015 года. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/printv/stenogramma-intervjju-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-tsentralnomu-televideniju-kitaja-i-11365/ – Дата доступа: 12.06.2015.
11. Встреча с Министром иностранных дел КНР Ван И 8 апреля 2015 года. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-ministrom-inostrannyx-del-knr-van-i-11179/ Дата доступа: 23.07.2015.
12. 10-12 мая состоялся государственный визит Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Беларусь. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/gosudarstvennyj-vizit-predsedatelja-knr-si-tszinpinga-v-belarus-11366/. Дата доступа: 25.05.2015.
13. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко 1-3 сентября совершил рабочий визит в Китайскую Народную Республику. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/rabochij-vizit-v-kitajskuju-narodnuju-respubliku-12019/. Дата доступа: 6.09.2015.
14. Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному Собранию 29 апреля 2015 года. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/. Дата доступа: 29.05.2015.
15. Стенограмма встречи с представителями белорусских и зарубежных СМИ 29 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/stenogramma-vstrechi-s-predstaviteljami-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-10760/. Дата доступа: 18.02.2015.

16. Поздравления в адрес Александра Лукашенко в связи с его переизбранием на должность Президента Республики Беларусь 12 октября 2015 года. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/pozdravlenija-v-adres-aleksandra-luka-shenko-v-svjazi-ego-pereizbraniem-na-dolzност-prezidenta-respubliki-12316/. Дата доступа: 20.10.2015.

17. Наша страна — наш выбор / Советская Белоруссия. – 2015, 12 окт., – С. 1-3.

18. Поздравление Председателю КНР Си Цзиньпину с 66-й годовщиной провозглашения Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/pozdravlenie-predsdatelju-кnr-si-tszinpinu-s-66-j-godovschinoj-provozglasheni-ja-kitajskoj-narodnoj-12231/. Дата доступа: 20.11.2015.

19. Гришкевич, А. Цуй Цимин: Частые встречи лидеров Беларуси и Китая подчеркивают глубокий взаимный интерес к сотрудничеству. / А. Гришкевич // [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: <http://www.belta.by/comments/view/chastye-vstrechi-liderov-belarusi-i-kitaja-podcherkivajut-glubokij-vzaimnyj-interes-k-sotrudnichestvu-4377/>. Дата доступа: 23.09.2015.

20. Директива № 5 от 31 августа 2015 г. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой. [Электронный ресурс]. – Мн., 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/direktiva-5-ot-31-avgusta-2015-g-12059/ Дата доступа: 02.09.2015.

Вергейчик С.В.
(Пекин, Китай)

НОВЫЙ ЭТАП КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ДИНАМИКА БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИХ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена анализу реализации внешней политики «пятым поколением руководства КНР», в том числе в отношении Республики Беларусь. В статье раскрываются особенности современной китайской дипломатии, ее влияния на двусторонние отношения с другими государствами. Приведена иерархия уровней, используемых для обозначения отношений КНР с зарубежными государствами. В заключение указывается на соответствие повышения уровня отношений Китая с Беларусью современным тенденциям развития китайской и белорусской дипломатии.

Ключевые слова: *китайская дипломатия, китайская мечта, Экономический пояс Шелкового пути, Морской шёлковый путь XXI века, белорусско-китайские отношения*

После прихода в 2013 году к власти в Китае «пятого поколения руководителей», прежде всего Председателя КНР Си Цзиньпина и Премьера Госсовета Ли Кэцзяна, в мире заговорили о новом этапе китайской дипломатии. Внешняя

политика Китая постепенно стала все больше ассоциироваться с образом Председателя КНР и его команды, которые выдвинули ряд имиджевых концептуальных новаций.

Одной из первых явилось выдвижение в ноябре 2012 года и презентация всему миру во время визита в Африку концепции «китайской мечты» (чжунго мэн, 中国梦), то есть мечты об осуществлении великого возрождения китайской нации. Впоследствии доктрина получила некоторое развитие. Так, на сессии ВСНП в марте 2013 года Си Цзиньпин усилил идеологический компонент, увязав реализацию «мечты» с дальнейшим развитием «социализма с китайской спецификой» [1].

Очередным важным стратегическим решением китайского руководства стало совместное создание проекта «Один пояс и один путь» (И дай, и лу, 一帶一路). Инициативу создания «Экономического пояса Шелкового пути» (絲綢之路经济带) и «Морского шёлкового пути XXI века» (21 世纪海上絲綢之路) председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин впервые высказал осенью 2013 года во время визита в Казахстан. Проект «Пояс и Путь», по задумке китайской стороны, нацелен на оптимизирование распределения ресурсов в азиатско-европейско-африканском пространстве, свободное и удобное передвижение экономических элементов и углубление интеграции рынков. Как ожидается, укрепление транспортного и финансового сотрудничества между примыкающими странами позволит содействовать совместному развитию этих стран, восстановлению, стабильности и процветания глобальной экономики.

Реализация этих инициатив неразрывно осуществляется с продвижением концепции и идеи о дипломатии державы с китайской спецификой, основное содержание которой заключается в том, что на международной арене Китай должен лучше раскрывать роль ответственной державы и проявлять свои особенности. В своей дипломатической практике Китай активно продвигает создание международных отношений нового типа на основе сотрудничества и взаимовыигрыша [2].

Четкие требования относительно расширения и углубления дипломатической стратегии Китая в условиях новой ситуации генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин выдвинул в ноябре 2014 года в своей речи на прошедшем Центральном рабочем совещании по вопросам международных отношений, которая стала своеобразной «дорожной картой» китайской дипломатии на перспективу [3].

В «Предложениях ЦК КПК по разработке 13-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (на 2016–2020 гг.)», принятых в октябре 2015 года по итогам 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва определены новые ориентиры по повышению уровня внешней открытости, совместному продвижению взаимодоверия, экономического и торгового сотрудничества, культурных и людских обменов, формирования глубоко интегрированной архитектуры взаимовыгодного сотрудничества [4].

Несомненно, новый этап китайской дипломатии оказал непосредственное влияние на развитие и активизацию белорусско-китайских двусторонних отношений, и ранее занимавших важное место в китайской внешней политике.

В июле 2013 года, принимая в г. Пекин с государственным визитом Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, Председатель КНР Си Цзиньпин выразил готовность закрепить качественно новое состояние белорусско-китайских двусторонних отношений. О том, что белорусско-китайские отношения вышли на уровень стратегического сотрудничества, уже отмечалось в Совместной декларации, подписанной руководителями Беларуси и Китая в декабре 2005 г. в ходе официального визита в КНР Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

Совместная декларация, подписанная по итогам визита 2013 года, утвердила установление отношений «всестороннего стратегического партнерства». Итого состоявшегося визита в Китай Главы белорусского государства свидетельствовали о твердом намерении новых руководителей КНР придерживаться стратегии укрепления долгосрочных партнерских отношений с нашей страной и поддерживать межличностный диалог.

Для понимания значимости нового статуса отношений необходимо кратко проанализировать иерархию уровней, используемых для обозначения отношений КНР с зарубежными государствами, и которые отражают либо улучшение двусторонних отношений, либо расширение сфер практического взаимодействия КНР с той или иной страной.

Так, на верхнем уровне иерархии у Китая закреплены «отношения всестороннего стратегического партнерства и взаимодействия (с Российской Федерацией), «отношения всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества» (с Пакистаном), «отношения всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества» (с Вьетнамом, Францией, Бразилией, Европейским союзом), «отношения всеобъемлющего стратегического сотрудничества (с Казахстаном).

Отношения всестороннего стратегического партнерства, кроме Беларуси, установлены с Италией, Испанией, Данией, Малайзией, Австралией, Португалией, ЮАР, Индонезией, Германией.

Уровнем ниже считаются «отношения стратегического партнерства и сотрудничества», которые установлены Китаем с Республикой Корея, Египтом, Индией, Турцией, Шри-Ланкой, а также «отношения стратегического партнерства» (Украина, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Польша, Аргентина, Мексика, Нигерия, Канада).

Еще уровнем ниже используются такие формулировки, как «отношения всестороннего дружественного партнерства и сотрудничества», «отношения всестороннего партнерства и сотрудничества», «отношения партнерства и сотрудничества», «отношения партнерства», «отношения стратегического сотрудничества», «взаимовыгодные стратегические отношения» [5].

Во взаимоотношениях с США Пекин предлагает установить «отношения двух великих держав нового типа», о чем в мае 2015 года заявил председатель КНР Си Цзиньпин во время беседы с государственным секретарем США Джоном Керри [6]. Будучи заместителем председателя КНР в ходе своего визита в США

Си Цзиньпин призывал «на деле превратить китайско-американские отношения сотрудничества и партнерства в новую форму отношений великих держав 21 века» [7].

О создании «глобального всестороннего стратегического партнерства, ориентированного на 21-й век» (面向 21 世纪的全球全面战略伙伴关系) было объявлено в совместном заявлении премьер-министра Великобритании и Председателя КНР по итогам государственного визита Си Цзиньпина в Великобританию в октябре 2015 г., что позволило объявить об «открытии золотой эпохи в китайско-британских отношениях» [8].

Повышение двусторонних отношений с Республикой Беларусь в 2013 году до уровня «всестороннего стратегического партнерства» стала одним из важных мотивов для сторон при создании механизма координации двусторонних отношений в виде Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству высокого уровня, а также принятии дальнейших решений о проведении взаимных визитов на высшем уровне и на уровне глав правительств.

Государственный визит в Республику Беларусь Председателя КНР Си Цзиньпина состоялся 10-12 мая 2015 г. В ходе визита главы государств подписали Договор о дружбе и сотрудничестве (в н.в. еще проходит процедуру ратификации), Совместную декларацию о дальнейшем развитии и углублении отношений всестороннего стратегического партнерства, а также пакет более чем из 50-и документов по широкому спектру двустороннего сотрудничества. Стороны также закрепили договоренность совместно реализовывать инициативу Председателя КНР о создании «Экономического пояса Шелкового пути». Оценивая состояние двусторонних отношений, Глава государства подчеркнул, что высокий уровень контактов и искренность намерений формируют долгосрочную политику совместного развития двух стран.

Результаты, достигнутые в ходе официального визита в Беларусь в мае 2015 года Председателя КНР Си Цзиньпина свидетельствуют, что Беларусь и Китай формируют новый уровень совместного развития в отношениях, в основе которого лежит переход от кредитного к инвестиционному сотрудничеству. Визит Си Цзиньпина назван историческим событием в двусторонних отношениях между государствами, символом взаимного стремления укреплять и углублять всестороннее стратегическое партнерство [9].

Отношения всестороннего стратегического партнерства носят взаимовыгодный характер. Республика Беларусь в числе первых заявила о заинтересованности в совместном продвижении выдвинутой Председателем КНР концепции создания Экономического пояса Шелкового пути. Как отметил Председатель КНР в мае 2015 года, Беларусь обладает уникальными преимуществами для участия в проекте, поскольку страна расположена одновременно и в центре Европы, и на Шелковом пути.

Беларусь была предложена в качестве узловой платформы в реализации проектов Пояса в Евразийском регионе, важного транспортно-логистического, информационно-коммуникационного звена, а Китайско-Белорусский индустриальный парк – важной точкой опоры Пояса в Евразийском регионе. Как заявил Си Цзиньпин в Минске, «Индустриальный парк «Великий камень» должен стать

жемчужиной в строительстве Экономического пояса Шелкового пути и классическим образцом двустороннего взаимовыгодного сотрудничества.

Учитывая высокий уровень двустороннего сотрудничества Председатель КНР Си Цзиньпин в числе первых пригласил Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко принять участие в торжественных мероприятиях в Пекине, посвященных 70-летию победы в антияпонской войне и окончанию Второй мировой войны. Это подчеркивает единство позиций стран по недопущению искажения истории Второй мировой войны и возрождения фашизма и милитаризма. В соответствии с приглашением Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко 1-3 сентября совершил рабочий визит в Китайскую Народную Республику. Как заявил Глава государства в ходе встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином, 3 сентября Китаем открыта новая страница в деле отстаивания международной правды и справедливости, оценке итогов Второй мировой войны [10]. В военном параде в Пекине, состоявшемся 3 сентября в ознаменование 70-летия Победы в антияпонской войне и окончания Второй мировой войны, в составе парадных расчетов иностранных войск участвовала и рота почетного караула Вооруженных Сил Республики Беларусь.

В развитие исторического майского визита в Беларусь Председателя КНР Си Цзиньпина 31 августа 2015 года Президент Республики Беларусь подписал Директиву №5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой», которая определила приоритетность развития всестороннего стратегического партнерства с Китаем. Согласно документу, «основным содержанием белорусско-китайского сотрудничества является взаимная решительная поддержка по вопросам, касающимся коренных интересов двух стран, таких как суверенитет, территориальная целостность, безопасность и экономическое развитие» [11].

Таким образом, Республика Беларусь в иерархии отношений КНР с зарубежными государствами занимает высокое место, наряду с Российской Федерацией и Казахстаном (среди стран СНГ и ЕАЭС) входит в тройку внешнеполитических приоритетов Китая.

Повышение уровня отношений Китая с Республикой Беларусь до «всестороннего стратегического партнерства» соответствует современным тенденциям развития как китайской, так и белорусской дипломатии. Основу динамичного развития белорусско-китайских отношений всестороннего стратегического партнерства составляют общность принципов внутренней и внешней политики, совпадение взглядов на важнейшие проблемы мировой повестки дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономоренко, Л.В. КНР – Африка: новые ориентиры взаимоотношений / Л.В. Пономоренко, Т.М. Соловьева // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. – 2015. - № 1. – С. 33.
2. Пять особенностей китайской дипломатии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.dbw.cn/system/2014/12/22/000918049.shtml>. – Дата доступа: 10.11.2015.

3. Дипломатия с китайской спецификой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kitaichina.com/se/txt/2015-03/09/content_675454.htm.
4. 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十三个五年规划的建议 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.idcpc.org.cn/gszh/201511/t20151104_79046.html. – Дата доступа: 10.11.2015.
5. 中国与20个国家或组织建立“战略伙伴关系”,南方都市报 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.sohu.com/20130905/n385908998.shtml>. – Дата доступа: 10.11.2015.
6. Американцам есть о чем подумать, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68496.html>. – Дата доступа: 10.11.2015.
7. Китай и США на пороге «новых» отношений, [Электронный ресурс] / К.А. Кокарев. – Режим доступа: http://old.riss.ru/analitika/1096-kitay-i-ssha-na-poroge-laquo-novyh-raquo-otnosheniy-k-vizitu-si-czinpina-v-ssha#.Vj9aVG4T0_M. – Дата доступа: 10.11.2015.
8. 外交部长王毅谈习近平主席对英国进行国事访问[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/mrdx/2015-10/24/c_134745466.htm. – Дата доступа: 10.11.2015.
9. Государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/gosudarstvennyj-vizit-predsedatelja-knr-si-tszinpina-v-belarus-11366/. – Дата доступа: 10.11.2015.
10. Рабочий визит в Китайскую Народную Республику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/rabochij-vizit-v-kitajskuju-narodnuju-respubliku-12019/. – Дата доступа: 10.11.2015.
11. Лукашенко подписал Директиву о развитии двусторонних отношений Беларуси с КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-podpisal-direktivnu-o-razvitiidvustoronnih-otnoshenij-belarusi-s-knr-161066-2015/>. – Дата доступа: 10.11.2015.

Гурко А.В.
(Минск, Беларусь)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПРАЗДНИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

За последние десятилетия на территории Беларуси происходит этнокультурное взаимодействие с элементами китайской культуры, в том числе и праздничной. Кроме новогодних праздничных элементов, это традиции празднования Всемирного дня Тай-цзи Цюань и Цигун, а также Дня рождения основателя Тай-цзи Цюань Чжан Саньфэна, церемония Байши, которые получили определенное распространение среди белорусских последователей Ушу, Цигун и Тай Цзи Цюань. Кроме этого, среди населения Беларуси получили распространение некоторые элементы праздничных китайских традиций, как,

например, чайная церемония, которая сопровождает наиболее значительные праздники в Китае.

Ключевые слова: этническая культура, белорусская культура, китайская культура, китайские традиции, этнокультурное взаимодействие, праздничные традиции, ритуал, символ.

Over the last decade on the territory of Belarus takes ethnocultural interaction with elements of Chinese culture, including the holiday. In addition to the New Year holiday items, this tradition of celebrating the World Day of Tai Chi and Qigong, as well as the birthday of the founder of Tai Chi Zhang Sanfeng ceremony Baishi, who received certain distribution among Belarusian followers Wushu, Qigong and Tai Chi Chuan. In addition, the population of Belarus have spread some festive elements of Chinese traditions, such as the tea ceremony, which accompanies the most important holiday in China.

В Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси выполняется совместный белорусско-румынский проект «Китайские традиции в современной культуре Беларуси и Румынии: влияния и заимствования» по договору с БРФФИ Г14РА-010 от 23 мая 2014 г. Перед исследователями было поставлено несколько задач, одна из которых – выявить тенденции влияния китайских традиций на развитие праздничной культуры Беларуси.

За последние десятилетия на территории Беларуси происходит этнокультурное взаимодействие с элементами китайской культуры, в том числе и праздничной. Так, одним из наиболее ярких этнических символов китайской культуры в белорусском обществе с конца 1980-х гг. до настоящего времени является использование элементов празднования Нового года по китайскому календарю. [1] Китайские праздничные традиции, связанные с даосскими и психофизическими практиками, получившие распространение, в основном, среди белорусских последователей Ушу, Цигун и Тай-цзи Цюань, а также элементы чайной церемонии (гунфу ча) станут предметом рассмотрения в данной статье. Это традиции празднования Всемирного дня Тай-цзи Цюань и Цигун, а также Дня рождения основателя Тай-цзи Цюань Чжан Саньфэна, церемония Байши.

Большинство китайских праздников и ритуалов ведет свое происхождение из прошлых столетий и основывается на традиционной конфуцианской идеологии, которая, по мнению многих исследователей (например, В. Эберхарда) «представляет собой скорее систему этических правил и морального поведения, нежели религию». В отличие от Европы, где практически все праздники являются государственными или церковными, в старом Китае фактически не существовало ни государственных, ни религиозных праздников, которые «были бы по-настоящему близки населению страны». [1, с. 15] Большие китайские праздники – это, по-существу, семейные торжества, которые основываются на церемониях почитания предков, родителей, учителя, императора. На протяжении последних двадцати лет в современном Китае происходит процесс возрождения старых конфуцианских и буддийских церемоний, обрядов, ритуалов, праздников.

В современной культуре китайцев традиционные календарные праздники по мнению одного из наиболее известных российских китаеведов В.В.Малявина являются одним из важнейших факторов, определяющих этническое самосознание. Так, по данным социологических опросов китайцы в современном Сингапуре считают свои традиционные календарные праздники третьим по важности после пищи и языка отличительным признаком китайской культуры. [3, с. 19]

В настоящее время в современной китайской культуре кроме двух официальных праздников (Дня образования Китайской Народной Республики и 1 мая) существует много традиционных праздников, таких, например, как Праздник Весны (Новый год по восточному лунному календарю), Праздник Фонарей (15-й день первого месяца по лунному календарю, окончание празднования новогоднего цикла); Праздник чистоты и ясности (Цинмин, 4 или 5 апреля, посещение кладбищ и поминовение усопших), Праздник Дуанью или Лунчжоу (лодка в форме дракона), отмечается на пятый день пятого месяца по лунному календарю (май-июнь по григорианскому), посвящен великому поэту-патриоту Периода Борющихся царств (475 – 221 г. До н.э.) Цюй Юань, который, по преданию, утопился, бросившись в реку (во время праздника проводятся гонки на «драконовых лодках», символизирующих спасение тела поэта). 15 числа 8 месяца по лунному календарю отмечается праздник Воссоединения, когда вся семья собирается вместе, любителюся круглой луной, ест «лунные лепешки».

Из всех этих праздников наибольшее распространение в Беларуси получили Новый год по восточному календарю и Праздник Фонарей (из новогоднего цикла). Кроме них, среди белорусских последователей Ушу, Цигун и Тай Цзи Цюань получили распространение китайские праздничные традиции, связанные с даосскими и психофизическими практиками. Это, например, Всемирный день Тай-цзи Цюань и Цигун (World Tai Chi and Qigong Day), который стал отмечаться во всем мире в 1999 году. По сложившейся уже традиции, в этот день люди, занимающиеся Тай-цзи Цюань и Цигун, проводят не только массовые показательные занятия, но и бесплатные классы, обучая желающих присоединиться к философии Тай-цзи Цюань и Цигун и здоровому образу жизни. [4] Некоторые адепты китайских боевых искусств считают, что 8 апреля (по другим сведениям, 9) родился один из основателей Тай-цзи Цюань Чжан Саньфэн. Международная школа Дао Тайцзи-цзуй-цюань (Dao Tai Chi Tsui Chuan, образовалась в Беларуси в 1987г.) в Минске ежегодно в апреле проводит международный фестиваль восточных боевых искусств «Драконы возвращаются». Так, 9 апреля 2006 г., в день рождения Чжан Саньфэна, основателя направления Дао Тайцзи-цюань, в Минске, в помещении Белорусской Государственной Академии искусств в 13:00 часов, состоялся II Республиканский фестиваль по Дао Тайцзи-цюань. [5]

Именно к началу апреля был приурочен Мастер-класс по Тайцзи цюань (теория и практика), проводимые Юлией Стомовой в 2014 году. Она является преподавателем Тайцзи цюань в Институте Конфуция при МГЛУ, практикует даосскую йогу и кунг-фу с 2000 года. В течение 3 лет обучалась у китайского

мастера Тай Цзи Цюань Сунь Пэна. В программе праздника были следующие мероприятия:

15:00 - 16.30 - Мастер-класс по Тайцзи с веером.

16.30 - 17.00 - Тайцзи-теннис, увлекательная игра-практика.

17.30 - 18.30 - Чайная церемония. [6]

Таким образом, китайские праздничные традиции, связанные с даосскими и психофизическими практиками, получили распространение, в основном, среди белорусских последователей Ушу, Цигун и Тай Цзи Цюань.

Среди белорусских последователей Ушу, Цигун и Тай Цзи Цюань также получила определенное распространение церемония Байши, которая является частью процесса возрождения старых конфуцианских и буддийских церемоний, обрядов, ритуалов, праздников в современном Китае. Церемония «байши» в прямом переводе означает – «Поклонение Учителю». Во время церемонии адепт обращается к Учителю с официальной просьбой принять его в личные ученики и получает согласие со стороны Учителя. Отношения Ученик-Учитель закрепляются ритуальным обетом, в котором принимают участие старшее поколение учителя, его братья по школе и старшие ученики. Ученика принимают в семью, и он записывается в ее родословную, передающую свое мастерство и искусство из поколения в поколение. Этим обеспечивается чистота передачи традиции.

Этот ритуал поклонения личных учеников мастеру Виктору Сяо, впервые подробно описан на личном сайте московской Студии Тайцзи Виктора Сяо 30 апреля 2011 года. [7] В апреле 2011 года группа из 26 учеников из России, Беларуси и Молдавии приехала в Китай на очередной семинар Виктора Сяо и стала свидетелем и участником торжественной традиционной китайской церемонии, называемой «байши». Впервые столь большое количество русскоязычных учеников удостоилось чести вместе с китайскими собратьями стать личными учениками Мастера в полном соответствии с китайской традицией.

Как свидетельствует участник церемонии, учитель Виктор Сяо является признанным наследником Школы Ян в седьмом поколении и ветви Ван Юнцюаня в четвертом поколении. Церемония байши проводилась в рамках тайцзи-цюаня стиля семьи Ян, передающегося по ветви Ученика Ян Чэнфу – Ван Юнцюаня; она проходила в Пекине, в очень традиционном стиле, и называлась «Ритуал поклонения Мастеру Виктору Сяо», или иными словами – «Прием Мастером Виктором Сяо личных учеников». Виктор Сяо принял решение сделать первый набор из учеников из разных стран, из тех, кто продемонстрировал серьезное отношение к обучению тайцзи-цюаню, особое уважение к учителю и предмету, искренность, целеустремленность, упорство, смекалку и хороший характер. [7]

В течение недели, предшествующей ритуалу байши, Мастер Виктор Сяо, кандидаты в ученики и остальные участники группы посещали могилы предков ветви Ван. На могиле основателя Ветви Ван Юнцюаня вместе с его сыном Ван Чжунмином участники церемонии выразили почтение поклонами. Затем в сопровождении Чжу Чуньюаня поклонились могиле его отца Чжу Хуайюаня, ученика Ван Юнцюаня. И после этого, в сопровождении Чжан Гоцзяня (старшего

ученика Ши Мина) вся группа поклонилась могиле Ши Мина, ученика Чжу Хуайюаня. Это была предтеча ритуала, ее продолжили встречи, контакты и беседы с Ван Чжунмином, Чжу Чуньсюанем, Чжан Гоцзянем, перемежающиеся с занятиями на семинаре Виктора Сяо. Все это вместе по-китайски называется «приобщением к традиции». [7]

Ритуал поклонения мастеру Виктору Сяо проводился в Пекине, в зале большого здания «Дом науки и техники», торжественно и строго украшенном по случаю байши. Как отмечено участниками ритуала, в последнее время церемония байши в Китае стала упрощаться – проводится мастером в его доме или в стенах школы, или в бронированном ресторане, вдали от любопытных глаз. Но 30 апреля 2011 года на ритуале поклонения мастеру Виктору Сяо всё было иначе. Ван Чжунмин настоял на том, чтобы ритуал был проведен по всем правилам традиции и стал образцом для всех, кто начал пренебрегать серьезным характером таких мероприятий. Перед входом в зал на устланных скатертями столах лежали большие книги из плотной красной глянцеваы бумаги, куда каждый из присутствующих на ритуале вносил свое имя. В ритуале принимали участие представители официальных организаций, представители старшего поколения ветви, руководство «Общества по исследованию наследия тайцзи-цюаня Ван Юнцюаня», друзья школы тайцзи-цюаня стиля Ян и гости из разных стран – всего более ста гостей. Этот ритуал также явился публичным объявлением об окончательном сплочении ветви Ван Юнцюаня Школы стиля Ян.

В октябре 2014 года прошел следующий ритуал «поклонения Мастеру Виктору Сяо личных учеников второго набора». [8] Как описывает церемонию один из участников, «до проведения самого обряда байши в соответствии с китайской культурой традиционного почитания Учителя и его Пути мы выразили уважение и отметили память предков ветви и их великому наследию. Как и в прошлый раз, это было прелюдией или, своего рода, духовной составной частью ритуала Байши, за формальной стороной которой мы ... приобщались к вековым традициям Китая. Вместе с Ван Чжунмином мы посетили и поклонились могиле основателя Ветви Ван Юнцюаня. Мастер Виктор Сяо первым поклонился и трижды отбил челом Ван Юнцюаню, а затем поклонился его сыну Ван Чжунмину. Следом за ним шли кандидаты в личные ученики и все остальные участники. Через несколько дней в сопровождении Чжу Чуньсюаня мы поклонились его отцу Чжу Хуайюаню, ученику Ван Юнцюаня - на том месте, где когда-то вел занятия сам Чжу Хуайюань, и где сейчас проводит ежедневные занятия его сын. Перед большим портретом Чжу Хуайюаня были воскурены благовония, Мастер Виктор Сяо, его личные ученики, кандидаты в личные ученики и все участники по очереди подходили и кланялись сначала портрету Чжу Хуайюаня, а затем его сыну Чжу Чуньсюаню. Поклонение Мастеру Ши Мину, ученику Чжу Хуайюаня, проходило в Бамбуковом парке на площадке, где проводил занятия Ши Мин. Для этих целей у памятного камня был установлен портрет Ши Мина и зажжены благовония. Поочередно: сначала Мастер Виктор Сяо, старшее поколение ветви и личные ученики, затем кандидаты в личные ученики и все остальные участники мероприятия – мы совершали поклоны и возлагали цветы к портрету Ши Мина... Ритуал Байши дает каждому понять, что вместе с посвящением в личные ученики

для адепта заканчивается этап изучения тайцзи-цюаня «за воротами Школы». [8] Начинается новый и важный этап его вживания в Традицию, предъявляющий к нему более высокие и строгие требования как к истинному носителю культуры и искусства тайцзи-цюаня и как к будущему Мастеру, обязанному стать их серьезным представителем и важным звеном прямой передачи». Проведение ритуала символизировало развитие и выход тайцзи-цюаня стиля Ян ветви Ван Юнцюаня на новый международный уровень. [8]

Кроме этого, среди населения Беларуси получили распространение некоторые элементы праздничных китайских традиций, как, например, чайная церемония, которая сопровождает наиболее значительные праздники в Китае. Учитывая большой интерес белорусов к чайной церемонии и всем атрибутам китайского чая, в Беларуси 1 февраля 2015 года был проведен 1 Чайный чемпионат, на котором в большей степени были представлены китайские сорта чая и способы его заварки. По описанию участников чемпионата и журналистов, «1 февраля рано утром выглянуло солнце. И оно осветило потоки людей, стекающие в галерею tut.by с чашками, чайниками или налегке. Кто-то спешил как участник, навстречу своему самому первому в жизни выступлению перед широкой публикой, кто-то надеялся попробовать хороший чай и узнать о нем побольше, а кто-то просто шел поддержать своих друзей». Пока участники выступали на чемпионате, на параллельной площадке проходили мастер-классы «Чай и здоровье», «Японский чай», «Живопись усин», гости мероприятия учились играть в Го и расписывали ладони хной. На всей площадке мероприятия можно было дегустировать чай: как моносорта, так и купажи от разных чайных брендов: "Basilur", "Curtis", "Richard", "Gurmans", "Newby" и магазинов "Чайное состояние", "Чайная гостиная" (Брест). Для того, чтобы попробовать их, люди стояли в очереди, наполняя стаканчики разными сортами чая, прислушиваясь к советам специалистов, как стоит пить чай и на что обращать внимание. Было и выступление «тайцзи с веером». По оценкам организаторов, мероприятие посетило более тысячи человек, целенаправленно пришедших познакомиться с чайной культурой. Это еще раз доказывает, насколько данная тема востребована среди населения Беларуси. [9]

Таким образом, процесс возрождения старых праздничных традиций в современном Китае имел следствием и распространение некоторых церемоний (например, байши – поклонение учителю) среди белорусских последователей Ушу, Цигун и Тай Цзи Цюань. При этом, в отличие, например, от чайной церемонии, как одного из элементов праздничной трапезы, эта праздничная традиция не получила значительного распространения среди адептов китайских психофизических практик. Чайная церемония, как один из элементов праздничной трапезы, получил значительное большее распространение среди населения Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурко, А.В К вопросу о восприятии элементов китайского Нового года в современном белорусском обществе / А.В. Гурко // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 18 / навук. рэд. А.І. Лакотка; Цэнтр

- даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Мінск: Права і эканоміка, 2015. – 376 с. С. 229 – 234.
2. *Эберхард, В.* Китайские праздники / В. Эберхард // Пер.с англ. и предисл. Н.Ц. Мункуева. - Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. – 128 с.
  3. *Малявин, В.В.* Китайцы. Новый год и его место в годовом цикле / В.В.Малявин // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 360 с.
  4. Тайны Тай-цзи и Цигун доступны всем [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://meteo.by/calendar/holidays/> – Дата доступа: 26.04.2014.
  5. *Мельников, Г.А.* Минск. Фестиваль по Дао Тайцзи-цюань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ovv.blog.tut.by/school/> – Дата доступа: 23.02.06 в 01:01:28.
  6. *Столлова, Ю.* Мастер-класс по Тайцзи цюань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://it.chatoff.by/minsk/event/show/10501/>.
  7. Ритуал поклонения личных учеников мастеру Виктору Сяо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://taiji-by.org/a_baishee.html / – Дата доступа: 30.04.2011 года.
  8. Ритуал поклонения личных учеников мастеру Виктору Сяо [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://t.tjq.ru/> Ритуал_поклонения_личных_учеников_Мастеру_Виктору_Сяо_11_октября_2014_года#.Vbnd1Jfxvts.
  9. Чайный чемпионат оказался гораздо больше, чем просто соревнование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/press/434448.html> / – Дата доступа: 6.02.2015 .

*Дин Шуюэ
(Сычуань, Китай)*

КИТАЙСКАЯ И БЕЛОРУССКАЯ СВАДЬБЫ И ИХ ОБРЯДОВАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена научному осмыслению специфики обрядов традиционной белорусской и китайской свадьбы и связанных с ней норм семейно-брачных отношений, которые анализируются с религиозно-нравственной, региональной и искусствоведческой позиций.

Ключевые слова: свадебные традиции, белорусская и китайская обрядность, национальная культура, церемониал, брачные отношения, религиозные обычаи, семейные ценности.

The article is devoted to the scientific understanding of specifics of a traditional Belarusian and Chinese wedding and related with it family relations which are analyzed from religious and moral, regional and art criticism positions.

Keywords: wedding traditions, Belarusian and Chinese ceremonialism, national culture, ceremonial, marriage relations, religious customs, family values.

Как в прошлом, так и теперь, переломные моменты в общественной и личной жизни человека приводят к новому положению человека в обществе, изменению его семейного статуса, вызывает серьезные эмоциональные переживания. Поведение человека, его отношение к новым семейным обязанностям во многом зависит от того, на каких принципах строятся семейные отношения. Эмоциональное переживание перехода девушки и парня в семейный статус и осознание ими принципов и норм семейно-брачных отношений зависят от идейно-эстетического уровня свадебного обряда. Уровень этот определяется содержанием и формой, семантикой самой обрядности, традициями культуры и личными нравственными установками.

Свадьба – не только один из самых древних ритуальных обрядов в белорусской и китайской культурах, но и один из самых торжественных, красивых семейных праздников, в котором отразились остатки древнего сознания наших предков, их мировосприятие, ощущение себя в мире. В разных регионах Беларуси и Китая свадебный обряд имеет свои определенные особенности.

Воплощение свадебного обряда в традиционных видах искусства – музыке (народных песнях и сопровождающих их инструментальных наигрышах), хореографии (народных танцах, хороводах), декоративно-прикладном искусстве (народных костюмах, свадебном реквизите) и театрализованных действиях, сопровождающих обряд – во все времена интересовало людей, привлекало внимание общества и ученых-фольклористов, этнографов разных стран и народностей [2; 3; 4; 5]. В меньшей степени синкретизм различных видов искусства в свадебном обряде занимал искусствоведов [1; 7]. Научное изучение взаимодействия видов искусства в свадебном обряде Китая и Беларуси представляется в этой связи не только весьма интересным, но и актуальным во все времена.

Со свадьбой всегда связано много поверий, примет, обычаев. Но в каждой стране, в каждом этносе свадьба празднуется по-своему. Каждый народ имеет свои обычаи и традиции в праздновании свадьбы.

Белорусская традиционная свадьба сохраняет древние славянские этнокультурные элементы. Объясняется это в первую очередь развитым у белорусов культом предков, а также в значительной степени существованием разных вероисповеданий (что вполне сопоставимо с китайским культурным контекстом). Как пишет Ю. Чурко, «...Все основные ее этапы - «агледзіны», «заручыны», «дзявочая субота», выпекание каравая, выезд жениха со своими друзьями за невестой, свадебный стол и «пасад нявесты на дзяжу», «звядзенне маладых» сопровождались бесчисленными песнями, танцами, обрядовыми действиями и представляли собой как бы отдельные акты разыгрываемого музыкально-драматического спектакля» [7, с. 62].

Характерная черта белорусской свадьбы – наличие в ней древних религиозно-обрядовых и семейно-бытовых элементов, восходящих к эпохе матриархата и сохраняют пережитки и отзвуки тотемических верований и культов (культ растительности, особенно деревьев, животных, в частности медведя, и небесных

светил). От эпохи родоплеменного быта вели свое происхождение две основные древние формы заключения брака – Умыкание и Покупка-продажа невесты, которые позже были заменены браком по договоренности. Похищение молодой (некогда «драма жизни») с течением времени превратилась в традиционную обрядовую игру. Жизненные ситуации, которые разыгрываются во время свадьбы, его герои, их действия predeterminedены и навсегда установлены обрядом. В этом смысле неизменен и язык героев: он состоит из устойчивых словесных формул, поговорок, пословиц и т.д.

Коллективное выполнение действий и песен, прочная привязанность их к обрядам не допускают отклонений от вековой традиции. Все это способствовало созданию общеполорусского свадебного репертуара при его локальных вариантах и особенностях. Региональные особенности – результат сложных этно-исторических процессов, происходивших в социально-культурных группах разных регионов. Выделить свадебный обряд какой-либо определенной местности в качестве типичного и основного для всего белорусского свадьбы невозможно: в некоторых местностях не все этапы свадьбы развиты достаточно полно, в других трансформировались или исчезли, отдельные ритуалы частично или полностью перешли из одного этапа в другой. Нарушение последовательности и полноты выполнения некоторых свадебных обрядов произошло и в результате принятия христианства. Все это в значительной степени влияло и на свадебную терминологию: в разных регионах Беларуси определенный свадебный церемониал или его элементы называются по-разному, в других случаях разные по сути церемониалы называются одним термином. Но эти изменения не коснулись основного стержня, единого в своих чертах белорусского традиционного свадебного церемониала [2; 3; 8].

В Беларуси еще в XVII–XVIII вв. при заключении брака пользовались традиционным правом, церковному венчанию уделялось малое значение. Богатство и развитость белорусской традиционной свадьбы, вытекающие из правовой силы его процедур, которые должны были обязательно выполняться при свидетелях (роде, соседям) и играли функцию документа вплоть до середины XIX в. Род давал свою санкцию на брак при помощи ритуальных действий, которые узаконивают имущественные, этические права.

В Китае брак и свадьба (кит. 婚姻, пиньинь «hun yin») рассматриваются как традиционный ритуал с участием новобрачных и их родственников, который характеризуется предварительной договоренностью между семьями брачующихся. В Древнем Китае в брак вступали только по указанию и с согласия родителей. Интересна семантика китайских иероглифов 婚姻, обозначающих брак. Первый иероглиф состоит из элемента 女, который переводится на русский как женщина или женский, и элемента 昏, означающего, что свадебная церемония проводится вечером, так как, по мнению китайцев, это время считалось наиболее удачным для свадьбы. Второй иероглиф 姻 также состоит из двух элементов: первый элемент переводится как женщина, а второй имеет такое же произношение, как 因

(«инь»). В словаре традиционных китайских иероглифов 困 означает «дружелюбие», «любовь» и «гармонию», которые, с точки зрения китайцев, являются основными качествами идеальной семейной жизни [4].

Концептуализация архаико-религиозных представлений о Небе и Земле и возникновение теории *Инь-Ян* привели к натурфилософскому осмыслению брачных отношений, в рамках которых они рассматривались в качестве воспроизведения взаимодействия *Женского* и *Мужского* космических начал. Подобное осмысление брачных отношений не несло в себе негативного их восприятия. Напротив, оно придало им статус «естественности» и обязательности, включив их в общий природный цикл. В наиболее отчетливом и целостном виде архаико-религиозные и натурфилософские воззрения на брачные и семейные отношения, проявляются в организации и принципах существования в Древнем Китае полигамной семьи, в первую очередь императорского гарема. Сам по себе гарем предназначался для демонстрации мужской силы правителя, что являлось непременным атрибутом могущественной власти государя с точки зрения древнекитайского культа «священного царя» [6, с. 294–295].

И в белорусской, и в китайской свадьбе личные эмоциональные переживания молодых подчиняются общественному порядку и интересу: в свадебном церемониале нет места открытым и искренним высказываниям чувств молодых, так как ранее они не были хозяевами своей судьбы, должны были исполнять волю родителей (рода). Самая активная роль в свадьбе принадлежит матери, отцу, брату, дяде со стороны матери (свату) молодых. Родители выбирали невесту для сына, получив согласие только ее родителей. При выборе невесты руководствовались прежде всего тем, чтобы девушка была хорошей работницей, не имела плохой славы, была здорова, происходила из равной или богатой семьи.

Свадебные торжества белорусов можно разделить на три этапа: предсвадебные («запыты», сватовство, помолвка), свадебные (венчание и свадьба) и послесвадебные (пироги и «медовый месяц»), в то время как у китайцев выделяют следующие этапы: сватовство, приготовление к свадьбе, встреча новобрачной в доме жениха, обряды послесвадебного периода. Во многом семантика этих обрядов в обеих культурах схожая.

Сватовство у белорусов совершалось обычно по вторникам, четвергам и субботам. В сваты ходили компанией в три-пять человек. Чаще всего родной и/или крестный отец, дядя, брат жениха, иногда его мать или другая близкая родственница, очень редко – сам жених. Если сватались к невесте, которая жила в той же деревне или городе, где жениха все знали, то он не присутствовал на сватах. Отказ сватам хоть и не считался большой бедой, но был очень неприятным моментом для семьи жениха. По этой причине старались как-то заранее рассмотреть отношения между молодыми людьми, отношения обеих семей, чтобы предвидеть исход обряда сватовства. На Витебщине перед тем, как идти свататься, на ночь клали во двор кусок хлеба: если хлеб был целым – это предвещало хорошее сватовство, а если его погрызли мыши или другие животные – обряд откладывали на более благоприятное время [3]. На территории Полесья перед обрядом сватовства проводили еще один обряд: «пасылалі ў пярэпыты», чтобы быть уве-

ренными в том, что родители невесты настроены дружелюбно и примут посланников жениха. Сваты приносили с собой и угощения: водку, каравай, мед и т. д. Если девушка замечала сватов, то тут же уходила в другой дом или на улицу, откуда ее приглашали после достижения согласия с обеих сторон и обсуждения деталей [9].

Разговор между сватами и родственниками молодой происходил обычно в игровой форме: «мы купцы, ці няма ў вас тавару?», «ці няма ў вас цялушукі, у нас ёсць добры бычок» и т. д. [2; 9]. Родители невесты, смотря по обстоятельствам, соглашались или отказывали сватам. В случае согласия, в дом приглашали девушку и спрашивали ее мнение, тем самым давая формальное право решить свою судьбу. Невеста обычно подчинялась родительской воле и говорила: «Если уж отец и мать желают – то я пойду замуж» [9]. Символом согласия и договоренности между сторонами, было распитие бутылки спиртного напитка, которую приносили сваты. При разговоре сват пытался как можно лучше описать дом и качества будущего жениха, чтобы как можно больше выторговать приданного. После удачного сватовства он просил подарок для жениха – залог согласия.

Сватовство в китайской свадьбе, непосредственно затрагивающее престиж семей, было чрезвычайно важным делом, которое непременно требовало посредников. Сватов в Китае именовали *бин жень* («человек льда»). В деревнях роль посредников обычно исполняли мужчины из местных жителей, и лишь в городах имелись профессиональные свахи. В Южном Китае посредническая миссия при заключении браков отводилась обычно пожилым женщинам. Вначале семья жениха высылала семье предполагаемой невесты так называемую *цао те узы* – «предварительную записку» или карточку с указанием «восьми важнейших иероглифов жизни», в которых сообщалась фамилия жениха, а так же год, месяц, день и час его рождения. В семье по этим данным гадали о возможности и перспективах заключения брака, и, в случае благоприятного исхода гадания, высылали семье жениха сведения о дате рождения предполагаемой невесты.

Интересно, что на подготовительных этапах в старину у белорусов и китайцев большую роль играли гадание, предсказание, обращение к знахарям и гадалкам. По традиционным китайским представлениям, все браки заключались на небесах Лунным Стариком, и не встретить своего суженного было невозможно. Такой фатализм присущ и белорусскому народу, чьи предки также считали, что «всё в руках Божьих», что по судьбе назначено, так оно и случится. Это ярко отражалось в белорусских пословицах и поговорках: «Лёс і за печкай знойдзе», «Суджанага канем не аб'едзеш» и т. д. [11, с. 331]. И у белорусов, и у китайцев сватовство затрагивало интересы всей семьи. Это событие никогда не было личным делом жениха и невесты.

Если стороны достигали соглашения, то в белорусской свадьбе устанавливался день смотрин, в который в дом невесты приезжали родители жениха. Их угощали и приветствовали как будущих родственников. В старину родители жениха приносили в дом невесты пирог (или пряник) округлой формы (аналог солнца), на котором с помощью вырезанных из дерева досок оттискивали символические узоры – квадраты с точкой посередине. Круги, волнистые и прямые линии (древние знаки плодородия). Сговорный пирог (или пряник) представлял

собой символическое напутствие невесте – она должна быть хорошей хозяйкой и плодотворной матерью [8; 11;12].

В китайской свадьбе, после успешных переговоров, семья жениха высылала невесте украшения и другие подарки, что в просторечии называлось *юэдин* «малым соглашением». После этого семьи жениха и невесты обменивались брачными поручительствами, которые писались на бумаге «счастливого» красного цвета, нередко украшенной изображениями дракона (для юноши) и феникса (для девушки). В поручительствах сообщались подробные сведения о будущих новобрачных и их семьях, а также указывали сумму вносимого за невесту выкупа: так называемого «чайного подарка» (чай в Китае считается символом плодородия и супружеской верности) [4; 5]. Подарки для невесты включали в себя, как правило, пару сережек, два или четыре браслета, отрезки материи красного цвета, золотые монеты и прочее. В специальных красных коробках непременно высылались и провизия: отборный рис, различные сорта чая, соль, вино и т. д. По обычаю семья невесты принимала все высланные ей драгоценности и украшения, но около половины даров продуктами отсылала обратно, поскольку определение сроков свадьбы требовало, как правило, нескольких визитов сватов к обеим сторонам. Обычно ее назначали на конец года, после того, как завершались хозяйственные работы.

Заключение брачного контракта служило поводом для первой встречи родителей жениха и невесты. Родители жениха, прибыв на встречу, сначала совершали поклонение перед семейным алтарем (выставлялись фигуры «зайца счастья» или «рыбы счастья»). Затем хозяева и гости участвовали в церемониальной трапезе, во время которой все выпивали чашку «вина долгой жизни» [4]. Жених получал в подарок пару горошин, которые он, возвратившись, домой, клал в воду, а потом съедал, что, по древним поверьям, способствовало появлению потомства.

Ритуальный плач невесты обязателен и в китайской, и в белорусской свадебных церемониях. У белорусов были приняты три ритуальных плача невесты: на девичнике, перед отъездом в дом жениха и уже непосредственно в доме ее новой семьи. Невеста должна была прилюдно, «на миру», выплакать все слезы, все горе, чтобы быть счастливой в новом супружестве. Сообщество должно создать новое целое – новую семью. Вот, например, две свадебные, но совершенно разные по характеру песни: «Будет свадьба, будет хмельно зелье, / Бог нам дал / Будет счастье, свадьба удался, / Бог нам дал!» и «Живи, исполнить самые мамочка, без меня, / Без русой косы моей / Меня забудь, на дорогу не посматривай, / Буду... слезки проливать...» [13, с. 78]. По обычаю, молодая должна была рыдать, выражая скорбь по поводу расставания с родными. Во многих районах невеста и ее подружки пели песни, в которых содержалась брань в адрес сватов и семьи жениха и даже будущего мужа, носившую, впрочем, шуточный характер.

И китайская, и белорусская невесты накануне свадьбы совершали ритуальное омовение. Китайская невеста после этого делала ритуальные поклоны перед семейным алтарем. В белорусской культуре в бане гадали, чтобы узнать, насколько сильно любит невесту жених, и сделать так, чтобы чувства его были

сильнее. В китайской свадебной традиции ритуальное омовение сопровождалось построением астрологических гороскопов.

Подготовка к свадебным торжествам в белорусской свадьбе начиналась с выпечки свадебного каравая. Каравай пекся и в доме жениха, и в доме невесты, чаще всего только замужними женщинами, а незамужние девушки его украшали. Старшая каравайница просила у родителей молодых благословения перед каждым действием выпечки. Также весь процесс сопровождался песнями. Очень часто на каравай молодой сверху прикреплялась утка из теста, а на каравай молодого – гусь, вокруг этих фигурок клали яйца – символ деторождения.

Традиционная китайская свадебная выпечка называется «дракон и феникс» и символизирует соединение мужского и женского начал. Начинкой обычно служила паста из семян лотоса, красных бобов или зеленой фасоли. Обрядовую выпечку присылала семья жениха семье невесты в числе других предсвадебных даров. У китайцев также существует свадебный торт или пирог, который является одним из важнейших атрибутов свадебной церемонии. Он должен быть многоярусный и символизировать ступени семейной жизни. Молодые должны кормить друг друга сладкими кусочками свадебного торта, чтобы вместе проходить все этапы семейной жизни.

В белорусской традиции на второй день свадьбы гости заставляют молодую жену выполнять разную домашнюю работу: идти за водой, подметать пол. Однако во всем ей мешают, пока молодой муж не заплатит выкуп. В Китае же испытания ждали молодого мужа, когда молодожены отправлялись в отдельных паланкинах погостить в дом жены на третий день свадьбы. Например, молодому мужу подносили пельмени с острейшим перцем, что, по поверьям, способствовало успешной карьере мужа и рождению умных детей. Молодожены обязаны были совершать поклоны в ее доме перед семейным алтарем. Вернуться домой они должны были до восхода солнца, так как обычай запрещал новобрачной в течение первого месяца семейной жизни ночевать вне дома. Так, в песнях «Шицзин» много говорится о свадебных церемониях. В песне под названием «Цзян ю сы»: вначале невеста не хочет брать с собой девушек, которым уготована такая участь, в конце же девушки выражают благодарность, что невесту удалось убедить, и теперь она берет их будущую семью: «Так с Цзяном сольется волна... // Та девушка шла к жениху. // С собою нас брать не хотела она, // С собою нас брать не хотела она, // Потом стосковалась она. // Так воды сливаются за островком. // Та девушка шла к жениху. // С собой ты нас взять не хотела в свой дом, // С собой ты нас взять не хотела в свой дом. // Была ты нам рада потом» [14, с. 176].

И в белорусской, и в китайской свадебной обрядности невесты должны были иметь приданое. Приданое белорусской невесты привозили в дом жениха во время самой свадьбы. Китайская же невеста за три дня до свадьбы высылала в дом жениха предметы личного и домашнего обихода: одежду, туалетные принадлежности, утварь и даже мебель – «*пу фан*» – чтобы обставить комнату. В это время в доме жениха велась подготовка к приезду новобрачной. В комнате будущих супругов обновляли бумагу на окнах, белили стены, все убрали.

После всех приготовлений к свадьбе в постели молодых должен был спать кто-нибудь из неженатых младших братьев жениха или невесты, так как считалось, что «постель невесты не должен пустовать». Невеста не могла покидать женскую половину дома с того момента, как был определен день свадьбы. Эти дни она проводила в компании подружек, которые проводили ее в новую семью.

Порог дома и комнаты считался мистическим местом и в белорусской свадебной обрядности, и в китайской. Так, в белорусской культуре порог дома рассматривался как зона смерти, а поэтому дотрагиваться до него было запрещено. Поэтому жених брал невесту на руки и переносил через порог. Присутствующие гости в это время осыпали молодых зерном. В китайской традиционной свадьбе, жених, переступив порог комнаты, первым делом пускал стрелы во все ее углы, изгоняя, таким образом, злых духов. Затем новобрачные садились на ложе и некоторое время сидели неподвижно в молчании. Пока молодая сидела с молодым мужем, с нее снимали закрывающее ее лицо красное покрывало. Вскоре свадебный церемониал подходил к концу.

Таким образом, китайская свадьба, являясь важной частью китайской культуры, имеет свои глубокие национальные корни. Многие свадебные обряды и обычаи Китая сохранилось до наших дней, некоторые же были утрачены с течением времени. Свадебные традиции отражают почитание семейных ценностей и уважение к серьезности отношений будущих супругов. Однако такое понимание брачных отношений и отношения к свадьбе в китайском обществе было далеко не всегда: на раннем этапе развития китайского общества оно формировалось под воздействием мифологических, архаико-религиозных, космологических и натурфилософских воззрений на брачные отношения и интимную жизнь будущих супругов.

Традиционный свадебный обряд в китайской и в белорусской имеет много общего: в обеих культурах он характеризовался противопоставлением элементов его бинарного триединства: местом действия (в доме молодой и в доме молодого), действующими лицами (род молодой и род молодого), тональностью действия (драматическое, минорное – у молодой и празднично-возвышенное, мажорный – у молодого). Такая генетическая природа свадьбы определялась социально-экономической сущностью брака. Кроме хозяйственно-делового, в белорусской и китайской свадьбах всегда подчеркивался общественно-моральный момент, который в идеале составляет счастье молодой пары и ее потомства. Эти моменты в немалой степени определяли композицию свадьбы и ее семантический окрас.

Вместе с тем, традиционная свадебная обрядность каждой из двух культур имеет и отличительные особенности, которые в своем большинстве составляют различие не в идейной специфике (в статье мы показали, что многие идеи синхронны), а ритуально-обрядовую. Так, в китайской культуре перед сватовством от семьи жениха посылали иероглифы-сведения о парне («се и»), с которыми ворожила семья невесты. В белорусской культуре было другое: до сватовства могли ворожить и парень, и девушка. Сумма выкупа за невесту оговаривалась письменно в китайской традиции, чего не было в белорусской. В белорусской

свадьбе важную роль играл венок и связанный с ним обряд «молодуха», в китайской такой не наблюдалось и т.д.

Динамика содержания и формы свадебной обрядности Китая и Беларуси зависит, в свою очередь, от многих факторов, прежде всего, от переосмысления и творческого использования самых сильных национальных традиций. Вопрос сохранения народных традиций не только важен для формирования и развития современной обрядности, но и является одним из центральных вопросов развития культур Китая и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеева, Т.Б. Северобелорусская свадьба: Обряд, песенно-мелодические типы / Т. Б. Варфоломеева. – Минск: Наука и техника, 1988. – 156 с.
2. Котович, О.В. Белорусская свадьба в пространстве традиционной культуры / О. Котович, Я. Крук. – Минск: Адукацыя і выхаванне. 2012. – 848 с.
3. Никольский, Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности / Н. М. Никольский. - Минск: Издательство академии наук БССР, 1956. – 275 с.
4. 穆纪光. 《艺术的再生》. 西北师范大学学报, 2009 年第 1 期 29 页=Цзигуан, М. Регенерация искусства / М. Цзигуан // Научный вестник Северо-западного педагогического университета. – 2009. – № 1 – С. 29.
5. Китайская свадьба // Свадебный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tili-testo.ru/articles/cat16/466/> – Дата доступа: 21.02.2014.
6. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 416 с.
7. Чурко, Ю. М. Белорусский хореографический фольклор / Ю.М. Чурко. – Минск: Вышэйшая школа, 1990. – 415 с.
8. Мархель-Кокашинская, М. Белорусская свадьба: от сватов до каравая [Электронный ресурс] <http://www.prazdnik.by> – Дата доступа: 08.07.2015.
9. Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 т. / [рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (галоўны рэдактар) і інш.]. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005-2006. Т.1. – С. 310.
10. Казакова, И. В. Белорусская и китайская свадьбы: сравнительный аспект / И. В. Казакова // Пути Поднебесной: сб. научных трудов. Вып. 3. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А.Н. Гордей (гл. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2013. – С. 324–334.
11. Казакова, И. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў / И. В. Казакова. — Мінск, 1994. – С. 50.
12. Крук, Я. Колесо времени: традиции и современность / Янка Крук, Оксана Котович. – 3-е изд., испр. и доп. – Мн.: Беларусь, 2010. – 350с.
13. Казакова, И. В. Беларуская і кітайская традыцыйныя народныя культуры: параўнальны аспект / И. В. Казакова. – Мінск: Паркус плюс, 2014. – 156 с.
14. Васильев, Л. С. Древний Китай. Том 1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.) / Л.С. Васильев. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 379 с.

*Коваленя Е.Г.
(Минск, Беларусь)*

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ ПРОЕКТА «ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ XXI ВЕКА»: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается Великий Шёлковый путь с позиции миросистемного подхода Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Определяется значимость городов в формировании геокультуры торгового комплекса. Реконструируется хронология действий, предпринятых с целью возрождения Шёлкового пути в XXI веке и обосновывается необходимость развития геокультурного потенциала городов Республики Беларусь в рамках данного проекта.

Ключевые слова: *Великий Шёлковый путь, Экономический пояс Шелкового пути, политика в Евразии, геокультура, геокультурный потенциал, геокультурный регион, миросистемный подход, межкультурные контакты, культурное сотрудничество, гуманитарное сотрудничество, региональное развитие.*

The article presents The Great Silk Road, based on world-system approach of F. Braudel and I. Wallerstein. The influence of the cities in the creation a geoculture of trade complex is determined. The text reconstructs the chronology of actions, undertaken to revive The Silk Road in the XXI century and substantiates the necessity for developing geocultural potential of the cities of Republic of Belarus within the framework of this project.

Key words: *The Great Silk Road, Silk Road Economic Belt, the policy in Eurasia, geoculture, geocultural potential, geocultural area, world system theory, intercultural exchange, cultural cooperation, humanitarian cooperation, regional development.*

Великие культуры Древности зачастую именуют речными цивилизациями. Водная система ассоциировалась с началом и зарождением всего живого. Дух народа детерминировался естественными территориальными условиями и природно-географическими факторами. Это способствовали развитию среди населения трудолюбия, высочайшей дисциплины, особого отношения к труду и солидарности. Китайская цивилизация зародилась в бассейне рек Хуанхэ (Жёлтой реки), Сицзян (Жемчужной реки) и Янцзы – великих речных очагов культуры. Три великие водные артерии дополнялись крупной системой притоков, образующих пути сообщения между Китаем и внешним миром.

Представитель русской антропогеографической школы Л.И. Мечников считал, что прежде всего гидросфера выступала основным фактором социогенеза в масштабах цивилизаций и отдельных городов. Из всего многообразия водной оболочки исследователь выделял реки, синтезирующие в себе все особенности физико-географических условий (климата, почвы, рельефа и геологического строения местности). Л.И. Мечников пришёл к выводу, что историческое значение, ценность и полезность рек, в большинстве случаев обратно пропорцио-

нально их физическим характеристикам, и зависит от уровня культурного развития общества. «Исторические реки, – писал исследователь, – эти великие воспитатели человечества, [они] не выдаются среди прочих рек мощностью объема своих вод» [1, с. 209]. Освоение пространства и проектирование внутри него городов, исходя из условий местности, представляет собой форму становления культуры. Люди предпочитали селиться и создавать населённые пункты по берегам рек.

В процессе социальной эволюции цивилизации, возникшие на берегах великих рек, регулировали воздействия водной среды, вырабатывали формы практических ответов на вызовы природного окружения, постепенно расширяли сферы влияния и прокладывали новые морские торговые пути и выходили на простор океанов. Прохождение трех этапов развития истории – речной, морской и океанической, Л.И. Мечниковым считал положительным явлением, способствующим международному сотрудничеству и культурному обмену. Исследователь подчеркивал важную особенность в самобытной модели развития китайской цивилизации: «Один лишь Китай, прогрессивно расширяя область своего культурного воздействия, остался тем не менее в колыбели своей цивилизации – в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы» [1, с. 286].

В тоже время пространственные представления древних китайцев не ограничивались культурным пространством своей страны. Во II веке до нашей эры генерал Чжан Цянь открыл первый маршрут из Китая, который в середине XIX века немецкий геолог Ф. фон Рихтгофен назвал Шёлковым путём. Торговый путь был самым протяжённым в докапиталистическую эпоху и связывал между собой страны разных цивилизаций и социально-экономических систем. Его первоначальное предназначение заключалось в доставке шёлка на Запад, что впоследствии переросло в разветвлённую систему торговых маршрутов и обусловило формирование мир-экономики, обладающей характерными признаками, обозначенными Ф. Броделем [2, с. 18].

Великий шёлковый путь в течение длительного периода (II в. до н. э.-XVI в.) охватывал пространство Азии, Ближнего Востока и Европы, что соответствует современным территориям Китая, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, Грузии, Ирана, Ирака, Сирии, Турции. Естественные природные преграды в виде гор, пустынь, рек определяли направления передвижения и границы начала и окончания маршрута. Первоначально Шёлковый путь брал своё начало в древней столице Китая Чанъани, провинции Шэньси и шёл вдоль северного Тянь-Шаня, региона Тибет, Закавказья; далее сеть дорог окаймляли пустыню Такла-Макан, проходили вдоль реки Или, озера Иссык-Куля, Чуцской долины, Иссык-Кульской котловины и завершались они в Средиземноморье. Города Кашгар, Бухара и Фергана широко участвовали в товарном обмене и выступали в качестве опорных точек комплекса. Увеличение числа значимых городов, широко участвующих в товарном и культурном обмене свидетельствовали о прогрессе в развитии системы. Социально-экономические показатели: интенсивность товарооборота и миграции, состояние и развитие транспортной сети и инфраструктуры – определяли внутри комплекса активные и относительно спокойные зоны периферии.

Торговые контакты способствовали пересечению инертных природных преград, границ чужой культуры, содействовали культурному обмену и формированию геокультуры системы. Французский исследователь Ф. Бродель и американский И. Валлерстайн отводили городам роль доминирующих центров в миросистеме, которые определяли вектор развития международных экономических и культурных отношений в рамках торгового комплекса. Значимость населённого пункта находилась в прямой зависимости от его географического положения и наличия развитой системы сообщения с другими поселениями, включёнными в Великий Шёлковый путь. Воспользовавшись классификацией, предложенной Ф. Броделем [3, с. 430-444], Кафа, Тана, Тебриз, Тарс, Константинополь и другие – относились к населённым пунктам, специализирующимся на оказании посреднических услуг, обслуживании торговых караванов. Городами коммерческой активности были в Китае – Кашгар; в Туркмении – Мерв; в Узбекистане – Бухара, Фергана, Самарканд, Ургенч, Хива; в Казахстане – Отрар, Туркестан, Тараз, Испеджаб; в Киргизии – Джуль, Суяб, Новокент, Баласагун, Борскоон, Таш-Рабат, Ош, Узген; в Италии – Венеция и Ганза.

На протяжении веков Великий Шёлковый путь связывал торгово-экономическими, культурно-гуманитарными и политико-дипломатическими узлами Восток и Запад. Многочисленные контакты, осуществляемые в рамках системы торговых маршрутов обусловили процессы заимствования, присвоения и адаптации нормативно-ценностных систем других локальных культур, что способствовало постепенному формированию новой геокультуры всего комплекса. Распространение и популяризация достижений в сфере культуры в трёхуровневой миросистеме происходили за счет обмена достижениями в различных сферах искусства и повседневной жизни в процессе миграции творческой элиты и аристократии в пределах системы, в результате которой в различных точках региона создавались новые артефакты и градостроительные формы.

На протяжении столетий на территории различных регионов Шелкового пути появились сотни культурно-исторических объектов и памятников. Архитектура города Макао, находящегося в долине реки Чжуцзян (Жемчужной), бывшего колонией Португалии, представляет собой уникальный пример соединения китайского и португальского стиля [4]. Мировые религии способствовали формированию геокультуры торгового комплекса. Статуя «Большого Будды» в Лэшань и пещеры Могао стали символом буддизма, впервые утвердившегося на территории Китая и впоследствии распространившегося по всему Востоку [4]. Налаженные торговые и культурные обмены между цивилизациями способствовали единению общества в долгосрочной перспективе, И. Валлерстайн и Ф. Бродель были солидарны во мнении, что геокультура формируется позже экономических и политических отношений и выполняет протекционистскую функцию, удерживая систему от распада в устойчивые и кризисные моменты [5, с. 136; 2, с. 37].

Великие географические открытия конца XV-начала XVI веков способствовали развитию морской торговли, что привело к упадку внутрирегиональной торговли вдоль Шёлкового пути. Гидросфера и степень её освоённости, по мне-

нию Л.И. Мечникова, определи наступление «морского периода» [1, с. 189] и выхода на мировую арену средиземноморских стран и городов, которые выступили в качестве отправных точек для развития миросистемы в пределах европейского пространства.

Наличие многочисленных месторождений энергоресурсов в азиатском регионе представляет интерес для современной миросистемы. В настоящее время страны Центральной Азии рассматриваются в качестве поставщиков энергоресурсов, способных обеспечить потребности участников всего комплекса. С целью развития интегрированных транспортных систем в странах Азии в 1954 году между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой было подписано Соглашение о строительстве «Дороги Дружбы» через Джунгарские ворота, равнинную местность на стыке двух горных хребтов в районе Казахской Советской Социалистической Республики [6, с. 18]. В настоящее время над идеей воссоздания Великого Шёлкового пути активно работают заинтересованные страны, среди которых Китай, Россия, Турция, Соединённые Штаты Америки и другие. Представленная в 1997 г. премьер-министром Японии Р. Хасимото концепция «Евразийской дипломатии» подчёркивала первоочередное значение развития Китайской Народной Республикой, как центра миросистемы, и воссозданию пролежавшего через её территорию Великого шёлкового пути из Азии в Европу [7]. Дальнейшее экономическое развитие комплекса зависит от современной системы коммуникаций, включающих в себя комбинированную систему железных дорог и автомагистралей, нефте- и газопроводов, авиалиний и морских путей сообщения в рамках трансконтинентального маршрута.

В 2001 году создана постоянно действующая межправительственная Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основными целями которой являются: «укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участниками; содействие их эффективному сотрудничеству в политической, торговой-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, окружающей среды и других; совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе» [8]. Ведомство выполняет функции продвижения долгосрочной глобальной стратегии «Экономического пояса Великого Шёлкового пути» и финансирование проектов, активизирующих сотрудничество в регионе.

Современная система Великого Шёлкового пути включает страны всех субрегионов Центральной, Южной, Юго-Восточной, Западной Азии; Ближнего Востока, Восточной Африки; Западной и Центральной Европы. В настоящее время ведутся активные действия по включению Восточной Европы и стран СНГ в торговый комплекс. Геокультура современной миросистемы способствует выстраиванию устойчивых отношений со всеми культурными центрами комплекса и налаживанию межкультурного диалога между всеми уровнями системы. В принятой в 2007 году «Сианьской декларации» отмечается: «трудно переоценить значение Великого шелкового пути, который на протяжении веков служил важным мостом, объединяющим культуры Востока и Запада. Сегодня он снова призван стать инструментом обмена между различными культурами, стимулом поиска взаимопонимания между народами и укрепления мира во всем мире» [9].

Созданное на протяжении столетий существования торговых маршрутов материальное культурное наследие комплекса с 2014 года включено в список ЮНЕСКО как транснациональный памятник человечества. Он-лайн платформа «Шёлковый путь: путь диалога, многообразия и развития» презентует объекты геокультуры миросистемы. В направлении движения вдоль сухопутных и морских торговых путей на территории Китая находятся следующие достопримечательности: исторический центр города Макао, пещеры Могао, гора Эмейшань и бронзовая статуя Будды в городском округе Лэшань провинции Сычунь и экстремальная сеть маршрутов Чаньань-Тянь-Шаньского коридора [4].

Политические элиты Республики Беларусь заинтересованы в поддержании дипломатических отношений со странами Евразийского континента и включении городов нашей страны в современный маршрут Шёлкового пути. В декабре 2014 года был подписан Протокол о сотрудничестве в области совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между Министерством коммерции Китая и Министерством экономики Республики Беларусь. В период с августа 2015 года проведён ряд встреч с представителями политических элит Китайской Народной Республики, в ходе которых Беларусь подтвердила своё намерение в стимулировании реализации ключевых инвестиционных проектов и совместного создания «Экономического пояса Великого Шёлкового пути». В своём выступлении министр экономики В. Зиновский подчеркнул намерение Республики Беларусь расширять сотрудничество в торгово-экономической, инвестиционной, научно-технической, транспортной, энергетической, информационно-технологической, сельскохозяйственной, гуманитарной и других сферах со странами Шанхайской организации сотрудничества [10].

Экономика и культура равнозначны для организации геокультурного пространства в рамках миросистемы. Усиление торгово-экономического сотрудничества подкрепляется инициативами в гуманитарной сфере. В качестве таковых Министр экономики назвал «создание в Беларуси Академии Шелкового пути, белорусско-китайского аналитического центра развития и иных просветительских учреждений, механизмов и структур по расширению туристических и молодежных обменов» [10].

Динамика городского развития и его значимость в миросистемном комплексе зависит от политической обстановки, экономической ситуации в регионе и от степени налаженности отношений с другими странами и городами. Согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года «Региональные стратегии должны быть переориентированы на приоритетное развитие тех городских поселений, которые располагают для этого благоприятными градостроительными, а также социально-экономическими предпосылками и являются центрами региональных систем расселения» [11, с. 78]. Принимая во внимание географическое положение городов Беларуси, выступающих в качестве путей свободного перемещения и распределения экономических факторов евроазиатского региона, проект возрождения Великого Шёлкового пути перекликается со стратегией регионального развития ур-

банистических центров Беларуси и открывает возможности для развития геокультурного потенциала перспективных центров региональных экономик республики.

Обмен между странами и людьми предполагает активное взаимодействие равноправных субъектов, обладающими определенной нормативно-ценностной системой, аккумулирующей региональные и локальные особенности культуры. По мнению Чрезвычайного и Полномочного Посла Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Цуй Циминя: «формирование современного “экономического пояса” способствовало бы раскрытию корней и традиций цивилизаций и культур, усилению контактов людей разных профессий, слоев общества и конфессий, расширению социальной основы дружбы народов, что послужит позитивным вкладом в мир и развитие в регионе» [12, с. 21].

Современная китайская дипломатия ориентирована на углубление сотрудничества в гуманитарной сфере со странами-участницами инициативы возрождения торгового пути. В сентябре 2015 года в Москве состоялся II Международный культурный форум Шёлкового пути, в котором принял участие Министр культуры Республики Беларусь Б. Светлов. Главными темами мероприятия были: развитие партнёрства, разработка совместных проектов в сфере культурного сотрудничества. По итогам форума подписано соглашение о создании Организации культурного сотрудничества «Шёлковый путь – Евразия» совместно с Шанхайской организацией сотрудничества и Международным фондом государственного сотрудничества Содружества Независимых Государств [13]. Комплексная сеть сотрудничества в гуманитарной сфере придерживается принципов: «мир и сотрудничество, открытость и толерантность, взаимное заимствование и обмен опытом» [14], активизирует межцивилизационный диалог, стремиться к общности при сохранении различий.

Стимулирование перемещения ресурсов Азиатского региона через северный экономический коридор Москва – Минск – Брест – Варшава – Берлин в Западную Европу и использование географических преимуществ белорусских городов будет способствовать раскрытию их потенциала и стимулировать сотрудничество с соседними городами и странами. Белорусские города представляют собой пространства для личностных и групповых взаимодействий с носителями иных культур. Поощрение культурной деятельности, в хорошо организованной городской среде обитания, формирует уникальную атмосферу данного места и составляют культурный капитал, что проявляется в различных образцах материальной и нематериальной культуры: танцах, особенностях местной кухни, фестивалях, и других инициативах.

Целесообразным представляется создание специализированных групп, ассоциаций культурно-экономического сотрудничества, консультационные центров по важнейшим направлениям взаимодействия в перспективных городских центрах региональных экономик Республики Беларусь. В перспективе видится изучение геокультурного потенциала белорусских городов вдоль Шёлкового пути XXI века, укрепление культурного сотрудничества через социокультурные контакты; проведение на взаимной основе тематических мероприятий; организа-

ция форумов, конференций, круглых столов, презентаций, выставок и фестивалей. А культурные и лингвистические центры выступят своеобразной основой популяризации культур цивилизаций, образующих современный Шёлковый путь. Развитие сотрудничества между городами, наладит побратимские отношения между крупными городами стран вдоль торгового пути. Включение городов Беларуси в проект «Сеть городов Великого Шёлкового пути» на он-лайн платформе «Шёлковый путь: путь диалога, многообразия и развития», где уже представлена информация о китайских городах Дуньхуан, Кашгар, Урумчи, будет увеличивать информированность общественности о Республике Беларусь. Разработка уникального международного туристического маршрута и продукции, посвященной специфике Шёлкового пути, облегченный визовый режим для туристов стран вдоль торгового маршрута – увеличат масштабы туризма и положительно скажутся на имидже стран-участниц проекта.

Дипломатия Великого Шёлкового пути и связанные с ней инициативы содействуют развитию локальных экономик миросистемы, привлечению широких кругов международной общественности ко всем странам, входящим в состав комплекса. Кумуляция экономической активности и культурных обменов содействует процветанию всех сфер объединения и защищает его от распада в стабильные и кризисные периоды. А присоединение новых городских центров в разных регионах комплекса свидетельствует о прогрессе в развитии миросистемы. Использование геокультурного потенциала городов Республики Беларусь позволит придать необходимый динамизм региональным экономикам и обеспечит устойчивое развитие регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников; [предисл., комментарии В.И. Евдокимова]. – Москва: Айрис-пресс, 2013. – 320 с.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.: в 3 т. / Ф. Бродель: пер. Л.Е. Куббель. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. 3: Время мира – 1992. – 679 с.
3. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3ч. / Ф. Бродель: пер. с фр. М.А. Юсима. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – Ч. 1.: Роль среды. – 2002. – 496 с.
4. Всемирное культурное наследие на Великом Шёлковом пути [Электронный ресурс] / Шёлковый путь: путь диалога, многообразия и развития официальный сайт. – Режим доступа: http://ru.unesco.org/silkroad/silk-road-themes/world-cultural-heritage/list?field_route_tid=1&field_country_entity_target_id=65. – Дата доступа: 05.11.15.
5. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн: пер. П.М. Кудюкина. – СПб: Университетская книга, 2001. – 416 с.
6. Азовский, И.П. Центральноазиатские республики в поисках решения транспортной проблемы / И.П. Азовский. – Москва: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 96 с.

7. Усубалиев, Э. История инициатив Японии в Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» и «Дипломатия Шёлкового пути» [Электронный ресурс] / Промышленный вестник. – Режим доступа: <http://www.info-prom.com.ua/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D1%8F%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD/>. – Дата доступа: 04.11.15.
8. Краткие сведения о ШОС [Электронный ресурс] / Шанхайская организация сотрудничества официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.sectSCO.org/RU123/brief.asp>. – Дата доступа: 04.11.15.
9. Великий Шёлковый путь в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс] / Посольство Китайской Народной Республики в Республике Узбекистан официальный сайт. – Режим доступа: <http://uz.chineseembassy.org/rus/sgxx/sgsd/t130498.htm>. – Дата доступа: 05.11.15.
10. В. Зиновский принял участие в совещании министров экономики и торговли стран ШОС [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь официальный сайт. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/news/vladimir-zinovskij-prinjal-uchastie-v-soveshchani-ministrov-ekonomiki-i-torgovli-stran-shos-dopolneno_i_0000003612.html. – Дата доступа: 05.11.15.
11. Политика регионального развития // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь; ответ. за выпуск Я.М. Александрович, М.Т. Глушень. – 2015. – №4. – С. 77-81.
12. Цуй Циминь Открыть новую страницу Великого шёлкового пути / Цуй Циминь // Беларуская думка. – 2014. – 4. – С. 20-25.
13. II Международный культурный форум Шёлкового пути [Электронный ресурс] / Министерство культуры Республики Беларусь официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kultura.by/news/ii-mezhhdunarodnyi-kulturnyi-forum-shelkovogo-puti>. – Дата доступа: 05.11.15.
14. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века [Электронный ресурс] / Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь официальный сайт. – Режим доступа: <http://by.china-embassy.org/rus/xwtd/t1255104.htm>. – Дата доступа: 05.11.15.

*Струнченко А.А.
(Витебск, Беларусь)*

ДИАЛОГ НАРОДОВ И КУЛЬТУР **(из опыта реализации социокультурного проекта)**

В статье дана краткая характеристика реализации социокультурного проекта «Диалог народов и культур», направленного на социальную адаптацию

иностранных студентов в белорусском социокультурном пространстве и развитие межнациональных связей.

Ключевые слова: *социальная адаптация, межнациональные связи, социокультурный проект, клуб интернациональной дружбы.*

In the article of there is short description of realization of the sociocultural project "Dialogue of people and cultures", sent to social adaptation of foreign students in Belarusian sociocultural space and development of international connections.

Keywords: *social adaptation, international connections, sociocultural project, club of international friendship.*

Социальная адаптация иностранных студентов в белорусском социокультурном пространстве предполагает множество направлений. Студенты живут и получают образование в больших городах. Возможность посетить белорусскую деревню и пообщаться с носителями аутентичной культуры, как правило, минимально. Тем более, представить свои национальные традиции и культуру сельскому жителю.

С целью популяризации культурных и исторических ценностей сельских населённых пунктов, создания условий для межкультурного диалога, развития межнациональных связей, знакомства с традициями других стран, воспитания чувства толерантности и уважения к представителям иных культур работниками Мазоловского сельского Дома культуры, Витебского областного методического центра народного творчества и преподавателями Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и Витебской государственной академии ветеринарной медицины в 2015 году был разработан социокультурный проект «Диалог народов и культур» с участием иностранных граждан, в том числе из Китайской Народной Республики.

Реализация данного проекта началась с комплексной познавательной-развлекательной программы «Вместе в Новый год», которая состоялась 6 января 2015 года в агрогородке Мазолово Витебского района. Здесь иностранные студенты из Китая, Ливана, Иордании, Палестины и других стран стали участниками белорусского праздника Коляды, игровой программы «Новогодние чудеса» (встреча со сказочными героями в мазоловском лесу). Также иностранцы посетили этновыставку в сельском Доме культуры, приняли участие в мастер-классе по изготовлению рождественского сувенира, продегустировали белорусские национальные блюда.

На базе Мазоловского сельского Дома культуры был создан клуб интернациональной дружбы «Согласие», в состав которого вошли иностранные студенты высших учебных заведений г. Витебска и молодёжь агрогородка. Ежемесячно участники клуба на протяжении января – июня организовывали открытые заседания. Так, интересным стало проведение праздника народного календаря «Масленицу встречаем – блины с мёдом выпекаем!» с участием иностранцев, Дня арабской культуры и языка.

Также в рамках реализации мероприятий проекта для иностранных студентов была организована экскурсия по агрогородку «История Мазолово: от имения до агрогородка», во время которой смогли посетить памятник архитектуры XIX

века – бывшее имение «Милое» общественного и государственного деятеля Витебщины Игната Маньковского.

В марте 2015 года, во время проведения Дня китайской культуры, студенты из Китая приобщили мазоловчан к восточным традициям и обрядам, окунув почитателей традиций и искусства Поднебесной в многогранный мир великой державы.

Во время мероприятия состоялась выставка работ «Китайские мотивы» иностранных студентов художественно-графического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Свою лепту в восточную тематику внесли сотрудники Витебской районной централизованной библиотечной системы, организовав выставку «Многоликая Поднебесная», где нашли отражение литература об истории древней страны, её традициях и др.

Знакомство с китайской культурой продолжилось концертом, подготовленным студентами педагогического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, а также дегустацией блюд китайской кухни (главной составляющей стала чайная церемония).

Информация о проведённых мероприятиях широко освещена в республиканских, областных, городских и районных средствах массовой информации.

В областном методическом центре народного творчества для иностранных студентов периодически организуются тематические мероприятия: встречи, выставки, мастер-классы и др.

Данный проект будет иметь своё продолжение, так как для иностранных студентов – это уникальная возможность окунуться в национальную среду белорусов, а для жителей агрогородка – познать культуру и традиции зарубежных стран.

*Тозик А.А.
(Минск, Беларусь)*

О РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

Нет никаких сомнений в том, что развитие всесторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой в полной мере отвечает национальным интересам Беларуси. Полагаю, что в такой же мере наше двустороннее сотрудничество отвечает и национальным интересам Китая. Именно поэтому за двадцать с небольшим лет, с момента установления дипотношений 20 января 1992 года, обе страны прошли огромный путь: от первых контактов и узнавания друг друга до отношений всестороннего стратегического партнерства (Совместная декларация об установлении отношений всестороннего стратегического партнерства подписана Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и Председателем КНР Си Цзиньпином 16 июля 2013 года в Пекине).

В лице Китая мы приобрели надежного союзника и партнера в ООН и других международных организациях, при его поддержке Беларусь получила статус партнера по диалогу, а затем и статус наблюдателя в Шанхайской организации

сотрудничества. Китай открыл для нас свой практически неограниченный, если сопоставлять с объемом нашей экономики, рынок, открыл правительственную и кредитные линии почти на 20 миллиардов долларов США. (Насколько мы сможем присутствовать на этом рынке и насколько эффективно для нашей экономики сможем воспользоваться названными кредитами - это уже во многом зависит от нас).

Считаю необходимым обратить внимание на следующее: все прошедшие годы белорусско-китайское сотрудничество развивалось на абсолютно взаимовыгодной основе: ни Беларусь никогда не выступала в роли просителя, ни Китай никогда не выступал в роли делающего одолжение или спонсора. И никогда не ставил никаких условий. Во многом и поэтому белорусско-китайские отношения не только руководители Беларуси и Китая, но и многие эксперты называют образцовыми для современной системы межгосударственных отношений.

Национальные интересы Беларуси обуславливают и необходимость вывода белорусско-китайских отношений на значительно более высокий, качественно новый уровень: как по объему, так и по структуре сотрудничества. Но без научно-методического обеспечения двустороннего сотрудничества вывести его на указанный уровень вряд ли будет возможно. С позиций государственного служащего, более 10 лет занимавшегося решением практических вопросов в этой сфере в качестве сопредседателя Белорусско-Китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и Посла Беларуси в КНР, хочу заявить, что до сих пор такого обеспечения не было. Именно высокопрофессиональное научно-методическое обеспечение должно дополнить политическое чутье и профессиональную интуицию, на основании которых выстраивались двусторонние отношения ранее, до их выхода на уровень всестороннего стратегического партнерства.

Представляется, что для решения именно этих вопросов Директива Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко № 5 от 31 августа с. г. предписывает создать в стране «региональный центр китаеведения и взаимодействия с КНР».

Важнейшей задачей этого центра, по моему убеждению, должно стать формирование национальной школы китаеведения. Такой школы, к сожалению, у нас пока нет. Как нет и ученых, исследователей за исключением, может быть языковедов, профессионально занимающихся изучением Китая, имея для этого соответствующее базовое образование, хорошо знающих китайский язык, которые бы учились или работали в Китае, изучая эту страну и китайское общество «изнутри». Я имею в виду китаеведов уровня российских ученых академика М.Л. Титаренко, профессора Я.М. Бергера, профессора Ю.В. Тавровского и других.

Есть ли для решения этой задачи необходимые условия и предпосылки? Есть, несомненно. Интерес к Китаю стремительно растет, как у ученых старшего поколения, так и, что особенно важно, у молодых ученых и студентов. Базовыми площадками этого интереса я бы назвал факультеты международных отношений, экономический и исторический БГУ, факультет международных экономических отношений БГЭУ, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. А также три Института Конфуция, работающие в структурах БГУ (с 2007 года),

МГЛУ (с 2011 года) и БНТУ (с 2014 года). Поэтому второй задачей создаваемого Центра могло бы стать объединение и координация усилий всех, кто в той или иной мере занимается изучением Китая.

И третья задача, непосредственно вытекающая из второй: серьезная корректировка и планирование тематики и содержания исследовательских работ по Китаю, и прежде всего тех, которые выполняются за счет бюджетных средств. Пока же большинство таких работ не содержит новых знаний, носит в лучшем случае общепознавательный характер и никак не завязано на практические нужды субъектов белорусско-китайского сотрудничества и тем более на решение общих, наиболее важных проблем в сфере этого сотрудничества.

Для обеспечения дальнейшего динамичного развития Беларуси необходимы системные преобразования в экономике и социальной сфере, для чего был бы чрезвычайно полезен китайский опыт политики реформ и открытости. Именно на изучение конкретных составляющих этого опыта и возможности их применения в Беларуси следовало бы направить имеющийся сегодня исследовательский потенциал. Актуальными же для нас являются такие составляющие опыта КНР, как распределение компетенции при принятии решений в государственном секторе экономики, роль налоговой и таможенной политик в стимулировании (или сдерживании) развития конкретных отраслей и производств, материальное и моральное стимулирование руководителей разных уровней и их материальные и моральные гарантии, регламентация допуска правоохранительных органов к финансово-хозяйственной деятельности корпораций и компаний, роль банковского сектора в обеспечении устойчивого и динамичного развития экономики и кредитной поддержки экспорта, система специальных мер по привлечению в страну иностранных инвестиций и передовых технологий и некоторые другие.

Конечно, для решения всех вышеназванных задач у создаваемого Центра китаеведения и взаимодействия с КНР должны быть соответствующие кадровый потенциал, финансовые возможности и полномочия. Полагаю, создание Центра с «ноля» вряд ли будет оправдано. Его становление может затянуться на годы. А нам сегодня остро не хватает знаний о современном и завтрашнем Китае, что негативно сказывается на организации системного и максимально результативного двустороннего сотрудничества.

Китай развивается столь стремительно, что адекватное представление о нем даже у многих наших руководителей предприятий и отраслей отстает на десять-пятнадцать лет. Отсюда порой и их отношение к этому сотрудничеству, невосполнимые потери времени и возможностей. Так, для модернизации ряда отраслей и создания новых направлений в отечественной экономике можно было бы в значительно больших объемах использовать технологический потенциал и кредитные ресурсы КНР. Ряд отраслей экономики Китая по своему технологическому уровню и качеству производимого продукта уже находится в первых строчках мирового рейтинга: телекоммуникационная, железнодорожная отрасли, развитие экологически чистых источников энергии, производство бытовой техники, сфера туризма, отдыха, бытовые услуги. Ряд отраслей стремительно приближается к этому уровню: автомобилестроение, станкостроение, атомная энергетика, строительная индустрия и производство стройматериалов.

Новое руководство Китая выдвинуло ряд актуальных для мировой экономики инициатив и проектов. Особую актуальность для Беларуси имеет инициатива по строительству экономического пояса Шелкового пути. Статус «страны, расположенной вдоль Шелкового пути» позволяет Беларуси получить доступ к ресурсам к ресурсам Фонда Шелкового пути, в который Китай внес 40 миллиардов долларов. Есть основания полагать, что этот Фонд, а также созданный в январе 2015 года частный фонд развития энергетики объемом 20 миллиардов долларов будут активно направляться на финансирование проектов, реализуемых в рамках названной инициативы. В частности, Китай предлагает всем странам-участницам начать глубокое сотрудничество в областях сельского, лесного и рыбного хозяйств, животноводства, сельхозтехники, производства и переработки сельскохозяйственной продукции, а также заявляет о готовности активно содействовать сотрудничеству в сферах гидроэнергетики, атомной энергии, ветроэнергетики, солнечной энергии и других видов экологически чистой и возобновляемой энергии, в сфере производства энергетических ресурсов на месте их образования. Все эти направления, безусловно, интересны и актуальны для Беларуси. Но по каким направлениям, в каком объеме и на каких условиях страна могла бы включиться в реализацию названных проектов - на эти вопросы должны, прежде всего, ответить ученые.

Большого внимания заслуживает и гуманитарная сфера. К примеру, очень интересен опыт Китая по организации учебно-воспитательного процесса в школе, профессиональной ориентации школьников. Нереализованным остается значительный потенциал сотрудничества в здравоохранении и туризме. Все это также требует системного и предметного изучения и по его результатам квалифицированных рекомендаций органам власти и управления нашей страны.

Для более эффективного использования имеющегося исследовательского потенциала наиболее целесообразным представляется создание требуемого Главой государства Центра китаеведения и взаимодействия с КНР на базе одной из уже существующих организаций. Наиболее подходящей для этого организацией, на мой взгляд, является Институт Конфуция, вот уже восемь лет работающий в БГУ. Ведь когда-то, когда решался вопрос о его создании, с китайскими коллегами была достигнута договоренность, закрепленная в соответствующем соглашении, что это будет не классический Институт Конфуция, а Центр изучения всех сторон жизни Китая в интересах оказания методической и практической помощи субъектам двусторонних отношений. Было согласовано и принято его соответствующее название - Республиканский институт китаеведения имени Конфуция. За годы своего существования Институт накопил определенный опыт работы в сфере двусторонних отношений, многое сделал по формированию интереса ученых и студентов к изучению Китая, издал более десяти сборников материалов научных конференций «Китай в современном мире» и «Китайская цивилизация в диалоге культур».

То есть, для создаваемого Центра и название менять не надо. Но для того, чтобы содержание его деятельности соответствовало названию, Институту нужна серьезная финансовая и кадровая поддержка и соответствующие полно-

мочия. Исходя из значимости для Беларуси развития всестороннего сотрудничества с Китайской Народной Республикой, считаю абсолютно оправданным создание в БГУ (на факультете международных отношений) или в БГЭУ (на факультете международных экономических отношений) кафедры китаеведения. Китай того стоит. Эта страна стремительно приближается к статусу первой экономики мира и государства, способного оказывать определяющее влияние на судьбы земной цивилизации. Более того, сложившиеся к настоящему времени в Китае производственные и общественно-экономические отношения скорее всего следует рассматривать не как переходные к какой-то системе, а как характерные для самой оптимальной в этом столетии социально-экономической системы.

На такой кафедре можно было бы обеспечить комплексную и системную подготовку специалистов по Китаю: и изучение языка, и глубокое изучение страны в целом, ее истории, политики, экономики, культуры. Она могла бы выполнять и функции общеуниверситетской кафедры. Да, это предложение не совсем корреспондируется с нормативными требованиями по созданию кафедр. Но ведь в интересах дела можно подкорректировать и нормативную базу. А специалисты такого уровня и качества всегда будут востребованы: министерствами и ведомствами, предприятиями и организациями, которые осуществляют торговое, инвестиционное или иное сотрудничество с Китаем, совместными предприятиями, резидентами Китайско-Белорусского индустриального парка. А кто-то из воспитанников кафедры станет и высокопрофессиональным ученым-китаеведом.

И еще: нам нужно более активно, системно и целенаправленно направлять нашу молодежь в китайские университеты. И не только на полгода - год для изучения китайского языка, а на полный курс обучения, а также в магистратуру и аспирантуру, чтобы готовить специалистов для тех отраслей экономики и тех областей, в которых китайцы достигли мирового уровня или превзошли его. Нужно направлять на стажировку молодых ученых, специалистов, руководителей среднего звена. Все затраты окупятся. У Китая есть чему поучиться.

*Хухлындина Л.М., Молофеев В.М.
(Минск, Беларусь)*

ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается состояние белорусско-китайского сотрудничества в области науки, образования и культуры; перспективы расширения и углубления этого сотрудничества в свете принятых в последнее время правительственных решений о развитии двухсторонних отношений.

Ключевые слова: *белорусско-китайские отношения; сотрудничество в сфере образования, науки и культуры; гуманитарное сотрудничество.*

In the article the state of Belorussian- Chinese collaboration in the region of science, formation and culture is examined; the prospect for broadening and deepening

of this collaboration in light of recently government the solutions about the development of bilateral relations accepted.

The keywords: Belorussian- Chinese relations; collaboration in the sphere of formation, science and culture; humanitarian collaboration.

Интенсивное развитие сотрудничества в сфере образования, науки и культуры является необходимым дополнением политическим и экономическим связям. От взаимопонимания, знания культуры и традиций народов во многом зависит развитие политических контактов, торговли, экономического взаимодействия.

Сотрудничество Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой базируется на реализации совместных программ и проектов в области образования, проведения научных исследований и разработки новых технологий. В настоящее время действуют Соглашение между министерствами образования Беларуси и КНР, более 120 договоров о сотрудничестве между ведущими вузами двух стран в сфере образования и науки, на основании которых идет обмен студентами, аспирантами, преподавателями.

Начало взаимодействия в сфере науки было положено в апреле 1992 г. подписанием межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Это произошло спустя 4 месяца после установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. Заключены партнерские соглашения о взаимодействии Государственного комитета по науке и технологиям и Национальной академии наук Беларуси с комитетами по науке и технологиям, региональными академиями наук и другими организациями десяти китайских провинций.

В соответствии с решением Межправительственной Белорусско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области науки и технологий в течение 2012 -2014 гг. выполнялось 18 совместных научно-технических проектов на общую сумму около 10 млн. долл.

Важным направлением взаимного сотрудничества стало создание белорусско-китайских научно-инновационных центров, лабораторий и предприятий, которые осуществляют продвижение совместных научно-технических разработок на международный рынок. Необходимо подчеркнуть, что большую роль здесь играют университетские ученые. Примером эффективной работы такого рода структур является деятельность созданного в БГУ в 2011 году белорусско-китайского инновационного центра, реализующего в настоящий момент 6 проектов в области нанотехнологии, лекарственных соединений и пр.; также с участием БГУ создан совместный Белорусско-Китайско-Российский Научно-исследовательский центр плазменных технологий. БГУ совместно с НАН Беларуси и китайской корпорацией ZTE проводят работы по созданию Белорусско-Китайской научно-исследовательской лаборатории технологий интернета вещей (Internet of Things), которая будет заниматься продвижением инновационных решений мониторинга товаротранспортных потоков и реализации совместных проектов и исследований в области RFID-технологий [1].

В 2015 году в БНТУ для проведения совместных исследований создан Центр по коммерции, науке, технике, образованию и культуре, партнером которого стала корпорация с ограниченной ответственностью «Цюань Шэн» (г. Увэй провинции Ганьсу).

В настоящее время идет процесс создания совместного инженерно-образовательного центра БГУИР-Huawei. Этот центр будет заниматься проведением научно-исследовательских работ, разработкой программных продуктов, совместными образовательными программами дополнительного образования.

Всего в 2015 г. Беларусь и Китай реализуют более 20 совместных научно-технических проекта, в том числе в области новых материалов и энергетики, фотоэлектроники, лазерной техники, информатики, технологий сельского хозяйства и биотехнологии.

В Белорусско-китайском межправительственном комитете по сотрудничеству создана и действует Комиссия по сотрудничеству в области образования. Благодаря ее усилиям разработано и в ходе государственного визита в Республику Беларусь Председателя КНР Си Цзиньпина в мае 2015 г. подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в сфере образования, которое предусматривает дальнейший обмен студентами, аспирантами, профессорско-преподавательским составом, научными сотрудниками.

За последние годы до двух тысяч возросло число китайских студентов, обучающихся в белорусских вузах. Ведущее место в подготовке иностранных граждан в Республике Беларусь занимает Белорусский государственный университет. Более чем полувековой опыт обучения специалистов для многих государств Европы, Азии, Африки и Латинской Америки создал университету имидж вуза, обеспечивающего качественную подготовку иностранных студентов.

Белорусский государственный университет заключил более 35 соглашений и договоров о сотрудничестве в сфере образования с высшими учебными заведениями Китайской Народной Республики, почти 20 договоров о научном и научно-техническом взаимодействии.

В 2015 г. в БГУ обучалось 2 348 студентов и слушателей из 55 стран мира, среди которых почти каждый третий (а это 820 человек) — гражданин Китайской Народной Республики.

В настоящее время БГУ со своими партнерскими университетами в Даляне, Хэнане разработали проекты по созданию совместных образовательных программ по ряду специальностей: «русская филология», «журналистика», «журналистика международная», «менеджмент (в сфере международного туризма)», «физика», «инновации в преподавании языков» и др.

Большую роль в развитии гуманитарного сотрудничества играют созданные в Беларуси институты Конфуция. Первый республиканский институт китаеведения имени Конфуция был создан в БГУ еще в 2007 г. Именно он стал активно пропагандировать и популяризировать культуру и историю Китая, обучать китайскому языку различные слои населения, создавая высокопрофессиональную китаеведческую среду.

Вслед за ним на базе МГЛУ в 2011 г. был создан второй институт, а в 2014 г. в БНТУ состоялась торжественная церемония открытия Института Конфуция по науке и технике.

В области культуры одной из главных форм сотрудничества стало взаимное проведение Дней национальных культур. Они проходят поочередно, начиная с 1999 года. Так, в 2015 г. прошли дни культуры Беларуси в Китае. С белорусской музыкальной культурой зрителей познакомил Белорусский государственный ансамбль народной музыки «Свята», солисты оперы и балета Большого театра Беларуси.

В 2012 году подписан Договор о сотрудничестве в области культуры между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры КНР на 2012-2016 гг. С 2013 г. действуют соглашения о сотрудничестве между библиотеками, органами кинематографии, союзами писателей двух стран, между БГТРК и Центральным телевидением Китая «ССТV». В 2015 г. был подписан договор о сотрудничестве между Всекитайской ассоциацией журналистов и Белорусским союзом журналистов.

Накануне визита Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в КНР в сентябре 2015 г. на празднование 70-й годовщины победы в антияпонской войне и завершении второй мировой войны была подписана Директива № 5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь и Китайской Народной Республики». Она открывает возможность для дальнейшего экономического сотрудничества между двумя странами, в том числе с учетом взаимных интересов в развитии масштабного проекта «Один пояс – один путь». Наряду с экономическими задачами среди приоритетных направлений в директиве указаны:

формирование совместных исследовательских и научно-практических центров, совместное развитие отраслевой науки;

создание в Республике Беларусь регионального центра китаеведения и взаимодействия с КНР [1].

Директива определила задачи в области гуманитарного сотрудничества, развития науки и техники. Среди них:

стимулирование совместного развития отраслевой науки;

создание условий для коммерциализации результатов научно-технической деятельности и создания совместных инновационных производств на территории Республики Беларусь и КНР;

создание новых совместных исследовательских и научно-практических центров с участием организаций Национальной академии наук Беларуси, учреждений высшего образования Республики Беларусь и китайских партнеров по конкурентным перспективным направлениям;

гармонизация механизмов правовой защиты и патентования объектов интеллектуальной собственности двух стран;

организация обучения белорусских студентов в учреждения высшего образования КНР с бюджетной поддержкой такого обучения;

создание центров традиционной китайской медицины и центров традиционной китайской гимнастики в каждом областном центре Республики Беларусь;

создание совместной туристической компании, специализирующейся на взаимном формировании туров и экскурсий, подготовку гидов-переводчиков;

обеспечение взаимодействия между республиканским унитарным предприятием "Национальная киностудия "Беларусьфильм" и китайской компанией "China Film Group Corporation" (CFGС);

развитие системы культурного обмена между двумя странами.

Реализация поставленных задач позволит еще больше укрепить связи и взаимопонимание, тем самым обеспечивая стратегическое сотрудничество между двумя странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь и Китай реализуют более 20 совместных научно-технических проектов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/news/-2015-20/> - Дата доступа: 04.11.2015.
2. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой. Директива Президента Республики Беларусь 31 августа 2015 г. N 5 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 1 сентября 2015 г. N 1/15997.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Ганьшина Г.И.
(Москва, Россия)*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

В статье рассматривается двустороннее сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в гуманитарной сфере. Данный вектор отношений является одним из важных в сотрудничестве между Москвой и Пекином, так как оба государства заинтересованы в развитии и углублении данного партнерства. В настоящее время Россия и Китай имеют прочную основу и долгосрочные перспективы расширения двусторонних гуманитарных связей.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, гуманитарное сотрудничество, культура и образование, двусторонние отношения, стратегическое партнерство

The following article discusses the bilateral cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the humanitarian field. This vector of the relationship is one of the most important in the cooperation between Moscow and Beijing, because both countries are interested in developing and deepening this partnership. Nowadays Russia and China have a strong foundation and long-term prospects for the expansion of bilateral humanitarian ties.

Keywords: the Russian Federation, the People's Republic of China, humanitarian cooperation, culture and education, bilateral relationships, strategic partnership

Интерес к культуре Китая стал характерной чертой российского общества еще в Петровскую эпоху, китайцы же прониклись русской культурой только в начале XX века, когда началась активная русская эмиграция в Китай, затем социалистическая революция, тесное сотрудничество стран на политической арене и интеллигенции двух стран в культурной области. Китайская национальная интеллигенция многому обязана русской литературе, искусству, музыке, которые приблизили Китай к пониманию европейской культуры в целом. На рубеже нового тысячелетия Россия и Китай столкнулись с новым вызовом в лице глобализации, ставшей угрозой уникальным культурам многих регионов. На этом этапе российско-китайское сотрудничество вышло на новый уровень – этап выгодного взаимодействия культур с сохранением специфики каждой из них. Выбор такого пути развития сотрудничества двух стран стал крупнейшим достижением внешней политики Москвы и Пекина в начале XXI века: культурное сотрудничество между странами стало образцом стабильности и предсказуемости. Сближение народов в культурной сфере в 2000-х гг. прошло долгий путь от стереотипного непонимания культурной среды друг друга до взаимного уважения народами культурного наследия двух стран.

В становлении российско-китайского сотрудничества значимую роль сыграл Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный 16 июля 2001

года [1]. Этот документ закрепил изменения, произошедшие с начала 90-х гг. на территории государств, и утвердил более прочную основу для взаимодействия двух держав. Договор содержит важнейшие принципы российско-китайских отношений, главные направления их сотрудничества и дальнейшие перспективы развития мирового порядка. Важным пунктом Договора стал пункт о взаимном уважении странами их политического, экономического, культурного и социального развития. (Ст. 3 Договора) Документ также подтвердил готовность обоих государств продолжать более чем двухсотлетнее сотрудничество и закрепил конкретные решения в областях двусторонних торгово-экономических и культурных связей. Именно тогда отношения между Москвой и Пекином получили название «стратегическое партнерство».

В начале 2000-х гг. правительства Российской Федерации и Китайской Народной Республики не уделили особого внимания гуманитарному сотрудничеству как важной части международных отношений. Это объясняется тем, что желание российского командования продолжать использовать «жесткую силу» для восстановления «образа великой державы» России за рубежом. Привычное наращивание экономической мощи и военного потенциала не могло улучшить позиции России в мире с той скоростью, с которой это удавалось Китаю, применяющему «мягкую силу». И, наконец, Россия уделила достаточное внимание развитию гуманитарного сотрудничества со своими соседями [2].

Договорно-правовую базу развития культурных связей России и Китая составляют межправительственные соглашения о культурном сотрудничестве, подписанные 18 декабря 1992 года, межправительственные планы культурного сотрудничества, а также рабочие планы по сотрудничеству между отдельными ведомствами двух стран, рассчитанные на несколько лет [3].

Взаимодействию в области культуры как важной части интенсивного двустороннего сотрудничества особое внимание уделено в Совместных декларациях Российской Федерации и Китайской Народной Республики 2005, 2006, 2007 гг. [4]. В них сказано, что политика государств направлена на сохранение многообразия национальных культур, подчеркнута необходимость усиления роли обменов в области образования, культуры, туризма, СМИ для формирования доверительных взаимоотношений не только на высшем уровне, но и между гражданами России и Китая.

Открытие на территории России Конфуцианских институтов – институтов Конфуция («концзы сююань») [5] стало одним из решающих факторов распространения китайского языка в пределах России. В 2006–2007 гг. на базе ряда российских вузов Институты Конфуция появились на базе таких университетов, как Российский государственный гуманитарный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и т.д. На сегодняшний день Институтов Конфуция насчитывается 17 по всей России, и больше 500 во всем мире [6, с. 10]. Популяризацией русского языка в Китае активно занимаются Китайское пушкинское сообщество, Ассоциация изучения русской и советской литературы и Центры русского языка, открытые в Пекине и других крупных городах Китая.

Весьма важным направлением в гуманитарном сотрудничестве Москвы и Пекина кроме культуры остается образовательная сфера, касающаяся в основном языкового образования в школах и университетах двух стран.

Еще в 1995 году Россия и Китай взаимно признали документы об образовании и ученых степенях равнозначными для учебных заведений друг друга: это было закреплено специальным межгосударственным соглашением о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях от 26 июня 1995 г. [7]. Заложенный таким образом фундамент для отношений в образовательной сфере стал одним из условий динамичного взаимодействия двух стран в конце прошлого века.

С начала 2000 гг. сотрудничество обеих стран в сфере образования носило разносторонний характер. После заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой взаимодействие образовательных систем двух стран началось в новом режиме. В качестве инструментов исполнения договоренностей двух стран выступили Институты Конфуция, Россотрудничество, «Общество российско-китайской дружбы» [8], Российско-Китайская Межправительственная Комиссия по сотрудничеству в сфере образования, культуры, науки и спорта, Российско-Китайская Комиссия по гуманитарному сотрудничеству, Подкомиссия по образованию Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству (далее – Подкомиссия).

Важную роль в реализации российско-китайских соглашений играет вышеуказанная Подкомиссия, являющаяся частью Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Заседания комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств и гуманитарному сотрудничеству проводятся один раз в год накануне встреч премьеров.

С российской стороны Комиссию возглавляет заместитель Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец, а неизменным председателем китайского Правительства является Л. Яньдун, Премьер Государственного совета КНР. Российской стороной было поддержано предложение Госпожи Яньдун о расширении взаимных обменов учащимися к 2020 году до 100 тыс. человек. До 2009 г. в рамках двустороннего образовательного сотрудничества проводилась Программа совместной подготовки бакалавров, которая укрепила связь российских вузов с университетами-партнерами в Китае. Правительства двух стран подтвердили желание поддерживать другие формы сотрудничества между вузами двух стран по совместной подготовке специалистов для России и Китая. Разработка плана по дальнейшему расширению данного вида сотрудничества вылилась в отдельную договоренность о проведении в 2014–2015 годах взаимных молодежных обменов [9].

В 2012 году Комиссия подписала Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. [10]. Он включает в себя ряд направлений: совместную подготовку специалистов по программам высшего и послевузовского образования, активизацию прямых межвузовских связей, расширение молодежных обменов в области образования, в том числе через проведения «Годов перекрестных молодежных

обменов» (2014–2015 гг.); совершенствования методики преподавания русского и китайского языков как иностранных, формирование новых моделей сотрудничества государств. Данный План имеет реальные результаты: к концу 2013 г. около 130 вузов осуществляли прямые связи почти с 600 вузами КНР, было заключено более 900 договоров.

Не менее важным событием в рамках двусторонних российско-китайских отношений является проект «Национальные года» – Год России в Китае (2006 г.) и Год Китая в России (2007 г.) [11]. Он стал первым крупным проектом в межгосударственных отношениях Москвы и Пекина, так как затронул все сферы взаимодействия государств, от политической до гуманитарной. Для осуществления запланированных на 2006–2007 гг. мероприятий в Китае и России были созданы организационные комитеты, позже ставшие инициаторами проведения других крупных проектов.

Во время «Национальных годов» было проведено большое количество мероприятий по культурной тематике, в сфере образования и обменов студентов, школьников и т.д., а также ряд выставок, связанные с интересом китайских граждан к России и наоборот. Данные мероприятия стали точкой отсчета совершенно нового сотрудничества Москвы и Пекина, касающегося не только политической и экономической сферы, но делающего упор на культурное родство и историческую общность двух стран. Именно мероприятия Годов России в Китае и Китая в России можно назвать поворотным моментом в двустороннем взаимодействии государств: после осуществления этого проекта, правительства стали ежегодно проводить мероприятия такого масштаба.

Гуманитарный вектор взаимодействия двух стран позволил обоим правительствам достигнуть вместе высоких показателей на международной арене. В начале 2000-х гг. Москва только начинала восстанавливать экономику страны, внешнеполитическую значимость, а также внутреннюю ситуацию. Пекин стремительно наращивал статус Поднебесной, опираясь на Реформы Правительства КПК 30-летней давности. Желание развивать двусторонние отношения, учитывая опыт их охлаждения в 60-х гг., позволили наладить сотрудничество в образовательной, культурной, молодежной, спортивной и др. областях.

Нормативной базой для развития китайской русистики и популяризации здесь русского языка служит Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в КНР и китайского языка в Российской Федерации от 3 ноября 2005 года, Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г., а также протоколы Российско-Китайской Подкомиссии по сотрудничеству в области образования Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству (14-е заседание состоялось 13 сентября с.г. в Ульяновске).

По данным Министерства образования Китая, специальность «русский язык и литература» преподается в 137 вузах страны (85 в 2007 г., 110 в 2011 г., 128 в 2012 г.). Открыто 50 аспирантур и 13 докторантур. Общее количество студентов-русистов составляет свыше 20 тыс. человек (12 тыс. в 2009 г.), большинство из

которых бакалавры. Магистрантов и аспирантов – около 1000 и 100 человек соответственно. Профессорско-преподавательский состав институтов и факультетов русского языка насчитывает около 2000 человек и лидирует по количеству докторских степеней среди педагогов по специальности иностранный язык.

Перспективы гуманитарного сотрудничества России с Китаем на долгосрочную перспективу можно расценивать как положительно и стремительно развивающиеся. Это связано, во-первых, с взаимным интересом обоих государств реализовывать данную сферу деятельности. Во-вторых, тесное сотрудничество Москвы и Пекина на международной арене в политической, экономической, энергетической и других областях, учитывая сегодняшнюю ситуацию в международных отношениях. И, в-третьих, опираясь на статистические данные по обучению китайских граждан, можно вывести положительную динамику по ежегодному увеличению китайских студентов, преподавателей и т.д., желающих приехать в Россию.

Безусловно, в двустороннем гуманитарном взаимодействии существуют проблемы, которые имеются в области культуры, а именно, проблема недостаточной правовой базы, которая непосредственно бы касалась культурного взаимодействия двух стран. При имеющихся соглашениях и договорах государствам будет трудно продвигаться на пути к культурному взаимопониманию из-за нехватки действенных инструментов реализации программ и планов, созданных русско-китайскими комиссиями.

Другой проблемой в культурном сотрудничестве была и остается нехватка такой крепкой структуры у России как Институт Конфуция и «площадок» для продвижения русского языка. На сегодняшний день большое количество школьников, студентов, а также рабочего класса из Китая имеют огромное желание изучать русский язык и поехать учиться в Россию. Однако такие возможности есть только в крупных городах Поднебесной. На взгляд автора, Правительству Российской Федерации необходимо создавать подобные Центры на базе университетов в провинциях.

Еще одной не мало важной проблемой является нехватка преподавательского состава по русскому языку. Эта проблема тесно связана с вышеупомянутой, так как китайским университетам и школам не хватает качественного преподавания (а во многих городах он вообще отсутствует) русского языка.

В сфере образования у России и Китая много точек соприкосновения, которые реализуются не только в рамках двусторонних договоренностей, но и в рамках таких организаций, как Образовательный фонд АТЭС, Шанхайская Организация Сотрудничества, БРИКС. В 2006 г. государствами-членами ШОС было подписано соглашение «О сотрудничестве в области образования» [12], где особо подчеркивалось важность «евразийского образовательного поля как составной части мирового образовательного пространства». Конечно, целью данного Соглашения является присоединение к Болонскому процессу, но также и привнесение в этот процесс уникальных национальных традиций. Россия и Китай на данном поприще добиваются разных результатов: мобильность китайских студентов растет с каждым годом, количество иностранных студентов внутри Китая превышает все предыдущие показатели, в то время как Россия по экспорту

образовательных услуг отстает от развитых стран и своего стратегического партнера, занимая всего 0,5% [13, с. 33] от мирового рынка образовательных услуг. Причинами этого можно назвать трудность освоения русского языка, суровый климат, преступность на расовой почве и т.д. Страны имеют схожие проблемы в сфере образования, среди которых продолжающаяся «утечка мозгов», ограниченные инновационные возможности науки и образования, несоответствие уровня образования мировым стандартам и т.д. Несмотря на это, Россия и Китай продолжают наращивать студенческие обмены между ведущими государственными университетами из года в год.

Развитие двусторонних отношений в образовательной сфере между Москвой и Пекином по-разному проходило в начале 2000-х гг. и на сегодняшний день. Если в период с 2001 по 2006 гг. (Год России в Китае) основными целями было оказание поддержки обучению китайскому языку, планирование ряда совместных мероприятий, создание комиссий, способных совместно работать в области образования, донесение актуальной информации потенциальным участникам программ через СМИ, то в последние годы в сфере образования между двумя государствами наблюдается другие процессы. Впоследствии достаточного развития инструментов, поддерживающих отношения России и Китая на высоком уровне, правительства двух стран расширяют сферу своего взаимодействия и одним из главных процессов в области образования становится интернационализация вузов двух стран.

Для Китая данный процесс является приоритетным: по Плану развития образования на 2010–2020 гг. Госсовет Китая поставил целью интернационализацию высшего образования как инструмент укрепления национальных позиций Китая за рубежом и влияние страны на международной арене. Что касается сотрудничества с Россией, то в Плане указано, что образовательное взаимодействие России и Китая должно перейти на новый уровень с открытием совместных аспирантур и научных лабораторий. Пока Россия и Китай не делают активных шагов в этом направлении: отчасти этому мешают образовательные проблемы в сфере российского образования, связанные с несовершенностью структуры университетов страны. Между тем, международные связи российских вузов с Поднебесной являются едва ли не самым крепким, отчасти из-за роста популярности китайского языка и культуры в России.

Автор отмечает еще один значимый проект в двустороннем гуманитарном сотрудничестве – Годы российского туризма в Китае и китайского туризма в России 2012–2013 гг. По итогам данного проекта были выведены следующие данные. В 2012 г. взаимные туристический поток между Россией и Китаем составили 3,3 млн. чел., а за 2013 г. более 2,67 млн. чел.: Китай стал третьей страной по посещаемости российскими гражданами, в тоже время как китайцы стали вторыми по численности среди граждан иностранных государств, побывавших в России [14]. По мнению российских и китайских представителей, в 2015 г. эта цифра достигнет 5 млн. туристов с обеих сторон, что кажется выполнимым заявлением в рамках успешного сближения двух стран в гуманитарной сфере.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить важность развития гуманитарного сотрудничества России и Китая. Исторически сложившийся тесный формат сотрудничества между двумя странами невозможно сломить даже нынешней международной обстановкой. Оба правительства наметили на долгосрочную перспективу продолжение и укрепление взаимодействия в сфере культуры, образования, туризма, спорта и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перечень двусторонних международных договоров России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/A1AE8363F456C6C643257E270042E327.
2. Гуманитарное сотрудничество России и Китая 2001-2014 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repetitora.com/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-2001-2014>.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве (Заключено в г. Пекине 18.12.1992) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/13128>.
4. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2004/10/77988.shtml>.
5. Лю Яньдун. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция / Лю Яньдун // Институт Конфуция (русско-китайская версия). - 2011. № 1 (янв.).
6. Соглашение Правительства Российской Федерации и Правительства Китайской Народной Республики от 26 июня 1995 г. № б/н «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.lexed.ru/search/detail.php?ELEMENT_ID=3885.
7. История общества российско-китайской дружбы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://orkd.ifes-ras.ru/>.
8. В Ульяновске прошло XIV заседание Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://prev.rs.gov.ru/de/node/2496>.
9. Российско-китайские межправительственные переговоры. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://archive.government.ru/special/docs/21776/>.
10. Владимир Путин подписал распоряжение о проведении в 2006 году Года России в Китае и Года Китая в России в 2007 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/33638>.
11. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.mid.ru/BDOMP/spm_md.nsf/0/F818B7600E68231643257DEB0026A23E.

12. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 4 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2014.

13. 俄罗斯“中国旅游年” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/2012china/home.htm>.

*Литвиновский И.А., Литвиновская Ю.И.
(Минск, Беларусь)*

МАНЬЧЖУРСКИЙ ИНЦИДЕНТ – ПЕРВЫЙ ШАГ К НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Разработанные японским правительством в конце 1920-х годов планы внешнеполитической экспансии предусматривали овладение Северо-Восточным Китаем, Маньчжурией, который должен был стать сырьевой базой империи и плацдармом ее дальнейшей экспансии. Поскольку это затрагивало интересы ведущих государств мира – маньчжурский инцидент стал первым шагом к новой мировой войне.

Ключевые слова: Япония, Китай, Маньчжурия, империя, война, противоречия, интересы, суверенитет, оккупация, кризис

Developed by the Japanese government at the end 1920-ies of the foreign expansion plans included the acquisition of northeast China, Manchuria, which had become raw materials of the Empire and a springboard for its further expansion. Because this affected the interests of the leading States of the world – the Manchurian incident was the first step towards a new world war.

Keywords: Japan, China, Manchuria, Empire, war, conflict, interests, sovereignty, occupation, crisis

К середине XIX века Дальний Восток был одним из важнейших регионов куда направлялись экспансионистские усилия стран Западной Европы, России и Соединенных Штатов. Самым привлекательным центром приложения этих усилий являлся Китай с его многочисленным населением и богатыми природными ресурсами.

Во второй половине века ситуация в регионе еще в большей степени осложнилась. В 1867–1868 гг. в Японии совершается революция – «реставрация Мэйдзи». Свергается власть сёгунов из дома Токугава и восстанавливается императорская власть. Начинается процесс модернизации страны, демонтируются феодальные системы, вводится новая конституция, идет процесс превращения Японии в современное централизованное государство. Одновременно страна становится на путь внешней экспансии. Современные японские исследователи пишут: «Япония заразилась хищнической манерой поведения других держав Европы и Америки. Пожалуй, можно считать, что типичным примером этого является японо-китайская война (1894–1895). Одержав победу, Япония отторгла от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров». Такую линию пове-

дения в международных отношениях правящие круги страны считали вполне допустимой, приемлемой и оправданной. «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и незащищенной островной страны» [1, с. 162].

Успехи в войнах в Китае и против России в конце XIX – начале XX вв. выдвинули Японию в число военных держав мира. Главным направлением японских устремлений был Китай. Но стремление к обогащению толкало туда и другие страны мира. А это означало неизбежность ожесточенного столкновения с европейцами и американцами из-за огромных прибылей. Американский сенатор У. Бора отмечал, в частности, характеризуя ситуацию: «Невозможно передать словами то, как иностранный капитал в Китае эксплуатирует человека. Нет другого места на земле, кроме Китая, где бы так успешно чеканились доллары и центы из крови беспомощных детей» [1, с. 163].

В условиях нарастающего экономического кризиса конца 1920-х годов стремление разрешить внутренние проблемы за счет внешней экспансии было доминирующим в среде правящих кругов Японии. Завоевание Китая должно было стать главным направлением этой экспансии. В то же время продолжало усиливаться влияние армии на внешнюю политику страны. А в апреле 1927 г. кабинет министров возглавил генерал Г. Танака, известный своими широкими планами внешних завоеваний. Началась активная разработка правительственного курса в отношении Китая. Он стал главной темой обсуждения на открывшейся 27 июня 1927 г. в Токио Восточной конференции. В ее работе приняли участие японские дипломаты аккредитованные в Китае, руководители военных ведомств и министерства иностранных дел. Разработанный ею документ «Программа действий в Китае» объявлял Маньчжурию и Монголию предметом особой заботы Японии [2, с. 104].

Проведение конференции было вызвано не только заинтересованностью Японии в экономическом проникновении в Северо-Восточный Китай, ее стремлением подавить революционное движение в стране. Как впоследствии заявил организатор Восточной конференции заместитель министра иностранных дел Японии по политическим вопросам Мори Каку, Япония, стремившаяся не допустить, чтобы Китай стал «красным», намеревалась в соответствии с решениями конференции «отторгнуть от Китая Маньчжурию и Монголию и превратить их в сферу своего влияния. Суверенитет этих районов переходил в руки Японии. ...Но так, как прямо заявить об этом было неудобно, все это было преподнесено общественному мнению в облатке Восточной конференции» [2, с. 105].

Вместе с тем, следует иметь в виду, что принятая на ней программа была не только программой поэтапного осуществления широкой экспансии в Китае, она распространялась на весь Азиатский континент в целом. Выступая с докладом на заключительном заседании конференции 7 июля, премьер – министр Японии Гинти Танака провозгласил основным принципом японской политики обеспечение «мира» в Восточной Азии и достижение «сопроцветания» Японии и Китая. Он четко разграничил понятия «собственно Китай», Маньчжурия и Внутренняя Монголия. Доклад давал ясно понять, что Япония не допустит распространения на Маньчжурию и Внутреннюю Монголию движения за объединение Китая, так

как эти районы имеют важное значение для «национальной обороны» и «национального существования» Японии. Материалы конференции были положены в основу секретного «Меморандума об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии», представленного 25 июля 1927 г. императору [3, с. 324].

Китайские историки Ван Вэйли, Ма Чжунлянь, Ху Шэн и другие отмечают, что агрессия японского империализма в Китае является не случайно возникшим инцидентом, носящим местный характер, а давно спланированной акцией, исторические корни которой уходят вглубь XVI в. Еще во времена сёгуната один из выразителей интересов японских самураев указывал на необходимость усилить военную подготовку и захватить территорию Северо-Восточного Китая. В начале периода реформ Мэйдзи была выдвинута концепция «Китай и Корея – жизненная линия Японии» и японские правящие круги взяли курс на экспансию как в области политики, так и экономики, что впоследствии нашло отражение в меморандуме Танака [3, с. 324–325].

Текст «Меморандума Танака» был опубликован китайским журналом «China Critic». Некоторые исследователи из-за отдельных фактических ошибок, содержащихся в его деталях, подвергают подлинность меморандума сомнению. Однако, как писал японский ученый Сигэмицу Мамори, «Возникшие вслед за этим (после представления меморандума – И.Л., Ю.Л.) положение в Восточной Азии и сопутствующие ему действия Японии развивались в точном соответствии с «меморандумом Танака», поэтому рассеять подозрения относительно существования этого документа стало весьма трудно» [2, с. 106].

Генконсул США в Мукдене Майер в одном из донесений в госдепартамент в конце 1927 г. прямо писал об идущем «политическом поглощении» Маньчжурии Японией с помощью широкого комплекса политических и экономических мероприятий. В американских дипломатических кругах в Пекине полагали, что Япония продолжает свою традиционную политику экономического проникновения в Маньчжурию, «сочетающуюся с постоянной и открытой подготовкой надвигающегося конфликта с Советским Союзом. С учетом всех противоречивых явлений и тенденций и складывалась американская политика в Китае [4, с. 78].

Овладение Маньчжурией отвечало как экономическим, так и военно-стратегическим интересам Японии. Эксплуатация природных ресурсов Северо-Восточного Китая должна была быстро разрешить все экономические проблемы Японии. Это был наиболее развитый район Китая, дававший 93 процента добычи нефти, 79 процентов выплавки металла, 23 процента выработки электроэнергии. Здесь находилось 37 процентов китайских запасов железной руды, добывалось 55 процентов золота. На Маньчжурию приходилось около 40 процентов всего внешнеторгового оборота Китая [1, с. 164]. Район также представлял собой удобный плацдарм для войны как против Китая, так и против СССР.

Серьезные интересы на Северо-Востоке Китая были и у Советского Союза. Они были связаны с КВЖД. И в течение 1925–1927 гг. Токио несколько раз пытался договориться с Москвой на предмет раздела сфер влияния, однако получил решительный отказ. Сферы влияния в Китае Советскому Союзу были не нужны. Его в большей мере интересовало состояние революционного процесса в Китае,

антиимпериалистическая борьба китайского народа, поддержка китайской революции [5, с. 17].

Что же касается отношений с Японией, то в мае 1927 г. Москва официально обратилась к японскому правительству с инициативой заключить договор о ненападении. Япония отклонила эту инициативу, считая, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий» [1, с. 105].

Приближение мирового экономического кризиса стимулировало активизацию американской внешней политики на китайском направлении. 25 июля 1928 г. США признали правительство Чан Кайши. В тот же день подписывается новый американско-китайский таможенный договор о тарифной автономии Китая. С этого времени начинается интенсивное расширение американского влияния в Китае. Уже в 1929 г. американские банки предоставили китайскому министерству коммуникаций заем на сумму свыше 2 млн. долларов. Американская радиокорпорация подписала контракт о строительстве радиостанции в Шанхае, ряд американских фирм заключили контракты о поставке самолетов и обучении пилотов, постройке автозаводов. В Китай стали направляться американские экономические миссии, эксперты, советники и пр. [4, с. 78].

Правящие круги Японии, как политики, так и военные прекрасно понимали, что активизация японских усилий в Китае неизбежно вызовет противодействие как Советского Союза, так и Соединенных Штатов. Они не могли не сознавать, что империя экономически еще не готова к серьезному противостоянию. Тем более, что опыт Первой мировой войны показал, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства.

В Японии же к концу 1920-х – началу 1930-х годов не была создана надлежащая для современной войны экономическая база и еще не закончился процесс модернизации вооруженных сил. Все это требовало определенной осторожности в осуществлении внешних военно-политических мероприятий. И приступая к новому этапу расширения своей колониальной империи японское правительство и руководство армии тщательно выбирали момент для агрессии. И поэтому реализация «меморандума Танаки» была рассчитана на определенную перспективу.

На ускорение начала реализации этого плана воздействовал целый ряд обстоятельств. Одним из наиболее существенных среди них было усиление антияпонской политики китайских властей в Маньчжурии. Здесь следует отметить, что в процессе своей экспансионистской политики в Китае Япония добилась от этой страны предоставления для себя немислимых привилегий. Японцы имели право селиться в Южный Маньчжурии, заниматься любым бизнесом, арендовать землю, собирать налоги, контролировать образование, промышленность, держать свои войска и полицию. Нигде в мире не было подобного примера, чтобы одна страна пользовалась на территории соседнего государства такими широкими экономическими и административными привилегиями. Как отмечалось в докладе комиссии Лиги Наций под руководством лорда Литтона, назначенной в

1932 г. для расследования событий, связанных с японской оккупацией Маньчжурии 1931 г., Япония «управляла арендованной территорией практически на правах полного суверенитета» [5, с. 11].

Итогом такой политики было то, что, как отмечал дипломатический представитель Китая в Комиссии Литтона Гу Вэйцзюнь, все китайцы Маньчжурии (99,9%) были настроены антияпонски [3, с. 239].

Государственный секретарь США Г. Стимсон писал об обстановке в Маньчжурии: «Агитация в Южной Маньчжурии против японцев продолжалась со все усиливавшейся интенсивностью. Систематически оказывалось давление на проживавших там японцев, чтобы сделать их жизнь неудобной. «Народная ассоциация по вопросам внешней политики» устраивала конференции, на которых обсуждался вопрос о ликвидации особых прав Японии в Маньчжурии, причем речь шла об их переходе в руки Китая, в результате чего постепенно развивалась все растущая и опасная напряженность в отношениях между Китаем и Японией» [3, с. 239].

Эти действия вызывали все нарастающее недовольство в Токио. В Японии ширились антикитайские настроения. В июне 1931 г. был разработан документ «Программа решения маньчжурского вопроса», предусматривавшая захват Маньчжурии для создания базы в целях реализации более глобальных японских планов.

Началась широкая пропагандистская кампания, в ходе которой восхвалялась политика эпохи Мэйдзи, победы Японии в войнах с Китаем и Россией, в результате которых японцы получили «особые» права на материке. Заявлялось, что 200 тыс. проживающих в Маньчжурии японцев постоянно испытывают унижение со стороны китайцев. Уход японцев из Маньчжурии и Монголии расценивался как угроза интересам империи.

С целью создания предлога для вооруженного вмешательства, японцы не гнушались и провоцированием беспорядков в Северо-Восточном Китае. Таким, в частности, был конфликт между китайскими фермерами и корейскими арендаторами вспыхнувший в июне 1931 г. (так называемое «дело Ванбаошань»). 1 июля 500 китайских крестьян ворвались в корейские селения, разрушили плотины и каналы, открыли стрельбу из винтовок и пистолетов [4, с. 167; 6, с. 240].

Напряженность в японо-китайских отношениях складывалась в условиях самого острого в истории экономического кризиса, который уже сам по себе делал весьма чувствительными различные стороны отношений между государствами. По остроте кризисных явлений Япония оказалась на третьем месте после США и Германии. По сравнению с докризисным периодом промышленное производство в Японии сократилось на 36,7 процентов, экспорт – на 32, импорт – на 30. В бедственном положении оказалась деревня, поставлявшая основной контингент вооруженных сил. Две трети крестьян лишились земли. В стране насчитывалось более трех миллионов безработных [5, с. 26].

Европейские державы и США установили высокие таможенные барьеры. Японию начали постепенно вытеснять с мировых рынков, и прежде всего из Индии и стран Южных морей. Все эти меры, – отмечают японские исследователи, имели своей целью в конечном счете помешать развитию Японии, особенно ее

укреплению на материке. Кризис нанес жестокий удар по экономике Японии [7, с. 8].

Серьезную обеспокоенность в Японии вызывали внутрикитайские события – гражданская война и укрепление Коммунистической партии. К 1931 г. Красная армия Китая уже насчитывала свыше 100 тысяч человек. Оккупация Маньчжурии и Монголии призвана была создать кордон, ограждающий китайскую революцию от влияния Советского Союза [2, с. 178–179].

Особенностью общественно-политической жизни Японии межвоенного периода было активное участие в ней вооруженных сил. В армии, среди офицерского состава, действовали различного рода экстремистские группировки типа Общества сакура. Дважды, в марте и октябре 1931 г. существовала угроза военного переворота. Военный экспансионизм являлся хронической болезнью императорской армии. Милитаристские элементы стремились заставить правительство поставить интересы армии во главу угла всей государственной политики. Мощная и агрессивная каста милитаристов жаждала продолжения завоеваний, в которых все последние десятилетия она считала себя очень удачливой.

Именно анализ всех отмеченных обстоятельств в их взаимосвязи позволяет понять, почему с весны 1931 г. в Японии начинают меняться подходы к решению маньчжурского вопроса. Все большее число военных склоняется к силовому варианту. Радикальному крылу милитаристов удалось усилить свое влияние как в центральных военных ведомствах, так и в расположенной в Китае Квантунской армии. По существу, Квантунская армия становится своего рода военно-идеологическим центром подготовки и проведения силовой акции в Маньчжурии.

Однако, несмотря на остроту проблемы среди японской военной элиты не было твердого единства взглядов на пути решения маньчжурского вопроса. Умеренные представители центральных военных властей придерживались более осторожной позиции. Они исходили из того, что решение маньчжурского вопроса должно пройти через три стадии: соблюдение японских интересов посредством дипломатических отношений, образование на территории Маньчжурии прояпонского правительства и лишь затем осуществление оккупации Маньчжурии [4, с. 88].

Японские военные не были уверены и в том, как поведет себя в этом случае советское правительство, не начнет ли оно военные действия против Японии. Отсутствие какой-либо уверенности в этом вопросе склоняло генералов к расширению военных приготовлений против СССР.

29 марта 1931 г. военный атташе японского посольства в Москве подполковник Юкио Касахара писал в генеральный штаб, что «Япония должна продвигаться по крайней мере до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы» [6, с. 18].

В мае 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление генерала Куниаки Койсо на заседании кабинета министров, в котором говорилось, что «выполнение пятилетки создает угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения. Перед этим

японский посол в Москве Хиротакэ Хирота рекомендовал начальнику генерального штаба проводить «решительную политику против Советской России и быть готовыми в любую минуту начать войну с целью захвата Восточной Сибири» [6, с. 18].

Составленный в конце 1920-х годов генеральным штабом японской армии план войны против СССР «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку действиями сухопутных сил с территории Северной Кореи и морских десантов. Полковник Кантаро Судзуки инспектировавший в марте 1931 г. войска в Северо-Восточном Китае и Корее докладывал в генеральный штаб о трудностях ведения боевых действий против СССР путем десантирования войск на морское побережье. Японские стратеги пришли к выводу, что успех в войне против СССР будет зависеть от завладения Транссибирской железнодорожной магистралью, которую следует перерезать в районе Байкала. Это можно было осуществить только с территории Маньчжурии. В конечном итоге в Токио пришли к выводу, что для войны против СССР необходимо завладеть Маньчжурией с тем чтобы использовать ее ресурсы и территорию для развертывания наступления на Сибирь и Дальний Восток с нескольких направлений [6, с. 18].

С весны 1931 г. наиболее радикальные силы в армии все более настойчиво высказывают свою точку зрения в вопросе Маньчжурии. Наибольшую активность проявляет командование Квантунской армии. Правительство в Токио все в большей степени теряет контроль над ситуацией. После назначения в апреле 1931 г. военным министром представителя крайне правых элементов в армии Дзиро Минами армия начала оглашать свою позицию по маньчжурскому вопросу и осуществлять действия не считаясь с мнением правительства. И эта позиция становится все более твердой.

4 августа на инструктивном совещании командиров дивизии военный министр недвусмысленно заявил о необходимости разрешить вопрос о Маньчжурии и Монголии вооруженной силой [2, с. 184; 4, с. 88]. По мнению командования Квантунской армии степень напряженности в японо-китайских отношениях требовал использования в Маньчжурии любых местных инцидентов, с тем, чтобы они превратились в повод для военного вмешательства. Речь шла о том, чтобы «сфабриковать случай», который позволил бы начать военные действия, с тем, чтобы в ходе их выработать контуры более детального плана войны с Китаем [4, с. 88].

Летом 1931 г. напряженность между китайцами и японцами в Маньчжурии резко выросла. Участились столкновения с применением оружия и участием военнослужащих. Одним из наиболее серьезных инцидентов был арест и расстрел китайскими солдатами в августе 1931 г. четырех японцев во главе с капитаном С. Накамурой, которые переодевшись в гражданскую одежду осуществляли, разъезжая по территории Маньчжурии, разведывательную деятельность [2, с. 188, 5, с. 35]. Этот инцидент стал дополнительным поводом к уже звучавшим в Японии призывам к немедленному разрешению вооруженным путем маньчжурской проблемы. 9 сентября с военных самолетов над крупными городами

Японии были сброшены листовки с призывом к захвату Северо-Восточного Китая [8, с. 77]. С лета 1931 г. практически все слои японского общества находились в состоянии ожидания скорой войны в Маньчжурии.

В августе-сентябре 1931 г. тайная подготовка Квантунской армии к предстоящей операции вступила в решающую стадию. Диверсионная группа активно отработывала план провокации. Намечены были армейские учения на которых предполагалось отрететировать действия войск [5, с. 35]. При этом следует отметить, что замышлявшаяся авантюристически настроенными кругами милитаристов акция явно не вписывалась в планы японского правительства и вызвала обеспокоенность самого императора. 11 сентября Хирохито в беседе с военным министром Минами выразил озабоченность состоянием дисциплины в армии и неодобрительно отозвался о заявлениях и действиях радикально настроенных офицеров, критиковавших внешнюю политику Японии, подчеркивая ее слабость [5, с. 36].

В наколенной до предела атмосфере китайская сторона в начале сентября также предприняла нити к смягчению обстановки. Руководитель национального правительства Чан Кайши запретил войскам в Маньчжурии вступать в столкновения с японской армией. Маньчжурский лидер Чжан Сюэлян отдал распоряжение местным властям всеми путями, невзирая ни на какие провокации избегать конфликтов с японцами. Мукденскому гарнизону китайской армии было приказано сдать оружие, в Маньчжурии была свернута антияпонская кампания, был арестован китайский офицер, ответственный за инцидент с капитаном Накамурой [5, с. 38].

Однако, остановить запущенный механизм агрессии, движущей силой которого являлась Квантунская армия, было уже невозможно. И в правительстве, и внутри военных кругов продолжали существовать разногласия о путях решения маньчжурского вопроса. В министерстве обороны и в генеральном штабе существовала огромная масса сочувствующих экстремистам. В целом политическая обстановка в Токио явно способствовала замыслам милитаристов и даже поощряла их. Международная обстановка также, как нельзя лучше складывалась в пользу этих планов. Советский Союз только наращивал в ходе первой пятилетки свой экономический потенциал. Его военное присутствие на Дальнем Востоке было еще недостаточным. Западные державы в условиях мирового экономического кризиса были всецело поглощены своими внутренними проблемами. Внутри Китая армия Чан Кайши была занята борьбой с войсками компартии.

В этих условиях 18 сентября 1931 г. в 10 часов вечера на железнодорожном полотне в районе деревни Лютяогоу, недалеко от Мукдена, произошел небольшой взрыв. Он не причинил серьезного ущерба железной дороге, не помешал прохождению поезда, но послужил оправданием мгновенно начавшейся военной акции японской армии. Уже через час японские части начали наступление на китайские казармы в Мукдене. А через три месяца вся территория Северо-Восточного Китая была оккупирована японской армией [1, с. 165; 2, с. 187, 205]. Маньчжурский инцидент явился не только поворотным моментом в истории китайско-японских отношений, «события 18 сентября» стали вехой в межвоенной истории XX века, начальной точкой отсчета к новой мировой войне.

Очередное правительство в Токио сформированное в декабре 1931 г. стало усиленно поддерживать агрессивные элементы в армии и практически санкционировало все планы и действия Квантунской армии в том числе и намерение превратить оккупированные территории в независимое государство. Под названием Маньчжоу-го оно было провозглашено 1 марта 1932 г., а 15 сентября признано Японией [2, с. 208, 228].

Завладение Маньчжурией было чрезвычайно крупной военно-политической акцией, расширявшей сферу японского влияния на Азиатском континенте. Это затрагивало интересы крупнейших государств мира – США, Великобритании, Советского Союза и др. Но западные страны в не меньшей степени опасались успехов китайской революции, которую поддерживал Советский Союз. Широко используемая японской пропагандой риторика о возрастании «коммунистической угрозы» возымела своей эффект. Правительства США и стран Западной Европы не предприняли ни военных, ни экономических санкций в ответ на агрессивные действия Японии в Китае. А государственный секретарь США Генри Стимсон в одном из своих публичных выступлений заявил, что Соединенные Штаты рассматривают Японию как «великую стабилизирующую силу на Дальнем Востоке» [4, с. 90].

Никакой конкретной помощи Китаю не оказала и Лига Наций. Она ограничилась словесным осуждением агрессора, подтвердила суверенитет Китая над оккупированными территориями, призвала Токио вывести оттуда свои войска, но в то же время признала наличие «особых интересов» Японии в Маньчжурии [1, с. 166].

Оккупация японской армией Северо-Восточных провинций Китая оказала существенное влияние на последующее развитие советско-японских отношений. Выход японских вооруженных сил на советскую дальневосточную границу увеличивала опасность военного столкновения. В конце августа 1932 г. генштабом японской армии был разработан, а в декабре 1932 г. одобрен императором, план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после оккупации Маньчжурии стратегическое положение на Дальнем Востоке [2, с. 22-23]. В этих условиях советское правительство активизировало свои предложения о заключении пакта о ненападении с Японией и мероприятия по укреплению своей обороноспособности в регионе.

«События 18 сентября явились своего рода поворотным моментом в истории китайско-японских отношений, которые положили конец продолжительному периоду дипломатической борьбы Китая и Японии за контроль над Маньчжурией. 18 сентября 1931 г. Чан Кайши оценил японскую агрессию на Северо-Востоке как беспрецедентный акт в международных делах и как начало второй мировой войны [3, с. 241].

Российские исследователи З.Д. Каткова и Ю.В. Чудодеев, рассматривая проблемы эволюции стереотипов китайско-японского взаимовосприятия, приводят высказывание английского исследователя Дика Уилсона (Dick Wilson), что с момента образования японской нации на протяжении двух тысячелетий отношения Китая и Японии характеризовали соединенные вместе любовь и ненависть.

В период войны ненависть достигла критической отметки, что принесло много страданий и китайскому, и японскому народам [3, с. 287].

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. – М.: Кучково поле, 2012. – Т. 2. Происхождение и начало войны. – 1008 с.
2. История войны на Тихом Океане. В 5 т. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. – 415 с.
3. Каткова, З.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? / З.Д. Каткова, Ю.В. Чудодеев. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт +, 2001. – 376 с.
4. Ефимов, Г.В. Международные отношения на Дальнем Востоке / Г.В. Ефимов, А.М. Дубинский. – М.: Мысль, 1973. – Кн. 2. 1917-1945 гг. – 294 с.
5. Сафронов, В.П. СССР, США и Японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931-1945 гг. / В.П. Сафронов. – М.: Издательский центр института Российской империи РАН, 2003. – 453 с.
6. Кошкин, А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг. / А.А. Кошкин – М.: Мысль, 1989. – 271 с.
7. Хаттори, Такусиро. Япония в войне, 1941-1945. / Хаттори Такусиро. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – 873 с.
8. Севастьянов, Г.Н. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931-1933) / Г.Н. Севастьянов. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 248 с.

Цвык А.В.
(Москва, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КНР И ФРГ

В статье анализируется процесс формирования и развития торгово-экономических отношений между Китайской Народной Республикой и Федеративной Республикой Германия. По мнению автора, китайско-германское торгово-экономическое сотрудничество является основой и ядром двусторонних отношений, также обусловлено внешнеэкономическими и внешнеполитическими интересами двух государств. Автор приходит к выводу, что экономические отношения между КНР и ФРГ оказывают значительное влияние на китайско-германские политические отношения.

Ключевые слова: *КНР, ФРГ, внешняя политика КНР, торгово-экономическое сотрудничество, «экономическая дипломатия»*

The article is devoted to the analysis of the formation and the development of the trade and economic relations between the People's Republic of China and the Federal Republic of Germany. In the author's opinion, the Sino-German relations trade coop-

eration forms the basis of the bilateral relations, it is also conditioned by their international economy interests. The author concludes that the economic and trade relations between the PRC and the FRG affects the political and diplomatic relationship between the two countries.

Keywords: the PRC, the FRG, the China's foreign policy, trade and economic cooperation, economic diplomacy

По мнению большинства исследователей, центр тяжести мировой экономики в последнее десятилетие активно перемещается из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион. Китайская Народная Республика, являясь экономическим лидером в АТР, становится важнейшим политическим субъектом не только в региональной системе международных отношений, но и в глобальной политике. Не отказываясь от базовых принципов внешнеполитической доктрины «Мирного возвышения» («Хэпин цзюэци») и тезиса о «мирном развитии», КНР реализует в настоящее время, по словам Председателя КНР Си Цзиньпина, «великодержавную дипломатию с китайской спецификой» для «реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации» [1]. Внешнеэкономической политике Пекина отводится важное место в осуществлении этой концепции. Используя механизмы «экономической дипломатии» и «дипломатии «мягкой силы», расширяя «мирное окружение» и «внешнюю открытость», в которых так нуждается экспортно-ориентированная китайская экономика, КНР развивает более тесное сотрудничество со странами АТР, Европы, Африки и Латинской Америки. В частности, следует отметить действия Китая по углублению торгово-экономического сотрудничества с государствами ЕС, особенно с Германией, крупнейшим экономическим субъектом Европы. ФРГ также является важным партнером Китая в проекте развития транспортной инфраструктуры инициативы Экономического пояса Шелкового пути и тесно сотрудничает с КНР в рамках ВТО.

Экономические связи составляют ядро современных китайско-германских отношений, стороны тесно связаны экономическими интересами и являются важными торговыми партнерами друг друга. В настоящее время китайско-германские экономические отношения развиваются очень интенсивно. Современное состояние китайско-германских экономических связей обусловлено логикой их развития во второй половине XX в.

Установление дипломатических отношений между ФРГ и КНР осенью 1972 г. относится к периоду осторожного внешнеполитического и внешнеэкономического открытия Поднебесной для ФРГ. По мнению исследователей, вступление КНР в ООН и исключение Тайваня из этой организации, визит в КНР Президента США Р. Никсона способствовали некоторому потеплению в отношениях коммунистического Китая с западным миром. Тем не менее, в оценках германских лидеров все же преобладала критика коммунистического режима в КНР. Однако после анализа перспектив экономического развития КНР, проведенного экспертами из восточноазиатского экономического сообщества (ОАВ), немецкие

политики поняли, что формализация дипломатических отношений просто необходима для дальнейшего расширения экономических связей и роста товарооборота двух государств. Немецкое правительство еще в 1971 г. приняло меры, которые должны были облегчить процесс будущего импорта китайских товаров. Уже после установления дипотношений, в декабре 1972 г. было разработано торговое соглашение, которое стороны подписали в январе 1973 г., вступившее в силу в июле 1973 г. и действовавшее до конца 1974 г. Этот договор, в том числе, придал китайско-западногерманским экономическим отношениям некие институциональные очертания (рамки), например, по данному договору была основана совместная немецко-китайская экономическая комиссия и т.д. [2, с. 126].

Связи между двумя государствами укреплялись вследствие обоюдных визитов высокопоставленных политиков и делегаций КНР и ФРГ. Для того чтобы подчеркнуть привлекательность экономического и торгового партнерства с ФРГ, в Китае прошел целый ряд выставок, посвященных перспективам двустороннего сотрудничества, таких как «Техногерма» в Пекине и другие, что усилило кооперацию в области технологий.

Торговый оборот ФРГ и Китая в начале 1970-х гг. был крайне ограничен и мал (только 0,3% всего внешнего товарооборота Германии и 7% товарооборота со странами Восточной Азии), отставая от Японии (41,2%), Гонконга (11,7%) и Индии (8,2%), но уже обогнав по этому показателю Тайвань (5,5%) Несмотря на это, немецкие политики осознавали потенциал экономического партнерства с Китаем. Только за один 1973 г. размер немецких инвестиций в Китай достиг отметки в 300 млн. немецких марок. Основу экспорта китайских товаров в Германию в то время составляли продукты сельскохозяйственной отрасли, а также знаменитый китайский шелк. Германия же экспортировала в Китай технику, электронные и оптические приборы.

В то же время, несмотря на то, что в середине 1970-х годов экономика КНР еще не была интегрирована в мировые экономические процессы и Китай оставался для всего мира государством, не открытым в полной мере для иностранных инвестиций и капиталовложений, а Дэн Сяопин еще не объявил о начале проведения нового политического курса, политики реформ и открытости, крупнейшие немецкие корпорации, такие, как DEMAG и Shloemann-Siemag уже инвестировали в Китай до 1978 г. около 650 млн. марок. К началу экономических реформ в 1978 г. в Китае, товарооборот ФРГ и КНР вырос до 2.724 млрд. немецких марок. Доля Китая в товарообороте Германии в Восточной Азии выросла с 7 до 8,8%, позади остался не только Тайвань, но и Индия, т.о. намечался позитивный рост германо-китайского товарооборота.

Начало экономических реформ в Китае в 1978 г. сопровождалось бурным развитием торговых и экономических отношений КНР и ФРГ. Китай ставил перед собой целью создание новой, экономической системы, которая представляла бы собой симбиоз рыночной и плановой экономики, с реформами предприятий, ценовой политики, региональной политики, внешней торговли, что не могло не сказаться положительно на развитии торговых отношений с Западом, в частности с Западной Германией. В начале 1980-х годов двусторонние экономические

отношения вышли на новый уровень. Для реализации планов по реформе экономики Китай нуждался в немецких технологиях и рабочих кадрах. К тому же в июле 1979 г. в КНР был принят новый закон о совместных предприятиях, который стал первым шагом в процессе проникновения иностранных предприятий в Китай. В конце 80-х годов доля Китая в германских инвестициях в Азиатский регион составляла 9,2% с 163 млн. немецких марок.

Технологическая политика Китая в течение долгого времени осуществлялась в рамках стратегии «догоняющего развития», которая предполагала, что отстающие страны могут получать определенные преимущества, заимствуя апробированные Западом технологии и избегая риска оказаться на «неверном пути». Данная стратегия базировалась на масштабном поступлении в страну иностранных инвестиций (которые использовались для обновления технологий, расширения экспорта и накопления валютных резервов), а также на целенаправленном создании совместных предприятий. Одним из первых зарубежных партнеров Китая в деле создания совместных предприятий стала ФРГ. В качестве примера можно привести СП, созданное еще в 1984 г. государственной корпорацией Shanghai Automotive Industry Corp. (SAIC) с Volkswagen (Shanghai-VW) [3, с. 8].

В 1990-е гг. развитие двусторонних экономических отношений продолжалось. Несмотря на непростое положение Китая на мировой арене, в котором КНР оказалась после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и последующего наложения на Китай санкций, негативную реакцию на сложившийся политический кризис многих немецких компаний, в 1991–1992 гг. размер германских инвестиций в Китай вырос почти в 3 раза (529 млн. немецких марок).

Это произошло во многом благодаря успешным рекламным акциям, которые подтверждали инвестиционную привлекательность Поднебесной и огромное преимущество в этой области над другими странами Азиатского региона. Из 249 немецких кооперативов, закрытых в Китае в 1989–1991 гг., 130 возобновили работу уже в 1992 г. Доля немецких инвестиций в Китай выросла до 21,7% на 1992 г. Хотя капитальное строительство немецких предприятий в КНР в 1980 – начало 90-х гг. было ограничено, именно в этот период был заложен прочный фундамент для дальнейшего инвестирования и совместной работы. Именно в 1985 г. было подписано соглашение между немецкой компанией «Сименс» и правительством КНР о долгосрочном сотрудничестве в технологической отрасли.

В 1988 г. в Пекине был создан совместный Центр электронных технологий, перед которым поставили задачу ежегодно выпускать 500 высококвалифицированных специалистов в этой сфере. В 1984 г. немецкий автоконцерн Фольксваген открыл первое совместное предприятие в Шанхае («Шанхай Фольксваген» SVW), где впоследствии было налажено производство автомобилей немецкой марки. Китайско-германская совместная комиссия, заседание которой впервые состоялось в 1976 году, в 1980-е гг. превратилась в форум, на котором обсуждались вопросы сотрудничества и происходил обмен мнениями относительно актуальных проблем двустороннего торгово-экономического взаимодействия.

Внешнеэкономическая интеграция и развитие негосударственных секторов экономики являлись основными локомотивами экономического роста и динамики изменения структуры в Китае. Немецкие предприятия принимали очень активное участие в этих процессах. Они увеличили свою активность с 1993 г. посредством прямых инвестиций, причем не только больших, но и малых и средних предприятий. Огромную роль в заново появившемся интересе германских компаний к Китаю сыграл и Азиатско-тихоокеанский комитет, который публиковал заметки об инвестиционной привлекательности Китая, устраивал бизнес-семинары для немецких предпринимателей и экономистов, где их целенаправленно готовили к работе именно на китайском рынке. Визиты высокопоставленных немецких политиков, которые подписывали важнейшие соглашения и контракты, такие, как строительство немецкими компаниями метрополитена в Шанхае и развитие высокоскоростной железнодорожной сети по стране, безусловно, стимулировали рост экономических и политических связей двух государств. Двусторонний товарооборот, составлявший на 1992 год 17.4 млрд немецких марок, вырос за десятилетний период до 69.6 млрд немецких марок.

Большой интерес вызывает и тот факт, что с 1992–1993 года размер немецкого импорта из КНР стал превышать объем немецкого экспорта в Китай, т.е. для ФРГ стало образовываться отрицательное сальдо. Это во многом объясняется тем, что Китай с середины 1990-х годов уже завершал модернизацию экономики и не так остро нуждался в импорте немецких технологий и продуктов, Китай сам уже начал их разрабатывать и производить. В 2002 г. Китай вышел на первое место торговых партнеров Германии в Азии (26.6%), обогнав даже Японию (23%), которая всю вторую половину двадцатого века сохраняла за собой роль крупнейшего экономического и торгового партнера ФРГ в этом регионе. Продолжился рост немецких инвестиций в Китай (685 млн. немецких марок на 2001 год). Развивать свои связи с Китаем стали не только компании, занимающиеся транспортом (VW), электроникой (Siemens), бытовой химией и фармацевтикой (Henkel и BASF), но и финансовые предприятия, такие, как Немецкий центральный банк (DZ-Bank). Большинство опрошенных немецких предприятий в Китае смогли реализовать намеченные планы [2, с. 129].

В рамках содействия немецких внешнеторговых интересов в Китае в Пекине, Гонконге, Шанхае и Гуанчжоу были созданы офисы Немецкой экономики (под крышей зарубежного отделения немецкой промышленно-торговой палаты и торговой палаты – DINK). Делегированные офисы и корреспонденты сотрудничали с посольством ФРГ и немецкими генеральными консульствами в Шанхае, Гуанчжоу и Гонконге. Немецкие фирмы в Китае организовались в промышленно-торговую палату, ведение дел которой воспринималось в личной унии делегатом Немецкой экономики в Пекине [4, с. 85].

В настоящее время ФРГ является крупнейшим торговым партнером Китая в ЕС. По данным Министерства коммерции КНР, торговый оборот между КНР и ФРГ в 2014 г. составил 177, 75 млрд. долл. США, по сравнению с 2013 г. (161,56 млрд. долл. США) вырос на 10,1%. Китай импортирует из ФРГ автомобили и автозапчасти, приборы для обработки металлов, фармацевтическую продукцию и медицинское оборудование, микросхемы, текстильное оборудование. Основу

китайского экспорта в Германию составляют одежда, текстиль, мебель, сельскохозяйственная продукция, обувь, электроника, солнечные батареи и др. [5].

Растут инвестиции КНР в экономику Германии. Согласно данным, обнародованным Федеральным агентством ФРГ по внешней торговле и инвестициям, в 2011 году Китай реализовал на германской территории 158 инвестиционных проектов, опередив по этому показателю другие государства. В настоящее время именно в ФРГ реализуется более 40% всех китайских инвестиционных проектов в Европе, где работает свыше 2000 китайских фирм, причем их число неуклонно возрастает. Германия является самым крупным из стран ЕС инвестором в КНР, за 2014 г. размер немецких прямых инвестиций составил 39 млрд. евро. Немецкие инвестиции направлены в сектора автомобилестроения, в химическую промышленность, оборудование для производства электроэнергии, в транспортную сферу и сталелитейную области. Размер инвестиций китайских предприятий в ФРГ значительно меньше, по данным Промышленно-торговой палаты ФРГ, в 2014 г. он составил 3,1 млрд. долл. США.

Китай инвестирует в области автомобилестроения, электроники, в товары широкого потребления и в сферу IT-технологий [6]. Можно предположить, что размер китайских инвестиций в ФРГ в ближайшие годы значительно возрастет вследствие реализации китайским руководством проекта транспортного коридора Экономического пояса Шелкового пути и поддержки германскими властями этой инициативы. Крупнейшему в Европе речному порту Дуйсбург отводится роль важного узлового пункта в маршруте грузоперевозок Чунцин – Синьцзян – Дуйсбург, а инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры в рамках реализации инициативы ЭППП будут расти. Однако необходимо понимать, что Китай инвестирует не в определенную европейскую страну – Германию (или Францию, Великобританию) – а осуществляет стратегию глобального присутствия, обеспечивая долгосрочные инвестиции в регионы (в данном случае, в Европу), что является важной составляющей геоэкономической стратегии Пекина.

Китай и Германия активно развивают сотрудничество в финансовой сфере. По состоянию на октябрь 2014 г. в Германии действуют 8 филиалов 5 китайских банков (Банка Китая, Промышленно-торгового банка, Строительного банка и др.). В марте 2014 г. во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Германию было принято решение о создании во Франкфурте-на-Майне китайско-германского клирингового центра по работе с юанем, Народный банк Китая и Федеральный банк Германии подписали соответствующее соглашение, а уже в ноябре того же года во Франкфурте начались расчеты в китайской национальной валюте [7].

Важное событие, которое, безусловно, окажет влияние на дальнейшее развитие китайско-германских отношений, состоялось 18 марта 2015 г. В Берлине во время 1-ого раунда китайско-германского финансового диалога министр финансов ФРГ В. Шойбле выступил с заявлением о намерении Германии стать страной-учредителем нового международного финансового института, созданного по инициативе Пекина – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций

(АБИИ), а 1 апреля Министерство финансов КНР объявило о том, что кандидатура Германии была единогласно утверждена нынешними членами Банка [8]. 29 июня в Пекине представители германской делегации подписали Акт о создании АБИИ, став четвертым по величине инвестором АБИИ и крупнейшим неазиатским государством-участником. По данным агентства ДРА, ФРГ внесет в уставной капитал 900 млн. долларов.

КНР и ФРГ сотрудничают в энергетической сфере. Ключевой вопрос, который фигурирует в приоритетах КНР в этой области, это смягчение последствий изменения климата, модернизации экологической политики, развитие альтернативных источников энергии, повышение энергоэффективности во всех областях. Германия, которая занимает одну из ведущих ролей в вопросах охраны окружающей среды и альтернативных источников энергии, развивает свое сотрудничество в этих областях с Китаем. Одним из главных достижений правительственных консультаций стало создание «треугольника» энергия – окружающая среда – климат. Обе страны договорились предпринимать совместные усилия для создания «зеленых экономик». Хотя идеи постепенного отказа Германии от использования ядерной энергии и реализация Правительством КНР 12-ого пятилетнего плана китайской экономики не на чисто количественном, а на качественном высоком уровне уже сейчас многим экспертам кажутся очень амбициозными.

Развитие торгово-экономического сотрудничества между КНР и ФРГ имеет большое влияние на развитие двусторонних политических отношений. Несмотря на высказываемые последние годы представителями немецкой деловой и политической элиты опасения по поводу растущего влияния Китая на экономику Германии, экономические интересы Германии в Китае настолько велики, что немецкие политики вынуждены «закрывать глаза» на ряд неурегулированных политических проблем и спорных моментов, будь то ситуация с нарушением прав человека в Китае, Тибетский вопрос. Именно под воздействием экономического фактора политическое противостояние стран Запада, ФРГ в том числе, и Китая к 1980 – нач. 1990-х гг. начало постепенно сглаживаться к концу 1990-х гг. Вследствие растущей экономической мощи Китая в середине – конце 1990-х гг. в Германии все больше политиков критиковали внешнюю политику ФРГ, особенно ее азиатское направление, обвиняли немецкий внешнеполитический курс в меркантильности, отчетливее звучали призывы к конструктивному диалогу с азиатской державой, к шагу навстречу Китаю [9, с. 553]. И под влиянием взаимных экономических интересов, в условиях укрепления торгово-экономических и инвестиционных связей между государствами, такой шаг, причем обоюдный, был сделан, когда ФРГ поддержала вступление КНР во Всемирную Торговую Организацию в 2001 г., а Китай, в свою очередь, согласился подписать ряд международных конвенций, например, конвенцию о правах человека и конвенцию о защите окружающей среды.

Несомненное политическое значение, особенно в свете общеевропейских финансовых проблем, имеет обещанная Китаем поддержка единой европейской валюты, о чем заявил в феврале 2012 г. на саммите КНР–ЕС в Пекине премьер

Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Китай, реализуя свою внешнеэкономическую стратегию, нацеленную на проникновение на богатые европейские рынки с целью их последующего контроля, скупает в последние годы суверенные долги государств ЕС, находящихся в сложной экономической ситуации (Греция, Испания, Португалия, Ирландия), тем самым решая не только собственные задачи, но и косвенно поддерживая на плаву европейскую финансовую систему. При этом необходимость китайских финансовых вливаний в европейский рынок для ЕС настолько велика, что ведущие европейские страны, к которым относится и Германия как лидер Еврзоны, готовы повременить, например, с критикой ситуации с правами человека в Китае, или временно «закрывать глаза» на нарушение авторских прав китайскими производителями. Не случайно, во время последних встреч германских и китайских лидеров не было сделано никаких заявлений на эту тематику.

Инвестиционная политика Пекина также имеет политические задачи для Китая – Пекин требует от ЕС, в частности, снять ограничения на экспорт высоких технологий в КНР и, что более важно для Китая, добиться отмены введенного после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. эмбарго ЕС на поставки КНР боевой техники, вооружений и технологий «двойного назначения».

Торгово-экономическое сотрудничество КНР и ФРГ, «локомотивов» экономического развития своих регионов, представляется весьма выгодным для обеих сторон. Китай, поддерживая модель экспортно-ориентированной экономики, осуществляя стратегию глобального позиционирования и ставя перед собой цели проникновения на богатые западноевропейские рынки и укрепление там юаня в качестве резервной валюты, решает в то же время собственные внешнеполитические задачи в отношениях с европейскими государствами, в частности, с ФРГ. Заинтересованность и перспективность двустороннего торгово-экономического сотрудничества, лоббируемая деловыми элитами обоих государств, сглаживает ряд спорных моментов между сторонами и оказывает огромное влияние на развитие не только китайско-германских отношений, но и политических отношений Китая с Европейским Союзом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тавровский, Ю.* Дорогой «китайской мечты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/kitajskaya-mechta-si-tszinpina/>. – Дата доступа: 12.03.2015.
2. *Schüller, M.* China – Deutschlands wichtigster Wirtschaftspartner in Ostasien. – Berlin, 2009.
3. *Семенова, Е.А.* Китай: поиск доступа к мировым интеллектуальным ресурсам / Е.А. Семенова // Аналитические обзоры РИСИ. №3 (30), – М., 2011.
4. *Germany and the Sino-German Relation in the Context of the Financial Crisis.* – Social Sciences Academic Press (China), 2010.
5. МИД КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/oz_606480/1206_606796/. – Дата доступа: 02.04.2015.

6. МИД ФРГ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/China/Bilateral_node.html#doc334538bodyText4. – Дата доступа: 23.03.2015.
7. Юань расширяет границы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/49524>. - Дата доступа: 02.04.2015.
8. Германия стала официальным членом-учредителем АБИИ // Жэньминь жи-бао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0402/c31518-8872881.html>. – Дата доступа: 03.04.2015
9. *Stober, R.* Zum deutsch-chinesischen Rechtsstaatsdialog im Verwaltungsrecht // Die Öffentliche Verwaltung. – München, 2002.

**ЭКОНОМИКА КНР В XXI ВЕКЕ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

*Давыденко Е.Л.
(Минск, Беларусь)*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЫХОДА БЕЛОРУССКИХ КОМПАНИЙ НА РЫНОК КИТАЯ

Статья посвящена анализу тенденций потребительских предпочтений граждан Китая для разработки перспективных направлений выхода белорусских компаний на емкий и быстрорастущий рынок данной страны. Для белорусских компаний выявлены сравнительные преимущества на китайском рынке при производстве и экспорте товаров первичной промышленной обработки и некоторых готовых промышленных товаров, продуктов питания, а также в сфере предоставления IT-услуг. Отмечается, что наличие надежного китайского партнера – необходимое условие для успешного выхода на рынок этой страны.

Ключевые слова: *китайские потребители, белорусские компании, сравнительные преимущества, китайский рынок, зарубежный опыт*

The article is devoted to the analysis of tendencies of preferences of Chinese consumers for development of perspective directions of an output of Belarusian companies on the capacious and fast-growing market of the given country. Comparative advantages in the Chinese market are revealed by manufacture and export of goods of primary industrial processing and some ready industrial goods, food-stuffs and also in sphere of granting IT-services for Belarusian companies. It is marked, that presence of the reliable Chinese partner is necessary condition for a successful output on the market of this country.

Keywords: *Chinese consumers, Belarusian companies, comparative advantages, Chinese market, foreign experience*

Введение

Иностранные компании в течение нескольких лет рассматривали Китай как растущий рынок сбыта с количеством потенциальных покупателей в 1,3 млрд. человек. Около 480 компаний из числа крупнейших 500, по версии Fortune, представлены в Китае. Когда первые иностранные компании выходили на китайский рынок, то у них практически отсутствовали конкуренты со стороны местных предприятий. В 1992 г. в Китае было всего 140 000 частных компаний, в сравнении с 6,6 млн. в наши дни.

По оценкам Goldman Sachs, доля Китая в мировом ВВП к 2030 г. составит 36% (в 2013 г. 15% мирового ВВП принадлежало КНР). Если учесть долю Китая на растущем глобальном рынке и роль страны в подготовке компаний к использованию возможностей в других развивающихся регионах, становится понятно, почему компании, стремящиеся к глобальному успеху, хотят для начала победить в Китае. Хотя конкуренция на рынке Китая и возрастает, многие иностранные компании также уверены, что именно сейчас – лучшее время для выхода на китайский рынок. По их словам, это даже проще, чем десятилетие назад, так как многие процессы, в первую очередь юридические, отрегулированы и, главное, четко и понятно прописаны. Также сейчас намного проще найти квалифи-

цированных работников среди местного населения, тем более что и пять, и десять лет назад китайский рынок представлял немало трудностей для иностранцев [2].

Лучшим рынком для торговли, по результатам исследования А.Т. Kearney, в 2015 г. стал Китай, обогнавший прошлогоднего лидера, Чили. Несмотря на общее замедление роста китайской экономики, розничный рынок этой страны обгонит рынок США к 2018 г., отмечается в исследовании (таблица 1).

Таблица 1 - Индекс глобального ритейл-развития, 2015 г. Источник: [3].

Страна	Место в рейтинге	Баллы	Изменения в рейтинге с 2014 г.
Китай	1	65,3	+1
Уругвай	2	65,1	+1
Чили	3	62,3	-2
Катар	4	59,1	н/д
Монголия	5	58,8	н/д
Грузия	6	58,4	+1
ОАЭ	7	58,0	-3
Бразилия	8	57,9	-3
Малайзия	9	56,6	0
Армения	10	55,2	-4
Турция	11	54,1	0
Россия	21	48,6	-9

Наиболее быстрорастущим рынком в Китае является рынок роскоши: доля Китая на глобальном рынке люксовых товаров к 2015 г. составит около 40% (по прогнозам экспертов Roland Berger) [4]. Состоятельные китайские потребители хотят прежде всего одного: приобретать эксклюзивные продукты и получать от этого удовольствие. Поэтому узнаваемость престижных марок играет все более важную роль при решении о покупке того или иного продукта. Бренд в Китае – важный статусный символ.

Немаловажным и актуальным фактом для белорусских кондитеров является то, что шоколад также считается товаром класса люкс в Китае. Это связано с его дороговизной и чисто «иностранным происхождением». Зачастую низкую цену шоколадной продукции китайцы ассоциируют еще и с низким качеством, использованием ненатуральных компонентов (чем грешат китайские производители), поэтому все иностранные компании в Китае работают в ценовом сегменте выше среднего и премиум-класса. При этом рынок шоколада в КНР, согласно годовому отчету Lindt, ежегодно растет на 30%, что несомненно дает возможность белорусским производителям шоколадной продукции успешно выйти и закрепиться на нем.

Китайские потребители также стали более чувствительны к цене. Для формирующегося среднего класса важным фактором при выборе товара становится соотношение «цена – качество». Однако это в большей степени относится к старшему поколению, в то время как молодежь до 24 лет более восприимчива к модным тенденциям, а стремление выделиться сокращает роль ценового фактора.

Что касается инструментов продвижения, то потребители в Китае более восприимчивы к таргетированному комплексу маркетинговых коммуникаций ВТЛ (стимулирование сбыта, прямой маркетинг, POS-материалы, трейд-маркетинг, специальные события и др.). Важным методом успешного позиционирования бренда в Китае является привлечение «лица бренда» – известной личности, заслуживающей доверия в качестве представителя марки. Однако китайские потребители *менее лояльны к бренду*, чем потребители в других странах, в частности, из-за постоянного прихода на рынок новых брендов. Так, по сообщению Swarovski, 3/4 китайских потребителей стремятся попробовать новые бренды – этот показатель намного выше, чем в других регионах [1].

Следует подчеркнуть, что изменения в Китае происходят с головокружительной скоростью. Перед некоторыми участниками рынка эти изменения открывают заметные конкурентные преимущества. Для других участников рынка активность конкурентов станет определенным вызовом. Поскольку темп изменений, происходящих в стране, постоянно растет, шансы остаться «в хвосте» очень велики. Таким образом, крайне важным становится умение держать руку на пульсе – с помощью изучения потребителя.

Основные потребительские тренды Китая

Выделим основные потребительские тренды Китая, которые следует учитывать белорусским производителям при составлении маркетинговой стратегии выхода на рассматриваемый рынок.

T1. Индивидуальное потребление. Раньше в Китае слову «индивидуализм» придавался крайне отрицательный смысл. Считалось, что индивидуалист – это человек, заботящийся лишь о себе, и никогда – об окружающих. Однако современные китайцы уже рассматривают индивидуализм как качество, которым необходимо обладать и которое нужно успешно развивать. Они охотнее, чем раньше, делятся личной информацией с другими людьми и не стесняются быть в центре внимания. Хорошим примером развития этой тенденции является возросшая популярность персональных медиа, в том числе блогов, микроблогов и личных страниц. Так, за последние 4 года число блогеров в Китае выросло на 12%, а число пользователей сети Weibo (китайский аналог Twitter) удвоилось только за последний квартал. У самого обычного человека появилась возможность иметь собственную платформу для «вещания». Каждый индивид, в свою очередь, является источником информации и центром своей сферы влияния.

T2. Экологическое потребление. Китайские потребители очень заботятся о своем здоровье. Они готовы увеличить плату за ощущение безопасности. Поэтому неудивительно, что все большую популярность набирают органические продукты и частное страхование. Данная «безопасная» тенденция распространяется также на кондитерские изделия, жевательные резинки, продукты женской

гигиены, стиральные порошки, молоко и т. д. Производители стараются поспевать за тенденциями и выпускать продукцию с ориентацией на защиту здоровья потребителей (шоколад без искусственных добавок, продукция с экстрактом зеленого чая и т. д.).

Т3. Совместные действия. С развитием экономики и повсеместным распространением Интернета политика сосредоточения исключительно на собственном развитии становится слишком опасной для участников рынка. Все большее количество брендов и категорий экономики начинают экспериментировать с новыми формами совместных предприятий. Например, автопроизводители объединяются с производителями сумок и чемоданов. Развивается социальное телевидение, соединяющее в себе собственно телевидение, мобильные устройства и социальные сети.

Сами китайцы давно уже начали отрабатывать методы коллективных (совместных) действий за рубежом как в целях закупки необходимых им товаров, так и для продвижения китайских товаров на зарубежные рынки. Китайские чиновники самого высокого ранга в своих зарубежных поездках скрупулезно и планомерно, жестко и изощренно навязывают и продвигают, казалось бы, самые незначительные коммерческие интересы своего, даже малого, бизнеса.

Конечно, мы не можем во всем копировать действия китайцев – белорусскому бизнесу не хватает экономических сил, политического веса, предпринимательской пассионарности («страстности»). Но осуществлять коллективные (совместные, объединенные) действия по выходу на рынок Китая нам необходимо. И эта коллаборация прежде всего должна проявляться в объединении маркетинговых усилий белорусских производителей для успешного выхода на столь огромный рынок.

Т4. Чжай (Кокон). Тенденция к домоседству, «закукливанию» людей возникла уже давно. Известный американский специалист по прогнозированию трендов Faith Popcorn впервые предложил тренд «Кокон» еще в 1992 г. За последние годы этот тренд превысил критическую массу в Китае и становится все более заметным. Домоседов в Китае именуют словом Чжай. За последние 7 лет количество людей, попадающих в эту категорию, значительно возросло. В ходе специализированного исследования по стилю жизни Чжай, проведенного МЕС [мес], около 76% респондентов выразили уверенность в том, что домоседство вскоре будет становиться стилем жизни все большего количества людей. Его повсеместное распространение влечет за собой образование целой новой Чжай-экономики: доставка товаров на дом, электронная коммерция, повышенный спрос на коммуникационные и высокотехнологичные товары.

Т5. Игромания. Данный тренд является актуальным для белорусских IT-компаний, которые добились немалых успехов на международном рынке услуг. Дело в том, что китайский потребитель все больше уходит в онлайн. И это касается не только электронной коммерции, но и использования различных приложений и онлайн-игр. Так, в 2013 г. количество пользователей на китайском рынке сетевых игр достигло 490 млн. человек, валовые поступления страны от их продаж превысили 13,6 млрд. долл. США (по данным, приведенным в Докладе о развитии китайской отрасли сетевых игр в 2013 г.) [5].

В докладе сообщается, что количество пользователей китайского рынка сетевых игр выросло на 20,6 % по сравнению с показателем 2012 г., доходы от продаж – на 38 %. В частности, основные доходы от продаж приходятся на клиентские игры и составляют 64,5% от общенационального показателя, доходы от продаж игр для веб-сайтов составили 2,09 млрд. долл. США, для мобильных телефонов и социальных сетей – соответственно 1,84 млрд. и 885,43 млн. долл. США

Представители Tencent подчеркнули, что для успеха в Китае западным студиям стоит сосредоточить внимание на экшенах, RPG и стратегиях. Именно эти жанры будут пользоваться наибольшей популярностью в будущем. Также для успешной работы в Китае следует внимательно относиться к выбору платежных методов, а также подумать над площадкой для дистрибуции игр.

Здесь стоит отметить, что, согласно требованию китайских властей, все игры, которые выходят на местный рынок, должны локализоваться с помощью посредника. Пока на китайском рынке представлена только одна игра белорусских разработчиков World of Tanks, оператором которой в Китае является компания Kongzhong. Ее конкурентом на данном рынке является авиасимулятор War Thunder российской Gaijin Entertainment, которую в КНР представляет все та же Tencent.

Сравнительные преимущества белорусских товаров на рынке Китая

Как показывают результаты расчетов, в 2008 г. и 2013 г. Республика Беларусь имела сравнительные преимущества в торговле продукцией пищевой промышленности, топливом и смазочными материалами, продукцией химической промышленности, а также изделиями из металла, древесины, резины и текстильного волокна. Однако по большинству из вышеназванных позиций в анализируемые годы наблюдалось снижение выявленных сравнительных преимуществ (ВСП). По группе товаров «Машины и промышленное оборудование» сравнительные преимущества имели только специальные промышленные установки, однако их конкурентоспособность на мировом рынке падает. Наблюдается также уменьшение экспортной специализации по промышленным товарам, отдельные их виды все же имеют индексы больше 1, а черные металлы и сталь резко увеличили свои сравнительные преимущества (индекс повысился с 0,09 до 1,12). Следует также обратить внимание на то, что по дорожным транспортным средствам, шоколаду и прочим товарам отмечался рост коэффициента ВСП, что свидетельствует о возможности появления в ближайшем будущем сравнительных преимуществ на мировом рынке по данной группе товаров [6].

Выявленные сравнительные преимущества имеют в основном белорусские товары *первичной промышленной обработки*: пищевая продукция, древесина, топливо и смазочные материалы, черные металлы и сталь, изделия из резины, металла, древесины, продукция химической промышленности. Что касается *готовой промышленной продукции*, то сравнительные преимущества имеются только по дорожным транспортным средствам и специальным промышленным установкам.

Таким образом, Беларусь имеет выявленные сравнительные преимущества по тем группам товаров, по которым увеличивается доля в импортируемой продукции в Китае, что создает предпосылки для взаимной торговли между этими двумя странами.

Для таких стратегических направлений, как химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение и металлообработка, лесная и деревообрабатывающая промышленность и другие, которые подлежат в определенной степени правовому регулированию и которые в Китае относятся к ограничиваемым для иностранных инвестиций, между Беларусью и Китаем заключены межправительственные соглашения. Как правило, создаются совместные предприятия, где большая доля принадлежит китайским партнерам или продукция напрямую экспортируется белорусской компанией согласно заключенному контракту с китайской государственной компанией (калийные удобрения).

Что касается иных отраслей промышленности (например, пищевой), белорусские компании предпочитают стратегии косвенного экспорта, выходя на рынок через местного игрока. При этом для успешного выхода на рынок потребительских товаров необходимо учитывать конкуренцию, специфику поведения, вкусы и предпочтения китайских потребителей.

Заключение

На основе проанализированных данных можно выделить 3 перспективные сферы для выхода белорусских компаний на китайский рынок:

- *сфера, находящаяся под контролем государства* (сырье, полуфабрикаты и детали, некоторые готовые промышленные товары);
- *сфера ИТ* (разработка онлайн-игр и приложений);
- *сфера продовольственных товаров.*

Таким образом, можно сделать вывод, что стратегии выхода компаний на китайский рынок зависят от характера и размера фирмы. Для промышленных компаний зачастую нужно заручиться поддержкой правительства и быть готовым к изменениям первоначальных условий сделки. Средние компании (это относится и к некоторым крупным компаниям на первоначальном этапе) используют экспортные стратегии вместе с промежуточными (создание СП и т.д.). Мелкие компании используют экспортные стратегии ввиду ограниченности ресурсов, при этом имеются тенденции к экспорту продуктов интеллектуального труда (консультационные услуги, программное обеспечение и т.д.). Как показывает опыт, в сбытовой сети обязательно должно присутствовать «китайское» звено. Наличие надежного китайского партнера является необходимым условием для успешного выхода на рынок этой страны. Это поможет как в адаптации продукта к рынку, так и в экономии времени на различные юридические процедуры. Еще одним плюсом посредника (партнера) в Китае является знание (или возможность быстрого получения информации) местных рынков и потребительских предпочтений в разных частях КНР. Не стоит забывать, что в Китае существуют так называемые города первого эшелона (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу), которые похожи на города различных стран, и города второго и третьего эшелонов, где культурные особенности и доходы совсем другие, а, следовательно, действуют и иные методы продвижения. Выбор маркетинговой стратегии входа и

продвижения на рынке КНР будет зависеть от целей белорусской компании, особенностей ее продукции и ценового сегмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мур, Дж. А. Внутри торнадо. Стратегии развития, успеха и выживания на гиперрастущих рынках / Дж.А. Мур. – Изд-во: BestBusinessBooks, 2010. – 296 с.
2. John I. Graham, N. Mark Lam. The Chinese Negotiation // Harvard business review. – October, 2003. – P. 82–91.
3. Global Retail Development Index 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.atkearney.com/consumer-products-retail/global-retail-development-index/past-report/-/asset_publisher/r888rybcQxoK/content/2015-global-retail-development-index. – Date of access: 10.09.2015.
4. Основные потребительские тренды Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adindex.ru/news/tendencies/2011/11/25/82794.phtml>. – Дата доступа: 12.08.2015.
5. Газета «Жэньминь жибао» онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/8498783.html>. – Дата доступа: 15.04.2015.
6. Base of Dates: Comtrade United Nations [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.comtrade.un.org>. – Date of access: 10.10.2015.

*Залесский Б.Л.
(Минск, Беларусь)*

ПРОЕКТ, ОБРАЩЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

В статье исследуются особенности реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути в современных условиях.

Ключевые слова: *Экономический пояс Шелкового пути, Сианьская декларация*

The article examines the characteristics of the project of the Economic Belt of the Silk Road today.

Keywords: *Economic belt of the Silk Road, Sian Declaration*

В сентябре 2013 года председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин во время государственного визита в Казахстан предложил возродить легендарный Великий Шелковый путь как новую модель сотрудничества Китая с Центральной Азией, Ближним Востоком и Европой, как новую «инициативу по сотрудничеству и концепцию развития» [1].

Напомним, что сам термин “Шелковый путь” ввел в научный оборот в 1877 году немецкий географ и геолог Ф.Рихтгофен в своем классическом труде “Китай”. Так он обозначил разветвленные сети караванных дорог, возникшие еще во второй половине II-го века до нашей эры и пересекавшие Европу и Азию от Средиземного моря до Китая. Они проходили через территорию современных Китая,

Кыргызстана, Казахстана, Монголии, Индии, Турции, Ирана, Греции, стран Закавказья.

Просуществовав до XVI века и прекратив свое существование только с открытием морских путей, Великий Шелковый путь стал, тем не менее, «символом отношений между Западом и Востоком» [2]. Ведь он служил не только средством экономического развития и торговли, но и способствовал диалогу культур, обмену информацией, развитию межцивилизационных отношений. «Преимуществом городов на Великом Шелковом пути была толерантность, мирное соседство различных религий, уважение к чужим обычаям и традициям, ведь любой странствующий торговец мог придерживаться в них заветов культуры своего народа» [3].

Тенденции глобального развития человеческой цивилизации во второй половине XX века актуализировали поиск и «создание новых возможностей для развития торговых отношений между Азией и Европой, объединение усилий множества стран, находящихся на разном уровне экономического развития и развивающихся своим политическим укладом» [4]. Начался возврат к теме возрождения Великого Шелкового пути с культуры, когда в 1988 году Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) объявила о начале 10-летнего проекта «Интегральное изучение Шелкового пути – пути диалога», который предусматривал широкое и всеобъемлющее изучение истории цивилизаций, установление тесных культурных контактов между Востоком и Западом, улучшение взаимоотношений между многочисленными народами, населяющими евразийский континент. Именно при реализации этого проекта прозвучал лозунг, крайне актуальный сегодня: «Возрождение Шелкового пути – это возобновление тысячелетнего диалога цивилизаций» [5]. Конкретным его результатом стали десятки проведенных научных конференций и семинаров, созданных кинофильмов, опубликованных книг, брошюр, статей, отреставрированных археологических и архитектурных памятников. Выполнив поставленные перед собой задачи по сбору и изучению материалов, касающихся изучения народов, живших в регионах по трассе Великого Шелкового пути, данный проект стал для ЮНЕСКО «точкой отсчета» при реализации уже более конкретных проектов, суть которых заключалась в возрождении и поддержке отдельных направлений культуры той или иной местности.

Тему возрождения Великого Шелкового пути продолжили: представленный осенью 1994 года на 49-й Генеральной Ассамблее ООН доклад «Транзитные транспортные системы новых независимых и развивающихся внутриконтинентальных государств Центральной Азии и их транзитных развивающихся соседей: текущая ситуация и предложения для будущих действий»; принятая в 1996 году на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюция «Система транзита в государствах, не имеющих выхода к морю, в Центральной Азии и соседних развивающихся странах транзита». В этих документах подчеркивалась важность предпринимаемых странами усилий по обеспечению выхода на мировые рынки посредством создания широкомасштабной системы транзита и содержался призыв к странам-донорам и организациям, занимающимся вопросами финанси-

вания глобальных проектов, «оказать новым независимым и развивающимся государствам соответствующую финансовую и техническую помощь в целях совершенствования своих коммуникационных и транзитных возможностей этих стран» [6].

В октябре 2006 года на Совещании министров транспорта Экономической комиссии ООН в Азиатско-Тихоокеанском регионе правительство Китая предложило предварительную программу евро-азиатских автотранспортных связей, основной идеей которой являлось поощрение большого объема инвестиций в развитие дорожной инфраструктуры соответствующими странами с целью ускоренного формирования трех основных маршрутов “Восток – Запад”: северного (Китай – Казахстан – Россия – Европа); срединного (Китай – Казахстан – Каспийское море); южного (Китай – Центральная Азия [Кавказский регион/Иран – Турция] – Европа). По мнению участников совещания, как только названные маршруты начнут функционировать, они «значительно приблизят Китай и Северо-Западную Азию к Центральной Азии и Европе, создавая более благоприятные автотранспортные условия для развития экономических и торговых связей между Китаем, Россией и странами Центральной Азии, Южной Азии и Европы» [7, с. 7].

Иными словами, сегодня инициатива создания экономического пояса Шелкового пути представляет собой долгосрочную стратегию торгово-экономического сотрудничества с беспрепятственными потоками международной торговли, мощной логистической инфраструктурой для быстрой доставки товаров из Азии в страны Европейского союза, которая поможет объединить потенциал стран с различными политическими системами и станет одним из самых масштабных проектов современности. Об этом свидетельствуют цифры. Предполагается, что данный проект «охватит 18 государств с населением свыше 3 млрд. человек. Прокладка новых магистралей, железных дорог, трубопроводов будет способствовать развитию энергетики, сельского хозяйства, горного дела, туризма, культурного обмена» [8], соединяя Азиатско-Тихоокеанский регион и Европу на принципах сплоченности и взаимодоверия, равенства и взаимной выгоды, толерантности, обмена опытом и сотрудничества, что соответствует главным веяниям современной эпохи.

В самом Китае видят пять аспектов основного содержания данной инициативы, к числу которых относятся: согласование политических установок; развитие транспортного сообщения; стимулирование взаимной торговли; обеспечение бесперебойного денежного обращения, ведение расчетов в национальных валютах и взаимный обмен валютами; активизация контактов обычных людей. Заметим, что наземная часть данного проекта начинается в городе Сиань – административном центре провинции Шэньси, что в Центральном Китае, где уже запущен градостроительный проект “Новый исходный пункт экономического пояса Шелкового пути”, ставший своеобразной “дорожной картой”, нацеленной на активизацию и развитие взаимовыгодных торговых отношений. Интересно, что «правительством провинции Шэньси уже подано заявление о строительстве зоны свободной торговли, которая будет распространяться на страны вдоль Шелкового пути» [9], который от Сианя продолжается на восток к городам Ланьчжоу

и Урумчи – административным центрам соответственно провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Затем, поворачивая на юго-восток, устремляется через Центральную Азию на Ближний Восток и в Европу. При этом существует три основных сценария возрождения Великого Шелкового пути.

Участниками первого – “медленного” – являются государства, национальные перевозчики и другие операторы рынка, цель которых – реализация национальных проектов и программ, направленных на развитие транспортной инфраструктуры и международных перевозок, а также инициатив национальных компаний-перевозчиков по развитию перевозок грузов между Европой и Азией. Преимущества данного сценария заключаются в гарантированном получении эффекта от развития перевозок по евроазиатским маршрутам в национальных рамках – для национальных перевозчиков, экспедиторских компаний и операторов рынка. Основные сложности, которые могут возникнуть в этом случае: недостаток инвестиций в национальных рамках для развития инфраструктуры и международных перевозок на направлении Европа – Азия; несогласованность принимаемых мер по развитию евроазиатских сообщений с аналогичными мерами, принимаемыми другими странами транзита; барьеры на рынке международных автомобильных перевозок, особенно при пересечении границ; сложность привлечения грузопотоков.

Участники второго сценария – “умеренного” – объединения стран, совместные бизнес-проекты перевозчиков и других операторов рынка, преследующие цели региональной транспортной интеграции, подписания региональных соглашений, совместного развития рынка перевозок между Европой и Азией группой заинтересованных государств транзита. Преимущества этого сценария: в рациональном использовании инвестиций, направленных на развитие “узких мест” системы наземных перевозок между Европой и Азией; в широком участии бизнеса из стран региона в развитии перевозок на указанном направлении и получение от этого многочисленных мультипликативных эффектов; в гарантии свободы транзита и облегчении пересечения границ за счет реализации интеграционных приоритетов и использования международных инструментов. К сложностям реализации данного сценария можно отнести: отсутствие общеизвестных брендов в числе компаний и участников проектов по развитию перевозок между Европой и Азией, что требует осуществления серьезной PR-компаний; необходимость принятия усилий по ускоренной ликвидации барьеров и обеспечению свободы транзита на евроазиатских маршрутах.

Наконец, третий – “интенсивный” – сценарий, участниками которого могли бы и должны стать транснациональные корпорации и международные организации, чтобы создавать глобальные консорциумы автотранспортных и экспедиторских компаний по осуществлению перевозок между Европой и Азией, заключать под эгидой международных организаций соглашения или конвенции о режимах и условиях осуществления наземных перевозок по евроазиатским маршрутам. Здесь преимущества – в значительном объеме инвестиций, которые могут быть выделены в короткие сроки для развития наземных перевозок между Европой и Азией; в привлечении значительных объемов грузов за счет эффекта масштаба и

общемировой известности транснациональных транспортных и экспедиторских компаний, которые придут на рынок евроазиатских перевозок; в создании надежной институциональной основы осуществления таких перевозок за счет появления соглашений или конвенций, заключенных на уровне международных организаций. К числу ожидаемых сложностей данного сценария относятся требования высокого уровня развития транспортной инфраструктуры и унифицированных стандартов, гарантированной свободы транзита по всему маршруту, фактически “зеленого коридора”, гарантированного наличия потенциальных грузоперевозчиков, а также возможный вывод прибылей от осуществления перевозок в страны происхождения.

Разумеется, вероятность успешного осуществления на практике каждого из этих сценариев зависит от многих факторов. И, прежде всего, от степени заинтересованности тех стран, которые находятся в экономической зоне Шелкового пути. Так, с энтузиазмом инициативу китайского руководства по возрождению Великого Шелкового пути поддержали в России, где уже вкладывают значительные средства в модернизацию Транссибирской магистрали и расширяют географию сотрудничества с азиатскими государствами. Выступая в сентябре 2014 года на XIV саммите Шанхайской организации сотрудничества в Душанбе, российский президент В. Путин среди стратегических направлений экономической повестки дня этой международной организации назвал «создание общей транспортной системы, в рамках которой предлагается использование транзитного потенциала Транссибирской железной дороги и Байкало-Амурской магистрали, сопряженного с планами Шелкового пути КНР» [10].

В Казахстане еще в мае 2012 года, выступая на заседании Совета иностранных инвесторов, президент страны Н. Назарбаев объявил о начале масштабного проекта “Новый Шелковый путь”: «Казахстан должен возродить свою историческую роль и стать крупнейшим деловым и транзитным хабом Центрально-Азиатского региона, своеобразным мостом между Европой и Азией» [11]. В качестве весомых аргументов в пользу такого подхода тогда прозвучали: выгодное географическое положение страны, постоянный рост грузопотоков, прямой доступ к рынкам стран Таможенного союза, благоприятный инвестиционный климат.

Через два года на пленарной сессии 10-го саммита Форума “Азия – Европа” казахстанский лидер, говоря о необходимости поиска солидарных ответов на современные вызовы и угрозы, в числе самых эффективных путей преодоления нынешних кризисов назвал раскрытие интеграционного потенциала Евразийского региона, ключевым условием развития которого «является укрепление транспортно-транзитной инфраструктуры, в частности, возрождение Великого шелкового пути, который обеспечит Европе кратчайший и безопасный путь в Азию» [12].

В Казахстане конкурентные преимущества данного проекта видят в реализации так называемого принципа пяти “С”: скорость, сервис, стоимость, сохранность и стабильность. Это означает, что Великий Шелковый путь может и должен обрести новую силу и облик через создание общими усилиями экономического коридора путем наращивания политических контактов, строительства еди-

ной дорожной сети, налаживания торговых связей, активизации валютных потоков, культурного и информационного обмена, а также должен быть связан не только с торговлей, но и с развитием международных научно-исследовательских проектов, студенческих и научных обменов, трансфером технологий. И правительством страны уже утвержден Комплексный план мероприятий по реализации проекта “Казахстан – Новый Шелковый путь”, концепция которого базируется на установлении глобального доверия к нему, ибо с его помощью может быть задействован просто колоссальный потенциал экономического развития. Пока же «всего 0,2% китайско-европейского грузопотока идет по железной дороге через территории Казахстана и партнеров по ТС, лишая бюджеты стран многомиллиардных транзитных доходов» [13].

Интересные перспективы в контексте развития “Шелкового пути” из Китая в Европу могут открыться и для Украины, которая, по мнению академика украинской Национальной академии наук Б. Данилишина, сможет извлечь наибольшую пользу для себя, если подготовит условия для: развития национальной современной транспортной и инфраструктуры; построения крупнейшего научно-исследовательского и учебного центра; внедрения в национальную промышленность и торговлю новой архитектуры производственных отношений, основанных на сетевом характере взаимодействия между участниками этих отношений. «Только сотрудничая с инноваторами (в данном случае – с китайцами), можно осваивать их передовые методы производства» [14].

Что касается Беларуси, то здесь главную цель этого грандиозного проекта видят в призыве к странам на Великом Шелковом пути стать открытыми друг для друга, обеспечить свободу передвижения граждан, свободу торговли, не воздвигая при этом барьеров, мешающих экономическому развитию, человеческим контактам, сотрудничеству на взаимовыгодной основе. Поэтому белорусская сторона «готова участвовать в реализации данной инициативы, для этого в нашей стране есть необходимая инфраструктура, а создаваемый белорусско-китайский парк может выступить в качестве транспортно-логистического центра» [15].

Конкретные выгоды для Беларуси заключаются здесь в том, что с созданием железнодорожного сообщения возможность доставки грузов из Китая в Минск сокращается до 15 дней, «в то время как раньше на морскую транспортировку уходило до 40 дней. А это – явное уменьшение себестоимости при обмене товарами» [16]. Убедительной иллюстрацией приведенного аргумента стал первый товарный поезд *Yixinou*, прибывший 9 декабря 2014 года в испанскую столицу Мадрид по прямому маршруту из Китая. Протяженность этого рейса «стала самой внушительной в истории международных перевозок подобного рода, а время в пути составило 21 день» [17]. За это время поезд преодолел более 13 тысяч километров, пройдя через такие страны, как Казахстан, Россия, Беларусь, Польша, Германия и Франция.

Кроме того, особый интерес белорусской стороны в рамках данного проекта вызывает взаимодействие с Синьцзян-Уйгурским автономным районом – китайским регионом, который призван сыграть роль крупной производственной и ре-

зервной базы углеводородных ресурсов, угля, энергии ветра и важного внутриконтинентального коридора транспортировки энергоресурсов и где уже собираются строить транспортный узел и центры – торговли и логистики, финансовый, культурный, научно-технический, медицинский. Для проработки этого взаимодействия уже создана специальная межрегиональная рабочая группа Беларуси и СУАР.

В мае 2014 года в Минске с первым визитом побывали руководители Синьцзянской производственно-строительной корпорации, созданной еще в 1954 году. Сегодня она представляет собой «административный орган управления прямого подчинения Компартии Китая (ранг самостоятельной провинции)» [18]. Под ее управлением находится территория площадью 80 тысяч квадратных километров с населением 2,7 миллиона человек, 175 фермерских хозяйств, 3 тысячи предприятий в сфере промышленности, транспорта, строительства и торговли, научно-техническая академия, учреждения образования, культуры и здравоохранения. Обсуждая в Минске возможные отраслевые направления взаимодействия – совместный выпуск сельскохозяйственной техники, создание молокоперерабатывающих производств, овцеводство, взаимные поставки высокотехнологичных товаров, – стороны пришли к единому мнению, что наиболее перспективно в данный момент сотрудничество «в сельском хозяйстве и по производству сельхозоборудования, в сфере строительства и по производству стройматериалов, в пищевой и текстильной промышленности» [19].

Подводя итог, заметим, что возрожденный Великий Шелковый путь, вдоль восточной части которого концентрируются оживленные экономики Азиатско-Тихоокеанского региона, а западный вектор “привязан” к развитой европейской экономике, сегодня рассматривается как «самый протяженный и самый потенциально значимый экономический коридор на Земле» [20]. Поэтому он обоснованно считается новой наиболее перспективной концепцией развития и инновационной формой регионального сотрудничества, которая будет способствовать не только активизации экономических, политических, культурных, но и информационных обменов.

В этой связи отметим, что еще в 2007 году на Евразийском экономическом форуме, который проходил в городе Сиань, с которого начинается наземная часть данного проекта, была принята “Сианьская декларация”, в которой подписавшие ее страны пришли к единому выводу о необходимости продолжить строительство коммуникационной структуры вдоль Великого Шелкового пути, чтобы «создать информационную платформу в целях создания механизма делового партнерства между местными правительствами стран» [21]. Это означает, что принципиально новые задачи возрождение Великого Шелкового пути ставит и перед представителями медийной сферы стран-участниц этого грандиозного интеграционного проекта, в рамках которого риторика информационного противостояния, достаточно часто наблюдаемая сегодня, должна будет уже в ближайшее время уступить место заинтересованному творческому партнерству. И это станет серьезной творческой задачей для международного сегмента национальной журналистики всех стран-участниц данного мегапроекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цуй Цимин*. Один плюс один – больше двух! / Цуй Цимин // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/interview/Tsuj-Tsimin_i_514671.html. – Дата доступа: 28.10.2015.
2. *Оспанов, Г.М.* Современный этап развития Великого Шелкового пути / Г.М. Оспанов // Авторефераты [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/5557>. – Дата доступа: 27.10.2015.
3. *Орынбаев, Е.* Возрождение Великого шелкового пути: перспективы с точки зрения казахстанско-китайского сотрудничества / Е. Орынбаев // Русскоязычные ресурсы о Китае [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/8470443.html>. – Дата доступа: 27.10.2015.
4. *Фазылова, Г.* Возрождение Великого Шелкового Пути / Г. Фазылова // Огонь Прометея [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.mesoeurasia.org/archives/3270>. – Дата доступа: 24.10.2015.
5. ЮНЕСКО и Великий Шелковый путь // Узбекистан [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.manzaratourism.com/ru/gsr_unesco. – Дата доступа: 28.10.2015.
6. *Чеботарев, А.* Возрождение Великого Шелкового пути // А. Чеботарев, С. Бондарцев // СА&СС Press [Электронный ресурс]. – 1999. – Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_07_chebotar.shtml. – Дата доступа: 28.10.2015.
7. Возрождение Великого Шелкового пути в XXI веке: от теории к практике. Совместный проект Международного союза автомобильного транспорта и редакции www.polpred.com. – М., 2007. – 228 с.
8. Китайский проект экономического пояса Шелкового пути представляет для Беларуси интерес – ИАЦ // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Kitajskij-proekt-ekonomicheskogo-pojasa-Shelkovogo-puti-predstavljaet-dlja-Belarusi-interes---IATs_i_690301.html. – Дата доступа: 30.10.2015.
9. *Елизарова, В.* Новый Шелковый путь – платформа интеграционных проектов / В. Елизарова // Казинформ [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.inform.kz/rus/article/2659526>. – Дата доступа: 31.10.2015.
10. *Калиновский, И.* Новый Шелковый путь / И. Калиновский // Expert Online [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://expert.ru/2014/09/28/novyij-shelkovyij-put/>. – Дата доступа: 28.10.2015.
11. Экономический коридор “Новый шелковый путь” // KAZLOGISTICS [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.kazlogistics.kz/ru/media_center/interview/detail.php?id=577. – Дата доступа: 31.10.2015.
12. Назарбаев выступил в пленарной сессии 10-го саммита Форума “Азия – Европа” // Казахстан сегодня [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://today.kz/news/kazakhstan/2014-10-16/nazarbaev-vystupil-v-plenarnoj-sessii-10-go-sammita-foruma-aziya-evropa/>. – Дата доступа: 31.10.2015.

13. *Нестеров, В.* Возрождение Великого Шелкового пути не за горами / В. Нестеров // LITER.KZ[Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://liter.kz/ru/articles/show/3365-vozhrozhdenie_velikogo_sh_lkovogo_puti_ne_za_gorami. – Дата доступа: 31.10.2015.
14. *Данилишин, Б.* “Экономический коридор Шелкового пути” и Украина / Б. Данилишин // LB.UA[Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://blogs.lb.ua/bogdan_danylysyn/286180_ekonomicheskij_koridor_shelkovogo.html. – Дата доступа: 31.10.2015.
15. *Дыленок, Ю.* Индустриальный парк “Великий камень” может стать частью китайского проекта “Шелковый путь” / Ю. Дыленок // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Industrialnyj-park-Velikij-kamen-mozhet-stat-chastju-kitajskogo-proekta-Shelkovyj-put_i_679321.html. – Дата доступа: 30.10.2015.
16. *Гришкевич, А.* Беларусь имеет большие возможности для участия в проекте экономического пояса Шелкового пути – Чжан Чуньлинь / А. Гришкевич // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-imeet-bolshie-vozmozhnosti-dlja-uchastija-v-proekte-ekonomicheskogo-pojasa-Shelkovogo-puti---Chzhan-Chunlin_i_673548.html. – Дата доступа: 30.10.2015.
17. Новый “шелковый путь” проложили через Беларусь // NEWS.OPEN.BY [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://news.open.by/economics/134543>. – Дата доступа: 31.01.2015.
18. Анатолий Тозик встретился с руководством СУАР // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5531>. – Дата доступа: 31.10.2015.
19. *Маркович, Е.* Беларусь и Синьцзян-Уйгурский автономный округ Китая заинтересованы в сотрудничестве в сельском хозяйстве / Е. Маркович // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-i-Sintszjan-Ujgurskij-avtonomnyj-okrug-Kitaja-zainteresovany-v-sotrudnichestve-v-selskom-hozjajstve_i_668313.html. – Дата доступа: 31.10.2015.
20. Годовой обзор: новый Шелковый путь, новая идея, новое процветание // Русскоязычные ресурсы о Китае [Электронный ресурс]. – 20123. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/8496689.html>. – Дата доступа: 31.10.2015.
21. Сианьская декларация по итогам Евразийского Экономического Форума – 2007 // CHINA.ORG.CN [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/txt/2007-11/11/content_9208754.htm. – Дата доступа: 31.10.2015.

Ковальчук Н.С.
(Минск, Беларусь)

白俄罗斯 – 丝绸之路经济带上的“明珠”

Статья посвящена участию Республики Беларусь в проекте «Экономический пояс Шелкового пути», основным преимуществам, позволяющим Китайской Народной Республике рассматривать Беларусь в качестве важного звена реализации данного проекта. В статье рассмотрены основные этапы создания и развития экономического пояса нового Шелкового пути, а также перспективы белорусско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: *Экономический пояс Шелкового пути, уникальные преимущества Республики Беларусь, двустороннее сотрудничество, Китайско-Белорусский индустриальный парк*

The article is dedicated to the participation of Belarus in "The Silk Road Economic Belt" project and the main advantages allowing China to consider Belarus as an important link of this project. The article describes the main stages of creation and development of the new Silk Road economic zone, as well as the prospects of cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China.

Keywords: *The Silk Road Economic Belt, unique advantages of the Republic of Belarus, cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China*

两千多年前，各国人民就通过海陆两条丝绸之路开展商贸往来。从 2100 多年前张骞出使西域到 600 多年前郑和下西洋，海陆两条丝绸之路把中国的丝绸、茶叶、瓷器等等输往沿途各国，带去了文明和友好，赢得了各国人民的赞誉和喜爱 [1]。

经过岁月变迁，21 世纪初，贸易和投资在古丝绸之路上再度活跃。经济带上各国希望与中国扩展合作领域，在交通、邮电、纺织、食品、制药、化工、农产品加工、消费品生产、机械制造等行业对其进行投资。

中国一些有识之士也不断呼吁，在现代交通、资讯飞速发展和全球化发展背景下，促进丝绸之路沿线区域经贸各领域的发展合作，既是对历史文化的传承，也是对该区域蕴藏的巨大潜力的开发。

习近平主席在白俄罗斯媒体曾发表这样一篇文章：中白建交 23 年来，双边关系得到长足发展。两国建立了全面战略伙伴关系，制定了中白关系发展 5 年规划，建立了政府间合作委员会。双方政治互信日益巩固，相互支持不断加强，各领域合作深入开展，成为名副其实的好朋友和好伙伴。中国已经成为白俄罗斯在亚太地区最大的贸易伙伴，双边贸易额持续增长，在去年全球经济不景气背景下逆势上扬 27.3% [2]。由此可见，白俄罗斯与中国的合作是顺势而来，应运而生的。

中白共建新丝绸之路的过程。据中国商务部网站消息，中国商务部国际贸易谈判代表兼副部长钟山与白俄罗斯经济部长斯诺普科夫签署了《中国商务部和白俄罗斯经济部关于共建“丝绸之路经济带”合作议定书》。双方将在两国政

府间合作委员会经贸分委会框架内，共同推进“丝绸之路经济带”建设，全面提升贸易、投资、经济技术、工业园区合作和基础设施互联互通水平。

早在 2010 年 3 月，时任国家副主席的习近平访问白俄罗斯期间，白俄罗斯总统卢卡申科就向习近平表达了中国在白俄罗斯境内建设工业园区愿望 [3]。

2011 年 9 月，全国人大常委会委员长吴邦国访问白俄罗斯时，双方签署了中白工业园区的合作协定。

2012 年 8 月 27 日，中白工业园区开发股份有限公司正式成立，由中国机械工业集团有限公司(简称“国机集团”)、,明斯克州执行委员会（政府）、和国机集团控股的中工国际工程股份有限公司（简称“中工国际”）出资 1000 万美元设立。

2013 年 7 月，卢卡申科总统访华，两国元首宣布中白两国建立全面战略伙伴关系，提出了扩大相互投资，办好合资企业和中白工业园建设。

2013 年，白俄罗斯投资 115 亿白俄罗斯卢布（约合 124.7 万美元）用于中白工业园区的前期建设工作，包括园区外围基础设施的设计和建设。

2014 年 1 月，李克强在北京会见白俄罗斯总理米亚斯尼科维奇，宣布并推进实施《中白全面战略伙伴关系发展规划》，提出将中白工业园做大做强，发挥示范作用。

今年 6 月 19 日，中白工业园在明斯克奠基，白俄罗斯总理米亚斯尼科维奇、副总理托济克、中国驻白俄罗斯大使崔启明、哈尔滨市副市长曲磊及国机集团董事长任鸿斌等中方企业代表以及各国驻白使节出席奠基仪式。

9 月下旬，张高丽副总理访问白俄罗斯期间，与白方领导人就加快中白工业园建设达成重要共识。

现在的中白工业园区项目位于白俄罗斯明斯克州斯莫列维奇区，总投资约 56 亿美元，总规划面积约 91.5 平方公里。中白园区毗邻明斯克国际机场，距首都明斯克市 25 公里，距波罗的海克莱佩达港口约 500 公里，距莫斯科约 700 公里，距柏林约 1000 公里，国际公路、洲际公路、铁路穿越园区，交通便利，有良好的区位优势。白俄罗斯以国家最高立法的形式规定了入园企业在税收、土地等方面可享受的优惠政策，入园企业可享受如企业所得税、不动产税、土地使用税实行土地使用税实行十年免税、十年减半的税收优惠政策。作为中国目前对外合作层次最高、占地面积最大、政策条件最为优越的园区，中白工业园区使白俄罗斯可以成为独联体国家、俄罗斯与欧洲的交通枢纽。

园区总建设期规划为 30 年，分三期建设，每期各十年。其中一期开发 17.37 平方公里，投资 14.11 亿美元，开发时间为 2014 年到 2020 年，一期项目结束后实现滚动开发，一直持续到 2030 年。

11 月 28 日，中工国际发布公告，为中白工业园项目开发和建设的需要,经与白方协商,拟将中白工业园区开发股份有限公司注册资本由 1,333 万美元增加至 7,000 万美元。其中,国机集团投资 2800 万美元,明斯克州执行委员会增资 2267 万美元,中工国际增资 600 万美元 [5]。

由此可以看出：中白共建丝绸之路经济带的合作将为两国经贸关系注入新活力，双方将通过中国—白俄罗斯工业园平台启动一批机械制造、通讯信息和

基础设施大项目，开展物流和运输合作，力争把中白工业园打造成丝绸之路经济带上的典范项目。

白俄罗斯参与“丝绸之路经济带”建设有独特优势。白俄罗斯地处欧洲中部，处于连接欧亚的特殊重要位置，在“丝绸之路经济带”的战略构思中具有得天独厚的地理优势和极为便利的条件。中国驻白俄罗斯大使崔启明在人民画报俄文《中国》杂志撰文，论述中白两国国家关系稳步推进的现状和共建丝路经济带的广阔前景。

习近平主席 2013 年访问哈萨克斯坦时，提出了建设“丝绸之路经济带”的倡议。这一倡议以中国进一步扩大对外开放，特别是加快向西开放为契机，为自古以来以和平、友好、开放和包容为核心的丝绸之路精神注入新的时代内涵，旨在使欧亚各国深入、全面地分享发展成就和经验，使各国经济政策更协调、相互联系更紧密、互利合作更深入、发展空间更广阔，从而最终实现欧亚地区所有国家的长期共同发展、共同繁荣，造福于本地区各国人民。

建设“丝绸之路经济带”倡议的主线是经济合作与人文交流，优先是互联互通和贸易投资便利化，方式是平等协商、循序渐进，目的是实现互利共赢。倡议提出后，得到包括白俄罗斯在内的诸多国家的积极评价和支持响应。白俄罗斯是欧亚大陆桥上的重要国家，在成为“丝绸之路经济带”建设的重要参与方方面具备以下有利条件：

1. **中白国家关系水平很高。**两国建交 22 年来，双边关系始终保持健康稳定发展。2013 年卢卡申科总统访华期间，和中国国家主席习近平共同宣布将双边关系提升至全面战略伙伴关系水平，标志着两国关系进入一个新的发展时期。今年 1 月白总理访华期间，中白两国总理共同宣布实施《中白全面战略伙伴关系发展规划（2014-2018）》，决定建立副总理级政府间合作委员会。两国关系的未来发展有可靠的政治基础和机制保障。

2. **务实合作稳步推进。**同建交初期相比，中白贸易增长了近 100 倍。2013 年双边贸易额，据白方统计，达 32.9 亿美元，同比增长 17.41%。如今，在白能源、交通、机器制造、基础设施建设等领域，一大批中方承建的大中型项目开始实施并取得积极进展，明 5 电站、天鹅住宅小区等项目相继建成投产运营并取得良好经济效益。值得特别提出的是，作为两国政府间最重要的经贸合作项目，占地比美国曼哈顿地区还要大 40%、远景投资约 56 亿美元的中白工业园已获得两国批准，园区第一期建设有望在年内开工。可以预见，这一平台将为两国开拓电子信息、精细化工、生物医药、新材料等新兴领域合作提供更丰富的可能性。

3. **两国人文交流日益活跃。**伴随着持续升温的“汉语热”和“中国文化热”，第三所孔子学院有望年内在白开设。目前中方在白留学生 2000 多人，白方在华留学生 400 余人。两国定期在对方国家举办文化日、电影周、图片展等多种多样文化活动，人民之间的相互认知和交融不断加深。十二对省州已结成友好关系，地方交往与合作方兴未艾，两国合作的人文基础日益稳固。

4. **白具有不可替代的地理优势。**白俄罗斯地处欧洲中部，处于连接欧亚的特殊重要位置，白参与“丝绸之路经济带”具有得天独厚的地理优势和极为便

利的条件。以中白工业园等重要项目为依托,中白双方可以充分挖掘各领域合作潜力,将双边合作逐步向欧亚经济联盟和欧盟辐射。知名物流专家、现代物流报常务副主编杨达卿指出,古丝绸之路的本质就是服务于亚欧之间的商贸和物流通道。要把丝绸之路从线形的“商贸路”变成产业和人口集聚的“经济带”,首先要有现代交通和物流的基础保障,这样才能吸引企业入驻,才能形成产业生态链。要实现互联互通,如果只重视铁路和公路干线,就只是画平行线,难以形成生态圈。丝绸之路需要信息化支撑和系统化服务的现代物流。首先,要在现有的交通枢纽和工业区基础上,建设适合的物流园区和信息平台,建设园区平台是圈点。其次,要规划和嫁接好贯穿东西的泛亚铁路和泛亚公路等物流主干线。嫁接物流干线是连线。再则,要完善运输干线与仓储分拣、信息服务和区域配送相结合的物流网络。建设物流网络是铺片。“点线片”结合的交通物流体系,才有利于区域融合,有利于建立经济带 [6]。

白俄罗斯在丝绸之路经济带上的蓝图展望。崔启明说,中白建交 22 年来,两国关系始终保持健康稳定发展。2013 年 7 月,中国国家主席习近平和白俄罗斯总统卢卡申科共同宣布,将中白关系提升至全面战略伙伴关系的新水平。2014 年 1 月,白俄罗斯总理米亚斯尼科维奇访华,同李克强总理共同宣布并推进实施《中白全面战略伙伴关系发展规划(2014-2018)》。中白经济具有较强互补性,白俄罗斯拥有较高的科技水平和科研能力,大型农机产品、农产品等在中国有良好的市场前景;中国在改革开放的历程中积累了资金和生产、技术、管理经验,特别是在基础设施建设领域潜力巨大。因此两国在贸易、投资和经济技术合作等领域合作潜力巨大。

据悉,中白双边年贸易额目前保持在 30 亿美元左右的水平,中国已经成为白俄罗斯的第五大贸易伙伴。两国在基础设施建设领域的合作动力强劲,老电站改造、新的大型水电站建设、铁路电气化改造、公路改扩建、合资汽车厂建设、大型酒店和住宅小区建设等项目顺利开展,并已取得多项重要成果,受到白俄罗斯政府和人民的高度评价。

崔启明说,中白良好的政治和经贸关系以及白俄罗斯地缘优势,将助力丝绸之路经济带向西延伸。特别是今年 6 月 19 日举行奠基暨招商展示中心开工仪式的中白工业园项目占地 91.5 平方公里,已经受到国际大型企业的关注。这是中白两国创新合作模式、提升合作水平、促进产业整合、着眼未来发展的重要举措,也是白俄罗斯发展电子技术、生物医药、新材料等高科技产业,扩大对外开放和招商引资的“试验田”[7]。

通过以综合交通通道展开空间,依托以沿线交通基础设施和中心城市,对域内贸易和生产要素进行优化配置,促进区域经济一体化,最终实现丝绸之路经济带上区域经济和社会经济的同步发展。同时推进新丝绸之路经济带建设的三部曲:贸易投资便利化、深化经济技术合作、建立自由贸易区。在建设丝绸之路经济带的宏伟目标指引下,中白两国可将现有的和计划中的合作项目串接起来,形成“一加一大于二”的整合效应,在让中白两国人民互相受益的同时,也让白俄罗斯周边地区受益。让白俄罗斯这颗丝绸之路经济带上的明珠更加闪耀。

参考文献

2. 刘然、杨迪。《中国-中亚新丝绸之路经济发展带构想》，中国社会科学网。 – 2014。
3. 华夏。《习近平在白俄罗斯媒体发表署名文章》，中华人民共和国外交部：http://news.xinhuanet.com/world/2015-05/08/c_127780580.htm。 – 2015。
4. 董宇、常雪梅。《习近平：创新合作模式共同建设“丝绸之路”经济带》，中国共产党新闻网。 – 2013。
5. 中国新闻网《物流业热议丝绸之路经济带 泛亚铁路将成主动脉》。 – 凤凰网。 – 2015。
6. 常雪梅。《白俄罗斯加入新丝绸之路 91 平方千米中国最大海外工业园区落户》，观察者 http://www.guancha.cn/europe/2014_12_24_304331_s.shtml。 – 2015。
7. 戚易斌。《白俄罗斯参与“丝绸之路经济带”建设有独特优势》 中国网新闻中心：http://news.china.com.cn/txt/2014-04/29/content_32242774.htm。 – 2014。
8. 新华每日电讯《白俄罗斯将是丝绸之路经济带上重要一环》http://news.xinhuanet.com/mrdx/2014-09/01/c_133610379.htm。 – 2015。

Поплыко В.И.
(Минск, Беларусь)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ

В работе рассматриваются особенности функционирования пенсионной системы Китая и Беларуси. Оцениваются основные проблемы, анализируется эффективность пенсионного обеспечения в обеих странах. Формулируются цели, задачи и принципы реформирования белорусской пенсионной системы.

Ключевые слова: *распределительная и накопительная пенсионная система, Фонд социальной защиты Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, стимулы пенсионной системы*

The paper deals with the peculiarities of the pension system in China and Belarus. Evaluated the main problems analyzed the effectiveness of pension schemes in both countries. Formulated the goals, objectives and principles of the reform of the pension system of Belarus.

Keywords: *distribution and funded pension system, the Social Welfare Fund of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus, the incentives of the pension system*

Пенсионное обеспечение является одним из важнейших средств обеспечения достаточно большого количества людей при наступлении определённых жизненных условий. Во всём мире в последние два десятилетия проблемы пенсионного обеспечения находятся в центре внимания научного сообщества, политических партий, общественных движений и правительств.

В настоящее время в Китае одновременно существуют три основные подсистемы пенсионного обеспечения: обязательное пенсионное страхование, государственное пенсионное обеспечение, а также система сельского пенсионного страхования. Степень развития этих систем неодинакова. В совокупности они играют большую роль в содействии общественной стабилизации и экономическому развитию Китая, обеспечивая уровень жизни пожилого населения. Действие системы обязательного пенсионного страхования направлено, в основном, на работников городских предприятий, а также служащих государственных учреждений и общественных организаций, работающих на контрактной основе. Эта система существует за счет пенсионных взносов работодателей и наемных работников. Она основана на распределительном и накопительном принципах, но по организационным свойствам сильно отличается от российской системы обязательного пенсионного страхования. [2, с. 48]

Система сельского пенсионного страхования организована китайским правительством и построена на добровольном принципе. Ее действие направлено на работников сельских предприятий и других сельских жителей.

Кроме основных пенсионных систем существуют дополнительные виды пенсионного обеспечения, в том числе корпоративного пенсионного страхования и индивидуального пенсионного сбережения. Последнее имеет немаловажное значение в обеспечении пожилых людей в Китае. [2, с. 48]

Китай раньше, чем Беларусь, шагнул на путь реформирования. Процессы, происходящие в системе пенсионного обеспечения Китая, можно оценить следующим образом. Если брать Китай в целом, то он идёт впереди, действуя осторожно и прагматично. Если Китай внедряет у себя элементы накопительной системы, то Беларусь, наоборот, использует у себя распределительную систему пенсионного обеспечения.

Весь период социально-экономического развития Беларуси было свойственно лишь обеспечение без каких-либо начал страхования и накопления. Пенсионное обеспечение исконно было частью социального обеспечения, как обеспечения всех нетрудоспособных за счёт средств всего общества (социума). Основным источником финансирования выступал государственный бюджет. С 1990 года пенсионное обеспечение не выделяется из социального обеспечения. Смысл системы пенсионного обеспечения Беларуси заключается в перераспределении части общественного продукта, собранного с работающих, между получателями пенсий с использованием – Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты. На начало 2015 года так и не появляется сектор негосударственного пенсионного обеспечения, предполагающий деятельность особых институтов – негосударственных пенсионных фондов.

В Китае дифференциация пенсий осуществляется только за счет накопительной части трудовой пенсии. Сравнение схемы китайской и белорусской систем обязательного пенсионного страхования приведено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение китайской и белорусской систем пенсионного обеспечения

	Китай (На примере г.Пекина)	Беларусь
Источник поступлений пенсионных средств от	Виды поступлений	
<i>а) работодателей</i>	Взносы предприятий (20% от среднемесячной зарплаты прошедшего года, в т. ч. 17% -отчисление на общественный счет, 3% - отчисление на индивидуальный счет)	Единый социальный налог, направленный на общественный счет (34% от фонда оплаты труда)
<i>б) наемных работников</i>	Взносы работников, поступающие на индивидуальный счет (8% от среднемесячной зарплаты прошедшего года)	Взносы работников (1% от заработной платы)
Части трудовой пенсии	Средства для выплаты	
<i>а) базовая</i>	-	Единый социальный налог и дотации республиканского бюджета (индексируются в зависимости от средней зарплаты)
<i>б) страховая</i>	20% от среднемесячной зарплаты учетной территории (индексируется при росте среднемесячной зарплаты учетной территории)	-
<i>в) накопительная</i>	1/120 пенсионных накоплений, сохраняемых на индивидуальном счете (вкладывается в банки)	-

В отличие от белорусской системы обязательного пенсионного страхования, в китайской системе отсутствует часть пенсии, которая формируется за счет единого социального налога. Страховая часть пенсии не имеет отношения к индивидуальному счету работника, и размер пенсии индивидуального счета равняется размеру накопительной части. В связи с этим, в Китае, когда речь идет о системе обязательного пенсионного страхования, в терминологии «накопительная пенсия» заменяется «пенсией индивидуального счета».

В современном китайском пенсионном обеспечении существуют несколько важных проблем: неполный охват населения государственной пенсионной системой, низкий уровень централизации обязательного пенсионного страхования, снижение соотношения пенсии к зарплате, нарушения в управлении фондом обязательного пенсионного страхования. Анализ основных трудностей пенсионной реформы в Китае включает:

- 1) Малый охват населения государственным пенсионным обеспечением, ведущий к нарушению принципа всеобщности.
- 2) Низкий уровень единых правил обязательного пенсионного страхования городского населения, касающихся организации фондов и установления ставок пенсионных взносов предприятий. Отсутствие единых правил обязательного пенсионного страхования привело к увеличению различий в экономических условиях для предприятий в отдельных административных единицах внутри страны, а также к лишению возможностей межрегионального движения пенсионных средств.

3) Рост пенсионной нагрузки на работников и снижение размера пенсионных выплат выступают как факторы увеличения дифференциации доходов между работниками и пенсионерами. Уменьшение уровня пенсионного замещения вызывает необходимость развития дополнительной пенсионной системы, которое находится на стартовом этапе.

4) Дефицит пенсионных средств для реализации перехода к пенсионной системе с накопительным компонентом. Несмотря на финансирование центральным правительством пенсионной системы за счет средств бюджета, от продажи части имущества государственных предприятий и специальных государственных облигаций, заимствованы все средства, накопленные на индивидуальных счетах застрахованных лиц в обязательном пенсионном страховании с целью покрытия скрытых пенсионных задолженностей пенсионерам, работавшим до введения накопительного компонента.

5) Неправомерность в управлении фондом обязательного пенсионного страхования, касающаяся сбора и контроля над использованием пенсионных взносов (долги по уплате в фонд обязательного пенсионного страхования и не целевое их использование).

6) Несовершенство законодательства, которое нуждается в реформировании. Нет целостной программы, много пробелов в правовой системе. Между соответствующими статьями Конституции и административными правилами, касающимися социального обеспечения, установленными Госсоветом КНР и его органами, нет связующих законов. Законодательные субъекты смешаны, уровень законодательных органов не упорядочен и законодательные разработки не нормированы. Непомерно развито местное законодательство [2, с. 51-53].

По мнению Яохуэй Чжао, антистимулами распределительного пенсионного обеспечения являются следующие моменты. Это в большей степени и относится к Беларуси. Первым «стимулом наоборот» является наличие в пенсионном обеспечении большого перераспределительного государственного компонента. Большинство действующих в мире моделей пенсионных систем предусматривает государственный компонент. Его функция - гарантировать минимальную пенсию тем несчастным, кто по независящим от них обстоятельствам вынужден преждевременно закончить трудовую деятельность из-за инвалидности, скоропостижно умирает, оставив после себя иждивенцев, или доживает до необычно преклонного возраста, израсходовав все накопления, или всю жизнь получает очень низкий доход, не дающий достаточных средств к существованию как в период работы, так и после ухода на покой.

Второй и самый главный «негативный стимул» заключается в низкой доходности взносов на индивидуальные счета. Проблема в основном связана с тем, что эти взносы не инвестируются. Индивидуальные счета являются *номинальными* – поступающие на них средства идут на выплаты тем, кто уже вышел на пенсию, и потому они превращаются лишь в инструмент регистрации платежей. В рамках системы номинальных счетов доходность взносов определяется административным путем, и у государства всегда возникает соблазн установить низкие процентные ставки, чтобы ограничить свои будущие пенсионные обязательства. Ко-

гда уровень доходности оказывается ниже, чем упущенная выгода от альтернативного вложения капитала, люди предпочитают инвестировать свои деньги на собственные сберегательные счета, а не пенсионные, а потому нарушения и уклонение становятся неизбежными [3].

Нарушения и уклонение имели место даже несмотря на применение к предприятиям мер принудительного характера. Главной причиной нарушений и уклонения является отсутствие у предприятий и физических лиц стимулов для участия в системе. Уклонение от налогов наблюдается как в Беларуси, так и в Китае повсеместно; нормы регулирования зачастую не в полной мере, а иногда игнорируются. Таким образом, обязательное участие в системе не даст нужного эффекта, если не будут создан соответствующий экономический механизм.

Варианты пенсионной реформы: выбор Китая и Беларуси

Необходимость проведения реформ всегда обусловлена процессами, происходящими в социально-экономической плоскости развития того или иного государства. Реформа вызывается негативным состоянием и предполагает принципиальное изменение того объекта, который подвергается реформированию [1].

Если говорить о таком объекте, как система пенсионного обеспечения, то необходимость её реформы в любой стране, при любом типе общественно-экономической формации обусловлена необходимостью пересмотра соотношения государства, общества и получателей пенсии в участии в пенсионно-обеспечительном процессе. Это, в свою очередь, предопределено экономическими и демографическими характеристиками развития того или иного государства.

Выстраивание национальной пенсионной системы непосредственно связано с множеством факторов, в том числе демографических и социально-экономических. Такие факторы, как уровень национальных сбережений, конъюнктура рынка труда, структура налоговой системы, а также состояние рынка капитала, оказывают большое влияние на выбор пути развития пенсионного обеспечения.

Центральная задача, по мнению Чжао Сянцзе и Хоу Цзинлинь, при разработке концепции пенсионной системы – оптимизация сочетания классических институтов пенсионного обеспечения: обязательного социального страхования, коллективного (профессионального) и личного страхования, государственной социальной помощи, которые в своей совокупности должны обеспечить социальную защиту всем гражданам страны путем резервирования необходимых средств (страхования, включая капитализацию, целевое выделение трансфертов из центрального и региональных бюджетов) и их перераспределения.

Выбор модели основан на идее многокомпонентности институтов пенсионного обеспечения, каждый из которых должен быть адекватным для определенных категорий населения: социальной помощи – для инвалидов детства и ранних сроков; обязательного социального страхования – для занятого населения; добровольных видов социального и личного страхования – для всех граждан. При этом основным институтом пенсионной системы предлагаем считать институт обязательного социального страхования. Подобная модель позволит распреде-

лить риски между сегментами (институтами) пенсионной системы и ее субъектами, дополнить функции и сферы защиты, увязать источники возникновения рисков с финансовым обеспечением [2].

Цель пенсионной реформы Беларуси создание экономических условий роста пенсионных накоплений с соблюдением социального равенства при сохранении равновесия между темпами экономического роста страны и темпами роста государственных социальных расходов. Это не только обеспечение финансовой стабильности пенсионной системы; адаптация системы пенсионного обеспечения к изменяющимся экономическим условиям, а также сохранением ее устойчивого развития на основе государственного и негосударственного пенсионного страхования и бюджетного финансирования, приведение уровня пенсионного обеспечения в соответствие с объемом участия гражданина в финансировании пенсионной системы.

Задачи:

- построения многоуровневой пенсионной системы;
- сохранение и обеспечение устойчивого финансового положения как существующей распределительной системы, так негосударственной;
- снижение проблемы уклонения от уплаты взносов на пенсионные накопления путем постепенного снижения или перераспределения налоговой нагрузки на фонд оплаты труда между работниками и работодателями;
- адаптация национального рынка капитала со сбережениями граждан и капитализации их в пенсионные накопления;
- сохранение государственной поддержки пенсионеров с низкими доходами;
- повышение степени охвата населения пенсионной системой индивидуальной капитализации и путем внедрения адекватной стоимости для ее участников;
- улучшение условий пенсионного обеспечения женщин в системе индивидуальной капитализации за счет дополнительных вкладов государства;
- определение адекватной стоимости системы индивидуальной капитализации для ее участников;
- унификация Порядка расчет пенсий и ставок пенсионных отчислений для различных категорий работников, устраняющая существующее между ними неравенство
- упрощение и удешевление порядка администрирования пенсионной системы и повышение эффективности использования ресурсов;
- предотвращение возможных трудностей в финансировании пенсионной системы и резкого роста государственных расходов на пенсионное обеспечение в будущем.

Согласно рекомендациям Международной организации труда, доля работника в социальных отчислениях не должна превышать 50%. Однако аргументом в пользу справедливости их полного переложения на работника служит право его собственности на пенсионные накопления, которые соответственно и должны создаваться за счет его собственных средств. В отношении чисто эконо-

мического эффекта уплата социальных отчислений работником или работодателем приводит к одинаковым результатам с точки зрения оплаты труда и занятости. Работодатель в любом случае уплачивает их за счет соответствующего уменьшения заработной платы работника. Влияние на экономическую ситуацию зависит только от суммарной ставки отчислений, определяющей вместе с заработной платой стоимость трудовых ресурсов.

Новая пенсионная система должна рассматриваться как часть общего пакета экономических и социальных и составной частью структурных реформ.

Основные принципы реформирования белорусской пенсионной системы:

Преимственности. Сохранить имеющийся положительный потенциал социального обеспечения граждан.

Последовательности. Предусматривает необходимость реорганизации, поскольку замена существовавших институтов социального обеспечения требует продуманных и сбалансированных действий Правительства.

Всеобщности. Активных плательщиков пенсионных отчислений формируют обеспечением в старости. Для получения трудовой пенсий необходим определенный минимальный стаж уплаты пенсионных взносов. Законодательно варианты получения других видов пенсий.

Капитализация пенсионных средств. Расчеты показывали, что при разумной рентабельности пенсионных фондов норма замещения доходов при выходе на пенсию должна быть не менее 50% от заработной платы

Ответственности государства, населения и бизнеса. Государство должно активно вмешиваться в экономику посредством общей экономической политики, направленной на эффективное и справедливое распределение доходов. При этом бизнесу нужно нести груз социальной ответственности, снизить проблему уклонения от уплаты пенсионных взносов. гражданам необходимо отвыкнуть от социального иждивенчества.

С учетом сказанного можно сформулировать основные направления дальнейшего реформирования пенсионной системы:

- повышение эффективности использования ее ресурсов;
- повышение соотношения числа работников и пенсионеров;
- создание институциональных барьеров на пути образования дефицита пенсионной системы;
- привлечение финансирования для пенсионных выплат, не имеющих необходимых источников, и развитие добровольного страхования.

Идея реформирования пенсионной системы может быть поддержана деловыми кругами Беларуси. При условии государственного участия на принципах государственно-частного партнерства с добровольным участием населения. Нужно учитывать и гарантии со стороны государства, чтобы свести к минимуму инвестиционные риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турчан, О. В., Хадыкина, Е. В., Симорот, С. Ю. Опыт России и Китая в проведении реформы системы пенсионного обеспечения: сравнительно-правовой анализ// Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – 2013. – Том 4. – № 4. – с. 2052–2054 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ejournal.khstu.ru/media/2013/TGU_4_364.pdf. – Дата доступа: 9.11.2015.
2. Чжао Сянцзе, Хоу Цзинлинь. Пенсионная реформа в Китае// «Уровень жизни Населения Регионов России». – № 3. – 2006. – с. 48-59.
3. Яохуэй Чжао. Городская пенсионная система в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inliberty.ru/library/399-gorodskaya-pensionnaya-sistema-v-kitae>. – Дата доступа: 9.11.2015.

*Западнюк Е.А., Сорвилов Б.В.
(Гомель, Беларусь)*

КИТАЙ И США: СОСТЯЗАНИЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ДОМИНИРОВАНИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рассматривается феномен мировой экономики конца XX – начала XXI века – технологический прогресс Китайской Народной Республики, ее острое и бескомпромиссное соперничество с США. Показаны факторы, обусловившие мощный прорыв Китая в инновационном развитии страны.

Ключевые слова: *технологический прогресс, технология, грид-технология, наука, глобальная экономика, инновационный потенциал*

The phenomenon of world economy of the end of XX – the beginning of the XXI century – technological progress of People's Republic of China, her sharp and uncompromising rivalry with the USA is considered. The factors, which caused powerful break of China in innovative development of the country are shown.

Keywords: *technological progress, technology, grid technology, science, global economy, innovative potential*

В начале 2007 г. президент США Дж. Буш выступил со стратегической инициативой повышения конкурентоспособности США. Это был ремейк инициативы 1957 г. Д. Эйзенхауэра, который под воздействием «спутникового шока» предложил усилить финансирование фундаментальной науки, повысить престиж высшего инженерного образования и стимулировать инновационную деятельность бизнеса, ориентируя его на восприятие результатов научных институтов и лабораторий. Результат этой инициативы наиболее ярко проявился через десять лет после ее провозглашения, когда американцы первыми высадились на Луне.

В 2007 г. никакого «спутникового шока» не было. Тем не менее, инициатива президента США имела место. Почему?

Ответ на этот вопрос, очевидно, связан с тем, что в США все острее чувствуют невозможность противостоять наступлению на их технологическое доминирование со стороны, прежде всего, быстро развивающихся стран, в первую

очередь восходящего гиганта на Востоке – Китая.

Приведем точку зрения представителей политической, деловой и технической элиты США относительно вызовов в области технологий со стороны Китая, который последовательно движется к статусу сверхдержавы современного мира, которые были высказаны на слушаниях на заседании созданной еще в 2000 г. двухпартийной комиссии по вопросам влияния на экономику и безопасность США американо-китайского сотрудничества Палаты представителей Конгресса США.

По их мнению, Китай стал центральным звеном глобальной экономики, с позиции ее снабжения высокотехнологичными товарами, при этом китайские НИОКР последовательно и в расширяющемся масштабе развиваются.

Высокотехнологичные товары в американо-китайской торговле заняли основополагающее положение, причем их объем составил в 2004 г. 36 млрд. долларов США. А если добавить информационные технологии, то общий высокотехнологичный объем двусторонней торговли составил 39 млрд. долларов США [1].

Прогресс Китая в плане создания инфраструктуры и промышленности в области высоких технологий, так же, как аналогичный прогресс других быстро развивающихся стран, представляет собой существенный вызов с позиции конкурентоспособности, который постепенно подрывает технологическое лидерство США.

Председатель Ассоциации предприятий электронной промышленности США следующим образом сформулировал американскую озабоченность: «Не США находятся в упадке. Другие очень быстро развиваются, используя все ресурсы для движения вперед. Проблема заключается в том, что, если бы США все делали правильно, мир все равно дает беспрецедентный вызов в области технологий. К сожалению, мы не все делаем правильно, и это усугубляет ситуацию» [2].

Американская элита считает, что поддержание технологического лидерства США является жизненно важным для доминирования в глобальной экономике и сохранения долгосрочного военного превосходства.

Американцы вынуждены признать, что Китай проводит последовательную, взвешенную политику в области науки и техники, развитие которых рассматривается Пекином в качестве самого главного условия экономического роста и укрепления национальной мощи. Китай занимает третье место в мире по расходам на НИОКР.

Основным источником технического прогресса Китая, по мнению экспертов Конгресса США, является трансфер технологий, который осуществляется в результате прямых инвестиций из-за рубежа. При этом основными их источниками являются Тайвань (более половины всех инвестиций), Корея (6,2 млрд. долларов США), Япония (5,5) и США (3,9) [2]. Массовый приток венчурного капитала в Китай означает признание международным бизнесом интеллектуальной мощи Китая. Кроме того, catch-up происходит в результате деятельности 600 научно-исследовательских центров зарубежного происхождения, которые обосновались в Китае.

В Китае создана современная национальная инновационная система, функционирующая эффективно. Многие китайские фирмы в опоре на национальные технологии стали конкурентоспособными на глобальном рынке, получив широкое международное признание.

Одновременно в КНР возрастает значение «эндогенных» технологий, получивших развитие в ходе предшествующих научных исследований, а также совершенствования технологий, адаптированных в стране в результате трансфера. Китайские технологии имеют приоритет на внутреннем рынке и защищаются китайскими властями от конкуренции иностранных технологий, например, под соусом обеспечения безопасности в области ИКТ.

Китай имеет прорывные технологические достижения в области нанотехнологий, компьютерных чипов, полупроводниковом дизайне, создании спутников и суперкомпьютеров.

Американские эксперты признают, что США не сумели вовремя оценить значение этих прорывов для экономического роста и наращивания военного потенциала КНР. Это кардинально отличается от эпохи противостояния с СССР, когда США очень внимательно отслеживали все научно-технические достижения противоположной стороны.

Развитие технологических стандартов является важной частью китайской стратегии развития НИОКР. Стандарты становятся своего рода мембранным барьером для торговли и зачастую отражают желание властей защитить своих производителей. Иными словами, иностранные стандарты не котируются внутри страны, так что в этом плане Китай сумел успешно воспрепятствовать воздействию на свое экономико-технологическое развитие со стороны глобального рынка «по каналу стандартов». На глобальном рынке, как известно, господствуют американские стандарты.

По мнению американцев, и в этом они, по-видимому, правы, Китай по-прежнему не обеспечивает адекватную защиту интеллектуальной собственности (ИС). Создана соответствующая законодательная база охраны ИС и авторских прав. Однако ее применение оставляет желать лучшего. Один из аргументов США на переговорах с Китаем по этим вопросам заключается в том, что неудачи в области защиты ИС в Китае представляют собой угрозу и китайским технологиям, которые также могут подвергаться агрессии [3].

Борьба с Китаем в этой области с использованием механизмов Всемирной организации интеллектуальной собственности пока не дают результатов, на которые рассчитывают американцы. Поэтому США организуют скоординированные действия западных государств, противодействуя китайской торговой экспансии.

Что еще можно отметить о современном НТП Китая?

Такая серьезная озабоченность Конгресса и, судя по инициативе, Президента США, оформилась всего только немногим более чем через десять лет после того, как в Китае в 1995 г. было проведено Всекитайское совещание по вопросам развития науки и техники, которое стало вехой в развитии этой страны [4].

По решению совещания Китай начал осуществлять «стратегию развития на

основе прогресса науки, техники и образования».

Главное содержание этой стратегии сводилось к следующему:

- рассматривать образование как основу всего дела;
- ставить науку, технику и образование во главу угла экономического и социального развития;
- перевести экономическое строительство на рельсы «опоры на научно-технический прогресс и повышение комплексного качества людей».

В Китае любят метафоричные названия, и поэтому не случайно, что практически все программы, нацеленные на развитие НТП или НИС, получают весьма символические названия.

С 1996 г. в Китае осуществляется программа «Искра». Ее задача – с помощью науки и техники поднять сельскую экономику, внедрить и распространить в сельских районах передовые научные достижения. Программа имеет колоссальное социальное значение, включая искоренение бедности в деревне.

Программа «Факел» нацелена на коммерциализацию научных достижений. С 1997 г. в Китае как грибы растут высокотехнологические промышленные парки и центры для предпринимателей, которые сыграли важную роль в создании и подъеме предприятий высокой техники и новейших технологий.

Китаю удалось победить застарелую «советскую болезнь» разрыва между наукой и экономикой и создать эффективную национальную инновационную систему.

В настоящее время действуют следующие программы, связанные с развитием научно-технического потенциала:

- государственная программа по основным исследованиям и разработкам (программа 973) при Министерстве науки и техники;
- программа инновации знаний при Академии наук Китая;
- программа по университетам мирового уровня при содействии Министерства образования и Государственного научного фонда для поощрения выдающихся молодых ученых при Фонде естественных наук Китая.

В настоящее время Китай реализует долгосрочную программу развития науки и техники, рассчитанную до 2020 г., в соответствии со Среднесрочным планом развития науки и техники, но ожидается, что еще несколько подобных программ будут начаты в течение следующих 15 лет [5].

Таким образом, Китай последовательно и целеустремленно формирует научно-техническую базу, рассматривая ее в качестве центрального компонента комплексной мощи государства.

В планах Китая к 2015 г. завершить создание новой национальной научно-исследовательской системы, а также совершенствовать органическое сочетание науки и техники с экономикой.

Китайцы в развитии науки и технологий добились очень хороших результатов, о некоторых из них уже говорилось выше. Поэтому они вполне обоснованно рассчитывают на то, что в Китае весьма скоро появятся нобелевские лауреаты.

Китайские ученые получили выдающиеся результаты в исследовании искусственного интеллекта. В этой области они являются лидерами в мировой

науке.

В Пекине функционирует уникальный в мире циклотрон на встречных протон-электронных пучках для проведения научных исследований в области корпускулярной физики, энергетики, материалов, биологии, химии, интегральных схем.

Китай стал четвертым после США, Советского Союза и Японии государством, обладающим новым микрореактивным космическим ракетным двигателем, и пятым после Советского Союза, США, Франции и Японии государством, способным самостоятельно разрабатывать, производить и запускать искусственные спутники Земли.

Китай был приглашен для участия в исследовании генома человека и успешно справился с задачей. Участие китайских ученых в этом крупнейшем исследовательском проекте современности весьма стимулировало развитие науки в этой стране на одном из самых важных направлений.

Эффект разорвавшейся бомбы имело внедрение в Китае в 2006 г. грид-технологии, поскольку считалось, что обладают этой технологией только США и ЕС.

Первая грид-сеть была создана в 1994 г. под названием GLORIAD. В ней приняли участие ИКТ мощности США, Канады, ЕС, России, Китая и Южной Кореи.

В 1999 г. была создана в США первая международная организация – Global Grid Forum (GGF). В 2001 г. – вторая международная организация – Enterprise Grid Alliance (EGA). Они объединились в 2004 г. и продолжают успешно заниматься «гридизацией» на планете.

В 2004 г. президент США объявил о начале работы президентской стратегической грид-программы для «создания единого национального пространства высокопроизводительных вычислений».

«Гридизация» США идет полным ходом. Успешно функционируют четыре сети – в рамках НАСА, Министерства обороны, Министерства энергетики и Национального научного фонда. Крупный высокотехнологичный бизнес присоединился к этому процессу. В частности, Google, продающий грид-услуги на внутреннем рынке по типу продаж услуг электроснабжения, за один год увеличил капитализацию с 28 млрд. долларов США в 2004 г. до 138 млрд. долларов США в 2005 г. в результате присоединения к бизнесу, основанному на грид-технологии [6].

Вслед за США ЕС разработал программу грид стоимостью 13 млрд. евро с тем, чтобы превратить еврозону «в самую конкурентоспособную в мире экономику знаний».

Таким образом, Китай в 2006 г. после шести лет (!) напряженного труда объявил о завершении работы над грид-проектом, который объединил компьютерные сети нескольких десятков крупнейших университетов страны и предоставил прямой доступ к базам данных, онлайн-учебным курсам и сервисным приложениям по самым разным направлениям и дисциплинам. Надо полагать, что китайцы не ограничились созданием единственной грид-технологии, учитывая

интересы страны в области обороны и освоения космического пространства. Однако это только предположение, основанное на знании Китая.

В том же году было объявлено о начале выполнения проекта EU-ChinaGrid, который объединяет сети ЕС и КНР. Намечившийся стратегический альянс ЕС и КНР вполне можно рассматривать как попытку создания сильного грид-противовеса претензиям США на мировое лидерство в этой масштабной технологической гонке. К этому альянсу в скором времени присоединиться и Индия, которая завершила создание собственной грид-сети.

Что касается России, то еще в 2003 г. были созданы грид-программы для РАН и Министерства атомной промышленности. Однако внедрены ли они, мне не известно. Зато известно, что российские ученые из Курчатовского института Российского НИИ развития общественных сетей работают в грид-сети ЦЕРНа, чтобы обеспечить запуск в 2007 г. крупнейшего в мире ускорителя элементарных частиц [7].

Наконец, касаясь китайского НТП, хотелось бы отметить еще один существенный компонент научно-исследовательской мысли в этой стране.

В Китае были проведены исследования:

- китайской специфики;
- особенностей формирования рыночной экономики в стране;
- оценки комплексной мощи государства.

Как видим, успехи Китая в общественном развитии в значительной степени заслуга обществоведов, которые смогли дать верный прогноз экономического и социального развития Китая и предложить контрмеры в связи с попытками торпедировать из-за рубежа рост национальной конкурентоспособности страны.

Следует отметить еще один важный фактор развития Китая, еще один «секрет» этой страны. Речь идет о роли возвратившихся на родину специалистов, обучавшихся за рубежом с конца 70-х гг. в передовых центрах науки и образования. Из 700 тыс. китайских студентов и ученых, посланных на учебу за границу, вернулась одна четвертая часть. Это свидетельствует об «утечке мозгов». Однако и они, являясь членами «большой научной семьи», также по-своему вносят вклад в развитие китайской науки. Благодаря экономическому подъему в Китай из-за рубежа стали постепенно возвращаться специалисты и ученые, способствуя тем самым некой «циркуляции» [8]. Кстати, еще до Китая с «утечкой мозгов в обратную сторону» столкнулся целый ряд азиатских НИС, начиная с Тайваня. Поскольку при этом речь уже идет о выезде на работу в быстро развивающиеся страны американских или европейских ученых, на Западе в последние годы предпочитают говорить не об «утечке мозгов», а о «циркуляции умов».

Еще одним важным результатом стало то, что Китай в технологическом отношении независим, несмотря на рост интереса к нему со стороны транснациональных корпораций, которые остаются важными поставщиками технологий. В последнее время ТНК начали активно расширять свои исследования в Китае, поскольку он стал более привлекательным с точки зрения потенциала научных и инженерных кадров. По оценкам американских экспертов, новый стратегический план этих компаний заключается в том, чтобы «использовать китайские

мозги» и получить доступ к новым источникам знаний в китайских центрах инноваций [9].

Таким образом, можно с большой уверенностью полагать, что китайское руководство полностью отдает себе отчет в том, что в условиях глобализации ТНК хотят интегрировать Китай в свои транснациональные инновационные системы.

Совершенно очевидно, что мы являемся свидетелями становления новой научно-технической державы с очень большим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Специальный репортаж: китайско-американская торговля движется в сторону баланса и стабильности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/economic/2015-09/20/c_134642545.htm. – Дата доступа: 9.10.2015.
2. China's high technology development. Hearings before the U.S. // China Economic and Security Review Commission, one hundred ninth Congress first session, April 21 and 22, 2005. // U.S. Government Printing Office. – Washington, 2005.
3. Industrial Innovation in China. Operation, Performance and Prospects for China's Industrial Innovation System: Impact of reform and Globalization / The Levin Institute, SUNY. – 2006. – P. 9.
4. Лю Юньшань подчеркнул важность популяризации науки в обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russian.news.cn/china/2015-09/20/c_134641134.htm. – Дата доступа: 9.10.2015.
5. Ван Ицзао. Шицзе чжэнчжи юй цзинци = Мировая экономика и политика. – С. 158–193.
6. Давыдов, А.Ю. Политика против экономики: экономические связи США со странами Евросоюза / А.Ю. Давыдов // Россия и Америка в XXI веке. – 2014. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=show&id=8>. – Дата доступа: 11.10.2015.
7. Кузык, Б.Н. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития / Б.Н. Кузык, Л.М. Титаренко. – М.: Ин-т экон. стратегий, 2006. – 236 с.
8. Чэнь Цян. Государство в инновационной экономике Китая / Чэнь Цян. – Брянск: Дельта, 2012. – С. 115–119.
9. Бергстен, Фред. Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве / Ф. Бергстен, Б. Гилл, Н. Ларди, Д. Митчелл ; пер. с англ. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Ин-т комплексных стратегических исследований, 2007. – С. 148.

Сороко П.О.
(Минск, Беларусь)

СТРУКТУРНЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В КНР

Статья посвящена стратегическим направлениям развития внутреннего и международного туризма в Китае. В ней исследуются структурные и территориальные особенности туристической индустрии страны.

Ключевые слова: *туристическая индустрия, туристический продукт, внутренний туризм международный туризм, продвижение туризма*

The article is devoted to the strategic directions including structural and territorial characteristics of the development of domestic and international tourism in China. It explores the structural and territorial peculiarities of Chinese tourist industry.

Keywords: *tourism industry, tourism product, domestic tourism, international tourism, promotion of tourism*

КНР представляет собой туристический рынок потенциально феноменального размера как в части предложения, так и в отношении спроса. На мировом рынке он позиционируется как стремительно развивающееся туристическое направление в мире.

За последние десятилетия в Китае сформирована мощная туристическая индустрия. По данным на 2013 год общее количество занятых непосредственно в туристическом секторе страны превысило 13,5 млн. человек. Доходы от туризма за 2014 год увеличились на 14,7% и составили 3,4 трлн. юаней или 551 млрд. долл. США. Около 90% всех доходов было получено от китайских жителей и 10% – от иностранных туристов.

В конце 2014 года в Поднебесной насчитывалось более 12 тыс. отелей категории от одной до пяти звезд, которые располагали 1,5 млн. номеров на 2,6 млн. мест. Половину из всех указанных выше средств размещения составляли трехзвездочные отели. В настоящее время на территории КНР сооружается около половины всех строящихся в Азии отелей. Среди них представлены практически все известные в мире бренды. В 2014 году обслуживанием туристов занималось 26,7 тысяч туристических агентских и операторских компаний.

В 2015–2017 годы в центрах туризма и вдоль транспортных магистралей по всей стране планируется открытие 33 тысяч новых и модернизация 24 тысяч старых общественных туалетов (пунктов санитарно-гигиенических процедур).

Важным благоприятным фактором для развития туризма КНР является стремительное развитие транспорта. В 2000-ые годы в стране происходила широкомасштабная модернизация транспортной инфраструктуры по всем регионам и видам транспорта. Сейчас Китай располагает крупнейшей в мире сетью высокоскоростных железных дорог, превышающей общую длину скоростных магистралей Японии и Европы вместе взятых. Согласно плану развития железнодорожной сети до 2020 года общая протяженность скоростных железных дорог в Китае должна будет составлять 100 тыс. км. Ускоренное сооружение скоростных автомобильных магистралей позволило Китаю обойти все страны, включая США, по их протяженности. В начале 2015 года в стране насчитывалось более 200 гражданских аэропортов, способных принимать крупные самолеты. Достижения в развитии транспорта способствуют повышению туристической мобильности населения, существенно повышают уровень доступности регионов, центров и объектов туризма.

О стремительном развитии туристической индустрии и улучшении политических, экономических, социальных и других факторов макросреды туризма сви-

детельствует перемещение Китая за четыре последних года в рейтинге туристической конкурентоспособности стран мира, составленным Мировым экономическим форумом, с 62 на 17 место. Столь стремительная динамика и высокая позиция КНР среди 141 страны были обеспечены, прежде всего, за счет богатого и разнообразного историко-культурного и природного туристического потенциала, масштабного развития транспортной, гостиничной и другой инфраструктуры, а также сравнительно невысокой стоимости товаров и услуг для туристов. Самыми низкими баллами в рейтинге отмечены качество туристических услуг, экологическая ситуация и визовые формальности.

Туризм оказывает существенное воздействие на развитие таких секторов китайской экономики, как транспорт, связь, строительство, сельское хозяйство, производство сопутствующих товаров. Кроме этого он способствует сохранению и оптимальному использованию природных и историко-культурных туристско-рекреационных ресурсов, стимулирует развитие городов, сельских территорий, обеспечивает занятость их населения. На долю туризма приходится около 2,5% внутреннего валового продукта страны и 3% всех занятых в экономике. Главной же целью развития туристической индустрии страны, несомненно, является повышение качества жизни населения.

О решимости китайского правительства развивать туризм ускоренными темпами свидетельствует огромный объем государственных инвестиций в этот сектор, а также их высокая динамика. Так, в 2014 году в туристическую индустрию было направлено 650 млрд. юаней, что на 20% превысило показатель вложений 2013 года. В 2015–2017 годы на развитие туризма китайское правительство планирует выделить 3 трлн. юаней (482,4 млрд. долл. США). В то же время необходимо отметить, что более половины всех инвестиций в индустрию туризма и отдыха в КНР поступает от частных инвесторов.

В соответствии с планом развития туристической индустрии общая сумма потребительских расходов в сфере внутреннего туризма в КНР к 2020 году достигнет 5,5 трлн. юаней, каждый житель страны будет совершать не менее 4,5 туристических поездок ежегодно, а доля туристического сектора в ВВП Китая увеличится до 5%.

Большинство китайских провинций и автономных районов рассматривают туризм как одну из важнейших отраслей местных экономик. Туризм призван сыграть важную роль в решении проблемы неравномерного социально-экономического развития страны путем его ускоренного развития во внутренних и периферийных регионах. До сих пор около 65% капиталовложений направлялось в туристическую индустрию Восточного Китая.

В 2013 году вступил в силу первый Закон КНР «О туризме», призванный регулировать туристическую деятельность в стране, включая вопросы заключения договоров об оказании услуг, обеспечения безопасности туристов, государственного контроля в сфере туризма, разрешения споров и юридической ответственности участников рынка.

Стремясь улучшить свои конкурентные позиции на мировом рынке, китайские предприятия работают над повышением качества и расширением ассортимента предлагаемых туристам услуг.

Среди приоритетных направлений выделяются такие массовые виды туризма, как культурно-познавательный, экологический, сельский и оздоровительный. Все большее развитие получает создание туристических поселков, зон отдыха и досуга.

Жизненно важным направлением развития для большинства регионов и центров туризма КНР является стратегия диверсификации их продукта, предполагающая постоянное целенаправленное расширение спектра предлагаемых услуг, предложение новых альтернативных видов и форм отдыха и туризма. К числу новых туристических продуктов относится «чайный туризм», включающий посещение чайных плантаций, сбор чайных листьев, приготовление и дегустацию чая. Ежегодно на китайском рынке появляются новые крупные центры индустрии развлечений. Среди объектов феноменального масштаба подобного рода выделяются самый большой в мире аквариум в провинции Гуандун, самый протяженный в мире скоростной лифт и расположенный рядом с ним в горах провинции Хунань самый длинный подвесной прозрачный мост, а также крупнейший в мире Дисней-центр в Шанхае. В последнее время на китайском рынке также появились экзотические средства размещения туристов, включая отели на сваях в провинции Юньнань, отели-юрты во Внутренней Монголии, отели капсульного типа в Шанхае.

Еще одним стратегическим направлением является ускоренное развитие туризма в редконаселенных и экономически малоосвоенных районах. Примером может служить новый проект развития туристической инфраструктуры стоимостью 2 млрд. юаней в горной и пустынной местности небольшого Нинся-Хуэйского автономного района.

Стремительное развитие китайской экономики на протяжении трех с половиной десятилетий, непрерывное повышение качества жизни населения, уровня образования и урбанизация, совершенствование транспортной инфраструктуры и многие другие факторы сопровождалась динамичным развитием внутреннего туризма. Так, в 1998 году число туристических путешествий китайских граждан по своей стране составило около 700 миллионов. К 2014 году этот показатель увеличился до 3,6 миллиардов. Таким образом, на одного китайца в среднем приходится две с половиной поездки в год. Доходы от внутреннего туризма за 2013 год увеличились на 14% и достигли 2,5 трлн. юаней. В настоящее время Китай является вторым большим рынком туристических услуг в мире, уступая лишь Соединенным Штатам Америки.

Ожидается, что в течение последующих 10 лет число внутренних путешествий будет расти в среднем на 7% ежегодно и через 10 лет Китай превзойдет по числу внутренних туристических поездок США. По оценкам китайских специалистов к 2020 году число таких поездок достигнет 6 млрд. человек.

Самыми распространенными среди китайских граждан видами путешествий являются загородные поездки на природу, а также короткие путешествия в крупные и средние города своей или соседних провинций. Особой популярностью на внутреннем рынке пользуются путешествия по историческим местам, включая посещение объектов новейшей истории, например, связанных с «Опиумными войнами», антияпонским сопротивлением, жизнью и деятельностью известных

исторических личностей: Конфуция, Мао Цзэдуна и других. С 2004 года в КНР начал развиваться «красный туризм», включающий путешествия по местам, связанным с революционной деятельностью Коммунистической партии. В настоящее время по всей стране функционирует около 250 центров «красного туризма», объединенных в десятки туристических маршрутов. В 2014 году на долю "красного туризма" приходилось около 24% от общего числа внутренних туристов.

Хорошие перспективы для развития имеет сельский туризм. В 2014 г. году около 2 млн. сельских семейных хозяйств, которые специализировались на этом виде туризма, обслужили 900 млн. человек.

Наиболее активными путешественниками по своей стране являются китайские граждане в возрасте от 25 до 34 лет, совершающие поездки семьями или с друзьями, реже - большими группами.

Поток иностранных туристов в Китай увеличивался быстрыми темпами до 2008 года. Однако в последующие шесть лет он не претерпел существенных изменений. По мнению экспертов, главными причинами этого стали повышение стоимости китайского юаня, рост цен на туристические услуги, экологические проблемы и ужесточение визовой политики. В 2014 году материковый Китай принял 55,6 млн. иностранных туристов и занял четвертое место в мировом рейтинге самых посещаемых туристами стран мира, уступив лишь Франции США и Испании. Больше 60% иностранных гостей прибыли из специальных административных районов Китая: Гонконга и Макао, а также из Тайваня. Среди иностранных государств в качестве главных генераторов туристов в Китай выступили Республика Корея, Япония, США и Россия. Таким образом, индустрия туризма страны направлена на обслуживание в основном китайцев, проживающих за рубежом, и иностранных туристов из сопредельных стран, посещающих Китай преимущественно с деловыми и познавательными целями.

Доходы от иностранного туризма в 2014 году составили 56,9 млрд. долл. США. Средний иностранец затратил во время пребывания в КНР около 1 тыс. долл. США, что соответствует среднему мировому показателю.

Китайское правительство прикладывает немалые усилия, чтобы убедить мир в том, что их страна интересная, гостеприимная и безопасная для посещения. С целью привлечения большего числа туристов из-за рубежа Государственное управление по делам туризма КНР создало два десятка зарубежных представительств в крупнейших странах-поставщиках туристов, включая США, Германию, Великобританию, Францию, Японию, Австралию, Южную Корею и Канаду. В зоне особого внимания китайского правительства находится крупнейший в мире рынок туристов Соединенных Штатов Америки. Годовой туристический оборот между двумя странами в 2014 году составил 4 млн. человек. 2016 год объявлен Китаем и США годом развития туризма между двумя странами.

Крупные мероприятия по продвижению туристического продукта Китая были проведены в крупнейших мегалополисах Америки: в Лос-Анджелесе, Мехико и Сан-Паулу.

К 2015 году полтора десятка крупнейших китайских городов, включая Сиань, Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Чунцин, Чэнду, Далянь и Шэньян, установили безвизовый 72-часовой режим пребывания для транзитных пассажиров из 50

стран мира. В 2015 году Китай упразднил визовый режим и максимально упростил въезд на континент туристов из островного Тайваня. Для стимулирования шопинга среди иностранных туристов принято постановление о возврате 11% налога на добавленную стоимость с покупки при выезде из страны.

Среди проблем, усложняющих путешествие по Поднебесной, иностранные туристы чаще называют жару и высокую влажность в летние месяцы, загрязненность воздуха в крупных городах, большое скопление людей на улицах городов и в общественном транспорте. Кроме этого иностранцы указывают на невысокий уровень туристической инфраструктуры и соответственно невысокое качество обслуживания за пределами крупных городов и центров туризма, а также отмечают небольшой процент китайцев, владеющих иностранными языками.

О богатом историко-культурном и природном потенциале туризма КНР свидетельствует его второе место в списке объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, где Китай уступает лишь Италии. В 2014 году Списке значилось 47 объектов, 33 из которых были включены в него по культурным критериям, 10 - по природным и 4 – по смешанным критериям. 17 объектов КНР признаны шедеврами человеческого созидательного гения и еще 11 объектов названы феноменами исключительной природной красоты и эстетической важности.

Пожалуй, наиболее известной в мире китайской достопримечательностью является Великая стена, называемая китайцами Длинной. Это крупнейшее в истории человечества сооружение, построенное для защиты от кочевников, и далеко не всегда справлявшееся с этой задачей в прошлом, сегодня успешно выполняет прямо противоположную функцию, привлекая большое число китайских и иностранных туристов. Один из наиболее посещаемых участков Великой стены находится в 70 км от столицы возле города Бадалин.

Среди наиболее значимых и посещаемых туристами объектов китайской столицы выделяются площадь Тяньаньмень, Национальный музей, храм Неба и Запретный город. Пекинский Национальный музей, в котором в 2013 году побывало 7,5 млн. китайских и иностранных посетителей, занял третье место в мировом рейтинге наиболее посещаемых музеев мира, уступив только парижскому Лувру и Национальному музею естественной истории в Вашингтоне. В свою очередь дворцовый комплекс Запретного города оказался на вершине мирового рейтинга самых посещаемых объектов подобного рода. В 2014 году его посетили 15,4 млн. человек. Из-за чрезмерно высокой концентрации туристов в Запретном городе было принято решение об ограничении ежедневного потока посетителей до 80 тысяч. Благоприятным фактором для развития туризма в китайской столице является заметное снижение уровня загрязнения воздуха благодаря закрытию многих промышленных предприятий, введению строгих нормативов по выхлопным газам для автомобилей и массовым посадкам деревьев.

Около 120 млн. туристов и экскурсантов в 2014 году посетили административный центр провинции Шэньси город Сиань, рядом с которым расположена гробница первого императора Цинь Шихуана, в которой находится его «Терракотовая армия». Кроме этого именно от Сианя начинается возрождающийся, знаменитый в историческом прошлом Шелковый путь, соединявший Китайскую империю с Европой и Ближним Востоком. В пределах КНР экономический пояс

возрождающегося Шелкового пути протянулся на 4 тыс. км и включает 13 исторических городов и 15 ландшафтных и историко-культурных зон международного и национального значения. Национальная туристическая администрация КНР объявила 2015 год годом «Туризма Шелкового пути».

Огромную познавательную ценность для китайских и иностранных туристов представляют грандиозные по размерам пещерные буддистские комплексы, расположенные в местностях Дуньхуан, Лунмэнь и Юньган. В провинции Сычуань близ города Лэшань туристы осматривают высеченную в скале на берегу реки статую Будды высотой 71 м.

Большой популярностью на внутреннем и мировом рынках туризма пользуется расположенный в провинции Хэнань всемирно известный своими боевыми искусствами монастырь Шаолинь. Туристическая инфраструктура монастыря позволяет одновременно принимать до 10 тысяч посетителей.

Своего рода «меккой» китайского и иностранного туризма является специальный административный район КНР Гонконг (Сянган). Он одновременно выполняет функции огромного транзитного терминала, банковского, конгрессного и выставочного центра, а также является огромным супермаркетом и центром развлечений.

Расположенный по соседству с Гонконгом крохотный специальный административный район Макао (Аомынь), имевший до 1999 г. статус португальской колонии, является единственным в стране центром игорного бизнеса, запрещенного в континентальном Китае. В 2014 году Макао посетили 31,5 млн. туристов, включая 21 млн. гостей из континентального Китая. Необходимо отметить, что для посещения Макао и Гонконга жителям других регионов КНР требуется специальное разрешение. Прежде всего, благодаря игорному бизнесу по доходам от международного туризма Макао, который Всемирная туристская организация считает отдельным от континентального Китая туристическим направлением, занял в 2014 году пятое место в мире, обойдя такие страны, как Италия, Германия и Великобритания. В Макао проходит множество международных деловых форумов и культурных мероприятий, включая лошадиные скачки, собачьи бега, традиционный гастрономический фестиваль.

Расположенный на юге страны в Гуанси-Чжуанском автономном районе город Гуйлинь пользуется у туристов большой популярностью благодаря своим красивым карстовым ландшафтам. Путешествуя по окрестностям города, в т. ч. по реке Лицзян, туристы наслаждаются причудливыми формами гор, осматривают «каменный лес», карстовые пещеры и буддистские храмы.

Широкий выход к теплым морям предоставляет Китаю большие возможности для развития массового приморского туризма и отдыха. В последние десятилетия успешно продвигается на международном рынке стремительно развивающийся туристическую инфраструктуру крупный тропический остров Хайнань, позиционируемый как «китайские Гавайи». Разнообразные туристско-рекреационные ресурсы острова включают теплое море, коралловые рифы, реликтовые тропические леса, карстовые пещеры, термальные источники, заповедники с обезьянами, плантации тропических культур и уникальную культуру аборигенов. В 2015 году на острове возводилось 48 крупных отелей.

Огромный высокогорный и суровый Тибет привлекает как любителей природы и традиционной тибетской культуры, так и поклонников приключенческого и медицинского туризма. В 2014 году Тибетский автономный район посетили 15,5 млн. китайских и зарубежных туристов. Столицу региона – город Лхаса – в 2014 году посетили свыше 9,25 млн. туристов. На долю туризма приходится более 20% внутреннего валового продукта региона. Доступ для массового туриста в Тибет обеспечивает новая высокогорная железная дорога до Лхасы, которая в своей самой высокой точке поднимается на высоту 5072 м и таким образом выступает в качестве своего рода уникальной достопримечательности. Продолжение этой дороги до города Шигадзе обеспечивает туристам и альпинистам прямой доступ к Эвересту и другим высочайшим гималайским вершинам мира.

Наибольшим числом горных курортов и горнолыжных центров выделяется северо-восточная провинция Хэйлунцзян, расположенная по соседству с Россией. Каждую зиму в административном центре этой провинции Харбине проходит традиционный фестиваль, главной достопримечательностью которого является город, построенный из снега и льда. Ежегодно в фестивале принимают участие более 10 млн. китайских и иностранных туристов.

Среди внутренних водных маршрутов большой популярностью среди путешественников пользуются круизные маршруты, пролегающие среди живописных горных ландшафтов крупнейшей реки Поднебесной Янцзы.

В качестве основной территории для экологического туризма в Китае выступают особо охраняемые природные территории, включая национальные парки и заповедники. По доле охраняемых природных территорий, составляющих 18% площади всей страны, Китай значительно опережает большинство стран мира. В ближайшие годы в соответствии с Национальной программой национальные парки покроют карту всей страны. В заповедниках провинции Сычуань туристов привлекает возможность увидеть в естественной среде гигантских панд, почти полторы тысячи которых обитает в горных бамбуковых лесах на ее территории.

К числу перспективных направлений относятся также образовательный туризм, включающий изучение китайского языка, и гастрономический туризм для желающих познакомиться с богатой китайской кухней.

Таким образом, богатые туристско-рекреационные ресурсы КНР, стремительно развивающаяся по всей территории страны инфраструктура туризма и отдыха, а также грамотная политика властей благоприятствуют ускоренному развитию туристической индустрии и в скором времени позволят Китаю превратиться в крупнейший мировой рынок туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Travel and Tourism Competitiveness Report 2015. // World Economic Forum. [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2015/>. – Date of access: 11.11.2015.

2. China Tourism. // China National Tourism Administration [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://www.travelchinaguide.com/tourism/2014statistics/>. – Date of access: 11.11.2015
3. China Tourism - Current Trends and Facts. // China Highlights [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://www.chinahighlights.com/travelguide/tourism.htm> – Date of access: 16.11.2015
4. Tourism Statistics. // China National Tourism Administration [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://en.cnta.gov.cn/Statistics/TourismStatistics/> – Date of access: 13.11.2015

Федорцова Т.А., Гончарук Н.А.
(Минск, Беларусь)

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВЪЕЗДНОГО И ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА КИТАЯ

Статья показывает современное развитие въездного и выездного туризма в Китае.

Ключевые слова: *туризм; Китай, въездной туризм, выездной туризм*

The article presents modern development of incoming and outbound tourism in China.

Keywords: *tourism; China; incoming tourism; outbound tourism*

Современный туризм в Китае восходит к началу 1950-х гг. В 1954 году в стране было открыто международное бюро путешествий с 14 филиалами в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и других городах. В 1964 году в Пекине было создано Государственное управление по делам туризма КНР. После 1978 года, благодаря проводимой в Китае политике реформ и открытости, туризм вышел на стадию активного развития. За короткое время Китай достиг в области туризма значительных успехов. Из страны, в которую въезд туристов почти отсутствовал (до 1978 г.), Китай превратился в одного из мировых лидеров. Причем страна лидирует во всех видах туризма: въездном, выездном и внутреннем. Остановимся более подробно на первых двух.

Мировая туристская статистика показывает, что в число стран-лидеров по международным туристским прибытиям Китай вошел в 1990 г., заняв 7-ю позицию в рейтинге, в 1999 г. он уже поднялся на 5-е место (31,2 млн. прибытий), пропустив вперед Францию, Испанию, США, Италию. В 2010 г. по туристским прибытиям Китай занял 3-е место, после Франции и США, а по доходам от международного туризма 4-е место в мире, обогнав Италию, Японию, Францию и Великобританию. В 2014 г. Китай на 4 месте по туристским прибытиям и на 3 по доходам (табл.1).

Таблица 1. Лидеры мирового туризма [составлена автором по [1, с.6].

Туристские прибытия, млн. чел.					Поступления от международного туризма, млрд. долл.				
ранг	Страны	2010г.	Страны	2014г.	ранг	Страны	2010г.	Страны	2014г.
1	Франция	76,8	Франция	83,7	1	США	103,5	США	177,2
2	США	59,7	США	74,8	2	Испания	52,5	Испания	65,2
3	Китай	55,7	Испания	66,0	3	Франция	46,3	Китай	56,9
4	Испания	52,7	Китай	55,6	4	Китай	45,8	Франция	55,4
5	Италия	43,6	Италия	48,6	5	Италия	38,8	Макао (Китай)	50,8
6	Великобритания	28,1	Турция	39,8	6	Германия	34,7	Италия	45,5
7	Турция	27,0	Германия	33,0	7	Великобритания	30,4	Великобритания	45,3
8	Германия	26,9	Великобритания	32,6	8	Австралия	30,1	Германия	43,3
9	Малайзия	24,6	Россия	29,8	9	Гонконг (Китай)	23,0	Таиланд	38,4
10	Мексика	22,4	Мексика	29,1	10	Турция	20,8	Гонконг (Китай)	38,4

Этому способствовали экономические реформы и политика открытости внешнему миру, что стало стимулом бурного экономического развития страны. ВВП Китая в 2014 достиг 17,62 трилл.долл. Страна вышла по этому показателю на первое место в мире, опередив США и другие развитые страны мира (табл.2). **Таблица 2. Динамика ВВП крупнейших экономик мира, в 2012-2014гг. (составлена автором по [2]).**

ВВП по ППС, трил. долл.					
Страны	2012г.	Страны	2013 г.	Страны	2014 г.
США	16,64	США	17,01	Китай	17,62
Китай	15,23	Китай	16,41	США	17,42
Япония	4,678	Индия	6,883	Индия	7,376
Индия	6,438	Япония	4,754	Япония	4,751
ФРГ	3,655	ФРГ	3,663	ФРГ	3,722
Великобритания	2,445	Россия	3,543	Россия	3,565
Франция	2,564	Бразилия	3,259	Бразилия	3,264
Россия	3,497	Франция	2,571	Франция	2,59
Бразилия	3,172	Великобритания	2,485	Индонезия	2,55
Италия	2,174	Италия	2,137	Великобритания	2,549
МИР	100,8	МИР	104,1	МИР	107,5

Темпы роста ВВП Китая в 2014 г. составили 7,4%. В предыдущие годы (2012–2013 гг.) они равнялись 7,8%. Увеличивается ВВП на душу населения, хотя пока еще он ниже среднемирового уровня (табл. 3). Все это свидетельствует о стабильном поступательном росте экономики страны и, как результат этого, рост внутреннего спроса, в том числе и на туристские услуги.

Однако, следует иметь ввиду, что в силу обширной территории страны (площадь Китая составляет 9,596,960 км², это самое большое и населенное государство в Азии, и третье по площади территории в мире, после России и Канады) наблюдаются существенные различия, как в уровне экономического развития разных районов, так и в уровне доходов населения.

Таблица 3. Динамика ВВП на душу населения крупнейших экономик мира, в 2012-2014 гг. (составлена автором по [2]).

ВВП на душу населения, долл.			
Страны	2012 г.	2013г.	2014 г.
США	52 200	53 300	54 600
Китай	11 100	12 00	12 900
Япония	36 800	37 400	37 400
Индия	5 100	5 500	5 900
ФРГ	45 900	45 200	45 100
Великобритания	37 900	38 500	39 500
Франция	40 100	40 200	40400
Россия	24 300	24 700	24 800
Бразилия	15 600	16 100	16 100
Италия	36 300	35 600	35 550
МИР	15 500	15 800	16 100

Это не только различия между городом и сельской местностью, но и между различными административно-территориальными единицами. На континенте расположены 31 провинция, автономные регионы и муниципалитеты. Наиболее экономически развитыми являются десять провинций и муниципалитетов – район Пекина-Тяньцзиня, провинции Ляонин и Хэйлунцзян, Восточный Китай с центром в Шанхае (Шанхай, Чжэцзян, Цзянсу и провинция Шаньдун) и Южный Китай (провинции Гуандун и Фуцзянь). Более высокое, по сравнению с другими, экономическое развитие этих регионов определяло и определяет интенсивное развитие в них туризма, как внутреннего, так и международного (въездного и выездного), выступая одним из важных генерирующих и реализующих факторов туристского спроса.

Высокие темпы развития всех видов туризма в Китае определяются высокими капиталовложениями в эту отрасль, которые сопоставимы только с капиталовложениями в туристскую сферу США, и оставляют далеко позади другие страны мира, которые входят в семерку признанных лидеров по капиталовложениям в туризм (табл. 4). И, если на 2015 год Китай по этому показателю занимает второе место после США, то по прогнозам экспертов Всемирной Туристской Организации в 2020 году выйдет на первое место. Такие высокие капиталовложения стимулируют расширение и модернизацию материально-технической базы туристской отрасли, подготовку квалифицированных кадров, повышение стандартов обслуживания туристов, совершенствование управления и маркетинга.

В настоящее время прямой вклад туризма в ВВП Китая составляет 332,6 млрд. долл. (2015 г.) [3]. Он вырос по сравнению с предыдущим 2014 г. на 16,3%, в то время как у мирового лидера по этому показателю – США – на 5,76%. Туризм обеспечивает занятость 23,3 млн. чел. (2015 г.), уступая лишь Индии (25,9 млн. чел.), и опережая США более чем в 4 раза.

Таблица 4. Динамика капиталовложений в туризм, млрд. долл. (составлена автором по [3]).

Годы	Страны						
	США	Китай	Индия	Бразилия	Япония	ОАЭ	Франция
2020 прогноз	262,8	299,0	72,2	47,1	36,2	42,5	36,4
2015	191,7	153,4	46,9	32,5	31,4	29,4	29,4

2014	178,4	133,2	42,2	30,6	32,0	27,1	29,1
2013	166,9	116,4	37,3	25,5	32,6	24,8	28,7
2012	156,8	103,6	32,9	22,2	36,1	22,5	27,4
2011	149,7	95,5	33,1	24,6	35,2	20,8	29,6
2010	149,9	78,8	28,8	21,9	27,4	17,9	22,5
2009	140,8	94,3	23,3	17,4	21,0	14,2	21,9
2008	164,5	91,9	35,8	21,3	32,9	16,9	21,7
2007	157,4	74,8	12,7	17,5	35,9	13,3	22,5
2006	137,9	54,3	16,0	13,6	32,1	5,8	21,7
2005	122,8	35,3	8,8	10,4	29,7	3,7	21,4
2000	97,7	15,8	2,5	7,6	23,2	1,9	14,0
1990	51,7	2,2	1,8	2,5	22,9	0,4	13,3

При высоких темпах развития въездного туризма и уверенного продвижения Китая на верхние позиции в перечне стран-лидеров по въездному туризму (табл.1), следует обратить внимание на феномен очень быстрого развития выездного туризма, начиная с 2010 года (табл.4).

С 2012 г. Китай – крупнейший рынок выездного туризма в мире. Поэтому остановимся на его анализе более подробно. Вначале рассмотрим основные факторы этого быстрого развития.

С 2012 г. Китай – крупнейший рынок выездного туризма в мире. Поэтому остановимся на его анализе более подробно. Вначале рассмотрим основные факторы этого быстрого развития.

К ним можно отнести: огромную численность населения. Население КНР в 2015 г. составило 1,368 млрд. чел., или 1/5 населения мира. Средний возраст жителей Китая составляет 36,8 лет (2015 г.). Ежегодный прирост населения 0,45% (162 место в мире), такой же низкий как в развитых странах Европы.

Таблица 5. Динамика выездного туризма Китая (составлена автором по [3]).

Годы	Расходы на выездной туризм		Количество выехавших туристов	
	млн.долл.	рост, %	тыс. чел	рост, %
2014	165 000	28,33	117 000	19,16
2013	128 576	26,08	98 185	18,03
2012	101 977	40,49	83 183	18,41
2011	72 585	32,26	70 250	22,42
2010	54 880	25,58	57 386	20,42
2009	43 702	20,87	47 656	3,95%
2008	36 157	21,39	45 844	11,94
2007	29 786	22,47	40 954	18,62
2006	24 322	11,78	34 524	11,27
2005	21 759	13,63	31 026	7,53
2000	13 114		10473	

В целом большая численность населения уже сама по себе является источником значительного туристского потока при определенных условиях – росте личных доходов населения, увеличении свободного времени, свободе передвижений, наличии соответствующей транспортной инфраструктуры. Это все в современном Китае присутствует как результат экономического роста и быстрого экономического и социального развития. Люди также подвержены различного рода внешним влияниям, например, таким, как мировая мода на путешествия.

К этому следует добавить, связанный с быстрым экономическим ростом, рост городов и увеличение доли городского населения – главного потребителя туристских услуг. Уровень урбанизации в 2015 году составил 55,6%, а его ежегодный рост с 2010 года стабильный и равен 3,05%. И это тоже является генератором туристского спроса.

Нужно также принять во внимание разнообразие местных культур (по официальным данным в Китае насчитывается 56 этнических групп). Причем значительные культурные различия наблюдаются не только между ханьцами и представителями национальных меньшинств (9% населения), а также и между ханьцами, составляющими основную часть населения. Ханьцы, составляющие более 91% населения Китая, населяют сильно различающиеся по климату и ландшафту территории. Эти области вошли в состав Китая в разные периоды его истории. Они населены жителями, со своим местным диалектом, со своими особыми традициями и обычаями, со своей историей. Эти различия сглаживаются для внешнего мира статусом Китая как единой державы. В тоже время, все эти различия оказывают влияние на формирование туристского спроса внутри страны (внутренний и выездной туризм) и выступают как фактор дифференциации туристских потоков из-за пределов страны (въездной туризм), определяя его географию в одном и другом случае.

На развитие выездного туризма повлияло также увеличение количества туристских агентств в стране. Это увеличило конкуренцию на туристском рынке, и, в результате конкуренции, цены на туры в уже давно открытые для Китая места (например, Таиланд, Сингапур, Малайзию, КНДР, Гонконг и Макао) существенно снизились и часто близки к ценам на внутренние туры. По этой причине все больше покупателей (от имеющих постоянный доход до пенсионеров) могут позволить себе не только низкие по цене местные туры, но и зарубежные.

Таким образом, все вместе взятые перечисленные факторы, обусловили абсолютное лидерство Китая по выездному туризму (табл. 5).

В 2014 году китайские туристы потратили на зарубежные поездки 165 млрд. долл., что составило 28,3% роста по сравнению с 2013 годом или на 36,4 млрд. больше в абсолютных показателях. Туристские расходы Китая составили 13% мировых туристских расходов и превысили на 54 млрд. долл. расходы США, которые занимают второе место в мире (111 млрд. долл.). Туристские расходы США выросли по сравнению с предыдущим годом только на 6%.

Таблица 6. Страны-лидеры выездного туризма, 2013 г. (составлена автором по [3]).

Количество выехавших туристов		Расходы на выездной туризм		Туристские расходы в других странах	
Страна	тыс. чел.	Страна	млн. долл.	Страна	млн. долл.
Китай	98 185	Китай	128 576	Китай	138 298
Германия	87 495	США	104 678	США	136 707
Гонконг	84 414	Германия	91 318	Германия	105 265
США	61 569	Россия	53 453	Великобритания	67 225
Великобритания	58 510	Великобритания	52 490	Россия	59 504
Россия	54 069	Франция	42 870	Франция	51 157

Канада	32 977	Канада	35 70	Канада	43 092
Италия	27 798	Австралия	28 376	Австралия	34 998
Франция	26 443	Италия	26 948	Италия	33 504
Украина	23 761	Бразилия	24 987	Япония	32 244

Основными поставщиками туристов в страны дальнего зарубежья из Китая являются районы Пекина, Шанхая и провинция Гуандун.

Эти районы также имеют самые крупные в стране международные аэропорты в своих центрах (плюс международный аэропорт в Гонконге как транзитный узел). Четвертое и пятое места по количеству граждан, выезжающих в страны дальнего зарубежья, занимают провинция, соседствующая с Шанхаем и провинция Фуцзянь (родина многих зарубежных китайцев), а также, расположенный в двух часах езды от Пекина, Тяньцзинь. Эти провинции и муниципальные образования также являются местами проживания наиболее платежеспособного населения.

Становление китайского выездного потока проходило в несколько этапов, постепенно охватывая все большее географическое пространство. Началом выездных поездок было посещение Гонконга (Сянган) и Макао (Аомыня), которые, в китайской системе учета, классифицировались как «выездные» (зарубежные) дестинации. Эти поездки сыграли существенную роль в становлении выездного туризма и остаются в настоящее время традиционным выбором для тех, кто совершает зарубежную поездку впервые.

Следующим этапом расширения географии выездного туризма стали поездки в страны-соседи: для юго-восточных районов Китая – Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Бирма (Мьянма), для северо-восточных – Россия, КНДР, Республика Корея и Монголия.

Затем маршруты зарубежных поездок китайских туристов стали осуществляться в страны АТР, в первую очередь в Юго-Восточную Азию и далее в Австралию, Новую Зеландию, США.

Таблица 7. Наиболее привлекательные для китайских туристов города и достопримечательности (составлена автором по [5]).

	Города	Достопримечательности
1	Сеул	Пирамиды, Египет
2	Лондон	г. Фудияма, Япония
3	Париж	Эйфелева башня, Франция
4	Берлин	Версаль, Франция
5	Цюрих	Венеция, Италия
6	Афины	Большой Каньон, США
7	Барселона	Гималаи, г.Эверест
8	Лос-Анжелес	Ниагарский водопад, Канада
9	Торонто	Акрополис, Греция
10	Сан Франциско	Сидней Опера Хаус, Австралия

В настоящее время для Китая характерно расширение географии зарубежных поездок. Китайские туристы выезжают в страны Европы (преимущественно во Францию, Италию, Германию и Великобританию), Америки (США, Канада и

др.), Африки (ЮАР), но, по-прежнему, прослеживается ярковыраженный региональный вектор. Китайские туристы чаще всего посещают Гонконг, Макао, Таиланд, Сингапур, Японию, Республику Корея.

В рейтинге посещений в 2014 г. на первых позициях стоят Гонконг, Макао, Тайвань. За ними следуют Япония, Республика Корея, Таиланд. За пределами Азии наиболее посещаемыми в 2014 году были США и Франция, рост прибытий в эти страны составил соответственно 21% и 29%.

В тоже время главные туристские предпочтения (табл. 7) приходятся на страны Европы.

Таблица 7. Наиболее привлекательные для китайских туристов города и достопримечательности (составлена автором по [5]).

	Города	Достопримечательности
1	Сеул	Пирамиды, Египет
2	Лондон	г. Фудзияма, Япония
3	Париж	Эйфелева башня, Франция
4	Берлин	Версаль, Франция
5	Цюрих	Венеция, Италия
6	Афины	Большой Каньон, США
7	Барселона	Гималаи, г.Эверест
8	Лос-Анжелес	Ниагарский водопад, Канада
9	Торонто	Акрополис, Греция
10	Сан Франциско	Сидней Опера Хаус, Австралия

Анализируя социальную и демографическую структуру выездного туризма, следует отметить, что она очень быстро меняется. Еще в начале XXI века (2005 г.) выездные туристы Китая имели возраст 30–40 лет, в отличие от стран Западной Европы, Северной Америки и Японии, для которых характерна туристская активность лиц «третьего» возраста. Причина в том, что современное поколение китайских пенсионеров не только в большинстве своем не обладает достаточным для путешествий за рубеж доходом, но сознательно придерживается ценностей, которые препятствуют формированию спроса на туристские услуги. В 2012–2014 гг. выездные туристы стали еще «моложе». Основную группу составляют люди в возрасте 18–35 лет, представляющие современный, быстро развивающийся Китай.

Наиболее высоким социальным статусом обладают китайские туристы, выезжающие за пределы Азии. Это наиболее образованная часть общества (закончили колледж или университет), которая занята на должностях специалистов или управленцев. Большинство выезжающих за рубеж из Китая туристов принадлежат к высшему и среднему уровню туристского рынка.

Платежную способность китайских туристов, выезжающих за рубеж нельзя недооценивать. По туристским расходам в других странах Китай в 2013 году вышел на 1-е место (табл. 6). Они превышают расходы на выездной туризм, т.е. на собственно путешествие. Это отличает китайских туристов от западных путешественников, основная доля расходов которых приходится на размещение и услуги. Особенностью потребления является высокая доля расходов на дорогие товары всемирно известных торговых марок: одежда, ювелирные изделия, часы,

парфюмерия, косметика, высококачественная техника. В последние годы очень выросла доля покупок в системе Duty Free. В результате китайские туристы в течение семи последних лет являются мировыми лидерами Tax Free. А в 2014 году их доля в мировом Tax Free составила 30%, с. ростом 18% по отношению к 2013 г.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить, что Китай является перспективной страной для развития в ней туризма. Его успехи и феноменальные рекорды на мировом туристском рынке говорят о ее перспективном будущем в сфере туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNWTO Tourism Highlights, 2015 Edition / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://mkt.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2015-edition> – Дата доступа: 30.09.2015.
2. The World Factbook. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/rankorder/200>: – Дата доступа: 09.10.2015.
3. World Travel and Tourism Council Data / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://knoema.ru/WTTC2015/world-travel-and-tourism-council-data-2015> – Дата доступа: 09.10.2015.
4. World Tourism Organization Database, April, 2015 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://knoema.ru/WTOdb2015Feb/world-tourism-organization-database-april-2015> – Дата доступа: 09.10.2015.
5. Review of China's Outbound Travel Market / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://yandex.by/search/?rdrnd=862645&text=The%20Chinese%20Outbound%20Travel%20Market%20&clid=2186617&lr=157&p=1> – Дата доступа: 12.10.2015.

Чэнь Чун
(Гомель, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КИТАЕ

Рассматривается опыт реализации в Китае экономической политики догоняющего развития сквозь призму развития частного предпринимательства.

Ключевые слова: *частное предпринимательство, государство, государственная корпорация, реформа, экономика*

Experience of realization in China of economic policy of the catching-up development through a prism of development of private business is considered.

Keywords: *private business, state, state corporation, reform, economy*

Экономическое, социальное и культурное развитие Китая на протяжении веков проходило под воздействием причудливого переплетения двух начал:

натурального и денежного хозяйств. В стране господствовало натуральное хозяйство, но существовало и денежное хозяйство. Частная собственность, товарообмен, регулярные налоги, государственное регулирование экономики возникли в Китае ещё до нашей эры. Деньги, в том числе бумажные, появились в Китае очень давно. Уничижительное отношение к торговле и торговцам существовало в Китае также веками. Однако оно сочеталось с теоретическими и практическими поисками в области денежного хозяйства, распространившимися намного раньше, чем в других странах мира. В одном из древнейших философско-политических трактатов – Шан цзюнь шу (Книге правителя области Шан, авторство приписывают Гунсунь Яну, (390–338 гг. до н.э.), известному под именем Шан Яна) говорится: «Земледелие, торговля, управление – три основные функции государства. Земледельцы обрабатывают землю, торговцы доставляют товары, чиновники управляют народом» [1, с. 221]. Проблемы определения, если пользоваться современной терминологией, оптимальных масштабов денежной массы, допустимых размеров налогов, их подразделения на натуральные и денежные, становления «денежных» домов, формирования бюджетных и внебюджетных фондов, кредитных отношений, равно как и ряда других элементов денежного хозяйства, вызвали интерес в Китае уже на ранних этапах формирования государства.

Преданность земледелию как основе основ экономики, культивируемая в стране на протяжении всей её истории, не исключала, а усиливала отношение в стране к торговле. Государство как верховный собственник вынуждено было на протяжении веков искать рациональные способы применения различных элементов денежного хозяйства, использовать в своих интересах рычаги, если снова пользоваться современной терминологией, макро- и микрорегулирования экономики.

В Китае главными преградами на пути развития частной собственности были господство в экономике государства, а также родовых, клановых, кровнородственных, местнических отношений во всех областях жизни общества.

Середина XX века ознаменовалась драматичными событиями – в Китае закончилась эпоха сосуществования и соперничества двух начал – социалистического и рыночного, развернулась борьба между ними. С провозглашением Китайской Народной Республики историческое движение материковой части страны было подчинено логике, основам культуры, интересам натурального хозяйства. Партия-государство на материке всей своей мощью пресекло становление частной собственности и товарно-денежных отношений. На протяжении долгих 30 лет они рассматривались как явление, чуждое и вредное для национального возрождения и развития.

В другой части страны – на Тайване восторжествовало иное начало. Партия-государство на острове подчинило свою деятельность логике, культуре, проблемам развития частной собственности и товарно-денежных отношений. Победа этого начала стала возможной во многом благодаря тому, что на острове волей исторических судеб сконцентрировалась практически вся предпринимательская и инженерно-техническая элита дореволюционного Китая, её капитал и международные связи.

Потребовалось почти 30 лет для того, чтобы в Китае окончательно выявились разительные итоги разрыва этих двух начал. Островная часть Китая на Тайване во всех отношениях опередила материковую часть Китая. Только политический, экономический и социальный кризис на материке в конце 70-х годов XX века и эффективность функционирования экономики островной части Китая – Тайваня, равно как Южной Кореи и Японии, способствовали признанию руководством страны необходимости возрождения частной собственности и товарно-денежного хозяйства.

Партия-государство фактически согласилось с тем, что без этих основ хозяйственной жизни оно не в состоянии решать проблемы развития страны. Однако потребовалось ещё 16 лет для допущения частной собственности и рыночного хозяйства. Но частная собственность признаётся весьма специфическим образом. Компартия Китая и китайское государство подразделяют формы собственности на главные и прочие. Государственная, «общественная» собственность рассматриваются в качестве фундамента «социалистической» экономики. Покровительством государства пользуются предприятия и организации, созданные иностранным капиталом. Остальные формы собственности с 80-х годов XX века не квалифицируются более как абсолютно чуждые «социализму», но вплоть до конца 90-х годов XX столетия использовались в качестве одного из главных финансовых источников материальной поддержки государственного сектора [2, с. 183–184].

Только в конце 90-х годов прошлого столетия руководство КПК и государства пришло к осознанию того, что неэффективность государственного сектора превратилась в основное препятствие на пути дальнейшего наращивания экономического потенциала страны, а «прочие» формы собственности не могут более служить донорами государственного сектора. Руководство объявило о необходимости акционирования государственных предприятий, но выступило против их приватизации, требуя сохранения в руках государства контрольного пакета акционерных компаний. Иными словами, КНР вступила в эпоху кардинальных перемен во всей совокупности общественных отношений, однако они проходят под глубоким воздействием предшествующих процессов. В связи с этим необходимо обратиться к истории для рассмотрения причин, на протяжении 20 лет реформ, тормозящих становление частной собственности и товарно-денежных отношений в качестве основ народного хозяйства в КНР.

Первый решительный шаг партий-государств на материке и на Тайване, предопределивший во многом все дальнейшие процессы, – *проведение аграрных реформ*. На материке и на острове они проводились в одни и те же годы и под одинаковым лозунгом: «Земля тем, кто её обрабатывает». Однако реформы разительно отличались друг от друга. Каковы же их отличия?

1. На материке реформа основывалась на разжигании «классовой» борьбы беднейшего, безземельного крестьянства против землевладельцев, являвшихся наиболее влиятельными людьми в родовых, клановых, кровнородственных объединениях. На Тайване пошли по пути согласования интересов всех слоёв общества.

2. На материке земля силой отбиралась у землевладельцев и безвозмездно распределялась среди безземельных крестьян, что противоречило устоям традиционных родовых, клановых, кровнородственных связей и не позволяло крестьянам осознавать себя её полновластными собственниками. На Тайване государство выкупало землю у землевладельцев и продавало её безземельным и малоземельным крестьянам. При этом выкуп проводился с таким расчётом, чтобы привлечь часть средств, поступавших бывшим землевладельцам, для финансирования промышленности, а продажа земли осуществлялась на выгодных для крестьян условиях. Им потребовался сравнительно короткий срок, чтобы полностью завершить расчёты за землю. Приобретение земли формировало сознание частного собственника.

3. На материке реформа проводилась с помощью армии, формирования союзов беднейшего крестьянства и массовых репрессий. Бывшие землевладельцы, члены их семей были социально выделены из общей массы населения. Вплоть до конца 70-х годов XX века они рассматривались в качестве враждебных «социализму» элементов. На протяжении 30 лет они подвергались физическим и моральным издевательствам. На Тайване реформа проводилась экономическими методами, что способствовало формированию социальной стабильности общества и государства.

4. На материке с помощью налоговых и неналоговых изъятий, а затем монопольных закупок сельскохозяйственной продукции по заниженным ценам партия-государство стало отчуждать в своё распоряжение средства, размер которых превышал объём прошлых арендных платежей землевладельцам. На Тайване, напротив, государство создало разветвленную систему поддержки частных крестьянских хозяйств.

5. На материке аграрная реформа не решила жизненных проблем крестьянства, прежде всего главную – спасение от голода. Ограниченность пахотного клина и сельскохозяйственных угодий, экономическое обескровливание деревни, обеспечиваемое политикой партии-государства, вынудили крестьянство продолжить поиск выхода из положения. Партия-государство предложило им путь хозяйственного объединения и крестьянство поверило в спасительность этой меры. Характерно, что для проведения аграрной реформы, первые попытки осуществления которой начались задолго до провозглашения КНР, потребовалось более 20 лет, однако для полного кооперирования крестьянства ушло всего три года и уже через год крестьянство пошло на самое радикальное изменение основ своей жизни – образование «народных коммун». Крестьянство, надеясь на спасение от голода, легко отказалось от частной собственности на землю, одновременно возродив родовые, клановые, кровнородственные устои своей жизни. Кооперативы, «коммуны» явились только формой новых производственных отношений, их реальное содержание во многом определялось традиционными нормами деревенской взаимопомощи. Ни одна из этих перемен ни привела к устранению голода из жизни крестьянства, и в конце 70-х годов в стране развернулось стихийное крестьянское движение за уравнительное распределение земли по крестьянским дворам. Мощь массового движения была столь велика, что партия-государство после нескольких лет колебаний согласилась с требованиями крестьянства. В

КНР возникла система подворного подряда. Крестьяне превратились фактически в арендаторов у комитетов сельских жителей, получив право на временное владение и использование земельных наделов. В деревне восторжествовали фактически традиционные основы хозяйственной жизни, во многом напоминающие общинные отношения.

На Тайване, напротив, аграрная реформа создала простор для быстрого подъёма сельского хозяйства и одновременно всей экономики острова. Иными словами, на Тайване с самого начала господства гоминьдановской администрации вся стратегия развития была неразрывно связана с формированием рыночных отношений. Экономическая, социальная и культурная политика партии-государства подчинялась интересам развития и реформ.

Следует отметить, что создание и развитие частного предпринимательства на Тайване было длительным процессом, направляемым и регулируемым государством. Схематично можно выделить несколько этапов на этом долгом пути.

Первый этап – *аграрная реформа 50-х годов XX века*. В её ходе и в течение последующих 10 лет, отведённых для выкупа бывшими арендаторами своих земельных наделов, в деревне сложился слой частных трудовых крестьянских хозяйств. Около 400 крестьянских объединений, выполнявших снабженческо-сбытовые и кредитные функции, а также первые сельскохозяйственные кооперативы явились важными рычагами экономического воздействия партии-государства на мелкое крестьянское хозяйство. Происходила его модернизация и интенсификация: распространялись высокоурожайные сорта сельскохозяйственных культур, совершенствовалась и расширялась ирригационная система, увеличивалось применение химических удобрений [4, с. 2].

50-е годы были периодом господства в стране крупных государственных корпораций, производивших до 60% всей промышленной, продукции. Тем не менее, уже тогда партия-государство приступило к стимулированию развития мелкого и среднего частного предпринимательства, установив для него систему государственного кредитования и налоговые льготы. Одновременно с помощью государственного контроля над импортом был ограничен или запрещён ввоз товаров, способных навредить местному производству. В результате в 1959 году на частных предприятиях впервые было произведено больше промышленной продукции, чем в государственном секторе [4, с. 68].

Второй этап охватил *60–70-е годы XX столетия*. В эти годы партия-государство сконцентрировало свои усилия на создании крупных фирм в ведущих отраслях экономики. Были созданы специальные центры развития ряда отраслей тяжёлой промышленности, которые оказывали предпринимателям помощь в получении кредитов, организации управления и сбыта, проведении исследовательских работ, обеспечивали предпринимателей научно-технической информацией. Были приняты законодательные меры, поощрявшие создание акционерных компаний, слияние мелких и средних предприятий. С начала 60-х годов быстрый рост частного предпринимательства обеспечил его ведущую роль в народном хозяйстве острова. Наиболее динамично расширялись позиции среднего и крупного капитала. При этом мелкий и средний бизнес продолжал определять облик всей экономики Тайваня.

Третий этап – *80–90-е годы XX века*. Наиболее важной чертой государственной политики в отношении частного предпринимательства в этот период явились процессы приватизации государственных предприятий, сокращения масштабов непосредственного государственного вмешательства в сферы производства и распределения, стимулирования частной инвестиционной деятельности. Партия-государство отказалось от регламентации цен на внутреннем рынке, сократило с 35 до 25% налог на прибыль корпораций. При этом правительство контролировало привлечение иностранного капитала: оно, с одной стороны, продолжало стимулировать его поступление, но с другой – с помощью системы лицензий ограничивало его размеры в стратегически важных отраслях.

Что же касается сельского хозяйства, то государство приступило к поощрению производственной кооперации крестьянства при сохранении частной собственности на землю. В них крестьяне сообща выполняли полный цикл сельскохозяйственных работ и сбыт продукции, что позволило эффективно использовать современную технику и агротехнику, а также рыночную ориентацию производства. Правительство содействовало продаже малоземельными крестьянами своих участков и тем самым дальнейшему процессу укрупнения хозяйств, специализации сельского хозяйства.

Перечисленные меры правительства свидетельствовали о его целенаправленной долголетней деятельности по развитию частного предпринимательства в интересах подъёма народного хозяйства. В результате правительству удалось обеспечить высокоэффективный рост производства, развитие сферы услуг, непрерывный рост уровня жизни населения.

Прямой противоположностью является деятельность партии-государства в континентальной части Китая. Даже после начала реформ в конце 70-х годов партия-государство не занималось разработкой стратегии и тактики развития частного предпринимательства. Партия-государство сконцентрировало все свои усилия на наращивании экономического потенциала, подчинив этой цели свою реформаторскую деятельность. Оно пошло на допущение частного предпринимательства, согласившись с неизбежностью его существования, будучи не в состоянии эффективно решать главную социальную проблему страны – обеспечение рабочими местами многомиллионных масс населения. При этом власти до последнего времени сохраняли подозрительное отношение к частному предпринимательству как проявлению капитализма. На XV съезде КПК (1997 г.) было ещё раз отмечено, что партия-государство связывает перспективы развития общества и государства только с «общественными» формами собственности.

Решающий шаг, сделанный в конце 70-х годов партией-государством на пути возрождения частного предпринимательства, – разрешение самостоятельного трудоустройства и поиска средств существования горожанам. Была допущена миграция в города сельских жителей. Крестьянам разрешено было создание несельскохозяйственных предприятий в деревне. В результате частный сектор в стране возник и стал постепенно расширяться. Эти меры правительства следует пояснить.

Прежде всего власти пошли на дифференциацию понятия частного сектора, введя в оборот понятия «индивидуальный сектор» и «частный сектор». Суть различий между ними заключается в том, что под понятие частного производства попадают заведения, насчитывающие более пяти-восьми работников, то есть выходящие за рамки семейного хозяйствования. В стране развернулись стихийные процессы, связанные с тем, что частные предприниматели, сталкиваясь с постоянными посягательствами на их достояние со стороны местных властей, с опасностью полного или частичного запрета, вынуждены были искать легальные способы выживания. Так, в китайской печати неоднократно указывалось, что заметную долю так называемого коллективного сектора составляют фактически частные предприятия, только зарегистрированные в качестве «коллективных». В стране возникли многие миллионы предприятий, называемые официально «волостными и поселковыми», характер собственности которых официально никак не определялся.

Поэтому сегодня разобраться в реальном положении дел с формами и содержанием собственности достаточно сложно. Некоторые китайские исследователи, в том числе один из ведущих сотрудников органа ЦК КПК журнала «Хунци» Хуан Вэйдин, всю хозяйственную деятельность в китайской деревне склонны относить к теневой экономике [5].

Но партия-государство и не стремилось к полной ясности с формами собственности. Например, заметную часть так называемого коллективного сектора (и предприятий «волостей и посёлков») составляли предприятия и организации, учреждённые государственными предприятиями, местными органами власти или теми и другими вместе. Основной мотив их действий определялся тем, что на наёмный персонал предприятий в этих сферах хозяйства не распространялись гарантии постоянного места работы, определённой зарплаты и разного рода социальных льгот, характерных для государственного сектора. Действуя таким образом, партия-государство стремилось полностью использовать резервы роста производства и объёма услуг, кроющиеся в существовании масс безработных и гигантского аграрного перенаселения.

За прошедшие годы, несмотря на увеличение численности рабочих и служащих в государственном секторе, в наибольших масштабах расширилась сфера частной и смешанных, переходных форм собственности. Состав смешанных, переходных форм собственности чрезвычайно пёстр – это хозяйственные организации, основанные на объединении в самых разных сочетаниях государственного, частного, кооперативного и артельного капитала. Они носят переходный характер, так как служат основой для расширения масштабов акционерной и частной форм собственности. Часть из таких хозяйственных организаций, созданных на основе привлечения государственного капитала, будут и впредь находиться под прямым или косвенным управлением государственных органов.

В этой связи следует отметить, что среди предприятий с иностранным капиталом, персонал которых отнесён нами к частной форме собственности, также существует немало государственных предприятий. В конце 90-х годов XX века на предприятиях с иностранным капиталом всех отраслей было создано 20%

ВВП, в том числе на государственных предприятиях с иностранным капиталом – 7% [6].

Есть все основания говорить о том, что роль государственного сектора в развитии народного хозяйства КНР систематически занижалась. Поскольку в его составе находятся наиболее крупные предприятия, производящие основную часть продукции и услуг, нельзя не признать, что государственный сектор играл и продолжает играть ведущую роль в экономике страны.

Особо нужно упомянуть о предприятиях «волостей и посёлков». Их персонал в большинстве своём состоит из крестьян. Примечательная черта – часто отмечаются случаи, когда все работники предприятия являются родственниками, а само предприятие создано комитетом сельских жителей, а точнее – местным кланом или несколькими кланами.

Говоря о частном предпринимательстве, нельзя не отметить примечательный факт: КПК на начальных этапах реформ стимулировала членов партии, прежде всего разного рода деревенских руководителей, заниматься частным предпринимательством и предприняла попытки формирования ячеек партии в объединениях частных предпринимателей, но в середине 90-х годов стала заявлять о несовместимости членства в КПК с занятием частным предпринимательством. На деле эти и другие меры («двухколейная» система цен, подрядная система управления государственными предприятиями, система индивидуальной и коллективной аренды государственных предприятий, сохранение одновременно с рыночным фондируемого распределения материально-технических ресурсов, регулирования государственным аппаратом практики выделения кредитных средств и т. д.) создали мощные импульсы для развития коррупции и разложения партийно-государственного аппарата, для формирования массового процесса обмена власти на капитал. Не приходится удивляться тому, что представители ортодоксально марксистского течения в КПК обвиняют теперь её руководство в потворстве «буржуазной либерализации». Они заявляют, что численность и позиции буржуазии в экономике страны в результате реформ стали значительно более внушительными, чем в конце 40– начале 50-х годов XX века, что в то время буржуазия была вне партии, а теперь – в её составе, что настала пора борьбы с ней.

Не получая политического признания, сталкиваясь с трудностями получения кредита, подвергаясь должностному рэкету со стороны чиновничества, не имея налоговых льгот, страдая от многочисленных поборов местных властей, частное предпринимательство в КНР представлено преимущественно мелкими заводиками, мастерскими, маломощными организациями. Сдвиги в социально-экономической структуре КНР в конце 90-х годов представлено в таблице 3.

Государство на протяжении последних 20 лет вкладывало средства почти исключительно в государственный сектор. На его долю приходится более половины всего объёма капиталовложений в основной капитал. Тем не менее, постепенно возрастает инвестиционная активность во всех секторах народного хозяйства, особенно предприятий и организаций, отнесённых официальной китайской статистикой к смешанной, переходной форме собственности. Особенность инве-

стиционной деятельности китайского общества заключается в том, что банковские кредиты практически недоступны для представителей мелкого и среднего национального частного капитала, не говоря уже об индивидуально-семейном предпринимательстве. Основные получатели банковских кредитов – государственные предприятия и предприятия, полностью или частично принадлежащие иностранному капиталу.

Таблица 1. Сдвиги в социально-экономической структуре Китая

Абсолютная численность занятых (млн. человек)				Структура занятости (в% к итогу по годам)		
Годы	1980	1990	1996	1980	1990	1996
Всего	423,7	639,1	688,5	100	100	100
Государственный сектор	80,2	103,5	112,4	18,9	16,6	16,9
Смешанные, переходные формы собственности, всего	54,3	129,1	169,4	12,8	20,8	25,4
в том числе предприятия «волостей и посёлков»	30,0	92,6	135,1	7,0	14,9	20,3
Частный сектор, всего	0,8	24,3	67,3	0,2	3,9	10,1
в том числе национальный капитал	-	1,7	11,7	-	0,3	1,7
Индивидуально-семейное предпринимательство	0,8	50,2	21,0	0,2	3,4	7,5
Крестьяне-арендаторы	288,4	316,7	364,2	68,1	58,6	47,5

Символично, что частное предпринимательство постепенно, преодолевая многочисленные препоны на пути своего развития, начинает играть заметную роль в народном хозяйстве. Однако пока оно обречено оставаться мелким, крайне слабо технически оснащённым. Исключение составляют только предприятия, учреждённые с участием иностранного капитала.

Понятие «крестьяне-арендаторы» официально в КНР не употребляется, говорится о системе подворного подряда.

В КНР не существует частной собственности на сельскохозяйственные угодья. Хотя в китайской печати время от времени поднимается вопрос о целесообразности введения частной собственности на землю, на современном этапе это вряд ли возможно. Главным препятствием на пути допущения частной собственности на землю служат не идейно-политические основы Компартии Китая, хотя преуменьшать их значение было бы серьёзной ошибкой. Главное – это *острый дефицит пахотных площадей при беспрецедентном аграрном перенаселении*.

Таким образом, можно с полным основанием отметить, что партия-государство в КНР, пойдя на допущение частного предпринимательства, оказалось не в состоянии на протяжении 20 лет сделать важный шаг – разработать стратегию и тактику его легального развития. В результате частные предприниматели преодолевали преграды на своём пути, развивая теневую экономику. Только в 1999 году партия-государство наконец-то признало частную собственность «важным компонентом» социалистической экономики.

В чём же актуальность опыта Китая для стран, вставших и встающих на путь рыночных преобразований? Во-первых, в том, что в основу всей деятельности партий-государств на материке и на острове положена долгосрочная стратегия экономического и социального развития, полного и безоговорочного подчинения партии всех реформаторских начинаний.

Во-вторых, опыт Китая свидетельствует о том, что становление и развитие частной собственности и частного предпринимательства является историческим процессом, имеющим собственную логику развёртывания, что государство призвано стать организатором и руководителем этого процесса. Стратегия и тактика государства в этой области должна представлять органическое единство политики в государственном строительстве, экономике, социальных отношениях, культуре.

Стратегия и тактика развития частного предпринимательства в условиях, например, стран СНГ, где значительная часть населения не имеет культуры рыночных отношений, элементарных навыков в этой области, почти непременно должна сталкиваться с массовым менталитетом как сложившейся системой традиций и устоявшихся представлений. Должно быть предусмотрено постепенное изменение частного предпринимательства – это длительный и безболезненный процесс.

В-третьих, развитие частного предпринимательства неразрывно связано не только с нововведениями как таковыми, но и, что особенно существенно, – с вовлечением максимальной массы населения в создание новых условий своего труда и быта. Их основы могут и должны изменяться только тогда, когда значительная часть населения убеждается в необходимости разрушения старых порядков. Преобразования должны быть понятными и желательными для большинства населения.

В-четвёртых, главную роль в развитии общества по пути становления рыночного хозяйства и обеспечении сознательного участия населения в этом процессе должно играть государство. Оно призвано направлять и руководить развитием частного предпринимательства, а важнейшим условием осмысленных и целенаправленных действий государства является долгосрочная стратегия и тактика развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / пер. с кит. ; предисловие и комментарий Л. С. Переломова. – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1976. – 254 с.
2. Сорвилов, Б. В. Государственные предприятия как фактор модернизации страны / Б.В. Сорвилов, Чэнь Цян // Вестник экон. интеграции. – 2009. – № 11–12. – С. 180–186.
3. Taiwan Statistical Data Book. 1993. – Council for Economic Planning and Development, ROC. – 1993.
4. Taiwan Statistical Data Book. 1995. – Council for Economic Planning and Development, ROC. – 1995.
5. Huang Weiding. Zhongguo di yinsing jingli. 1996. = Хуан Вэйдин. Тайная экономика Китая. 1996. – Beijing: Zhongguo shange chubanshe, 1997.
6. Zhongguo tongji nianjian, 1997. – Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 1997. – P. 152–153.

*Юрова Н.В., Яо Цзяхуэй
(Минск, Беларусь; Пекин, Китай)*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КНР И ВЬЕТНАМА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Данная статья посвящена перспективам развития торговых отношений КНР и Вьетнама, изучению ключевых проблем и возможностей в условиях региональной интеграции. В статье представлен анализ взаимной торговли товарами двух стран и разработаны предложения по дальнейшему эффективному развитию торговых отношений.

Ключевые слова: *КНР, Вьетнам, внешняя торговля, региональная интеграция, АСЕАН*

This article is dedicated to perspective for the development of trade relations between China and Vietnam, to examination of key problems and opportunities in terms of regional integration. The article presents an analysis of the mutual trade of both countries and the proposals for the further effective development of trade relations.

Keywords: *CHINA, Vietnam, foreign trade, regional integration, ASEAN*

В последние десятилетия Китай проводит политику взаимовыгодного экономического и политического сотрудничества со многими странами мира. Китай занимает лидирующие позиции в области торговли и инвестиций. Но в настоящее время все большее внимание Китай проявляет к приграничным странам, в том числе в рамках региональной интеграции. Особый интерес вызывает установление добрососедских отношений с социалистической Республикой Вьетнам и развитие на этой основе взаимовыгодного внешнеторгового сотрудничества.

Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) в последние годы проводит курс обновления и уже сейчас добилась первых очень важных и вдохновляющих результатов. Многие предприниматели со всего мира проявляют большой интерес к изменению всех сторон общественно-экономической жизни вьетнамского народа.

Социалистическая Республика Вьетнам граничит на юге с Китайской Народной Республикой и с древних времен поддерживает с ней тесные экономические и политические контакты. С 1990 года торговля товарами и услугами между Китаем и Вьетнамом получила быстрое развитие. С увеличением взаимных визитов на высшем уровне обе страны достигли договоренностей по многим вопросам в коммерческой сфере. В 2002 году была официально запущена зона свободной торговли «Китай-АСЕАН (АСФТА)»: Китай с шестью странами АСЕАН планировал завершить реализацию проекта зоны свободной торговли в 2010 году, а с новыми членами – в 2015 году. По данным «рамочного соглашения между Китаем и АСЕАН о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве», Китай стремится представить Вьетнаму, Лаосу и Камбодже, которые еще не вступили в ВТО, многосторонний режим наибольшего благоприятствования в торговле. В апреле 2003 года Вьетнам предложил укреплять связи между двумя странами и определил новую дипломатическую повестку дня для дальнейшего

содействия обмену и сотрудничеству, особенно в экономической, торговой, научно-технической сфере. В 2004 году две страны подписали соглашение о сотрудничестве Китайской национальной инспекции и бюро карантина с вьетнамскими крупными отделами. Общий объем товарооборота устойчиво рос с 6,74 млрд. долларов США в 2004 году до 65,482 млрд. долларов США в 2013 году, среднегодовой темп роста увеличился более чем на 20%. Это означает, что товарооборот между двумя странами вступил в период роста с высокой скоростью. Китай стал второй по величине страной экспорта Вьетнама. Объем экспорта Вьетнама в Китай составил 10,7% от общего объема экспорта, и уступил только США.

Безусловно, экономики двух стран хорошо дополняют друг друга и сотрудничество имеет огромный потенциал, особенно в импорте и экспорте сырьевых товаров. В настоящее время Китай импортирует из Вьетнама четыре категории товаров (более 100 видов продукции). *Первая категория* – сырьё, уголь, нефть, железная руда, лекарственные травы, пищевое масло, натуральный каучук и т.д. *Вторая категория* – сельскохозяйственная и лесная продукция, продукты питания (фрукты, сушеный сладкий картофель, рис, бобы, тропические фрукты). *Третья категория* – рыба и морепродукты. *Четвертая категория* – товары повседневного спроса.

Китай экспортирует во Вьетнам пять категорий товаров (более 200 видов продукции). *Первая категория* включает в себя оборудование для производственных линий (цемента, сахара и т.д.). *Вторая категория* включает машины и оборудование (медицинское, текстильное), транспортные средства, сельскохозяйственные машины, и т.д. *Третья категория* включает сырьё, нефтепродукты, цемент, сталь, стекло, химическое сырьё, пестициды и удобрения. *Четвертая категория* включает зерновые, фрукты, муку, растительное масло, семена растений и т.д. *Пятая категория* включает в себя предметы первой необходимости (медикаменты, электроника, одежда, игрушки и т.д.) [2].

По данным таможенной статистики 2013 г. в пятерку продуктов, которые Китай импортировал из Вьетнама входят: полезные ископаемые и топливо, хлопок, древесина и изделия из древесины, машины и электроника. Общий объем импорта достиг 11,369 млрд. долларов США, по сравнению с 2012 г. увеличился на 24% и составляет 67,3% от общего объема импорта Китая из Вьетнама. Электроника занимает первое место по импорту товаров и составляет 6,965 млрд. долларов США, по сравнению с тем же периодом прошлого года рост на 6,2%; Полезные ископаемые и топливо были ввезены на сумму в 1,407 млрд. долларов США, по сравнению с 2012 г. сумма снизилась до 29,7%; тогда же как машины и оборудование, увеличились на 21,1%. Дерево и изделия из древесины импортированы на 1,004 миллиарда долларов США, по сравнению с 2012 г. сумма увеличилась на 30,2%. Минимальный импорт хлопка – 913 миллионов долларов США, по сравнению с тем же периодом прошлого года вырос на 46,8% [2].

За тот же период в пятерку продукции экспортируемой во Вьетнам вошли трикотажные изделия, техника, электроника, сталь и хлопок. Общий объем экспорта достиг 25,041 млрд. долларов США, по сравнению с тем же периодом 2012

года вырос на 47,4% и на 51,5% от общего объема экспорта продукции во Вьетнам.

Необходимо отметить, что в области торговли между двумя странами в 2013 году, экспорт китайских традиционных продуктов во Вьетнам продолжил расти, а экспорт хлопка в 2013 году увеличился на 71,1%, экспорт электроники вырос на 56,3%. Импорт из Вьетнама тоже был на подъеме, в 2013 году импорт хлопка в Китай вырос на 46,7%, значительно вырос импорт электронных изделий, на 6,2%. Структура импорта Китая начала меняться: увеличились объёмы импорта дерева и продукции из древесины, это обусловлено ростом спроса Китая; увеличился объём импорта электроники из Вьетнама. Увеличение импорта электроники показывает, что конкурентоспособность этой продукции значительно выросла.

Таблица 1. Индекс сравнительных преимуществ в товарообороте за 2013 год

SITC ¹	Индекс	SITC	Индекс
I. Сырьё	0,88	II. Промышленные продукты	8,1
0. Продукты и животные	1,78	5.Химические продукты	10,16
1. Напитки и табак	-	6.Промышленные товары, классифицируемые по материалу	7,29
2.Непродовольственное сырьё (за исключением топлива)	0,33	7. Машины и транспортное оборудование	8,69
3. Минеральное топливо	0,83	8. Прочие продукты	9,35
4. Животные и растительные масла, жиры и воск	0,02	9.Другие товары	-

Источник: авторская разработка на основе источника [4]

В таблице 1 представлен расчет индекса сравнительных преимуществ² (основан на статистике импорта и экспорта в 2013 году в импортной и экспортной торговле между двумя странами). Вьетнам экспортирует в основном первичный продукт, такой как минералы и сельскохозяйственная продукция. Экспорт промышленных товаров из Китая больше, чем импорт, и ставка профицита более 78%. Это показывает, что в торговле двух стран приоритетной является межотраслевая торговля, и она имеет очень сильную взаимодополняемость.

1

S

I

T

²Индекс сравнительных преимуществ – это отношение экспорта некоторых продуктов к импорту. Если этот показатель >1, то именно экспорт этой страны больше, чем импорт, т.е. эта страна имеет сравнительное преимущество этих продуктов; если этот показатель < 1, то это означает, что эта страна не имеет сравнительное преимущество. [3, с.95]

n

d

a

r

Таким образом, Китай и Вьетнам в двусторонних импортно-экспортных отношениях имеют взаимодополняющую структуру и характеризуются взаимодополняемостью ресурсов. Во Вьетнаме проживает 87,84 миллиона человек (88% населения в возрасте до 54 лет). Китай вступает в стадию старения населения. Китай теряет преимущества стоимости рабочей силы, дешевизна рабочей силы становится преимуществом Вьетнама. Это может помочь Китаю покрыть нехватку рабочей силы. Природные ресурсы Китая в связи с динамичным экономическим ростом постепенно сокращаются, поэтому за счет импорта из Вьетнама, который полон ресурсов, можно облегчить давление на национальное производство. Вьетнам экспортирует конкурентоспособную продукцию на международном рынке, главным образом, сельскохозяйственную продукцию и ресурсы. Сельскохозяйственная торговля является одним из важных направлений торговли между двумя странами.

Вьетнам – традиционная сельскохозяйственная страна (её сельское население составляет 75% от общего населения, на обрабатываемые земли и лесные угодья приходится 60% от общей площади). Китай как страна с населением в 1,4 млрд. человек, является наиболее важным сельскохозяйственным торговым партнером Вьетнама, но между тем, во Вьетнаме остаётся профицит торговли сельскохозяйственной продукцией [5].

Таким образом, товарная структура двух стран является относительно простой, научно-техническое содержание взаимных торговых отношений является низким, что, безусловно, будет непосредственно влиять на развитие импорта и экспорта между странами. Поскольку сотрудничество в области высоких технологий двух стран, а также доля высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью остаётся очень низкой, поэтому для дальнейшего развития внешнеэкономического сотрудничества двух стран необходимо культивировать новые точки роста.

С развитием торговли статус двух стран в их торговых партнерских отношениях значительно улучшился. Вьетнам является одним из основных партнеров Китая в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Увеличение доли торговли между Китаем и Вьетнамом улучшило положение в торговле Китая и Ассоциации государств Юго-восточной Азии (АСЕАН). В последние годы в Юго-Восточной Азии и на международных рынках, Вьетнам признан одной из стран с наибольшим потенциалом. Темпы развития Вьетнама существенно выделяют его из стран региона как одну из стран-членов АСЕАН.

В настоящее время Китай и Вьетнам сталкиваются с подобными ситуациями и проблемами в процессе реформ и реализации политики открытости. *Политически*, они сталкиваются с проблемами руководства коммунистической партией, развитием демократии, улучшением правовой системы и др. *Экономически*, с проблемами развития сельского хозяйства, с проблемами эффективности развития государственных предприятий, проблемами сбалансированного развития региональной экономики и т.д. *Социальные проблемы*: гарантии социальной справедливости, недопущение резкого расслоения населения и т.д. *Культурные проблемы*: сохранение культурной идентичности. Таким образом, Китай и Вьетнам должны активизировать обмены и сотрудничество друг с другом, чтобы найти

пути развития в соответствии с национальными особенностями и реализовать экономическую и социальную модернизацию стран.

В целях содействия долгосрочному и стабильному развитию двустороннего торгово-экономического сотрудничества, правительства двух стран должны разрабатывать новые стратегические программы, чтобы вывести отношения на более высокий и качественно новый уровень.

Прежде всего, на уровне взаимодействия правительств необходимо устранить разрыв в сознании. Доверие является основой двустороннего сотрудничества. Эти две страны должны укреплять дружественные отношения, расширять обмены, укреплять взаимное доверие с тем, чтобы постепенно устранить барьеры и расширить внешнеэкономическое сотрудничество.

Китай и Вьетнам имеют схожие историю культуру и сильное чувство национальной идентичности. Исходя из этого, следует через культурное пространство создавать платформы китайско-вьетнамской торговли, экономики, сотрудничества в области сферы услуг. Кроме того, некоторые средства массовой информации и руководители компаний Вьетнама все еще думают, что продукция в Китае дешевая, но качество оставляет желать лучшего. На самом деле, в Китае много продукции хорошего качества и передовых технологий, но они не популярны во Вьетнаме. Для решения этой проблемы, Китай много раз приглашал представителей деловых кругов Вьетнама посетить «Гуандун ярмарку», «Куньмин ярмарку» и другие масштабные выставки, чтобы компании Вьетнама могли воочию узнать больше о китайской продукции. Кроме того, следует регулярно проводить выставки, чтобы показать достижения Китая и Вьетнама. Это поможет постепенно устранить вьетнамские общественные предрассудки по поводу качества китайских товаров. Во Вьетнаме могут быть открыты торговые центры с китайской продукцией: высококачественная продукция Китая может постепенно завоевать хорошую репутацию.

Прогресс в двусторонних внешнеэкономических отношениях может привести к гармоничному развитию в политической, военной, культурной и других областях и создать прочную основу для роста благосостояния населения двух стран. С точки зрения региональной стабильности в Юго-Восточной Азии, отношения между Китаем и Вьетнамом являются очень важными, поскольку они совместно могут защищать и отстаивать свои национальные интересы на международном рынке как в двустороннем формате, так и в формате участия в региональной интеграции.

Для перспективного развития взаимовыгодных торговых отношений Китая и Вьетнама следует реализовать следующие меры и мероприятия:

1. Правительства двух стран должны координировать экономическую и торговую политику, а также принять меры по урегулированию торговых механизмов, расширяя внешнюю открытость торговли. В волне глобализации экономики и региональной интеграции, степень торговой зависимости двух стран, углубление тесных отношений их экономического и торгового сотрудничества, правительства двух стран должны сформировать соответствующую экономическую и торговую политику в целях содействия развитию двусторонней торговли. Обе стороны должны расширить существующую конструкцию зоны приграничного

экономического сотрудничества и открыть больше пограничных портов для активного развития двусторонней приграничной торговли.

2. Правительства должны продолжать корректировать уровни тарифов. Теоретически и эмпирически доказано, что уровень тарифов является важным фактором в торговле между двумя странами. До вступления Вьетнама в ВТО, Китай пообещал ему в одностороннем порядке режим наибольшего благоприятствования для выхода вьетнамских товаров на китайский рынок. После вступления Вьетнама в ВТО и в сформировавшуюся зону свободной торговли «Китай – АСЕАН», Вьетнам получил большие преимущества для развития торговли.

В соответствии с графиком снижения тарифов в зоне свободной торговли «Китай – АСЕАН», все члены должны постепенно снижать тарифы, и в зависимости от конкретных обстоятельств, должны обеспечить специальное положение о содействии развитию торгово-экономического сотрудничества между странами.

В содержании рамочного соглашения о зоне свободной торговли «Китай-АСЕАН» определены тарифные льготы для внутренних членов, а затем отказ от нетарифных барьеров и принятие мер по упрощению процедур торговли. Из-за разного уровня развития Китая и стран АСЕАН, развития отраслей и регионов, также различаются тарифные льготы в соответствии с конкретной ситуацией. Для отдельных товаров есть исключения. Так, Вьетнам и Китай должны в соответствии с правилами взаимных договоренностей, методично выполнять свои соответствующие обязательства: снижать тарифы, координировать свои действия с таможенными процедурами в целях содействия торгово-экономическому сотрудничеству между двумя странами.

3. Правительства двух стран должны содействовать укреплению и строительству инфраструктуры. Хотя затраты на транспортировку не самый главный фактор, влияющий на торговлю двух стран, но, безусловно, один из определяющих, поэтому необходимо ускорить строительство портовой инфраструктуры, являющейся чрезвычайно важной для торговли между двумя странами. В Китае, провинции Гуанси и Юньнань могут воспользоваться их географическими преимуществами и установить региональную базу материально-технического обеспечения, бизнес-базу, базу обработки и производства и центр обмена информацией, улучшить качество обслуживания правоохранительных отделов и отделов обслуживания с тем, чтобы закрепить и улучшить общий механизм координации. А правительство Вьетнама должно ускорить строительство «двух коридоров и одного рецикла», (Куньмин – Лаоцзе – Ханой – Хайфон и Наньнин – Пинсян – Ханой – Хайфон). Кроме того, чтобы построить современные порты с расширенным и специализированным оборудованием, необходимо повысить уровень подготовки обслуживающего персонала. Руководство Китая и Вьетнама должны способствовать созданию более специализированных рынков за счет повышения уровня обслуживания, повышения эффективности работы, снижения операционных издержек, ослабления ограничений въезда-выезда в порту и повышения уровня управления границами, ускорению развития индустрии логистики в китайско-вьетнамской приграничной торговле.

4. Правительства должны принять меры по укреплению финансового сотрудничества и совершенствования системы банковского урегулирования двустороннего торгово-экономического сотрудничества. В мае 1993 года, банки двух стран подписали соглашение о сотрудничестве. В соответствии с положениями соглашения, все расчеты должны проводиться через банки. Но на самом деле безналичные расчеты через банки проводятся не часто. Причина заключается в отсутствии механизмов урегулирования и определения обменных курсов. В связи с этим необходимо укрепить финансовое сотрудничество в области банковского дела, страхования и т.д., совершенствовать систему банковского регулирования. Правоохранительные ведомства должны увеличить интенсивность работы правоохранительных органов, пресекать незаконную финансовую деятельность, навести порядок и обеспечить финансовую стабильность рынка.

Таким образом, как для Китая, так и для Вьетнама важной стратегической задачей является интеграция в мировое сообщество через реализацию национальных экономических интересов. В последние годы Китай и Вьетнам активизировали участие в региональных интеграционных процессах. Взаимовыгодные двусторонние торговые отношения и интеграционные процессы в регионе, как показывает практика, позволяют придать положительный импульс социально-экономическому развитию стран-участниц. С нормализацией китайско-вьетнамских отношений, объем внешней торговли товарами между двумя странами быстро растет, ее товарная структура имеет потенциал диверсификации. Экспортно-импортные товары двух стран конкурентоспособны и взаимодополняемы, поэтому у взаимной торговли Китая и Вьетнама есть будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Главное управление статистики Вьетнама. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gso.gov.vn>.
2. Китай и АСЕАН. Таможенная статистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://customs.caexpo.com>.
3. Сальваторе, Д. Международная экономика. Учебник. //Доминик Сальваторе// Университет Цинхуа: 2011. – 649 с.
4. Китайский экономический сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ce.cn>.
5. Азиатский банк развития. Статистические данные. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adb.org/>.

**КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ИДЕИ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА ЧИСТЯКОВА И ТРАДИЦИИ РЕАЛИЗМА В ЖИВОПИСИ КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию влияния, которое оказала концепция реалистической живописи русского художника и педагога П.П. Чистякова на творчество китайских художников-реалистов второй половины XX века. Приведены примеры взаимодействия китайских традиций реализма, заложенных китайским мастером Сюй Бэйхун, и идей профессора П.П. Чистякова в работах известных китайских художников, пишущих в реалистической манере: Ло Гонглю, Ли Тяньсана, Лина Ганга.

Ключевые слова: *масляная живопись, художественный метод, китайский художественный метод, художественный стиль, реализм, русский реализм, композиция, портрет, художественный приём, П.П. Чистяков*

Abstract: *The article investigates the impact that has had the concept of realistic painting of Russian artist and Professor P. Chistyakov on creativity of Chinese realist artists of the second half of the twentieth century. The paper presents examples of the interaction of Chinese traditions of realism embodied by the Chinese master Xu Beihong, and ideas of Professor P. Chistyakov in the works of famous Chinese painters writing in a realistic manner: Lo Gonglyu, Lee Tyansan, Lin Gang.*

Keywords: *oil painting, artistic method, the Chinese artistic method, artistic style, realism, Russian realism, composition, portrait, artistic technique, P. Chistyakov*

В разные исторические периоды в Китае влияние реализма как стиля живописи, которому китайские художники обучались как в странах Западной Европы, так и в России, на развитие местного изобразительного искусства было различным.

До начала войны с Японией в 1937 г. китайская реалистическая живопись была представлена работами Сюй Бэйхуна и его учеников. В 1933 г. Сюй Бэйхун организовал выездную выставку художников-реалистов Китая. Работы художников были представлены в Германии, Франции, России и Италии. Сюй Бэйхун стал основателем реалистической школы письма в Китае, представив, а позже внедрив в университетской среде способов применения реалистического метода в китайском традиционном искусстве живописи [1, с. 300].

Реалистические произведения Сюй Бэйхуна и его учеников отличались тонкой игрой цвета, близостью сюжетов с сюжетами традиционной китайской живописи, игрой на контрастах заполненного и пустого пространства. Эти работы лишены чрезмерных контрастов, они построены на тонких отношениях и нюансах, взаимопроникновении традиционных техник письма (например, техника «Воды и туши») и методики западной живописи (перспектива, точность передачи формы, живопись маслом).

Художники-реалисты в Китае до 1937 г. в своём творчестве практиковали внимание к деталям, одновременно признавая «силу невидимых впечатлений», что подчёркивает влияние импрессионизма на первый опыт овладения реалистическим методом живописи в Китае. Чтобы создавать образы в соответствии с подобной концепцией, не достаточно было простого копирования с натуры и точного воспроизведения окружающей действительности. Нужно было подвергнуть всё это осмыслению и дать зрителю почувствовать плоды, родившиеся в момент создания художником картины. Часто художники в своих работах умышленно шли на некоторый дисбаланс и искажение изображения в пользу традиционных представлений и символических обозначений статуса персонажа и пр. Так, выписав центральный образ во всех деталях, они оставляли фон еле обозначенным, не вдаваясь в тонкости пейзажа. Ещё одна часто встречающаяся особенность – отделение главного героя или центрального события полосой света или контрастной тенью [2, с. 56], что отсылает нас к работам европейских мастеров эпохи позднего Барокко и французского Романтизма (Караваджо, Теодор Жерико).

Со временем китайским художникам удаётся некоторым образом облегчить эти акценты, сделать свет и тень родственными явлениями, увязать в единую тихую и гармоничную мелодию, даже если перед нами драматический сюжет. Подобного синтетического единства первые китайские художники-реалисты добивались благодаря строгому ритму взаимных переходов цвета и тона, продуманному контрасту приближенных и удалённых предметов, а также использования тёплых и холодных оттенков на картине. Работая в основном в жанрах портрета, пейзажа, бытовой и исторической картины, мастера живописи стремились в первую очередь обращать внимание на «внутреннее видение» человека и предмета. *«Когда сердце художника отвечает за его руки, тогда и только тогда он сможет написать хорошую картину»* - отмечал Сюй Бэйхун, говоря о содержании реалистических картин [3, с. 131]. В то же самое время, в вопросах формы он и плеяда его учеников придерживались курса реалистической живописи западной академической школы.

Такой подход оказался сродни идеям русского живописца и талантливого педагога Павла Петровича Чистякова, чьи взгляды в сочетании с педагогическим методом изучения живописи К.М. Максимова оказали большое влияние на формирование многих китайских художников второй половины XX века. Ещё во время обучения в Петербургской академии искусств, П.П. Чистяков понял, что сложно достичь совершенства, занимаясь «однообразным копированием известных гравюр и рисовании гипсовых голов» [4, с. 209]. Его не удовлетворяла система академического рисунка, чуждая объективным законам динамики живой природы.

Успехи в учёбе и призовые места на академических выставках позволили Чистякову стажироваться в Европе. Вернувшись и получив звание академика за те работы, которые были созданы на Западе, Чистяков стал преподавать в Петербургской академии, опираясь на собственные знания и новый опыт, открывшийся ему за границей. Художник был уверен, что только постоянный рост и жажда обновления дают художнику надежду на подлинное счастье в жизни и

профессии. Он выработал собственный метод обучения живописи, итогом которого должен был стать художник, способный создать произведение подлинно цельное и прекрасное. Картина – плод осмысления мастером окружающего мира, людей и обстоятельств в нём [5, с. 29]. «Рисунок – дело рассуждения. Живопись, цвета – дело чувств и умения глядеть, списывать. Простота – это высота» – вот некоторые из принципов реализма Чистякова.

Его система преподавания живописи отличалась логикой и глубоким пониманием сущности содержания живописного мастерства. Он обучал последовательно, в несколько этапов. Сначала – создание рисунка, следом – умение создавать светотень. Далее ученики Чистякова переходили к цветовому наполнению, а уже затем – к созданию композиции картины.

Чистяков считал, что искусство – дисциплина точная и гармоничная, высшее проявление науки. Он настаивал на том, что художник не должен увлекаться объективизмом [5, с. 78]. В первую очередь настоящий мастер исследует качества предмета и явления, и изображает их, подбирая характер и интенсивность приёмов создания рисунка исходя из акцентов и глубинных смыслов сюжета.

Описанная выше система взглядов и методов преподавания реалистического искусства стала весьма продуктивна в только начавшей формироваться китайской художественной системе преподавания и развития реализма в живописи.

Провозглашение китайской Народной Республики в 1949 году и позиционирование нового политического режима как «демократической диктатуры народа» [6, с. 311] сделало невозможным открыто следовать «буржуазным» идеям традиционных старых мастеров и идеям реализма Сюй Бэйхуна. В то же самое время, обучение у советских коллег всячески поощрялось.

Идеи Сюй Бэйхуна были родственны системе преподавания Чистякова, и когда китайские студенты стали приезжать в Петербург в 40-х–60-х гг. XX века, им не приходилось изучать что-то, чуждое их пониманию. Молодые китайские художники, по сути, получали чёткое руководство по воплощению в жизнь не просто русского реализма, а гармоничного синтеза двух схожих концепций этого стиля – русской и китайской. Отсюда способность многих молодых талантливых китайских художников, пройдя через период социалистического реализма в своём творчестве, далее «прорасти» в «Новый классический реализм» в одном или нескольких его направлениях («Циничный реализм», «Деревенский реализм», «Лирический реализм»).

По системе Чистякова обучались, а позже преподавали такие известные китайские мастера живописи второй половины XX века, как Цзинь Шани, Ло Гонглю, Ли Тяньсян, Цюань Шанши, Су Гао Ли, Го Шао Ган и др. В России его учениками были В.И. Суриков, М.А. Врубель, И.Е. Репин, В.М. Васнецов, В.А. Серов и др. [7, с. 487]

Чтобы понять, как повлияло обучение в тогда ещё Ленинградской Академии художеств на стиль письма китайских мастеров, сравним работы, написанные некоторыми из них до и после поездки в СССР.

Ло Гонглю, чья карьера и судьба с юности были неразрывно связаны с коммунистической партией Китая, после возвращения из Ленинграда пишет ряд ра-

бот, отличных от своих прежних произведений. В 1959 году появляется его картина «Вечные наследники павших» (масло, холст, 181x152 см, Национальный музей Китая (Пекин, Китай)), посвящённая жертвам Китайско-Японской войны 1937–1946 годов. Произведение коренным образом отличается парадные портреты Мао и героические изображения китайских партизан: фон предельно обобщён, детали скудны. Герои картины немногочисленны и выписаны с потрясающе глубоким психологизмом. Используя контрастность свето-теневого оформления картины, художник выхватывает из темноты лица молодых наследников. Герои же скрыты траурным покрывалом: они ничего после себя не оставили, кроме собственного примера. Лицо девушки, склонившейся перед ними в слезах, скрыто от зрителей. Мужчина и женщина по другую сторону растеряны, но тверды. В чём они уверены? Пока только в своей памяти и чувстве долга. Мы не знаем, кто эти вечные наследники погибших, и не знаем, как они будут поступать с тем будущим, которое получили. Поколение живых – в вечном долгу, однако знает ли оно, как отдать этот долг, как использовать оставленное им время? Это трудный вопрос для нового поколения 50-х гг. XX века в Китае, возможно, это даже непосильное бремя. Художник размышляет обо всё этом, и картина превращается в глубокий внутренний монолог, как самого мастера, так и зрителя, смотрящего на полотно.

Ещё одна работа, написанная после посещения Ло Гонглю СССР – «Мао Цзэдун в горах Цзинган» 1961 года (масло, холст, 150x220 см, Музей Китайской Революции (Пекин, Китай)). Мао предстаёт перед нами в молодые годы в простом одеянии и раскованной позе. Он выглядит спокойным и вдохновлённым идеей, на что указывают книги, лежащие рядом. На них – чистый лист бумаги и ручка. Истории республиканского Китая ещё только предстоит быть написанной. Образ будущего кормчего кажется несколько отстранённым от действительности: на заднем плане мы видим многолюдную колонну людей, идущих вперёд с транспорантами и красными флагами. Однако Мао не видит, куда они идут. Он настолько увлечён, что смотрит совсем в другую сторону и даже не предполагает, куда они направляются.

Таким образом, автор, исполнив портрет вождя по всем канонам социалистического реализма, поднимает совершенно неканоническую тему в своём произведении. Образ Мао чист и возвышен, однако в то же самое время заставляет задуматься. Снова мы видим глубокий психологизм и реализм произведения, которое полностью отражает реальность и не идёт ни на какие компромиссы с наблюдаемыми противоречиями. Художник показывает то, что видит, и такую открытость нельзя не оценить. А теперь взглянем на картину Ло Гонглю «Доклад Мао Цзэдуна в Яньане» (ок. 1953 года, масло, холст, 148x218 см, Музей Китайской Революции (Пекин, Китай)). Эволюция фантастическая. Только действительно талантливый художник мог не побояться так измениться и вырасти до нового уровня.

Ли Тяньсан, обучавшийся в СССР в 1955–1958 гг., также привнёс черты русского реализма в своё творчество. Для его работ характерно глубокое единство совершенной художественной формы и содержания. Эстетика образования в его

картинах занимает особое место. Увлёкшись в молодости темой образования детей из простых семей, он через всю жизнь пронёс любовь к изображению натуры постигающего мир человека. Его излюбленным жанром постепенно становится портрет. Прекрасно иллюстрирует сказанное картина Ли Тяньсана «Портрет Наташи» 1956 года (масло, холст, 96x102 см, частная коллекция (Пекин, Китай)).

Мы видим девушку, глубоко задумавшуюся над только что прочитанным фрагментом книги. Девушка выглядит уставшей – видно, что познание требует усилий, однако в целом её образ гармоничен. Наташа сидит в неудобной позе, опершись плечами о стену. Обстановка в комнате очень скромная. Даже упорный труд не всегда приносит скорые плоды. Однако взгляд девушки ясен, устремлён мимо зрителя, вперёд. Это позволяет нам предположить, что девушка чётко видит цель и имеет твёрдое намерение следовать ей.

Ли Тяньсан также известен в Китае ещё и своими пейзажами. Классический пример эстетики его пейзажей – картина «Дождь и дымка», написанная в 1956 году (масло, холст, 96x102 см, частная коллекция (Пекин, Китай)). Эти картины поражают чистотой образа и перехода тонов. Глядя на них ещё раз убеждаешься, что современные китайские художники, подобно давним мастерам, не утрачивают способность наполнять свои картины воздухом и жизненной силой, скрытыми в скромном обаянии природы. По своей сути это классические реалистичные пейзажи, наполненные глубоким покоем.

Ещё один китайский мастер второй половины XX века – Лин Ганг. Он окончил Академию художеств им. И.Е. Репина в 1959 году. Его работы представляют собой портреты жителей сельских поселений, а также многофигурные композиции, где мы видим селян в минуты труда и отдыха. Примечательно, что подобно Ло Гонглю, Лин Ганг также достаточно сильно эволюционировал в своём творчестве от многофигурных официальных композиций собраний к портрету и пейзажу. Ко второй половине XX века относятся такие его работы, как «Партизаны» 1958 г., «Девушка в саду» 1978 г., «Переработка хлопка» 1978 г. Поразительно, насколько изменилась техника создания изображения и сюжетная линия по сравнению с произведениями этого художника конца 50-х гг. XX века. Лин Ганг уходит он нарочистой героики простого человека, от изображений моментов вручения наград и общения с чиновниками. Всё чаще он помещает власть имущих в среду простого народа, где подлинные герои чувствуют себя раскованно и привычно, и с радостью демонстрируют результаты своего труда («Близкая дружба с премьером Чжоу» 1977 года). Однако даже такие картины в творчестве Лина редкость – ему больше по душе изображать моменты достижения цели, трудности на пути к ней и минуты преодоления.

Такова работа «Партизаны», созданная в 1958 (Масло, холст. 51.5x80 см, Музей Китайской Революции (Пекин, Китай)). Она демонстрирует наиболее близкие художнику сюжет и приёмы исполнения картины.

Перед нами момент переправы партизан с одного берега на другой. Люди на воде лишены какого-либо обмундирования, одеты в обычную крестьянскую одежду, соломенные шляпы, платки. Судёнышки, пристающие к берегу, выглядят ветхими и ничем не примечательными. Вооружение крестьян также трудно разглядеть: похоже, что кроме ружья каждый вооружён палкой.

Картина выполнена маслом, фигуры людей, водная гладь и песчаный берег нарисованы крупными мазками, что создаёт впечатление, будто картина залита водой и вот-вот выплеснется на зрителя со всей усталостью путников.

Видя этих людей, нельзя не сопереживать им, не ужасаться теми условиями, в которых осуществляется переправа и не восхищаться их стойкостью и решительностью добраться до цели. Картина, лишённая чётко прорисованных деталей, тем не менее, очень эмоциональна. Правдивостью чувств и эмоциональной выразительностью такие работы Линь Ганга притягивают зрителей и критиков. Нельзя не отметить, что не малую роль в формировании такого взгляда на творчество сыграло обучение по системе П.П. Чистякова в СССР.

Во второй половине XX века в тематике реалистической живописи Китая в большей степени преобладают художественные повествования истории войны, «новой реальности» в жизни китайцев, повседневной жизни обычного человека. Наиболее известные работы этих лет: «Память» (или «Незыблемая память») Ду Цзяня, Гао Ягуана и Су Гаоли, «Тяжелое время» Линь Гана и Пан Тао, «Песня нагорья» Чжань Цзаньцзиня, «Прекрасный вид» Чжу Пайчжэня, «Тибетская невеста» Цзинь Шани.

Цзинь Шани интересен тем, что подобно Линь Гану и Ло Гонглию эволюционировал от традиционных в 60-х гг. социалистических форм изображения Мао Цзэдуна к отображению тонких психологических состояний людей, изображённых на поясных портретах и портретах в полный рост (в т.ч. обнажённых натур).

Работа «Таджикская невеста» (1983 год, масло, холст, 50×60 см, частная коллекция) Цзинь Шани ознаменовала собой новый период в творчестве художника. Картина была написана в 1983 году. Цзинь Шани, с особой тщательностью изучавший европейское искусство Ренессанса и Классицизма, применил принципы живописи этого периода в своём творчестве после 1980-х гг.

Полотно «Таджикская невеста» написано маслом. Колорит картины очень тёплый, светотеневой контраст достаточно резкий, источник света словно блуждает с правой стороны. Интересно, что половина портрета затемнена. Художник стремится показать, что даже когда мы видим перед собой изображение человека, выполненное в реалистической манере, сколь бв точным оно ни было, мы всё равно видим только половину всего, что вмещат в себя человек. Таким образом, в творчестве Цзинь Шани воплотилось традиционное для китайского художника двойственное понимание «реализма течения» и «реализма духа». В работах серии, которая включает портреты девушек разных национальностей, относящихся к традиционным обществам, Цзинь Шани воплотил эстетический идеал женской красоты, вмещающий красоту, любовь и тоску. Его реалистические портреты 80-х гг. XX века необыкновенны: они напоминают ящик с двойным дном, и этим интересны как профессиональным исследователям, так и зрителям.

К началу девяностых Цзинь Шани пополнил ряды «новых реалистов», во многом благодаря новому витку своего творчества, связанного с изображением обнажённой натуры.

Дальнейшую разработку методика Чистякова получила в работах и концепции его ученика Константина Мефодьевича Максимова. В 1955–1958 гг. Профессор работал в Китае, где провёл серию мастер-классов. За эти два года Максимова удалось эффективно структурировать систему художественного образования в Пекинской Академии художеств, оформить её в целостную методику преподавания.

Влияние идей П.П. Максимова на традиции современной реалистической живописи в Китае заключалось в том, что русский художник и педагог гармонично привнёс некоторые свои принципы в сферу начавших формироваться традиций китайской реалистической живописи. Не отрицая «силу невидимых впечатлений», и некоторого влияние импрессионизма на первый опыт овладения реалистическим методом во времена Сюй Бэйхуна, Чистяков требовал безупречной логики сюжета, старательной проработки деталей и точности обстоятельств происходящего на картине.

Кроме того, понимая живописное произведение не только как произведение визуального искусства, а как повествование, П.П. Чистяков научил художников воспроизводить внутренний монолог на картине, не вдаваясь исключительно в созерцание и чрезмерную объективность.

Простота линий, форм подчас сопровождала сложнейшие сюжеты и ситуации на полотне, выражала нерешенные противоречия в характере героев, наталкивая самого художника и зрителя на размышление над картиной. Китайские художники, обучавшиеся по методике П.П. Чистякова, как в России, так и в Китае под руководством К.М. Максимова, научились вносить в свои произведения тончайший психологизм и одновременно – удивительную и своеобразную эстетику реальности. Таким образом, идеи П.П. Чистякова послужили источником развития традиций реалистической живописи в Китае во второй половине XX века, и продолжают влиять на творчество художников-реалистов в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чэнь Чжэньвэй*. Реалистический метод в творчестве китайского художника первой половины XX века Сюй Бэйхуна / Чжэн Чэньвэй // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. – 2008. – № 60. – С. 299–302.
2. *Ван Фэй*. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: автореферат. дис. канд. искусствоведения: 12.02.06 / Ван Фэй. – М., 2008. – 112 л.
3. *Чжан Юйин*. Записки Сюй Бэйхуна / Юйин Чжан. – Чжанчжоу, 2001. – 318 с.
4. *Ван Пин*. Влияние русской художественной школы на развитие китайской традиции живописи маслом / Пин Ван // Учёные записки Забайкальского Государственного университета. Сер. Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2013. – № 4(51). – С. 207 – 214.
5. *Чистяков, П.П.* Письма. Записные книжки. Воспоминания 1832 – 1919 / П.П. Чистяков. – Москва: Искусство, 1953. – 593 с.

6. Исаев, И.А. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров / И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. – М.: Проспект, 2014. – 644 с.
7. Сычев, В.Л. Изобразительное искусство. Судьбы культуры КНР (1949–1974) / В.Л. Сычёв. – М.: Наука, 1978. – 628 с.

Баженов Ю.В.
(Минск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ ПЕСЕН И МЕЛОДИЙ В КИТАЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (КНР, ТАЙВАНЬ)

В статье рассказывается, как со 2-й половины 20 века русские песни стали популярны в Китае, и это нашло отражение в китайских фильмах 1990-2000-х годов. Приводятся как примеры названия фильмов и их режиссёры.

Ключевые слова: *Китай, музыка, мелодия, песня, режиссёр, композитор, поэт, перевод, популярность*

The article narrates how Russian songs became popular in China beginning from the 2nd half of the 20th century, they were reflected in Chinese feature films of 1990-2000-s. As examples these films and their film directors are named.

Key words: *China, music, melody, song, film director, composer, poet, translation, popularity*

Общеизвестно, что китайская культура с древнейших времён глубоко самобытна. Китайцы самостоятельно изобрели порох, фарфор, бумагу, компас и много других полезных вещей, которые у них были заимствованы соседями и европейцами или были изобретены заново. Но в Новое время китайская культура сама почерпнула очень много от других стран, и не только в материальной сфере (прежде всего в технике), но и в духовной.

В данной статье я хочу рассмотреть, как русские песни вошли в китайскую культуру в 20 веке на примере художественных фильмов, где они вставлены. Просмотрев многие десятки фильмов 1990–2000-х годов, я выделил 5 фильмов, где звучат русские песни или русская музыка. Русские песни в основном стали известны в Китае во времена китайско-советской дружбы и стали очень популярны. Считаю, что это произошло из-за их напевности, мелодичности, глубине выраженных чувств и переживаний, что созвучно душе китайского народа.

Возьмём фильм «Жасминовые женщины» («Цветёт жасмин»; 2004, режиссёр Хоу Юн), который охватывает жизненные истории 3 поколений женщин одной семьи. Когда показывают 1950-е годы, звучит известная песня «Катюша» (музыка Матвея Блантера, слова Михаила Исаковского) на китайском языке. Это самая яркая органическая иллюстрация к этой эпохе. Зрителю сразу становится ясно, какое время на дворе, какие настроения в обществе.

Так же органически звучит «Волховская застольная» (музыка Исаака Любана, кстати, белорусского композитора, слова фронтового поэта Павла Шубина) в фильме «Сигнал к отступлению», 2-е название «Во имя чести»; 2007, режиссёр Фэн Сяоган). Её исполняют во время свадьбы в гарнизоне, где командир полка

женится на вдове погибшего ротного политрука. Играет аккордеон, гости выпивают, веселятся, танцуют в хороводе и поют эту советскую фронтовую песню на китайском языке. Атмосфера 1950-х годов в китайской армии передана превосходно: была только что в 1955 г. введена новая форма с погонами, похожая на советскую, были популярны и советские песни времён Великой Отечественной войны. Эта известная в своё время песня сейчас сильно подзабыта жителями постсоветского пространства и не всегда узнаётся слушателями и зрителями. Видимо, не знал её и русский переводчик, поэтому он сделал обратный перевод на русский с китайского перевода, и вот как получился текст первого куплета: «Если на праздник несколько друзей смогут праздновать вместе, то мы вспомним те воспоминания, что храним, песню счастья». А надо было бы дать русский оригинал, как полагается по правилам перевода (одна из многочисленных редакций текста):

Если бывало, бывало, встречаются
Несколько старых друзей,
Самое лучшее воспоминается,
Песня звучит веселей.

А эту замечательную песню следовало бы знать и нынешнему поколению. В титрах фильма происхождение песни, исполняемой на свадьбе, не указано.

А в фильме самого, пожалуй, известного современного китайского режиссёра Чжана Имоу (2010) «Под ветвями боярышника» несколько изменённое название русской песни вынесено даже в название фильма. Здесь повествуется о трудной и в конечном результате трагической любви 2 молодых людей во время «культурной революции» во 2-й половине 1960-х годов. Как точка отсчёта там показан куст боярышника, который цветёт не белым, а красным цветом, цветом крови героев, погибших в войне против японских захватчиков. И вдали звучит на китайском языке русская народная песня «Уральская рябинушка» с закадровым русским текстом:

Вечер тихой песню над рекой плывёт,
Яркими зарницами светится завод,
Где-то поезд катится точками огня,
Где-то под боярышником (в оригинале РЯБИНУШКОЙ)
Парни ждут меня.

Тема боярышника (который более популярен в Китае, чем рябина) проходит через весь фильм и придаёт ему лирическое и эпическое звучание. Примечательно, что песня стала так популярна в Китае, что её продолжали петь даже во время «культурной революции», когда был нанесён большой ущерб всей культуре, в т.ч. русской и советской.

Ещё один фильм с русской музыкой – «Шаолинь» (2011, режиссёр Бенни Чан). Действие происходит в начале 20 века, когда в Китае шла борьба между милитаристскими группировками, опиравшимися на помощь империалистических держав. Там показана сцена парада войск одного такого генерала-милитариста. Солдаты шагают под звуки исполняемого военным оркестром марша. Сразу этот марш узнать неподготовленному человеку очень трудно, но знатоки узнают, что это аранжированная мелодия русской народной песни «Когда я на

почте служил ямщиком» (оригинальный польский текст белорусско-польского поэта Владислава Сырокомли, русский перевод Леонида Трефолева). Исполнялась ли действительно эта песня в качестве марша в китайских войсках, мне выяснить не удалось, однако это вполне вероятно, т.к. российские войска были в Северо-Восточном Китае в начале 20 века, и китайские музыканты могли заимствовать русские мелодии.

Как небольшая музыкальная иллюстрация мелодия грузинской народной песни «Сулико» звучит и в художественном фильме «Летний дворец» (2006, режиссёр Лоу Е). Грузинские песни и музыка в СССР наиболее известны среди музыкального творчества союзных республик, они также вышли за пределы великой страны. Вероятно, эта популяризация произошла потому, что Грузия – родина И.В.Сталина, долговременного руководителя СССР.

Рассмотренные выше фильмы сняты в Китайской Народной Республике. Однако, на острове Тайвань, фактически отделившейся провинции Китая, где сохранился после 1949 г. буржуазный режим Чан Кайши, оказывается, русские песни тоже популярны! Сквозной темой тайваньского фильма «Принц слёз» (2009, режиссёр Ян Фань) звучит русская песня «Одинокая гармонь» (музыка Бориса Мокроусова, слова Михаила Исаковского, впервые исполнена в СССР как песня в 1946). Фильм отражает события 1950-х годов, когда на острове царил белый террор, расстрелам подверглись тысячи коммунистов и обвинённых в сочувствии к ним (на самом Тайване этот белый террор ныне признаётся и осуждается, его жертвам поставлен памятник). Главный герой фильма – лётчик Ханьсун – был обвинён властями, что тайно летал к красным, и в результате был расстрелян. И ещё Ханьсун любил эту русскую советскую лирическую песню. Когда идут финальные титры, песня исполняется полностью на китайском языке как заключительный аккорд.

Восстановление дружбы между Китаем и странами – бывшими республиками СССР – снова привело к популярности русских песен и их исполнителей в Китае. Например, наиболее популярен российский певец Витас (Виталий Грачёв). Он был приглашён сыграть в художественном фильме «Мулань» (2009, режиссёр Ма Чушэн). Там у него эпизодическая роль, но сам факт участия весьма показателен.

В заключении хотелось бы отметить, что на этнофестивале «Зов Полесья» («Кліч Палесся») в 2014 г. в Лясковичах Гомельской области китайский инженер-дорожник из Гомеля Чэнь Хао (выпускник БНТУ) спел на китайском языке белорусскую народную композицию «Купалінка» (газета «Советская Белоруссия», 18.09.2014). Так что вероятно, можно ещё ожидать новую большую волну популярности русских и в целом постсоветских песен в большой дружественной стране – Китае.

Вощинчук А.Н.
(Минск, Беларусь)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА В КИТАЕ

(на примере VI-го международного биеннале искусства в Пекине)

Статья посвящена исследованию способов репрезентации современного белорусского искусства на международной арене. Особое место автор отводит изучению сотрудничества в сфере культуры между Беларусью и Китаем. Активной площадкой для плодотворного диалога выступают конкурсы, выставки и биеннале современного искусства.

Ключевые слова: *художественная культура, современное искусство XXI века, биеннале, диалог, художник*

The article investigates the ways of representation of contemporary Belarusian art in the international arena. The author devotes a special place the study of cultural cooperation between Belarus and China. Active platform for fruitful dialogue advocate competitions, exhibitions and Biennale of Contemporary Art.

Keywords: *art culture, modern art of the XXI century, the Biennale, the dialogue, the artist*

Специфика восточной культуры является одной из актуальных тем для изучения в различных плоскостях гуманитарного знания. Активизация исследований особенностей менталитета, влияния религии, традиций и инноваций с одной стороны, а с другой – налаживание межкультурных связей, являются свидетельством неугасающего интереса к культурам Востока. О необходимости налаживания плодотворного диалога между Западом и Востоком высказываются представители различных областей научного знания. И знаменитое высказывание Киплинга о том, что «Восток – есть восток, а Запад есть Запад и никогда им не сойтись» уже приобретает совершенно иные оттенки звучания. В этом контексте творчество современных белорусских художников свидетельствует о постоянном обращении за вдохновением к культуре Востока, а в особенности Китая, богатейшие традиции которого насчитывают не одно тысячелетие.

Взаимодействие в области культуры Республики Беларусь и Китайской Народной Республики начинается с 25 октября 1992 года, когда было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве. Главное формой сотрудничества стало участие художников в выставочных проектах, организованных в Китае. Белорусские скульпторы М. Петруль, М. Макаревич, В.Копач, Вл. Слободчиков являются активными участниками проектов и выставок в Китае. И по мере погружения и изучения китайской культуры можно говорить о том, что философия, эстетические принципы этой страны находят свое отражение в их творчестве.

Безусловно, искусство всегда выполняло функцию трансляции наивысших духовных достижений народа, а художник был своего рода медиумом и через его творчество выражались универсальные идеи. Возможно сейчас эти вопросы весьма спорные, когда искусство упрекают в чрезмерной интеллектуальности, зависимости от коммерциализации и требований арт-рынка. И, тем не менее, как отмечал К. Г. Юнг «сущность художественного произведения лежит не в личностных идиосинкразиях, которые в него – несомненно, чем их больше, тем меньше там искусства – а в том, насколько оно сверхлично и обращено от ума и сердца художника к уму и сердцу человечества» [1, с.35]. Именно художник обладает в высшей степени объективностью, потому что он безличен и является своим собственным произведением.

Статус Международного биеннале в ряду событий в современном мире искусства бесспорно высок, и как статус Олимпийских игр. Биеннале в Пекине – это всемирный смотр новейших достижений в искусстве. Это место, где люди искусства, наиболее тонко улавливающие и реагирующие на вызовы современности, своим творчеством, выбранными художественно-выразительными средствами обозначают актуальные проблемы, стоящие перед обществом, выражают свое отношение к ним, и даже предлагают пути их решения. Современное искусство XX–XXI столетий, изобилуя различными художественными экспериментами, предлагает зрителю посмотреть на актуальные проблемы общества с разных точек зрения, соединяя философские и социальные, нравственные и институциональные, эстетические и технологические моменты. Биеннале дает импульс для развития во всех областях человеческой деятельности. Этот проект выстраивает вокруг себя систему открытых и конструктивных взаимоотношений между культурами, органами управления различных стран, художественной общественности, средств массовой коммуникации и современным зрителем. Основной задачей является осмысление места и роли своей культуры в глобальном мировом континууме.

VI-ое Международное биеннале современного искусства в Пекине, проходило 24-26 сентября 2015 года и тема, которая объединяла представителей различных стран звучала, как «Память и мечта». Следует отметить, что отбор комитетом кураторов осуществлялся из 18386 работ, представленных 6650 художниками со всего мира. В итоге в биеннале приняли участие 688 работ из 96 стран. Приехали в Бэйджин примерно двести с лишним человек. Представители белорусской культуры имели возможность познакомиться и пообщаться с художниками, арт-критиками Европы, Америки, Малайзии, Бангладеш, Индии, Монголии и др.

Заявленная тема биеннале – «Память и мечта» – отсылает художника, независимо от его национальной принадлежности, к постижению и осмыслению иррациональных основ Бытия, иных философско-стетических дефиниций. Представитель экзистенциального психоанализа Р. Мэй отмечал, тот факт, что «со-

временный человек испытывает такой страх перед заложенным в нем иррациональным началом, что помещает между собой и страной бессознательного инструменты и машины, так он пытается избежать зависимости от пугающих аспектов иррационального опыта» [2, с.60].

Соприкосновение и знакомство с культурой Китая вдохновляет белорусских художников на осмысление и преломление в своем творчестве смыслов и мотивов китайской культуры, а также на поиск собственных выразительных средств и техник для художественной интерпретации.

Участниками VI-ого Международного биеннале современного искусства в Пекине стали яркие белорусские художники Екатерина Сумарева, Олег Устинович и Максим Петруль.

Художник Е.Сумарева (род. в 1979 г.) продолжает знаменитую художественную династию и является неоднократным участником биеннале. Ее работа «Параллельности» в 2012 году уже участвовала в выставке V-го Международного Пекинского Биеннале. Творчество Е. Сумаревой отличает экспрессивность, насыщенность, индивидуальность, глубокое переживание и эмоциональность. Находясь в «памежном стане» она балансирует между цветом, настроением и абстрактными категориями, которые созвучны идеям китайской философии. Именно цвет и линия помогают передать глубочайшие и тончайшие оттенки чувств и переживания.

Творчество О.Устиновича (род. в 1966 г.) наполнено настроением дзен-буддизма. Художник, подчеркивает, что «дзен» делает очень понятными и естественными все действия человека, учит нас не разделять мир, а воспринимать его единым целым, видеть не отдельные вещи и явления, а Вселенную, весь единый Космос, где всё, что видим и чувствуем является одним целым. Такое понимание человека делает мировосприятие гораздо более гармоничным, учит одинаково хорошо относиться к любому проявлению Вселенной, будь то травинка, насекомое, или целая солнечная система. Постигая искусство каллиграфии, работая с керамикой, О. Устинович интерпретирует и создает свой неповторимый стиль. Представленная работа «Intoinfinity» отражает идею вечного пути человека в разных мирах, галактиках и континентах. Это универсальный образ путника, лодочника, почти юнгиановский архетип. Картина передает идею о том, что мир никуда не идет, он просто есть, в нем не должно быть борьбы, потому, что он бесконечен, мир – это беспредельность и уникальность, а мировое пространство бесконечно и любую точку можно считать центром всего мира. Каждый человек, каждая вещь неповторима, самоценна, а каждое проживаемое мгновение – открытие. И в какой бы точке не находился образ лодочник, именно это место является точкой отсчета, а это мгновение – сиюминутное, полное и единичное.

Особое место в своем творчестве скульптор М. Петруль (род. в 1977 г.) отводит постижению китайской философии. Он много раз посетил эту страну, участвовал в выставочных проектах (работы «Элефантус», «Связи» «Между»

участвовали в конкурсах, как станковые, а как парковые «Птицы-2009», «Контрбаланс-2011», «Сотворение-2014», «Элефантус-2003» и т.д.). Поэтому идеи китайской философии, интерпретация китайских мотивов, влияние мастеров китайской скульптуры «Тайцзы-2005», безусловно, нашли свое отражение. Так в работе «ТайЦзы» М. Петруль запечатлел тонкое восприятие и осмысление даосизма, учения о Дао-пути основателем которого был Лао-Цзы. Идея «не-деяния» воплощена в шаре как абсолютной форме, которая самопорождается и самоуничтожается, как будто уверяя о том, что «мы откуда-то пришли и куда-то уйдем». На VI биеннале скульптор представил работу «Контрбаттерфляй», которая представляет объект из разных материалов, составленный из двух частей, что указывает на наличие противоположностей или дополнений друг друга. Этот образ «бабочки-однодневки» запечатленный в скульптуре, указывает на некоторую метафизичность пространства и на наличие себя как материи в этом пространстве. Работа относится к произведениям из серии «Контранималз», которые составлены на разрабатываемой основе сочетания двух противоположностей в одном. В произведении «Контрбаттерфляй» автор демонстрирует зависимость одной части от другой, а форма воплощения скульптуры в виде застывшей на многолетний или многовековой период однодневной бабочки дает возможность самопроверки на гармоническое восприятие Вселенной современным зрителем. Это также образ, который символизирует смысл искусства, его возможность сохранять прошлое и настоящее, память и мечты.

Таким образом, участие современных белорусских художников Международном биеннале в Пекине открывает возможности для многоуровневого диалога белорусской и китайской культуры; способствует раскрытию творческого потенциала современного белорусского искусства; помогает в определении новых перспектив формирования отечественного арт-рынка; является одним из эффективных способов презентации новейших тенденций развития белорусского искусства начала XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М.: Канон, 1994. – 320 с.
2. Мэй, Р. Открытие Бытия / Р. Мэй – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 224 с.

*Гутько О.Л.
(Минск, Беларусь)*

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТИБЕТСКИХ МАНДАЛ

Автор обосновывает распространение тибетских мандал в современной европейской культуре как ненасильственный способ решения социально-полити-

ческих проблем, с которыми столкнулись тибетцы, разрешая конфликт с властями Китайской Народной Республики. Философское осмысление символических действий при создании и разрушении мандалы позволяет принять позицию несопротивления силе власти, и, осознав непрерывное изменение мира, смириться с действительностью и ожидать перемен.

Ключевые слова: культура Тибета, мандала, создание и разрушение, знаково-символическое поле

The author proves the spread of Tibetan mandalas in modern European culture as a non-violent way to solve the socio-political issues faced by Tibetans on the way to solve the conflict with the authorities of the People's Republic of China. Philosophical understanding of symbolic actions of creation and destruction of the mandala lets you take the position of non-resistance to force and power, and realizing the law of instant changes in the world, come to terms with reality and expect changes.

Keywords: the culture of Tibetan, mandala, creation and destruction, the sign and symbol field

Культура Востока, его религиозные практики всегда привлекали к себе интерес европейских народов. Русский художник Николай Рерих принял буддизм как основу жизни и практического опыта. Его художественное творчество в литературном жанре (поэзия, проза) и изобразительном искусстве (живопись) совместило христианские воззрения с буддийскими. Обращение современников к тибетской религиозной культуре, «насквозь пропитанной буддизмом» [1], имеет несколько причин.

Во-первых, культура Тибета обладает уникальной природой обрядов и праздников, связанных со Вселенским циклом, что позволяет говорить об их неповторимости. К примеру, сокровенный праздник Вселенной, который отмечается в день летнего солнцестояния, связан с прорицанием буддийских монахов во время храмового служения [3, с. 36].

Во-вторых, тибетские монахи обратили внимание мировой общественности на вопрос политической автономии Тибета, не постулируя требования, раскрыли убеждения не через проповедь основных истин буддизма и мироустройства, а через практику создания мандал, направленных на феноменологическое постижение знаний о мире и бытии человека. Тибетские монахи во главе с Его Святейшеством Далай-ламой XIV отстаивают позицию «важности принципов ненасилия в будущем, ведь только так можно наладить отношения между китайским и тибетским народами. Служение другим и забота об их благополучии, и что очень важно – непричинение вреда, наполняет нашу жизнь истинным смыслом» [2].

Тибетские мандалы – это и «модель мира» [5], и «песочный дворец для просветленных существ» [4], и произведение искусства, и прообраз бытия, раскрытый через символическое планирование, создание и разрушение сложной знаковой системы.

Воплощение тибетских мандал вызвали интерес европейцев, когда буддийские монахи ушли из Тибета и начали свое путешествие по миру с целью привлечь внимание других стран к проблеме сохранения культуры Тибета. Уход с

родины стал ответом на несогласие тибетских монахов с условиями, которые диктует Китайская Народная Республика. Вопросы, которые продолжают оставаться важными для тибетцев до сих пор, – это отстаивание политической автономии Тибета во главе с Далай-ламой и стремление соблюдать духовные законы своих учителей.

Уход из Тибета буддийских монахов обновил их религиозные традиции, которые существовали ранее в Тибете. Яркий пример – воплощение мандалы как создание нового смысла культуры в тибетской философской практике. Через осознание изгнания с родной земли, ухода с места, они ищут новый смысл культуры.

Поэтому становится актуальным вопрос о восприятии европейцами знаково-символического поля тибетских мандал. Тибетские мандалы для европейцев – это эмоционально воспринимаемые действия по созданию изображаемых символов, позволяющих осмыслить реальность, обыденную жизнь и выйти за пределы привычного восприятия культуры и приподняться над действительностью.

Символизм тибетских мандал заложен в действиях, совершаемых для их создания:

- планирование изображения круга, определение основополагающих зон мандалы – центра, секторов, симметрических линий и геометрических фигур, расположенных на деревянной платформе;

- работа над воплощением мандалы – молитва, медленное и размеренное действие построения узоров из песка разными способами нанесения рисунка, постепенно раскрывающее замысел общей композиции;

- разрушение мандалы – сбор песка в емкость, шествие монахов к берегу реки или моря с целью его возврата в текущую воду.

Принцип создания, разрушения и возрождения заложен в мифах каждой культуры мира, и поэтому тибетские мандалы – это часть духовной мировой культуры, раскрывающей основы динамики мира.

Сформулируем основные тезисы знаково-символического поля тибетских мандал:

- кропотливый труд по созданию, затем разрушению мандалы позволяет сформировать новый взгляд на проблемы, конфликтные ситуации человека;

- знаково-символическое поле тибетских мандал раскрывает смысл работы человека над собой – ничего не должно и не находится в статике. В движении человек всегда найдет ответ на поставленный вопрос, главное – терпеливо ожидать, этому учит создание и разрушение мандал;

- символические действия тибетских монахов напоминают действия человека по ремонту жилища, где необходимо твердое смирение с каждодневной, тяжелой и однообразной работой, которая позволяет ему обрести уверенность в собственных силах и найти новые решения в трудных жизненных обстоятельствах, обрести надежду на лучшее;

– поиск разрешения конфликтной ситуации всегда заключен в обновлении прежних состояний. Основа устройства мира – это постоянное движение и изменение не только с позиции самосовершенствования человека, но и преобразования проблем с течением времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова, А.Л. Рерихи и буддизм / А.Л. Баркова // Электронная библиотека Международного Центра Рерихов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/2034/> – Дата доступа: 05.11.2015
2. Визит Далай-ламы в Оксфорд: история фотографии в Тибете, встречи, интервью и перелет в Кембридж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dalailama.ru/news/2680-dalai-lama-news.html>. – Дата доступа: 03.11.2015.
3. Гутько, О.Л. История праздников: учеб. пособие / О.Л. Гутько. – Челябинск: Изд-во Челябинской госуд. академии культуры и искусств, 2013. – 189 с.
4. Жиронкина, Ю. Тибетские песочные мандалы: Буддийский тантрический монастырь Гьюдмед / Ю. Жиронкина [Электронный ресурс]. – Самара: MonksArt, 2002. – Режим доступа: http://www.centre.smr.ru/win/facts/mandala/mandala_vvod.htm. – Дата доступа: 05.11.2015.
5. Мандалы, графемы, символы религий, стран и народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/mandala.html>. – Дата доступа: 03.11.2015.

*Копытько Н.А.
(Минск, Беларусь)*

РЕЦЕПЦИЯ КИТАЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ И ПОЭТИКИ ИСКУССТВА ПОДНЕБЕСНОЙ В БЕЛОРУССКОЙ МУЗЫКЕ РУБЕЖА XX – XXI ВЕКОВ

Статья посвящена проблеме диалога с художественными традициями Китая в творчестве современных белорусских композиторов. Выявляются основные принципы рецепции поэтики китайского искусства в партитурах отечественных авторов.

Ключевые слова: *китайские художественные традиции, поэтика китайского искусства, «белорусский музыкальный Китай», «китайские» партитуры композиторов Беларуси*

Article is devoted a problem of dialogue with art traditions of China in creativity of contemporary Belarus composers. Main principles of poetics reception of the Chinese art in scores of the Belarus authors come to light.

Keywords: *the Chinese art traditions, poetics of the Chinese art, "the Belarus musical China", "the Chinese" scores of composers of Belarus*

Рецепция восточных, в том числе китайских традиций в музыке XX – начала XXI века взаимосвязана с многовековым и многоуровневым проникновением во-

сточных интенций в западный мир – в его быт, художественное творчество, мировоззрение и философию. К началу и особенно со второй половины XX века синтез восточного и западного мировосприятия становится определяющим для эстетики ряда крупнейших художников, поэтов, писателей, композиторов, режиссёров и хореографов Европы и Америки.

В белорусской академической музыке XX века постижение китайских традиций начинается с некоторым запозданием по сравнению с общемировым эстетико-стилевым процессом и особенно активизируется в 1990-х – 2000-х годах. Сегодня уже можно говорить о феномене «белорусского музыкального Китая», представителями которого являются отечественные композиторы среднего и молодого поколений: Галина Горелова (р. 1951), Вячеслав Кузнецов (р. 1955), Виктор Копытько (р. 1956), Сергей Бельтюков (р. 1956), Андрей Беляев (р. 1979), Константин Яськов (р. 1981). Музыкальный Китай каждого из авторов отличают индивидуальные ракурсы рецепции художественных традиций Поднебесной, различные композиторские подходы к решению образно-музыкальной драматургии и темброво-акустического пространства партитур. Обращает на себя внимание тот факт, что для белорусских композиторов доминирующим является не строго этнографическое, а скорее *трансцендентное постижение музыкальных традиций* Древнего и Средневекового Китая, основанное на комплексном осмыслении своеобразия притягательной культуры Поднебесной – её поэзии, литературы, изобразительного искусства и философии. Подобный метод *вдумывания* и *вчувствования* в сущностные константы китайской поэтики основан на интуитивном обнаружении каждым из авторов «родных» для себя принципов художественного мышления в мире искусства Поднебесной. Обратимся к творчеству представителей «белорусского музыкального Китая».

Галина Горелова одной из первых среди отечественных композиторов открыла для себя китайскую тему. По словам исследователей, «ещё в конце 1960-х годов композитор... увлеклась творчеством китайской поэтессы Ли Цинчжао (И Ань, 1084 – 1151 гг.) ... в 1970-е годы композитор создаёт несколько романсов на стихи любимой поэтессы, которые, к сожалению, не сохранились» [1, с. 324]. Следующая встреча с Поднебесной происходит в творчестве Г. Гореловой лишь в начале 1990-х годов: первая и последняя части кантаты «Тысяча лет надежды» для сопрано и большого симфонического оркестра (1990) написаны на стихи анонимного китайского поэта XV века (1-я часть, «Вечерние сумерки») и стихи Ли Цинчжао (6-я часть, «Тишина»). В середине 2000-х Г. Горелова создаёт инструментальные сочинения, навеянные живописными и поэтическими образами Древнего Китая. По словам музыковеда Чжан Юань, толчком к написанию фантазии «Иней на колоколах» для ансамбля солистов (2005) «стала поэтическая миниатюра известного китайского поэта Ли Бо (701–762): “Девять колоколов на горе Фэньшань начинают тихо звенеть, когда на них опускается иней... Но, может быть, это лютня великого Юй Боя заставляет их отвечать ей?..”» [2, с. 85]. Поэтические инспирации обнаруживаются и в «Семи элегиях Ли Бо» для гитары и ударных инструментов (2007), где, как пишет Е. Лисова, «выбор инструментария для создания картин-настроений по мотивам стихотворений классика древнекитайской поэзии Ли Бо (VIII в.) мог быть обусловлен лейтмотивами его

пейзажных зарисовок – лютни и колоколов. Другие излюбленные образы поэта: ветер, горы, вино, птица, луна, одиночество, общение с другом – также опосредовано отразились в поэтике цикла» [3, с. 118]. В «Семи элегиях Ли Бо» Г. Горелова предлагает оригинальный синтез европейского и китайского музыкального мышления, основанный на взаимодействии и взаимопроникновении присущих этим культурам комплексов структурно-драматургических средств – тембровых, ладовых, фактурных, ритмических и т.д. Используемый в сочинении широкий спектр ударных инструментов (мембранофонов, металлических и деревянных идиофонов) и огромное разнообразие приёмов игры на них также соотносится с ведущей ролью ударных в китайской традиционной музыке. Г. Горелова явно не стремилась акцентировать внешние приметы «китайского стиля»: так, например, автор избегает пентатоничности, ставшей своего рода музыкальным шинуазри.

Поэтическая и живописная программность в воплощении китайской темы характерна и для творчества **Сергея Бельтюкова**. Обращение к поэзии Поднебесной совпало с началом его композиторской деятельности как таковой: в 1979 году автором были созданы «Три романса на слова Бо Цзюйи» для сопрано и фортепиано (1. Жалость какая; 2. Из стихов «К вину»; 3. Цветы не цветы). Спустя четверть века в творчестве С. Бельтюкова вновь возрождается интерес к Китаю: в 2005 году композитор создаёт «Китайские акварели» для ударных инструментов (1. Утро; 2. Провинциальный пейзаж; 3. Полдень; 4. Городской пейзаж; 5. Вечер), в 2008 – «Розу ветров» для скрипки и фортепиано (где использован материал первого номера из «Трёх романсов на слова Бо Цзюйи»); в 2009 – цикл фортепианных пьес «Китайский альбом» (1. Цветы; 2. Ночью; 3. Китайская пастораль; 4. Нитка жемчуга; 5. Запретный город).

Показательно, что сам автор определяет свои инструментальные сочинения как «стихи в музыке» и как «живопись в музыке»¹, подчёркивая обобщённо-поэтический подход в своём воссоздании художественных традиций Поднебесной. В данной связи отметим, что, несмотря на отказ от прямого заимствования характерных для китайской традиционной музыки композиционных принципов, автор несомненно уловил некие качественные черты её поэтики, на что обращает внимание исследователь Чжан Юань: в «Китайском альбоме» С. Бельтюкова он выявляет взаимосвязь с эстетическими принципами *кун* («стремление к пустоте»), *сан* («произвольность») и *шуй* («нечёткость») [4, с. 138–139]. Продолжая мысль о реализованных в сочинениях С. Бельтюкова принципах поэтики искусства Поднебесной, нельзя не упомянуть пятичастные «Китайские акварели», где, несмотря на отсутствие каких бы то ни было стилистических и структурно-композиционных аллюзий, можно обнаружить черты китайского музыкального мышления. Так, например, в нечётных частях «Китайских акварелей» («Утро», «Полдень» и «Вечер») на первый план выходит качество пространственности звучания, фактурной и акустической многомерности, что акцентируется тонкой дифференциацией динамического и артикуляционного факторов. Вслушивание в единичные звукотембры, рассредоточенные в разреженном акустическом пространстве, также соответствует духу китайской музыкальной поэтики.

1

Из бесед автора статьи с композитором.

В творчестве **Виктора Копытько** китайская художественная парадигма является одной из определяющих. Неслучайно китайские интенции можно обнаружить даже в тех партитурах автора, где нет открытой апелляции к миру образов Поднебесной. Так, например, Дивертисмент для цимбал и подготовленного рояля (1976) стал *первым опытом претворения чаньской поэтики в белорусской музыке*. Композитору близки эстетические принципы древнего китайского искусства, суть которых – в предельной концентрации выражения, стремлении несколькими штрихами передать главное, отсекая всё лишнее графическим совершенством единственной линии, поразительно естественной в своём послыле. Образно-смысловая и аллюзийная интенсивность, свойственная музыкальному стилю и композиторскому методу В. Копытько, вполне соотносима с иероглифическим мышлением, лаконично фиксирующим многоярусную смысловую вертикаль. Особую область творчества композитора представляют его *«китайские путешествия»* (определение В. Копытько), объединившие ряд камерно-кантатных, инструментальных и музыкально-театральных сочинений автора. Среди партитур-приветствий миру Поднебесной – история «Сючай из Ишуя» для сопрано и камерного ансамбля на текст из «Рассказов Ляо Чжэя о Необычайном» Пу Сунлина (1982–83); один из ярусов партитуры 4-й части камерной симфонии «Библейские Сцены» (1989–1992); музыка к драматическому спектаклю «Три ножа из страны Вэй» (1992); фантазия «Северный Ветер» с игрой, пением и речитацией для 2-х исполнителей на древние китайские тексты (1992); музыка к драматическому спектаклю «Розовая Бабочка» (1998); кантата «3-е Китайское Путешествие» для сопрано, баритона, камерного хора (ансамбля), ударных и магнитофонной ленты на древние китайские тексты (1998); композиция «Пишут Друг Другу» для ансамбля солистов с использованием стихов Ли Бо и Ду Фу (совместно с российским композитором Юрием Красавиным; 1998–2000); две камерные кантаты на стихи Ли Бо – «Пишет Письмо» (2000, 2005) и «Продолжает письмо» (1998–2011), и две инструментальных партитуры – «Балетная музыка» для 8-ми инструментов (2006) и «Северный Ветер» для флейты соло (2015).

Подчеркнём, что по постоянству обращения к китайской теме на протяжении всего творческого пути, по многообразию жанровых воплощений и образности многомерности (а порой и парадоксальности) её трактовок, наконец, по многочисленности своих «китайских путешествий» В. Копытько является на сегодняшний день ведущим представителем «белорусского музыкального Китая».

Китайская поэзия и поэтика искусства Поднебесной притягательны и для **Вячеслава Кузнецова**. В его «китайских» сочинениях узнаваемость «музыкальных знаков» Поднебесной (пентатоническая основа мелодики, прихотливые ритмические фигурки, микроповторность и т.д.) является своего рода необходимым условием игры, в которой автор остроумно примеряет на себя изысканные одежды Поднебесной. Среди «китайских» партитур, созданных В. Кузнецовым на сегодняшний день – «Хуэйчан», лирическое стихотворение Мао Цзэдуна для баритона, хора басов и там-тама (1995); «Китайская шкатулка», три стихотворения поэтов эпохи Юань и Мин для голоса и фортепиано (2011); Два стихотворе-

ния Ли Бо для голоса, флейты и китайских колокольчиков (2015). Китайская поэтика в принципе отвечает лаконичности стиля камерных сочинений композитора. Так, например, весьма симптоматичен в семантическом и акустическом планах единственный заключительный удар там-тама *piano* в «Хуэйчане»: он является не только синтаксическим знаком окончания и тембром-знаком древней китайской музыки, но и открывает перед нами некий виртуальный занавес, позволяющий нам самостоятельно домыслить всё произошедшее *между* строк столь идиллически распетого композитором стихотворения «Великого Кормчего».

Молодые белорусские композиторы также открывают для себя мир образов и философии Китая. В «Медном древе» (1999) **Андрея Беляева** для квинтета кларнетов, квинтета труб, трёх чтецов, подготовленного фортепиано и ударных использованы новеллы из «Рассказов Ляо Чжая о Необычайном» Пу Сунлина. Тексты классика китайской литературы разыгрываются чтецами по-русски, однако интонируются в китайской манере театральной декламации, с крайне непривычной для европейского слуха интонационной амплитудой, что сообщает текстам Ляо Чжая особую пикантность – особенно в сочетании с экстравагантным визуальным действием, своеобразно «комментирующим» новеллу Пу Сунлина «Грызёт камни» в заключительной части этого опуса-перформанса.

В произведении **Константина Яськова** «Ludus mobilis II: Танец Инь и Ян о глубочайшей пустоте для одной или двух скрипок» (2010) интерпретируются важнейшие категории даосской космологии. Символика активного *Ян* и пассивного *Инь* воплощена в полярном темброво-артикуляционном, динамическом и синтаксическом оформлении двух линий музыкальной ткани. При этом *Пустота* выражается не только акустически (в квинтовых созвучиях, традиционно ассоциируемых с пустотным звучанием), но и с помощью «метафоры наоборот»: в пьесе обращает на себя внимание последовательно проводимый принцип игры на открытых (или так называемых «пустых») струнах.

Подводя предварительные итоги размышлениям о рецепции китайских художественных традиций в современной белорусской музыке, отметим, что для всех отечественных композиторов она основывается прежде всего на сугубо личностном философском, образно-эмоциональном и акустическом восприятии культуры Поднебесной. В результате каждый из белорусских авторов создаёт *свой Китай*, предпочитая вновь и вновь заново разгадывать *китайский культурный код* в своих партитурах. Обращаясь к своду древней китайской поэзии и литературы, живописным образам и философским системам, к композиционным приёмам традиционной китайской музыки и китайским музыкальным инструментам, отечественные авторы высвечивают в своих произведениях огромное поле возможностей интеграции столь непохожих на первый взгляд белорусской и китайской культур, вступают с миром Поднебесной в *метафизический диалог*, преодолевающий хронологические и географические границы. Несмотря на ведущую роль интуитивного метода постижения музыкальных традиций Китая и отказ от их прямого заимствования, в «китайских» партитурах композиторов Беларуси оказывается много совпадений с сущностными константами поэтики искусства Поднебесной. Причём проникновение белорусских авторов в китайские

традиции оказывается тем глубже, чем более оно резонирует с их индивидуальными творческими интенциями. Поэтому представляется не случайным, что методы решения китайской темы и репрезентации китайского культурного кода в музыкальных партитурах представителей «белорусского музыкального Китая» оказываются своего рода пробным камнем, позволяющим выявить индивидуальные особенности стиля и своеобразие художественного метода каждого из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Юань. Музыкальные традиции Китая в творчестве русских и белорусских композиторов XX – начала XXI в. / Чжан Юань // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 12 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2012. – С. 320–328.
2. Чжан Юань. Образы Китая в творчестве композитора Галины Гореловой / Чжан Юань // Музыкальная культура Беларусі ў сусветнай прасторы / склад. В. У. Дадзіёмава; Навуковыя працы Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. Вып. 19. Серыя 1, Беларуская музыкальная культура. – Мінск: УА «Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі», 2009. – С. 83–88.
3. Лисова, Е.В. «Семь элегий Ли Бо» Г. Гореловой в контексте камерно-инструментального творчества композитора / Е.В. Лисова // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 17 / навук. рэд. А.І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі . – Мінск: Права і эканоміка, 2014. – С. 116–122.
4. Чжан Юань. Музыкальные эскизы о Поднебесной в творчестве С. Бельтюкова / Чжан Юань // Музыкальная культура Беларусі: на путях исследований / сост. Т.С. Якименко; Научные труды Белорусской государственной академии музыки. – Вып. 28. Серия 6: Вопросы современного музыкознания в исследованиях молодых ученых. – Минск: Белорусская государственная академия музыки, 2012. – С. 135–140.

*Лю Янь, Соколовская М.М.
(Маньян, Китай; Минск, Беларусь)*

МИФИЧЕСКИЕ ГЕРОИ – СОЗДАТЕЛИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В докладе раскрывается деятельность мифологических культурных героев по созданию артефактов музыкального искусства древнего Китая. Отмечается, что в богатой китайской мифологии становлению и развитию музыки в период архаики содействовали многие персонажи мифов.

Ключевые слова: культурный герой, культура, Китай, миф, мифология, музыка

The report reveals the activities of the mythological heroes of cultural artifacts to create musical art of ancient China. It is noted that in the rich Chinese mythology

the establishment and development of music in the Archaic period have contributed to many of the characters of myths.

Keywords: cultural hero, culture, China, myth, mythology, music

На заре человеческой истории субъекты архаического китайского общества, как явствует из мифологии, при помощи культурных героев из материалов природы создавали технические конструкты – вещи, удовлетворяющие в первую очередь их утилитарные потребности. Историко-типологическое сравнение китайских мифов свидетельствует о присутствии в них значительного количества архаических преданий об участии мифических героев в творении артефактов духовной культуры. Мифы о деятельности культурных героев соотносятся с развитым родовым обществом и периодом его разложения. Эти мифы, вошедшие во многие письменные памятники, дошли к нам переоформленными, и реконструкция их осуществлялась путем тщательного анализа нарративных и археологических источников с привлечением сравнительно-типологических данных. Мифы о героях представляют собой памятники нерасчлененного первобытного фольклора родовой эпохи, они идеологически синкретичны и заключают в себе в неразвернутом еще виде зародыши религии и донаучных представлений о происхождении природы, человека, общества и первых феноменов материальной и духовной культуры.

Анализ китайской мифологии позволяет нам утверждать, что уже на ранних этапах культурогенеза у этносов, населяющих древний Китай, формируется художественное мышление, способствующее становлению и развитию духовной культуры в доисторические времена. Как известно, искусство в этот период имело синкретический характер, было вплетено в практическую деятельность человека, выполняло в основном утилитарные функции, функционировало слитно со всеми его видами. Российский синолог Н. Федоренко считает, что «в древнекитайской теории поэтическое и музыкальное начало разделить практически невозможно. Лирические стихи пелись, а гимны, оды исполнялись под музыкальный аккомпанемент» [6, с. 19]. Это же можно сказать и о танце, который был неотделим от музыки. На теснейшую связь танцевального и музыкального искусств указывает Сунь Цянь. Синолог отмечает, что в древнем Китае сложилась традиция «исполнять танцы с музыкальными инструментами в руках – барабанами, флейтой, пиной; музыканты, аккомпанирующие танцу, находились рядом с танцующими» [9, с. 17].

Становление искусства, в том числе и музыкального в Китае началось примерно 3 тысячи лет назад. В соответствии с китайской мифологией, его первыми творцами были культурные герои. В период правления мифического Желтого императора, согласно мифологии, музыканты уже искусно исполняли несколько мелодий. Одну из них, как явствует из одного героического мифа, сочинил культурный герой Хуан-ди в честь духов и божеств, с которыми он встретился на Великой западной горе – Ситайшань. В мифе повествуется: «Возрадовался Желтый император и сочинил музыку, получившую название *цинцзяо*. Она была печальной, волнующей и поистине могла тронуть небо и землю, взволновать богов

и бесов» Эта музыка предназначалась только для избранных, ее нельзя было слушать простым смертным [11, с. 116]. Мифы донесли до наших времен также и эпизод из жизни цзиньского князя Пингуна, правившего в период Весны и Осени (770–476 гг. до н.э.). В тексте мифа упоминается уже несколько мелодий. На одном из пиров, в честь вэйского князя Лингуна, устроенного Пингуном, говорится в мифе, придворные музыканты исполняли печальные мелодии *циншан*, *цинчжи* и *цинцзяо*. В предании сообщается, что Пингун жестоко поплатился за то, что приказал своему музыканту играть цинцзяо, сочиненное Хуанди. Во время исполнения этой мелодии налетел страшный ураган, разрушивший дворец, а в царстве три года стояла страшная засуха.

Культурному герою Хуанди древнекитайская мифология приписывает изобретение ударного музыкального инструмента, барабана из шкуры дикого зверя, Куя, у которого было человечесье лицо, тело обезьяны и он умел говорить человечесьим языком. Палочку для барабана Желтый император сделал из самой большой кости бога грома Лэй-шэня. Ударный инструмент, согласно мифу, обладал необычными качествами: когда «ударил по барабану девять раз – и в самом деле загудели горы, откликнулись им долины, изменился цвет земли и неба, воспрянули духом воины Хуанди, а Чю и его воины перепугались насмерть» [11, с. 125]. Фрагменты текстов древнекитайских мифов, реконструированных нами, свидетельствуют об изобретении барабана и другими мифическими героями. Так, в «Каталоге гор и морей» имеется фрагмент текста о генеалогии первопредков: «Внук Предка Огня (Яньди) Старший Дядя Холм (Болин) сошелся с женой Уцюаня, Женщиной-Холмом Юаньфу. Юаньфу носила плод три года. Она родила Длинный Барабан. Длинный Барабан первым сделал колокол, создал мелодию» [11, с. 128]. В этом же древнейшем памятнике письменности содержится этиологический миф о барабане: «Гора-Колокол. Ее сын носит имя Барабан (Гу)» [11, с. 41].

Анализ древнекитайских мифов, связанных с происхождением барабана как ударного музыкального инструмента, свидетельствует, что барабан был центральным культовым предметом. Он в китайской мифологии был тесно связан с военными культами и обрядами. Так, А. Масперо отмечает, что перед походом барабану святилища бога Земли приносилась кровавая жертва, после чего барабан везли на колеснице впереди выступающего войска [11, с. 142]. На культовую роль барабана в ритуалах военного триумфа указывает также М.Гране [с. 209]. Барабаны являлись также символом власти и военных побед. В процессе текстологического анализа древнейшего литературного памятника «Шицзин» («Книга песен и гимнов») (8 в. до н. э.) нам удалось обнаружить песню «Лишь барабан большой услышал», которая запечатлела культовую функцию этого музыкального инструмента: «Лишь барабан большой услышал. – /Сразу вскочил, оружие взял. / Рвы там копают в родной земле, / В Цао возводят высокий вал» [10, с. 41]. Исследование функций барабана показывает, что данный ударный инструмент входил также в число ритуальных предметов заупокойного культа. Известно, что музыка в период архаики осознавалась как сакральная. Поэтому наряду с другими музыкальными инструментами барабан использовался в погребениях. Об этом помимо мифологии свидетельствуют археологические раскопки древних

захоронений, где среди культовых предметов встречается много бронзовых барабанов.

В «Каталоге гор и морей» нам удалось обнаружить фрагмент текста, в котором повествуется о мифических героях, причастных к изобретению и некоторых других музыкальных инструментов. Так, согласно преданию «Предок Выдающийся (Цзюнь) родил Веселящегося Дракона (Яньлуна), который изобрел лютню и гусли» [1, с. 129]. Легендарный бессмертный царевич Цяо чжоуской династии (6 в. до н.э.) был искусным игроком на губном органчике [2, Риф. с. 139]. Отдельные фрагменты мифов позволяют нам определить происхождение ряда старинных музыкальных инструментов, изготовленных культурными героями. Выше нами отмечалось, что барабан был изготовлен Хуанди, отец Шуня Гусю изобрел гусли, а усовершенствовал их мудрый Шунь. Широко распространенным инструментом была цитра, лютня, флейта. Популярным являлся ударный музыкальный инструмент «цин» в виде пластины, изогнутой углом и сделанной из нефрита, камня, меди.

В древнекитайских памятниках часто упоминается имя культурного героя Шуня, правившего древним Китаем в 3-м тысячелетии и передавшем трон Юю. Среди многих деяний Шуня в древнейших письменных памятниках «Весны и Осени Люя», «Книге исторических преданий», «Беседах и суждениях», «Исторических записках» Сыма Цяня сообщается о его музыкальном творчестве. В них отмечается, что Шунь с ранних лет очень любил пение и музыку. Став правителем после Яо, он приказал главному музыканту Яню прибавить восемь струн к пятнадцатиструнным гусям, изготовленным его отцом Гусю. Чжи он велел исправить мелодии «девять призывов», «шесть цветений», «шесть рядов», созданных наставником музыки Сянь-хао. Мелодия *шао* исполнялись на цитре в сопровождении флейты (сяо). Сам Шунь, как говорится в преданиях, любил играть на пятиструнной цитре и петь сочиненную им песню «Южный ветер». Мелодия *шао* очень нравилась Конфуцию. В «Беседах и суждениях» говорится: «Учитель сказал: «Мелодия *шао* очень красива и очень приятна. А мелодия *и* хотя и очень красива, но не столь приятна» [11, с. 379]. Один из мифов, вошедших в «Каталог гор и морей» передает нам имя культурного героя, создавшего музыкальную мелодию: «Заклинающий огонь родил Наследника Длинной лютни. Он поселился на горе [Дерева] яо. Первый создал музыкальную мелодию» [1, с. 119].

В поздней китайской народной мифологии широко известен герой Удай Юаньшуй, живший во времена Пяти династий (907–960 гг.) и почитаемый как покровитель музыкантов. Особенно его дух почитали в провинции Фуцзянь, где он отождествляется со знаменитым танским музыкантом Лэй Хайцином. Удай Юаньшуй изображен на картинах и статуях в храмах вместе с аккомпанирующими ему музыкантами, двумя мужчинами и двумя женщинами [3, Риф. с. 709].

Таким образом, сравнительно-типологический анализ древнекитайских мифов и текстов ранних письменных памятников Китая свидетельствуют, что становление и развитие музыкального искусства древние китайцы связывали с деятельностью мифических культурных героев, что нашло довольно полное отражение в китайской мифологии. При их содействии в период с 2070 г. по 221 г. до н.э. (Пять династий) сформировались основные жанры музыкального искусства:

обрядовая, народная и дворцовая музыка. Инструментальная и вокальная музыка искони была языком чувств древних китайцев, и ее творцы умело пользовались богатейшей палитрой звуков, создавая свои музыкальные образы. Автор древнекитайского трактата «Юэцзи» Гунсун Ницзы писал: «Музыка возникает из движения души человека. Когда ваши чувства возбуждены под воздействием внешнего мира, вы их выражаете своим голосом, то есть ваш голос должен соответствовать возникшим чувствам» [10, с. 20]. Музыка в контексте древнекитайской мифологии, на наш взгляд, указывает на то, что она была более чем стихией человеческих чувств, более чем выражением раздумий, печали или лирических настроений.

Исследование текстов ранних мифов показывает, что господствующее положение в музыкальном искусстве древнего Китая занимала придворная музыка. Она, объединенная вместе с поэзией и танцем, существовала в общем синкретическом искусстве «юе». Российский синолог Э.М. Яншина высказывает мысль, что с помощью ритуальной музыки «ли юэ» древние цари умиротворяли народ [12, с. 31]. Гунсун Ницзы утверждал, что существует взаимосвязь между музыкальными мелодиями и характером управления страной. Когда в мире царит порядок, рассуждал он, то мелодии спокойны и тем самым выражается радость по поводу гармоничности правления; когда в мире царит беспорядок, то в мелодиях звучит недовольство и тем самым выражается гнев по поводу того, что правление порочно; в государстве, которое гибнет, мелодии печальны, и в них выражаются переживаемые народами трудности [10, с. 20]. Музыка уже в период архаики становится государственным культом и приобретает государственное значение: она служила средством не только постижения, но и воздействия, воздействия на нравы и настроения народа, на управление людьми, удержание их в покорности и смирении. Именно регулятивной функцией музыки можно объяснить возникновение в древнем Китае специальных государственных учреждений по подготовке музыкантов. Уже в период правления династии Западная Чжоу (1046–771 гг. до н.э.), было создано первое в истории Китая музыкальное учреждение Чуньгунь. Целью его, отмечает Ху Ицзюань, становится «воспитание чистых теоретиков (людей, которые могут преподавать мораль и этику), а главным принципом было взаимодействие музыки, поэзии и литературы» [7, с. 5]. Вначале обращалось основное внимание на практическое обучение навыкам исполнения обрядовой музыки. О масштабах воспитания музыкантов можно судить по количеству его сотрудников: 1400 человек. В это время сформировалась также двухзвенная система музыкального образования: дети дворян обучались в государственных музыкальных учреждениях, а сельская молодежь – в местечковых. Освоение музыки становится в учебных заведениях обязательным предметом среди «шести искусств»: этики, музыки, стрельбы, езды верхом, каллиграфии и математики. В 1-м тысячелетии до н.э. музыкальное искусство постепенно выделяется в отдельную область духовной культуры. Свидетельством тому служит наличие в древнем Китае разветвленных музыкально-организационных структур, как Юефу (Дворец музыки), Циншаншу (Государственный музыкальный совет), Тайчансы (Монастырь Спокойствия), Цзяофан (Мастерская), Лиюань (Музыкальное учреждение) и др. В названных учреждениях в основном

обучали мастерству игры на музыкальных инструментах, а также хоровому пению и танцу.

Пристальное внимание древнекитайского государства к музыкальному искусству содействовало широкому развитию в архаический период инструментальной, камерно-вокальной и хоровой музыки. Разнообразие жанров наглядно демонстрирует древнейший сборник стихов-песен и гимнов «Шицзин» (8 в. до н.э.), состоящий из трех частей: «Фэн» (народная поэзия), «Яюэ» (оды «дая» и «сяоя»), «Сун» (дифирамбы). Современные музыковеды интерпретируют их как жанровые группы: народная музыка, авторская музыка и культовая музыка.

Составить представление о народно-песенном творчестве древнего Китая возможно с помощью текстологического анализа этого древнейшего памятника поэтической культуры Поднебесной, где в разделе «Гофын» («Нравы царств»), содержатся мелодии песен пятнадцати, различных царств Китая времен архаики.

На наш взгляд, «Гофын» имеет наибольшую художественную ценность, так как здесь собраны народные песни древнего Китая. Культурные герои, создавшие их, жили среди народа, выражали его мысли, отражающие различные стороны жизненного и художественного опыта, непосредственного и зоркого видения окружающей авторов песен реальности. В «Шицзин» вошли песни труда, посвященные теме земледельческих работ. Они корнями глубоко уходят в щедрую почву народного творчества. Песни «Подорожник» [10, с. 28], «Удары звучат далеки, далеки» [10, с. 92-93], «Собрала я лакрицу» [10, с. 101], «Песня о седьмой луне» [10, с. 118], др. Они воссоздают правдивую колоритную картину жизни и быта китайского народа в эпоху раннего его развития.

Значительное место в «Нравах царства» занимают лирические и любовные песни, с их обаянием и радостными чувствами молодости, с их задушевностью. Эти песни представлены в «Гофыне» щедро. Лиризмом и торжественностью исполнены песни «Встреча невесты» [10, с. 24], «Песнь о невесте» [10, с. 27], «Выезд невесты» [10, с. 30], «Тихая девушка» [10, с. 49] и др. Для них характерны предельно скупые изобразительные средства, лаконизм, фразеологические повторы, рефрены.

Каждая народная песня целенаправленна, имеет законченный сюжет, отличается цельностью, единой внутренней темой. Центральной проблемой народного песенного творчества является человек и его отношение к явлениям природы, окружающему миру, людям. Народным песням присущи лаконизм, богатство экспрессии, стилистическое совершенство. Они исполнены аллегорий, символики и олицетворений, афоризмов, рожденных вековой мудростью народа, горьким опытом, закрепленным и увековеченным их создателями. Анализ текстов песен, их языка, символов, стилистики свидетельствует, что их создатели мастерски владели всей музыкальной и живописной силой образного языка.

В вокальном искусстве древнего Китая значительное место занимают гимны «сунн». Например, в «Шицзин» содержится сорок старинных торжественных и хвалебных храмовых песнопений и культовых гимнов в честь духов, предков и мудрых царей периода архаики. Эти произведения, по-нашему мнению были сложены в своем большинстве придворными поэтами в честь правителей династии Чжоу: Тайвану и Вэньвану [10, с. 281, Увану и Чэнвану [10, с. 283] и др. В

них содержится перечисление военных подвигов древних правителей, их мудрых деяний. Эти произведения исполнялись в сопровождении соответствующей музыки. Их отличает довольно богатая словесная орнаментация, которая углубляет впечатление торжественности, подчеркнутой высокопарности, восторженности.

На более высокий уровень развития поднимается музыкальное искусство в эпоху правления династий Весны и Осени и Воюющих княжеств (476–221 гг. до н.э.). Музыкальное исполнительское мастерство достигает высокого уровня. Во всех областях древнего Китая прославлялись имена славных музыкантов Бо Я, Ши Вэна, Ши Куана. В этот период зарождаются также основы теории музыки. Примером такого теоретического трактата является сборник 23 статей Сюньцзы, созданный в традициях конфуцианской школы. К этому историческому периоду относится создание таких музыкальных композиций, как «Высокая гора» и «Проточная вода». Дошедшие до нашего времени письменные источники позволяют нам утверждать о значительном усовершенствовании созданных культурными героями музыкальных инструментов. В сборнике «Шицзин» имеется описание уже двадцати пяти самых древних музыкальных инструментов – струнных, духовых, ударных (ди, гуань, накры, сюань, сэ, цин, лчжун, шэн, юэ и др.). Воспитание музыкантов осуществлялось по конфуцианской модели, в основу которой были положены два принципа: собственная исполнительская практика преподавателя и позитивное воздействие музыки на развитие традиционного мышления общества, его обычаи и привычки.

Согласно Цао Шули, в 3-м в. до н.э. «Сборник стихов юэфу» состоял из песен жанров «сянхэгэ» и «цингэ», которые мастерски исполнялись с аккомпанементом на инструменте цинь. Распространение в это время получили и такие жанры, как баллада, сольная ария «тугэ» и «даньгэ» – миниатюрные формы, где один певец солирует, а трое подпевают [8, с. 7]. Широко известен был также вокальный цикл «Сюита из 18 пай» для флейты хуцзя и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин) / Пред., пер. и коммент. Э.М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235.
2. *Рифтин, Б.Л.* Ванцзы Цяо / Б.Л.Рифтин // Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь (Гл. редактор Е.М.Мелетинский. – С.-Пб.: Фонд «Ленинградская галерея», АО «Норинт», 1996. – С. 139.
3. *Рифтин, Б.Л.* Удай Юаньшуай / Б.Л. Рифтин // Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь (Гл. редактор Е.М. Мелетинский. – С. –Пб.: Фонд «Ленинградская галерея», АО «Норинт», 1996. – С. 709.
4. *Сунь Цзюань.* Становление и развитие музыкального театра В Китае: автореф. дис... канд. искусствоведения 17.00.09 / Сунь. Цзюань – Белорус. ун-т культуры и искусств. – 2013. – 23 с.
5. *Сунь Цянь* Танцевальное искусство Китая XX века: национальное своеобразие и влияние западных традиций: автореф. дис... канд. искусствоведения 17.00.09 / Сунь Цянь. – Белорус. ун-т культуры и искусств. – 2013. – 23 с.

6. Федоренко, Н. Древнейший памятник поэтической культуры Китая / Н.Федоренко // Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А.Шуткина / Шицзин. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 3-22.
7. Ху Ицзюань. Становление и развитие музыкального образования в Китае: автореф. дис... канд. искусствоведения 17.00.09 / Ху Ицзюань. – ; Белорус. ун-т культуры и искусств. – 2010. – 23 с.
8. Цао Шули. Особенности развития камерно-вокальных и хоровых жанров в музыке Китая: автореф. дис... канд. искусствоведения 17.00.09 / Цао Шули. – ; Белорус. ун-т культуры и искусств. – 2010. – 23 с.
9. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина И В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В.Вяткина; вступ. ст. М.В. Крюкова / Сыма Цянь. – Т. 1.- М.: Наука, 1972. – 439 с.
10. Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А.Шуткина / Шицзин. – М.: Худож. лит., 1987. – 351 с.
11. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В.Пузицкого / Юань Кэ. – М.: РИСО АН СССР, Наука, 1965. – 496 с.
12. Яншина, Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э.М. Яншина. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
13. Granet, M. Danses et legends dela Chine / M.Grantt. – P., 1926. – 376 p.
14. Maspero, H .La Chine Antique / H. Maspero. – P., 1955. – 407 p.

Михайлова Е.В., Цзи Нянь
(Минск, Беларусь)

ОБРАЗЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОКАЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ, В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ ЛИ БО

В статье рассмотрены переводы стихотворений китайского поэта Ли Бо, относящихся к пейзажной лирике, на русский язык, выполненные С.А. Торопцевым.

В пейзажной лирике Ли Бо образы, связанные с вокальным искусством, занимают значительное место. Эти образы соотносятся с образами музыкальных инструментов; они имеются в стихотворениях, предназначенных для пения под аккомпанемент музыкального инструмента; они выражаются при передаче процесса создания или декламации поэтических произведений, при описании собственно пения, при созерцании прекрасной природы Китая, при воплощении образа луны, при реализации в песне грустных чувств лирического героя, обусловленных осенью, и т.д.

Ключевые слова: *образ, вокальное искусство, пейзажная лирика, Ли Бо, перевод, китайская поэзия*

The article considers the landscape lyrics of the Chinese poet Lee Bo translated into Russian by S.A. Toroptsev.

Vocal art images hold significant place in landscape poetry of Lee Bo. These images are associated with images of musical instruments; they are present in poems set

to singing accompanied by musical performance; they are used to convey the process of composition and recitation of poetical pieces, to describe the vocal manner, to reflect impressions caused by magnificent sights of Chinese nature, to shape lunar image, to express in song lyrics melancholic sentiments of central character inspired by autumn, etc.

Key words: *image, vocal art, landscape lyrics, Lee Bo, translation, Chinese poetry*

В китайской культуре музыка и поэзия были тесно взаимосвязаны с древнейших времен как в особенностях жанров этих двух видов искусства, так и в музыкальных, поэтических и музыкально-поэтических (песнях, романсах и т.д.) произведениях. В китайской литературе много сочинений о музыке. Г.М. Шнерерсон указывал: «Музыка воспета и опоэтизирована в веках богатейшей китайской литературой. Трудно найти поэта, не отразившего в своих стихах тот или иной сюжет, связанный с музыкой, не воспевшего высокие чувства, рождаемые звуками. ...музыкальные образы пронизывают содержание тысяч и тысяч китайских стихов и поэм» [1, с. 53]. Е Лан и Чжу Лянчжи пишут о концепции китайской культуры, связанной с музыкой: «Музыка приносит гармонию – это важная концепция, которая влияла на китайскую культуру на протяжении тысячелетий. Она подчеркивает гармонию, как главную ценность культуры» [2, с. 90]. Для перевода китайской классической поэзии важно знание живописной природы Китая и того, как природу понимают жители этой страны: «Если говорить о переводах китайской классики, где музыкальная мысль, выраженная способом поэтического языка, отступает на второй план, а иногда попросту отсутствует, где на первом плане существует во всей силе Живопись – знание природы и пейзажа страны и знание того, как эту природу понимает китаец, – это знание является решающим» [3, с. 507].

В данной статье мы рассмотрим переводы произведений, относящихся к китайской пейзажной лирике, выполненные С.А. Горощевым [4, с. 10–202], в их связи с образами вокального искусства. Пейзажная лирика в Китае – «...обращение поэта к природе как хранителю изначальной естественности, придававшей величие той Древности, в какой еще присутствовали Совершенномудрые, впоследствии покинувшие Землю и улетевшие в сакральное Занебесье...» [5, с. 217]. Цель поэта, создающего такие произведения, – «...сформулировать свой мировоззренческий идеал и противопоставить его современной ему действительности, исковерканной цивилизацией...» [5, с. 217].

Китай известен своими прекрасными пейзажами: «У китайцев принято при виде чудесного пейзажа говорить: “Прямо как на картине”. Да и многие иностранцы, делясь своими впечатлениями о китайских пейзажах, признаются, что порой чувствовали себя частицей изумительной живописной картины» [6, с. 43]. Восприятие людьми красивых пейзажей Китая, представленных, например, садово-парковой архитектурой, показывает характер их взаимоотношений с природой: «Классическая садово-парковая архитектура Китая столь же древняя, как и его литература и искусство. ... В глубокой древности при неразвитости производительных сил люди, жившие рыболовством и охотой, были преисполнены

смешанного чувства уважения и страха к природе, поэтому поклонение и фетишизация гор и воды, зверей и растений представляли наиболее основополагающую и самую всеобщую языческую религию. ... Постепенное исчезновение густого налета языческой религии позволило показывать природную красоту гор и рек, люди, мало-помалу избавляясь от поклонения сверхъестественным силам, стали вволю наслаждаться и восхвалять красоту природы» [7, с. 7–9].

Объект нашего исследования – пейзажная лирика великого китайского поэта эпохи Тан Ли Бо (VIII в.) – та часть его поэзии, «...в которой он, отстраняясь от цивилизационных напластований, искал “чистоту” (*цин*) изначального духовного облика мира, созвучного той Древности, к которой стремилась его душа» [5, с. 216]. Предмет исследования – образы, связанные с вокальным искусством, в данной части лирики Ли Бо. Цель работы – определить, как реализуются названные образы.

Ли Бо много путешествовал. Красота природы вдохновляла его на создание прекрасных сочинений. Горы и водное пространство – важнейшие элементы китайской пейзажной лирики в целом и стихотворений Ли Бо: «Зажато небо в пиках Колдовских...» [4, с. 14], «И снова я под Колдовской горой...» [4, с. 17], «Лазоревых вершин предутренний зигзаг...» [4, с. 19], «До Чуских врат простерся путь мой длинный, // По землям Чу плыву я с этих пор...» [4, с. 23], «Вода светла – прозрачный изумруд, // Безмерностью сравнима с небесами» [4, с. 30], «Озера там, как зеркала, светлы, // И волны-горы в пене пробегают» [4, с. 35] и др. Поэт воспринимает горы с оттенком тоски и грусти: «О, дороги, дороги! Тут скалы круты и отвесны, // Только грустные птицы сидят на засохших ветвях... // ... // Так тоскливо в пустынных горах!» [4, с. 24], «Наполнен грустью этот мир бескрайний, // Заходит солнце, и встает тоска, // Гора смыкается с небесной далью, // Плывут по кромке неба облака» [4, с. 161] и др. Горы и воды приятны душе Ли Бо; они приносят его душе покой и очищение: «Люблю бродить по этим чудным скалам, // Они душе несут покоя дар...» [4, с. 48], «Здесь душу мою очищает вода...» [4, с. 68]. Горы для него – это нечто священное, связанное с понятием Дао (Дао «...словарно переводится как “путь”, “дорога”» [8, с. 141]: «К Святым горам душа сорваться хочет – // Там Путь познать и с Зельем воспарить» [4, с. 141].

Лирика Ли Бо имеет философский характер; элемент размышлений, раздумий о вечных категориях бытия характерен и для его стихотворений о реалиях природного мира: «Путником случайным мы живем... // ... // Небо и земля – ночлежный дом, // Заметенный пылью вековой» [4, с. 136], «Взойди на гору, посмотри окрест, // Твой взгляд просторы мира не окинет. // Но хладный иней падает с небес, // Осенний ветер бродит по пустыне. // Краса цветов уходит, как поток, // Весь мир вещей плывет волной бегучей...» [4, с. 153], «Мы приходим, уходим, как воды в движенье...» [4, с. 167] и др. В его произведениях присутствует тема, связанная с временем года, – тема осени: «Осенний плес, бескрайний, словно осень, // Пустынный, наводящий грусть на всех...» [4, с. 60], «Пришлось покинуть мне столичный град. // Домой! Мне осень душу бередит. // В безбрежность опускается закат, // Холодная в реке волна бежит...» [4, с. 144] и

др.; в стихотворении «В Восточной Бездне тонет Хуанхэ...» осень – метафорическое выражение старости человека: «Уж я не тот, каким бывал весной, // Я посидел к осеннему закату. // Жизнь человека не сосна зимой, // Несут нам годы многие утраты...» [4, с. 191] и др.

Тема вокальной музыки представлена уже в названиях стихотворений Ли Бо: «Песнь луне над Крутобровою горой» [4, с. 13], «Песенка о женщине из Ба» [4, с. 20] (стихотворение «...в стиле народной песни» [8, с. 20]), «Слушаю, как монах Цзюнь из Шу играет на *цин*» [4, с. 28], «Песня о Павильоне разлуки – Лаолао» [4, с. 40], «Песни Осеннего плеса» [4, с. 60–63], «Песнь о Чистом ручье» [4, с. 68], «Песня о большой дамбе» [4, с. 110], «Мелодия прозрачной воды» [4, с. 114], «Пою о *цзинь*-цветке» [4, с. 147] и др.

В поэтических произведениях Ли Бо часто встречаются образы музыкальных инструментов, которые соотносятся с вокальным искусством, потому что звучание инструментов или их струн уподобляется пению и т.д. В стихотворении «Восхожу на Крутобровую вершину» поэт описывает гору Крутобровую (*Крутобровая* (Эмэй) – «...одна из священных для даосов гор, находится на юго-западе совр. уезда Эмэй пров. Сычуань, две ее вершины напоминают брови» [8, с. 11]). Поднимаясь на нее, он выражает свои ощущения как музыку, исполняемую на духовом и струнном инструментах: «...начинающую звучать в нем музыку Ли Бо озвучивает среди облаков на яшмовой свирели, а на самой вершине – на гусях» [9, с. 312] («Здесь таинством я одухотворен, // Озвучиваю облачный напев, // Коснусь волшебных струн эмэйских скал» [4, с. 11]). Имеется у Ли Бо и передача звучания известного древнего китайского струнного инструмента циня (в переводе С.А. Торопцева имя существительное *цин* относится к женскому роду): «Певучую *цин* обнимает монах, // Пришедший с самой Крутобровой горы, // И вот для меня зазвучала струна – // Чу! Шепот сосны в переливах игры» и др. [4, с. 28]. В подтексте отрывка из стихотворения «Взирая на гору Цзюхуа, подношу циньянскому Вэй Чжунканю» (*Цзюхуа* – «...одна из четырех знаменитых буддийских гор в Китае, находится в пров. Аньхуэй, уезд Циньян...» [8, с. 76]; *Вэй Чжункань* (или Вэй Цюаньюй) – начальник данного уезда [8, с. 76]) также упоминается цинь: «Так хотел бы я струной певучей // Увести вас в эту даль за мной, // Где хозяин наш на белой туче // Возлежит под вечною сосной» [4, с. 76] (*струной певучей увести* – «...попытка в переводе передать тройной смысл выражения, которое буквально означает “взмахнуть рукой”, а в переносном смысле – “сыграть на цинь”, с оттенком ухода в отшельнический скит; о том же отшельничестве говорит и последняя строка о возлежащем под заоблачной сосной хозяине, который буквально именуется *хозяин пути на Восток*: так традиционно именовали “хозяина, принимающего гостя”, но Восток, возможно, звучит в подтексте – то есть путь туда, где в Восточном море находится остров бессмертных Пэнлай» [8, с. 76]). В цикле «Десять стихотворений во славу Гушу» [4, с. 80–82] (*Гушу* – «...древний город, стоявший на месте совр. уезда Данту в пров. Аньхуэй» [8, с. 83]) (6. «Гора Цымучжу») поэт пишет о мелодиях, которые исполняются на духовых инструментах, называемых «...“дудки Феникса”, такие дудки звучат на небесах» [8, с. 83]: «Драконов рык слышал ли кто-нибудь? // У песен Феникса послаще звуки. // Плакучей слабой ивою не будь!» [4, с. 81]. В

стихотворении «Пою на реке» поэт упоминает очень красивые духовые музыкальные инструменты: «Магнолия – весло, ствол грушевый – ладья, // Дуда золотая, яшма-флейта на борту...» [4, с. 156]. Речь в нем идет о сочинении поэтического произведения: «Стих завершен – мой смех взлетает к небесам» [4, с. 156]. Стихотворение «Сяньянская песнь» (город Сяньян находится «...к югу от Аньлу...» [8, с. 179]; город Аньлу – «...совр. пров. Хубэй...» [8, с. 179]) – это анакреонтический гимн, «...созданный в период, когда Ли Бо покидает Шу, путешествует, женится, заводит дом под г. Аньлу ... и хижину в горах, в 60 *ли* от дома» [8, с. 179] (*ли* – «...мера длины, равная 576 метрам» [10, с. 558])), и в этом произведении, связанном с жанром вокального искусства, имеются образы духовых инструментов: «На телеге чайничек вина, // Флейта с дудкой убеждают пить до дна» [4, с. 178]. В стихотворении «В былые дни на Журавле святой...» поэт пишет об *Ань Ци* – святом «...с острова бессмертных Пэнлай», а также о звучании свирели [8, с. 190]: «За облаков лазурной пеленой // Всем возвестил, что это он, Ань Ци. // Два отрока прекрасных по бокам, // Свирель Пурпурным Фениксом поет» [4, с. 190]. Журавль упоминается здесь потому, что «...обретшие бессмертия даосы возносятся на небо на священных птицах» [8, с. 190].

На одном из стихотворений, в котором встречаются образы музыкального инструмента и различных звуков, хотелось бы остановиться подробнее. Это уже упоминавшееся пятисловное стихотворение Ли Бо «Слушаю, как монах Цзюнь из Шу играет на *цин*» [4, с. 28] (в каждой его строке на китайском языке имеется пять иероглифов). В нем содержится рассказ о монахе, играющем на струнном инструменте и слушающем его. В первой фразе поэтического произведения «Певучую *цин* обнимает монах, // Пришедший с самой Крутобровой горы...» [4, с. 28] сообщается, откуда пришел монах. Буддийский монах «...из монастыря Линьюань в округе Сюаньчжоу, совр. г. Сюаньчэн, пров. Аньхуэй...» [8, с. 28] Чун Цзюнь (Чжун Цзюнь) [8, с. 28] пришел с Крутобровой горы (горы Эмэй) и принес *цин*; в тексте на китайском языке автор не просто называет инструмент *цинем*, но еще и указывает, что *цин* Цзюня редкий и дорогой (*цин* – «...семи-струнный музыкальный инструмент, который в Шу по традиции, идущей от поэта Сыма Сянжу, который был родом тоже из Шу, именуют Зеленоузорчатая; мастера часто давали своим инструментам названия» [8, с. 28]). В следующих строках Ли Бо описал звуки музыки Цзюня: «И вот для меня зазвучала струна – // Чу! Шепот сосны в переливах игры» [4, с. 28]. Цзюнь начинает трогать струны. Здесь поэт описал внушительные и величественные звуки как шепот ветра и сосен. Во втором предложении Ли Бо рассказал о самом чувстве, которое испытал лирический герой стихотворения, услышав звук *циня*: «Потоками звуков омыта душа, // Откликнулся колокол издалека» [4, с. 28] (звук колокола – «...идуший из трактата “Шань хай цзин” образ чистого звучания (в трактате говорится о девяти колоколах на горе Фэншань, которые начинали звучать даже от прикосновения осевшего на них инея)...» [8, с. 28]). Это стихотворение было написано в 753 г. н.э. В течение данного периода Ли Бо был охвачен тревожными мыслями о собственной судьбе и о судьбе своей страны, он чувствовал уныние. Но, слушая музыку, поэт словно очищал свою душу, и беспокойство уходило. Ли Бо и монах

Цзюнь были близкими друзьями, объединяла их музыка. В стихотворении инструментальная музыка и звук колокола сливаются благодаря долгому эху от звучания циня. Последнее предложение стихотворения «Гора погружается в ночь не спеша, // И, мрак нагнетая, плывут облака» [4, с. 28] показывает, что поэт увлекся музыкой и не чувствовал наступления ночи. Ли Бо в данном стихотворении выражает мысли о быстротечности времени и влиянии музыки на поэта.

Встречаются среди стихотворений Ли Бо и такие, которые были предназначены для исполнения под аккомпанемент музыкального инструмента. Стихотворение «Мелодия прозрачной воды» в стиле древних песен Юэфу (у термина *юэфу* имеется два основных значения: «...1) некое учреждение, называемое “Музыкальная палата” (Юэ фу) и якобы занимавшееся при ханьском У-ди собиранием фольклора; 2) стихи жанра юэфу, написанные в подражание этим фольклорным образцам. Первоначально стихи жанра юэфу были, по-видимому, положены на музыку, но от последней сохранились только условные названия мелодий или музыкальных инструментов, на которых они исполнялись. Со временем классификация стихов юэфу настолько усложнилась, что границы жанра оказались размытыми» [11, с. 333]), которые исполнялись под аккомпанемент циня, содержит описание осени, прекрасного цветка лотоса и сопровождающего все это чувства тоски: «Чиста струя, и день осенний ясен, // Срывает дева белые цветки. // А лотос что-то молвит... Он прекрасен // И тем лишь прибавляет ей тоски» [4, с. 114].

Ряд вокальных образов у Ли Бо связан с поэтами, известными личностями и др., что реализуется как процесс создания или декламации поэтических произведений. Ли Бо очень любил поэта Се Тяо (*Се Тяо* «...(464–499) – знаменитый поэт времен Южной династии Цзинь...» [10, с. 550]), и в своем стихотворении «В “Западном тереме” у Цзиньлинской стены под луной читаю стихи» (*Цзиньлин* – современный город Нанкин [8, с. 34]; «*Западный терем*» – «...питейное заведение на горе Фучжоу над Янцзы, к северо-западу от Цзиньлина, за городской стеной...» [8, с. 34]) цитирует его сочинение, описывая создание произведения при луне: «В дуновении зябком цзиньлинская ночь затихает, // Я один, а вокруг – земли У и Юэ, земли грез, // И плывут по реке облака и стена городская, // И с осенней луны ниспадают жемчужинки рос. // Я луне напеваю, не в силах прервать эту ночку. // Трудно встретить созвучную душу в минувших годах. // “Шелковиста вода”: стоит только напеть эту строчку – // И “во мраке мелькнувшего” Се не забыть никогда» [4, с. 34]. Поэту Се Тяо посвящено и стихотворение «Беседка господина Се», в нем говорится о встрече Се Тяо и поэта Фань Юня, о чем было написано произведение (песнь): «Цветы цветут у берега по весне, // Бамбук шумит осеннею порой... // Живое и ушедшее во мне // Соединились в песнь о встрече той» [4, с. 100] (беседка «...находится к северу от г. Сюаньчэн (совр. пров. Аньхуэй) на берегу реки Ваньси, у подножия горы Цзинтин; построена поэтом Се Тяо в бытность его начальником округа Сюаньчэн...» [8, с. 100]). В стихотворении «Подношу Фу Аю, глядя на снег над широкой, как море, рекой Хуай» (*Фу Ай* – предположительно «...друг Ли Бо из г. Сунчэн...» [8, с. 36]) Ли Бо упоминает *песню Ин*: «Спой песню Ин, что посылаю я, – // И песня в моем сердце отзовется» [4, с. 36] (*Ин* – это «...столица княжества Чу периода Чуныцю (770–

476 гг. до н.э.) и Чжаньго (403–221 гг. до н.э.) на территории совр. пров. Хубэй; в оде “Сун Юй отвечает чускому князю на вопрос” рассказывается о певце, который пел простенькую песенку о деревенском жителе из местности Ба (этим названием до сих пор в просторечии именуют провинцию Сычуань), и слушатели охотно подтягивали, а когда он запел эстетически более сложные песни, в толпе не нашлось никого, кто бы воспринял их; Ли Бо обращался к этому сюжету и в других стихотворениях...» [8, с. 37]). В стихотворении «Песня о Павильоне разлуки – Лаолао» (*Лаолао* – «...(значачее название – скорбь, печаль; горечь разлуки; дальнейе расстояние): беседка, построенная во времена Троецарствия на горе Лаолао к югу от Нанкина; в этих местах ранней весной, когда почки начинают набухать, становится ветрено, и в порывах весеннего ветра деревья зеленеют; тогда, по обычаю, расстающиеся друзья дарят друг другу свежие ветви ивы как знак того, что горько расставаться...» [8, с. 39]) употребляется имя прилагательное *селиньюневые*, образованное от имени и фамилии поэта эпохи династии Цзинь Се Линьюня (385–433), и, вероятнее всего, описывается декламация поэтического произведения: «На челне неприкрашенном, как в селиньюневых // строчках, // О снежинках над чистой рекой я всю ночь напевал» [4, с. 40]. В седьмом стихотворении из цикла «Песни Осеннего плеса» [4, с. 60–63] (*Осенние Плесы* (*Цюю*) – «...название территории (совр. уезд Гуйчи в пров. Аньхуэй), где полоса озер, протянувшаяся на тридцать с лишним *ли*, широко разливаеся осенью...» [8, с. 66–67]) Ли Бо пишет о себе: «Чем я не Шань?! – Хмелен и на коне. // Чем не Нин Ци?! – Озябший, но пою... // Увы, пою один среди камней // И шубу зря слезами оболью» [4, с. 61] (*Шань* – «...посадский начальник Шань Цзян (династия Цзинь) из г. Санъян (пров. Аньхуэй) любил погулять и, захмелев, засыпал в кустах без шапки» [8, с. 64]; *Нин Ци* – «...бедняк эпохи Чуньцю, который однажды, накормив буйвола, запел песню “Прекрасны Южные горы, сверкают белые камни, а в мире не встретишь Яо и Шуня”, и услышавший песню Хуань-гун, правитель княжества Ци, пригласил его к себе в сановники» [8, с. 64]; объяснить строку *И шубу зря слезами оболью* можно так: «Су Цинь (во времена эпохи Чжаньго) в шубе из черных соболей пришел в княжество Цинь и десять раз пытался попасть на службу к правителю, но безуспешно» [8, с. 64]).

Описанию пения как такового Ли Бо также уделяет внимание в своих поэтических произведениях. Часто он пишет о пении обычных людей. В стихотворении «С террасы Гусу смотрю на руины» (*Гусу* – «...другое название Сутай, терраса при дворце Весенних ночей, сооруженном в период Чуньцю У-ваном, на горе Гусу (совр. пров. Цзянсу, у г. Сучжоу)...» [8, с. 45]) Ли Бо рассказывает о песне девушек – сборщиц чилима (водяного ореха) [8, с. 45]: «В руинах сад, дворец... Но в тополях – весна, // Поют, чилим собирая, девы спозаранку...» [4, с. 45]. Имеются различные интерпретации данной строки: «...по одной, поэт в данный момент слышит песни сборщиц, по другой – имеются в виду сборщицы времен Увана, которые собирали чилим в то время, когда во дворце шли пиршества...» [8, с. 45]. В тринадцатом стихотворении из цикла «Песни Осеннего плеса» [4, с. 60–63] упоминается поющая девушка: «Там парень с девою плывут, она, // Каштан срываая, песенку поет» [4, с. 62], в четырнадцатом – плавильщик: «В свете лун-

ном плавильщик поет, // И от песни теплеет вода» [4, с. 63]. В цикле «Десять стихотворений во славу Гушу» [4, с. 80–82] (2. «Озеро Даньян» (*Даньян* – «...озеро в 300 *ли* к юго-востоку от городского центра уезда Данту; при династии Цинь тут был уезд Даньян, давший название озеру» [8, с. 83])) описывается девочка, исполняющая песню: «Девчушка лодку к дому направляет, // Сопровождая песней плеск волны» [4, с. 80] и др.

Пение (или создание либо чтение поэтических произведений) в стихах Ли Бо соотносится с созерцанием прекрасных пейзажей и различных объектов природы. Красота горы Байгэ (*Байгэ* (Байгань) – гора «...в 25 *ли* к юго-западу от совр. г. Чичжоу в пров. Аньхуэй; возможна и иная локализация этого топонима...» [8, с. 66]) побуждает Ли Бо к написанию следующих строчек: «Я здесь к ночным прогулкам склонен, // Байгэ луной озарена, // Искрится луч на снежном склоне, // Гиббона тень в ветвях видна. // Но дивное уйдет мгновенье, // И с песней в челн вернусь вновь я» [4, с. 66].

Из всех реалий природного мира в поэзии Ли Бо особое место занимает образ луны. Лян Сэнь указывает: «Вода и луна в стихах Ли Бо – яркие, целостные образы, соединяющиеся друг с другом или с горами, облаками, небесным пространством, цветами и деревьями в сложную образную структуру, формируя самостоятельную завершённую эстетическую систему» [12, с. 262]. Образ луны очень часто присутствует в поэтических произведениях Ли Бо, наполняясь различным содержанием: луна «...в стихах Ли Бо становится чудесным посредником между древностью и сегодняшним днем, метаморфозой человеческого мира и перипетий судьбы» [12, с. 271]. В стихотворении «Вместе с дядей Хуа, шиланом из Ведомства наказаний, и Цзя Чжи, письмоводителем Государственного секретариата, катаемся по озеру Дунтин» [4, с. 105–106] (*шилан* – «категория «...помощника министра...» [8, с. 106]) поэт, которого отправили в ссылку и только что амнистировали, вместе дядей Ли Хуа, снятым с высокой должности шилана, и литератором и чиновником Цзя Чжи, потерявшим работу в столице и сосланным в Юэчжоу, при луне исполняют «...распространенную на территории древнего царства У (совр. пров. Цзянсу) старинную песню местных ткачей “Байчжу”...» [8, с. 106–107]: «Склонилась к западу осенняя луна, // И гуси поутру уже летят на юг. // А мы поем “Байчжу”, компания хмельна, // Не замечаем рос, что хладом пали вдруг» [4, с. 105], а в стихотворении «Захмелев, мы с дядей, *шиланом*, катаемся по озеру Дунтин» распевают *песню кормчих* и плывут в том направлении, которое показывает им луч луны: «Мы песню кормчих лихо распеваем, // Влечет нас лодка по лучу луны» [4, с. 108]. Луне и роднику посвящено стихотворение «Бреду вдоль наньянского родника Цинлэн» (данный родник, название которого значит *Чистый и холодный* [8, с. 130], «...находится на горе Фэншань в 30 *ли* к северо-востоку от г. Наньян, пров. Хэнань» [8, с. 130]); в нем поэт поет о восходе луны: «Мне дорого закатное светило // И сей родник холодной чистоты. // Закат дрожит в течении воды. // Так трепетной душе все это мило! // Пою восходу облачной луны... // Но смолк и слышу: вечен глас сосны» [4, с. 130]. В стихотворении «Дух осени Жушоу злато жнет...» грусть связана с осенью, и выражается она в песне, здесь упоминается месяц (*Жушоу* – «...дух седьмого месяца года по лунному календарю, первого месяца осени, увядания, начала

жатвы...» [8, с. 152]): «Дух осени Жушоу золото жнет, // Над морем месяц, тонкий, как струна... // ... // Осенний хлад рождает ветер скорбей, // Сокрылись звезды, бесконечен мрак. // Мне грустно так, что лучше помолчать // И в песне до зари излить печаль» [4, с. 152]. Поэт размышляет о времени и о человеческой жизни, желая видеть луну во время пения, в стихотворении «За вином вопрошаю луну (по просьбе старого друга Цзя Чуня)» («Мы приходим, уходим, как воды в движение, // Каждый видит луну, что вот так же ясна. // Пусть же в час возлиянья и в час песнопенья // В золотистых бокалах искрится луна!» [4, с. 167]); он поет, играет на цине и танцует при луне, что отражено в стихотворении «В одиночестве пью вино» («Хмельная песня в рощи улетает. // О чем шумите, сосны, целый день? // По ком тут ветер меж ветвей рыдает? // Взошла луна, и я пустился в пляс, // Запел, на *цин* перебирая струны» [4, с. 168]). В цикле «Весенним днем в одиночестве пью вино» Ли Бо предается грустными размышлениями о том, что он чужд земному миру, и музицирование (пение и игра на музыкальном инструменте) помогает ему обрести покой: «Все есть где преклонить свою главу, // Лишь я для одиночества рожден. // И потому я под луной готов // Хмельные песни петь среди цветов» [4, с. 169], «Лелея мысль о Пурпурной Заре, // О бытии на дальних берегах, // С вином в руке я на пустой горе // Забудусь на мгновение в мечтах. // Перебирая струны под сосной, // Смотрю на отдаленные хребты...» [4, с. 169]. Очарование Белой речки в Наньяне (*Наньян* – «...при Танах – округ на территории сегодняшнего г. Наньян в пров. Хэнань» [8, с. 129]; *Белая речка* – «...течет на востоке округа Наньян» [8, с. 129]) произвело на поэта такое впечатление, что он не заметил, как прошел день, поскольку в начале стихотворения говорится про утро, а заканчивается оно упоминанием луны и ее песни: «В верховьях Белой речки утром шел, // Людей так рано нет здесь никогда. // Зато прелестный островок нашел, // Чисты, пусты и небо и вода. // Взгляд к морю провожает облака, // Душа меж рыбок плещется в волнах, // Закатного светила песнь долга, // А к хижине ведет меня луна» [4, с. 129].

В стихотворении «Весенним днем прихожу к омуту в ущелье Лофу» поэт поет в горном ущелье Лофу (оно находится «...в совр. пров. Хэбэй (другое, менее вероятное, предположение – в совр. пров. Шэньси, уезд Хуасянь)...» [8, с. 127]): «В теснине гор я песню напевал, // Сошел с тропы, а дальше – нет людей...» [4, с. 127]. Про осенний праздник (Чуньян), «...когда было принято подниматься на склоны гор и устраивать пикники среди диких желтых хризантем и кустарников кизила, пить вино, настоящее на лепестках хризантем, и вспоминать далеких друзей и родных...» [8, с. 171], Ли Бо рассказывает в стихотворении «Праздник Девятого дня», он поминает друзей песней: «Поднялся ветер, загудел струной, // Взгляну в фиал – и на душе легко, // И усмехаюсь над самим собой. // Сбил ветер шляпу. Я хмелен совсем. // Мир – пуст. Так песней помяну друзей» [4, с. 171]. В стихотворении «Выпьем!» поэт хочет спеть песню Цэнь Сюню и своему другу даосу Юань Даньцю: «Ах, мудрый Цэнь, ученый брат Даньцю, // Давайте выпьем-ка и вновь осушим! // Ко мне склоните ваши уши, // И я вам песенку спою» [4, с. 174] и др.

Таким образом, в переводах стихотворений Ли Бо, относящихся к пейзажной лирике, образы, связанные с вокальным искусством, занимают значительное

место. Эти образы соотносятся с образами музыкальных инструментов; они имеются в стихотворениях, предназначенных для пения под аккомпанемент музыкального инструмента; они выражаются при передаче процесса создания или декламации поэтических произведений, при описании собственно пения, при созерцании прекрасной природы Китая, при воплощении образа луны, при реализации в песне грустных чувств лирического героя, обусловленных осенью, и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шнеерсон, Г.М.* Музыкальная культура Китая / Г.М. Шнеерсон. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1952. – 252 с.
2. *Е Лан.* Хрестоматия по культуре Китая / Е Лан, Чжу Лянчжи; пер. Юнусов Тулкин. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2011. – 262 с.
3. *Гитович, А.* Из записных книжек переводчика китайской классической поэзии / А. Гитович // Китайская классическая поэзия; пер., текст А. Гитовича, коммент. Г. Монзелера, предисл. Т. Виноградовой. – СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – С. 506–537.
4. *Ли Бо.* Пейзаж души: Поэзия гор и вод / Ли Бо; пер. с кит. С.А. Торопцева. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 320 с.
5. *Торопцев, С.А.* Пейзажная лирика Ли Бо как самовыражение поэта / С.А. Торопцев // Ли Бо Пейзаж души: Поэзия гор и вод / Ли Бо; пер. с кит. С.А. Торопцева. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 215–249.
6. *Ли Хайжуй.* Китай. Знакомство с древней культурой / Ли Хайжуй, Фэн Линьюй, Ши Вэйминь / сост., пред. Н.Х. Ахметшина. – М.: Вече, 2007. – 208 с.
7. *Лоу Цинси.* Классические сады и парки Китая / Лоу Цинси; пер. Сан Хуа, Хэ Жу, Ли Дэпин. – Межконтинентальное издательство Китая, 2003. – 152 с.
8. *Торопцев, С.А.* Комментарии / С.А. Торопцев // Ли Бо Пейзаж души: Поэзия гор и вод / Бо Ли; пер. с кит. С.А. Торопцева. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 10–203.
9. *Лукьянов, А.Е.* Поэтико-философский пейзаж души Ли Бо / А.Е. Лукьянов // Ли, Бо Пейзаж души: Поэзия гор и вод / Бо Ли; пер. с кит. С.А. Торопцева. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 282–313.
10. *Монзелер, Г.* Комментарии / Г. Монзелер // Китайская классическая поэзия; пер., текст А. Гитовича, коммент. Г. Монзелера, предисл. Т. Виноградовой. – СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – С. 538–583.
11. *Ткаченко, Г.А.* Культура Китая от А до Я. Словарь-справочник / Г.А. Ткаченко. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 348 с.
12. *Лян Сэнь.* Горы, воды, луна в «мягкой» лирике Ли Бо / Лян Сэнь. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 250–281.

ФОРМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КИТАЙСКОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹

На основании систематизации и обобщения широкого эмпирического материала проанализированы формы распространения китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов на территории Республики Беларусь, определены особенности их влияния на современные этнокультурные процессы.

Ключевые слова: *китайское декоративно-прикладное искусство, китайские художественные промыслы, закономерности распространения, китайские традиции*

On the basis of a wide generalization and systematization of the empirical material analyzed forms of distribution of Chinese decorative arts and crafts in the Republic of Belarus, determined features of their impact on modern ethno-cultural processes.

Keywords: *Chinese arts, Chinese crafts, patterns of distribution, the Chinese tradition*

Традиционное народное творчество представляет собой глубинную основу многообразных направлений, видов, форм художественной культуры в современном мировом культурном пространстве. Научное исследование особенностей и закономерностей распространения китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов отвечает запросу времени в связи с расширяющимися культурными контактами Китайской Народной Республики и Республики Беларусь, растущим интересом к культурным корням и традициям обеих стран и малой изученностью их взаимного влияния в художественной сфере.

Вопросы изучения особенностей китайской культуры в целом, и декоративно-прикладного искусства, в частности, освещались в трудах российских и зарубежных синологов и китайских учёных [2, 11, 14, 1, 10, 13, 6, 7, 19]. Среди учёных, которые занимались изучением особенностей формирования европейского «шинуазри», а также процесса проникновения китайской культуры в Европу следует отметить О.Л. Фишман [14], М. Сулливана [20]. Д. Джекобсон в своей книге «Китайский стиль», используя системный подход, старается рассмотреть каждый из аспектов применения стиля «шинуазри» в европейских странах, описывая декоративно-прикладные произведения искусства [20]. Монография известного синоведа-искусствоведа М.Е. Кравцовой «История культуры Китая» (2004) является актуальным, глубоким исследованием китайского декоративного искусства.

---

¹

Данная публикация является результатом научно-исследовательской работы по проекту Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Г14РА-010 «Китайские традиции в современной культуре Беларуси и Румынии: влияния и заимствования».

Постепенно набирает ход белорусское китаеведение, причем исследования наших коллег-соотечественников лежат не только в области языкознания и общественных наук, но и направлены на изучение художественного наследия китайской культуры. Представляют интерес статьи ученых искусствоведов Е.Ф. Шунейко [17, 18], Е.С. Бохан [4, 5] о применении элементов китайских традиций в белорусском декоративно-прикладном искусстве.

В последнее десятилетие появилось большое количество русскоязычных научных статей, посвящённых декоративно-прикладному искусству и художественным промыслам древнего и современного Китая, написанных китайскими магистрантами и аспирантами, обучающимися в белорусских высших учебных заведениях [16].

Как показали результаты проведенных полевых этнографических исследований в рамках совместного белорусско-румынского проекта «Китайские традиции в современной культуре Беларуси и Румынии: влияния и заимствования» в конце 1990-х–2010-х гг. китайское декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы получили широкое распространение на территории Республики Беларусь [3]. На волне общеевропейского увлечения китайскими философскими учениями, боевыми искусствами и традициями Фэн-шуй зафиксирован растущий интерес белорусов к «шинуазри» (использование мотивов и стилистических приёмов средневекового китайского искусства в живописи, декоративно-прикладном искусстве, costume, садово-парковом оформлении).

Поворот, произошедший в мире на рубеже XXI века и обозначивший сохранение национальных художественных школ подтвердил насущный интерес белорусов к «китайскому стилю», причем не только в его традиционных, но и в «экзотических» формах, навязанных художественной индустрией.

Полученные эмпирические данные позволили выявить основные формы распространения китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в Республику Беларусь на современном этапе: через заимствования (целенаправленное подражание белорусскими ремесленниками китайским художественным традициям), и через диффузию (стихийное распространение китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов). Установлено, что основными каналами диффузии китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в Республику Беларусь на современном этапе служат миграция, туризм, деятельность китайских культурных центров, научные конференции, торговые выставки и ярмарки, обмен студентами и специалистами.

В результате проведения научного исследования определено, что многообразие частных форм распространения китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов можно расположить на некотором континууме, полюса которого будут представлены двумя противоположными формами: стихийное (нецеленаправленное) и организованное (целенаправленное) распространение художественных традиций Поднебесной.

К стихийным формам относятся те способы распространения культурных артефактов, которые возникают сами собой, никем заранее не планируются, не

управляются, никак не организуются и не оцениваются. Стихийные формы растянуты во времени, а организованные сжаты, поскольку они планомерно внедряются правительством или местными властями. Организованной формой является только такой способ, при котором в качестве основной цели сознательно выдвигается навязывание, перенесение или заимствование культурных образцов у другой страны. Так, торговля между Китайской народной республикой и Республикой Беларусь, хотя и является насквозь организованным процессом, относится к стихийным формам потому, что культурный обмен выступает побочным эффектом, а на первом месте стоит купля и продажа товаров и получение прибыли (т.е. экономические цели).

В последние годы в столице получило широкое распространение открытие частных мастерских и студий, где проводятся занятия по традиционной китайской живописи. Как показало полевое наблюдение, платные мастер-классы посещают в основном женщины белоруски разных возрастных категорий. Наиболее активными посетителями являются студенты и учащиеся, а также служащие высшего и среднего звена, собственники бизнеса. Средний возраст посетителя составляет 20–35 лет. Это люди без соответствующей профессиональной художественной подготовки. Как отметили информанты, знакомство с техниками восточной живописи подтолкнуло их к дальнейшему изучению китайских традиций и просмотру китайских фильмов [3]. В Китае в качестве носителя цвета используются плитки туши с чёрным лаковым блеском, которую растирают с водой до нужной консистенции, а также водяные краски с минеральными и растительными пигментами. В качестве основы картины используется шёлк (иногда хлопчатобумажная или пеньковая ткань). Для нанесения красок используют кисти из бамбука и шерсти домашних или диких животных (козье, кроличей, оленьей, беличей и т.д.). Для живописи используется рисовая бумага. Белорусы – учащиеся курсов восточной живописи – последователи китайских художественных традиций стараются максимально точно копировать технические приёмы, использовать китайские материалы, в творчестве преобладают традиционные китайские сюжеты. Художественные товары для живописи учащиеся в основном приобретают через интернет из Китая.

Китайские технологии художественных промыслов охотно используют в своем творчестве белорусские мастера-ремесленники. В результате проведенного исследования были выявлены принципы художественной интерпретации белорусскими ремесленниками китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов: принцип сохранения и умножения фантастичности сюжетов и образов; принцип достижения эффекта театральности; принцип декоративности – орнаментальность, условная живописность, локальные фоны, экзотические орнаменты и сакральные символы, образы китайской каллиграфии с её эстетизмом (рисунки иероглифов создаются без знания их значений); принцип адаптации изображения к местному менталитету; принцип гармонизации выразительных средств в соответствии с эстетическими предпочтениями белорусских зрителей в колорите, пластических ассоциациях, изобразительных мотивах.

Полевые наблюдения показали, что белорусские ремесленники активно заимствуют китайские традиции, адаптируют их, используя отечественные материалы, сочетают с различными европейскими ремесленными техниками. Опрошенные респонденты отметили, что, в первую очередь, источником вдохновения и знаний служит для них сеть интернет (социальные сети, специализированные каналы YouTube) [3].

Проведенное научное исследование позволило определить методы художественной интерпретации предметов китайского декоративно-прикладного искусства: копирование композиций, фрагментов, элементов, заимствованных из образцов китайского искусства; вариации – создание различных компилятивных композиций из элементов китайского декора и повтор их с небольшими изменениями; творческое создание собственного произведения на восточную тему в авторском стиле.

Таким образом, проведенное научное исследование подтверждает положительную динамику распространения китайских художественных традиций среди белорусов на современном этапе. 1990-е–2015 гг. отмечены значительно возросшим вниманием белорусов к китайским техникам. Это следствие не столько популярности и даже моды китайской культуры, сколько закономерный результат динамичного увеличения удельного веса всего объема рассматриваемого явления, в контексте других феноменов современного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова, Н.А.* Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект) / Н.А. Абрамова. – Чита: ЧитГТУ, 1998. – 303 с.
2. *Алимов, И.А.* Срединное государство: Введение в традиционную культуру Китая / И.А. Алимов, М.Е. Ермаков, А.С. Мартынов. – М.: Изд. дом «Муравей», 1998. – 287 с.
3. Архив Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАНБ. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 150. – Материалы полевых исследований Прокофьевой Ю.С. по теме «Китайские традиции в современной культуре Беларуси: влияния и заимствования». – 29 с.
4. *Бохан, Е.С.* Образы китайского народа в творчестве белорусских художников середины XX века / Е.С. Бохан // Пути Поднебесной: сб. науч. Тр. Вып. II / редкол.: А.Н. Гордей (отв. ред.), Лу Гуйчен (зам.отв.ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2011. – С. 257 – 261
5. *Бохан, Е.С.* Сравнение китайского и белорусского искусства вырезок из бумаги / Е.С. Бохан // Китаеведение в белорусском образовательном пространстве: сб. науч. Материалов Междунар. Науч.-практ. семинара, 29 янв. 2008 г., Гродно / редкол.: А.Н. Гордей (отв. Ред.) [и др.]. – Мн.: РИВШ, 2009 – С. 20–23.
6. *Виноградова, Н. А.* Китайская пейзажная живопись / Н. А. Виноградова. – М.: Искусство, 1972. – 256 с.
7. Востоковедение и мировая культура: К 80-летию акад. С.Л. Тихвинского: Сб. ст. / Редкол.: М.Л. Титаренко и др. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – 415 с.

8. Китайское искусство: принципы. Школы. Мастера / составление, перевод с китайского, вступительная статья и комментарии В.В. Малявина. – Москва: Астрель: АСТ, 2004. – 429, [1] с.
9. *Кравцова, М.Е.* История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб.: Лань, 1999. – 416 с.
10. *Кравцова, М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие / М.Е. Кравцова. – СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004. 960 с. – С. 725–752, с. 752–804.
11. Роль традиций в истории и культуре Китая: [Сборник статей / АН СССР. Ин-т востоковедения; Ред. коллегия: Л. С. Васильев (отв. ред.) и др.]. - М.: Наука, 1972. – 376 с.
12. *Тертицкий, К.* Китайцы: традиционные ценности в современном мире / К. Тертицкий. – В 2 Ч. – Москва, 1994. – 595 с. – Ч. 1.
13. *Фицджеральд, С.П.* Китай. Краткая история культуры // Пер. с англ. С.П. Фицджеральд. – СПб.: Евразия, 1998. – 456 с.
14. *Фишман, О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII – XVIII вв.). / О.Л. Фишман. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 544 с.
15. *Чжан Далэй.* Изобразительное искусство Китая конца XIX – XX столетий: национальное культурное наследие и влияние европейских традиций / Чжан Далэй. – Минск: Энциклопедикс, 2007. – 156 с.
16. *Шимелевич, А.Г.* Искусство древнего и современного Китая в исследованиях магистрантов Белорусской государственной академии искусств / А.Г. Шимелевич. // Актуальные проблемы мировой художественной культуры. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора У. Д. Розенфельда. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы. – с. 203 – 208. – Ч. 2.
17. *Шунейко, Е.Ф.* Влияние китайских художественных образцов на развитие белорусского декоративно-прикладного искусства от истоков до начала XXI в. / Е.Ф. Шунейко // Пути Поднебесной: Китайская цивилизация в диалоге культур: сб. науч. тр. – Минск: Бел. гос. ун-тет, 2006. – С. 120-130.
18. *Шунейко, Е.Ф.* Новые направления в китайском изобразительном искусстве XX – начала XXI века / Е.Ф. Шунейко // Пути Поднебесной: сборник научных трудов. – Вып.2. – Минск: РИВШ, 2011. – С. 430-435.
19. *Chinese Folk Art / Yang Xianrang & Yang Yang.* – New World Press, 1999. - 248pp.
20. *Dawn, Jacobson.* Chinoiserie: A study of the distinctive taste for decoration based on Chinese design. / Dawn Jacobson. – Phaidon Incorporated Limited, 1993, 1999. – 240 p.
21. *Sullivan, M.* The Meeting of Eastern and Western Art. From the XVI-th century to the present day / M. Sullivan. – New York, Graphic Society, 1973. – 302 p.

*Сапотько П.М.
(Минск, Беларусь)*

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В СФЕРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье обобщен опыт взаимодействия Беларуси и Китая в сфере изобразительного искусства, приведены примеры и дана характеристика наиболее значимым выставочным проектам китайских художников в Беларуси.

Ключевые слова: китайское искусство, выставочная деятельность, творческие связи, проектное сотрудничество

The article summarizes the experience of cooperation between Belarus and China in the field of fine arts, gives examples and evaluation of important exhibitions of Chinese artists in Belarus.

Keywords: Chinese art, exhibition activities, creative communication, project cooperation

Положительная динамика в отношениях Беларуси и Китая, выраженная в росте товарооборота и укреплении товаропроводящей сети между странами, активизации регионального сотрудничества и побратимских связей провинций, областей и городов двух государств, желании китайских студентов, магистрантов и аспирантов получать образование в Беларуси и т.д., является как стимулирующим фактором, так и необходимым и важным средством расширять культурные связи Беларуси и Китая в качестве инструмента дружбы и сотрудничества, в том числе в сфере изобразительного искусства.

Китайское искусство представляет уникальные явления общемировой культуры и вызывает глубокий интерес широкой общественности. Граждане Беларуси особенно интересуются китайской живописью как на профессиональных, так и на любительских основаниях.

Только в Минске за последние несколько лет выставки китайского изобразительного искусства проходили на лучших выставочных площадках: Национальном художественном музее Республики Беларусь, Музее истории города Минска, Государственном литературно-мемориальном музее Якуба Колоса, художественной галереи «Университет культуры» Белорусского государственного университета культуры и искусств, Дворце искусств и др.

Одним из масштабных событий в сфере культуры стала выставка «Китайские художники в Минске» во Дворце искусств, посвященная 20-летию дипломатических отношений Беларуси и КНР и организованная Министерством культуры Республики Беларусь, Республиканским институтом китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета и Белорусским союзом художников. Выставка раскрыла основные особенности и тенденции развития китайского искусства в современный период своего существования.

В разное время в столице и регионах Беларуси проходили выставочные проекты многих известных китайских художников: Яо Шаохуа – выдающегося китайского художника, работы которого находятся в Мавзолее Мао Цзэдуна, Правительственной резиденции Чжуннаньхай, Доме Всекитайского собрания

народных представителей, использовались в качестве подарков президентам США, Японии, Кореи и других стран мира, Хо Чуньян – декана факультета китайской живописи Тяньцзиньской академии искусств, Хуан Янь – академика, профессора факультета искусств Пекинского университета внешней экономики, Шань Цзя – профессора, проректора Китайского института каллиграфов и художников города Сиань и многие другие. Четыре раза в белорусской столице представлялись произведения современного художника Ли Цзо – приверженца каллиграфического стиля «синшу» (стиль курсивного письма).

В 2012 году в Национальном художественном музее Беларуси проходила выставка известных китайских художников Сюй Бэйхуна, Ми Вэнь Цзе, Янь Фэй Хуна, Сяо Юя под названием «Весна души». Авторы работают в стиле гохуа, представляющем единство живописи и каллиграфии, и используют для работы тушь и водяные краски на бумаге и шелке.

Частые белорусско-китайские выставочные проекты проходят в Музее истории города Минска. Так, в 2012 году музей принимал выставку «Традиционное искусство Китая» из частных коллекций: вышивке шелком города Сучжоу, известного своим Институтом шелковой вышивки, который основан для поддержки и развития традиций вышивания; исинской керамике, зарожденной в провинции Цзянсу при правлении династии Мин и проявленной наиболее ярко в изготовлении чайников, декорированных росписью, резьбой, лепниной; росписи по фарфору Цзиндэчжэня и др.

В 2015 году в рамках Дней культуры Китайской Народной Республики в Минске открылась международная передвижная экспозиция 12-й Всекитайской художественной выставки, в которой представлено более 20 китайских произведений, отражающих современные тенденции национального изобразительного искусства Китая.

Благодаря плодотворному сотрудничеству Белорусской конфедерации творческих союзов и Республиканской конфедерации предпринимательства на базе Национального художественного музея удалось организовать выставку, на которой были представлены более 40 картин обладателя Гран-При международной выставки «Академия» Организации Объединенных Наций и высшего приза ООН «Человек Мира» Яо Чжихуа, лауреата международных премий Ао Тэ, члена Комитета ЮНЕСКО, ректора Академии живописи Баодин города Сучжоу Ван Юйгэнь и других.

Творческим многообразием отличалась экспозиция картин в рамках выставки «Земля Поднебесной. Искусство и культура Китая» в Гомельском дворцово-парковом комплексе Румянцевых – Паскевичей, представляющей культуру и традиции Китая в широком спектре их проявления. Авторами живописных работ являются члены Общества изящных искусств провинции Хэнань Нин Сюэфа, Фу Суцзе, Чжань Гуофань, Ли Джиншао и Донь Гоинь, снискавшие широкую известность не только в Китае, но и далеко за пределами государства. Выставка, сопровождаемая яркой концертной программой белорусских и китайских исполнителей, стала свидетельством гармоничного партнерства на уровне творческих объединений, учреждений культуры и предпринимательского сообщества.

В ноябре 2015 года в художественной галерее «Университет культуры» состоялось открытие выставки белорусских и китайских художников по итогам конкурса художественного творчества молодежи Республики Беларусь и Китайской Народной Республики «Через культуру к сотрудничеству» в рамках Белорусско-Китайского молодежного инновационного форума. Особо активное участие в конкурсе приняли китайские студенты, магистранты и аспиранты, обучающиеся в Белорусском государственном университете культуры и искусств и Белорусской государственной академии искусств. Следует отметить группу китайских студентов кафедры народного декоративно-прикладного искусства Белорусского государственного университета культуры и искусств Ян Сиси, Чжоу Цзянь, Ду Фэн, Тао Панфэ, Яо Идо, Тянь Юе, создавших серию произведений из керамики под руководством лауреата Специальной премии Президента Республики Беларусь, доцента Т.И. Васюк. Данный проект показал высокий творческий уровень авторов и презентовал лучшие достижения белорусской и китайской школ изобразительного искусства.

Также китайские студенты предоставили множество работ на Республиканский фестиваль творчества иностранных студентов учреждений высшего образования «F.-ART.VU», выставка которых также состоялась в галерея университета во Дворце Республики.

Многие художники из Китая, в разное время посещавшие Беларусь, посвятили целые серии работ ее истории, культуре, природе, известным личностям. Среди них – выдающийся китайский художник Ао Тэ, работающий в журнале «Форум Азии» и входящий в состав Постоянного комитета Ассоциации культурных обменов Китая. Мастер, чьи персональные выставки проходили в Японии, Франции, США, Канаде, Дании и других странах мира, будучи всего два раза в Беларуси, посетил многие регионы страны и создал целую серию пейзажей. В Государственном литературном музее имени Янки Купалы Ао Тэ представил две уникальные картины – портреты народных поэтов Беларуси Янки Купалы и Якуба Колоса.

Еще один пример – известный живописец Чень Моу, который изображает в своих произведениях объекты историко-культурного наследия Минска, Витебска и других городов.

Приверженцы традиционного китайского искусства неоднократно посещали мастер-классы в художественных музеях и галереях разных регионов страны, раскрывающие все особенности работы в технике китайской живописи у-син. Данная техника считается арт-терапевтическим средством и «основывается на пяти движениях кисти, которым соответствуют пять первоэлементов: Дерево, Огонь, Земля, Металл и Вода. Дерево и Огонь – движения быстрые и соответствуют мужской энергии Ян; Металл и Вода – движения медленные и тонкие, соответствующие женской энергии Инь; движение Земля – нейтральные. Прорабатывая эти движения кистью, мы развиваем соответствующую энергию в себе и определяем качества характера. Движение Дерево развивает в нас уверенность, решительность, умение добиваться целей в жизни, движение Огонь развивает легкость и непосредственность, Металл дает нам мягкость, гибкость,

Земля – стабильность, устойчивость, а движение Вода учит нас глубоко проникать в суть происходящего и позволяет нам развить в себе интуицию» [1, с. 16].

К традиционному китайскому искусству обращаются многие белорусские художники. Например, выпускница Белорусской государственной академии искусств, автор книги «Китайская живопись» Марина Эльяшевич, в течение нескольких лет изучавшая основы китайской живописи в Пекине, Стамбуле и Москве, работает в таких техниках живописи, как гохуа, суйбоку, гунби, сеи, исследуя тем самым творческие взаимосвязи современного белорусского и китайского искусства. С большим успехом выставки художницы прошли в разных регионах Беларуси.

Китайское искусство, прочно интегрировавшись в выставочное пространство Беларуси и с большим интересом принятое белорусской публикой, стало эффективным средством как трансляции традиционного искусства Китая, насчитывающего более 3 тысяч лет, так и продолжающим звеном в новой и укрепленной многочисленными проектами системой белорусско-китайского взаимодействия. Сотрудничество двух стран является взаимовыгодным и, как показала практика двустороннего партнерства во всем спектре социально-экономических отношений, необходимой и требующей поиска новых форм контактов на уровне отдельных личностей и организаций.

Творческие проекты – выставки, пленэры, мастер-классы, авторские встречи – становятся одним из наиболее действенных инструментов межкультурного диалога Беларуси и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оспищева, О.* Мастер-класс по китайской живописи / О. Оспищева // Комсомольская правда в Беларуси. – 2014. – 14 ноября. – С. 16.

Смолик А.И.
(Минск, Беларусь)

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ» СЫМА ЦЯНЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В докладе рассматривается процесс становления истории Китая, основоположником которой был Сыма Цянь. Его «Исторические записки» являются важнейшим источником по истории древнего Китая.

Ключевые слова: древний Китай, история, культура, религия, общество, государство.

The report examines the process of becoming China's history, was founded by Sima Qian. His "Historical Records" is an important source for the history of ancient China.

Keywords: ancient China, history, culture, religion, society, state.

Сознание человека традиционного общества постепенно отрывалось от практики, вырабатывая обобщенные представления о мире, стремящиеся объяснить все сущее и происходящее в природе и в человеческом бытии. Правда, на этой стадии психической деятельности они оказывались иррациональными и могли достигать своих целей лишь фантастически-мистифицирующей трактовкой реальности – мифом. «В цивилизациях примитивных народов, подчеркивал Б.Малиновский, миф отнюдь не лишена содержания выдумка, а, напротив, -- живая реальность, к которой человек постоянно обращается; это ни в коей мере не абстрактная теория и не простое развертывание образов, это кодификация религии примитивных народов и их практической мудрости» [6, с. 107-108].

В древнем Китае уже в мифические времена была осознана и реализована потребность превращения рациональной практической деятельности в особую отрасль духовного производства, цель которого продуцировать, сохранять и транслировать знания о том, что казалось реально существующим. Анализ китайской мифологии позволяет говорить о широком распространении *логографии*, т. е. описания единичного, того, что было. Ценным источником по древнекитайской логографии являются «Исторические записки» («Ши цзи»), автором которых является Сыма Цянь [4]. В 104 г. до н. э. он завершил работу по систематизации собранного многочисленного материала и приступил к изложению истории Китая. Перед тем как раскрыть содержание труда Сыма Цяня следует отметить, что и до него были Ши, т. е. люди ведущие записи. Свидетельством тому являются древнейшие записи на костях, черепаших щитках и бронзовых сосудах. На них содержится информация о событиях при дворе вана, о жертвоприношениях, речи вана. Примером таких письменных памятников являются «Шан шу», «Чунь-цю», «Тао у» и др. При позитивной их оценке все же необходимо отметить их ограниченность. Все они характеризовались исключительной лапидарностью. Например, «Шан шу» состоял всего из 40 иероглифов. В них не было анализа и обобщений исторических закономерностей, причинной зависимости в развитии истории.

Иное дело труд Сыма Цяня, завершение написания которого относится к концу 2-го века до н. э. Анализируемое сочинение состоит из 500 тысяч иероглифов, разбитых на 130 глав. В них излагается история не только ханьцев, но и других народов, связанных с Поднебесной. Автор так охарактеризовал свой труд: «Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаниями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые, то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и вверх веков, и вниз» [4, с. 43]. Если предыдущие записи охватывали непродолжительный отрезок времени, то Сыма Цянь излагает историю с мифических времен до современного ему периода. Автор записок проникает в суть изменений, происходящих в древности, применяя впервые исторический метод. С его помощью историк сумел привести в систему и изложить относительно объективно историю Древнего Китая до 2-го века до н. э.

В главе Бэнь-цзи Сыма Цянь описывает события доисторического периода, где переплетаются мифологические предания древних китайцев с реальными событиями. Мифы и легенды, собранные историком, говорят о множестве событий

и о деяниях героев древнейших эпох. В них вымысел и фантастика перемежаются с отголосками подлинных далеких социальных процессов в жизни первобытных людей, дошедших до потомков в смутной, измененной форме. Несмотря на это современный вдумчивый исследователь найдет здесь немало косвенных данных, раскрывающих древнейшие этапы истории китайского народа. Так, в борьбе Хуан-ди с Янь-ди и Чи-ю, с непокорными сяньюйцами, саньмяо, мань, и слышны отзвуки ожесточенных межплеменных сражений той эпохи. Постоянное упоминание во многих преданиях лишь матери культурного героя, а не отца свидетельствуют о существовании матриархата.

В главе Сыма Цянь много внимания уделяет описанию этапов в освоении природы древними китайцами. Например, Хоуцзи. Владычающий над Просом спустился с Неба, чтобы дать все злаки людям. Получив семена злаков из небесного мира, он начал возделывать землю и получать богатые урожаи. Своими знаниями и опытом он поделился с народом племени чжоусцев, научив их сеять злаки: Он же, по преданию, начал изготавливать из дерева и камней простейшие сельскохозяйственные орудия и учить своих близких обрабатывать землю. Согласно китайской мифологии, его младший брат по имени Тай-си и его сын Шу-цзюнь также были искусными земледельцами. Шу-цзюнь при обработке земли стал использовать быков вместо людей, что способствовало урожайности.

Довольно детально излагает Сыма Цянь события, связанные с деятельностью героев эпохи Ся (III в. 1-й половины II тысячелетия до н. э.). По мнению современных ученых, в этот период родовое общество уже переживало кризис, зарождались классы. Раздел, посвященный эпохе Ся, историк начинает с представления читателю легендарного родоначальника “династии” сяского Юя, которому китайская мифология приписывает благоустройство всей территории Поднебесной, создание областей, упорядочение рек и озёр и многие другие деяния, суммирующие процессы нескольких тысяч лет. Мифологический аспект деяний Юя выразительно проступает в тексте об усмирении потопа. В сражении с потопом герой опирался на план, начертанный речным духом. С помощью драконов он прорывал реки и каналы, возводил дамбы. Наличие в тексте значительного пласта преданий о потопе, наш взгляд, свидетельствует о том, что тема потопа в китайской логографии явно содержит в себе идеи о начале мира, его организации, преодолении хаоса и установлении порядка. Юя, боровшегося с потопом, по праву можно отнести к творцу земли, ее природных богатств. Так, Юя сам делал реки, прорывал их русла, создавал горы и холмы, рассекал их ущельями, делал равнины, сливал реки в моря и делал сам моря. Безусловно, Юя следует рассматривать как собирательный образ культурного героя, покорителя природы, воплощавшего лучшие черты человек древнего Китая.

Весьма точно изложена Сымом Цянем гидрография Китая, в разделе Записок описано состояние основных речных бассейнов Поднебесной, включая и крупнейшие озера того времени. Современный исследователь найдет здесь подробное описание почв и земель всех регионов Китая. На основании сравнения современного состояния речных бассейнов и почв можно выявить изменение, которые произошли в Китае за последние 3 тысячи лет.

Важное значение в историографическом плане, на наш взгляд, имеет текст главы Инь бэнь цзи. Она посвящена иньской эпохе. Если в предшествующих разделах Сыма Цянь описывал события легендарных периодов, то здесь рассказывается о первом подлинно историческом этапе жизни китайского народа. В главе содержится полный и последовательно хронологический перечень 44 правителей иньской эпохи. Кстати, 36 их имен подтверждены синологами путем расшифровки записей на гадательных костях. Следует отметить, что общая канва истории Инь, представленная в перечне ее правителей подтверждена также эпиграфикой, что повышает ценность главы как исторического источника [4, с. 105].

Несомненный интерес для современных исследователей представляет материал, имеющийся в главе, о местах расположения иньских центров в Бо, Ао, Шаньцю и т. д. Сыма Цянь описывает восемь перемен резиденций иньских правителей. Географические данные расположения ставок правителей подтверждены китайскими археологами. Из частой смены мест резиденций можно сделать вывод о неразвитости общественных отношений в древнем Китае в иньскую эпоху, о значительной роли еще кочевого уклада.

В главах «Основных записей» Сымом Цянем излагается довольно значительное число фактов и сведений о духовной жизни древних китайцев, об их верованиях и культах. Правда, эти материалы разбросаны и весьма отрывочны, но, тем не менее, опираясь на них можно составить общее представление об идеологии и религиозном мировосприятии китайских этносов. А если присовокупить описания этих сюжетов в древней литературе, археологические и этнографические данные, то можно составить картину верований в Поднебесной.

Материал, собранный Сымом Цянем, дает основание утверждать, что у народов древнего Китая широкое распространение получили тотемистические и анимистические верования, зафиксированные также во многих письменных памятниках нарративного характера. Большое место в воззрениях древних китайцев занимает образ Луна («дракон»). Популярность культа дракона, на наш взгляд, объясняется тем, что он некогда был тотемом древних китайских племен. Ряд сиологов даже склонны считать его обобщающим синтетическим образом, в котором слились черты разных тотемов, и, возможно, он пользовался культом как межплеменной предок [1, с. 26]. На наш взгляд, следует согласиться с данной мыслью Вэн Идо. В протокитайском обществе множественность племенного тотемизма усложнялось за счет взаимовлияний племен и этнокультурных общностей, социального развития – выдвигания отдельных племен, а в них – родов, что должно было сопровождаться и приобретением их тотемами особой значимости для данного общества. О том, что Лун был тотемом, говорят и мотивы чудесного рождения предков от драконов. До наших дней дошли многочисленные предания о рождении мифических предков от связи женщины с драконом, рождение культурного героя из крови дракона, о наличии драконовой меты на челе императора. Согласно мифам, от дракона произошел совершенно мудрый правитель Яо.

Многочисленными являются упоминания в китайских мифах о происхождении человека, родов и племен от медведя. Так, Желтый предок (Хуан-ди) при-

надлежал, согласно традиции, к роду «Владеющих медведем». Из сведений, содержащихся в «Основных записях», следует, что в роли тотемов выступали также различные птицы: ворон, феникс, утка, петух и др. Так, в рассказах о Бийняо, Гуомане, Луаньяо, Фэнхуане, Пэне и других повествуется о том, что птицы участвовали в создании людей, добывали пищу, воду, свет, устанавливали приливы и отливы. Сравнительно-типологическое изучение ряда фрагментов мифов, также подтверждают суждения историка о том, что многие культурные герои соединяют в себе черты человека и чудесных птиц или превращается в птицу. Так, Гоуман имел тело птицы и лицо человека, Ду Юй, спущенный с неба, после смерти превратился в кукушку.

Встречаются в «Основных записях» фрагментарные сведения о происхождении людей из каких-либо органических и неорганических веществ. Гора, как и камень, в древние времена мыслилась китайцами предком, сородичем. Это подтверждается таким древним письменным памятником как «Каталог гор и морей», где зафиксировано ряд фрагментов о принесении жертв различным горам: «Медведь-горе как Предку приносят в жертву яства и вина, используя утварь по ритуалу Великого Заклания» [3, с.84]; «Горе Хлебного колоса как Предку приносят жертвы, употребляя сосуды и яства, которые полагаются при ритуалах Великого Заклания» [3, с. 91]. В культе гор, на наш взгляд, сохраняются многочисленные элементы так называемого локального тотемизма. В нем элементы фетишизма входят в сложный тотемистический комплекс, в котором выявляются и анимистические компоненты разной стадильности. Культ предков здесь переплетается с космогоническими представлениями.

Исследование текста «Исторических записей» позволяет утверждать, что в нем присутствуют мотивы происхождения родоначальника от растительного тотема. Это хорошо видно из фрагментов рассказа о происхождении ряда племен. Так, согласно преданиям, одним из тотемных растений племени ся была йевлевая слеза, а иньцев – шелковица. В других версиях о происхождении названных племен тотемными растениями называются сосна, кипарис, кедр. Юань Кэ также записал предание о стране Дашиван у Западного моря. Согласно мифу, «На прибрежных скалах в этой стране росли деревья с зелеными ветвями и красными листьями. На таком дереве рождалось много маленьких детей ростом шесть-семь вершков, они висели, приросшие к веткам, вниз головой наподобие луковицы» [5, с. 243].

Таким образом, растения, согласно представлениям древних китайцев, в растительном свете первоначально видели как бы отражение собственных семейных родовых связей, значений, иерархий.

Сравнительно-типологическое исследование текстов «Исторических записей» позволяет нам говорить о том, что в них тотемные предки предстают как существа с не вполне дифференцированной двойственной зоо-антропоморфной природой, в которой явно преобладает человеческое начало. Большинство эти люди, которые в случае необходимости превращаются в соответствующий вид животного или растения.

Анализ текстов «Исторических записей» позволяет нам, судить, что с развитием китайского общества тотемистическая и анимистическая основы религии

постепенно затушевываются. Источниками чудесного зачатия и рождения правителей являются не тотемы, а боги и духи. Так, в религиозно-космологических представлениях древних китайцев создателем всего сущего, в том числе и человека, был верховный дух, высочайший правитель, стоящий во главе иерархически организованного сонма духов, Тянь («небо»). Оно выступает важнейшим понятием древнекитайской логографии. Тянь – верховный дух, высочайший правитель, высшая божественная сила, ниспосылающая на землю награды и кары. Вертикальная ее модель представлялась китайцам в виде девяти небесных сфер, расположенных друг над другом, которые и составляли Небо. Оно было создателем всего сущего: народа, его правителя, пяти движущих начал – металла, дерева, огня, воды и земли. От связи с Землей оно порождало великое множество вещей. Согласно китайской мифологии, у каждой сферы были свои верховные божества. Небесным героем-демиургом, в соответствии с китайской поздней народной мифологией, являлся Тянь-ди, который повелевал всеми божествами и духами. В качестве небесной императрицы выступала Тянь-хоу. В наиболее ранних пластах китайской мифологии упоминается Тайи («великое единство») также как небесное божество.

С развитием космогонических представлений китайцев формируется понимание единого центра. В китайской мифологии сохранился фрагмент мифа о горе Бучжоушань, которая являлась опорой неба. В «Исторических записках» Сыма Цяня повествуется о священной горе Тайшань, где совершались жертвоприношения Небу [1]. Среди пяти гор (У юэ): Бэйюэ («Северный пик»), Чжуньюэ («Срединный пик»), Наньюэ («Южный пик»), Сиюэ («Западный пик») гора Тайшэнь считалась основной.

По фрагменту текста Сыма Цяня можно судить, что обожествлялась и земля. Ее божеством именовалась Хоу-ту, которой приписывалось также управление сторонами света. Князем земли изображался Ту-бо («дядюшка земли»).

В «Исторических Записках» упоминается также о третьей части трехсферного деления мира – подземном царстве Диюй, повелителем которого был Дицзан-ван. В его обязанности входило спасение душ из подземного судилища.

Он должен был посещать ад и во имя сострадания и любви переводить души на небо Страной мертвых повелевала женское божество Си-ванму.

В архаическую модель мира, согласно Сыма Цяня помимо Центра входили четыре страны мира: Восток, Юг, Север, Запад. Каждой страной управлял могущественный покровитель. Так, Дун-вангун, являлся владыкой Востока и обитал в большом каменном жилище. Ростом он был в один чжан (3 м), имел облик человеческий, лицо птичье, а хвост тигра. Покровителем Запада являлся дух Байху в виде злого зверя, отпугивающего всякую нечисть. Владыкой Севера был Хэй-ди. Богом солнца и повелителем Юга был Янь-ди, который правил южными землями совместно со своим потомком богом огня Чжужуном .

Система духов и божеств, как явствует из трактата Сыма Цяня, была дополнена почитанием духов предков, их обожествлением. Историк описывает три ритуалы: служение духам Неба – тянь шэнь, служение духам земли – ди чжи, служение духам людей – жэнь гуй. По представлениям древних китайцев, в человеке существовала материальная оболочка по и духовная субстанция хунь. По после

смерти человека уходит в землю и превращается в земной дух гуй, а хунь возносится на небо и превращается в небесный дух шэнь. В «Исторических записках» нередко встречаются упоминания о жертвах и службах в честь гуй шэнь, т. е. земных и небесных духов людей, предков, у которых живые испрашивают советов и благословения. Поклонением духам умерших, объясняет Сыма Цянь, создание системы жертвоприношений, многочисленных храмов и алтарей предков, сложного ритуала траура, культа стариков. У ванов и князей, отмечает историк, в честь предков создавалось до семи храмов в зависимости от знатности и положения того или иного правителя.

Из трактата Сыма Цяня видно, что большую роль в идеологии древних китайцев играли мантические (гадательные) обряды. В тексте «Исторических записок» историк описывает ритуал гадания на костях животных, на стеблях тысячелистника. К помощи триграммы и гексаграммы И цзина постоянно прибегали вельможи и императоры. При их дворах гадатели и прорицатели занимали почетное место. Так, Сыма Цянь писал, что Хуан-ди всегда следовал законам Неба и Земли, гаданиям по темному и светлому, толкованиям о жизни и смерти, превратностям существования и гибели [4, с. 134]. Историк сообщает, что в древнем Китае даже существовала наука геомантия, которая определяла степень влияния на судьбы царств различных божеств и духов.

Следовательно, современные ученые на основе исследования текстов «Исторических записок» смогут получить определенные сведения о верованиях и культурах, показать их неразрывную связь с политикой правящей элиты, раскрыть более полно всю сложную систему религиозных и философских взглядов и мышления древних китайцев. Безусловно, многое в трактате Сыма Цяня следует воспринимать критически. Ученый стремился идеализировать политическую и социально-культурную жизнь в древнем Китае. Народ Поднебесной в 3 тысячелетии не был еще просвещенный, высоконравственный, исполненный гуманности, всесторонне благоденствующий. Это отмечает известный российский синолог С.Георгиевский «...что во времена Шуня китайская цивилизация достигла той завидной для всякого народа высоты, о которой мы говорили, -- это вымысел Конфуция, распространенный его продолжателями» [2, с. 116-117].

Анализ текстов «Исторических записок» позволяет нам утверждать, что Сыма Цянь во многом следовал конфуцианским принципам, как самоусовершенствование правителя, забота о народе, соблюдение порядка, установленного Небом, вера в волю верховного владыки, призыв к соблюдению законов и др. В тоже время из текстов трактата явствует, что Сыма Цянь был в большей степени апологетом даосизма и стремился объективно изложить исторические процессы, происходившие в древнем Китае. Вследствие этого «Исторические записки» являются ценнейшим источником для современных обществоведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вэнь Идо*. Мифы и стихи (Шэньхуа юй ши) / Вэнь Идо. – Пекин: 1957. – с.
2. *Георгиевский, С.* Мифические воззрения и мифы китайцев / С. Георгиевский. – СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1892. – 117 с.

3. Книга гор и морей (Шань Хай Цзин) / Пред., пер. и коммент. Э.М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235 с.
4. *Сыма Цянь* Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В.Вяткина; вступ. ст. М.В. Крюкова / Сыма Цянь. – Т. 1. - М.: Наука, 1972. – 439 с.
6. *Юань Кэ*. Мифы древнего / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В.Пузицкого / Юань Кэ. – М.: РИСО АН СССР, Наука, 1965. – 496 с.
7. Malinovsky, B. Myth in primitive Psychology / B. Malinovsky // Magic, Science and Religion. – New York, 1955. – pp. 107-108.

Сяліцкі А.Л.
(Мінск, Беларусь)

СЕМАНТЫКА КАНЦЭПТУ “ШЛЯХ” У КІТАЙСКІМ МАСТАЦКІМ ПЕЙЗАЖЫ

У артыкуле разглядаецца семантычны змест канцэпту “шлях” у традыцыйным мастацкім пейзажы Кітая. Падкрэсліваецца філасофскі характар пейзажных вобразаў, іх узаемасувязь з духоўнымі ўстаноўкамі даосізму. Архетыпічны вобраз дарогі, шляху трактуецца як метафара працэсу спасціжэння чалавекам гармоніі светабудовы.

Ключавыя словы: *мастацкі пейзаж, шлях, дарога, канцэпт, архетып, прырода*

In article the semantic maintenance of a concept “the way” in a traditional art landscape of China is considered. Philosophical character of landscape images, their interrelation with spiritual fundamentals of Taoism is emphasized. The archetypical image of the road, way is treated as a metaphor of process of comprehension by the person of harmony of the universe.

Key words: *art landscape, way, road, concept, archetype, nature*

Традыцыйны мастацкі пейзаж Кітая з’яўляецца унікальным феноменам светнай культуры. Творы гэтага жанру выступалі не толькі мастацкай рэпрэзентацыяй прыроднага ландшафту, але і формай філасофскага спасціжэння гармоніі быцця, арганічнага адзінства чалавека і элементаў светабудовы. Як вядома, на кітайскай мове пейзаж – “шань-шуй” – складаецца з двух іерогліфаў, першы з якіх – “шань” – азначае “гара”, другі – “шуй” – вада. У помніку старажытнакітайскай філасофіі “І цзін” (“Кніга пераменаў”) гара выступала ўвасабленнем светлага, моцнага, актыўнага першапачатку, а вада – цёмнага, слабога, пасіўнага. Такім чынам, слова “шань-шуй” адлюстроўвала не толькі галоўныя пейзажныя матывы, але і з’яўлялася выражэннем канцэптуальных асноваў філасофіі старажытнага Кітая.

Пейзаж у традыцыйнай культуры Кітая з’яўляўся і формай філасофскага сузірання, і шляхам да пранікнення ў схаваную сутнасць рэчаў. Кожны прыродны вобраз набываўсэнсоўную працягненасць, выступаючы не толькі адлюстраваннем пэўнага ландшафтнага аб’екту, але і шматузроўневым

канцэптуальным канструктам. Вялікую ролю ў стварэнні цэласнай мастацка-філасофскай карціны быцця прыроды адыгрывала выкарыстанне базавых вобразаў-архетыпаў, такіх, як, напрыклад, вада, зямля, гара, неба, шлях (дарога). Калі мастацкі канцэпт складае сінтэзную форму выказвання культурнага сэнсу і аўтарскай ідэі, служыць іх рэпрэзентацыяй ў творы мастацтва, то архетып выступае падсвядомай асновай тварэння значэнняў у тэксце. У семіятычным полі мастацкага пейзажа архетыпы канструююць глыбінны ўзровень зместу. У мастацкім тэксце гэтыя сэнсоўныя інварыянты ляжаць у падмурку сістэмна-структурных сувязяў семантычных кампанентаў твору: вобразаў, канцэптаў, сімвалаў. Спецыфіка ўжывання архетыпаў у мастацкім творы адлюстроўвае асноўныя ўзроўні значэнняў: індывідуальны (аўтарскі), нацыянальны, агульначалавечы. У культуралагічным даследаванні мастацкага пейзажа праз аналіз асаблівасцей выкарыстання аўтарамі архетыпаў і на аснове абагульнення шэрагу твораў розных гістарычных перыядаў можна ўзняцца на ўзровень нацыянальнай адметнасці. Параўнанне і пошук як агульнага, так і спецыфічнага ў архетыпічных вобразах прыроды дазваляе выявіць іх канстантныя і пераменныя кампаненты.

Адным з асноўных архетыпічных вобразаў у мастацкім пейзажы Кітая, як адзначалася вышэй, выступіў канцэпт “шлях” (“дарога”), які рэпрэзентаваў сабой вектар прасторава-тэмпаральнага руху. У філасофскім прачытанні дарога з’яўлялася ўвасабленнем быцця-шляху чалавека, прыроды ў касмічнай прасторы. Невыпадкова, асноўная катэгорыя даосізму – “дао” – азначала менавіта “шлях”. Дао выступала свайго роду матрыцай сусветных працэсаў, той найтанчэйшай структурай, што стварае аснову быцця. Мэтай чалавечага жыцця з’яўлялася спасціжэнне “шляху-дао”. У працэсе гэтага дасягалася тоеснасць унутранага свету асобы з навакольным асяроддзем. Стварэнне пейзажу для кітайскіх мастакоў было свайго роду медытацыяй, шляхам да дасягнення звышпрацянальнага стану ўсеразумення. Працэс пазнання таямніц прыроды ішоў праз сузіранне, пранікненне ў “душу” камянёў, дрэваў, вады, гор, неба, зямлі [1, с. 108]. Творца імкнуўся стаць адным цэлым з навакольным светам, адчуць сусветную гармонію ў адзінстве яе супрацьлегласцей (канцэпцыя інь і ян) і ў пейзажы выразіць уласнае адчуванне роднасці ўсяго існуючага.

Архетып дарогі ў мастацкім пейзажы задае вектар сэнсавага напружання: неабходнасць выйсця і рэальная магчымасць яго здзяйснення. Важную функцыю пры гэтым выконвае скіраванасць дарогі адносна прасторавых каардынат. Рух па вертыкалі звычайна выступаў сімвалам духоўнага росту, маральнага дасканалення. У гэтым выпадку ў пейзажы нярэдка сінхронна выкарыстоўваліся архетыпы гары і дарогі. Дарога да вяршыні, сакральнага сімвалу мудрасці і духоўнай чысціні, увасабляла паступовы працэс пераадолення асобай сваёй унутранай недасканаласці і выйсця на новы духоўны ўзровень развіцця. Шлях у гарызантальнай плоскасці адлюстроўваў працэсы тэмпаральнага разгортвання жыцця людзей, іх будзёныя справы і клопаты. Спецыфічным пластычна-сэнсавым варыянтам у мастацкім пейзажы выступаў матыў скрыжаваных дарог. У гэтым вобразе злучэнне архетыпаў крыжа і дарогі фарміравала асноўны семантычны змест: неабходнасць выбару. У цэнтры перакрывавання, рэальна ці ўмоўна,

знаходзіўся чалавек, а праблема прыняцця рашэння складала вядучую інтэнцыю філасофскага зместу твора.

У кітайскім традыцыйным пейзажы канцэпт “шлях” злучаў розныя ўзроўні быцця. Пры ўжыванні некалькіх прасторавых планаў у творы кітайскія мастакі, у адрозненне ад еўрапейскіх аўтараў, не прытрымліваліся законаў лінейнай і паветранай перспектывы ў строгім сэнсе гэтых слоў. Пейзаж у кітайскім мастацтве адлюстроўваў перш за ўсё іерархію ўзроўняў быцця ад матэрыяльнага да духоўнага. Гэтаму ў многім адпавядала вертыкальная кампазіцыйная будова, у якой у самым нізе звычайна змяшчаўся невялікі кавалачак зямлі з фігурамі падарожнікаў, вучоных, затым ішлі розныя планы з вёскамі, пагадамі, а ў самым версе размяшчаліся выявы гор. Пейзаж, як быццам, “узрастаў” уверх, а не паглыбляўся ўнутр прасторы. Такая кампазіцыйная схема склалася ўжо на самым пачатку фарміравання жанру “шань-шуй”. У творы мастака эпохі Тан (618–907) Лі Чжаодао (630–730) “Падарожжа імператара Мін Хуана ў Шу Кон” (кан. VII–пач. VIII стст.) фігуры імператара і ягонай світы рухаюцца па дарозе, якая спіраллю праходзіць сярод гор. Гэты рух пачынаецца ад самога нізу і разгортваецца па вертыкалі, ствараючы паступовы пераход ад свету паўсядзённага, часовага жыцця чалавека да вечнага быцця прыроды. Кананічнасць традыцыйнай кітайскай культуры абумовіла тое, што і ў наступныя перыяды многія творцы выкарыстоўвалі падобныя кампазіцыйныя схемы. Мастак эпохі Сун (960–1279) Ма Юань (1160–1225) у пейзажах “На горнай сцяжынцы вясной”, “Вучоны са слугой на горнай тэрасе”, “Напяваючы ў пуці” выкарыстоўвае матыў дарогі, якая пачынаецца ў самым нізе твораў і губляецца ўдалечыні, дзе існуюць толькі неба і горы – канцэптуальныя вобразы вечнага быцця. Персанажы ягоных звіткаў – гэта вучоныя, філосафы, якія знаходзяцца ў стане сузірання навакольнай прыроды, ці людзі, якія адправіліся ў вандроўку. Іх фігуры змешчаны ўнізе, на першым плане, дзе мастак досыць падрабязна паказаў атрыбуты чалавечага існавання. Гэтыя дэталі, разам з выявамі людзей, выступаюць увасабленнем свету зямнога жыцця. Архетыпічны вобраз дарогі, якая ідзе ад нізу ўверх, успрымаецца ў кантэксце твору ўжо не проста як элемент пейзажнай карціны, а як мастацкі канцэпт, семантыка якога адлюстроўвае працэс пазнання асобай вечных законаў Сусвету. На метафарычным узроўні дарога выступае сэнсоўным адпаведнікам і візуальным увасабленнем вобразу дао. Дао – гэта шлях, па якім рухаецца ўсё існуючае, у тым ліку і чалавек у працэсе пазнання сябе і свету. Гэтыя працэсы ў філасофіі даосізму арганічна злучаныя і немагчымыя адзін без аднаго. Вандроўнікі, якія рухаюцца па дарозе, што злучае сабой усе элементы пейзажнай карціны, – гэта вобразы людзей, якія ідуць па шляху спасціжэння сусветнай гармоніі. Менавіта такое прачытанне маюць творы мастака эпохі Мін (1368–1644) Дай Цзіна (1388–1462) “Вясеннія горы, пакрытыя зелянінай”, “Чалавек, які шукае дао ў райскай пячэры”, “Вандруючыя па горных сцежках”. Па сутнасці, кожны з названых твораў можна разглядаць як мадэль універсуму, у якой адлюстраваны характэрныя для традыцыйнай кітайскай культуры ўяўленні пра свет і месца чалавека ў ім. У звітку “Вясеннія горы, пакрытыя зелянінай” пейзажны матыў мае высокую ступень абагульненасці. У самым нізе на крутым схіле гары змешчаны фігуры вучонага і ягонага слугі, якія ідуць ўверх па вузкай

сцезцы. Побач растуць сосны, звлістыя ствалы якіх утвараюць неабходны кантраст з павольным рытмам гор. Кампазіцыйны рух разгортваецца з нарастаннем па вертыкалі. Прасторавыя планы аддзяляюцца адзін ад аднаго з дапамогай туману, які, як быццам, растварае падножжа гор. Гэты прыём часта ўжываецца ў традыцыйным кітайскім мастацкім пейзажы. Туман выступае атмасфернай з’явай, уласцівай для горнага ландшафту Кітая. Аднак у кантэксце мастацкага твору ягонае адлюстраванне ўспрымаецца не толькі як сведчанне дакладнага ўзнаўлення характэрных асаблівасцяў мясцовай прыроды, але і як увасабленне асноўных прынцыпаў філасофіі даосізму: “Дао туманнае і неакрэсленае. Аднак у яго туманнасці і неакрэсленасці змяшчаюцца вобразы. Яно туманнае і неакрэсленае. Аднак у яго туманнасці і неакрэсленасці схаваныя рэчы” [2, с. 19]. Шлях, па якім ідуць вучоны і яго слуга, вядзе ад матэрыяльнай канкрэтнасці і дакладнасці прыроднага ландшафту на першым плане да “неакрэсленасці” ўверсе, дзе ўсё – і дрэвы, і горы, і неба, і сам чалавек – становяцца часткай той адвечнай пустаты, у якой знікаюць і, у той жа час, “нараджаюцца” ўсе элементы светабудовы. Пейзаж Дай Цзіна адлюстроўвае сабой цэласную карціну быцця прыроды і чалавека, у якой паказаны працэсы адвечнага станаўлення, руху ў арганічным адзінстве супрацьлеглых пачаткаў.

Асноўныя прыёмы пабудовы прасторы пейзажнага твору захаваліся ў кітайскім мастацтве і ў пазнейшыя часы. Творы мастакоў эпохі Цін (1644–1911), напрыклад, Ван Шыміня (1592–1680) “Пейзаж, прысвечаны Чжывэню”, Мэй Ціна (1623–1697) “Гара Дзінцін у ясную пагоду”, Ван Хоя (1632–1717) “Прыгажосць зялёных гор і рэк” маюць вертыкальную кампазіцыйную будову, у якой пейзажныя планы канструююцца не столькі па законах лінейнай і паветранай перспектывы, колькі па іерархічным прынцыпе. У звітку Мэй Ціна кампазіцыя дасягае сваёй кульмінацыі ў выяве гары Дзінцін, якая ўзвышаецца на заднім плане над усёй прасторай пейзажа. Да яе вядзе дарога, якая то ўецца сярод высокіх скал, то праходзіць праз гай, то губляецца ў густым тумане, то зноў узнікае паміж пагоркаў. Невялікія па маштабе фігуркі вандроўнікаў падкрэсліваюць веліч і моц навакольнай прыроды, яе першароднаснае хараство. Дарога, якая “пранізвае” ўсе ўзроўні быцця, у кантэксце твору ўспрымаецца як шлях да духоўнага ўзвышэння, пранікнення ў глыбінную сутнасць кожнага элементу прыроды, адчування чалавекам сусветнай гармоніі.

Такім чынам, семантыка канцэпта “шлях” у традыцыйным кітайскім пейзажы адлюстроўвае істотныя моманты нацыянальнай мастацка-філасофскай карціны свету. Выступаючы базавым архітэпічным вобразам, дарога (шлях) з’яўляецца важным кампазіцыйным і сэнсоўным элементам пейзажнага твору. На ўзроўні філасофскага прачытання канцэпт “шлях” можна разглядаць як метафару працэсу спасціжэння гармоніі светабудовы, мастацкі адпаведнік “дао”, па законах якога, згодна з устаноўкамі даосізму, рухаецца ўсё ў прыродзе, у тым ліку і чалавек у кірунку пазнання і самапазнання.

ЛІТАРАТУРА

1. *Завадская, Е.В.* Слово о живописи из сада с горчичное зерно / Е.В. Завадская. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. – 520 с.
2. *Лао-цзы.* Дао дэ цзин / Лао-цзы // Мудрецы Поднебесной: Сборник. – Симферополь: “Реноме”, 2003. – С. 11-40.

Шамякина Т.И., Шамякина С.В.
(Минск, Беларусь)

ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Рассмотрены ключевые события в истории Китая, знаковые символы культуры страны и личности, оказавшие наибольшее влияние на формирование менталитета китайцев. Упомянуты новые археологические открытия в Китае.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, Конфуций, Лао-Цзы, Цинь Шихуанди, Великая китайская стена, Великий Шёлковый путь, Белая пирамида, династия Хань*

Considered the key events in the history of China, the iconic symbol of the country's culture and personality, had the greatest influence in shaping the mentality of the Chinese. Mentioned new archaeological discoveries in China.

Key words: *culture, civilization, Confucius, Lao Tzu, Qin Shi Huang, the Great Wall, the Great Silk Road, the White Pyramid, the Han Dynasty*

Интерес к культуре Китая обусловлен огромными успехами КНР в экономике и в политике: Китай в XXI в. стал мировой державой, к которой приковано внимание всего мира. Понять успехи Китая невозможно, если не знать историю его культуры – исключительно своеобразной, оказавшей влияние на огромный регион Восточной Азии, а также и на Европу, причем в гораздо большей степени, чем представляется европейцам.

Известный российский ученый-китаевед, доктор исторических наук Алексей Маслов пишет: «Сколь ни были бы сильны возражения скептиков, все же приходится признать, что Древний Китай знал много больше нашего, а возможно, располагал и такой информацией, которую мы сегодня не способны ни оценить, ни расшифровать, переведя в доступный нам словесно-знаковый вид» [1, с. 58].

Так, чрезвычайно космогонична мифология Китая. В ней, например, сохранились отзвуки космических катаклизмов. В древнем письменном памятнике, астрономическом трактате «Хуайнань цзы», утверждается, что «небо наклонилось на северо-запад» и «обрушились опоры земли». Видимо, речь идет об орбитальном или осевом повороте: изменился наклон оси к плоскости эклиптики. Это явно – для наблюдателей с Земли – нарушило движение Солнца, Луны и звезд, что и зафиксировала мифология. Древние предания свидетельствуют не об одной, а о двух катастрофах, одна из которых действительно глобальная, когда Земля как бы «кувыркнулась», а другая вызвала Всемирный Потоп. Характерно, что у древних народов, имевших богатую мифологию, обязательно развивалась

и астрономия как наука, с которой тесно связан календарь. Центральный в китайской мифологии как раз *миф о Потопе*. Он встречается во многих источниках, правда, лишь в отрывках. Тот или иной его фрагмент приводится обычно для того, чтобы «доказать» какое-либо философское, политическое или морально-этическое положение. Только в чрезвычайно информативном, хотя и загадочном, «Каталоге гор и морей» он излагается целостно.

В дальнейшем архаичная мифология Китая оказалась очень историцирована Конфуцием и его учениками: великий мудрец полагал, что все мифы – историчны, в них описываются реально происходящие в глубокой древности события, которым придан сказочный колорит, а персонажи возвеличены.

Тема Потопа в китайской мифологии содержит в себе идеи о начале мира, его организации, преодолении хаоса и установлении порядка. Во многих мифах китайцев Потоп приурочивается к началу времен и носит космический характер. Лишь во времена Конфуция мифы о Потопе оказались отнесены к эпохе правления конкретных (впрочем, также полубогородных) правителей.

Наиболее древние поселения на территории Китая датируются III тыс. до н.э. Но на самом деле цивилизация здесь существовала намного раньше. Достаточно сказать, что атласам по иглоукалыванию, в которых указаны тысячи точек на теле человека, отвечающие за конкретные внутренние органы, семь тысяч лет, причем нигде не зафиксированы начало и промежуточные стадии такого уникального знания. Оно словно появилось сразу в совершенно готовом виде.

Однако в Китае есть много чего и другого – таинственного и загадочного. В последнее время много говорят и пишут о *пирамидах* Китая.

Гигантскую пирамиду вблизи города Сиань в Центральном Китае увидел еще в 1945 г. американский военный летчик Джеймс Гауссман. Понимая, что ему никто не поверит, он сфотографировал гигантское сооружение высотой в 300 м и шириной у основания 500 м. Значит, она оказалась больше, чем пирамида Хеопса, в два раза! Летчик вспоминал, что, по его впечатлению, пирамида была из металла или из какого-то белого камня. Потом несколько пирамид видели исследователи из разных стран в 1960-е годы. Китайцы безоговорочно отрицали их существование. Когда, благодаря спутниковому слежению, отрицать явное стало невозможно, пирамиды (а их – десятки) засадили деревьями и кустарниками, чтобы они выглядели как обычные холмы. Сейчас район, который называется «Город пирамид», посещаем туристами. Но все равно к самой большой, Белой пирамиде, власти близко не подпускают, хотя буквально в нее упираются поля местных поселян. Крестьяне уверяют, что пирамиды стояли здесь вечно [2, с. 498].

Серьезные исследователи полагают, что пирамиды демонстрируют пример поразительных знаний древних народов в геометрии и вообще в математике, причем в связи с астрономией. Когда же построены китайские пирамиды? Найдены летописи I тыс. до н.э. В них пирамиды уже упомянуты. Их возведение относят к эпохе легендарных первых императоров, которые считали себя «Сынами Неба». Об одном из них – Хуанди – дошли подробные, хотя и сказочные,

сведения. Получается, что мифологический ореол, окружающий пирамиды, подобен египетскому и мексиканскому, где также подобные сооружения неизвестно когда построены, а главное – неизвестно для чего.

В академической науке китайская культура считается автохтонной – созданной исключительно китайским народом. От Передней Азии – центра древних цивилизаций – страна находится очень далеко и поэтому непосредственных контактов между ними и Китаем, видимо, долгое время не было. Развитие Китая, действительно, шло во многом иначе, чем развитие других культур древности. От стран, расположенных на востоке, юге, западе и севере, Китай отделен морем, а также самыми высокими в мире горами, огромными пустынями и степями Центральной Азии. В древних китайских письменных памятниках акцентируется внимание на идее китаецентризма, поэтому и страна была названа – Срединное царство. Правда, многие народы также верили в свое центральное местоположение в мире.

Как и другие культуры древности, китайская связана с большими реками. Уже в V тысячелетии до н.э. в долине реки Хуанхэ существовала развитая земледельческая цивилизация. Здесь культивировали просо, фрукты, овощи, орехи, держали свиней и собак. В долине реки Янцзы в IV тыс. до н.э. выращивали рис, культура которого была заимствована, скорее всего, из Индии. Рис и сегодня – основа кулинарии Китая, одной из богатейших в мире.

Если следовать официальной доктрине, то первая династия, управлявшая Китаем, называлась Ся. Установилась она в 2205 году до н.э., но о ней, кроме сформировавшегося в это время календаря, мало известно. Следующее государство – Шан (1766–1027 годы до н.э.) – создало культуру бронзы, равной которой не было на Земле.

Действительно, китайская бронза – лучшая в мире. Происхождение бронзы до сих пор неизвестно науке. Часть ученых считает ее явлением исключительно местным, часть – принесенным из Великой Степи, и уже это оспаривает автохтонность китайской цивилизации. Для китайской бронзы характерно изображение животных, но это примета алтайско-скифской культуры. Заимствованы Китаем и колесницы – главная ударная сила шанских царей. Такие колесницы – индоевропейское достояние, хотя изобретение колеса китайцы безоговорочно приписывают себе.

Изделия из шанской бронзы, исключительно долговечной, можно встретить практически во всех крупных музеях мира. Наиболее распространены на бронзовых вещах изображения быка и барана. В царстве Шан из бронзы изготавливали орудия труда, оружие, посуду, предметы роскоши, ритуальные вещи, позже – монеты. Некоторые из шанских бронзовых котлов достигали огромных размеров. Например, один из них, отлитый шанским царем в память своей матери, имел высоту 1 метр 30 сантиметров и весил 885 килограммов. Полагают, что и колокола начали первоначально отливать именно в Китае. Маленькие колокольчики носили даже на шляпах – они будто бы отгоняли злых духов (в свете данных современной науки – справедливо). Богатая декоративность, характерная для шанской бронзы, была связана с ритуально-мифологическими представлениями.

Цари династии Шан назывались ваны. Ваны в Китае широко использовали магию, ни одно дело не решали без чародеев-предсказателей. А те пророчили по костям быка и по черепашим панцирям. Как раз на гадальных костях (лопатках) вырезаны первые иероглифы. Китайский иероглиф – важнейшая часть цивилизации этой страны, источник ее особенной художественной традиции. Иероглифика прошла огромный путь развития. Первые пиктограммы не похожи на современные знаки. Изобретение иероглифов приписывается мифическому предку китайцев – Хуанди – Желтому императору, якобы избравшему в качестве образца для письменных знаков птичьи следы. Это, безусловно, легенда, но понятно, что иероглифы не отделены от своей изобразительной функции и первоначально были графическим изображением предмета или комбинации предметов.

В конце XI века до н.э. территорию царства Шан завоевал народ, пришедший с запада и назвавший себя чжоу (возможно, это были индоевропейцы). В эпоху Чжоу (1027–221 годы до н.э.) часто велись войны, но наблюдался и экономический подъем. Именно тогда появилась религиозная теория о божественном происхождении китайских царей-ванов. Чжоуский ван, как и египетский фараон, был объявлен сыном Неба и его единственным земным воплощением, наделенным магической силой.

Держава Чжоу получилась достаточно аморфная. В IX веке до н.э. ее территория существенно сократилась; параллельно возникло около 200 мелких княжеств. Правда, вскоре начался процесс их консолидации, и в V веке до н.э. образовалось семь достаточно больших государств. Вообще V век до н.э. был определяющим в истории древних цивилизаций (в Греции, скажем, это период классики), в том числе и Китая. Многие процессы пошли по-новому.

В эпоху Чжоу возникли две удивительные философские и морально-этические системы, которые, определили психологию китайской нации – можно сказать, ее сформировали.

Система Конфуция связана с достаточно мощной уже тогда городской культурой. Городская культура – искусственная, независимая от природы, техногенная. Она динамична, активна, человек в ней более свободен, но только теоретически. На самом деле механическая сложность, противоречивость городской цивилизации не оставляет для личности настоящей внутренней свободы и возможности жить духовной жизнью. Конфуций уже тогда это ощутил. Потому он разработал методику воспитания человека в условиях города, но такого человека, который в сельской культуре, связанной с природой и ее циклами, получался как бы сам собой. То есть Конфуций (в Китае его называют учитель Кун) стремился соединить в сущности несоединимое: элитарную городскую культуру и патриархальные отношения людей. Для этого он определил два пути – учебу и любовь.

Главное в учении мудреца – глубокое уважение к прошлому, культ предков, почитание семейных, национальных традиций, ритуалов, обрядов; живая постоянная связь с народной культурой. Отсюда – консерватизм, традиции, поставленные им в основу всего жизненного уклада. Как раз консерватизм оказался фундаментом исключительной устойчивости, жизнестойкости Китая. Вместе с тем

Конфуций обращал внимание на необходимость постоянной учебы. Патриархальные нормы жизни у него освещены интеллектом, научно объяснены, систематизированы, сформулированы так, чтобы их можно было легко передать в тексте, то есть учить им. От Конфуция в Китае – чрезвычайное почитание образования и, в частности, филологической науки. Кроме того, следуя заветам Конфуция, китайцы никогда не отбрасывают предыдущих этапов своей истории, воспринимая лучшее в них.

Еще один, кроме следования традициям и одновременной учебы, важный постулат конфуцианства – человеколюбие как основа отношений между людьми. Высшая модель общества – семья. Она – основа всего. В Китае говорят: «Порядочным человеком нужно быть, прежде всего, потому, что иначе семье будет плохо». Причем семья и государство должны существовать на основе одинаковых законов. Назначать на высокие должности, считал Конфуций, можно только тех людей, у которых благополучные семьи. Семья – школа морали и культуры.

Вот пример метода воспитания по Конфуцию. Мудрец учредил песенный канон «Шицзин»: он собрал по стране песни, оценил их, выделил лучшие и сделал как бы обязательными для каждой семьи. Собственно, так в Древней Греции философами были собраны и классифицированы мифы. Песни Конфуций рассматривал как главный инструмент сохранения культурной памяти народа. Когда в XIII в. Китай завоевали монголы, во все театральные постановки бродячие артисты обязательно включали строки из «Книги песен» Конфуция, которые, в свою очередь, повествовали о еще более древних временах. Так театр (говоря обобщенно – культура) помогал помнить великую историю Китая.

Конфуций родился в 551 году до н.э. и прожил 70 лет, в основном в царстве Лу. Много путешествовал. Его взгляды изложены в книге «Лунь юй» («Суждения и беседы»). Главный герой произведения – сам Конфуций. Содержание книги составляют его диалоги с учениками, его высказывания, описание его жизни, вплоть до житейских мелочей: как он говорил, как ел, как спал. Такая манера изложения определена привычкой китайцев видеть в бытовом, низменном, житейском нечто значительное и символичное.

Тема трактата «Лунь юй» – идеальное общество. Путь к нему – через улучшение самого человека (об этом же намного позже говорили другие мудрецы – Лев Толстой, Махатма Ганди). А как улучшить человека? Через образование, развитие интеллекта и моральную культуру. Революции и вообще активные действия решительно осуждались всеми этими великими деятелями.

Мудрость в том, – учил Конфуций, – чтобы не потерять ни капли опыта предков, ни одного народного обычая. И китайцы шли по пути Конфуция. В своей философии он уловил некую очень важную метапрограмму Природы и стремился построить общество по ее законам. Конфуций, и в самом деле, самый лучший педагог в истории человечества. Основа его педагогики – традиционность, но в условиях городской, элитарной культуры. Сам философ говорил: «Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем». Учение Конфуция – основа национальной системы морали.

Но в Китае был еще один мудрец – Лаоцзы (579–499 гг. до н.э.), старший современник Конфуция. Лаоцзы стал основоположником другой философской

системы, принципиально основанной на ценностях только сельской культуры, – даосизма. Лаоцзы происходил из царства Чу. Он был хранителем государственного архива, куда к нему приезжал советоваться сам Конфуций. Наблюдая упадок государства, Лао размышлял о законах космической иерархии, где все взаимосвязано и постоянно движется по кругу. Небольшой, всего в пять тысяч слов, трактат Лаоцзы под названием «Дао дэ цзин» («Книга пути и истины») считается вершиной философской мысли Китая. Эта удивительная книга по количеству комментариев и цитат стоит вровень с произведениями Гомера и Шекспира. Сам же Лаоцзы, как и царевич Гаутама (Будда), был, в конце концов, обожествлен.

Один из важнейших постулатов даосизма близок к учению Христа: мудрый человек делает добро и не придает этому значения. Делать добро нужно не по принуждению, а потому что иначе не можешь.

Дао – путь, по которому движутся и космические объекты, и жизнь конкретного человека. Никто не может сойти со своего пути (у славян есть подобное понятие – судьба). Все несчастья человека происходят как раз от стремления бороться с судьбой (как поступал Эдип у Софокла). Поэтому задача личности – понять свое индивидуальное дао (в сущности, понять самого себя), а задача властителя – повести народ по правильному пути. Дао во многом синоним не только судьбы человека, но и законов природы. Собственно, это понятие, видимо, означает гармонию Космоса. Поэтому даосы занимались и разработкой вопросов морали, и натурфилософскими идеями. Из 27 великих ученых Древнего Китая 25 были даосами.

Мудрость даосизма основывалась на старых философских категориях Китая – понятиях *инь* и *ян*. Инь – начало женское, стихийное, пассивное, интуитивное, подсознательное, природное. Ян – начало мужское, сознательное, активное, основанное на знаниях, опыте, коммуникации. Высшая гармония – равноправие этих начал. Их нельзя рассматривать как минус и плюс. Она равно необходимы в системе мироздания.

Таким образом, в V веке до н.э. в Китае оформились две великие философские системы. Позднее к ним присоединился еще и буддизм. Правда, с XVII века даосизм во многом слился с буддизмом. Для непосвященного человека даосские храмы мало чем отличаются от буддистских. Рядом с даосскими святыми можно увидеть и Будду, и бодхисатв, и конфуцианских мудрецов. В Китае с уважением относятся ко всем богам, и здесь абсолютно нет религиозного фанатизма. Зато широко распространены суеверия и верования, происходящие от язычества. Современные китайцы верят и в оборотней, и в привидения, и в злых духов. Даже в архитектурных формах проявляется страх перед враждебными силами, отсюда – различные обереги: любой вход в помещение в виде круга (потому что нечисть любит прямые углы, но не любит закруглений), хранители-животные и колокольчики на крышах.

Как и в других странах, в Китае определяющим было V ст. до н.э. – эпоха глубоких изменений. Блестящий период бронзы сменился веком железа. Железные орудия труда позволили освоить новые площади. Интенсивно развивалось сельское хозяйство. Создавались гидротехнические сооружения в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы. Общеизвестно, что высокоразвитое сельское хозяйство всегда

приводило к росту городов, а значит, и к развитию культуры. Высшим воплощением этой богатой культуры стали две религионо-философские, морально-этические системы, созданные Конфуцием и Лаоцзы.

Второй определяющий период в истории Китая – III век до н.э., когда образовалась огромная империя Цинь. Один из властелинов княжества Цинь – Цинь Шихуан (259–210 годы до н.э.) захватил шесть соседних княжеств и объединил их в огромную державу, а сам стал называться уже не «ваном» (князем), а «ди» (императором). Цинь Шихуанди – самый известный в стране монарх. Видимо, его деятельность отражала дао страны, ее путь в истории.

Во время правления Циня Шихуанди были упорядочены система мер и весов, денежные единицы, календарь и письмо, по всей империи строились ирригационные каналы, дамбы, дороги. Именно Цинь Шихуанди положил начало государственному строительству, определил нормы, по которым империя существовала с 221 г. до н.э. и вплоть до 1912 г. – это самый долгий политический режим в истории, несмотря на смены династий, даже и этнически чуждых.

Сделано было, действительно, очень много. В то же время Цинь Шихуанди прославился как один из наиболее жестоких правителей в истории человечества. Многими своими чертами он похож на Чингисхана. Всех несогласных с ним император карал с невероятной жестокостью. В стране царил террор. Тысячи людей – военнопленные или осужденные – превратились в рабов и использовались на строительстве дорог, каналов, городов, а также защитного вала, который превзошел по своим масштабам все созданное когда-либо человечеством.

Еще раньше отдельные китайские княжества возводили оборонительного стены, защищаясь от нашествия кочевников с севера. Цинь Шихуанди соединил, вытянул в одну линию все построенные участки, поэтому он считается строителем Великой китайской стены – не только огромного, уникального по своим размерам фортификационного сооружения, но и реального, конкретного символа могущества циньской империи. Стена тянулась вверх и вниз по горам, шла через пустыни и болота. С ее смотровых башен при помощи дымовых сигналов можно было распространить информацию по всей стране с необыкновенной для того времени скоростью.

Считается, что в строительстве принимали участие 300 000 человек (вообще-то в разных источниках приводятся разные цифры). Данные о протяженности китайской стены разные в разных изданиях: от 4000 до 8000 километров. В 1990 году один любознательный китайский турист прошел по всей стене и определил ее длину в 6700 километров. По стене и вправду можно ходить. Ее ширина – 5,5 метра. Высота даже и сегодня достигает 9 метров – без учета того, что она сама часто карабкается по горам. Стена восхищает своей грандиозностью всех тех, кто ее видел.

Могила Циня Шихуанди также оказалась необыкновенной. Она строилась еще при его жизни – царь полагал, что и из того света будет руководить подданными. Гробница императора в окрестностях Сианя была открыта только в 1974 году. Это ошеломляющее археологическое открытие, равное по научной значимости раскопанной в 1922 году гробнице фараона Тутанхамона.

Некрополь Циня впечатляет, прежде всего, своими размерами: всего 56 кв. км, но еще далеко не все открыто. Под огромным полем пряталась целая армия глиняных воинов в рост человека – их оказалось 8000. Между ними в глубоких рвах размещались еще и колесницы с лошадьми – также вылепленные в натуральную величину, на деревянной основе. Оружие у воинов было настоящее. Терракотовая армия сопровождала Циня Шихуанди в его последний путь, но также служила ему в ином мире. Все хорошо сохранилось, так как про этот огромный котлован размером с футбольное поле позабыли средневековые летописцы, не знали о нем и грабители.

Смысл создания такой большой армии таится в верованиях древнего общества. Всех правителей Европы и Азии – от Японии до Англии – сопровождали в потусторонний мир жены, рабы и воины. Их убивали вместе с хозяином, чтобы они ему прислуживали на том свете. В гробнице Циня люди заменены их символическими изображениями, глиняными имитациями. Особенно любопытно то, что каждая скульптура лепилась с конкретного человека.

Правда, в последние годы во время археологических раскопок открыты и реальные жертвы. Рядом с полем – большая искусственная гора, очень похожая на арийские курганы в Украине и Беларуси. Под горой – гробницы тысяч слуг и жен. Более того: раскопали могилы, где похоронены редкие животные и птицы. Это доказательство правдивости древних историков, писавших о созданном Цинем Шихуанди чрезвычайно богатом зоопарке.

Мавзолей самого императора пока не найден. Китайцы, скорее всего, знают, где он, но заявляют, что религия не позволяет им кощунственно касаться древних захоронений. А еще одна причина пассивности ученых та, что, по летописи, гробница императора заполнена ртутью, и современные исследования, действительно, показали наличие ртути в почве одного из курганов. А пары ртути, как известно, чрезвычайно ядовиты.

Летописец Сыма Цянь, живущий полтора века спустя смерти Циня Шихуанди, описал главный зал огромного мавзолея, который представляет собой миниатюрную модель всей империи, с морем-океаном, омывающими ее, с сотнями рек, заполненными ртутью. Потолок зала будто бы усыпан крупными драгоценными камнями, имитирующими небесные светила.

В наше время над глиняной армией Циня Шихуанди возведена огромная стеклянная крыша. Сегодня гробница императора – такой же суперпопулярный туристический объект, как и Великая китайская стена. Оба сооружения – свидетельство феноменальной работоспособности и талантливости китайского народа.

После смерти Циня Шихуанди в стране начались восстания. Один из предводителей народного восстания Лю Бан сумел сговориться с аристократами, и был провозглашен императором. Он положил начало новой династии Хань (202 год до н.э.–220 г. н.э.). До нашего времени китайцы называют себя «хань» – этническим самоназванием, сохранившимся с тех времен.

В эпоху Хань был открыт Великий Шелковый путь – самая известная в истории и самая протяженная международная трансконтинентальная трасса в 7000 километров – до Средиземного моря. Значение Великого Шелкового пути для

развития Евразии трудно переоценить. Из империи Хань на Запад вывозили бронзу и железо (по-прежнему лучшие в мире), драгоценные металлы и лаковые изделия, уникальные по своему качеству. Но основным предметом экспорта был шелк, который в то время производили только в Китае, и технология изготовления которого была самым главным государственным секретом.

В эпоху Хань произошло несколько выдающихся, исключительно важных для культуры человечества, технических открытий. Прежде всего, это изобретение бумаги. Еще задолго до нашей эры китайцы изготавливали ее из отходов шелкового производства, но шелковая бумага очень дорогая и не могла широко использоваться. Настоящим революционным открытием, имевшим колоссальное значение для всей культуры человечества, было изобретение дешевой бумаги из волокон древесины. Производство бумаги и туши создало условия для развития техники эстампов, а позже и для возникновения печатной книги. Книгопечатание появилось именно в Китае! Первые книги начали печатать еще во II веке, но это были единичные экземпляры. Уже в VIII веке возникли крупные мастерские. В Европе печатанием книг занялся Иоганн Гутенберг лишь в XV веке. Сама идея, безусловно, принесена из Китая.

В ханьскую эпоху собирали философские трактаты ученых предыдущих эпох. Их осмысливали и объясняли. Китайская филология родилась как наука разъяснения классических текстов.

Изучение истории своей и соседних стран здесь началось с ранних времен. В I веке до н.э. ученый Сыма Цянь создал оригинальное по замыслу и структуре историческое произведение в 130 томах. В дальнейшем на протяжении столетий по образцу этого летописного свода писались другие исторические труды. Энциклопедия Сыма Цяня – единственный источник и по истории соседних с Китаем стран. Прекрасный стилист, Сыма Цянь ярко, образно, лаконично давал описания политики, экономики, быта и нравов разных народов. Кроме того, он первым создал жанр литературного портрета, что позволяет считать его не только академическим ученым, но и прекрасным писателем.

Ханьский период был во многом высшим пиком научно-технических и художественных достижений Древнего Китая. На основе тысячелетних астрономических наблюдений был усовершенствован солнечно-лунный календарь. В 28 году до н.э. астрономы впервые отметили существование солнечных пятен, описали 2 500 звезд, включив их в 320 созвездий (сегодня по международному соглашению звездное небо разделено на 88 созвездий), разработали теорию бесконечности Вселенной во времени и пространстве.

Ханьские математики знали десятичные дроби, впервые в истории стали использовать отрицательные числа, уточнили значение числа π .

Исключительных успехов достигла в Китае медицина. И сегодня китайские медики лучшие, например, в таком направлении, как иглоукалывание, притом они пользуются не электрошоком, а по-прежнему золотыми иглками. Такие же грандиозные достижения в пульсовой диагностике: было известно 400 видов пульса. По пульсу определялась любая болезнь. Существовала теория профилак-

тики болезней при помощи закаливания организма. Автор названной теории первым использовал и наркоз во время операции. От той эпохи дошло 35 трактатов – в сущности, энциклопедий – по различным болезням.

Технология выплавки чугуна существует здесь с IV в. до н.э., технология выплавки стали – со II в. до н.э. В V в. в Китае научились сплавлять чугун и сталь – это тот процесс, который в Европе Пьер Мартен разработал только в 1863 году. Фарфор (также лучший в мире) китайцы стали делать в I в.

Насос для подъёма воды упоминается китайскими летописцами в I в. до н.э. Природный газ для отопления и освещения используется здесь с IV в. до н.э. Спички в Китае создали в VI веке, а в Европе – в XVI в. (шведские, то есть современные, в XIX в.) Первые механические часы появились в Китае в VI в. Бумажные деньги здесь уже существовали в VIII в. Арбалет, веер, зонтик, порох, ракета, фейерверк, граната, воздушный змей, парашют, пропеллер, зубная щетка, туалетная бумага – все из Китая [3].

Для культурного развития Китая, всей Восточной Азии и всего мира Цинь-Ханьская эпоха имела такое же значение, как и эпоха Античности для Европы. Древнекитайская культура заложила основы традиций, сохранившихся на протяжении всей многовековой истории Китая – вплоть до нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслов, А.А.* Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз / А.А. Маслов. – Москва, 2006.
2. *Прокопенко, И.С.* Тайны древних цивилизаций / И.С. Прокопенко. – Москва, 2015.
3. *Шамякина, Т.И.* Китай уже не далекий / Т.И. Шамякина // Неман. – № 3. – 2015. – С. 14–128.

Шунейко Е. Ф.

ДОСТИЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В развитии современного изобразительного искусства Китая живопись маслом играет значительную эстетическую и идейно-воспитательную роль. Ее истоки берут свое начало с XVI века, с момента проникновения в Китай первых европейских монахов-миссионеров, которые также были и одаренными художниками. Но в XX веке масляную живопись уже по праву можно считать вполне сформировавшимся национальным художественным явлением великой дальневосточной страны. Особо ярко и многообразно зарекомендовал себя этот вид живописи, начиная с конца 1970-х гг., когда началось активное творческое преодоление последствий «культурной революции». Процесс плюралистических поисков и находок не прекращается и по сей день, обогащая китайскую живопись все новыми темами и образными решениями, которые порождают дискуссии,

споры, способствуют демократическому развитию культуры. В представленной публикации основное внимание уделено современным китайским художникам среднего поколения, которые являются представителями реалистического направления в живописи и получившие большую известность. Это Сюй Вэймин, Ван Хунтян, Суй Сянян, Сю Вэйсин, Син Дунван и др. В своих многочисленных произведениях они изображают повседневные сцены из жизни города и деревни, показывают те значительные перемены, которые произошли в стране за последние десятилетия XX века и в начале XXI века. Художники пристально всматриваются в жизненные реалии и находят там своих героев, очень убедительных, социально характерных, органично связанных с той средой в которой они родились, трудятся, придерживаются традиционных ценностей и позитивно воспринимают все инновации, которые постоянно происходят в их стране. Произведения китайских художников-реалистов отличаются высоким профессиональным уровнем, яркими колористическими качествами и уверенной техникой исполнения. Они считают себя продолжателями традиций европейского реализма XIX и XX веков, а также последователями старейших китайских мастеров-реализма XX века. Очень многое в их творческом методе роднит их с белорусскими мастерами реалистической живописи, что предполагает в дальнейшем расширение и развитие плодотворных художественных связей. В публикации приводятся примеры литературных источников на русском и китайском языке, которые свидетельствуют о начале исследований данной актуальной проблематики современными искусствоведами. В публикации также содержатся выводы о том, что китайская реалистическая живопись прошла очень большой творческий путь становления и развития и является в настоящее время неиссякаемым источником образных идей и открытий, самым непосредственным образом связанных с многообразной действительностью великой дальневосточной страны.

Ключевые слова: масляная живопись, реализм, прогрессивные китайские художники, традиции и новаторство, многообразные жизненные темы, образы современников, творческие поиски и находки, китайско-белорусские художественные связи

Key words: oil painting, realism, progressive Chinese artists, tradition and innovation, diverse life themes, contemporary images, creative searches and finds, the Chinese-Belarusian artistic communication

Современную художественную жизнь Китая невозможно представить без регулярных живописных выставок, которые всегда попадают в центр общественного внимания. Масляная живопись, в отличие от традиционного искусства, подвластна большим экспериментам и ее определяют часто разными необычными терминами: "Шрам искусства", "Форма революции", "Политический Поп", "Поп-реализм", "Яркое искусство" и др. Очевидно, что китайская живопись вносит в жизнь необходимую дискуссионную волну, помогает осознавать разные явления истории и современности, помогает представить развитие лучших явлений в будущем. Некогда быстрое развитие стиля современного искусства, в отличие от

традиционного национального стиля китайских картин, вызывало много беспокойства. Однако, активное использование масляной живописи в современной китайской живописи стало убедительным доказательством того, как изобразительное искусство может воспринимать лучшие достижения европейской культуры и интегрировать их до уровня неповторимых эстетических особенностей дальневосточной страны.

Для осознания всей значительности этого творческого явления следует обратиться к далекой истории творческих взаимосвязей. Проникновение в Китай западной живописи изначально является результатом культурной миссионерской деятельности. Первая европейская картина была ввезена в Китай, вероятно, в период Мин. В 1579 г. итальянский миссионер-иезуит Руджьери привез в Макао, Гуандун, Чжаоцин и другие города большое количество христианских икон, что вызвало общее изумление и достаточно противоречивые мнения. Западное искусство тогда воспринималось как некая иностранная, «варварская экзотика».

В период Цин благодаря стараниям западных миссионеров в Китае, таким как Маттео Риччи, Джузеппе Кастильоне, появились новые картины. Они произвели большее эстетическое воздействие при дворе императоров манчжурской династии. Появилась экспериментальная идея слияния китайской и западной живописи, например, в серии портретов, написанных масляной краской, изображавших императорских наложниц, генералов. В г. Макао была создана икона «Богородица Гия» для христианской часовни, а также появились католические библейские фрески, но в китайской технике изображения. Это были первые симптомы взаимного сближения китайской и западной живописи. Но потребовалось еще пережить более ста лет, чтобы эти две техники, два самостоятельных метода такого ведущего вида изобразительного искусства как живопись в Китае начали существовать параллельно, взаимно дополняясь и обогащаясь.

В 1890-х гг. в Шанхае, одном из самых европеизированных китайских городов, появились первые школы с западной методикой преподавания основ живописи. Это стало следствием интеллектуального подъема. Требовалось изменить отношение к исключительности канонических традиций китайского Средневековья, которые уже начали тормозить развитие искусства. Их поборники категорично отвергали всякие новшества, что вело к изоляционизму и отставанию некогда передовой страны от цивилизованного мира.

В начале XX в. в китайском обществе наблюдается подъем интереса к обучению живописи за рубежом, в основном, в Японии, США, Франции и других европейских странах. Среди первых дальневосточных художников, получивших профессиональное европейское образование, было много молодых китайцев. Но это еще не гарантировало того, что практическое ознакомление с основами европейской живописи маслом приведет к созданию реалистических произведений. Перед Второй мировой войной Франция была центром западного искусства, куда иностранные студенты-художники стремились как к священной земле свободного творчества. Туда направлялись и китайские студенты, чтобы приобщиться к профессиональным тайнам самого передового искусства в мире. Среди них был и будущий лидер реалистического искусства Сюй Бейхун, который приехал в 1919 г. в Париж, чтобы учиться живописи.

В 1910-х гг. в Китае уже существует профессиональная подготовка обучения искусству с учетом западных методик. Можно было начинать заниматься новыми живописными поисками уже на родине. В Шанхае создается Академия художеств по подготовке учителей. Здесь же создается Ассоциация исследования восточного искусства для адаптации и продвижения западных направлений живописи. В 1920-х гг. появились и другие известные творческие коллективы, как, например, Шанхайский клуб. Художник Лю Хайсу был одним из его организаторов. Цель этого сообщества – «приводить традиционную культуру в соответствие со временем новаторских перемен».

На творчески-напряженном фоне своего времени начинает вырисовываться значительная творческая личность Сюй Бейхуна. Молодой художник отправился во Францию для изучения современного европейского искусства. Он придерживался следующей идеи: «Тот, кто поддерживает модернизацию, не должен быть слепым разрушителем традиций своей страны, ибо только то, что приемлемо без разрушения, и есть настоящая модернизация». Поэтому он в большей степени был заинтересован не только в усвоении ультра-современных стилей в искусстве, но целеустремленно изучал классическое искусство реалистической направленности. Он быстро заполнил своим творчеством пустой раздел китайской картины маслом, он ввел в него свой авторский реализм, возвысив масляную живопись в стиле реализма на принципиально новый уровень. В основу трансформации традиционной китайской живописи на современный язык изобразительности он положил принцип реалистичных художественных интеграций в китайской живописи и возглавил реалистическое направление, которое в переходных для культуры условиях первой половины прошлого века стало основным и наиболее востребованным.

В данном контексте современного творчества основное внимание уделяется ведущим мастерам реалистической школы, которые окончили в конце 1960-х – начале 1990-х гг. отделение живописи Центральной академии изящных искусств в Пекине, а сейчас занимают профессорские должности и руководят творческими мастерскими в академиях Пекина, Сианя, Шанхая и Харбина, играют активную роль в творческом и выставочном процессе. Об их творческих достижениях создаются монографии, альбомы, журнальные статьи, выпускаются популяризаторские видеоматериалы.

В отличие от других художников, которые предпочитают разные популярные методы вестернизации искусства (гиперреалистическая фотографичность, экспрессивный абстракционизм и т.п.), эти представители так называемой «жизненной обыденности» придерживаются принципиально иных идейно-образных начал. Все они являются учениками учеников тех значительных художников, которые учились в высших художественных заведениях Советского Союза. Поэтому их объединяет раскованная и смелая манера живописи, колористическое богатство цветовой палитры, искренняя привязанность к изображению сцен из жизни трудового народа города и деревни. Своих героев они находят прямо на улицах, в транспорте, во время работы и т.д. Их меньше всего волнует «гладкое письмо» и надуманные сюжеты с обнаженными аллегорическими героями. Они

работают с натуры, и многие современники, не претендующие на внешнюю импозантность, имеют несравненно большие шансы стать их моделями. Художники зачастую создают свои групповые композиции, поочередно изображая с натуры во весь рост в натуральную величину типичных и колоритных рабочих, шахтеров, студентов и др., приглашая их попозировать без всяких прикрас у белого, только что начатого холста.

Но такое отношение к творческому процессу отнюдь не является примером «бескрылой фантазии». Художники таким образом самоустраиваются от студийных живописных «штампов», вычурного украшения. В один голос они боготворят их идейного вдохновителя Сюй Бэйхуна, других своих маститых учителей и предшественников. Ценят их профессиональный уровень, который направлен на выявление в современном искусстве тех сторон жизни, которые невозможно передать изобразительными живописными средствами без умения и опыта изображать трехмерное пространство и образ человека в этом пространстве, другие нужные формы и предметы для решения той или иной художественной задачи.

У них сложилось очень почтительное отношение к искусству особо значимых европейских мастеров прошлого, которые определили своим творчеством развитие искусства на многие столетия вперед. Это – Веласкес, Рембрандт, Густав Курбе, Эдуард Мане, Ван Гог. Из русских мастеров живописи «золотого века» (второй половины XIX – начала XX вв.) им очень близок Илья Репин и другие великие реалисты, у которых всегда можно многое почерпнуть как в профессиональном, так и в жизненно убедительном отношении к творчеству. Благодаря такому отношению, самое простое и неброское в реальности становится в образном мире их изобразительного искусства неотразимо привлекательным.

Если внимательно присмотреться к образам их произведений, обладая живыми представлениями о величайших европейских первообразах, можно легко ощутить определенную идейную связь, ненавязчивую ассоциативную близость их героев к французским, испанским, русским и другим представителям трудового народа разных стран, скромным носителям лучших человеческих качеств, которых великая кисть художников возвысила навсегда до ранга живописных шедевров. Не случайно у реалистов разных стран существовало изречение, что лохмотья одежды бездомных странников, освещенные солнцем, имеют большую ценность для живописной правды, чем мантии королей под мрачными сводами их старомодных и помпезных дворцов.

С творчеством современных белорусских реалистов их потенциальные китайские единомышленники практически не знакомы. Но даже одна-две выставки белорусской живописи в Пекине и других крупных художественных центрах могла бы решить эту проблему. Например, такой известный минский художник как В. Шкарубо имел возможность показать свои пейзажи в Пекине в начале 2000-х гг., и одно из его произведений было приобретено для всеобщего обозрения, как достойный пример профессиональной живописи. Но это может быть только хорошим началом с большой перспективой развития. Не исключено, что произведения китайских реалистов также могут быть неоднократно экспонированы в Беларуси для того, чтобы получить должную оценку и признание. Кстати

будет сказать, что все, даже очень известные китайские художники, – очень скромные и уважающие своих зрителей личности (по личным впечатлениям автора этой публикации). С ними легко общаться и обсуждать их произведения с любой точки зрения. Это приносит всем и радость живых впечатлений, и возможность эстетически развиваться. Ведь, как говорят в Китае, «Истина лежит на пересечении тысячи дорог».

Благодаря проведению выставок китайской живописи, ознакомлению с многочисленными монографиями и альбомами, посвященными самым характерным и значимым произведениям художников жизненной правды, созданных на переломе столетий и в начале нового столетия, можно утверждать, что реалистическое искусство в современном Китае является ведущим стилем профессионального творчества. Реалистические произведения неоднократно выставлялись на крупнейших всекитайских выставках, многие из них могут претендовать на право стать этапными для развития современного китайского искусства. В рамках одного искусствоведческого материала невозможно охватить все аспекты художественных поисков, но есть реальная возможность сконцентрировать внимание на самых известных авторах, изобразивших мирную трудовую и праздничную жизнь китайского народа.

Сюн Вэймин (1951 г. р.) является живописцем, который постоянно ищет и находит жизненные темы, образно раскрываемые посредством игры света и тени. Он часто обращается к многофигурным композициям, где люди собираются, отдыхают, читают книги, обсуждают свои семейные и общественные дела на природе, живописно расположившись в тени деревьев, прямо на пригретой солнцем земле. Теплые и холодные блики, рефлексии на фигурах, лицах придают образам разные оттенки настроений, эмоций, как радостных, так и более сложных, самоуглубленных.

В своей этапной картине «У лотосового пруда в августе» (1995) он изобразил мать и дочь за любимым занятием на парковой лавке. От книг исходит образный свет, который обладает большим живописным значением, он как бы распространяется на картинной плоскости вместе с солнечными лучами. В дальнейшем художник не утомляется использовать оживляющее, оптимистическое воздействие тепло-холодных живописных градаций в его известных работах «Два молодых человека» (2005), «Семь девушек» (2006) и др.

Художник специально избирает в композициях вид сверху, что позволяет изобразить очень большое пространство земли и фигур, освещая искристым живописным светом то, что радует его в природе и людях. Например, в своей самой многофигурной композиции «Яблоки созрели» (2006) он написал 19 фигур сельских жителей, которые присели и прилегли на минутку во время сбора урожая. Простые, как говорится, неутомимые труженики по-настоящему могут радоваться жизни, и живопись художника в этом искренне убеждает.

Ван Хунтян (1957 г. р.) является отличным мастером реалистического рисунка, владение которым позволяют ему создавать хорошо прорисованные, тонально проработанные композиции. Они посвящены трудовым будням жителей отдаленных провинций, куда еще не пришли современные технологические новшества. Вместо мощных машин и тракторов – волы, мотыги, ручные тележки и

т.п. Движения фигур рыбаков, пастухов, сельских торговцев несколько замедлены, настроение их задумчивое, даже отрешенное от жизненных перемен. Они обычно показаны в пустынном окружении в серых сумерках или днём на фоне холодного неба без единого облачка. Работа «Плато Гуаньчжуань» (1995), которая была посвящена возвращению с работы отца и сына по утопанной тропинке среди бескрайнего поля, принесла ему заслуженный успех. И художник уже не бросает близкой ему темы. Меняются только сами персонажи, а среда их обитания как бы застыла в неизменности.

Например, незабываемым живописным кадром из обыденного и скромного мира является работа под названием «Ограда» (1992). Старый крестьянин стоит у высокого частокола и держит в руках внука. На него падает живописный луч света в сером и отнюдь не зажиточном окружении. И благодаря этому свету все оживает, становится значимым, многоговорящим. Естественно, что подобные «живописные кадры» начинают множиться и не перестают приводить в восторг зрителей. Не надо удивляться тому, что в живописи создается бесконечная серия одиноких странников и тружеников полей. В отличие от европейских, китайские художники предпочитают работать над сериями картин, количество которых может достигать ста и более экземпляров. Ван Хунтян в этом смысле действует вполне объяснимо для своих соотечественников. Некоторые критики пытаются найти аналогии его творчества с американским гиперреализмом, но сам мастер признает только свои идейно-образные связи с французскими реалистами Г. Курбе и Ф. Милле. Очень дороги ему, как прекрасному мастеру рисунка, также примеры ренессансного творчества Рафаэля.

С 2000-х гг. художник создал ряд произведений, которые были настоящим открытием новых (ранее не изображаемых) сюжетов из современной, но и вполне традиционной китайской жизни. Среди них: «Свадебный банкет в крестьянской семье» (2002), «Рыбаки на реке Хуанхэ» (2004), «Зимнее путешествие» (2006) и др. В основе каждой картины есть достоверное жизненное начало, поэтому даже самое камерное событие, как считает художник, может дать очень образный материал для творчества, тем более в такой большой и колоритной стране, какой является Китай.

Сун Сянян (1963 г. р.) проявил себя как мастер многофигурных композиций с изображением праздников и ритуалов. Его картина «Базар фонарей в городе Чанчань» (1995) и сегодня является образцом развернутого по горизонтали образного действия (60x160 см), в котором главными героями являются продавцы с шестами, на которых, словно диковинные восточные плоды, пучками прикреплены шарообразные бумажные изделия. Не уступает по выразительности и другая его крупномасштабная композиция «Встреча невесты» (1995, 70x160 см). По сельской дороге уверенно шагает барабанщик, украшенный красными лентами, а на заднем плане едет микроавтобус с приданным. Родственники невесты идут рядом с транспортом и принимают поздравления многочисленных сельских жителей, для которых очередная свадьба является ярким событием в жизни.

Очень увлекает художника связь сельских жителей с домашними животными, которые, как настоящие четвероногие и неразлучные друзья, сопровождают своих хозяев в поле, на сельских дорогах и на улицах деревень. Об этом

повествуют его картины «В один из зимних дней» (1990), «Улица Литана» (1991), «Крестьяне» (1993), «Солнце в этом году» (1997) и др.

Сю Вэйсин (1967 г. р.) неоднократно обращается в своих картинах к образам мужественных китайских шахтеров, представителей очень тяжелой профессии, сопряженной с постоянным риском (как воины во время сражения). Пожалуй, это самые героические образы людей по теме трудовых будней в современной реалистической живописи Поднебесной. Например, его этапная работа «Спасенный рабочий угольной шахты» (2006, 200x250 см) показывает шахтера с перебинтованной головой и с кровавыми подтеками на лице. Но он, тем не менее, не снял свой защитный шлем с фонарем и готов снова спуститься в шахту. В изображении этого сычуаньского шахтера нет ничего надуманного. Художник неоднократно был среди простых и достойных уважения рабочих, рисовал их с натуры. Поэтому его образы воспитывают настоящую самоотверженную любовь к труду, что является великой традицией демократического реализма. Для расширения представлений о многочисленных народностях, живущих в Китайской Народной Республике, художник изображает групповые портреты женщин в национальных нарядах, с ярко выраженными этническими чертами лиц жительниц гор и степей. В период реформ 1980-х гг. многим художникам было рекомендовано изображать темы из жизни автономных округов и национальных меньшинств. Но в конце 1990-х гг. уже лично по своей инициативе и по зову реалистической направленности не забывая про самых скромных и малоизвестных «маленьких народностей» талантливый живописец продолжает эту просветительскую тему. Большим достижением в этом направлении стал его цикл картин «Святая Лхаса» (1995–1997), где мы видим многочисленных представительниц тибетского автономного округа, очень торжественных и романтически возвышенных.

Джен И (1970 г. р.) несколько отличается от других реалистов пристрастием к однофигурным композициям. Его герои обычно находятся на поле с зарослями кукурузы, табака или кустов красного гаоляна (почти как в популярном одноименном фильме «Красный гаолян» 1988 г.). Застывшие позы, драматическое напряжение в лицах, сжатое в руках древко от вил заставляет увидеть и почувствовать в одиноких фигурах преимущественно пожилых людей нечто монументальное и возвышенное. Они, словно живые памятники народному трудолюбию крепко стоят на родной земле. И сами названия его работ «Вместе под синим небом» (1998), «Осенняя вода» (2000), «Горячее солнце парит» (2003), «Ожидания сбора урожая» (2004) и др. красноречиво говорят о том, что на родном поле есть место не только потомственному крестьянину, но и современному художнику, который здесь может собрать неограниченный «творческий урожай».

Син Дунван (1955 г. р.) самый большой поборник широкой и демократичной городской тематики, которую символизируют в его картинах люди пригородов и окраин китайских мегаполисов. Он без усталости бродит по разным закоулкам, заходит в самые дешевые закусочные, долго стоит на остановках, вглядываясь в лица прохожих. Его этапная картина «Пораньше» (2004) вводит зрителя во внешне неприглядную атмосферу общепитовского заведения, где никто не позировает и не делает вид преуспевающего бизнесмена. Прямо на улице расположены

столы, и горожане, которые торопятся по своим делам, сидят за ними и наспех закусывают. Их еда – скромная чашка чая, блюдо из риса или макарон. Но именно такая среда и дарит мастеру «живые картины» реальности, которые можно создавать, практически ничего не надумывая и не отвергая. Зрители также очень ценят «своего художника», который сумел увидеть их времяпровождение с самой близкой дистанции.

Живописец практикует рисование с натуры уличных персонажей непосредственно в своей мастерской. Он их изображает по очереди во весь рост на больших холстах в статичных фронтальных позах до тех пор, пока не остается свободного места. Тогда, по мнению автора, данная документальная картина жизни завершена, и он приступает к следующей. Так были созданы его очень популярные и впечатляющие портреты-картины «Отец и сын» (2004), «Рассеянный» (2004), «Модницы» (2004), «Рабочие-отделочники» (2005) и др.

Таким образом, авторитетные и талантливые художники создали мощную творческую платформу, которая укрепляет живописные позиции реализма. Их можно бесконечно модернизировать, улучшать, совершенствовать. Но уже созданное всегда будет примером, живым откликом на реальность и никогда идейно и эстетически не устареет, не потеряет своей силы образного воздействия. В художественной культуре двух далеких стран, Беларуси и Китая есть то общее, что называется реалистическим искусством. Реалистическая живопись Беларуси и Китая имеет большие исторические традиции, истоки которых связаны с творчеством французских художников-первопроходцев XIX в. Она прошла большой исторический путь развития, связана со многими творческими достижениями. На надежной и методически выверенной реалистической основе базируется успешная профессиональная подготовка большинства современных белорусских и китайских художников-живописцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Фэй. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: автореферат. дис. канд. искусствоведения: 12.02.06/ Ван Фэй; Моск. гос. ун-т культуры и искусств [Электронный ресурс]. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sovremennoe-iskusstvo-kitaya-v-kontekste-mirovogo-khudozhestvennogo-protssessa>.
2. Джан Далей. Изобразительное искусство Китая конца XIX – XX столетий: национальное культурное наследие и влияние европейских традиций / Джан Далей. – Минск: Энциклопедикс, 2007.
3. Шунейко, Е.Ф. Диалог культур и современное искусство / Е.Ф. Шунейко // Актуальные проблемы искусства т современной художественной школ Беларуси в условиях глобализации культуры: материалы Междунар. науч-теор. конф., Мн.: Бел. Гос. акад. искусств 2008. – С. 161 – 165.
4. Шунейко, Е.Ф. Новые направления в китайском изобразительном искусстве XX – нач. XXI вв. / Шунейко Е.Ф. // Пути Поднебесной: сборник научных трудов, выпуск II. – Минск: РИВШ, 2011. – С.254-256.
5. Русско-Китайская современная живопись / Журнал Харбинского творческо-

промышленного парка. – Харбин, 2012. – №2.

6. *Люй Пэн, И Дань*. История искусства современного Китая. --Чанша: Народное художественное издательство Хунан, 1992. = 吕澎、易丹《中国现代艺术史》长沙：湖南美术出版社，1992年，374页。

7. *Лу Хун*. Китайский авангард искусства. -- Шицзячжуан: Народное художественное издательство Хэбэй, 2006. = 鲁虹《中国先锋艺术》石家庄：河北美术出版社，2006年，448页。

8. *У Шань*. Китайский художественный словарь -- Нанкин: Художественное издательство, 1990/ = 吴山《中国工艺美术大辞典》南京：南京美术出版社，1999年

9. *Хун Цзайсинь*. Китайская художественная история. -- Ханчжоу: Издательство художественного института Китая, 2000. = 洪再新《中国美术史》杭州：中国美术学院出版社，2000年。

**СТРАНОВЕДЕНИЕ КИТАЯ –
ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ И ВЗАИМОПОНИМАНИЮ**

ГОЛАС ПАДНЯБЕСНАЙ: ФАРМІРАВАННЕ МЕДЫЯВОБРАЗУ КРАІНЫ Ў МІЖНАРОДНЫМ ВЯШЧАННІ КІТАЯ

У артыкуле разглядаюцца асноўныя прынцыпы функцыянавання міжнароднага вяшчання Кітая ў сучаснай медыяпрасторы. Вяшчанне за мяжу традыцыйна накіравана на стварэнне сатноўчага вобраза краіны-вяшчальніка. Зараз стратэгіі замежнага пазіцыянавання ў КНР істотна змяняюцца: зніжаецца ўзровень прапандысцкага ціску, выкарыстоўваецца тактыка «мяккай сілы». Нацыянальная ідэнтычнасць з'яўляецца нед'емным складнікам медыявобраза Кітая на міжнароднай арэне.

Ключавыя словы: *міжнароднае вяшчанне Кітая, «мяккая сіла», медыявобраз краіны, нацыянальная ідэнтычнасць.*

There are the main principles of international broadcasting functioning in China in modern media landscape in the article. Traditionally broadcasting beyond borders is aimed to create a positive image of broadcasted country. Today the strategies of China's international presenting are changed seriously: the level of propaganda is reduced and the tactics of «soft power» is invented. National identity is inevitable part of Chinese media image abroad.

Key words: *Chinese international broadcasting, «soft power», country's media image, national identity.*

Нацыянальная ідэнтычнасць з'яўляецца асновай «адзінага стратэгічнага дызайну» краіны. Гэта значыць, што кожны элемент у іміджавым праекце суадносіцца з цэнтральным паняццем – ідэнтычнасцю, вырацаванай і выразна сфармуляванай на аснове геаграфічных, гістарычных, нацыянальных і іншых асаблівасцей дзяржавы [7, с. 80]. Разам з такімі важнымі аспектамі, як знешняя палітыка, дыпламатыя, дзейнасць прадстаўніцтваў і культурных цэнтраў за мяжой для падтрымкі станоўчага іміджа краіны патрабуецца праца на знешнім медыярынку, паколькі масавасць і агульнадаступнасць СМІ спрыяе папулярызцыі дзяржавы за мяжой.

Міжнароднае або замежнае вяшчанне, адрасаванае аўдыторыі іншых краін, першапачаткова заклікана быць «голосам» сваёй краіны і па сёння не страчвае гэтай функцыі. Сучасны Кітай лічыцца адным з найбуйнейшых міжнародных вяшчальнікаў, поруч з Вялікабрытаніяй, ЗША, Францыяй. Кіраўніцтва кітайскай дзяржавы ў значнай ступені актывізуе знешнія медыярэсурсы, што прадугледжвае інтэнсіўнае развіццё і рэфармаванне сістэмы замежнага вяшчання, «змену градуса ідэалагічнага ўздзеяння» [5].

З 2008 года ў Кітаі дзейнічае праект развіцця сістэмы вяшчання на замежныя краіны. Ён маніфестуе ўзмацненне працы за мяжой цэнтральных СМІ Кітая. У 2009 годзе ганконгская газета «Саўс Чайна Монінг Пост» паведаміла, што Пекін інвесціруе каля 45 млрд юаняў (\$ 6,6 млрд) у мадэрнізацыю чатырох галоўных крыніц інфармацыі – цэнтральнага кітайскага тэлебачання CCTV, Міжнароднага

радыё Кітая (CRI), інфармацыйнага агенцтва «Сінхуа» і міжнароднай англамоўнай газеты «Чайна Дэйлі» [1].

Такім чынам Кітай вельмі хутка павялічвае прысутнасць свайго голасу ў міжнароднай медыяпрасторы і прэтэндуе на статус міжнароднага вяшчальніка глабальнага маштабу. Кітай распаўсюджвае свой голас па ўсім свеце з дапамогай разнастайных камунікатыўных стратэгий і прэзентуе сябе як краіну са старажытнай гісторыяй і вызначаным палітычным курсам. У адрозненне ад многіх еўрапейскіх краін, якія паменшылі аб'ём замежнага вяшчання пасля завяршэння «халоднай вайны», Кітай, наадварот, стаў павышаць сваю прысутнасць у сусветнай медыяпрасторы. На сёння Міжнароднае радыё Кітая (МРК) – гэта адна з буйнейшых у свеце шматмоўных медыяструктур (вяшчанне вядзецца на 62 мовах), якая рыхтуе не толькі радыёпраграмы для трансляцыі на кароткіх і сярэдніх хвалях, праз мабільнае і інтэрнэт-вяшчанне, але таксама займаецца выпускам тэлеперадач і друкаваных выданняў. Маркетынговая стратэгія кітайскага медыягіганта прадугледжвае шырокую прысутнасць МРК у розных формах на міжнароднай арэне. У прыватнасці, кітайская служба валодае 40 замежнымі карэспандэнцкімі пунктамі і прадстаўніцтвамі, мае каля 60 даччыных замежных радыёстанцый і 18 каналаў інтэрнэт-радыё, наладзіла партнёрства з больш чым 160 радыёстанцыямі на розных кантынентах і заснавала 15 радыёшкол Канфуцзя [2]. Кітайскі голас гучыць не толькі для буйных краін і на мовах вялікай колькасці носьбітаў. Так, у 2009 годзе пачала працу беларускамоўная інтэрнэт-старонка Міжнароднага радыё Кітая, дзе публікуюцца навіны краіны і сусветныя навіны, раздзел «Калейдаскоп падзей» з пазнаваўчымі матэрыяламі [4]. Таксама там размешчаны спасылкі на раздзелы «Урокі кітайскай мовы» і «Усё пра Кітай», дзе працуе інтэрфейс на рускай мове, паколькі рускамоўны партал Міжнароднага радыё Кітая больш развіты.

Праца з замежнай аўдыторыяй вельмі важная для КНР, замежнае вяшчанне – частка кітайскай «мяккай сілы». Мяккая сіла па-кітайску – гэта, перш за ўсё, праца на спрыяльны імідж і інфармацыйнае суправаджэнне кітайскіх эканамічных праектаў [5]. Правядзенне палітыкі рэформаў і адкрытасці на працягу апошніх трыццаці год прывялі міжнароднае вяшчанне Кітая да прынцыпу «збалансаванай прапаганды». Паводле гэтай тэорыі, неабходна адмовіцца ад «перманентнага стварэння велічнага вобразу Кітая», што патрабуе не толькі асвятляць поспехі і станоўчыя бакі, але і надаваць увагу крытыцы, гаварыць пра няўдачы, паказваць недахопы. Тым не менш, асновай журналісцкай працы застаецца прынцып «адзінства па важных пытаннях для абароны інтарэсаў краіны і партыі» [3]. Па меры ўзмацнення кітайскай эканомікі, Пекін надае ўсё большае значэнне свайму нацыянальнаму іміджу: яго паляпшэнне і эканамічнае развіццё дзяржавы цесна ўзаемазвязаны.

Так, адзін са спосабаў прэзентацыі самабытнасці нацыі і прыцягнення масавай аўдыторыі грунтуецца на турыстычнай тэматыцы ў адпаведных праграмах, накіраваных на стварэнне пазітыўнага медыявобразу краіны ў свеце. Асаблівасці кітайскага эфіру даволі ярка праяўляюцца ў кампаратывісцкім аспекце. У нашым выпадку аб'ектам аналізу выбраны перадачы «Падарожжы па Кітаі» (Міжнароднае радыё Кітая, КНР) і «Турысту на заметку» (міжнароднае радыё

«Беларусь», РБ) [6]. Абедзве праграмы маюць падобныя фарматы: яны арыентаваны на рускамоўную аўдыторыю, працягласць кожнай з іх каля 10 хвілін, выходзяць раз на тыдзень з мэтай зацікавіць слухачоў, патэнцыйных турыстаў культурай, гісторыяй, прыроднай разнастайнасцю сваёй краіны, што і дае падставы для правядзення іх супастаўляльнага аналізу.

Сёння перад аўтарамі праграм «Турысту на заметку» і «Падарожжы па Кітаі» стаіць задача не толькі пазнаёміць слухачоў з нацыянальнымі асаблівасцямі Беларусі і Кітая, але і падкрэсліць дынамічнае развіццё краін у эканамічнай, сацыяльнай і іншых сферах. Так, нярэдка ўвага акцэнтуюцца на высокім узроўні інфраструктуры, створанай каля турыстычных аб'ектаў. У Беларусі гэта тэндэнцыя найбольш часта выяўляецца ў праграмах, прысвечаных аграэкаатурызму. Ва ўмовах прыроднага багацця краіны з'яўляецца перспектыўным напрамкам. Вядучы праграмы заўважае, што перад гаспадарамі аграэкаэкалогіі пастаўлена задача не проста забяспечыць чалавека жылём і харчаваннем, а стварыць цікавы і арыгінальны турыстычны прадукт, раскрыць глыбіню беларускай культуры; на тэрыторыі заказнікаў і іншых прыродаахоўных зон будуюцца экалагічныя сцэжкі, дзякуючы якім падарожжа па балочце становіцца больш даступным і прывабным і г.д.

У сваю чаргу, у праграмах на Міжнародным радыё Кітая акцэнтуюцца ўвага на інавацыйных дасягненнях, павышэнні ўзроўню жыцця насельніцтва: месцы адпачынку аснашчаны сучаснай тэхнікай, устарэлыя камунікацыі мадэрнізуюцца, павышаецца камфорт адпачынку і інш. У адным з выпускаў праграмы вядучы заўважае: (1) Раней для паездкі на цягніку ад Шэньчжэня да Сямэнь трэба было рабіць перасадку, патрабавалася 12 гадзін. (2) Зараз дарога займае толькі тры з паловай гадзіны, без перасадак. Карэнным чынам змяніліся сухапутныя транспартныя ўмовы ў раёнах дзвюх паўднёвых кітайскіх правінцый Гуандун і Фуцзянь (17.01.14).

Аўтары праграмы «Падарожжы па Кітаі» ставяць задачу разбурыць стэрэатыпы аб Кітаі як аб краіне з нізкім узроўнем развіцця. Таму карэспандэнты для стварэння рэалістычнага вобразу краіны не адмаўляюць мінулае (1), а падаюць яго ў кантрасце з прагрэсіўным «сёння» (2). Такім чынам журналісты інфармуюць аб сучасным высокатэхналагічным Кітаі і паралельна прэзентуюць радыёслухачам нацыянальную ідэнтычнасць, расказваючы пра адну з самых старажытных сусветных цывілізацый.

У той жа час аўтары праграмы «Турысту на заметку» імкнуцца даказаць, што Беларусь – гэта незалежная дзяржава з самабытнай культурай. Аўтэнтычнасць беларускай спадчыны была незаслужана забыта, таму што краіна не мела ўласнай дзяржаўнасці на працягу розных гістарычных перыядаў. Расійскія турысты звычайна едуць у Беларусь як у краіну былога Савецкага Саюза з ваенным мінулым і наведваюць гісторыка-культурны комплекс «Лінія Сталіна», мемарыяльныя комплексы «Хатынь» і «Брэсцкая крэпасць-герой». Але цяпер, акрамя гэтага, журналісты міжнароднага радыё «Беларусь» усё больш актыўна ўздываюць тэму фальклорнай спадчыны, расказваюць пра народныя святы, гістарычныя помнікі, якія захаваліся з часоў Вялікага княства Літоўскага і г.д.

Варта адзначыць і спосабы падачы інфармацыі ў эфіры Міжнароднага радыё Кітая і радыё «Беларусь». Праграмы «Падарожжы па Кітаі» факталагічна насычаны геаграфічнымі назвамі, дакладнымі датамі. Апавяданне вядзецца лінейна, па выпрацаванай схеме: у пачатку прыводзяцца базавыя факты пра аб'ект праграмы, затым ідзе апісанне ўласцівасцей гэтага аб'екта, таксама вядучы звяртае ўвагу на яго каштоўнасць для турыстаў. У перадачах адводзіцца мінімальная роля інтэрв'юіруемаму (рэпліка можа доўжыцца усяго 10–20 секунд).

У праграме «Турысту на заметку» выкарыстоўваецца іншая методика. Як правіла, карэспандэнт абмяжоўваецца невялікімі тэкстамі. Ён згадвае некалькі цікавых фактаў, толькі падрыхтоўваючы слухача да выступлення героя перадачы (працягласць рэплікі можа быць да чатырох хвілін), якому адводзіцца цэнтральная роля.

Такім чынам, прааналізаваны фактычны матэрыял паказвае, што прэзентацыя турыстычнага прадукту ў Беларусі і Кітаі грунтуецца на ўяўленнях пра нацыянальную ідэнтычнасць. Праграмы турыстычнай тэматыкі ў міжнародным радыёэфіры ствараюць імідж сучаснай, развітай, адкрытай дзяржавы, цікавай сваёй самабытнай і ўнікальнай культурай.

ЛІТАРАТУРА

1. *Алёшина, М.* Имидж по-пекински. Как Поднебесная продвигает свой образ / М. Алёшина, О. Горшкова // Российская газета. – [Электронный ресурс]. – 2015. – 25 июня. – Режим доступа: <http://m.rg.ru/2015/06/24/kitai-site.html>. – Дата доступа: 05.11.2015.
2. Международное радио Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/index.htm>. – Дата доступа: 19.09.2015.
3. *Михайлов, С.А.* Журналистика Китая / С.А. Михайлов, Ли Динсинь, ЧжанХэфэн, У Ли, Чиуджуэй-Хуэй.– СПб, 2006. – 599 с.
4. Міжнароднае радыё Кітая [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://belarusian.cri.cn>. – Дата доступу: 13.09.2015.
5. *Монастырёва, О.В.* Методы продвижения образа страны в практике «Международного радио Китая»: функциональные и творческие характеристики вещания на русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / О.В. Монастырёва. – Благовещенск, 2011. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/metody-prodvizheniya-obraza-strany-v-praktike-mezhdunarodnogo-radio-kitaya>. – Дата доступа: 17.09.2015.
6. Радыё «Беларусь» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.radiobelarus.tvr.by/be>. – Дата доступу: 13.10.2015.
7. Рожков, И., Кисмерешкин, Я. Бренды и имиджи / И. Рожков, Я. Кисмерешкин. – М, 2006. – 256 с.

Бригадина О.В.
(Минск, Беларусь)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ КИТАЯ

В статье на основе современных научно-теоретических исследований предпринята попытка анализа процессов культурной идентификации русскоязычной диаспоры в Маньчжурии. В центре внимания – город Харбин, где в начале 1920-х гг. было сконцентрировано русскоязычное население. Обращено внимание на деятельность многочисленных общественных, учебных и культурно-просветительских организаций.

Ключевые слова: *диаспора, культурная идентификация, Русская духовная миссия, издательство и периодическая печать, образование и наука, литература и искусство*

In the article the author attempts to analyze the processes of cultural identification of the Russian diaspora in Manchuria on the basis of the modern scientific and theoretical research. In the center of attention – the city of Harbin, the center of the Russian-speaking population in the early 1920-s. Attention is paid to the activities of numerous social, educational, cultural organizations.

Keywords: *diaspora cultural identity, Russian spiritual mission, publishing and periodicals, education and science, art and literature.*

Изучение феномена российской эмиграции, за которой утвердилось название первой «волны», приобрело на протяжении XX – начала XXI вв. важное место как в мировой науке, так и в общественном сознании. В обстановке перемен в советском/постсоветском обществе и расширения сферы интеллектуальной свободы в начале 1990-х гг. начали издаваться первые научные работы, отличающиеся объективным освещением проблемы и затрагивающие те аспекты российской эмиграции, которые длительное время оставались вне сферы интересов научной общественности. Исследователи обращают внимание на ценностные ориентации и психологические установки эмигрантов, проблемы деформации личности, взаимосвязи субъективных и объективных факторов в процессе интеграции эмигрантов к условиям новой среды и т.д.

Ученые стали уделять внимание и научно-категориальному аппарату, используемому при изучении данной проблемы [1]. Несмотря на очевидно частое употребление таких терминов, как “идентичность” и “идентификация” в научной литературе и средствах массовой информации, их определение зависит и от сферы исследования. Среди исследовательских направлений можно отметить следующие: философское содержание идентичности [2]; культурологическое [3]; социальное [4]; психологическое измерение данных терминов [5].

В условиях эмиграции неизбежно возникает проблемы осмысления своей идентичности: как стоит определять себя, необходимо ли принять иное гражданство, ассимилироваться и пр. По словам З. Баумана, человек задумывается об идентичности каждый раз, когда «он не уверен, где находится, то есть, когда он не уверен, ... как удостовериться, что люди вокруг приняли бы это как должное, так, чтобы

обе стороны знали, как действовать в присутствии, друг друга» [6, с. 60]. Культурная идентификация как процесс достижения идентичности, отождествления и приспособления формируется в процессе выбора своего места при межкультурном взаимодействии путем принятия определенного образа и модели поведения. Актуальнейшей задачей становится осознание системы собственных ценностей.

Эмигранты, рассматривая себя и свою деятельность как залог будущего возрождения своей Родины и культуры, вместе с тем оказали существенное влияние на мировую литературу, философию, живопись, музыкально-театральное искусство и т.д. В процессе переосмысления исторической судьбы России все явственней становилось убеждение, что зарубежная ее часть - это «сконцентрированная национально-культурная, религиозно-философская сущность России внутренней» [7, с. 178].

Исследование процессов адаптации эмигрантов к новой среде позволяет дополнить имеющиеся сведения о жизни российских эмигрантов, рассмотреть детали мира зарубежной России в различных его аспектах. Вместе с тем массовый характер и обостренность современных этнических миграций обуславливает необходимость владения сведениями об адаптации выходцев из другой культуры к культуре принимающей страны, так как эмиграция приводит к изменению статуса личности, ее социальных ролей и межличностных отношений.

Эмигранты, пребывающие в состоянии «культурного шока» в новых условиях, существенно отличались стратегиями построения образа жизни, что было обусловлено особенностями восприятия жизненной ситуации, спецификой ее субъективной оценки, доминирующими модальностями переживания ситуации отчуждения. В духовной сфере чрезвычайно важным было создание в рамках иной среды своей собственной культурной ниши, предоставляющей возможность психо-личностного и эстетического развития человека.

Деятельность по сохранению культуры и классического наследия прежней России, чтобы, вернувшись «туда», восстановить преемственность интеллектуального развития страны, интерпретируется самими эмигрантами как их миссия.

Один из центров русского расселения, которому суждено было сыграть важную роль в сохранении культурных ценностей и возрождении традиций прежней Российской империи, формируется в Маньчжурии.

Формирование русскоязычной диаспоры на Северо-Востоке Китая связано со строительством и эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX века. По российско-китайским соглашениям территория КВЖД считалась русской полосой отчуждения, где тысячи людей являлись российскими подданными, пользовались правами экстерриториальности, имели свою администрацию, суд, учебные заведения, банки и т.д. Были построены и заселены станции железной дороги и поселки, основан административный центр – г. Харбин. К 1916 г. только в Харбине из 68,5 тыс. населения проживало 34,2 тыс. русских [8, с. 4].

Послереволюционная волна эмиграции внесла значительные коррективы в общественно-политическую и культурную жизнь региона. 1920-е годы стали периодом количественного роста и структурирования русской колонии. В это

время возникли разнообразные корпоративные, благотворительные, культурно-просветительские, конфессиональные организации. Беженцы, не имеющие полноценного правового статуса, стремились минимизировать проблемы и сконцентрировать свои усилия, чтобы устроить более или менее достойную жизнь в новых условиях. В 1923 г. начал действовать Харбинский комитет помощи русским беженцам. Комитет помогал получить право на жительство, ходатайствовал перед властями о выдаче бесплатных паспортов, обеспечивал работой, оказывал медицинские услуги. Созданный как благотворительная организация, постепенно превратился в крупное общественное объединение. Вокруг комитета группировались различные союзы и общества. В 1923–1928 гг. на правах действительных членов в него входило свыше 70 организаций. В 1930 г. создан был отдел культурно-просветительский, основными направлениями деятельности которого являлись школьная, издательская и библиотечная работа. Открытая в 1930 г. публичная библиотека располагала богатым книжным фондом и была популярна среди русскоязычного населения: только за 1931–1938 гг. было зарегистрировано св. 125 тыс. книговыдач. Услуги библиотека оказывала за символическую плату: 30 центов с членов комитета, 50 – с остальных [9, с. 31]. Комитет стал центром культурной жизни диаспоры. Знаковыми событиями в его деятельности стали Дни русской культуры, которые традиционно начинались в день рождения А.С. Пушкина.

Значительную поддержку беженцам оказывала Российская духовная миссия (РДМ) в Китае. Еще в 1916 г. миссия ставила задачу расширения числа православных храмов в стране, способных привлечь к вере «любопытствующих язычников» проповедью на китайском языке. К 1917 г. в ведении РДМ находились Успенский монастырь в Пекине, подворья в Харбине, Дальнем и на станции Маньчжурия, 19 церквей, 5 кладбищ, духовная семинария в Пекине. В 18 мужских и 3 женских школах обучалось более 700 чел., из них 148 на полном содержании [10, с. 346]. Однако революция 1917 г. радикально изменила положение и самой Русской православной церкви, и миссии в Китае. В ноябре 1920 года она перешла в подчинение Зарубежному Синоду; была образована Пекинская и Китайская епархия во главе с архиепископом Иннокентием. С 1924 года миссия получила новое название – Китайская православная церковь (Чжунго дунгжэн – цзяо хуй). В 1922 году по решению Патриарха РПЦ Тихона была создана Харбинская епархия, которой стал управлять архиепископ Мефодий. При поддержке правления КВЖД новая епархия стала быстро разрастаться, к 1931 году в ее рядах насчитывалось 46 храмов и 2 монастыря. Несмотря на довольно сложные отношения между Харбинской епархией и РДМ в Китае из-за церковной собственности и раздела сфер влияния, свою основную миссию – помощь и поддержку нуждающимся – они исполняли по мере сил и возможностей постоянно.

Постепенно Харбин стал научным центром региона. Здесь работали ученые в самых различных областях знаний. Приоритетными являлись традиционные еще для дореволюционного времени право, техника и сельское хозяйство. Местная специфика и рынок труда обусловили развитие востоковедения и этнографии. Продолжало активную исследовательскую деятельность старейшее в Маньчжурии «Общество русских ориенталистов» (1909–1927 гг.). При его поддержке

был создан Институт ориентальных и коммерческих наук в Харбине (1925–1941 гг.), организовано Восточное отделение при Коммерческом институте. Заслуженным авторитетом в научных и деловых кругах пользовалось Маньчжурское сельскохозяйственное общество (1912–1927 гг.).

Следует признать, что для значительной части эмиграции в Маньчжурии важной задачей являлось восстановление физического и психического здоровья детей-беженцев. На средства благотворительных организаций, Красного Креста, Земгора создавались сиротские приюты, школы с полным пансионом, кассы взаимопомощи, службы страхования и охраны труда. Старшее поколение стремилось сохранить у молодежи, с одной стороны, знания о традиционной русской культуре, а с другой – сформировать профессиональные навыки, которые позволили бы им адаптироваться к новым условиям жизни. В начале 1920-х гг. в эмигрантской среде еще жила надежда, что приобретенные знания будут востребованы в будущей свободной России. Харбин стал крупным центром высшего образования русскоязычной молодежи. Одним из самых известных вузов города являлся Харбинский политехнический институт. Специалистов для КВЖД и китайских предприятий готовили Коммерческий и Технологический институты. Профессиональную подготовку многим молодым эмигрантам дал Харбинский юридический факультет. Историю, экономику, социологию, русское и китайское право здесь преподавали в соответствии с лучшими традициями российских дореволюционных университетов Устрялов, Рязановский и др. профессора. Международному уровню образования соответствовали также: Северо-Маньчжурский университет, Богословский институт св. Владимира, Харбинская консерватория. Студенчество объединялось в корпоративные союзы, наиболее влиятельным из них являлся дальневосточный филиал Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО).

В условиях свободы предпринимательства и относительной свободы слова (китайская цензура была номинальной, русская – отсутствовала) в Харбине развернулась активная издательская деятельность. Книжный рынок постоянно пополнялся изданиями краеведческого, экономического, юридического, философского характера. Издавалась учебная и методическая литература для школ и гимназий. Значительную часть печатной продукции составляла художественная литература. Книги выпускали многочисленные издательства: Товарищество «Заря», книгоиздательство «Пламя», типография «Меркурий» и др. Были широко известны в Харбине крупные книжные магазины: «Русско-Маньчжурская книготорговля», «Русское дело», «Русь» и библиотеки – Центральная при Управлении КВЖД, библиотеки при научных обществах и вузах города. В городе на русском языке выходили многочисленные газеты и журналы, ориентированные на разные социальные слои и общественно-политические интересы. Популярны среди населения были газета «Заря» (1920–1943 гг.), «Торговый бюллетень» Харбинской биржи, газета национально-патриотического толка «Русский голос».

Центрами интеллектуальной жизни Харбина являлись литературно-художественные общества и студии, которые издавали собственные журналы и альма-

нахи: литературно-художественный кружок при Коммерческом собрании – журнал «Сунгарийские вечера» (1923 г.), Харбинское литературно-художественное общество – журнал «Окно». Заслуженной популярностью пользовалось литературное объединение «Чураевка», созданное по инициативе поэта А. Ачаира (Грызлова). За годы существования «Чураевки» (1926–1935 гг.) в Харбине было выпущено более 60 поэтических сборников («Семеро», 1930; «Багульник», 1930; «Излучены», 1935), сформировалось самостоятельное дальневосточное литературное движение. После установления в Харбине власти Японской военной миссии объединение вынуждено было продолжить свою деятельность в Шанхае.

Новым явлением в культурной жизни «русского Харбина» стали вечера музыкального творчества, способствовавшие распространению европейской музыкальной культуры в Китае и Японии. Сформировалось молодое поколение вокалистов и композиторов: в Харбине начинали свою концертную деятельность О. Лундстрем, будущая звезда Голливуда Юл Бриннер, эстрадный исполнитель А. Вертинский и др.

В условиях эмиграции культура была тесным образом связана с идентичностью личности, формированию которой содействовало существование разнообразных центров, библиотек, издательств и учебных заведений. Императив «мы не в изгнании, мы – в послании» стал воплощением идейного и эмоционального тона эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сёмочкина, Е.И. Периодизация истории российской эмиграции / Е.И. Сёмочкина // Вестник Южно–Уральского гос. ун–та. Серия: Социально–гуманитарные науки. – 2007. – № 24. – С. 52–55.
2. Абушенко, В.Л. Идентичность / В.Л. Абушенко // История философии: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов; гл. ред. А.А. Грицанов. – Мн., 2002. – С. 382–387.
3. Николаев, В.Г. Идентичность / В.Г. Николаев // Культурология, XX век: энциклопедия // сост. С.Я. Левит; гл. ред. С.Я. Левит. – СПб, 1998. – С. 238–240.
4. Заковоротная, М.В. Идентичность человека социально–философские аспекты: автореф. дис. кандидата философ.наук: 09.00.11 / М.В. Заковоротная // Донской государственный университет. – Ростов–на–Дону, 1999. – 31 с.
5. Эрикссон, Э.Г. Идентичность: юность и кризис / Э.Г. Эрикссон. – М.: Изд. группа "Прогресс", 1996. – 342 с.
6. Bauman, Z. From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity / Z. Bauman // New York University [Electronic resource]. – New York, 2006. – Mode of access: <https://www.nyu.edu/classes/bkg/tourist/Baumann–pilgrim–tourist.pdf>. – Date of access: 02.01.2016.
7. Бригадина, О.В. Российские эмигранты первой волны (1920–1930–е гг.) о революции 1917 г. В России: источниковедческий анализ / О.В. Бригадина // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук.зб. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2002. – С. 178–186.
8. Аурилене, Е.Е. Российские эмигранты в Маньчжоу – Ди – Го / Е.Е. Аурилене // Исторический архив. 2003. – № 6. – с. 13-17.

9. Вараксина, Л.А. Из истории русской культуры в Харбине (По документам Госархива Хабаровского края) / Л.А. Вараксина // Отечественные архивы, 1999. – № 4. – с. 30-35.
10. Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 2. – Мифология. Религия – М: Вост. литература, 2011. – 869 с.

*Казакова И.В.
(Минск, Беларусь)*

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В докладе рассматривается экологичность традиционной культуры Китая, делается акцент на этике экологии и философии экологии, отражении их главных идей в философских учениях, живописи, поэзии и ритуально-обрядовой культуре.

Ключевые слова: *экологичность, этика экологии, философия экологии, традиционная культура, народная культура.*

The report examines the ecology of traditional Chinese culture, describes the environmental ethics and environmental philosophy, focuses on the reflection of their main ideas in the philosophical doctrines, painting, poetry and ritual-ceremonial culture.

Keywords: *environmentally friendly, environmental ethics, environmental philosophy, folk culture, traditional culture.*

Главная идея этики экологии и философии экологии, как отмечают китайские ученые Е Лан и Чжу Лянчжи, это «замена человеческого центризма» на «экологический холизм», это означает, что все живущие в биосфере Земли существа, наделены теми же правами, что и человек, или правом на выживание и развитие» [1, с. 33]. Исследуя традиционную китайскую культуру, мы можем увидеть, что с древних времен в Китае уделяли внимание экологическому сознанию, экологической этике и экологической философии. Это же в полной мере относится и к народной китайской культуре. В принципе, любая народная культура экологична. Однако глубокое осознание важности гармонии человека и окружающей его природы, постоянный поиск и сохранение этой гармонии присуще в большей степени именно китайской культуре, благодаря очень устойчивой, веками неизменной этико-ритуальной основе. В Китае этико-ритуальные принципы и соответствующие им формы поведения уже в древности были решительно выдвинуты на первый план и так гипертрофированы, что заменили даже идеи религиозно-мифологического мировоззрения, которые были характерны для всех древних обществ.

Ритуализация жизни на всех уровнях уже сама по себе экологична, так как она отвергает хаос, позволяет просчитать последствия любых действий и сохраняет традиции; делает жизнь более упорядоченной; помогает расставить главные акценты; подчеркивает важность и торжественность значимых (как для каждого человека, для каждой семьи, так и для народа в целом) моментов.

Русская исследовательница З.Г. Лапина подчеркивала экологичность института ритуала, «посредством которого вселенская личность вносила в социальную жизнь упорядоченность ритма природы, а человек выступал субъектом «вращения» самой жизни» [4]. З.Г. Лапина очень верно отметила, что «через церемонии и обряды – в этих земных и материализованных проекциях высокого духа мудреца – шло обучение, как сохранить чувство меры. Ритуал был настоящим оберегом жизни на личностном и социальном уровнях, доказывая необходимость совершенствования каждого, открывая перспективу личности и обществу вступления на путь космической эволюции [4].

Традиционная китайская философия – это философия «жизни». Конфуций называл Небо источником всего. Он рассматривал «создание жизни» как «Небесный путь» и «Небесное назначение». Конфуций говорил, что «великая добродетель Неба и Земли – это создание жизни». Менций, живший в следующем столетии после Конфуция, сказал: «Нужно любить семью, любить людей, любить все в мире» [1, с. 34].

Приверженцы конфуцианства, мыслители последующих поколений также говорили о том, что Небо и Земля дают жизнь всему в мире, и подчеркивали любовь и доброту ко всему живому. Чжоу Дунь И сказал: «Небо создает жизнь посредством ян и питает жизнь посредством инь». Чэн И утверждал, что «сущность жизни – это любовь». Чжан Цзай говорил о том, что «все люди в мире – мои братья, и все создания – мои спутники». Чэн Хао был уверен, что правы те, «кто любит относиться к живущим существам также как к самому себе» [1, с. 35].

Основываясь на мнении этих ученых, можно сделать вывод о том, что китайская традиционная культура базируется на конфуцианской любви к семье и другим людям, на принципах любви ко всему живому в мире. Многие великие мыслители, поэты, художники Китая подчеркивали, что люди и другие живые существа одинаковы и равны друг перед другом.

Великий художник династии Цин Чжэн Бань Цяо (1693- 1765) в письме своей семье писал, что он любит все существа в мире, будь то муравей или любое другое насекомое. Он говорил, что «это Воля Неба и люди должны понять Волю Неба». Он был против того, чтобы держать птиц в клетках: «Нельзя держать их в клетках для того, чтобы удовлетворять только свое желание, угнетать их сущность, чтобы удовлетворить свою!» [1, с. 36]. Он также говорил о том, что у людей нет права убивать по своему желанию даже свирепых зверей таких как волки и тигры. Просто эти звери должны быть помещены подальше от людей. Чжэн Бань Цяо призывал людей к тому, что если они действительно по-настоящему любят птиц, то они должны сажать побольше деревьев, чтобы птицы вили на них свои гнезда. В таком случае, просыпаясь по утрам люди будут слушать пение птиц, и все будут счастливы. Он говорил о том, что человек может разделить настоящее счастье с существами, живущими рядом, если все живые существа будут жить в соответствующей для них природной среде.

Это только один пример, но очень показательный для традиционного китайского мировоззрения. Древние китайские мыслители смотрели на природу, включая человека, как на мир жизни. У всех живых существ в мире есть свои

собственные жизни и состояния бытия. Чан Хао утверждал, что «жизнь и ее состояния бытия достойны признания». Китайские философы считали, что от такого признания люди должны получать огромное наслаждения.

Исследователь Чжоу Дунь никогда не срезал траву, которая росла у него под окном. Он объяснял это тем, что природный рост травы относится к его идеи живых существ. Он рассматривал возникновение жизни и состояние бытия живых существ в мире через траву. Он считал, что состояние бытия травы было таким же, что и состояние бытия человека, и от этого сходства получал огромное удовольствие.

В древних произведениях китайской живописи, литературы и других видов искусства очень много примеров любви ко всем живым существам на Земле и признательности за их состояние бытия. Примечателен тот факт, что в традиционной китайской живописи художники никогда не изображали мертвых животных. Все животные, птицы, рыбы, насекомые, цветы, деревья всегда в их картинах прекрасны и полны жизни. Все китайские художники считали, что они должны внимательно наблюдать за природой, учиться у нее. Знаменитый художник Ван Гай, живший во время правления династии Цин, достиг, например, большого искусства в изображении рыб. Он обобщил все секреты изображения живучести рыб, когда они плавают в воде. Он сравнивал счастье рыб в их естественной среде, в их естественном мире со счастьем людей в их *естественном* мире.

Дун Ци Чан, великий художник, живший во время правления династии Мин, утверждал, что большинство художников жили долго потому, что они получали удовольствие и жизненную энергию от созерцания природы и рисовали то, что полно жизни.

В древней китайской литературе, особенно во времена правления династий Тан и Сунь, в китайской поэзии птицы и звери изображались так, как будто у них присутствуют те же чувства, что и у людей.

В «Странных рассказах из Студии» (произведении Пу Сун Ли (1640-1715)) люди и животные показаны как единый род. Многие рассказы повествуют о любви между мужчинами и женщинами, воплощенными в растениях и животных [1, с. 40]. Примерам тому служит рассказ «Сян Ю». Герои рассказа Сян Ю и Цзян Сюэ воплотились из пиона и камелии в монастыре на горе Лао Шань (священная гора в даосизме). Сян Ю влюбилась в ученого из монастыря Хуан Шэна. Цзян Сюэ стал их другом. К несчастью, одному из посетителей монастыря очень понравился белый пион (воплощение Сян Ю). Посетитель забрал растение домой, где он увядало. Страдающий Хуан Шэн написал сборник из пятидесяти стихотворений, который назвал «Плач над цветком». Вскоре монастырский священник захотел срезать и камелию, чтобы на месте растений построить новую комнату. Но Хуан Шэн остановил его. Через некоторое время новый росток пиона пророс на месте прежнего. Хуан Шэн увидел по сне Сян Ю, которая просила его поливать этот росток каждый день. Цветок рос и становился пышнее день за днем. На следующий год расцвел большой цветок, на котором сидела крохотная красавица. Это была та самая Сян Ю. И эти трое, двое влюбленных и их друг, снова зажили счастливой жизнью. Однако спустя время, Хуан Шэн серьезно за-

болел. Перед смертью он оставил записку старому священнику, в которой написал: «Под белым пионом взойдет красный росток. Этот росток будет из пяти листьев. Это буду я». Через год после смерти Хуан Шэна красный росток на самом деле пророс под белым пионом. Старый священник поливал его каждый день. Через три года росток превратился в растение размером в один метр, но оно так ни разу и не расцвело. После смерти старого священника его ученики срезали растение, которое не цвело. Сразу после этого белый пион увял, а вслед за ним и камелия.

Этот рассказ как и все другие рассказы Пу Сун Ли полон трепетной любви ко всему живому на земле. В рассказе говорится о том, что и люди и растения, и все живые существа на Земле принадлежат к одному виду – к самой жизни – и делят вместе и благо, и горе, и любовь, и печаль, и радость в этом мире.

В фольклорных произведениях славянских народов, в частности в белорусском фольклоре, встречаются подобные мотивы. Например, сюжет о невинно загубленных влюбленных, на их могиле вырастают деревья или цветы, в которые переселяются души погибших. Наши предки верили в то, что в дереве (калина, рябина, яблоня), которое растет около дома, где есть незамужняя девушка, живет ее дух-опекун. Во время свадебных обрядов он переселяется в дерево, которое растет около того дома, где будет жить уже замужняя молодая женщина.

Восточные славяне и сегодня верят в связь человеческой жизни с жизнью растения, особенно дерева. После первого купания новорожденных в деревнях была принято выливать воду под деревце. Под «женское» (яблонька, вишенка, слива), если родилась девочка или под «мужское» (дубок, тополек), если родился мальчик. Также в честь рождения детей родители сажали деревья, а дети, подрастая, ухаживали за ними. В народных представлениях их судьбы становились связанными. Красота, здоровье, долголетие дерева должно было передаваться человеку, а если человек погибал, то и дерево засыхало.

Неразрывная связь человека и всей живой природы (в народной культуре растения – это тоже всегда живые существа), является одним из главных мотивов в традиционных культурах многих народов мира. Возможно, в основу формирования нового современного экологического сознания стоит положить именно это объединяющее начало?

И в традиционной китайской, и в традиционной белорусской культурах во всех обрядовых праздниках очень важна ритуальная роль растений: деревьев, трав, цветов. Например, бамбук помогает изгнать из дома злые силы, еще во времена династии Тан ритуальное сожжение бамбука в огне во время праздника Весны и его оглушительный треск в пламени означало «изгнание всех сил мрака и встречу света» [5, с.121]. Или, например, обязательные прогулки по первой зеленой траве во время праздника Цинмин, чтобы люди могли зарядиться свежей энергией весны и получить поддержку всех обновленных земных соков через весенние растения.

Растением, которое первым оживает после зимнего сна, китайцы считали аир. Считали его вестником жизни, растением, которое дарит долголетие, служит оберегом от болезней и зла. В южных регионах Китая таким растением является

фиговое дерево, которое, по поверьям, отгоняет нечистую силу. У белорусов вестником весны и новой жизни, оберегом от нечисти является верба.

И белорусы, и китайцы верят в то, что злые силы также боятся полыни. Во время обрядов летнего цикла в Китае собирали полынь, делали из нее фигурки людей и вешали на ворота своих домов. Или же вывешивали шелковую фигурку тигра, украшенную полынью. Женщины и дети часто носили на себе обереги из полыни.

Весной в Китае женщины и девушки гадали по цветам пастушьей сумки. Они бросали цветы в воду и, если те сбивались в пары, то это считалось хорошей приметой. Белорусские девушки весной украшали себя зеленью и цветами. Сплетали из весенних цветов венки и также бросали их в воду, гадали таким образом о будущем замужестве. Считалось, что самой счастливой будет та девушка, чей венок уплывет дальше всех.

Особенным деревом в традиционной китайской культуре считается ива. Именно это дерево связывает мир живых людей с миром предков. А культ предков является главным в китайской народной культуре. Ива в Китае является символом бессмертия и жизненной силы. Во время весенних праздников в Восточном Китае вплетали в волосы веточки ив, чтобы быть здоровыми и румяными, чтобы долго не стареть.

Очень хорошей приметой в Китае считалось дарить весной семена тыквы своим родственникам, друзьям, соседям. Это должно было способствовать рождению в их семьях здоровых сыновей.

Во время летних обрядов китайцы украшали семейные алтари и двери своих домов веточками тех деревьев, которые считались счастливыми: ветвями персика и сливы. Во время осенних обрядов важная роль отводилась хризантемам и кизилу. Считалось, что эти растения отгоняют всякие напасти и продляют жизнь.

С растениями связано множество различных примет и поверий. Одно из самых таинственных растений - это, пожалуй, китайская роза (гибискус). Приметы, связанные с этим необыкновенным цветком дожили до наших дней и известны не только в Китае, но и в других странах. Например, верят в то, что гибискус помогает женщине сохранять привлекательность и вызывать любовь, но в то же время может вызвать ревность и разлад в семье [2].

Растения и животные играют большую роль и в жизни современного человека. Например, народная медицина, которая использует свойства лекарственных растений часто приходит на помощь современной фармакологии. Или же роль и значение домашних животных. И белорусы, и китайцы верят, что появление в доме собаки - это очень хорошая примета. Если китаец получает в подарок собаку, то считает это хорошим знаком. Это означает, что у человека появятся хорошие друзья, которые помогут ему в решении разных проблем.

Китайцы верят также, например в то, что вместе с лягушками в дом входят удача, счастье и успех. А тот, кто хочет прожить очень долго и быть здоровым, держит в своем доме черепах.

Мир растений и животных в Китае и сегодня отличается огромным многообразием. По количеству диких животных Китай занимает одно из первых мест

в мире. «В Китае обитает более 2000 видов наземных позвоночных, что охватывает более 10% всех существующих на Земле видов. Только пернатых насчитывается 1189 видов хищников - около пятисот видов, земноводных – более 210 видов, пресмыкающихся – более 320 видов. Бамбуковый медведь (панда, считается в Китае государственным достоянием), золотистая обезьяна, белогубый олень, такин, белый дельфин, китайский аллигатор – уникальные виды, встречающиеся только в Китае». [3, с. 5].

В Китае произрастает более 7000 видов деревьев и кустарников, в том числе 2800 видов деревьев. Например, метасеквойя глиптостробовидная является реликтовым растением, достигает высоты до 35 метров. Около ста миллионов лет назад она произрастала на территории Восточной Азии, Северной Америки и Европы. Потом в ледниковую эпоху четвертичного периода она исчезла повсеместно, за исключением Китая. «В 1941 году в местечке на стыке провинций Сычуань и Хубэй было обнаружено около 1000 экземпляров метасеквойи, что явилось одним из важнейших открытий в ботанике прошлого века» [3, с. 6]. После 1949 года этот вид был вывезен во многие страны мира.

Конечно же, опасность экологической катастрофы угрожает сегодня и Китаю, как и всем остальным странам мира. Например, продолжается процесс опустынивания. В настоящее время пустыня покрывает примерно 16% территории всей страны, что почти в 1,5 раза превышает площадь пахотных земель.

В Китае стараются противодействовать подобным опасностям. Улучшается экологическое законодательство. Так, например, еще в 1996 году был принят закон об охране дикорастущих растений, где впервые в истории КНР целью защиты природы были объявлены не «стимулирование экономики» и «модернизация страны», а обеспечение биологического разнообразия, поддержание экологического равновесия.

В целях сохранения флоры и фауны в Китае создано около 1000 природных заповедников. Среди них самыми известными являются Волунский в провинции Сычуань, Чанбайшаньский в провинции Цзилинь, Уйшаньский в провинции Фуцзянь, Шэньнунцзянский в провинции Хубэй, Силиньголэсский во Внутренней Монголии, Сишунбаньский в провинции Юньнань, Тяньмушаньский в провинции Чжэцзян и др.

В Китае, как и в Беларуси, много озер. Большинство из них сосредоточено на равнине по среднему и нижнему течению крупнейшей китайской реки Янцзы (ее длина – 6300 км) и на Цинхай-Тибетском нагорье. Самым большим пресноводным озером является Поянху южнее реки Янцзы (его площадь 3583 кв. км). Самым большим соленым озером является Цинхайху на западе (его площадь 4583 кв. км).

С древних времен в Китае внимательно следили за состоянием окружающей среды. В традиционной культуре Китая человек не являлся царем природы, а был всего лишь ее частью. И государство, населенное множеством людей тоже должно было жить в согласии с космосом, с космическими ритмами, подчиняясь законам природы. В мире все взаимосвязано, и за каждое неправильное действие природа наказывает человека, насылая на него различные стихийные бедствия, угрожает экологической катастрофой.

Как избежать этих опасностей? Как воспитывать правильное экологическое сознание в современных людях? На эти и многие другие вопросы поможет ответить традиционная китайская культура, мудрецы которой многое постигли, многое знали об отношениях человека и природы, о красоте и гармонии мира, о поиске правильных путей и решений.

Китай – одна из крупнейших стран мира, которая находится в стадии развития. Облик страны постоянно изменяется, но при этом сохраняется целостность китайской культуры, ее лучшие традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Е Лан*. Хрестоматия по культуре Китая / Е Лан, Чжу Лянчжи. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2011. – 262с.
2. *Казакова, I.B.* Беларуская і кітайская традыцыйныя народныя культуры: параўнальны аспект / I.B.Казакова. - Мінск: Паркус плюс, 2014.- 150 с.
3. Китайская культура. – Пекин: СІР, 2004. – 303 с.
4. *Лапина, З.Г.* Экологичность традиционной культуры Востока [Электронный ресурс] / З.Г. Лапина. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/80/027/14908.php>. – Дата доступа: 08.10.2015
5. *Ли Вэй*. Фоновые сведения о Китае на русском языке / Ли Вэй, Суй Жань. – Пекин: Университетское издательство. – 2001. – 297 с.

Капляк С.Г.
(Минск, Беларусь)

ПРЕЛОМЛЕНИЕ МОРАЛИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КИТАЯ ДИНАСТИИ ТАН И ВИЗАНТИИ ИСАВРИЙСКОЙ ДИНАСТИИ

В период VII–IX вв. в двух империях – китайской и византийской, на двух концах Евразии произошло прямое включение норм морали/религии в законодательство соответственно «Тан люй шу и» и «Эклога».

Ключевые слова: *«Тан люй шу и», «Эклога», династия Тан, Исаврийская династия*

The summary: In VII–IX centuries in two empires – the Chinese and the Byzantian, Eurasia on two ends there was a direct inclusion of norms of morals/religion in the legislation accordingly «Тан люй шу and» and «Ecloga».

Keywords: *«Тан люй шу and», «Ecloga», dynasty Tang, Isaurian dynasty*

«Тан люй шу и» и «Эклога» – единственные правовые памятники, в которых не просто устанавливается соответствие неких поступков неким наказаниям, но разъясняется с точки зрения морали (религии), почему именно таким проступкам соответствуют такие-то санкции, а таким – иные.

Танский кодекс подвел итог тысячелетнему процессу развитию права в Китае и дал образец правотворчества на полторы тысячи лет и для Китая, и для всех входящих в дальневосточный цивилизационный ареал стран – Японии, Кореи,

Вьетнама... Кроме того, по тамошним меркам того времени этот Кодекс очень гуманен и скрупулезнейшим образом соблюдал то, что теперь называют «правами человека» – конечно, так, как они понимались тогда. Уже при следующей династии – Сун (960–1279) в кодексе "Сун син тун" нельзя не отметить ужесточение мер наказания. Причем не только чисто количественное (скажем, пятьдесят палок вместо тридцати), но и концептуальное. Например, при династии Тан за служебную ошибку или преступление сослуживцы нерадивого чиновника выше и ниже по должности также получали наказание за то, что не выявили ошибки или преступления. Причем тяжесть наказания уменьшалась в соответствии с уровнями служебного соучастия – их выделялось четыре. Если преступником был начальник, то он получал наказание по максимуму, а те, кто ниже него, – на одну, на две и на три степени меньшие наказания; таким образом, мелкие чины, реально совершенно не имевшие возможности выявить недосмотр или проступок начальника, оказывались самыми невиноватыми. В Сунском же кодексе ситуация противоположная: в любом случае, на каком бы уровне не произошло преступление, самым невиноватым оказывался начальник, а самым виноватым – низовой персонал [5, 6, 7].

За осуществленный по собственной инициативе донос на кого-либо из родителей или кого-либо из родителей отца, если только в доносе этом не фигурировало что-нибудь вроде сепаратистского мятежа, шпионажа или заговора на императороубийство, доносчик наказывался удушением. Текст соответствующего закона особенно настойчиво подчеркивает момент личной инициативы, специально говоря не просто о доносе, а о преднамеренном доносе. Личная инициатива такого рода, даже если донос был вполне истинным, без обиняков трактуется исключительно как «отказ от норм поведения из-за произвольных чувств», как состояние, при котором «чувства озлоблены и желания направлены к тому, чтобы подвести под наказание». Следующая крупная градация – донос на старших родственников, которые после прямых предков по мужской линии являлись второй по значимости группой в семейной иерархии. Она дробилась на подгруппы в зависимости от близости родства. Донос на старшего высшей категории близости карался двумя годами каторги. «В случаях совершения родственником против родственника преступлений с нанесением материального или физического ущерба, то есть если либо силой завладел вещами, либо нанес побои телу, можно жаловаться по собственному усмотрению» [3, 4].

Безусловно, ни в каком современном обществе – ни в реальном, ни у в утопическом – «Тан люй» неприменим. Он рассчитан на население, живущее при постоянном контроле, при круговой поруке с соседями и большими семьями, подавляющая часть коих обитает на одном и том же месте из поколения в поколение. При современной разобщенности и мобильности он мгновенно перестанет срабатывать во всех своих составляющих [3, 4].

Выражение «византийская философия права» едва ли не автоматически перифразируется в «христианскую философию права». Но, с другой стороны, совершенно бесспорно, что западноевропейское правосознание далеко отстоит от византийского. Для германцев, давших начало всем без исключения западным

политическим союзам, доминирующим в праве все же являлось начало индивидуальной свободы [1].

Уголовное право. Уголовная ответственность наступала для лиц, достигших 7-ми летнего возраста. В системе наказаний закреплялось социальное неравенство. Так, пособники похищения свободных женщин подвергались телесному наказанию, острижению и изгнанию, а раб наказывался сожжением. Господин мог безнаказанно убить своего раба. Византийское право учитывало формы виновности, знало понятие невменяемости. В двух случаях разрешался самосуд: убийство ночного вора (поразительно, но и в танском кодексе за немедленное убийство ночного вора человек не нес наказания), а также любовника жены, застигнутого с поличным на месте свидания. Наказывалось не только оконченное преступление, но и покушение на него, если имел место факт приготовления к нему. Умысел к совершению государственных и религиозных преступлений был наказуемым. За соучастие (подстрекательство, попустительство, укрывательство, пособничество) установлено такое же наказание, как и за само преступление.

При назначении наказания учитывался рецидив. Так за кражу в первый раз вор подлежал телесному наказанию, за второй раз ему отсекали руку. Византийское право предусматривало следующие виды преступлений. Государственные преступления: измена, заговоры против императора; другие действия, направленные против государства и царя. Например, передача неприятелю военной тайны. За все это смертная казнь путем сожжения. Религиозные преступления: вероотступничество, соращение в иудейскую религию, раскол, святотатство – кража мертвых, колдовство и лжеприсяга. Наиболее тяжкие религиозные преступления наказывались смертной казнью путем отсечения головы или повешения. За клятвопреступление и лжесвидетельство – отсечение языка.

Преступления против личности. Убийство наказывалось смертной казнью путем отсечения головы, а за убийство родственников – сожжение. За нанесение телесных повреждений – членовредительские наказания. К преступлениям против личности были также отнесены побои, истязания, клевета, продажа свободных людей в рабство.

Преступления против собственности. За совершение кражи – бичевание и штраф в двойном размере цены похищенного имущества; за грабеж – штраф в четвертном размере; за разбой – сажание на кол. К этому виду преступления относился также поджог, а также неосторожное обращение с чужим имуществом.

Преступления против нравственности и семьи: прелюбодеяние, кровосмешение, изнасилование, растление малолетних, мужеложество, скотоложество, многобрачие, насильственный брак, обольщения. Некоторые из этих преступлений наказывались смертной казнью, другие членовредительством (за половые преступления – отсечение носа, кастрация – за скотоложество), изгнанием. За похищение женщин – отсечение руки.

В византийском уголовном праве закреплялась множественность наказаний за одно и то же преступление. В качестве дополнительного наказания нередко применялась конфискация имущества (например, имущество государственных

преступников). Кроме того, имущество умерших еретиков, дети которых не являлись православными, замужней женщины, находившейся в связи со своим рабом, подлежало конфискации. Изгнание чаще всего применялось как дополнительное к членовредительскому наказанию. Острижение применялось только как дополнение к членовредительскому наказанию.

«Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем воздержаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения по истинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного человека и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству», – говорится в «Эклоге» [9].

Хотя «Эклога» имеет всего 18 титулов, она обнаруживает *ярко выраженную тенденцию еще более ввести христианские принципы во многие правовые институты и общественные отношения Римского государства* [1].

Глава 3 гласит: «Поднимающего восстание против императора, или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить». Суровость наказания не исключает, по мнению царя, обычной предосторожности, чтобы не пострадал невинный человек. Он продолжает: «Но для того чтобы некоторые часто и из вражды не предавали кого-либо смерти без суда, возводя на него обвинение, что он поднимал голос против царства, нужно его взять на месте под хорошую охрану и донести о нем императору, и как император в итоге рассудит и решит, так и сделать» [9].

Определяя обязанности отца и детей после смерти супруги, царь приводит в обосновании своей новации слова апостола Павла: «Дети, повинуйтесь родителям вашим во имя Господа, ибо это справедливо; и родители не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в обучении и наставлении Господнем» (глава 7 титула II). В следующей главе, посвященной обязанности вдовца или вдовицы воспитывать своих детей, опять следует ссылка на Апостола: «Вдова, имеющая детей или внуков, пусть учится, прежде всего, чтить дом свой, ибо это угодно Богу» [9].

Это был грандиозный законодательный сборник, добавивший Исаврам славу правоведов к ранее заслуженным почестям полководцев. *И хотя впоследствии императоры-иконопочитатели торжественно обещали забыть «еретическую скверну Исаврийской династии» и ее деяния, «Эклога» пережила свой век, привилась в византийском праве и позднее вошла в состав судебных книг Русской Православной Церкви. В частности, она вошла в состав печатной русской Кормчей книги, где фигурировала под заглавием: «Леона, царя премудрого, и Константина верной царю главизны»* [2, 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко, А.М. История византийских императоров. От Льва III Исавра до Михаила III / А.М. Величко. – М.: Вече, 2015. – 448 с.

2. *Милов, Л.В.* Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) / Л.В. Милов. – // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (3), 113-119. [Электронный ресурс]. Ярославль: Спарк – Режим доступа: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2965> – Дата доступа: 07.11.2015.
3. *Рыбаков, В.М.* Преломление морали в праве: механизм «сянжунъинь» / В.М. Рыбаков // Петербургское востоковедение. – 1997. – № 9 – С. 162-204.
4. *Рыбаков, В.М.* Мораль и право – день чудесный... [Электронный ресурс]. Вячеслав Рыбаков. Официальная страница – Режим доступа: <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/publ12.html> – Дата доступа: 07.11.2015.
5. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 1–8. / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 384 с.
6. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9–16. / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. – 304 с.
7. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 17–25. / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 384 с.
8. *Щапов, Я.Н.* Эклога законов в русской письменной традиции / Я.Н. Щапов // Византийский Временник. – 1993. – Т.54 (79). – С. 93-104.
9. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. статья, перевод и комментарий Е.Э. Липшиц. – М.: «Наука», 1965 – 229 с.

Кохнович В.А.
(Минск, Беларусь)

ТРАДИЦИОННОЕ КИТАЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ-АГРАРНИКОВ НАЧАЛА XX В.

В статье рассматривается российская конца XIX - начала XX вв. историография традиционного сельского хозяйства Китая. Указывается, что, несмотря на свой традиционный характер, китайское сельское хозяйство воспринималось российскими аграриями как прогрессивное, приспособленное к условиям рыночной экономики заметно лучше, чем собственно российское. Это связано с интенсивным характером китайского земледелия, что отличает его от экстенсивного российского крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: *традиционное сельское хозяйство, Китай, Россия, интенсивный и экстенсивный пути развития, историография*

The article analyses Russian of end XIX – beginning XX cent. historiography of the Chinese traditional rural economy. Author states that, nevertheless of its traditional character, Chinese rural economy was viewed as progressive, fitted to the mar-

ket much better than strictly Russian by Russian agrarians. This is tied with the intensive character of the Chinese rural economy, what differs it from the extensive Russian peasant economy.

В начале XXI в., как и прежде, сельское хозяйство остается важнейшей отраслью экономической деятельности человека. Оно обеспечивает нас пищей, а промышленность, ремесло и творческую деятельность – сырьем. До сих пор в мире в сельском хозяйстве занято около 2/5 экономически активного населения: земледельцы обрабатывают около 11% поверхности суши Земли, еще четверть поверхности суши используется для скотоводства. Современное «точное земледелие», экологическое и не только сельское хозяйство обладают набором уникальных технологий (спутниковый мониторинг техники и полей, использование беспилотников, софт для автоматизированного посева FieldScripts и т.п., лазерная обработка семенного зерна, современные витаминные и минеральные смеси для прикорма скота, системы капельного орошения, мн. др.). Современные аграрные производители представлены крупными компаниями. Соединяя сельское хозяйство с промышленной переработкой, торговлей, защитой интересов и наукой – большие аграрные компании способны многое определять на рынке. К слову, крупнейшим агрохолдингом в мире является китайская компания Weidahuang Group, что владеет свыше 5,4 млн га. Основанная в марте 1998 г., компания осуществляет хозяйственную деятельность не только в Китае (центр корпорации в Харбине), но и в Аргентине, где арендует обширные земельные площади, а также в 30 странах мира [1]. Китайская компания ориентируется на производство экологической продукции, осуществляет крупные инвестиции в современное сельское хозяйство.

Помимо аграрных корпораций, важнейшим элементом мирового сельского хозяйства остается мелкий производитель – фермер и крестьянин. Еще 100 лет тому крестьянское хозяйство была основной формой социально-культурной и экономической жизни в мире. Так, со времен неолитической революции крестьянин оставался собственно воплощением традиционного или аграрного общества. По крайней мере с V тысячелетия до н.э., когда в среднем течении р. Хуанхэ племена Яншао начали возделывать чумизу, появилось крестьянское хозяйство в Китае. На протяжении двух последующих столетий крестьяне в бассейне р. Хуанхэ стали возделывать рис, пайзу, овес, гаолян, ряд овощных культур и пряных трав. Таким образом, в III–II тысячелетиях до н.э. сформировалось традиционное крестьянское хозяйство в Китае, в основе своей земледельческое, с большим вниманием к огородным культурам, обширным ручным трудом. Исторически Китай был страной мелкого крестьянского хозяйства. Однако не следует представлять его как нечто усредненное и однообразное. Существовало множество местных типов традиционного крестьянского хозяйства в Китае, с вековыми традициями и опытом, с особенностями бытового уклада, ментальности и хозяйственных практик. У этого мелкого крестьянского хозяйства был колоссальный опыт в возделывании сельскохозяйственных культур, их комбинации,

переработки, успешной ассоциации с соседями, высокая трудовая этика. Следует заметить, что в 1978 г. власти Китайской народной республики осознанно вернули в прежде коллективизированную деревню семейное крестьянское хозяйство на собственном земельном наделе.

Касаясь истории крестьянского хозяйства китайцев, небезынтересно будет рассказать об опыте восприятия этого хозяйства российскими исследователями на рубеже XIX–XX веков. Тогда, по Айгуньскому договору (май 1858 г.) и Пекинскому трактату (ноябрь 1860 г.) империя Цин согласилась на пересмотр условий Нерчинского договора 1689 г. и уступила Российской империи вначале левый берег р. Амур, а затем и Приморье (область между р. Уссури и Тихим океаном). Земли были присоединены к российской Сибири, но вскоре, в 1884 г., было создано Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске, и развернулась политика колонизации дальневосточной окраины империи. При этом возник ряд проблем и вопросов в освоении Приамурья, что побуждало государственных чиновников, а также ученых к изучению региона. Одной из таких проблем виделась «желтая угроза», как тогда ряд российских администраторов и ученых называли китайских, корейских и японских поселенцев в крае. Дело в том, что в Приамурье на начало XX в. проживало, по оценке современного российского исследователя А.Г. Ларина, 200–250 тыс. китайцев или 10–12 % всего населения, однако китайцы отыгрывали «исключительную роль в экономической жизни Приамурья» [2, с. 26–28]. Также, по свидетельству В.К. Арсеньева сказывалось ощущение того, что Уссурийский край был своеобразным буфером еред натиском «желтой расы» и потенциальным театром военных действий [3, с. 250].

Приамурье оставалось в середине XIX в. областью очень малонаселенной, дикой и необжитой. Некоторое число подданных Цинской империи проживало в крае давно. Важно заметить, что в российских источниках второй половины XIX–начала XX в., а также у позднейших исследователей понятие «китайцы» охватывало различное по этническому происхождению население, как то: китайцы (хань), маньчжуры, а также дауры, орочи и другие представители местных народностей. Любопытно, что известный исследователь Приморья В.К. Арсеньев в 1910 г. отмечал: во-первых, местные народы (орочи, маньчжуры и др.) были под сильным влиянием китайской культуры, а во-вторых, сами русские переселенцы признавали «инородцев» за китайцев и потому сильно притесняли тех и изгоняли за пределы Российской империи [2, с. 48, 50, 53, 106].

Итак, согласно сведениям российских путешественников в Приамурье (Г. Надарова и др.) проживало в начале 1860-х гг. около 2–3 тыс. «китайцев». То были беглецы от властей, охотники, золотопромышленники, сборщики женьшеня, охотники и т.п., оседлого же населения насчитывалось 872 чел. [2, с. 19]. Современный российский исследователь Т.Н. Сорокина отмечает: в Приамурском генерал-губернаторстве число китайцев с 1886 г. по 1900 г. выросла с 27,5 тыс. до 51,8 тыс., в 1910 г. их стало 93 тыс., а в 1914 г. - 72,3 тыс. чел. [4, с. 37, 40]. При этом в Приморье числилось в 1914 г. 38,8 тыс. чел. и в Амурская области – 32,8 тыс. [4, с.40, таблица 2]. Данное население был в основе своем сезонное: наемные рабочие в промышленности, на приисках, на строительных работах,

торговцы, а также промысловики, занятые охотой, сбором морской капусты, трепангов, женьшеня и других лекарственных трав и т.п. Вместе с тем, нет оснований вслед за частью российских авторов-очевидцев (В.В. Граве, например), а также А.Г. Лариным полагать, что «...китайские эмигранты, в отличие от корейских, в массе своей не проявляли любви к крестьянскому труду, предпочитая ему торговлю» [2, с. 24]. Так, Т.Н. Сорокиной на основании тех же источников, которым пользовался А.Г. Ларин, было установлено, что в Приморье 11,5% от всех проживавших там китайцев и 33,1% таковых в Амурской области – занимались земледелием [4, с. 48, таблица 3].

Что же представляло собой тогда традиционное китайское крестьянское хозяйство в представлении российских исследователей начала XX в.? Во-первых, в работах Буссе, Крюкова, Унтербергера, Риттиха, Хабаровского съезда сельских хозяев, а вслед за ними - чиновника по особым поручениям министерства земледелия и государственных имуществ, выдающийся ученый экономист-аграрник А.А. Кауфмана указывалось: в Приморье встретились крайне отсталое экстенсивное русское крестьянское хозяйство и интенсивное, даже «современное» по тем условиям сельское хозяйство китайское [5, с. 341]. Во-вторых, это хозяйство так разительно отличалось от того, что было известно российским специалистам, что оно выделялось в отдельную категорию как «китайская культура», «корейско-китайская культура», «китайский способ» (*сельского хозяйства – В.К.*) [5, с. 120, 341; 6, с. 398–404].

Китайское хозяйство или «фанза» основывалась на «идеально приспособленной в течении многих сотен лет к климатическим условиям края» грядковой культуре [7, с. 55]. Если у русских переселенцев преобладала залежная форма землепользования, когда участок земли использовался 15 лет, а после забрасывался и крестьянское хозяйство переходило на новый участок, то у китайцев земельные участки обрабатывались постоянно: в Приморье фиксировались случаи, когда поля фанз обрабатывались по 40 и более лет с поддержанием урожайности [6, с. 386–387, 398].

Система полеводства в китайских хозяйствах относилась специалистами-агрономами тогда к вольной, или высшей по известной тогда классификации: «Ни залежей, ни пара не полагается. Вся земля под посевами, а возрастание плодородия почвы достигается удобрением, тщательной и своеобразной обработкой, напоминающей огородную и плодосменную» [6, с. 402]. Поля запахивались в высокие гряды по направлению тока вод. В итоге пашни китайских земледельцев размываются очень редко и только во время больших паводков, хотя именно частые и обильные осадки, наводнения в крае есть гласная опасность для земледелия, – свидетельствовал В.К. Арсеньев [3, с. 91]. Китайцы жили хуторами: фанзы отстояли далеко друг от друга. Лучшие земли отводились под хлеба. Нередко в Приморье среди полей китайские крестьяне засевали мак для сбора опиума, что доставляло им доход от поставок в Китай, где посев мака воспрещался. В китайском хозяйстве всегда были огороды, расположенные вблизи жилищ (обычно на южных склонах холмов и гор) [3, с. 91].

В работе местных чиновников и специалистов 1909 г. рассмотрен пример «китайской культуры» на примере с. Пуциловка Суйфунского района Приморской области. Здесь у крестьян одна половина поля было занято под овес, частью под яровую пшеницу, а вторая половина – под чумизой, бобами, кукурузой, пайзой (род просяных), картофелем, ячменем, редисом. При этом редиска засеивалась понемногу по всему полю, а затем осенью под редис уже целиком засеивались поля после овса и ячменя. Наблюдалось следующее правило чередования посевов: чумиза, пайза и бобы не засеивались вновь после них, а всегда перемежались иными культурами. Китайцы усиленно удобряли пашни: ближайшие поля унавоживались по 3 тыс. пудов и более на 1 десятину. Кроме того, «мелкий навоз» засыпался вместе с семенами по 15–20 пудов на 1 десятину. Фанзы широко использовали пересев бобов, а также особый прием для отдыха земли: гряды под посевами заменялись на междурядья и наоборот [6, с.402].

С.П. Шликевич отмечал в работе 1911 г.: «Мы должны указать, что китайцы, по отзыву их исследователей, обладают весьма высокой степенью приспособляемости не только к естественным условиям страны, но и к создавшимся экономическим течениям (*условиям – В.К.*)» [7, с. 54]. К примеру, в Северной Маньчжурии фанзы увеличивали именно посеvy тех культур, которые пользовались наибольшим спросом и давали большой доход – бобы, сахарная свекла, пшеница [7, с. 54]. Китайские крестьяне высевали бобы и чумизу таким образом, что они созревали позже, когда устанавливалась относительно погожая осень, и тем самым растения избегали порчи [6, с. 404]. Характерно, что именно у китайцев были более приспособленные и урожайные качественные сорта растений, которые заимствовали и многие русские переселенцы: яровая пшеница «красноколоска» или «белоколоска», маньчжурский крупнозернистый белый овес, разерная, красная, желтая) [6, с. 451, 453, 454].

Любопытно, что у китайских крестьян почти не наблюдалось обычной для русских хозяйств Приморья проблемы – грибкового заболевания хлебов, известного как «пьяный хлеб», и бывшего по свидетельству авторитетного очевидца А.А. Кауфмана «настоящим народным бедствием» [5, с. 120]. Данное заболевание поражало посеvy из-за избытка атмосферной и почвенной влаги во время вызревания хлебов [5, с. 119]. В итоге, по свидетельству уссурийских мукомолов, для выделки крупчатки пригодно было лишь 10–15 % местного зерна, а остальное приходилось завозить из Маньчжурии [4, с. 57]. Любопытно, что даже видя проблему русские крестьяне края не желали заимствовать приемы «китайской культуры». По сообщению автора начала XX в. А.А. Панова причиной тому были суеверия крестьян, считавших «китайский способ полевой культуры» опекаемым нечистой силой, а также презрение к «желтой твари» и консерватизм (держание «дедовских заветов») [4, с. 57]. Кауфман же видел экономическую причину данной ситуации: «китайская культура» возможна для китайца, поскольку труд его оценивается в несколько раз дешевле [5, с. 341]. Вместе с тем, А.А. Кауфман и С.П. Шликевич отмечали неприспособленность к местным условиям русских поселенцев [5, с. 120, 338, 341; 7, с. 122].

Шликевич и Арсеньев отмечали также нежелание к адаптации у русских переселенцев, недостаток у тех энергичности, бережливости, общественности и

моральности [3, с. 90, 93; 7, с. 122]. Не удивительно, что в тех обстоятельствах русские переселенцы в Уссурийском крае часто передавали китайцам и корейцам новые земли под раскорчёвку на 2 года безвозмездно [6, с. 419]. Шликевич отмечал, что по рекам, впадающим в Японское море, ему были известны случаи, когда русские крестьяне забрасывали земли, разрабатываемые до их прихода китайцами [7, с. 15–16].

Авторы той поры постоянно отмечали трудолюбие китайцев и китайских крестьян в частности. Так, В.К. Арсеньев писал: «Весной и летом китайцы целые дни проводят в полях. Поистине достойны уважения их любовь к земледелию, трудолюбие и настойчивость. Физический труд они ни во что не ценят. Их интересует сама цель, результаты, будущее. Зато у них никогда не бывает недорода. Видно, что в эту работу они вкладывают всю свою душу. Они не смотрят на земледелие, как на бремя, они действительно любят свои поля и огороды»; в итоге «китайские огороды цветут пышно, блещут богатством и разнообразием» [3, с. 95].

Сохранилась противоречивая информация о стоимости продукции сельского хозяйства фанз в сопоставлении с таковой у крестьянских русских хозяйств региона. Так, в упомянутой выше коллективной работе 1909 г. утверждается, что стоимость производства единицы продукции у китайцев и корейцев была ниже, чем у русских. Однако пример при этом приводился из разных регионов и стран: в Амурской обл. 1 пуд пшеницы стоит около 1 руб., а в Маньчжурии – 50 коп. [6, с. 404]. Уполномоченный российского министерства иностранных дел В.В. Граве в своей насыщенной фактическими сведениями работе 1912 г. и вовсе писал о «ничтожности китайской земледельческой колонизации» [8, с. 333]. Впрочем, в работе этого чиновника утверждается, что китайскому крестьянскому хозяйству был свойственен консерватизм и медленное приспособление к местным условиям [8, с. 345]. Последнее в корне противоречит утверждениям других авторов и позволяет заподозрить Граве в значительной субъективности. Похоже, заслуживают доверия расчёты С.П. Шликевича и его коллег, которые определяли на примере Амурской области средние годовые объёмы производства хлебов на рынок китайской крестьянской семьёй в 70–80 пудов, а русской – 250 пудов [7, с. 55]. Такое относительное превосходство русского хозяйства, согласно Шликевичу, следует отнести на счет большего размера землепользования у русских, а также применение теми экстенсивного полеводства при использовании усовершенствованных орудий обработки и уборки, тогда как китайские крестьяне преимущественно обходились традиционным и бедным инвентарем [7, с. 29, 55].

Обратим внимание на то обстоятельство, что размеры землепользования у русских переселенцев в Приамурье ограничивались по сути лишь трудовой нормой или способностью крестьянской семьи к обработке максимально возможной площади в соответствии с той системой полеводства, которую они приносили с собой из европейской части империи. Норма эта составляла для крестьянской «русской» семьи (обычно 6,6 душ) 10–12 десятин пахоты и считалась сопоставимо высокой [7, с. 29, 36]. Фактически же крестьяне имели большие наделы в регионе: от 51 десятины у первых поселенцев с. Спасское до 100 десятин по

«норме отвода» на хозяйство в начале XX в. [7, с. 32]. Какие же обычные размеры землепользования у китайских крестьян были из работ российских авторов того периода по сути дела не ясно. Как правило, есть указания на малые размеры такого хозяйства. Помогают здесь прояснить картину сведения об «зазейских маньчжурах» в Амурской области в работе Т.Н. Сорокиной. Выясняется, что 61,4% этих «маньчжур» в конце XIX в. или 8,6 тыс. чел. из 14 тыс. чел. составляли китайцы [4, с. 51–52]. Расчеты показывают, что на 1 хозяйство зазейских китайцев (в среднем 9,8 душ) приходилось всего 2,5 десятины. Поскольку российский закон от 22 ноября 1886 г. о запрещении иностранным подданным приобретать землю в Приамурье на зазейских жителей не распространялся, что отвечало условиям договоров 1858 и 1860 гг., то следует предположить меньшие размеры землепользования крестьянских крестьян-арендаторов в регионе в позднейшее время.

Таким образом, при среднем наделе в 20 и более раз меньшем (2,5 десятины против 51 десятины) китайское хозяйство производило товарного хлеба лишь в 3,1 раза меньше (80 пудов против 250 пудов), чем среднее русское крестьянское хозяйство. Получается, что в сопоставлении фанза была в 6,5 раз продуктивнее русского крестьянского хозяйства: средний выход товарного зерна с 1 десятины – 32 и 4,5 пуда соответственно.

Заметим, что земледелие было основным занятием китайских крестьян в крае. Авторы описывали «жалкое» состояние скотоводства в фанзах: содержали минимум быков или лошадей для пахоты, коров лишь для приплода, небольшое поголовье свиней; «грязные хлева», «маленькие, мохнатые и злые лошади», «мелкие, черные свиньи»; не разводили овец и не умели заготавливать сено [6, с. 404; 3, с. 101–102; 4, с. 53]. Вместе с тем, В.К. Арсеньев описывал знакомую ему ситуацию недостатка земледельческих продуктов в фанзах: всегда есть запасы чумизы, различных овощей, трав, зерна и кореньев [3, с. 93]. Помимо этого, производили на рынок хлеба, мак (опиум), овощи. Конечно же, русское крестьянское хозяйство в данном отношении китайскому очень сильно уступало. Опосредованно это вело к ситуации, которую А. Кауфман и другие современники описывали как неконкурентоспособность русского хозяйства перед китайским [3, с. 92; 5, с. 120, 341; 6, с. 451; 7, с. 55, 122; 4, с. 134, 148].

Как видим из вышеприведенного, не меняло в решающей мере положения и применение русскими крестьянами улучшенных орудий обработки земли и уборки урожая. Помимо успешной агротехнологии (рядковая запашка, севооборот, рядовой посев, широкий высев бобовых, трехкратная прополка посевов, многократная перепашка полей и рыхление междурядий) успех традиционному китайскому хозяйству обеспечивало большое трудолюбие китайцев (само-эксплуатация) и организация труда. Так, Кауфман приводит слова русских крестьян-старожилов дер. Петропавловки с объяснением их неприятия «китайской культуры»: «Нам ихние порядки не годятся: китаец – он весь на пашне и умирает на пашне, а крестьянину этого нельзя: мы и так сена накопить не успеем» [5, с. 341]. Впрочем, на практике это означало, по свидетельству местных чиновников, что крестьяне сдавали свои землю в аренду китайцам или

корейцам и становились потребителями ренты в ближайшем кабаке [4, с. 148], или же, по словам Арсеньева, уходили на отхожие промыслы [3, с. 89].

Подытоживая, можно сказать, что традиционное крестьянское китайское хозяйство или фанза – в значительной мере отличалась от русского хозяйства. Сопоставимое по размерам землепользования с малоземельными крестьянскими хозяйствами европейской части России, китайское хозяйство отличалось такой высокой степенью интенсивности, что по меркам того времени было сопоставимо с зажиточным хозяйством русского крестьянина. Бросаются в глаза различия ментальности в организации труда и землепользования у китайского крестьянина. По сути дела, авторы начала XX в., в том числе специалисты-аграрники, справедливо отмечали интенсивность китайского и экстенсивность русского хозяйства. Очевидно, что дело не просто в том, что китайский («желтый») труд в 2,5 раза или несколько раз дешевле «русского» [4, с. 58; 5, с. 341]. Недостаточно объяснять ситуацию также неприхотливостью китайцев [7, с. 25; 8, с. 66]. Похоже, был прав В.К. Арсеньев, который раскрывал суть ситуации указанием на солидарность, взаимную поддержку, нерушимость договорных обязательств, ответственность, трезвенность и трудолюбие у китайцев; тогда как русским были свойственны иждивенческие ожидания, завистливость, конфликтность, эгоизм и пьянство [3, с. 90, 92–93].

Если интерпретировать данные выше описательные категории с точки зрения модернизации, то получается встреча культуры труда и культуры праздности, нового и старого. Любопытно, что новое в этом дискурсе относится к проявлению еще старого Китая (до Революции 1911 г.). Похоже, китайское крестьянство имело успешный многовековой опыт, который давал ему сопоставимо намного больше преимуществ в условиях рыночного общества, чем то, чем обладало русское крестьянское хозяйство. Специалисты начала XX в. определяли «китайскую культуру» сельского хозяйства как прогрессивную. Из этого следует, что ограничение китайской аренды земли в Приамурье с конца 1911 г. [4, с. 157–158] вело к сковыванию производительных сил и прогресса в регионе. Проводя параллель, можно сказать, что подобной может оказаться ситуация и в первой четверти XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

– Address: http://www.chinabdh.com/english/index_2.html and ...[index_8.html](http://www.chinabdh.com/english/index_8.html). -

арин, А.Г. Китайские эмигранты в России. История и современность / А.Г. Ларин. – М.: Восточная книга, 2009. – 512 с.

рсеньев, В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Нансен, Ф. В страну будущего. – М.: Крафт+, 2004. – 352 с., ил.

орокина, Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.) / Т.Н. Сорокина; отв. ред. А.П. Толочко; Омский госуд. ун-т. – Омск: ОмГУ, 1999. – 263 с.

ауфман, А.А. Переселение и колонизация / А.А. Кауфман. – СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза», 1905. – 349, 81 с.

риамурье. Факты. Цифры. Наблюдения: Собранные на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. – М.: [Без изд-ва], 1909. – [XV], 922 с.

Шликевич, С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье / составил Начальник отряда земледельческой колонизации С.П. Шликевич. – СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. – [4], 4, 142 с.

Граве, В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет уполномоченного МИД В.В. Граве: / В.В. Граве. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. – [2] 4, IV, 489 с.

Кухто Л.К.
(Минск, Беларусь)

МИГРАЦИОННЫЙ «ВЫЗОВ» КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современные экономические и социокультурные условия китайской цивилизации поставили ряд проблем, решение которых обусловит характер дальнейшего культурно-исторического развития.

Ключевые слова: *цивилизация, культура, динамика, миграция, урбанизация.*

Modern economic and socio-cultural conditions of Chinese civilization put a number of issues that will determine the nature of further cultural and historical development.

Keywords: *civilization, culture, dynamics, migration, urbanization.*

Цивилизационный анализ динамики общественно-исторических процессов - их сущности и основных этапов развития – на современном этапе вышел на передний план и в социально-политической жизни планеты, и в гуманитарных науках, что позволяет выявить ряд социокультурных тенденций современного общества. В XIX-XX ст. представителями гуманитарных наук были разработаны различные теории и концепции социокультурных процессов на основе идей саморазвития и саморазрушения локальных цивилизаций. Классические концепции в рамках цивилизационного подхода были разработаны Н. Данилевским, О. Шпенглером, П. Сорокиным и многими другими.

Одним из представителей цивилизационных концепций является английский историк А. Тойнби, который в своем фундаментальном труде «Постижение истории» (1934-1955), рассматривает вопросы, касающиеся характерных особенностей различных типов культуры, соотношения культуры и цивилизации, основных закономерностей культурно-исторического развития человечества. По мнению А. Тойнби, история развития человечества представляет собой совокупность историй самостоятельных цивилизаций, которые в своем развитии проходят стадии возникновения, роста, надлома и разложения, после чего могут погибнуть и уступить место другим. На основании анализа и обобщения историко-этнографических описаний различных регионов и народов собранных к этому

времени исследователь выделяет 21 цивилизацию, потом увеличивает их число до 37. Автор указывает, что большинство из перечисленных цивилизаций в настоящее время уже мертвы. Ныне существующих цивилизаций семь: западная, православная, индуистская, китайская, дальневосточная (в Корее и Японии), иранская, арабская.

Основными элементами в жизни цивилизации являются, согласно А. Тойнби, политика, экономика и культура. «Культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации... Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать элементы чужой социальной структуры, с которой она имеет контакты. Для цивилизации, находящейся в поле воздействия чуждой культуры, культурное влияние оказывается куда более благодатным и полезным, чем заимствования в экономическом или же политическом плане» [1, с.292]. Кроме этого автор выделяет определенные стадии, которые проходят в своем развитии цивилизации - возникновение и рост; надлом, упадок и разложение. Исходя из этого, Тойнби задается вопросом, что является движущей силой этих процессов, и в чем заключается механизм перехода общества из статического состояния в динамическое движение и рост цивилизаций. Ответом на эти вопросы явилась концепция «Вызова-и-Ответа», которая, по мнению Тойнби, объясняет рождение цивилизаций, их рост и причины гибели. Как утверждает исследователь, благоприятная природная среда и социальные условия как правило способствуют общественному прогрессу, но в то же время историк говорит, что «слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста. Благоприятные условия враждебны цивилизации» [1, с.100]. Для того чтобы общество вышло из статического состояния, оно должно получить определенный стимул к изменениям. По мнению Тойнби, таким стимулом могут быть негативные процессы, складывающиеся в различных сферах жизнедеятельности человека, резкое ухудшение условий его жизни. Совокупность ухудшений представляют собой вызов – своеобразную постановку задач, которые должно решить общество и дать соответствующий ответ на этот вызов. «Человек достигает цивилизации не вследствие биологического дарования (наследственности) или легких условий географического окружения, а в ответ на вызов в ситуации особой трудности, воодушевляющей его на беспрецедентное до сих пор усилие» [1, с.104]. Действие данного механизма и является фактором динамического развития общества, а история любой цивилизации представляет собою последовательность актов Вызова-и-Ответа.

Вызовы могут быть как природные, так и вызовами человеческой среды. И если первой группе вызовов человек уже может дать достойный ответ, то с вызовами второй группы ситуация складывается на много сложнее. Одним из примеров вызова человеческой среды является характер демографических процессов. Особенности расселения, воспроизводства населения, его половозрастной и брачной структуры – все это вызывает экономические и социокультурные изменения в обществе, определяет перспективы его дальнейшего развития.

XXI столетие поставило перед человечеством три главных демографических «вызова» в области динамики народонаселения. Их можно обозначить как

кризисы депопуляции и перенаселения, поляризации и миграции населения. Каждый из них имеет свои проявления, причины и последствия для будущего человечества.

История развития китайской цивилизации изобилует самыми разнообразными поворотами и ситуациями, но, несмотря на трудности, с которыми приходилось сталкиваться китайскому населению, они были всегда убеждены в собственной исключительности и называли свою страну Срединной империей (и это подразумевало нахождение в центре мира). Исторический опыт показывает, что динамика развития этой цивилизации была довольно высокой. Примерно в XXI в. до н.э. в Китае возникает первая династия Ся. В 221 г. до н.э. складывается первое централизованное многонациональное государство - империя Цинь. Но еще в эпохи Шан и Чжоу (XVI-III вв. до н.э.) возникают и складываются в общих чертах китайский этнос и китайская государственность. Экономика и культура древнего и средневекового Китая достигают высокого уровня. Это было государство земледельцев, традиционно руководствовавшееся принципом: «Земледелие - ствол (основное), торговля и ремесло - ветви (второстепенное)». В VIII-VII вв. до н.э. массовым явлением становится городское ремесло - тогда же оно разделяется на казенное, обслуживающее интересы княжеских дворов, знати и армии, и частное - ориентированное на потребление горожан. Такое деление с небольшими изменениями сохранялось вплоть до второй половины XIX в. Некоторыми ремеслами - прядением, ткачеством, изготовлением одежды, обуви, несложного инвентаря - продолжали заниматься и крестьяне. С отделения ремесла от земледелия начинает развиваться торговля. В качестве денег в течении длительного времени использовались раковины каури и куски нефрита, в VI до н.э. появились металлические деньги. Хорошо известны четыре изобретения китайцев - бумага, книгопечатание, порох и компас; достижения китайских мыслителей - Конфуция, Лаоцзы, Сунь У, успехи математиков, астрономов, географов и фармакологов прошлого. В области многих технических нововведений в те времена Китай намного опередил Европу. С III тысячелетия до н.э. китайцы пользуются иероглифической письменностью, объединяющей теперь жителей страны, говорящих на разных диалектах. Древнекитайская этническая общность складывалась в результате контактов различных народов. В период империй Цинь и Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.) территория древних китайцев расширяется на юг и запад, с севера же на эту территорию проникают гунны и другие тюркомонгольские племена. Политическая раздробленность и внешние факторы ведут к резкому упадку хозяйства. Север начинает терять значение наиболее развитого региона, часть населения начинает переселяться на территории к югу от Янцзы. В VI-X вв. н.э. территория Китая расширяется на юг и юго-запад, а на севере в этот период возникают крупные тюркские племенные союзы. Упадок Севера под натиском степняков сопровождается интенсивным развитием земледелия в бассейне Хуанхэ и Янцзы, особенно в их низовьях. Объединение Китая при династии Сун (X-XIII вв.) способствовало увеличению площади возделываемых земель в северной части страны. Однако в XII в. повторяется отток населения на юг из-за натиска с севера чжурчжэней. Поступательное развитие сельского хо-

зяйства продолжалось в низовьях Янцзы и в Чжэцзяне. Его основой было применение ирригации и селекции. Со второй половины XVIII в. в связи с быстрым ростом населения в стране все более болезненно начинает ощущаться аграрная перенаселенность, что наложило глубокий отпечаток на формирование производительных сил страны в эпоху промышленной революции на Западе. В сельском хозяйстве Китая улучшение обработки почвы достигалось преимущественно за счет трудовых затрат, в том числе предшествующих поколений. К середине XIX в. огромное количество усилий было вложено в создание дамб, плотин, защитных валов, отводных каналов, водосбросов, насыпных террас на склонах гор и холмов. В районах торгового земледелия довольно широко практиковалось применение наемного труда, однако в большинстве уездов господствовало натуральное и полунатуральное производство крестьян-землевладельцев. Отрицательные последствия аграрной перенаселенности усугублялись концентрацией земли в руках помещиков и обезземеливанием части крестьян. Промышленный переворот начался лишь после того, как ослабленная династия Цин пала в 1911 г. в результате Синьхайской революции, которой руководил Сунь Ятсен. Период 1919-1949 гг. в КНР относят к времени новодемократической революции. В первые десятилетия страна ориентировалась на создание многоотраслевого хозяйственного комплекса посредством индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Многие установки и меры недавнего прошлого сохраняют свое значение в форме сохраняющихся мер планового и достаточно жесткого политико-административного регулирования хозяйственной деятельности населения. Встречаются и сравнительно недавно сформулированные принципы, такие как, например, «расставаясь с земледелием, не расставаться с деревней» (имеется в виду развитие сельской промышленности). Ключевой точкой отсчета в развитии современной китайской цивилизации принято считать 1979 г., когда произошло утверждение рыночного пути дальнейшего развития, в результате чего Китай устанавливает своеобразный экономический рекорд XX в. Стремительное экономическое развитие активизировало урбанизационные процессы. Если в середине XX в. доля городского населения составляла 20 %, в 1998 г. - 30.4 %, то в 2013 г. уже 53.2 % [2].

Главной причиной увеличения численности городского населения стали активные миграционные перемещения населения из сельской местности, обусловленные такими объективными факторами как увеличение численности населения трудового возраста (в настоящее время в деревнях насчитывается 150 - 200 млн. излишних трудовых ресурсов), высокой степени безработицы, диспропорции в уровне дохода и условий жизни. Если в 70-х годах численность мигрирующего населения оценивалась в 100 тыс. человек, в 80-х годах - 2-3 млн., в 90-х - в 5-7 млн., то уже к 2012 г. достигла 150 млн. человек, что составило более 11% от общего количества населения КНР [3].

Субъективными факторами принятия миграционного решения выступают возраст, уровень образования, половая принадлежность, а также семейное положение. В обозначенный период наибольшую массу мигрантов составляли неквалифицированные не состоящие в браке молодые люди в возрасте от 16 до 35 лет,

т.е. мужское население наиболее активного трудоспособного возраста. Основными провинциями исхода крестьян-мигрантов являются - Сычуань, Хунань, Фуцзянь, Цзянси, Хубэй, Хэнань и Аньхой, а городами достижения миграционных потоков - Шанхай, Пекин, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Чаньчунь, Харбин, Нанкин, Ухань (в Шанхае крестьяне-мигранты составляют около 3,3 млн., в Пекине - более 2 млн.). Согласно переписи населения 2000 г., содержащей наиболее полные данные о мигрантах, 131 млн. китайцев - 1/10 часть всего населения страны проживало вне мест постоянной прописки.

Согласно концепции миграционного перехода (предложена в 1971 г. амер. исследов. В.Зелинским по аналогии и на основании концепции демографического перехода) это является закономерным процессом перехода от малоподвижного образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию территориальных перемещений населения по мере утверждения индустриального общества. Согласно этой концепции развитие миграций проходит ряд фаз, соответствующих фазам демографического перехода. На начальном этапе, совпадающем с демографическим взрывом, в результате роста предложений и спроса на труд, развивается массовое движение населения из деревни в город, распространяются сезонные и маятниковые миграции. В дальнейшем в связи с усложнением пространственной структуры общества эти потоки несколько ослабевают, но происходит заметное увеличение темпов межгосударственных потоков миграции.

На территории Китая указанные процессы послужили причиной для реформирования системы хукоу, которая была принята в Китае в 60-х годах XX в. и направлена на регулирование динамики процессов внутренней трудовой миграции посредством «обобществления личной жизни» крестьян через вовлечение в различные типы общественных работ - «коммуны». В период с 1979 по 1983 гг. правительство Китая все еще старалось запрещать переезжать сельским жителям в города, но начиная с 1984 г. при условии их полного продовольственного обеспечения за счет оставшихся в сельской местности родственников эти запреты были частично сняты. В период с 1995 по 2002 гг., в связи с появлением новых индустриальных возможностей, правительство страны направляет активные внутренние миграционные потоки в северные и западные части страны. Кроме этого происходит реформа миграционной политики и миграционного законодательства в области правового обеспечения внутренней трудовой миграции. Результатом этого явилось снижение требований к трудовому мигранту в пределах малых городов (провинции Гилинь, Хунань, Ляонинь и др.). В тоже время в крупных городах (Шанхай, Пекин, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Чаньчунь, Харбин и др.), происходит ужесточение миграционной политики за счет усложнения процедуры легализации трудового мигранта (необходимо получить официальное разрешение на работу, разрешение на проживание, получить регистрационную карту, карту мигранта, оплатить услуги, предоставить «сертификаты планирования семьи», удостоверяющие их семейное положение и наличие детей и т.д.). Это послужило причиной для распространения нелегального трудоустройства, которое составляет по различным данным около 35 %. Процессы внутренней

национальной миграции стали причиной возникновения множества других проблем - увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру, обострение социальной обстановки, деградация нравов, преступность.

В связи с этим с 2001 г. правительство КНР было вынуждено принимать конкретные меры по решению данных проблем. За это время были приняты правительственные решения для реализации программы «большого освоения запада», которая предполагает переселение части населения в западные регионы. Кроме этого значительно упростилась процедура трудоустройства мигрантов, расширяется система дополнительного образования (повышение квалификации), стимулируется отъезд молодежи на получение образования за рубежом с последующим возвращением высококвалифицированного специалиста на родину, создаются льготные условия для жизни и обучения детей, переселенцы обеспечиваются медицинской страховкой и т.д. Анализ сложившейся ситуации показывает, что решением данной проблемы будет равномерное экономическое и социокультурное региональное развитие страны, строгое регулирование численности и состава мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби А. Постигание истории. / А. Тойнби. - М.: Прогресс, 1996. – 736 с.
2. Рейтинг урбанизации стран мира - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index/info>. Дата доступа: 25.10.2015.
3. Население Китая 2015 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://countrysmeters.info/ru/China>. Дата доступа: 25.10.2015.

*Приходько Ф.С.
(Горки, Беларусь)*

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ НАРОДОВЛАСТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ДЕМОКРАТИИ И ПРАКТИКИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Раскрывается содержание современных концепций демократии и освещается практика их реализации в настоящее время. Анализируется китайская модель народовластия, ее специфические черты, обусловленные национальными особенностями и культурно-историческими традициями Китая. Представлено видение китайским руководством и научным сообществом страны основных направлений демократизации политической системы, перспектив использования западной модели демократии в КНР.

Ключевые слова: гармония, добродетель, модель, народовластие, реформа, традиция.

The content of modern concepts of democracy and highlights their practical implementation at the moment. Analyzed the Chinese model of democracy, its specific features, due to national characteristics and cultural and historical traditions of China. Presents the vision of the Chinese leadership and the scientific community of the

country main directions of democratization of the political system, the prospects of using the Western model of democracy in the PRC.

Keywords: harmony, virtue, model, democracy, reform, tradition.

Страны, в том числе Китай, осуществляющие модернизацию политических систем, их демократизацию, в настоящее время могут опереться на богатый арсенал разработанных концепций демократии. Однако проблема в том, что само понятие «демократия» не имеет однозначного толкования. С античности и на протяжении многих столетий демократия понималась как форма государства, в котором власть принадлежит всем или большинству свободных граждан. Идеал демократии – поголовное участие масс в управлении. Это коллективистская демократия. Первой, наиболее развитой формой коллективистской демократии была сложившаяся в античном мире – в Древней Греции и Древнем Риме – прямая демократия. Примером коллективистской демократии в отечественной истории было вече – народное собрание, распространенное в X – XIV вв. Теория коллективистской демократии в новых исторических условиях была развита марксизмом, а наиболее полное воплощение нашла в практике функционирования социалистической демократии. Характерными чертами этой демократии было то, что гражданин активно, часто даже принудительно, включался в политический процесс, участвовал в массовых политических акциях (выборах, демонстрациях, собраниях), мог контролировать деятельность депутатов всех уровней, давать им наказания, участвовать в деятельности органов самоуправления по месту жительства и работы. Это повышало гражданскую активность члена общества, чувство ответственности за его развитие, воспитывало патриотизм и коллективизм. Социалистическая коллективистская демократия основной упор делала на реализацию социально-экономических прав и свобод – право на труд, образование, отдых, социальное обеспечение, бесплатное медицинское обслуживание и др. Это было ее сильной стороной. Но у нее немало критиков, поскольку она не допускала политической оппозиции, ограничивала плюрализм мнений и др.

После буржуазно-демократических революций в Западной Европе, когда проблемы прав человека выдвигаются на первое место, формируется вторая точка зрения по вопросу о демократии. При определении ее сущности уже доминирует не ответ на вопрос: «кто правит?», а «что правит?» или «как организовать власть для достижения свободы и справедливости»? Правит ли закон в государстве, одинаков ли он для всех граждан, обеспечиваются ли их фундаментальные неотъемлемые права и свободы? Подлинным субъектом демократии рассматриваются отдельные граждане. Это характерно для либеральных или индивидуалистических концепций демократии. Как либеральные, так и коллективистские концепции демократии и способы их реализации имеют как достоинства, так и недостатки. В последние десятилетия возникли новые концепции демократии – теория плюралистической демократии, теория партисипаторной демократии и др. У каждой из них также есть свои плюсы и минусы.

На XVIII съезде КПК в 2012 году было заявлено, что реформа политической

системы, ее демократизация – важная составная часть реформирования всего китайского общества. Ее следует активно и разумно продолжать, создавая более широкую, более полную и более совершенную народную демократию [1]. КПК тщательно изучает англо-американские демократии, скандинавскую социал-демократическую модель, особенности функционирования политических систем государств Восточной Европы и Евразии и быстроразвивающихся стран, таких как Индия, Индонезия и др. Существующие концепции демократии и практику их функционирования китайские лидеры оценивают весьма критично. Какой она видится им сегодня? Ее ценность западной пропагандой чрезмерно преувеличена, с ней связано немало мифов и иллюзий... Демократия будит социальную активность масс, но эта активность может носить как конструктивный, так и деструктивный, разрушительный характер (распад СССР, Югославии, известные события в бывших советских республиках – Грузии, Киргизии, Украине...). В условиях невысокой политической культуры населения политические силы, стремящиеся к власти, могут манипулировать общественным сознанием, сеять иллюзии, увлекать за собой массы привлекательными лозунгами, ложными обещаниями. Демократия открывает возможности для реализации эгоистических устремлений индивидов, может использоваться сильными и ловкими популистами, демагогами, способными увлечь массу и оттеснить от власти скромных и более разумных. Сегодня сами западные исследователи все чаще говорят и пишут о кризисе современной демократии. Это наглядно видно на примере современных выборов. По идее эта состязательная отборочная процедура должна обеспечить выбор самых достойных политиков среди конкурирующих претендентов. Понятно, что она должна быть такой, чтобы ее успешно проходили люди, в наибольшей мере проявившие качества, требуемые для управления страной. На деле же современные избирательные технологии характеризуются отношением претендентов к рядовым избирателям как к «сырью», которое надо «обработать» этими самыми избирательными технологиями. Очень часто излюбленные приемы такой «обработки» – обман, подкуп, дискредитация любыми способами своих конкурентов.

В целом либеральная концепция демократии подвергается в Китае критике за идеализацию индивидуализма, противопоставление интересов индивида интересам общества, государства; за ориентацию человека на решение в первую очередь своих личных проблем, достижение личного успеха; за принижение роли государства в управлении обществом и укреплении социальной справедливости, за предоставляемую возможность прийти к власти людям неподготовленным, не владеющим знаниями и опытом управления государством, но амбициозным, тщеславным и властолюбивым... По традиционным китайским представлениям государственное управление – это искусство, которому нужно прилежно учиться и которым необходимо кропотливо овладевать. Конфуций учил, что умелое руководство – плод учебы и накопления необходимого опыта. Оно не может быть обретоено случайно и кем попало. Отсюда настороженное отношение китайцев к выборам путем всенародного голосования. Может ли этот процесс привести к избранию на

ответственные государственные посты по-настоящему подготовленных для этой работы людей? Смогут ли они принимать долговременные или непростые решения, которые, возможно, будут противоречить их личным или корпоративным интересам? Люди, заслуживающие высоких постов, должны прежде пройти через испытания и добродетельность – вот необходимые предпосылки для занятия высокой должности. Учение Конфуция предвосхитило современную этику корпоративного руководства.

Конечный вывод заключается в том, что стабильной и эффективной будет лишь та система, которая корнями глубоко уходит в национальную культуру. Си Цзиньпин утверждает, чтобы успешно управлять современным Китаем, нужно глубоко знать и понимать историю и традиционную культуру страны. Он называет десять принципов государственного управления, сохраняющих актуальность: «народ является корнем царства», «правление должно получить поддержку народа», «ритуал и законы соединяются для управления», «добродетель – главное, наказания – дополнительное», «в правлении нет ничего более первостепенного, чем добиться расположения людей», «при управлении государством следует сперва управлять чиновниками», «заниматься управлением с помощью добродетели», стоящим у власти нужно «выпрямлять и исправлять самих себя», «находясь в спокойствии, думать об опасности», «осуществлять перемены и изменения» [2]. Заимствованные чужеродные идеи необходимо адаптировать, тогда они могут прижиться и быть плодотворными на национальной почве. Другими словами, изучать зарубежные достижения нужно, а некритически копировать «политические концепции» и «модели» других государств – нельзя. Китайским лидерам хорошо известны печальные результаты насаждения чужих моделей. Так, еще в 60 – 70 годах в большинстве освободившихся афро-азиатских стран сознательно и целенаправленно стали формироваться политические системы по западному образцу. Ставилась цель перенять западные социальные технологии, правила политического поведения. Реализовывалась популярная на Западе социально-политическая концепция, изображавшая демократический политический процесс как свободную игру политических сил. Акторами такой политической игры по аналогии с Западом должны были выступать свободно создаваемые партии и группы давления, относимые к числу главных действующих лиц. Реальность оказалась намного прозаичней. Жизнь показала, насколько искусственными были навязанные многопартийность, западные правила политической игры, противоречившие экономическим и социально-культурным реалиям и историческим традициям освободившихся стран. В результате в этих государствах резко обострились социально-классовые, межэтнические и иные противоречия, приведшие во многих случаях к кровопролитию и поставившие эти страны буквально на грань катастрофы. И только введение в них авторитарных режимов стабилизировало обстановку, хотя и не решило всех проблем. Не лучшими были и результаты подражания так называемыми странами социалистической ориентации той модели социально-экономического и политического устройства, которая существовала в СССР и у его союзников. Не случайно поэтому современный Китай, ряд других стран, также осуществляющих системную модернизацию,

делают упор на поиск собственных путей развития, критически, очень осторожно и творчески используют чужой опыт.

Китай, чье экономическое и международно-политическое возвышение очевидно, отвергает претензии западной дискурсивной системы, основанной на либерализме, на универсальность и не собирается быть ее адептом и защитником. Прагматикам и технократам «четвертого поколения», испытавшим на собственном опыте все «прелести» политической либерализации и включения «народных масс» в активную политическую жизнь во времена «культурной революции», конечно же, больше приемлема «управляемая демократия», нежели неуправляемый хаос.

Еще в древности в китайской политической традиции сложилось разделение жесткого формализованного «правления с помощью закона» и «правления с помощью добродетели», построенного на высоких моральных качествах руководителя любого ранга. На 2-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2004 года) отмечалось, что от индивидуальных качеств государственных служащих зависят уровень и эффективность управленческой работы правительства. Поэтому контингент госслужащих должен отличаться твердостью политических позиций, прекрасным знанием дела, честностью и неподкупностью, безукоризненным стилем работы [1]. Критика западной политико-правовой системы за отсутствие «добродетели» опирается на эти понятия, которые в современном Китае активно вводятся в политический обиход. Аналитическое сообщество Китая уверено, что вечных, неизменных и абстрактных концепций и ценностей нет, все они носят исторически преходящий и конкретный характер. Понятия свободы, демократии, прав человека, справедливости имеют конкретное социально-политическое содержание, которое изменяется вслед за экономическими и общественными условиями [2].

Директор Института национального учения при Университете Цинхуа профессор Чэнь Лай выделил четыре основных различия китайских и западных ценностей – в Китае ответственность предшествует свободе, долг предшествует правам, коллектив стоит выше индивида, гармония – выше конфликта. А западной культуре присуще стремление к конфликту, эгоцентричное желание покорять и подчинять себе других. Главенствующее положение в китайских ценностях занимает богатое и сильное государство, а не свобода личности [2].

XVIII съезд КПК выдвинул основные направления реформы политической системы КНР: укрепление органического единства между правящей партией и народом-хозяином; улучшение форм партийного руководства и государственного управления; улучшение демократического строя и развитие разнообразных форм демократии с тем, чтобы обеспечить народу законное и демократическое участие в выборах, разработках решений, управлении и контроле; укрепление законности в управлении государством и обществом; развитие институционального строительства, выявление и реализация преимуществ политических институтов социализма; активное использование полезных достижений политической культуры человечества, при этом не копируя модели политической системы Запада [4]. XVIII съезд КПК провёл передачу власти от четвёртого к пятому поколению руководителей в лице его

ядра – Генерального секретаря, Председателя Си Цзиньпина и премьер-министра Ли Кэцяна. Пятое поколение руководителей в настоящее время осуществляет шаги по всестороннему реформированию общества.

Одной из динамично развивающихся политических практик в Китае стало использование механизмов совещательной демократии (*deliberative democracy*). Такие механизмы оказываются эффективными для разрешения конфликтов между обществом и властью, возникающих на местном уровне в ходе реформ. Совещательная демократия подразумевает вовлечение граждан в диалог с властью и, таким образом, предоставляет им возможность артикуляции их интересов [3, с.33].

Другой инновацией в сфере политики стала перестроенная на новый лад «массовая линия». «Массовую линию» можно рассматривать как альтернативу такому центральному понятию западной либеральной концепции демократии, как «политическое участие». Массовая линия подразумевает, что чиновники разного уровня обязаны «идти в массы» для того, чтобы из первых рук получать информацию о нуждах тех групп, которые, в силу ряда причин, не могут участвовать в политическом процессе [3, с.34]. Предполагаемое преимущество массовой линии перед традиционным политическим участием заключается в том, что массовая линия при правильной реализации этой идеи вовлекает в политический процесс тех, кто сам не может добраться до политического пространства и заявить о своих нуждах. Крупномасштабное развертывание массовой линии, таким образом, способствовало бы более полному представительству интересов «низов» и, с точки зрения влияния на политический процесс, уравнивало их с теми, кто способен участвовать самостоятельно. Как совещательная демократия, так и массовая линия являются способами усиления влияния масс, показателем реальной демократизации общества, опирающейся на национальные традиции и учитывающей культурно-исторические особенности страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сыроежкин, К.* Политические проблемы современного Китая / К. Сыроежкин // Центр Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asiakz.com/politicheskie-problemy-kitaya>. – Дата доступа: 02.11.2015.
2. *Ломанов, А.В.* Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными / А.В. Ломанов // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://www.globalaffairs.ru/number/Obshchii-znamenatel-natsii-17750>). – Дата доступа: 03.11.2015.
3. XVIII съезд КПК: новые задачи и перспективы развития (Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. Москва, 20 марта 2013 г.) / редкол. А.В.Виноградов, Л.И. Кондрашова, Ю.Ю. Перепелкин – М., 2013.
4. *Нгуен Суан Кыонг.* Политические реформы в Китае в первые годы XXI века / Нгуен Суан Кыонг. // Китайские исследования [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-reformy-v-kitae-v-pervye-gody-xxi-veka>. – Дата доступа: 04.11.2015.

Шульга Д.П.
(Новосибирск, Россия)

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВОЕННОЙ КИТАЙСКОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ «ВОЕННОГО ТРАКТАТА ЧЖУГЭ ЛЯНА») ¹

В настоящее время, на фоне растущего интереса к военной мысли древнего и средневекового Китая, существует проблема идеологического перехода между этими периодами. В настоящей статье мы, взяв «Военный трактат Чжугэ Ляна», наметим некоторые моменты, которые не были характерны для более ранних трактатов. Поскольку в источник ранее не был переведен, нам необходимо дать краткую характеристику. Дело в том, что, несмотря на название (которое, как мы увидим, является позднейшим), авторство Чжугэ Ляна вызывает ряд дискуссий как в Китае, так и в отечественной историографии. Личность Чжугэ Ляна в китайской культуре мифологизирована и является синонимом мудрости, ума и смекалки. Многие идеи, изобретения, литературные произведения приписываются Чжугэ Ляну. Видимо потому, что в реальной жизни Чжугэ Лян был успешным стратегом, что показывает анализ его биографии, основных сражений и эпохи Троецарствия.

Однако для нас авторство имеет второстепенное значение, так как время возникновения работы можно достаточно уверенно отнести к III–V вв. н.э., а значит речь как раз о периоде перехода древности в средневековье. Ровно также сочинения т.н. псевдо-Маврикия очень ценны как исторический источник, хотя и приписывание их собственно Маврикию оказалось неверным. Так что имя автора мы будем брать в кавычки.

Первоначально данный трактат назывался «Чжугэ Лян чжуань» (诸葛亮撰) (Сочинения Чжугэ Ляна). При династии Сун данный трактат именовался «Цзянь юань» (将苑) (Ветроград полководца), при династии Мин получил название «Синь Шу» (心书) (Книга раздумий), а также «Синь Шу» (新书) (Новая книга) [1, с. 182]. В данном исследовании мы использовали название, которое избрано китайским издательством «Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008» [3].

До нашего времени дошли издания династий Мин и Цин. Данное издание включает в себя три составляющих: «Чжугэ Лян цзи» (собрание сочинений Чжугэ Ляна), сочинения Чжугэ Ляна и отдельные фрагменты его сочинений. Для широкой публики данный трактат был издан в 1926 в городе Чэнду издательской фирмой Чанфу [1, с. 182].

В трактате «Чжугэ Ляна» «Вертоград полководца», присутствуют ссылки на

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №14-01-00477

такие военные трактаты как: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Сыма фа» и «Шесть секретных учений Тай-гуна» [3, с. 8].

Трактат состоит из пятидесяти глав, в которых с разных сторон рассматривается Дао полководца. Главы внешне между собой не связаны, но трактат охватывает семь сфер: вопросы морально-этической подготовки, взаимоотношения полководца и монарха, вопросы подбора кадрового состава и подготовки, необходимые для полководца качества, вопросы военной дисциплины, практические советы по военной стратегии, краткая характеристика окружающих народов [1, с. 182]. Более подробно сферы будут рассмотрены в следующем разделе, здесь же мы хотим рассмотреть количественное соотношение глав в тех или иных разделах.

Мы рассмотрели концепции идеального полководца в древнекитайских философских школах, в трудах военных мыслителей до III в. н.э., а также в творчестве «Чжугэ Ляна» на основе трактата «Цзянь юань».

Анализируя концепцию идеального полководца, мы рассматривали наиболее важные ее элементы: отношение к войне, роль полководца в государстве, требования к полководцу, взаимоотношения полководца с подчинёнными. Мы выявили, что в сферах: отношение полководца к войне, роль полководца в государстве, взаимоотношения полководца с подчинёнными, «Чжугэ Лян» продолжает традиции своих предшественников.

«Чжугэ Лян» высказывает новые и развивает целый ряд старых идей в области «Требования к полководцу». Во-первых, создает классификацию полководцев, по их качествам. Он выделяет девять основных типов полководцев: гуманный (仁将), справедливый (义将), тактичный (礼将), мудрый (智将), вызывающий доверие (信将), генерал пехоты (步将), командующий конницей (骑将), отважный (猛将) и последний – Великий (大将). Каждый вид полководцев по своему хорош и применим в условиях войны. Это отличает «Чжугэ Ляна» от его предшественников, которые достаточно узко устанавливали характеристики «идеального полководца», не выделяя отдельных групп.

Во-вторых, автор военного трактата развивает даосскую идею о «благоприятном моменте» и дает инструкции по взятию под контроль ононого. Он считает, что «благоприятный момент» (цзи) (机) является решающим фактором в войне: «Необходимо подумать о составлении стратегического беспрюгрешного плана. Он заключается во владении всеми мгновенно изменяющейся военной ситуацией, и решающим фактором в этом является использование благоприятного момента». То есть полководец должен согласовывать свои действия с постоянно меняющейся ситуацией [2, с. 27]. Стоит отметить тот факт, что «Чжугэ Лян» излагает правила, соблюдая которые, можно подчинить «благоприятный момент» своей воле: «Первое – изменение событий, второе – изменение конъюнктуры, третье – изменение положения. Если при выгодной смене событий, не принять никаких мер, то это не будет являться мудрым поступком. Если при изменении конъюнктуры не проявить решительность, то это не будет являться хитрым поступком. Если при изменении положения не сделать ход, то это не будет храбрым поступком. Искусно

воюющий полководец всегда использует момент для достижения победы» [3, с. 93].

Автор трактата, несмотря на своё новаторство, немало заимствовал из предыдущей традиции. Концепцию идеального полководца «Чжугэ Ляна» можно считать синкретичной. В ней прослеживается влияние даосизма, что проявляется в отношении к войне как крайней мере разрешения проблем: сильная армия и искусный полководец были нужны, как сдерживающий фактор. Но вместе с тем в случае войны «Чжугэ Лян», как и Сунь-цзы считает, настаивает на ее кратковременности.

«Чжугэ Лян» продолжает идеи о социальном статусе полководца в государстве, изложенные в «Сунь-цзы». Настаивая на необходимости независимости полководца от правителя в военное время. Церемония передачи власти правителем полководцу в трактате «Цзянь юань» оформлена в виде ссылки на «Шесть секретных учений Тай-гуна».

В отношениях с подчиненными «Чжугэ Лян», также как и Сунь-цзы настаивал на необходимости строго соблюдения законов, путем системы наград и наказаний. В трактате «Цзянь юань» присутствуют ременисценции «У-цзы»: не смотря на то, что статус полководца и статус солдата не равны, полководец должен наравне с солдатом нести все тяготы военной жизни. «Чжугэ Лян» развивает идеи Сунь-цзы и У-цзы относительно качеств необходимых полководцу и дает им более подробную характеристику.

В итоге следует отметить, что новые политические, экономические и социальные явления, которые проявляются после падения Хань, породили и новые требования к полководцу. Причинами этому служили демографические изменения, увеличение роли конницы и выделение ее в отдельный самостоятельный род войск еще в имперский период, восприятие военных традиций соседних народов, изменение производительных сил и производственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сю Баолин. Чжунго биншу тунцзе (Обзор книг по китайскому военному искусству) / Сю Баолин. - Пекин: Цзефаньцзюньчубаньшэ, 2002. - 182 с.
2. Чжан Лянькэ. Чжугэ Лян цзи цзяочжу (Собрание обучающих замечаний Чжугэ Ляна) / Чжан Лянькэ. - Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 2008. 256 с.
3. Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу (Военная книга Чжугэ Ляна) / Чжугэ Лян. - Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. - 322 с.

СРАВНЕНИЕ И АНАЛИЗ ЗАПАДНОГО И КИТАЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТОВ

Для того чтобы сравнить культуры западной Европы и Китая нужно учесть отличия по следующим аспектам: искусство, наука, религия, нравственные ценности. Сравним основные характеристики, которые позволяют выделить отличительные черты в культурах запада и Китая.

Все, о чем мы сказали выше вмещает в себя термин Менталитет.

Понятие "Менталитет" было заимствовано из латинского языка "mentis" переводится, как "душа", "ум", "дух", а "alis" можно перевести, как "крылья". Значит дословно этот термин перевести, как "крылья духа". По сути Менталитет означает образ мыслей, склад ума, совокупность эмоциональных, культурных, интеллектуальных особенностей человеческих мировоззрений либо каких-то установок и правил, которые бывают присущи определенной этнической группе.

Если попробовать найти слово Менталитет в словарях иностранных слов середины 20-го века, то окажется, что этот термин там отсутствует. Значит можно сделать вывод, что это понятие попало в русскую разговорную речь сравнительно не давно.

История возникновения термина "Менталитет"

Это понятие впервые было использовано этнологом и историком Леви-Брюлем (1857-1939), который изучал древнего человека, а свое развитие термин "Менталитет" получил чуть позже с помощью французских историков, которые были горячими поклонниками журнала "Анналы", ее еще принято называть "Школой Анналов". Популярность этого журнала пришлось на 1929-1939 годы.

Отсюда можно сделать вывод, что слово "Менталитет" применялось сначала лишь в историческом смысле и только с течением времени перешло в психологию и социологию.

Исходя из темы, мы сравним менталитеты Китая и Запада.

Основные составляющие китайского менталитета - традиционализм, консерватизм, почтительное отношение к прошлому, готовность индивидуального «я» растворяться в общем «мы», преобладание интровертных ориентации над экстравертными, чуждость безграничному рационализму, скептическое отношение к идее всемогущества человеческого разума, почтительно-благоговейное отношение к природе, к всему естественному и др.

Менталитет западного человека характеризуется рядом иных признаков-трангрессивностью общего склада психики, развитостью личностного начала, умением ценить и отстаивать духовную, интеллектуальную, нравственную независимость, бороться за гражданские права и свободы личности, преобладание рационалистических ориентации и др. [2, с.23].

Особенности западного менталитета

Следует особо отметить, что мыслительные и мировоззренческие свойства европейского человека коррелируются с доминирующими особенностями левополушарной активности мозга. Эта активность характеризуется рядом следующих признаков:

1. Трансгрессивность интеллекта. С одной стороны, они позволяют западному человеку устремляться за пределы известного к неизведанному, открывать новое, создавать нечто, ранее не виданное, чего нет в природе. На этом пути возникают самые разные продукты человеческого творчества, появляются изобретения, художественные шедевры, совершенно новые формы мирообъяснения, научные открытия, философские модели мироздания.

2. Жажда новизны, потребность в переменах, отсутствие стойкой привязанности к прошлому и его традициям.

3. Развитость личностного начала, стремление выделять свое индивидуальное «я» из общего «мы», умение ценить и отстаивать духовную, интеллектуальную, нравственную независимость, бороться за гражданские права и свободы личности.

5. Более слабая, чем у восточного человека, развитость адаптивных способностей, отсутствие гибкости и готовности приспосабливаться к любым обстоятельствам, хрупкость, ломкость внутренних структур индивидуального «я».

6. Превозношение разума в качестве высшего авторитета. Запад склонен к научному исследованию мира.

9. Практицизм ориентации, способность погружаться в практическую деятельность с головой и видеть в этом призвание и смысл жизни.

10. Толерантность. социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. Толерантность не равносильна безразличию. Она не означает также принятия иного мировоззрения или образа жизни, она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением.

11. Карл Густав Юнг – швейцарский психоаналитик, философ культуры и основатель аналитической психологии - концептуально изложил различие между восточным и западным мышлением в своей работе «Psychological Commentary on «The Tibetan Book of the Great Liberation». Религиозная точка зрения всегда выражает и формулирует существенную психологическую установку и ее специфические предубеждения, даже когда дело идет о людях, которые забыли или никогда и не слышали о своей религии. Несмотря ни на что, Запад остается целиком и полностью христианским в том, что касается его психологии. Милосердие берет начало где-то в другом месте; во всяком случае, прощение приходит извне. Любая другая точка зрения - сущая ересь. Боязнь, раскаянием, обещаниями, повиновением, самоуничижением, добрыми поступками и хвалой он пытается умиловить великую силу, которой оказывается не он сам, а totaliter aliter, Полностью Иной, совершенно безупречный и «внешний». Восток же, напротив, проявляет сочувственную терпимость к тем «низшим» духовным стадиям, когда человек в своем полном неведении кармы еще беспокоится о грехе и муках собственного воображения, веря в абсолютных богов, которые оказываются всего

лишь пеленой иллюзии, сотканной его собственным непросветленным умом. Таким образом, душа приобретает абсолютную важность: она - это все наполняющее собой Дыхание, сущность Будды; она есть Дух Будды, Единое. Все существующее происходит из нее и все отдельные формы растворяются в ней обратно. Это и есть основное психологическое предубеждение, которое пропитывает все существо восточного человека, просачивается во все его мысли, чувства и действия, независимо от того, какую веру он исповедует» [1].

Особенности Китайского менталитета

1. Отношение к своей и другим нациям

В китайцах высоко развиты чувства национального самосознания, национальной гордости и достоинства. Они гордятся своей историей и культурой, успехами в социально-экономическом развитии.

В настоящее время КНР проводит курс на развитие всесторонних связей с зарубежными странами. Растет число иностранцев, приезжающих в Китай. Их пребывание в стране считается чрезвычайно важным делом. В контактах с иностранцами китайцам рекомендуется следовать словам видного деятеля КНР Чжоу Эньлая, который говорил, что в отношении иностранных гостей надо проявлять сердечную дружбу, относиться к ним без низкопоклонства и высокомерия. Кстати, страну пребывания можно назвать не «Китай» (Чжунго), а «драгоценная страна» (гуйго), что будет расценено как большая почтительность, элемент дипломатического этикета.

Одна из характеристик национальной психологии китайцев - рациональность мышления - выражается в том, что для китайцев полезным и заслуживающим поощрения является только то, что способствует процветанию китайской государственности, ее распространению вширь.

2. Национальный склад ума

Их язык, являющийся одним из труднейших языков в мире, имеет в своей основе иероглифическую письменность, усвоение которой возможно только через конкретное восприятие образов. Поэтому наглядное, зримое стало у китайцев наиболее доступным для восприятия. В этой связи при инструктаже китайца желательно использовать схемы, рисунки, планы; указания должны быть возможно конкретнее и подробнее. Речь китайцев часто насыщена повторениями и разъяснениями, при этом сами повторы воспринимаются как подчеркивание важности сказанного. Характерной особенностью является обилие символов в речи, в быту, в искусстве, в деятельности средств массовой информации. Широко используются иносказания, аналогии, намеки, фразы-клише, идеологические обороты, выражения на древнекитайском языке (веньяне). Примерами политической символики являются такие как компания «пять норм, четыре красоты, три горячих любви», «четыре критерия отбора кадров», «четыре основных принципа»; примерами бытовой и искусствоведческой символики – подарки–символы: персик – пожелание долголетия, рыба – символ богатства, лубочная картина с изображением 5 летучих мышей – пожелание удачи, почета, долголетия, богатства, радости и т.д.

3. Склонность к простым логическим конструкциям.

Образ мышления китайцев можно назвать практическим, чуждым ненужным сложностям. Китаец, как правило, отдает предпочтение простым интеллектуальным построениям как наиболее доступным и рациональным для запоминания, жизни и деятельности. Он очень редко руководствуется абстрактными принципами, его логика отличается высокой предметностью, показателем чего являются, например, пословицы и поговорки. «Не забывай прошлого, оно учитель будущего». «Пришло счастье - будь бдителен; пришло горе - будь стоек», - гласит китайская мудрость

4. Прагматичность.

Ограниченность в ресурсах еды, полезных ископаемых, земли выработала в китайцах гипертрофированную бережливость, прагматизм и расчетливость. Прагматичный китаец рассчитывает до малейших деталей наиболее экономный путь для достижения своей цели. В условиях постоянного недоедания выросли поколения, которым было важно не тратить лишнюю энергию.

5. Национальный темперамент и национальные чувства

Национальный темперамент – это динамическая характеристика проявления всех компонентов психического склада нации. Динамические особенности поведения и поступки людей всегда несут отпечаток национальной принадлежности, и в этом сказывается влияние национального темперамента. Это традиционные типичные формы поведения, выработанные в течение длительного периода специфическими условиями существования нации.

Китайцы, говоря о характере иностранцев, называют его «вай сан», то есть открытым, а свой характер называют «нэй сан», скрытым, замкнутым. Такое положение сложилось много веков назад, когда под воздействием конфуцианской системы ценностей все, что было связано со сферой чувств, с эмоциональным началом, личными переживаниями, склонностями и интересами, оттеснялось на задний план перед категорией «долга».

При получении подарка или приятного известия, при встрече со старым знакомым китайцы бурно выражают удовольствие и радость собеседнику своим удовлетворением и принимают описывать все лучшие качества воспринимаемого им человека, говорят о том, что они не достойны его внимания и т.д.

Особо следует подчеркнуть простоту и непосредственность в общении, полное отсутствие стеснительности и каких-либо комплексов у китайцев всех возрастов. Не стоит обижаться на вопросы личного характера. Ваш новый китайский знакомый может спросить вас о возрасте, семейном положении, наличии детей и т.д. Это не более чем освещенное традицией проявление искреннего к вам интереса [3, с., 12-38].

Стоит отметить что, сегодня в Китае наблюдается борьба двух тенденций в ценностной сфере массового сознания. С одной стороны, все большее распространение получают идеи буржуазной либерализации, подразумевающие «заражение умов» китайской молодежи ценностями западного образа жизни. В то же время в китайском обществе растет критический настрой в отношении западной культуры и общественной мысли, наблюдается рост антизападных настроений.

В настоящее время почти четверть населения страны (около 257 млн. чел.) составляют молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. Современная молодёжь

явилась свидетелем сложных экономических преобразований и представлений. В Китае появился целый ряд признаков, свидетельствующих о постепенной смене жизненных приоритетов и ценностей молодого поколения китайцев, возникли новые тенденции как в культурной, так и в общественной жизни. Различного рода социологические исследования и опросы общественного мнения, проводимые в КНР, также во многом подтверждают это [2, с., 337].

1) Пунктуальность

Главная особенность менталитета жителей Китая заключается в том, что они никуда и никогда не спешат. Они считают, что делать все нужно, неторопливо и размерено. И при этом все их действия должны быть направлены в том русле, которое считается правильным в ракурсе китайской философии. Это означает, что китаец никогда не станет проводить время бесцельно, не создавая ничего, просто разговаривать или часами пить чай на рабочем месте. Просто потому, что жизнь каждого жителя Китая четко расписана. Для каждого занятия у него есть определенное время и место. Церемония чайного часа для него священна, и она не может проводиться на рабочем месте. Также и праздные разговоры, которые ведут лишь к тому, чтобы потешить своё самолюбие, также жителя Китая не интересуют.

2) Свобода самовыражения

Западный человек четко видит цель и идет к ней. Китаец же идет извилистым путем. Более того, восточная культура делает акцент не на цели, а на пути к ней - важен не результат, а процесс. И этот путь никогда не будет прямым. По прямым дорожкам ходят только злые духи-гуи. Эта особенность заложена и в речи: из-за того, что в китайском языке много омофонов¹, очень часто возникает ситуация, когда собеседники неправильно понимают друг друга. Поэтому китайцы одно и то же проговаривают несколько раз, разными словами, образно описывая ситуацию. Европейец это же скажет намного быстрее, с минимумом количества слов и фраз.

3) Социальные коммуникации

Западное общество более атомарно, у человека не так много личных связей. В Китае личные связи играют очень важную роль. По сути, все достигается за счет личных связей. Поэтому складывается ощущение, что человек находится буквально в паутине всевозможных отношений - семейных, дружеских, служебных. Благодаря этому можно довольно легко решить многие вопросы. Впрочем, это же является и серьезным препятствием.

4) Собственное эго

Идеи прав человека, неприкосновенности личности и частной собственности имеют в Европе долгую историю. Их истоки можно найти еще в античной и христианской философии, эти темы серьезно разрабатывались европейскими философами начиная с XVII века (Гоббс, Локк и др.).

Коллективизм - одна из характерных черт китайцев. Эго критикуется как в традиционных учениях (конфуцианстве, даосизме), так и в буддизме. Эго - это то,

---

1

Омофоны - слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному и, соответственно, имеют разное значение

что заслоняет от человека Дао, истинную природу реальности. От Эго нужно избавляться. На Западе же, напротив, культивируется индивидуализм

5) Положение ребенка в семье

В Китае ребенок - «маленький император». Примерно до 5-летнего возраста ребенку позволяется делать все, что он захочет. В общественных местах нередко можно увидеть малышей, которые на виду у всех справляют нужду - они даже носят специальные штанишки с разрезом. Возможно, во многом это следствие политики ограничения рождаемости, которая распространяется только на ханьцев: «Одна семья - один ребенок». Однако, как только ребенок пойдет в школу, у него появится много обязанностей. Как гласит один из древних принципов, «Учитель-господин, ученик-раб». В западных странах дети включены в социум. У них нет особых привилегий кроме тех, которые вытекают из их возраста и физических возможностей.

6) Подход к решению проблем

Если проблему можно обойти, китаец сделает это. В этом и состоит искусство Дао - не ломиться через чашу, а обойти препятствия, подобно тому, как вода обтекает камень.

После всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Культуре Востока свойственно устойчивое историческое развитие, Запад движется вперед рывками.

2. Западная культура характеризуется динамическим образом жизни, разрушается предыдущая система ценностей - возникает другая. Восточная культура отличается незыблемостью, непотворением, устойчивостью. Новые веяния гармонично встраиваются в существующую систему.

3. В восточной культуре уживаются рядом множество религий. В западной главенствует христианство.

4. Восточная культура основывается на древних обычаях, устоях. Западу свойственно расшатывание традиций. Похожая статья: Сравнительный анализ традиционной и современной свадьбы в Республике Корея

5. Для Запада характерно научное, технологичное, рациональное познание мира. Восток иррационален.

6. Человек западного мира оторван от природы, он повелевает ей. Человек Востока слит с природой Восток и Запад имеют большое количество различий в менталитете.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гутарева, Н.Ю.* Сравнительный анализ культур Востока и Запада [Электронный ресурс] / Н.Ю. Гутарева // Молодой ученый. - 2015 Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/90/18765/> - Дата доступа: 26.10.2015.
2. *Васильев, Л.С.* История религий Востока. Учебное пособие для вузов. – 3-е изд., переработанное и дополненное / Л.С. Васильев. - Москва: «Книжный дом» «Университет», 1998. – 432 с.
3. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. - Москва: Языки славянской культуры, 2004. - 240 с.

4. Отличие китайского менталитета от западного: наглядные иллюстрации Ян Лиу [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://anashina.com/otliche-kitajskogo-mentaliteta-ot-zapadnogo/> - Дата доступа: 17.10.2015.

Якушенко К.В.
(Минск, Беларусь)

КИТАЙ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ МАСС-МЕДИА

Статья посвящена изменениям, происходящим в масс-медиа Китая в связи с процессом глобализации. Использование Интернета и информационных технологий для распространения новостей позволило гражданам Китая расширить тематику и повысить качество получаемой информации. В статье приводятся интересные статистические данные, свидетельствующие о том, что Китай занимает лидирующие позиции в мире по развитию медиауслуг. Расширению аудитории масс-медиа способствовало не только использование новых информационных технологий, но и развитие спутникового и проводного телевидения. В условиях глобализации отмечаются следующие тенденции: приобретаются зарубежные теле и радиoprogramмы, заимствуются модели передач. Статья заставляет читателя убедиться в том, что процесс глобализации изменил облик китайских СМИ.

Ключевые слова: Рынок медиауслуг, СМИ, Китай, газетный рынок, телевизионный рынок, ВТО.

Article is devoted to the changes occurring in mass media of China in connection with process of globalization. Use of the Internet and information technologies for distribution of news allowed citizens of China to expand subject and to increase quality of received information. The author notes those changes which occurred in connection with communication development. The interesting statistical data are provided in article, testifying that China wins first place in the world. To expansion of audience of mass media promoted not only use of new information technologies, but also development of satellite and wire television. In the conditions of globalization the following tendencies are noted: are got foreign a body and radio programs, are borrowed models of transfers. Article forces the reader to be convinced that process of globalization changed shape of the Chinese mass media.

Keywords: Market media services, media, China, newspaper market, the TV market, WTO.

Экономическая глобализация и развитие информационного общества требуют усиления обмена между СМИ всех стран мира: все более выявляется значение СМИ и роль их ориентации, все эффективней СМИ ведут общество по пути прогресса и здорового развития.

По мере ускорения процесса модернизации и наступления эпохи информационного общества, мир становится все более открытым, непрерывно активизируется обмен и сотрудничество, усиливаются взаимосвязи и взаимозависимость

между государствами. Рынок медиауслуг играет существенную роль в этом процессе.

Высокими темпами развивается медиаиндустрия и в азиатском регионе, особенно в Китае. Так, например, если проводить анализ по регионам, то 36 % рыночной стоимости газетной индустрии приходится на азиатский регион, 34 % – на европейский, азиатский регион и регион Ближнего Востока, 21 % – на Северную Америку и 9 % на Латинскую Америку (рисунок 1). При этом Китай – это основная страна, в которой потребление газетных изданий будет возрастать (рисунок 2).

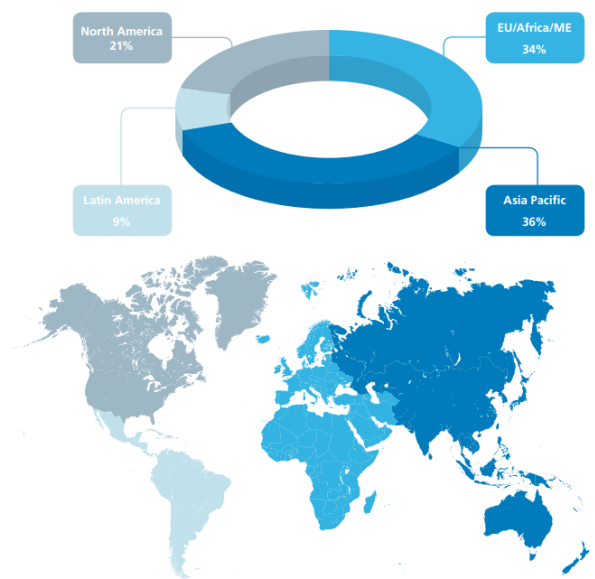

Рисунок 1. – доходы от газетной индустрии по регионам, источник: [1, р. 64]

Китай, благодаря ряду объективных факторов, в том числе приходу зарубежных игроков на этот рынок, стал относиться к одной из самых быстроразвивающихся в мире издательских индустрий, а китайский газетный рынок – самым крупным (ежедневно в Китае продается более 137 млн экземпляров газет). При этом Китай перехватил лидерство у Японии и стал страной с самым большим числом изданий. По мнению экспертов, это может быть связано как с приростом населения в этих странах, повышением уровня грамотности и быстрым распространением новых, в том числе и печатных, технологий.

С начала 1990-х гг. китайская пресса функционирует в основном по правилам рыночной экономики, но в то же время под контролем правительства. В стране все больше издается ежедневных, вечерних и еженедельных, а также специализированных газет. С 1993 по 1997 гг. в Китае было создано 374 новых газет.

В настоящее время отрасль динамично развивается: объемы тиражей продолжают расти (примерно на 3–4 % ежегодно). В 2004 г. объем газетного рынка достиг 3,08 млрд долл., что составило 0,19 % ВВП страны, а объем газетной рекламы – 2,84 млрд долл. (таблица 1). После 2000 г. на китайском рынке прессы стала происходить активная дифференциация информационных продуктов по аналогии с данными процессами в Европе в 80–90-х гг.: регионализация ежедневных газет и увеличение числа общенациональных аналитических изданий (еженедельных, ежемесячных).

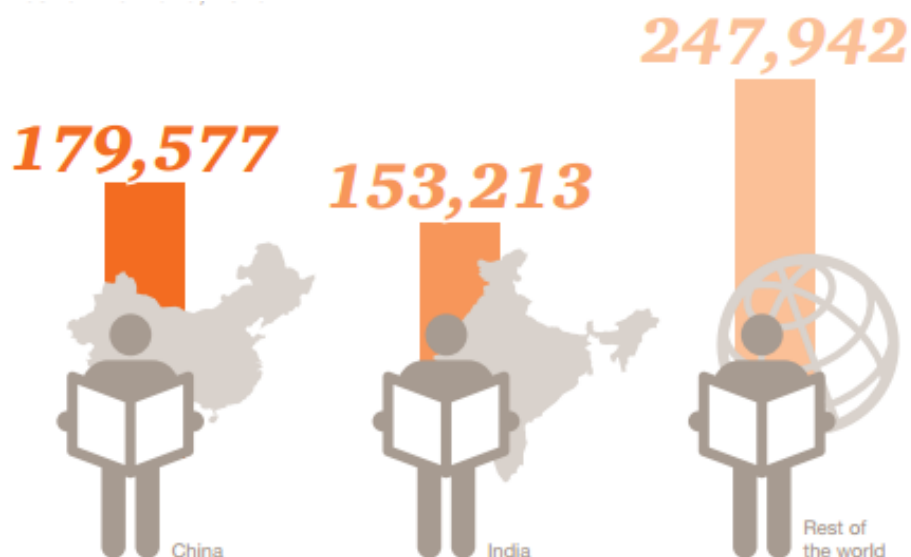

Рисунок 2. – Среднесуточная печать газетных изданий в Китае, Индии и остальном мире (прогноз на 2019 г.), млн экз. Источник: [2].

Из таблицы 1 видно, что в течение 1999–2003 гг. отмечен рост числа ежедневных газет на 28,5 %, прежде всего за счет развития региональной и местной прессы, число изданий которой выросло за этот период на 31,1 %, а тираж – на 40,5 %. За этот же период количество национальных ежедневных газет увеличилось на 6,1 % при одновременном сокращении тиражей на 19,3 %. Таким образом, развитие рынка ежедневных газет происходило главным образом в секторе региональной и местной печати. Число газет, выходящих с другой периодичностью, как в секторе национальных, так и региональных изданий, сократилось. При этом совокупный тираж национальных неежедневных газет вырос на 13,7 %, а региональных – упал на 15,6 %.

Таблица 1 - Динамика газетного рынка Китая, 1999–2003 гг.

Газеты	Количество		Рост/падение в 2003 г. по сравнению с 1999 г., %	Тираж, млн экз.		Рост/падение в 2003 г. по сравнению с 1999 г., %
	1999 г.	2003 г.		1999 г.	2003 г.	
Ежедневные						
Национальные	82	87	6,1	16,24	13,26	-19,3
Региональные и местные	723	948	31,1	53,67	75,39	40,5
Всего	805	1035	28,5	70,09	88,65	26,5
Неежедневные						
Национальные	138	126	-8,7	13,7	15,57	13,7
Региональные и местные	1095	958	-12,5	102,54	86,5	-15,6
Всего	1233	1084	-12,1	116,23	102,07	-12,2

Источник: [3, с. 452].

На 2012 г. уже более 10 газет (а не 5 как в 1998 г.) выходят с тиражом более 1 млн. экз. (рисунок 3).

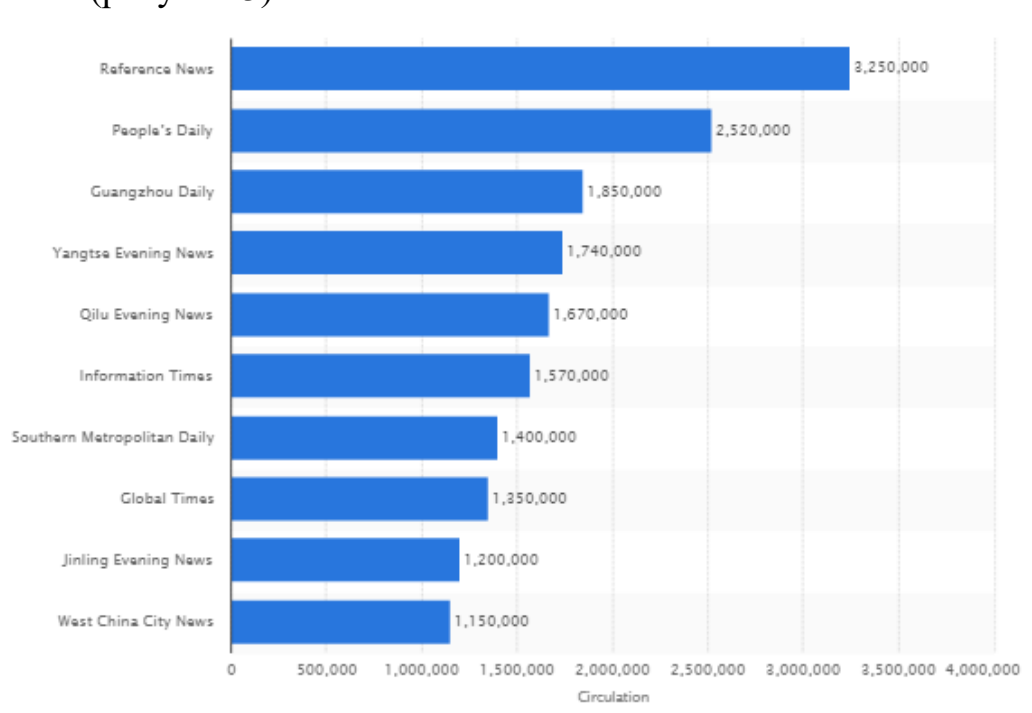

Рисунок 3. – Газетные издания-лидеры в Китае, экз., 2012 г. Источник: [5].

Наконец, в 2014 г. в Китае издавалось 20 газет, тираж которых превышал 1 млн экз. За тот же год тиражи газет выросли за год на 4,17 %, а за пять лет – на 35,69 % [1]. Всего же в стране издается свыше 1900 наименований газет, тираж которых составляет 137 млн экземпляров, среди которых вечерние газеты составляют более 60 %.

В настоящее время индустрия СМИ Китая динамично развивается: объемы доходов индустрии СМИ продолжают расти (примерно на 15 % ежегодно). В 2014 г. доход медиарынка КНР достиг 1136,18 млрд юаней, что составило 1,5 % ВВП страны, а объем газетной рекламы – 77,8 млрд юаней [4].

Процесс регионализации не закончен, хотя государство его активно стимулирует. В крупнейших городах ежедневное потребление газет уже находится на уровне мировых показателей: в Пекине на 1000 чел. ежедневно приобретается 274, а в Шанхае – 268 газет, но в регионах – находится на низком уровне. Охват газетами взрослой читательской аудитории в стране пока тоже невысок – 26,6 %.

Издание журналов в Китае развивается стремительными темпами. В конце 1970-х гг. существовало около 1000 журналов, а к 2014 г. число официально зарегистрированных периодических журналов превысило 9879 (3150 из них можно отнести к деловым, 2700 – к научным, 2300 – к потребительским и др.).

Необходимо отметить, что все большая часть аудитории Китая потребляет прессу посредством электронных гаджетов, однако некоторые журналы-лидеры, китайские версии мировых глянцевого брендов предпочитают выпускать свои издания в Китае в традиционном печатном варианте (рисунок 4).

Некоторым иностранным компаниям было разрешено выйти на китайский медиарынок путем вступления в партнерство с местными компаниями. Еще в 1980 г. International Data Group (IDG), базирующаяся в США, совместно с Институтом

информации и электронных технологий Министерства информационной индустрии КНР начала издавать еженедельный журнал Computer World. В настоящее время компания IDG имеет долю участия в акциях уже в 22 китайских журналах. С 1988 г. французский издатель Hachette Filipacchi Medias Group выпускает китайское издание журнала Elle в партнерстве с местной компанией. Немецкая компания Vogel Burda Media издает в содружестве с китайским партнером ежемесячный журнал CHIP. Многие журналы издаются по иностранной лицензии. В их числе Vogue, Cosmopolitan, Marie Claire, Harper's Bazaar.

По данным статистики, которые приводит Главная администрация прессы и изданий (General Administration of Press and Publication GAPP), в 2004 г. было напечатано 2,84 млрд журналов, общие доходы от тиражей которых составили 13 млрд юаней, из которых в 2004 г. затраты на рекламу достигли 2,03 млрд юаней.

Media	IOS/Andriod	Launch date	Average monthly download	Total Download	Content Difference Compare To Traditional
Cosmopolitan	IOS	2011-07-21	1,227,384	30,836,450	60% selected from print
Bazaar Men	IOS/Andriod	2014-06-01	800,000	/	60% selected from print
Esquire	IOS/Andriod	2011-05-01	520,000	20,535,457	30% selected from print
Bazaar	IOS	2011-07-28	495,642	23,375,456	Completely different content with print, weekly updated
Caijing	IOS/Andriod	2011-08-01	300,000	1,606,819	No big difference with print
SELF	IOS	2013-07-25	200,000	/	No big difference with print
Elle China	IOS/Andriod	2013-03-08	150,000	450,000	10% selected from print
Marie Claire	IOS	2011-02-15	120,000	900,000	No big difference with print
GQ	IOS	2012-12-15	110,000	510,000	No big difference with print
Elle Men	IOS/Andriod	2011-03-01	82,800	467,000	60% selected from print
Rayli EF	IOS	2011-09-01	50,000	1,350,000	No big difference with print
Men's Uno	IOS	2013-01-01	20,000	240,000	60% selected from print
Grazia	IOS	2013-02-06	9,900	72,000	No big difference with print

Рисунок 4. – Выпуск печатных вариантов журналов-лидеров в Китае, 2014 гг. Источник: [6].

Однако самыми распространенными остаются китайские издания, выходящие без участия иностранного капитала. Это черно-белые журналы на тонкой бумаге, продающиеся по очень низким ценам (около 0,37–0,62 доллара). Их огромные выпуски, превышающие 1 млн экз., быстро реализуются и приносят прибыль именно за счет объема тиража, что выгодно отличает их от западных изданий. Основная проблема этих журналов заключается в том, что они по-прежнему существуют за счет бизнес-модели, основанной на реализации большого тиража при низкой себестоимости одного экземпляра.

В настоящее время большая часть китайских журналов принадлежит государству. Различные министерства владеют одним или несколькими изданиями, поэтому концепция изданий В2В («бизнес для бизнеса») не используется.

В 2007 г. правительство Китая предприняло попытки централизации и концентрации издательств прессы. В дальнейшем, возможно, оно позволит иностранным издателям участвовать в этом процессе. Оно также заинтересовано в увеличении роли СМИ в развитии рекламы, хотя здесь существуют ряд нерешенных организационных и юридических проблем, свойственных любой переходной экономике (например, отсутствие независимого тиражного аудита).

Сегодня в основном завершен процесс реформирования управления СМИ. В стране созданы 39 крупных газетно-издательских концернов, в их числе «Бэйцзин жибао», «Вэньхой синьминь» и «Гуанчжоу жибао». В 2003 г. новым шагом стало межрегиональное сотрудничество печатных СМИ. Газета «Синьцзин бао», выпуск которой спонсируют газетные корпорации «Гуанмин жибао» и «Наньфан жибао», стала первой в Китае межрегиональной газетой, официально утвержденной правительством. В конце 2003 г. в Шанхае вышла в свет еженедельник «Ляован дунфан», его самым большим акционером является агентство Синьхуа.

Важнейшими «стратегическими задачами» руководство Государственного комитета печати КНР считает проведение дальнейших структурных реформ в отрасли - выведение основных СМИ из подчинения правительственным ведомствам, усиление борьбы с нелегальной издательской деятельностью. «Благодаря целенаправленной политике КПК модернизация в сфере массовой информации и коммуникации позволила широко использовать рыночные механизмы регулирования и управления производством информационной продукции широкого социального назначения», указывает китайский исследователь Ян Чжи, подчеркивая, что СМИ КНР стали не только инструментом информационной политики государства, но и самостоятельной отраслью экономики страны [7, с.95].

Действительно, по данным Всемирного обзора индустрии развлечений и СМИ компании PWC за июнь 2015 г., объем информационного рынка Китая в 2014 году составил 162 907 млн. долларов, уступая лишь рынку США, а в 2019 году ожидается объем свыше 171 млн. долларов, при том, что рынок КНР может уступить вторую позицию более динамичному японскому рынку [8, с.5].

При этом динамика рекламного рынка КНР прогнозируется положительной и как в целом по региону Восточной Азии покажет рост на 9 % в среднем за год в 2015-2017 гг. (прогноз коммуникационной сети Zenith Optimedia) [9]

В Китае сложилась крупнейшая в мире телевизионная сеть с аудиторией в 1,8 млрд телезрителей. Страна занимает первое место в мире по абсолютному числу телеприемников – в 2005 г. в Китае насчитывалось 448 млн телевизоров. В 2004 г. телевизионным сигналом было охвачено 95,3 % жителей страны. Основой национальной телесистемы является Китайское центральное ТВ. Центральное телевидение - самое крупное и самое мощное в стране, а Шанхай стал самым крупным в Азии рынком по обмену телепрограммами.

В 2003 г. ЦТ КНР открыло два специальных канала - канал новостей и канал для детей. По всей стране - во всех провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения - насчитывается свыше 3 тыс. телевизионных станций.

После 2000 г. и в связи с вступлением в ВТО китайский телевизионный рынок подвергся значительной трансформации. В 2001 г. правительство приняло целевую программу активного содействия реформам, направленную на консолидацию СМИ и создание крупных межрайонных мультимедийных корпораций, выработало конкретные положения относительно аккумуляции капитала по каналам СМИ, сотрудничества с зарубежными инвесторами и трансмедийного развития. На региональном уровне были созданы крупные медиакорпорации, на национальном уровне сформирована мощная Китайская корпорация радиовещания, кинематографии и телевидения. Созданная в конце 2001 г., она объединила ресурсы и потенциал Центрального телевидения и других центральных органов теле- и радиовещания, кинематографии и радио-сетевой компании. В настоящее время корпорация осуществляет операции в области телевидения, Интернета, издательства и рекламы, является самой масштабной и мощной мультимедийной корпорацией в Китае. «Китайская группа радиовещания, кинематографии и телевидения». На сегодня центральное ТВ имеет около 400 блоков программ, время его ежедневного вещания составляет 270 часов. Оно охватывает 90 % территории Китая, его аудитория составляет более 1 млрд жителей страны. ЦТВ ежедневно работает на 10 телеканалах, конкурирующие с ним Пекинское и Шанхайское ТВ - на 6 и 5. Китайское ТВ высоко интернационализировано: международные каналы центрального ТВ на китайском, английском, испанском и французском языках через спутники транслируются на зарубежные страны [10].

Прямое вещание иностранных телеведущих компаний на территории Китая запрещено. До 2000-х гг. иностранные телеканалы принимались через спутниковую связь в гостиницах для интуристов, международных центрах и т. п. Затем началась постепенная либерализация политики в области зарубежного телевидения и участия иностранного капитала в производстве телепрограмм. В 2001 г. несколько крупных иностранных ТВ компаний, в том числе принадлежащая Руперту Мердоку News Corporation, получили разрешение на трансляцию своих каналов через кабельные сети в Гуандуне. В обмен на вещание в Китае компания News Corporation ретранслирует передачи канала CCTV-9 (на английском языке) в США на канале Fox News.

Заметные структурные перемены на телевизионном рынке Китая последних лет связаны с решениями правительства отделить производителей телевизионного продукта от вещателей и разрешить создание негосударственных предприятий по производству телепрограмм. Однако при создании общественно-политических и новостных программ частные инвестиции не допускаются. Рынок независимых производителей телевизионного продукта находится в стадии становления. Разрешен ограниченный импорт зарубежных телепрограмм: иностранным производителям позволено продавать китайским вещателям исключительно музыкальные клипы, спортивные программы и мультфильмы. Иностранным компаниям пришлось также отказаться от рекламы собственных брендов, так как

демонстрация логотипов этих компаний во время синдицированных телешоу запрещена.

В последние десять лет развитие ТВ в КНР также происходило под знаком перехода от аналогового к цифровому вещанию. Правительство КНР планировало довольно решительный переход на цифровое телевидение. В 2006 г. Было введено спутниковое цифровое вещание, с 2008 г. – кабельное, с 2010 г. – наземное. К концу 2015 г. намечено полностью прекратить аналоговое телевидение.

Уже в 2005 г. более 100 китайских ТВ каналов транслировались в цифровом формате, число китайских абонентов цифрового телевидения составляло 4 млн. Несмотря на развитую кабельную сеть, сервис платного телевидения, включая цифровое вещание, пока незначителен: в 2004 г. число подписчиков составляло 1,2 млн.

На 2014 г. цифровое вещание еще так и не набрало значительных оборотов (рисунок 5).

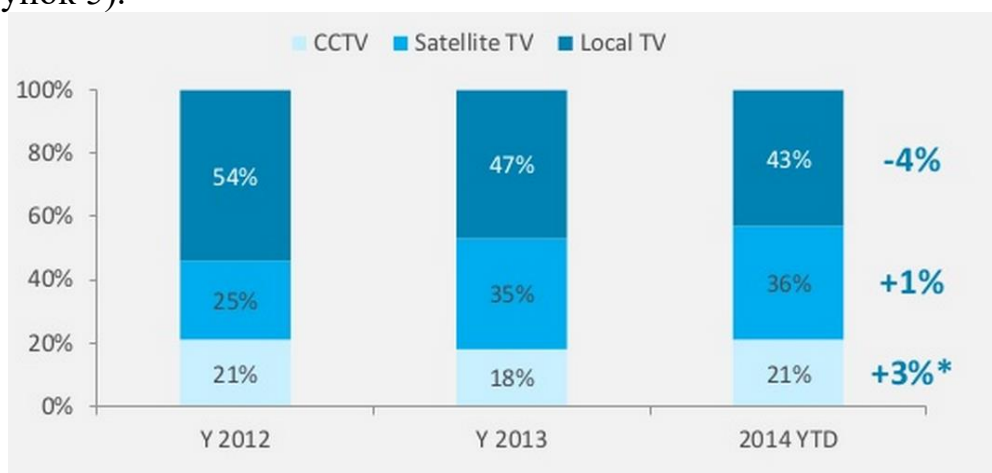

Рисунок 5. – Соотношение просмотров телевизионных платформ в Китае, 2012–2014 гг.
Источник: [7].

Среди причин слабого развития сетей платного ТВ – широкое распространение пиратской видеопродукции и терпимость китайской аудитории к нарушениям авторских прав на продукты медиаиндустрии. Выбирая между дорогим лицензионным продуктом и дешевой пиратской продукцией низкого качества, китайский зритель отдает предпочтение последней.

Таким образом, можно отметить тот факт, что развитие рынка медиауслуг в Китае достигло достаточно высоких результатов. Накоплен определенный опыт как в плане увеличения количества информационных сообщений, так и в плане улучшения управления и хозяйствования масс-медиа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. World Press Trends 2014. – Washington, 2015. – 64 p.
2. Global Entertainment and Media Outlook, 2015–2019 // PWC. – Режим доступа: www.pwc.com/outlook. – Дата доступа: 11.06.2015.
3. 2006 China Statistical Yearbook / China Statistical Press. – China: China Statistical Press, 2006. – 915 p.

4. Report on Development of China's Media Industry (2015). – China: Social Sciences Academic Press, 2015. – 464 p.
5. Лидеры в газетной индустрии. – Режим доступа: <http://www.statista.com/statistics/243688/leading-newspapers-in-china-by-circulation>. – Дата доступа: 08.06.2015.
6. China Media & Digital Scene 2014 / ZenithOptimedia. – 2014. – 152 с.
9. Ян Чжи, Тянь Юехун. Современная журналистика Китая: вечерняя пресса, региональное радио / Ян Чжи, Тянь Юехун. – Минск, 2011. – 254 с.
10. Всемирный обзор индустрии развлечений и СМИ компании PWC, июнь 2015 г. // Электронный ресурс: www.pwc.ru. – Режим доступа: <http://pwc.ru/outlook>. – Дата доступа: 07.08.2015.
11. ZenithOptimedia: В 2015 году российский рекламный рынок сократится на 17%. 6 июля 2015 г. // Электронный ресурс: adindex.ru. – режим доступа: <http://adindex.ru/publication/analytics/forecasts/2015/07/6/125-538.phtml>. – Дата доступа: 07.08.2015 г.
12. Информация предоставлена Китайским информационным Интернет-центром <http://russian.china.org.cn>. для www.kitairu.info.-- Электронный ресурс www.kitairu.info. – Режим доступа: http://www.kitairu.info/about_china/culture/smi. – Дата доступа: 04.08.2015.

**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ
КИТАЕВЕДЕНИЯ**

«ПОКОЙ СРЕДИ ВОЛНЕНИЯ»: О ВКЛАДЕ ЧЭНЬ ИН-НИНА В ИЗУЧЕНИЕ ДАОСИЗМА

Статья посвящена исследованию жизнедеятельности даосского наставника Чэнь Ин-нина. Обсуждается его вклад в изучение и реформирование даосизма первой половины XX в. Особое внимание уделяется роли Чэнь Ин-нина в популяризации даосских методов самосовершенствования для женщин.

Ключевые слова: Китай, даосизм, Всекитайская ассоциация последователей даосизма, Институт изучения бессмертия, даосские методы, «женская алхимия», Чэнь Ин-нин, Сунь Бу-эр, сянь сюэ 仙学, нью дань 女丹.

This article is devoted to the exploration of ability to live of Taoist master Chen Ying-ning. Its contribution to studying and reforming Taoism in the first half of the XX century is being discussed. Special attention is given to the role of Chen Ying-ning in the popularization of Taoist's methods of self-cultivation for women.

Keywords: China, Taoism, Chinese Taoist Association, Institute of studying of immortality, Taoist methods, «female alchemy», Chen Ying-ning, Sun Bu-er, xian xue 仙学, nü dan 女丹.

«Покой среди волнения» прозвище даосского деятеля и исследователя даосизма Чэнь Ин-нина 陈樱宁 (1880–1969), внесшего весомый вклад в изучение и популяризацию даосских методов самосовершенствования. В ранние годы он получил посвящение в даосской школе Врата дракона 龙门 (Лунмэнь), а позднее возглавил Всекитайскую Ассоциацию Последователей Даосизма (ВАПД).

Подробные сведения о Чэнь Ин-нине опубликованы в современных собраниях его работ «Китайская наука о сянях» [1], «Даосизм и учение о “вскармливание жизни”» [2] и «Открываем тайны учения о сянях. Тайная библиотека даосских методов “вскармливание жизни”» [3]. Среди них наиболее интересны, на наш взгляд, автобиография Чэнь Ин-нина [2, с. (1) – (5)] и статья китайского специалиста по даосизму Ли Ян-чжэна 李养正 «О Чэнь Ин-нине, основателе “Науки о сянях-небожителях”» [2, с. 444–453]. Детальному изучению жизнедеятельности Чэнь Ин-нина и созданной им «науки, изучающей традиции сяней» 仙学 (сяньсюэ) посвящена диссертация Лю Сюня «В поисках бессмертия: даосская внутренняя алхимия в Китае начала двадцатого века» [4]. На русском языке краткие сведения о Чэнь Ин-нине и критическую оценку его учения приводит С.В. Филонов в статье «Исследование даосизма в Китае: достижения и перспективы» [5, с. 85–86].

Чэнь Ин-нин родился в Хуайнине 怀宁, пров. Аньхой 安徽 в семье конфуцианского ученого Чэня Цзин-бо 陈镜波 в 19 день 12 лунного месяца по традиционному китайскому календарю. Первоначально был назван Чэнь Чжи-сян 陈

志祥 и Чэнь Юань-шань 陈元善, по второму имени (*цзы*) Чэнь Цзы-сю 陈子修. После посвящения в даосское учение получил прозвище (*дао хао*) Юань-дунь-цзы 圆顿子, а затем изменил его на Ин-нин 樱宁 (Покой среди волнения), взяв прозвище из своей любимой книги «Чжуан-цзы», где выражение *ин нин* говорит о «достижении спокойствия, несмотря на волнения суетного мира». Его отец увлекался даосизмом, а дед - известное медицинское светило, часто заводил разговор о чудесных Небожителях 神仙 (*шэнь сянь*) будучи великолепным рассказчиком и знатоком даосской традиции. В их доме было много даосских книг и, познакомившись в десятилетнем возрасте с «Жизнеописанием чудесных Небожителей» 神仙传 (*Шэнь сянь чжуань*) кисти известного даосского деятеля IV в. Гэ Хуна 葛洪, маленький Чэнь заинтересовался учением о Небожителях-сянях. В 13 лет он читает «Наиважнейшие главы о Сокровенном» 玄要篇 (*Сюань яо пянь*) Чжан Сань-фэна 张三丰, а в 16 лет, сдав провинциальные экзамены и получив ученую степень *сюаця*, интересуется *Цань тун ци* 参同契 и «Главами о прозрении истины» 伍真篇 (*У чжэнь пянь*) Чжан Бо-дуаня 张伯端 (984–1082). В 19 лет, заболев туберкулезом легких, Чэнь обращается к методам даосской алхимии и «вскармливания жизни» (*ян шэн* 养生), изучая работы даосских деятелей школы У-лю пай 伍柳派 У Чун-сюя 伍冲虚 (1565–1644) и Лю Хуа-яна 柳华阳 (1735–1799) в надежде самостоятельно победить свой недуг. В 25 лет он поступает в Высшее юридическое училище, которое ему не удается закончить из-за возобновившейся болезни. В 28 лет Чэнь Ин-нин обращается к буддийскому учению и методам пестования сердца и внутренней природы. Однако, так и не сумев исцелиться, он вновь возвращается к даосизму, много странствует по «знаменитым горам» (*мин шань*) и посещает даосские обители. Поправив здоровье, Чэнь всем сердцем устремляется к даосизму, твердо решив стать проводником даосских идей. В 1911 г. он приезжает в Шанхай, где проводит три года, изучая даосские методы по сочинениям *Дао цзана* 道藏 из шанхайской обители Белого облака 白云观 (*Байюньгуань*). Затем направляется в город Ханчжоу (пров. Чжэцзян), где в буддийском монастыре Хайчаосы 海潮寺 в течение года изучает буддийские сутры, проводя сопоставления между даосизмом и буддизмом. После Чэнь Ин-нин держит путь в Пекин, в монастырь Байюньгуань, желая на практике освоить методы даосской алхимии. В 1916 г. он сочетается браком с У И-чжу 吴彝珠 - изучавшей медицину в США по специальности акушерства и гинекологии, которая становится его сподвижницей на Пути-Дао [2, с. 445–447].

Стремясь поднять научную значимость даосизма и подчеркнуть его ценность как немаловажной части национального культурного наследия, Чэнь Ин-нин создает «особое исследовательское направление, которое называет *шаньсюэ* - “наука о сяньском”, “наука, изучающая традиции сяней”. Эта наука,

как указывает российский специалист в области изучения даосизма С.В. Филонов, «включала в себя методы оздоровления и продления жизни, которые могут быть объяснены, а их практическая значимость может быть доказана реальной жизнью». В своем сообщении Чэнь Ин-нин старался показать отличие «науки, изучающей традиции *сяней*» от суеверий (*мисинь*) и профанического знания «народных религий», утверждая, что в основе *сяньсюэ* должно лежать «изучение, но никак не поклонение», основанное на принципе «рационального знания и практической полезности». Поэтому он соединил в своей науке не только практические области даосизма (внешнюю и внутреннюю алхимию, фармакологию и т.д.), но и методы «пестования жизни», традиционную китайскую медицину и др. [5, с. 86]. О расширении области применения «медицинских, психологических и синергетических аспектов даосского учения» в рамках *сяньсюэ* свидетельствует его работа «Методика лечения неврастении статическими упражнениями» 神经衰弱静功疗养法 (*Шэнь цзин шуай жо цзин гун ляо ян фа*), переведенная в 2012 г. на английский язык под заглавием «Сидение в неподвижности: Даосские методы для оздоровления ума и тела» [6]. Ее материал основан на практических семинарах по методам *цзин-гун* 静功, которые Чэнь проводил в 1956 г. в санаторно-курортной лечебнице, расположенной в горах Пинфэншань.

В целом, в первой половине XX в., как указывал Е.А. Торчинов, «даосизм с трудом приспособляется к новым условиям, а политическая ориентация духовенства оставалась весьма консервативной. Даосизм не возглавил обновленческое движение. Напротив, традиционализм даосизма нарастал, увеличивалась тенденция к замкнутости и обособлению, точному воспроизведению норм жизни и обрядов прошлого» [7, с. 251]. Чэнь Ин-нин активно выступает с критикой «консерватизма духовенства» в даосизме, равно как в буддизме и конфуцианстве, противопоставляя им реформаторские интенции *сяньсюэ* к обновлению и модернизации [2, с. 454.].

Видя в «учении *сяней*» 仙学 (*сяньсюэ*) средство возрождения страны Чэнь Ин-нин стремился разъяснить концепцию *сяньсюэ* не только узкому кругу своих учеников, но и более широкой общественности. В 1933 г. при поддержке его ученика Ван Бо-ина 汪伯英 выходит первый номер «Полумесячного выпуска “Славим добро”» 扬善半月刊 (*Ян шань бань юэ кань*), в котором Чэнь Ин-нин стал главным редактором и автором статей. К середине 1937 г. было издано 99 номеров этого журнала. После двухлетнего перерыва при содействии другого ученика Чжан Чжу-мина 张竹铭 Чэнь Ин-нин учреждает с 1939 г. «Ежемесячный журнал “Путь *сяней*”» 仙道月报 (*Сянь дао юэ бао*), который к середине 1941 г. насчитывал 30 номеров [2, с. 448; 5, с. 86]. На страницах журналов Чэнь Ин-нин предпринял усилия раскрыть «тайные методы» «внутренней алхимии», что стало беспрецедентным обсуждением даосских методов в национальном масштабе. Его публикации нашли широкий отклик среди читателей, позволяя нескольким тысячам

подписчиков получить более глубокие представления о даосизме и поддержку на различных этапах практики. Кроме журналов Чэнь Ин-нин рассказывал о даосских методах на лекциях и семинарах в «Институте изучения бессмертия» 仙学院 (*Сянь сюэ юань*), который он открыл в 1938 г. в Шанхае, где под его руководством занимались несколько десятков человек.

Помимо редакторской и просветительской деятельности Чэнь Ин-нин принимал активное участие в восстановлении даосских монастырей и оказывал поддержку местным храмам, которые к тому времени полностью пришли в упадок при отсутствии правительственного субсидирования. Во время японской оккупации Чэнь Ин-нин занялся медициной и помогал раненым и беженцам. Его жизнь изменилась в 1945 г. в связи со скоропостижной кончиной его жены У Ичжу, которая умерла от рака груди. Чэнь Ин-нин скитался по ученикам, друзьям и знакомым, постоянно переезжая из города в город каждые несколько лет. В 1953 г. он переселился в Ханчжоу, где заведовал отделом изучения литературы и истории. В 1956 г. он возглавил комитет по организации Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД) 中国道教协会 (*Чжунго даоцзяо сехуэй*), и стал вице-председателем ее филиала в Ханчжоу (пров. Чжэцзян), основанного одновременно с ВАПД в апреле 1957 г. В 1961 г. Чэнь Ин-нин был избран вторым Председателем правления Всекитайской ассоциации последователей даосизма. Приоритетными направлениями деятельности Ассоциации были обозначены: исследование истории даосизма, воспитание кадров даосской интеллигенции, охрана памятников культуры, связанные с историей даосизма [7, с. 252]. К концу первой половины XX в., как отмечал Е.А. Торчинов, «большинство даосских священнослужителей (*дао ши*) не интересовались религиозно-философскими проблемами, не знали даже основных текстов “Дао цзана” и не занимались проповедью, ограничиваясь, по существу, тщательным воспроизведением обрядовой стороны религии, не рефлексировав по поводу ее содержания. Поэтому жизнеспособность даосизма во многом зависела от повышения образовательного, культурного и богословского уровня духовенства» [7, с. 252]. За время деятельности Чэнь Ин-нина на посту Председателя под его руководством в 1962 г. начал работу «Научный отдел Всекитайской ассоциации последователей даосизма» 中国道教协会研究室 (*Чжунго даоцзяо сехуэй яньцзю ши*), который издавал «Журнал Даосской ассоциации» 道教协会刊 (*Даоцзяо сехуэй кань*) (т. 1–3, 1962–1963 гг.), посвященный проблемам изучения истории даосизма. Также он организовал «Курсы усовершенствования знаний по даосизму» 道教知识进修班 (*Даоцзяо чжishi цзиньсюбань*) для даосских священнослужителей. Во время периода так называемой «Культурной революции» Ассоциация была распущена, многие ученики Чэнь Ин-нина были сосланы в лагеря, а сам он через некоторое время скончался в пекинском госпитале 23 мая 1969 г. в возрасте 89 лет.

Чэнь Ин-нин посвятил более 60 лет изучению даосизма, был автором и редактором ряда работ по его истории, прокомментировал множество даосских источников. Он написал «Истолкование смысла “Книги Жёлтого дворика”» 黄庭经讲义 (*Хуан тин цзин цзян и*) [2, с. 207–221], «Истоки происхождения даосизма» 道教起源 (*Дао цзяо ци юань*) [2, с. 36–42], «Исследование спорных моментов в жизнеописании Лао-цзы в “Исторических записках”» 史记老子传问题考证 (*Ши цзи Лао-цзы чжуань вэнь ти као чжэнь*) [2, с. 8–14], «Наиважнейшая суть отдельных фрагментов из внутренних и внешних глав трактата “Чжуан-цзы”» 南华内外篇分章标旨 (*Нань-хуа нэй вай пянь ли чжан бяо чжи*) [2, с. 23–36], и т.д. Он был главным редактором «Корпуса знаний по даосизму» 道教知识类编 (*Дао цзяо чжи ши лэй бянь*) [2, с. 63–149], а так же составил «Краткое обозрение даосских обществ на всей территории Китая» 中华全国道教会缘起 (*Чжун хуа цюань го дао цзяо хуэй юань ци*) [2, с. 1–3].

Особый вклад Чэнь Ин-нин внес в развитие традиции «женской алхимии» 女丹 (*нюй дань*) - психофизиологического направления для женщин, созданного в рамках даосизма в эпоху Цин (1644–1911)¹. Ему принадлежат комментарии к четырнадцати поэмам, восходящих, согласно традиции, к даосской наставнице школы Совершенной истины 全真 (*Цюаньчжэнь*) Сунь Бу-эр 孙不二 (1119–1182) «Комментарии к поэмам Сунь Бу-эр по женской алхимии» 孙不二女丹诗注 *Сунь Бу-эр нюй дань ши чжу* (1934 г.) [2, с. 149–174; 3, с. 636–669; 10]. Он прокомментировал и перевел на *бай-хуа* стихи даоски Цао Вэнь-и 曹文逸 (fl. 1119–1125) «“Песнь о великом Дао-Пути одухотворенного начала” на *бай-хуа* с комментариями и разъяснениями» 灵源大道歌白话注解 *Лин юань да дао гэ бай хуа чжу цзе* (1939 г.) [2, с. 186–201]. Чэнь Ин-нин отредактировал, прокомментировал и издал пять сочинений, посвященных женской практике «внутренней алхимии», объединив их под названием «Учение о Дао для женщин: собрание работ» 女子道學小叢書 (*Нюйцзы даосюэ сяо цуншу*) (1935–1939 гг.) [11]. При редактировании сочинений по «женской алхимии» Чэнь Ин-нин считал важным использовать научный подход, как при обсуждении женских методов, так и при анализе происхождения самих текстов. Он заменяет схоластическое объяснение их появления на рациональное, а вместо религиозной составляющей женской практики акцентирует внимание на проблемах женского здоровья, методиках лечения женских болезней, способах омоложения и укрепления организма.

Кроме редактирования и комментирования текстов по «женской алхимии» Чэнь Ин-нин вел активную переписку с некоторыми читательницами его журналов, среди которых преобладали образованные женщины, открыто и подробно

¹ Вклад Чэнь Ин-нина в развитие традиции «женской алхимии» отметили зарубежные исследовательницы даосизма К. Деспё и Л. Кон [8, р. 203, 208–210] и Е. Валусси [9, pp. 180–187].

обсуждая с ними традицию *нюй дань*. В современном сборнике его работ «Открываем тайны учения о *сянях*. Тайная библиотека даосских методов “вскармливания жизни”» приводятся пятнадцать писем, представляющих собой обмен вопросами и ответами между Чэнь Ин-нином и женщинами, которые заинтересовались даосскими методами самосовершенствования. Чэнь Ин-нин вел переписку с учительницей Чжу Чан-я 朱昌亚 [3, с. 234–241], журналисткой и поэтессой Люй Би-чэн 吕碧城 [3, с. 270–277], с Чэнь У-сюань 陈悟玄 из Баоина, пров. Цзянсу [3, с. 242–243, 244, 245–250, 256–258, 259–260, 261] и с Чжан Хуэй-кунь 张慧坤 [3, с. 268–269], писал «некой образованной даме из Аньяна, пров. Хэнань» [3, с. 262–264, 265] и ответил на «13 вопросов некой образованной даме из Шанхая» [3, с. 251–255]. В общей сложности Чэнь Ин-нин обсудил со своими читательницами около двухсот вопросов. Большую часть из них составляли вопросы по теории и практике «женской алхимии» - даосских методах самосовершенствования, предназначенных для женщин, в которых Чэнь Ин-нин видел средство женской эмансипации.

Чэнь Ин-нин утверждал, что «учение *сяней*» предоставляет равные возможности, как мужчинам, так и женщинам на стезе самосовершенствования. По его мнению, гендерный уклон на заключительном этапе практики (согласно сочинениям по «женской алхимии», мужчина может самостоятельно подняться на Небо, а женщина вынуждена ждать спасения) был создан искусственно и не является естественно обусловленным природными различиями между полами. В возможностях стать Небожителями-*сянями*, считал он, мужчины и женщины равны [3, с. 245]. И хотя он ратовал за методы «женской алхимии», он не отрицал, что женщина может достичь определенных успехов и с помощью других даосских практик.

Согласно Чэнь Ин-нину, разделение наставлений по алхимии для женщин 女丹诀 (*нюй дань цзюэ*) на субтрадиции 派 (*пай*) должно производиться по методологическому признаку и не зависеть от личности основателя или месторасположения. В письме к Чжу Чан-я 朱昌亚 Чэнь Ин-нин описывает даосские методы, условно разделяя их на шесть различных субтрадиций, которые, по его мнению, могут быть полезны женщинам на стезе самосовершенствования:

«1. Субтрадиция Почтенной матушки с гор Чжунтяо 中条老姆派 (*Чжунтяо Лао му пай*). Преемник Северной школы. Вначале обучаются искусству владения мечом, которое подразделяется на две разновидности - “Меч Закона” 法剑 (*фа цзянь*) и “Меч Дао” 道剑 (*дао цзянь*). О методах этой школы смотрите в “Полном собрании сочинений Предка Люя” 吕祖全书 (*Люй цзу цюань шу*). В некоторых современных даосских школах... все еще можно заметить влияние этой субтрадиции. Так как их методы освоить не просто, ныне люди, которые достигают успеха в этом искусстве, стали очень редки. Однако, с помощью таких методов также можно достичь успеха на Пути *сяней*. Я изучал эту субтрадицию и не могу

этого не признавать. (Горы Чжунтяошань расположены в уезде Юнцзи, провинции Шаньси).

2. Субтрадиция Матушки Чэнь из Даньяна 丹阳谶姆派 (*Даньян Чэнь му пай*). Эта субтрадиция совмещает приготовление и принятие “Чудесной киновари небесного первоначала” 天元神丹 (*Тянь юань шэнь дань*) с использованием формул-амулетов 符 (*фу*), заклинаний 咒 (*чжоу*) и ритуальных текстов 篆 (*лу* - «реестры») для призыва [духов к алтарю]. “Даньян” - это название местности, а “Чэнь му” - это имя. [Это субнаправление] было основано наставником Сюй Сунем 许逊 и развивалось У Мэнном 吴猛. После того, как Сюй Сунь получил передачу [учения] от Матушки Чэнь и скончался, У, следуя наказам Матушки Чэнь, возродил методы Сюя. Совершенный владыка Сюй написал “Записи из каменной шкатулки” 石函记 (*Ши хань цзи*), Совершенный владыка У сочинил «Письмена с медных бирок и железных грамот» 铜符铁券文 (*Тун фу те цюань вэнь*). Обе эти книги повествуют о том, как изготовить “Чудесную киноварь небесного первоначала”. Это и есть наследственная передача от Матушки Чэнь. Эти два произведения являются лучшими среди [книг] по методам алхимии. Однако до сих пор среди изучающих Дао многие относятся к ним с опасением и не осмеливаются опробовать их. Со времен династии Мин [ими занимались] только Чжан Сань-фэн, а затем Шэнь Вань-сань - кроме них двоих особенно больше ни о ком не известно.

3. Субтрадиция госпожи Вэй с Южного пика 南岳魏夫人派 (*Нань юэ Вэй фу жэнь пай*). Эта субтрадиция совмещает “очищение мыслей” 精思 (*цзин сы*) с “обытийствованием” 存想 (*цунь сян*) [духов-божеств], исповедуя ортодоксальное учение “Книги Жёлтого дворика” 黄庭经 (*Хуан тин цзин*)¹. После того, как от госпожи Вэй [Хуа-цунь] была получена “Книга Жёлтого дворика”, в течение ряда поколений очень многие женщины опирались при совершенствовании в Истинном [на методы этой книги]. Среди них были такие как Лу Мяо-дянь 鲁妙典, Цуй Шао-сюань 崔少玄, Се Сюань-тун 薛玄同 и др. В моей книге “Истолкование смысла «Книги Жёлтого дворика»” есть немного о Линь Бань-чжао 麟半爪. Когда [у Вас] будет свободное время, пожалуйста, постепенно просматривайте.

4. Субтрадиция бессмертной девы Се Цзы-жань 谢自然仙姑派 (*Се Цзы-жань сянь гу пай*). В этой субтрадиции начинают с “отказа от употребления злаков” 辟谷 (*пи гу*) и “питания дыханием-ци” 服气 (*фу ци*). Обязательно изучают “Книгу-основу Чжун-хуана” 中黄经 (*Чжун хуан цзин*) и в последствии опять све-

1

Госпожа Вэй с Южного пика 南岳魏夫人 (*Нань юэ Вэй фу жэнь*) — полулегендарная наставница учения Высшей чистоты 上清 (*Шанцин*) Вэй Хуа-цунь 魏華存 (ок. 251–334). Подробно о ее жизни, подвижничестве и традиции, развивающей идеи «Книги Жёлтого дворика» можно прочесть в книге С.В. Филонова. [12, с. 133–137, 142–303]. О «Книге Жёлтого дворика» и изложенных в ней методах подробно написано и в статье, специально посвященной этому источнику [13].

ряются с дыхательными методами различных школ. Соединяют рецепты различных диет и пост. Тем, у кого молодой и здоровый организм, можно использовать [эти методы], тем, кто старше и тело ослаблено, боюсь, не подойдет всецело следовать этими методами. Се Цзы-жань еще девочкой, которой едва исполнилось десять лет, уже изучила Дао-Путь. Сколько в древности и ныне существует людей способных на это?

5. Субтрадиция Совершенной Цао Вэнь-и 曹文逸真人派 (Цао Вэнь-и чжэнь жэнь пай). Эта субтрадиция следует за “очищением сердца и умерением страстей” 清心寡欲 (цин синь гуа юй), начиная со “сдерживания внутри духа-шэнь” (досл. “дух-шэнь не устремляется наружу” 神不外驰 чэнь бу вай чи), “достижения мягкости сосредоточением дыхания-ци” 专气致柔 (чжюань ци чжи жоу) и “овладения внутри Изначальной гармонией” 元和内运 (юань хэ нэй юнь). С начала до конца [упражнений] не возможно выделить, какие методы самые сложные и самые легкие. Подробно смотрите “Песнь о великом Дао-Пути одухотворенного начала” в 77-мом номере “Полумесячного выпуска «Славим добро»”.

6. Субтрадиция Изначальной владычицы Сунь Бу-эр 孙不二元君派 (Сунь Бу-эр юань цзюнь пай)¹. Эта субтрадиция представлена методом “Великое Иньское начало выплавляет форму” 太阴炼形 (тай инь лян син). Сначала приступают к “Обезглавливанию Красного дракона” 斩赤龙 (чжань чи лун). Это и есть основной вид упражнений для женского самосовершенствования. Подробно [об этой субтрадиции] смотрите в моей книге “Комментарии к поэмам Сунь Бу-эр о женской алхимии” 孙不二女丹诗注 (Сунь Бу-эр нюй дань ши чжу)» [3, с. 237–238].

Чэнь Ин-нин отмечал, что в отличие от других религий мира, которые предоставляют мизерные возможности для равенства мужчин и женщин, «школа чудесных Небожителей-сяней» 神仙家 (шэнь сянь цзя) занимает совершенно иную позицию. Это учение говорит о том, что женщины в своем подвижничестве достигают успехов и результатов значительно быстрее мужчин. Там, где мужчине надо три года упорного труда, женщина достигает результат за один год. И это объясняется особенностями жизненных процессов, которые протекают в ее теле [2, с. 152]. На страницах письма к Чжу Чан-я он рассказывает о связи женской практики и возраста². Свою концепцию Чэнь основывает на главе «Вопросы о простейшем» 素问 (Су вэнь) из «Книги Жёлтого императора о внутреннем» 黄帝内经 (Хуан-ди нэй цзин), где описана взаимосвязь способности к деторождению с возрастными изменениями, происходящими в женском теле по семилетнему циклу [3, с. 239–241].

¹ О жизни и духовном пути даосской наставницы Сунь Бу-эр см. исследование автора этих строк [14].

² С переводом обсуждения Чэнь Ин-нином взаимосвязи даосской практики и возраста женщины можно познакомиться в нашей публикации [15].

Кроме разъяснения основ «женской алхимии» Чэнь Ин-нин обсуждал с женщинами такие житейские проблемы как диета, какое местоположение лучше выбрать для занятий даосскими методами и какие покупать книги [3, с. 253]. Благодаря усилиям Чэнь Ин-нина и его учениц, к середине XX в. «женская алхимия» из способов улучшения здоровья, обретения «бессмертия» и ограничения религиозной активности женщин стала средством самореализации и духовного освобождения.

Комментарии, которые Чэнь Ин-нин написал к многочисленным даосским сочинениям, публичное обсуждение описанных в них методов в созданном им «Институте сянь сюэ», просветительская, редакторская и исследовательская деятельность Чэнь Ин-нина дает нам право считать его одним из видных исследователей и реформаторов даосизма в XX столетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чэнь Ин-нин. Чжунхуа сяньсюэ (Китайская наука о сянях) / Чэнь Ин-нин. – Тайвань: Чжэньшаньмэй чубаньшэ., 1978. 中华仙学. 台湾: 真善美出版社.
2. Чэнь Ин-нин. Даоцзяо юй яншэн (Даосизм и учение о «вскармливание жизни») / Чэнь Ин-нин // Чжунго даоцзяо сехуэй бянь (Сост. Всекитайской ассоциацией последователей даосизма). – Пекин: Хуавэнь чубаньшэ, 1989. – 2+5+6+478 с. 陳櫻寧著. 道教與養生 / 中國道教協會編. 北京: 華文出版社.
3. Чэнь Ин-нин и др. Сянь сюэ цзе ми. Дао цзяо ян шэн ми ку. (Открываем тайны учения о сянях. Тайная библиотека даосских методов «вскармливания жизни») / Чэнь Ин-нин // Сост. Хун Цзянь-линь. – Далянь: Далянь чубаньшэ, 1991. – 2+10+11+976 с. 仙学解秘. 道教养生秘库. 洪建林编. 大连: 大连出版社.
4. Liu Xin. In Search of Immortality: Daoist Inner Alchemy in Early Twentieth Century China, Ph.D. diss. University of Southern California, 2001.
5. Филонов, С.В. Исследование даосизма в Китае: достижения и перспективы / С.В. Филонов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2012, № 3 (35). – С. 83–92.
6. Chen Ying-ning. Quiet Sitting: The Daoist Approach for a Healthy Mind and Body / Chen Yin-ning. - Shanghai Press, Better Link Press, 2012. – 144 p.
7. Торчинов, Е.А. История даосизма / Е.А. Торчинов // Духовная культура Китая: энциклопедия: Т. 2. Мифология. Религия / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Изд-во Вост. лит. РАН, 2007. – С. 210–259.
8. Despeux C. Women in Daoism / C. Despeux, L. Kohn. – Cambridge, 2003. – 296 p.
9. Valussi E. Female Alchemy and Paratext: How to Read nüdan in a Historical Context / E. Valussi // Asia Major, 2008, № 2 (21). – P. 153–193.
10. Чэнь Ин-нин. Сунь Бу-эр нюй дань ши чжу (Комментарии к поэмам Сунь Бу-эр по женской алхимии) / Чэнь Ин-нин. – Тайбэй: Чжэнь шань мэй чубаньшэ, 1974. 孫不二女丹詩註. 陳櫻寧註. 台北: 真善美出版社.

11. Ньюцзы даосюэ сяо цуншу (Учение о Дао для женщин: собрание работ) / Под редакцией и с исправлениями Чэнь Ин-нина. – Гонконг: Синьитан юсянь гунсы, 2010. – 12+194 с. 女子道學小叢書 / 陳櫻寧刪訂。香港：心一堂有限公司。
12. Филонов, С.В. Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники IV–VI вв / С.В. Филонов. – СПб.: Изд-во Петербургское востоковедение, 2011. – 656 с.
13. Филонов, С.В. «Книга Желтого дворика» и даосское учение о бессмертии / С.В. Филонов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2010, № 3 (27). – С. 40–50.
14. Белая, И.В. Жизнеописание наставницы Сунь Бу-эр в даосской традиции / И.В. Белая // Вопросы культурологии, 2010, №1. – С. 28–32.
15. Белая, И.В. «Новые женщины» Чэнь Ин-нина: развитие традиции «женской алхимии» в первой половине XX века / И.В. Белая // В пути за китайскую стену: к 60-летию А.И. Кобзева. Собрание трудов. – М.: Изд-во ИВ РАН, 2014. – С. 315–332.

Воробьева С.В.
(Минск, Беларусь)

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

В статье раскрываются методологические аспекты индивидуальной психодиагностики, сформировавшейся в Древнем Китае на основе парадоксальной логики. Парадоксальная логика представлена как способ реконструкции когнитивных интерпретаций, составляющих сущность субъективной реальности и индивида.

Ключевые слова: логика противоречия, индивидуальная психодиагностика, конфуцианская концепция личности, логический континуум, субъективная реальность, когнитивные интерпретации.

Abstract. The article describes the methodological aspects of the individual psycho-diagnostics, formed in ancient China on the basis of the paradoxical logic. The paradoxical logic is presented as a way of reconstruction of cognitive interpretations that make up the essence of subjective reality and the individual.

Keywords: the logic of contradictions, the individual psycho-diagnostics, the Confucian concept of personality, logical continuum, subjective reality, cognitive interpretation.

На этапе древнекитайской истории процесс индивидуализации человека не оставался латентным фактором на фоне дифференцирующегося общественного сознания, как это было в других «историях» и «географиях». Предметом философской рефлексии в Древнем Китае были наблюдаемые и скрытые различия в

человеческих индивидах, их способах жизнедеятельности и поведения. Повседневная культура влияла на тематику философских рассуждений, которые, в свою очередь, модифицировали житейские представления.

Исторически сложившийся тип логики философских рассуждений детерминирует, согласно Э. Фромму, процесс становления и развития соответствующей культуры. Способы рассуждения формируются в контексте требований, предъявляемых к мыслительному процессу, который находится в корреляции с механизмами развития и функционирования культуры. Культура Древнего Китая представляет собой образец прикладного человекознания. В нем феноменология индивидуальных различий выстраивается на двух конструктах: 1) индивид как предпосылка личности; 2) личность как носитель социальных свойств. Подобный кросс-ситуативный подход включает раскрытие источников вариабельности признаков, установление соотношений между признаками, анализ группового распределения признаков. Это привело к формированию не экстенциональной логики (логики классов), как в Древней Греции, а логики интенциональной (логики содержания).

Основы культуры Древнего Китая составила парадоксальная логика, или логика противоречия, задающая мир без жесткой детерминации. Детерминированный мир предполагает выводимые следствия уже заданными предпосылками, т. е. оказывается миром оправданий. Напротив, недетерминированный мир не блокирует противоречия, стремясь вытеснить их на периферию человеческого познания, а выстраивает понимание феноменов этого мира в логическом континууме несовместимых значений. В недетерминированном мире «каждая вещь имеет особый путь» и эти пути невозможно интегрировать или унифицировать. «Государь император и даосский бессмертный, лесной источник и столичный двор столь же различны между собой, как и существа, покрытые чешуей, и те, что покрыты шерстью, как вода и суша» [1, с. 142].

Парадоксальная логика обеспечила не просто актуализацию универсальных противопоставлений. Она позволила осуществить анализ этих универсалий и дать оценку их ранговых значений. Подобный методологический подход инспирировал решение задач, связанных с осмыслением требований среды, структурированием человеческого опыта, установлением корреляций опыта и среды. Например, в недетерминированном мире социальный характер оказывается производным от трех полярных факторов. Первый фактор – это адаптивность (синхронность) или дезадаптивность (асинхронность) как соответствие или несоответствие требованиям среды. Второй – сбалансированность структуры индивидуальности или дисбаланс в данной структуре, проявляющийся позитивными компенсаторными эффектами (гиперкомпенсацией или гипокompенсацией). Третий – оптимальность или хаотичность в соотношении между затратами (физическими, психическими и пр.) на достижение целей и значимостью самих целей.

Если западная цивилизация исходила из закона запрета противоречия, то в Древнем Китае противоречие стремились локализовать и определить сферу действия закона противоречия. Построение паранепротиворечивой логики позволяет совмещать различные позиции, осмыслять поведение в ситуации борьбы

мотивов, конфликта интересов, принимать решение в условиях военных действий. Подобные интенции в древнекитайской ментальности вели культуру к терпимости и стремлению к самоизменению.

Паранепротиворечивая ориентация предполагала блокирование сходств и актуализацию различий (до полной несовместимости). Согласно Л.Ф. Бурлачуку, «история древних цивилизаций представляет нам немало свидетельств использования разнообразных, порой весьма изощренных, способов обнаружения индивидуальных различий. Так, в Древнем Китае уделялось значительное внимание отбору чиновников, созданная в то время система отбора охватывала разные „способности“ – от умения писать и считать до особенностей поведения в быту. Эти „тесты“ совершенствовались на протяжении нескольких столетий» [2, с. 9].

Индивид в древнекитайской и позднейшей традиции – функция социального организма. Изначально понятие порядок (ли) означало нормы конкретных отношений, действий, прав и обязанностей в эпоху династии Западных Чжоу. Конфуций интерпретирует порядок как образцовую идею, как подлинное поведение, как должное исполнение обязанностей, что находит продолжение в концепции благородного мужа (цзюнь-цзы). Порядок, или подлинное поведение формируется на пересечении четырех добродетелей: 1) вежливости (ли); 2) точности; 3) человеколюбия (жэнь); 4) справедливости (и). Доминирующим качеством выступает человеколюбие, или гуманность. Классическую конфуцианскую схему сыновней добродетели (сяо ти) составляют пять норм: 1) человеколюбие (жэнь); 2) долг (и); 3) вежливость (ли); 4) мудрость (цжи); 5) искренность, чистосердечность (синь).

Согласно апологету Конфуция Мэн-цзы (371–289), учителем которого был внук Конфуция, основы порядка составляют пересечения человеколюбия (жэнь), справедливости (и), благонравия (ли) и знания, или сознания (чжи). При этом жэнь является принципом, объединяющим людей, и – принципом, их разъединяющим. Доминирующим качеством выступают знания, так как именно познание порядка вещей, мира и человека ведет к реализации всех четырех добродетелей. Однако под влиянием обстоятельств, в которых живет человек, он может отклоняться от порядка вещей, от пути (дао). Влияние обстоятельств может вызывать в человеке низкие инстинкты. Это означает, что человек не обрел или потерял свое «Я», свою самость, свое предназначение, т. е. не нашел или покинул сферу самореализации и личностных достижений.

Справедливость (и) представляет собой предпосылку отклонений, причины которых составляют различия. Конфуций и Мэн-цзы пытались понять сущность человеческой индивидуальности, которая выкристаллизовывается из хаоса взаимоотношений именно благодаря способности мышления осуществлять операцию различения. Отделение «Я» от «не-Я» является признаком формирования самосознания. Феноменология человеческих различий на индивидуальном и групповом уровнях представляет собой главную часть субъективного жизненного опыта людей. Для того чтобы упорядочить бесконечное множество индивидуальных и групповых признаков требовалась некоторая система координат,

или любой набор отчетливо наблюдаемых признаков, которые являются фундаментальными или осязаемыми.

В рамках конфуцианства было дано феноменологическое определение когнитивных стилевых особенностей как субъективной реальности, проявляющихся на всех уровнях индивидуальности: перцепции, неосознаваемых механизмах защиты, характере, способах общения и др. Подобными субъективными реальностями в конфуцианской феноменологии стали следующие когнитивные особенности, или когнитивные интерпретации. В первую очередь – это умение сопротивляться конфликтующим фоновым признакам при восприятии явлений, от чего зависит избежание рассогласования между действием и результатом. В современных теориях личности данные характеристики именуется как полезависимость или полenezависимость индивида.

Далее индивида, в зависимости от количества понятий, которые он использует для классификации, характеризует способность концептуальной дифференциации (аналитичность или синтетичность), а также категориальная широта или узость представлений о пределах вариативности событий или процессов в отношении к максимально допустимому и минимально возможному значениям. Например, долг (и) – как условие сыновней добродетели – человек вследствие своего совершенства накладывает на себя самостоятельно. Подобный шаг продиктован внутренней убежденностью в том, что следует поступать именно так, а не иначе [3, с. 99]. «Один бедняк в эпоху Хань не смог прокормить мать: она вынуждена была делить свою порцию пищи с малолетним внуком. „Продадим сына, – сказал он жене, – ведь сына мы можем иметь другого, а матери другой не будет“. Продали сына. Как-то бедняк копал яму и выкопал сосуд с золотом. На сосуде надпись: „Небо вознаграждает тебя за сяо“» [3, с. 124].

Степень дифференциации концептуальных систем влияет на вариативность (количество аспектов) восприятия и оценки окружающей действительности. Например, когда Конфуция спросили, стоит ли за зло платить добром, он ответил: «А чем же тогда платить за добро?» [3, с. 99]. На вопрос «Правильно ли отвечать добром на зло?» он ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром» □4, с. 532□.

Склонность к детализации как гиперсензитивность к небольшим нюансам и незначительным особенностям приводит к гиперболизации небольших изменений и малых различий. В частности, отвечая на вопрос, в чем главный смысл сыновней почтительности (сяо), Конфуций подчеркнул: «Ныне почтительность сводится к тому, чтобы быть в состоянии прокормить родителей. Но ведь собак и лошадей тоже кормят. И если отбросить благоговейное почтение, то в чем же тогда они будут различаться?» [3, с. 100].

Представления о сензитивности характера человека, сформулированные в конфуцианской модели личности, включают вопросы чувствительности к разным воздействиям (порог раздражительности), астеничности (акцентуации внимания на внутреннем мире, сопровождаемом чувством подавленности и пассивного страха), локализации мышления на утилитарных потребностях, фатализма. Например, психодиагностика социального поведения как «высокоморального»

осуществляется на основании присущности признаков «оптимальное функционирование „оценочного ума“» (в период взрослости) или «подражание „образцам“, демонстрирующим эффективное использование „оценочного ума“» (в период молодости) [5, с. 264].

Индивидуальная тенденция к анализу, пониманию, оценке и критике ситуации перед принятием решений проявляется как рефлексия или импульсивность. Например, благородный человек безмятежен и свободен, безразличен к еде, богатству, жизненным удобствам и материальной выгоде. Он посвящает свою жизнь высоким идеям, служению людям и поискам истины.

Индивидуальная гибкость или ригидность познавательного контроля оценивается как эффективность преодоления стереотипов или шаблонов и точности выполнения задания. В частности, «благородный муж думает о долге, низкий человек заботится о выгоде». В рассуждении о шести пороках Конфуций указывает на когнитивные ошибки, возникающие при нежелании человека осваивать новое, что препятствует точности. «Любить человеколюбие и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тупости. Любить мудрость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тому, что человек разбрасывается. Любить правдивость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к нанесению ущерба самому себе. Любить прямоту и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к грубости. Любить мужество и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к смутьянству. Любить твердость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к сумасбродству» [6, с. 171].

Интернальность или экстернальность как проявления локуса контроля фиксируют феномены обобщенных ожиданий индивида по поводу того, что последствия его действий зависят преимущественно от собственных усилий или внешних сил. Например, цзюнь-цзы должен видеть все и понимать все, быть осмотрительным в речах и осторожным в делах. В сомнении – справляться, в гневе – обдумывать поступки, в выгодном предприятии думать о честности. В противном случае, локус контроля не функционирует. Человек, «обширно рассуждающий охватывает многое и подвергает себя опасности. Происходит это из-за выявления зла в других людях. Подобная опасность грозит и близким, поскольку ни один человек, будучи чиновником, не принадлежит только себе» [1, с. 15].

Зафиксированные в конфуцианстве пределы когнитивных интерпретаций обеспечивают приспособление человека к внешней реальности. Они представляют собой предельные значения континуума, включающего противоположные категории великого и ничтожного, ограниченного и бесконечного, расслабленности и воли, неопытной молодости и мудрой старости, порядка и хаоса. Уравнивание противоположностей как способ влияния на социальные процессы означает, что личность не задана, а формируется в определенном контексте [5, с. 260]. Следовательно, личность можно создавать, на личность можно влиять, индивидуальные особенности личности можно диагностировать. Психодиагностические процедуры обусловлены противоположностями, не являющимися противоречиями, а дополняющими друг друга.

Таким образом, в Древнем Китае на основе парадоксальной логики, локализирующей несовместимости и образующей логический континуум рассуждений с полярными оценками, были разработаны основы методологии индивидуальной психодиагностики. Категориальное разграничение формальных и содержательных характеристик индивидуальности в микрокосме разнонаправленных тенденций позволило зафиксировать схемы интерпретации, составляющие субъективную реальность. Они были воспроизведены в конфуцианской и других концепциях личности. Категориальные полярности, образующие логические континуумы, лежат в основе полного или частичного соответствия индивида миру (движение по естественному пути) либо разрешимого или антагонистического противоречия с ним. Поэтому они отображают основные направления психодиагностического познания человека и психодиагностического познания человеком самого себя. Феноменологическое определение субъективной реальности и вычленение ее когнитивных стилевых особенностей стало возможным благодаря конфуцианскому интересу к лингвистическим структурам чувственного опыта и к внутренней логике естественного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф. – В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: «Издательский Дом Нева»; М.: Олма-Пресс, 2000.
2. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2005.
3. Васильев, Л.С. Культы, религии и традиции в Китае / Л.С. Васильев. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «Университет», 2001.
4. Конфуций. Беседы и суждения / Конфуций. СПб., 1999.
5. Воробьева, С.В. Логико-методологические аспекты конфуцианской модели личности / С.В. Воробьева // Беларусь– Китай: сб. науч. тр. Вып. 11. В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Н Гордея, Лю Сулин. – Минск: РИВШ, 2012. – С. 259– 264.
6. Древнекитайская философия: в 2 т. – М. 1972-1973. – Т.1.

*Врублевская-Токер Т.И.
(Минск, Республика Беларусь)*

ИДЕЯ ПРАВСТВЕННОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ В ЭТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ КОНФУЦИЯ И АРИСТОТЕЛЯ

В статье рассматриваются общие места в исследовании понятия нравственной добродетели Конфуцием и Аристотелем. Автор не проводит параллели между двумя этическими учениями, но предпринимает попытку выяснить устойчивое, инвариантное содержание понятия «добродетель».

Ключевые слова: добродетель, этика, гуманность, деятельность, воля, общественные отношения.

The article discusses common places in the study of the concept of moral virtue by Confucius and Aristotle. The author does not draw parallels between the two ethical teachings, but attempts to find a stable, invariant concept of notion "virtue."

Key words: *virtue, ethics, humanity, personal activity, volition, public activity and relations.*

Явления, составляющие содержание нравственного мира личности, и, одновременно, связывающие человека с обществом и государством, такие, как, например, добродетель, долг, совесть, нравственный поиск, нравственное самоопределение обычно получают двоякую оценку при их обсуждении: с одной стороны, они воспринимаются как обычные, почти банальные, и, поэтому неинтересные, вещи, суть которых должна быть ясна каждому, а с другой – как сложные и многоплановые, имеющие важное значение в жизни человека и в практике общественных отношений.

Несмотря на привычность и обыденность таких тем, как например, проблема нравственного поиска личности или проблема нравственной добродетели, их актуальность и особый статус определяется, прежде всего, тем, что нравственность является сущностным свойством человеческого бытия. «Именно в ней выражена сущность человека. ... В отличие от всех остальных живых существ, люди устанавливают себе правила жизни сами; по крайней мере, в рамках своих генетических программ они обладают гораздо большей степенью свободы. Животные просто существуют, а человек способен понимать свое существование, делать его предметом логоса (слова и мысли). Жизнь по самостоятельно установленным правилам и есть нравственность в ее важнейшем значении». [4, с. 99].

Решение нравственной проблемы на уровне человека или общества представляет собой не столько поиск определенной нормы или правила, сколько повседневную практику их воплощения, которая организует жизнь личности или общества. Идея нравственности как самоорганизации личности и сообщества людей последовательно воплощается в целом ряде этических теорий. В частности, она является методологическим ориентиром исследований проблемы нравственной добродетели в этике Конфуция и в этике Аристотеля.

Выявление и обоснование параллелей между этими двумя философскими системами не входит в число задач нынешнего исследования – напротив, определение общих мест в изучении одного и того же понятия, добродетели, в двух теоретически и методологически различных этических учениях даст возможность более четко и последовательно представить сущность самого понятия добродетели, а также установить связанные с ним нравственные процессы и явления.

В учении Конфуция добродетель рассматривается в контексте понятий «жэнь» и «ли». Первое описывает должные качества личности и черты характера, второе регулирует практику их воплощения. Рассуждая о достойных и порочных качествах человека, Конфуций выделяет, соответственно, пять и четыре таковых:

«Цзы-чжан спросил Конфуция: «Каким бы образом можно было вести дела правления?» Философ отвечал: «Следовать пяти прекрасным качествам и искоренять четыре скверных – этим путем можно вести дела правления. «А что такое

пять прекрасных качеств?» – спросил Цзы-чжан. Философ отвечал: «Благородный муж благодетельствует, не расходуясь; налагает работу, не вызывая ропота; желает без алчности; доволен, но не горд; внушительен, но не свиреп». Цзы-чжан спросил: «Что значит благодетельствовать, не расходуясь? Философ отвечал: «Когда он будет доставлять пользу народу исходя из того, что для него полезно – разве это не будет благодеянием без затрат? Когда он будет выбирать пригодную работу, и заставлять людей трудиться над ней, то кто же будет роптать? Когда он будет желать гуманности и приобретет ее, то где же тут место для алчности? Когда для него не будет ни сильных, ни слабых по численности, ни малых, ни великих дел, и он будет относиться с одинаковым уважением ко всем и ко всему, то разве это не будет самодовольством без гордости? Когда он оправит свое платье и шапку, взор его будет проникнут достоинством, и, глядя на его внушительный вид, люди будут чувствовать уважение – разве это не будет величие без свирепости?»

Цзы-чжан спросил: «А что такое четыре дурных качества?» Философ отвечал: «Казнить людей, не наставив их – это бесчеловечность; требовать немедленного исполнения чего-либо, не предупредив заранее – это торопливость; медлить с распоряжениями и требовать срочного исполнения их – это пагубность; давая людям что-нибудь, проявлять при выдаче скарденность – это будет мелочность, свойственная чиновнику, но не правителю» [2, с. 177-179].

Пять достойных качеств, или добродетелей, это, соответственно, человеколюбие, чувство долга, благопристойность, разумность и искренность. Основой всех добродетелей, первейшим нравственным качеством человека Конфуций считал человеколюбие, или гуманность – именно так в большинстве случаев трактуется понятие «жэнь». «На вопрос Фань-чи о жэнь (гуманности) Философ отвечал: «Гуманность – это любовь к людям» [2, с. 104-105]. Вместе с тем, в этике Конфуция подобное качество должно сопутствовать, прежде всего, не отношению человека с человеком, – гуманностью следует наполнять социальные и политические связи и отношения. Этот аспект в содержании понятия добродетели неразрывно связывает ее не только и не столько с личными качествами человека, он, прежде всего, показывает, зачем именно нужно обладать добродетелями – не просто затем, чтобы быть успешным в делах и искренним в отношениях, но затем, чтобы в сообществе людей существовал особый нравственный порядок (порядок в нравах означает порядок в государстве). Так, с одной стороны, «если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то, хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда⁴ если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться» [2, с. 11], а с другой – «если великие обязанности не нарушаются, то в малых возможны отступления» [2, с. 170]. Согласно существующим комментариям [3, с. 157], «великими обязанностями» именуется сыновняя почтительность и братская любовь, а «малыми обязанностями» – умение вести себя с достоинством и обладать почтительными манерами.

В учении Конфуция говорится о пяти видах особых «связей», которые возникают между людьми и поддерживают гармонию в обществе [3, с. 173]. Это,

во-первых, отношения между государем и подданным. В обществе, неотъемлемой частью которого является иерархия, достойные отношения между господином и слугой определяют то, каким будут все иные виды отношений: справедливыми или нет. Господину в таких отношениях приличествовало человеколюбие, а подданному – преданность и верность ему. Во-вторых, это отношения родителей и детей. В них особое место отводилось сыновней почтительности, как священной обязанности детей в отношении отцов. Добродетелью отцов может считаться гуманность (жэнь) по отношению к детям. В-третьих, это отношения мужа и жены. Равновесие этим отношениям придавало не только высшее качество, гуманность, но также и признание женой безоговорочного авторитета мужа, ее покорность, безупречность ее поведения и старательность в ведении хозяйства. В-четвертых, это связь старшего и младшего. Особенность этого вида связи состоит в том, что в ней понимание роли старшего и младшего универсально. Почтение и уважительное отношение предписывалось не только к старшим по возрасту людям, но также и к тем, кто старше по званию, чину, мастерству, т.е. по положению вообще. В-пятых, это связь между друзьями. В этом случае основой отношений служило равенство, их сущностью признавалась искренняя и бескорыстная взаимопомощь.

Добродетель в учении Конфуция невозможна без особой практики ее воплощения – «ли», или ритуала. «Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует, ибо знать только, что она дорога и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невозможно» [2, с. 8-9]. Естественность в поведении, даже если она не нарушает предписаний морали, сама по себе еще не может быть признаком добродетели. Добродетельность, как черта личности, предполагает дисциплинированность в поведении, неукоснительное следование определенным правилам, умение подчиняться требованиям, исходящим из объективного, насколько это возможно в морали, источника. Все это привносится в жизнь человека благодаря выполнению ритуала.

Добродетель и, шире, мораль в целом осмысливаются в этике Конфуция через призму идеи «золотой середины»: «Учитель сказал: «Такой принцип, как «золотая середина», представляет собой наивысший принцип. Люди [уже давно не обладают] им» [3, с. 44], а также: «Учитель сказал: «Так как нельзя найти людей, придерживающихся середины в поведении, приходится иметь дело с людьми или несдержанными, или осторожными. Несдержанные берутся за все, а осторожные избегают нехороших дел» [3, с. 103]. Эта идея отражает не только требование умеренности, но воплощает стремление к мере, столь ценимой в сложных и многообразных моральных коллизиях. Придерживаться меры – важный элемент в нравственной деятельности и существенный признак добродетели человека, поскольку ни один внешний источник (закон, общественная мораль, авторитетные эксперты) не могут установить непротиворечивую, однозначную и единую меру нравственных отношений.

В этике Аристотеля нравственная добродетель определяется как положительное, с точки зрения морали, качество человека. В определении Аристотеля раскрывается смысл, вкладываемый в понятие «качество» и конкретизируется «положительное, с точки зрения морали». В нем добродетель рассматривается как «способность поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий» [1, с. 82], а ее основанием является определение меры, или «середины, как в страстях, так и в поступках» [1, с. 92]. Речь идет об устойчивом качестве человека, которое вырабатывается долгое время, с участием как воли, так и разума. Добродетель предполагает последовательное, продуманное, обоснованное персональным моральным опытом, поведение, а также следование избранным принципам.

Аристотель последовательно связывает добродетель с деятельностью, – не только в том смысле, что в поступках человека проявляется добродетельность или порочность, что достаточно очевидно, но также и в том, что добродетель рассматривается как особый вид деятельности личности, источник ее изменений, как универсальная способность человека. Такое понимание добродетели каждого наделяет способностью понимать собственное благо и стремиться к его достижению.

Определяя особое значение добродетели для человека, Аристотель последовательно исключает все механизмы (рост, питание, чувствительность), роднящие его с природным сообществом, при этом, он выявляет некоторое свойство, специфически человеческую способность. «...Мы полагаем, что дело человека – некая жизнь, а жизнь эта – деятельность души и поступки при участии суждения, дело же добропорядочного мужа – совершать это хорошо и прекрасно в нравственном смысле и мы полагаем, что каждое дело делается хорошо, когда его исполняют сообразно присущей ему добродетели...» [1, с. 64]. Эта отличительная особенность человека – его способность быть источником смысла жизни и изменений самого себя. Вместе с тем, Аристотель рассматривает добродетель как своеобразный «центр» практической деятельности человека, его стремлений и мотивов, который определяет его целевые установки и представления о ценностях и об идеале.

Основой нравственной добродетели является воля человека, от особенностей организации которой зависят его качества характера, а также уровень его нравственной жизни в целом. Особенности характера складываются не в ходе какого-либо особого духовного становления и размышления над основаниями достойной жизни, не как результат стремления к нравственному совершенству, а на основе всего того, что переживается человеком в обыденном, повседневном опыте, в котором каждый и находит первичные проявления собственных эмоций и воли. Умение влиять на них составляет «волевою» часть добродетели.

Однако добродетель, даже основанная на непосредственных переживаниях человека, не является ни привычкой, ни результатом научения. Необходимой основой нравственной добродетели является разум. Аристотель отрицает возможность становления вне разумной нравственности человека, а, значит, его благо не может быть постигнуто и реализовано иначе, чем посредством разума. Разум выполняет двойную функцию: он сообщает человеку необходимость стремиться

к благу и, в силу этого, приобретать различные добродетели, и он же ограничивает эмоции и волю, сохраняя их соответствие «золотой середине».

Вместе с тем, практическая деятельность человека не совершенна по сравнению с его созерцательной, познавательной, деятельностью уже, хотя бы потому, что в своей практике человек сталкивается со множеством нравов и характеров. Поэтому благо, достигаемое в практической деятельности людей, с необходимостью будет, в известном смысле, относительным. Тем не менее, опыт личности, являясь важным элементом ее добродетели, следует осмысливать согласно особым правилам, или моральным принципам, с тем, чтобы поступки человека не противоречили ни друг другу, ни поступкам других людей. Источником моральных принципов может быть только разум, определяющий, насколько тот или иной опыт может быть достойным и не подлежащим осуждению. Так, определяющим критерием добродетели выступает мера, рационально обоснованная, но все равно субъективная. Она не может быть ни всеобщей, ни идеальной, поскольку суть добродетели – в способности поступать наилучшим образом в самых различных обстоятельствах.

Рассуждения Конфуция и Аристотеля об идее нравственной добродетели позволяют установить существенные признаки в ее содержании, отражающие сущность добродетель как морального явления.

Прежде всего, у добродетели есть единое основание, на котором возникают все нравственно-положительные качества. В учении Конфуция – это жэнь, или гуманность, согласно рассуждениям Аристотеля – это разумность человека, его умение подчинять волю голосу разума.

Вместе с тем, признаком добродетели является практическая деятельность, которая представляется как собой способ ее воплощения. Добродетель – суть не только качества, это особый образ жизни, включающий мотивы личности, ее цели и способы оценки себя и другого.

К тому же, добродетель рассматривается в неразрывной связи с общественной и политической деятельностью человека. Добродетель нужна как средство создания гармоничного социума и справедливого государства.

Кроме того, обладание добродетелью невозможно вне сложнейшего морально-психологического процесса – выбора и следования мере, или «золотой середине». Его сложность определяется тем, что это не просто выбор срединного пути, или способа, как быть «ни слишком злым, ни слишком добрым», не того, как поступить, чтобы «и вашим, и нашим», это выбор уникальной стратегии поведения, оправданной и в данных конкретных обстоятельствах, и с точки зрения морали в принципе.

Рассуждения двух великих моралистов, учения которых имеют разные теоретические и методологические основания, солидарны в том, что касается природы нравственной добродетели. В их подходах к идее добродетели раскрывается ее процессуальность, ее постоянно становящаяся природа, ее непредзаданность, ее функция «очеловечивания» человеком самого себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. – Сочинения в 4-х томах. – Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
2. *Конфуций*. Суждения и беседы / Конфуций. – СПб: Кристалл, 2001. – 192с.
3. *Переломов, Л.С.* Конфуций: «Лунь Юй» / Л.С. Переломов. – М: Восточная литература, 2001. – 588с.
4. *Скрипник, А.П.* Бытие, логос и нрав / А.П. Скрипник // Этическая мысль. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2002. – 238с. – С. 99 – 117.

Мацевич М.Я., Валейтёнок В.В.
(Минск, Беларусь)

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО «АКТИВИЗМА» И КИТАЙСКОГО ИМПЕРАТИВА ПОВЕДЕНИЯ

В статье отражены различные способы интерпретации бездеятельности в контексте разнообразия культур и эпох, а также ее место и роль в современном мире.

Ключевые слова: *бездеятельность, безделье, бездействие, недеяние, даосизм.*

The article outlines different ways of interpreting inactivity in the context of cultural and historical diversity, the place and role of inactivity in the modern world.

Key words: *inactivity, idleness, inaction, non-action (wu-wei), Taoism.*

Когда человек дойдет до неделания, то нет того, что бы не было сделано.

Лао-цзы

Безделье в принципе является одной из составляющих досуга, расслабленным состоянием духа и свободой от обязательств, а не восстановлением сил после психического стресса или чрезмерных физических перегрузок как это часто преподносится в повседневной литературе. Безделье стоит в одном ряду с духовными изысками, например, такими как светские развлечения или посещение интересных мероприятий, но также часто может означать и просто чистую бездеятельность.

В разговорном языке безделье становится синонимом праздности – в отличие от отдыха – и часто несет в себе отрицательную коннотацию, обычно ассоциируясь с ленью, так как в христианской теологии лень или апатия, уныние относятся к семи основным порокам, непростительным или смертным грехам. Отражением подобной позиции является пословица: «Праздность – корень всех зол». Литературным контрапунктом к этой поговорке стала, вышедшая в 1935 году, книга Бертран Рассела «Похвала праздности».

Наши мыслительные процессы происходят в контексте языка и этнической культуры. В своей жизни мы часто слышали: «Подожди, ты не можешь иметь все

это!» или «Ты должен сделать выбор: либо то, либо иное» Такой подход является основным принципом западного стиля мышления. Он подхлестывается законом Аристотеля о непротиворечивости мышления Невозможно, чтобы одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении.

Восток имеет совершенно другой подход. «Или-или мышление» позволяет китайским родителям сказать ребенку: «Ты можешь иметь либо это сладкое, либо это сладкое, но жизнь это совсем другое дело». В их мировоззрении нет никаких противоречий: эта идея верна, и верно, что идея верна. Древние китайские и греческие философы заметили, что основной материал жизни существует в постоянно меняющемся потоке. Тем не менее, на Востоке и Западе было два очень разных способа понимания данного потока.

Запад, о чем свидетельствует Аристотель, увидел поток как нечто, что можно завоевать, смирить; поток был важен только в той мере, в которой отдельные и различные вещи возникают в потоке. Восток узрел поток, или Дао, как подавляющий принцип гармонии, охватывающей все вещи. Пара противоположностей – это просто способ смотреть на вещи, но «оппозиции» или обособленности не имеют особого значения. На самом деле, акцент на оппозиции показывает непонимание основной природы вселенной. Чжуан-цзы, даосский философ, говорит: «Там, где есть возможность, есть и невозможность, и когда есть невозможность, есть возможность ... "Это" – также, что "то", "то" – также "это"» [1, р. 127]. Разве есть различие между «это» и «что»? Когда между «это» и «что» нет никаких противоположностей, проявляется «ось Дао». «Ось Дао» может быть определена как центр между тем, что кажется противоположностями. Этот центр является истинной природой реальности, постоянно меняется и преобразовывается. С точки зрения Аристотеля, например, материя и энергия никогда не могут быть теми же самыми. Конечно, посредством нашего обычного опыта чувств мы ощущаем край стола, и трудно представить себе его как что-нибудь иное, нежели материю.

Многие американцы ненавидят переговоры с китайцами или японцами, потому что «нет» для них неоднозначно и не есть просто «нет»; и «да» неоднозначно, не являясь просто «да». Подобный тип рассуждений не имеет ничего общего с недобросовестностью, в его основе лежат принципы мировоззрения, что существует несколько уровней «да» и «нет», а также отношения между этими уровнями.

Понимание природы деятельности есть не просто инструмент для понимания других культур, это инструмент, который может улучшить наше творчество. Когда мы застреваем в «или-или», нас «растягивают», заставляют сделать такой или иной выбор. Мы, как резиновые ленты, тянемся, и, если отпустили один из концов, рано или поздно он возвращается, «отыгрываясь» на нас. Подвиг для европейца – выйти за пределы, растянутые резинкой, увидев, что есть и другой способ мирозидения.

Занятость является общим принципом для европейского и особенно американского образа жизни. Иногда эта занятость представляется пустой тратой времени: беспокойство о том, что на самом деле не должно быть написано, планы действий, деловые встречи, бесконечные электронные письма, многочисленные

телефонные сообщения, не способствующие пониманию и так далее. Для американцев важно наличие состояния занятости. Они, как дети, считают, что важно не просто сидеть дома, а «что-то делать». Но их постоянная жажда преобразований и бурной деятельности является прямым результатом молодости американской культуры. В истории мира Америка сама подросток. Страшное американское высокомерие есть следствие умозаключений: мы знаем лучше всего; когда мы даже не знаем, что мы не знаем, мы все равно знаем. Американцы создали культуру постоянной стимуляции и занятости, не оставляя времени для развития души.

Большинство американцев не знакомы с китайской концепцией «у-вэй». Они нечто слышали про «инь» и «ян», женское и мужское начала. Но немногие знают о другой составляющей круга сил: «У» и «Вэй». «У» относится к действию, к состоянию движения, решительности, даже силе. «Вэй» относится к «недействию», недеянию. Когда большинство американцев слышит слово «действие», они думают о деятельности и ее положительном значении. Они слышат о бездействии или безделье и обесценивают их.

В бездействии никакого движения не требуется, никаких мыслей. Тишина ума, которую необходимо развивать либо через медитацию ума, либо посредством медитации в движении. Ведь даже физические упражнения, например, игра на пианино или то, что в целом приводит к внутренней тишине, можно считать бездействием.

Недеяние отличается от «бездействия», «безделья». Одним из способов понять разницу может стать попытка представить парусник на берегу океана. Капитан лодки в состоянии решить бросить якорь, чтобы удерживать парусник на одном месте. Однако там может и не быть ветра, капитан может оставить лодку и «застрять в никуда», но не по своей воле. Недеяние – это бросание якоря, чтобы быть спокойным; бездействием будет штиль.

Бездействие или безделье является состоянием отсутствия, а не выбора. Они часто подпитываются ленью или невнимательностью, страхом неудачи. Парадокс в том, что, когда мы застреваем (например, штиль), – часто причиной неудачи становится привязанность к результатам. Второй уровень смысла недеяния – состояние непривязанности к результатам. Не привязываться к результатам? Подобные установки идут вразрез с концепцией планирования или постановки целей, измерением «успеха». Однако формирование глобального мышления означает выход за рамки того, что и как мы обычно думаем. Даже просто думать о непривязанности к результатам уже является шагом к расширению сознания.

Вышеизложенное подводит нас к третьему уровню бездействия. Мы все имели опыт того, что спортсмены называют «находиться в потоке». Мы активно присутствуем на данный момент, но мы не «пытаемся» нечто совершать; явления, которые происходят вокруг нас, просто происходят. Мы находимся в нужном месте в нужное время. Все встало на свои места, как будто мы наблюдаем сами действия, а еще кто-то или что-то действуют через нас. «Находиться в потоке» и есть то, что китайцы называют Дао, тот момент, когда бездействие и действия сливаются.

Пытаясь понять означенное, визуализируем нити ДНК, они переплетаются и скручиваются. Одна группа является действием, бездействием другой. В точке, где две нити сходятся, возникает момент творчества. Когда мы находимся в Дао, наши действия в основном не-действие. Мы объединили «два», исключили двойственность, и Вселенная поддерживает нас.

В китайской древней философской мысли действия желательны только в той степени, когда они подпитываются творчеством и вдохновением, являющимися результатами от бездействия. Многие китайские народные поговорки, которые трудно перевести, описывают людей в состоянии активности. Из ближайших аналогов – сравнение «бегать, как курица без головы», «как крысы или тараканы на беговой дорожке». Жизнь постоянно меняется вокруг нас. А есть ли у нас мужество, чтобы меняться вместе с ними?

«Вэй-у-вэй», действие недеяния, является центральным парадоксом даосизма и как понятие обнаруживается вторым по значимости после самого Дао, которое включает его. Лао-цзы описывает действие/недеяние человека, который понял Дао, как у-вэй: « вот почему Премудрый человек пребывает в деле недеяния, проводит в жизнь учение, невыразимое в словах (Глава 2). При высшей добродетели бездействуют и лишены намерения действовать (Глава 38). Поднебесную берут неизбежно посредством недеяния (Глава 48)» [2, с. 175-207].

Как парадокс «вэй-у-вэй», пожалуй, еще труднее понять, чем само Дао. Видимо, поэтому Артур Уэйли в длинном предисловии к своему переводу Лао-цзы в английском варианте обсуждает концепции Дао, дэ, ци, я, инь -ян, пяти элементов и даосской йоги, а «у-вэй» определяет только в сноске к главе 3 текста как «отсутствие активности» [3, р. 193]. Но объяснения «вэй-у-вэй» в данном случае явно не хватает. Все понимания являются неполными без более радикального понимания «у-вэй» как недвойственного действия – то есть действия, в котором нет бифуркации между субъектом и объектом: нет осознания агента, который как полагают нужен, чтобы сделать действие, нет существа, отличного от цели действия, которое делается.

Простейшая интерпретация «вэй-у-вэй» – ничего не делать или делать как можно меньше. Последнее может быть понято ни политически, ни метафизически, а только лично. Политическая интерпретация эксплицирует «у-вэй» как главную заповедь в концепции Лао-Цзы для правительства: «Кто вознамерится взять Поднебесную и ею заниматься, на мой взгляд, это ему не удастся. Поднебесная чаша душевная, и сформулировать ее нельзя» [4, р. 44]. Если оставить людей в покое и позволить им самостоятельно ладить с внешней средой, социальные проблемы разрешатся сами собой, возможно, потому, что политическое вмешательство нередко становится причиной проблем, чем их решений, как это было, конечно, во время периода Воюющих царств. Такая интерпретация «у-вэй» часто является частью более общей политической интерпретации даосизма, которая, как было признано, подходит Лао-цзы лучше, чем Чжуан-цзы. Подобный способ видения «у-вэй» также согласуется с единственным письменным упоминанием «у-вэй» Конфуцием. Учитель сказал: «Это не Шунь ли был, кто правил в недеянии? Чем же он занимался? Обратив лицо на юг, он почитал себя и только!» [4, р. 145]. И, если для Конфуция недеяние становится результатом достигнутого

идеала, то Лао-цзы отрицает всякую политическую деятельность как средство достижения образцового порядка.

Регулируя все собственным поведением, отражающим моральный порядок, конфуцианский правитель дает положительный пример и, таким образом, возможность влиять на своих подчиненных без принуждения их. Но подобное не обязательно означает «у-вэй» по отношению к народу в целом. Акцент в конфуцианстве ставится на том, что император правит, но не управляет.

Личная интерпретация «вэй-у-вэй» как буквального «ничего неделания» не самая лучшая для китайцев, и на самом деле подобная точка зрения не является распространенной. В своем комментарии к Чжуан-цзы Го Сян критиковал ее: «... Услышав о теории «вэй-у-вэй» некоторые люди думают, что лежать лучше, чем ходить. Эти люди далеки от истины в понимании идей Чжуан-цзы» [5, р. 54]. Тем не менее, Фэн Ю-лань после цитирования данной фразы продолжает, добавляя: «Несмотря на критику, казалось бы, в их понимании Чжуан-цзы, такие люди не были далеки от истины» [5, р. 225]. Последнее, вероятно, свидетельствует больше о Фэн Ю-лане, чем Чжуан-цзы. Но на самом деле такое прочтение согласуется с недвойственностью интерпретации. «Полное недеяние» достигается путем необходимости ликвидировать самость. Невмешательство не представляется возможным, если каждый из нас не рассеял туман ожиданий и желаний, которыми держится это бранный мир.

Бездействие, безделье становятся сегодня предметом широких философских, культурологических исследований, психологических и педагогических соображений. Очень часто они обнаруживаются тошнотворным чувством, обусловленным вынужденным безволием, снижением активности или монотонностью деятельности.

В отличие от безделья, скука ощущается как нечто неприятное, что должно быть преодолено. В противоположность лени, усталости от жизни, как правило, носит временный характер.

Французский писатель, ученый и философ XVII-го века Блез Паскаль считал, что на скуку обречен человек, лишенный Бога. Скука у Паскаля не наделяется серьезной социальной величиной, но расценивается как сущностная человеческая черта. В скуке человек предоставлен исключительно самому себе, исцеление – обращение к Богу.

В XIX в. А. Шопенгауэр понимал скуку как эмоциональное состояние, которое постигает среднего человека. Люди, великие духом, никогда не скучают. Внутренняя пустота служит истинным источником скуки, вечно толкая субъекта в погоню за внешними возбуждениями. Для Ф. Ницше, скука – «дискомфортный штиль души», участь элиты, болезнь, порожденная самим человеком, и Боги не в силах здесь помочь.

В философии экзистенциализма скука стала основным условием человеческого существования, предметом таких ощущений как отвращение, страх или отчаяние. Датчанин С. Кьркегор, поддерживая точку зрения средневековой теологии, характеризовал скуку как «корень всех грехов». Подробно в лекционном курсе 1929-го года «Основные понятия метафизики» (§§19–39) анализом скуки

занимался М. Хайдеггер. Он писал о скуке как доминирующем настроении современного «Dasein» («вот-бытия», «здесь-бытия»), являющегося также и основополагающим настроением самого философствования. Состояние скуки приходит как изнутри, так и извне, и не может быть однозначно определено, хотя чаще всего скука принадлежит именно к особенностям «внутренней жизни». Полностью анонимная, она не имеет видимых причин. Скука есть «заклинивание горизонта времени». Скучает здесь не «некто», мы находимся по ту сторону субъектности, а кому-то «скучается».

Тема безделья, праздности, скуки – одна из центральных в русской литературе: скука «лишнего человека» (Онегина, Печорина и др.); скука как образ жизни Ильи Обломова; русская скука купеческого дома, описываемая Н. Лесковым; «скучность жизни на земле» в творчестве Н. Гоголя. Особым лейтмотивом тема скуки прозвучала в русской поэзии серебряного века: свет скуки А. Блока, «скука-сука» С. Есенина, ласковость и надменность скуки О. Мандельштама, скованность скукою как «оскфордским воскресением» А. Ахматовой.

Особенно остро эта тема обнаруживается в творчестве русского писателя-эмигранта Г. Газданова, в частности, в его рассказе «Черные лебеди», где главного героя не интересуют ни политика, ни искусство, ни судьба России, ни любовь: ему просто скучно.

«Активизм» в смысле бурной деятельности в современную эпоху не возникает самопроизвольно. Он формируется активным участием культурных производителей, ученых и политических лидеров. Как не кажется парадоксальным на первый взгляд, но представители «академической элиты» чаще всего оказываются представителями подчиненных этнических или региональных групп. Нередко, пренебрежительное отношение к их деятельности и ограничение карьерного роста в имперском аппарате дают повод для формирования академических фашизированных идентичностей, стремящихся не столько к культурному, профессиональному признанию, сколько к эстетизации, гедонизации самого процесса признанности. Отсюда как особая разновидность возникают и колониальные «академические элиты». С точки зрения британского политолога Дж. Андерсона, не в имперских метрополиях, а в колониях люди впервые начинают воспринимать себя как представителей определенных национальностей [6, с. 218]. Так в колониальной академической среде отдельные «академически элиты» начинают презирать своих коллег и создавать новые гражданские объединения, создавать «нового человека», «специалиста», «профи». В «космополисе» или империи люди, не являясь собственно гражданами, могут вести аполитическое существование, современный же тип националистических государств требует от человека участия, общения. Именно потому, что современные государства опираются на граждан, а не на подданных, культурная политика для них сопрягается с террором и насилием [6, с. 208].

Вышеозначенный энтузиазм может быть имплицитным, эксплицитным, светским, религиозным. Так или иначе, постепенно он становится перманентным движителем социального прогресса, нравственным императивом и креативной установкой.

Под влиянием французского философского авангардизма в лице «археологии власти», грамматологии, постфрейдизма, структурализма, психоанализа, семиологии и др. в XX-ом веке сложилась новая теологическая парадигма, которую, по мнению Ф.И. Гуссейнова, можно было бы проименовать «посттеизмом». Речь идет о новом типе религиозности как новом типе понимания деятельности, власти и образа жизни [7].

Основными предпосылками посттеизма, выразившимися в ангелологии, можно считать три идеи: во-первых, кризис центральной идеи религиозного сознания – идеи Бога, а также путей и средств ее преодоления. Во-вторых, переосмысление религиозного опыта, статуса «веры», когда она превращается в «способ существования». В-третьих, происходит антропологизация общей религиозной проблематики [7].

Круг религиозных проблем разрабатывали пять авторов: Бернар Анри- Леви, Ги Лядро, Кристиан Жамбе, Филипп Немо и Морис Клавель. Жамбе и Лядро в отличие от остальных, работавших относительно в традиционном стиле (сохранение старинной символики, приверженность идее Бога, Апокалипсиса, догматам и пр.), предложили оригинальное учение, относящееся к французскому философскому авангарду – «негативную теологию Ангела», или проще, «ангелологию».

Основные её положения Жамбе и Лядро изложили в совместном трехтомном труде «Онтология революции» (т. 1-й – «Ангел», т. 3-й – «Мир. Ответ на вопрос: что такое права человека?»). С самого рождения субъект натывается на «упорядочивающие коды культуры». А так как, согласно Лядро, природы не существует, а существуют только дискурсы, то реальность есть чистое угнетение, и «оно не есть просто реальное, а выступает всегда и только как власть» [8, р. 49]. Мир, следовательно, оказывается иллюзией, «видимостью», «любовью к господину». Вместо лакановской триады: «реальное», «воображаемое», «символическое» в игру вступают «желаемое», «видимое», «дискурс властителя и подчиненного». Ангелисты выдвинули группу символов, предложили интерпретацию этих символов и задали особый ракурс видения мира. Категориальный аппарат ангелологии располагается вокруг трех основных концептов: «господин», «бунтарь», «ангел». Основными протаганистами являются «господин» и «ангел», изначальный дуализм которых покоится в основании всего сущего.

Используя в качестве эпиграфа к своему труду слова Рильке о том, что «каждый ангел ужасен», Лядро и Жамбе пытаются все-таки очертить границы возможного протеста, бунта. Несмотря на то, что дискурсы властителя и подчиненного являются замкнутой символической системой и работают подобно математической аксиоматике, авторы предлагают читателю ничего не делать, а просто «заклечь пари» и желать, бунтовать, так как «все желания принадлежат властителю», отсюда «бунт всегда говорит только языком “властителя”» [8, р. 62].

«Пари» – вечное безделье, недеяние, парение в зазоре, «бытие между», пари как вера в Бога, вера в «ангела», «господина», господство и угнетение уже на другом уровне, в другой реальности. Под «пари» подразумевался также отказ от идеалов как культурных, революционных, так и от политических. Так как в конечном счете история сводится к борьбе между подавляемым и подавляющим,

человек нуждается в поддержании «веры в добро», нуждается в награде за долготерпение и подобной наградой становится «бунт». Показывая, что и философия является только набором инструментов господства, одной из возможных общепринятых установок, одним из тоталитаризированных способов видения мира, Жамбе и Лярдро невольно открывают нам зазор к набожности, набожности как «бунту пари». Мы невольно начинаем веровать, веровать, ибо абсурдно не веровать, веровать вопреки, «веровать бунтуя», так как без нее, без этой веры, власть и подчинение оказываются вечными.

Добро не культивируется внешними условиями среды, даже творческими усилиями, оно светит в душе независимо от всего и раскрывается в свете проблемы отношения к вечности, в свете идеи спасения другого, творческого искупления и созидания. Какова бы ни была степень человеческого прогресса, один только идеал любви поможет прокладывать свой путь в океане жизни. Именно потеря универсального естественного идеала красоты, гармонии приводит к катастрофам в жизни людей и всего человечества вообще. Причина паралича современного прогресса – не что иное, как потеря любви, сострадания, великодушия.

Жамбе и Лярдро разорвали материю истории на «мир господина» (линейное время) и «мир бунтующего» (вневременной аспект). Возвращаясь к вопросу о христианстве, примером противоборства «ангела» и «господина» «новые философы» считают историю древнего христианства. Христианство для них становится формой эманации священной войны истории в историю профанную.

В формировании людей, которые думают «как все», чувствуют «как все», и состоит «варварство» нашего времени.

Поэтому «новые философы» переформулируют проблему морали следующим образом: какую придать ей форму, «...чтобы в мире было возможно меньше варварства» [8, р. 26]. Избавление от «варварства», полагают они, возможно лишь вместе с избавлением от интеллекта и желания. Человеку остается лишь «...питать надежду на иной мир, который не дает правила для этой жизни, не ведет нас больше здесь и теперь, в этом мире, но позволяет заключить невозможное пари» [8, р. 27]. Таким способом К. Жамбе и Г. Лярдро пытаются обосновать моральное поведение человека, возможное только как индивидуальный «моральный протест». Нравственный протест «ангела» рассматривается как альтернатива революции, которая неизбежно заканчивается террором. Образцы этого «ангельского пари» «новые философы» находят «в некоторых аспектах первоначального христианства и китайской культурной революции» [8, р. 29]. В то же время для нефилофской концепции в целом характерно негативное отношение к истории человечества. Г. Лярдро, в частности, полагает, что прошлого вообще не существует, имеется только вечно настоящее, проецируемое на прошлое.

Получив автономию, «мы» начинаем действовать вопреки намерениям создателей отчуждения, превращаясь в крайний случай отчуждения контроля над своими творениями самого творца. Исторически, с точки зрения марксизма, религия являлась одной из главнейших форм отчуждения человека. Человек создан богами, которые придумали «правила» жизни, отделив священный мир, принадлежащий им; подчиняя человека профанному времени жизни. Молодой Маркс

писал, что критика религии должна стать началом всякой критики, преодолением завесы иллюзии, охватывавшей реальное состояние человека, и, следовательно, необходимым условием для освобождения. Современный итальянский философ Дж. Агамбен отмечает, что секуляризация общественной жизни, которая произошла в результате социальных перемен после Французской революции – на самом деле поверхностна и неполна. Она не принесла человеку выполнимость контроля над своей жизнью, не «разоружила» отчужденные силы, силы управляющих, а только перевела их в другие области, во власть политической, экономической, эстетической производительности, во власть «профанного». Классические религии больше не являются основным источником идеологических иллюзий, стойким социальным заказом. В центре академической системы сегодня довлеет не сфера религии (табу и ритуала), их заменили зрелища, перформансы профанаций.

Таким образом, в современных условиях развития при соотношении образования и культуры, этики и эстетики доминанта должна отдаваться собственно человеческому. Человек сам, по своей сути, должен стать феноменом культуры, которая мыслится не как знание, а как поиск, возможность реализации личности в культуротворческом процессе. И в этом случае деятельность должна перестать быть «образцом» в смысле заранее предписанных знаний и изначально заданной горизонтали мышления. А бездействие должно в этой ситуации сыграть роль «die Gelassenheit zu den Dingen» («отрешенности от вещей») и стать одним из ключевых условий не «бездействия», «безделья» как такового, а «недеяния» как реализации присутствия, сакральной исторической памяти, а главное, автономии и непреходящей культурной ценности отдельно взятой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hampshire, S.* Thought and action / S. Hampshire. – London: Chatto and Windus, 1959. – 276 p.
2. *Лаоцзы.* Даодэдзин / Лаоцзы // Книга о пути и добродетели / сост., перевод, предисл., коммент. И.И. Семененко. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008 – 528 с.
3. *Waley, A.* The Way and Its Power: Lao Tzu's Tao Te Ching and Its Place in Chinese Thought / A. Waley. – London: Alien and Unwin, 1968. – 262 p.
4. *Creel, G.* What Is Taoism? / G. Creel. – Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1970. – 200 p.
5. *Fung Yu-lan* A Short History of Chinese Philosophy / Fung Yu-lan. – New York: The Macmillan Co, 1948. – 368 p.
6. *Калхун, К.* Национализм / К. Калхун. – М.: Территория будущего, 2006. – 289 с.
7. *Гуссейнов, Ф.И.* Французская ангелология. (Теологическая парадигма «новой философии»): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / Ф.И. Гуссейнов. – Москва, 1991 [Электронный вариант]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/frantsuzskaya-angelologiyaKingston>. – Дата доступа: 12. окт. 2013 г.
8. *Lardreau, G.* Ontologie de la révolution. L'ange / G. Lardreau, C. Jambet – Paris: B. Grasset, 1976. – 224 p.

КОНСТРУКТИВИЗМ НИКОЛАСА ОНУФА И БУДДИЗМ ХУА-ЯНЬ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О МЕСТЕ КИТАЯ В ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье сравниваются понятийный аппарат, логика аргументации современного учёного из США Никласа Онуфа и Фа Цзана – фактического основателя школы китайского буддизма Хуа-янь. Углублённый анализ относительно небольших, но являющихся программными, двух работ обоих мыслителей подводит к неожиданному выводу о близости их логических конструкций и даже терминологии, вопреки расхождению по времени, географии, культуре и целевым установкам. Этот вывод позволяет с ещё не привлекавшимся к обсуждению материалом примкнуть к идущей в КНР и на Западе дискуссии о возможности/невозможности найти место для Китая в теориях международных отношений, имея в виду различия в мыслительных традициях. Результаты сравнения проецируются на труды современного китайского исследователя Цинь Яцина, посвящённые сближению дискурса международных отношений с китайскими традиционными ценностями. В отличие от Цинь Яцина, считающего, что онтологические различия между китайским и западным мировосприятием, являются серьёзным препятствием к включению Китая в политологический дискурс, данные компаративистского анализа доказывают, что есть теория международных отношений, которая не только не противостоит китайскому духовному опыту, но и имеет объективные предпосылки к включению его в свои рамки. Кроме этого, мы обращаем внимание участников дискуссии на философию буддизма Хуа-янь, которая до этого не привлекалась ими в качестве примера традиционной китайской мысли.

Ключевые слова: *Китай, Конфуций, Николас Онуф (Nicholas Onuf), Фа Цзан (Fa Zang 法藏), буддизм Хуа-янь (Hua-yan 華嚴), Цинь Яцин (Qin Yaqing 秦亚青), теории международных отношений, конструктивизм, дискурс.*

The article compares the conceptual apparatus and logic reasoning of one of the leading international relations (IR) theorists Nicholas Onuf and Fa Zang - the actual founder of the Chinese Buddhism school Hua-yan. In-depth analysis of two relatively small, but especially important works of both thinkers brings the unexpected conclusion of the proximity of their logical structures and terminology, even in spite of differences over time, geography, culture and target settings. Empirical evidence obtained as a result of comparison, have enabled us to to join in a discussion about the possibility/impossibility of including China into IR theories, referring to the difference in the intellectual tradition between China and the West. The comparison results are correlated with the works of contemporary Chinese researcher Qin Yaqing dedicated to the convergence of the international relations theories with Chinese traditional values. Unlike Qin Yaqing, who believes that the ontological differences between Chinese and Western worldview, are a serious obstacle to the inclusion of China into the IR theories, the comparative analysis demonstrates that there is at least one IR theory,

which is not opposed to Chinese spiritual experience, and has objective prerequisites for incorporation of it. In addition, we draw attention of Qin Yaqing who limits himself to examples from Confucius and Laozi to the philosophy of Hua-yan as an example of traditional Chinese thought.

Keywords: *China, Confucius, Nicholas Onuf, Fa Zang 法藏, Hua-yan 華嚴 Buddhism, Qin Yaqing 秦亚青, IR theories, constructivism, discourse.*

Причины обращения к теме и характеристика источников

Тема данного сообщения требует развёрнутого объяснения. Дело в том, что объекты, выбранные для сравнения, отделены друг от друга более чем тысячей лет. Один представляет западную политологическую мысль конца XX-начала XXI века, другой – философию китайского буддизма VII-XI веков. Они так далеко отстоят друг от друга, что неизбежно возникают сомнения в адекватности такого сравнения. Заранее принимая возражения по поводу того, что генезис, цели, культурно-исторический фон китайской буддистской школы Хуа-янь и одного из направлений современного теоретизирования на тему международных отношений являются несравнимыми между собой величинами, тем не менее, попытаемся их сопоставить.

Было несколько причин обращения к данному вопросу. Во-первых, субъективные. Занимаясь параллельно постмодернистской политологической мыслью и философией буддизма Хуа-янь, в какой-то момент обнаружилось, что некоторые идеи прослеживаются и там, и там. Во-вторых, компаративистика хороша тем, что может предложить какой-то новый ракурс для рассмотрения выбранных для сравнения объектов. В-третьих, данная тема связана с дискуссией, которая время от времени возникает в научном сообществе политологов (включая сюда и специалистов в области международных отношений) о том, как вписывается (и вписывается ли вообще) китайский, и более широко – восточный политический и культурный опыт в политологические теории XX-XXI вв., созданные на основе теоретических разработок и фактического материала так называемого западного мира.

Наша цель не будет состоять в том, чтобы доказать, что буддисты Хуа-янь пророчески предвидели то, что станут говорить политологи далёкого будущего. Мы также не будем стремиться убедить читателей в том, что современная политическая мысль является в некотором роде наследницей неизвестной (!) её носителям философской системы далёкого прошлого, к тому же, принадлежащей иной социокультурной среде. Мы будем говорить о другом, о том, что такого рода, пусть даже неожиданное, сравнение может, на наш взгляд, ярче оттенить тенденции развития современных политологических теорий. Рассмотренные в культурологическом ключе, тенденции эти состоят в том, что в течение всего XX века шёл неуклонный процесс наложения социально-культурных матриц Азии на европейские реалии, что не могло не сказаться на различных областях мировосприятия человека Запада. Это относится и к области политической философии. Те, кто изнутри западного общества оценивают происходящие изменения в мировосприятии и его описании, называют результат этих изменений постмодернизмом, обозначая, тем самым, произошедший разрыв с модерном, с его идеями

и идеалами, которые складывались в эпоху Просвещения. Принято считать, что появление постмодернизма связано исключительно с внутренней логикой развития западной мысли. Но с позиций китаеведа это видится как европейско-азиатская конвергенция, идущая нелинейно, не всегда очевидно, однако неуклонно и необратимо.

Рамки исследования мы сознательно сузим. Мы будем говорить не о буддизме Хуа-янь как таковом, но лишь об одном его представителе – Фа Цзане (*Fa Zang* 法藏, 643-712), третьем патриархе школы, опираясь как на источник на одно его произведение. В плане политологическом, мы тоже постараемся ограничить область исследования постмодернистской политической мысли работой одного из современных гуру теорий международных отношений Николаса Онуфа (*Nicholas Onuf*) – пожалуй, единственного учёного, который занимается столь скрупулёзным анализом применимости идей одного из подвидов постмодернизма – конструктивизма с упором на дискурс – к изучению международных отношений.

В качестве буддистского источника будет использовано произведение, относящееся к специфическому жанру буддистской литературы танского времени – чжану, а именно: «Чжан о «золотом льве» (*Цзинь шицзы чжан* 金師子章)». Онуф будет представлен статьёй 1998 года «Конструктивизм: руководство для пользователя (*Constructivism: A User's Manual*)».

Текст, с которым будут сверяться мысли современного политолога, относится, видимо, к 699 году, правда, впоследствии он подвергся кардинальной переработке и полностью был подготовлен к изданию в 1080 году. Он представляет собой небольшое, но чрезвычайно ёмкое описание устройства мира и его анализа согласно догматам буддизма Хуа-янь в авторском преломлении одного из величайших мыслителей этого направления при последующем участии целой плеяды его идейных наследников. Хуа-янь считается вершиной философии китайского буддизма. Несмотря на то, что эта школа довольно быстро сошла с исторической сцены Китая, она оставила глубокий след в китайском национальном сознании. Развивавшаяся ею система аргументов вошла составной частью в разные учения, зачастую противостоявшие буддизму. Поэтому источник, на который мы будем ссылаться, далеко выходит за границы одного текста и даже одной школы. Можно сказать, что те логические постулаты и мыслительные клише, которые мы будем выводить из произведения Фа Цзана, имеют гораздо более широкое хождение и принадлежат не только одному произведению одной буддистской школы, но и всей китайской культуре.

В нашем поле зрения не окажутся аналогии по существу – Фа Цзана не интересовали международные отношения, а Онуф, в свою очередь, не пишет о буддизме. Мы будем искать сходство в мыслительных конструкциях, в формах аналитики, выводя полученные результаты на публикации современного китайского учёного Цинь Яцина.

Общее введение в сравнительный анализ текстов Н. Онуфа и Фа Цзана

Первое, что бросается в глаза – умозрительность текстов Фа Цзана и Онуфа, то есть, оба автора демонстрируют такую высокую степень отвлечённости от

овеществлённой действительности (которую они, тем не менее, стремятся описать), что даже приводимые ими примеры выглядят лишь как необязательные иллюстрации к этапам становления их собственной мысли. (Упоминаем об этом не в оценочном плане, а исключительно как констатацию факта, ведь и в первом, и во втором случае умозрительность ни в коей мере не снижает качество конечного продукта.)

Фа Цзан в рамках своего произведения постепенно формирует законченную картину мира, с описанием отдельных её частей и способов их функционирования. Приблизительно то же самое делает Н. Онуф в области международных отношений (хотя, конечно, величие масштабов осмысления мира Фа Цзаном и его последующими соавторами таково, что им сложно подыскать равных).

Как за системой, выстроенной Онуфом, так и за системой, созданной Фа Цзаном, предполагается наличие чего-то большего. У Онуфа международные отношения являются лишь одним из видов «широкого и сложного объекта» [6, с. 58] – общественных отношений как таковых. Описываемый Фа Цзаном мир – это уровень дхармического, (иллюзорного) мира, за которым и находится собственно «истинный (*чжэнь* 真)» мир. Этот мир буддисты Хуа-янь обозначали словом «нет (*у, мо* 無)»; обучению тому, как на него выйти и занимался Фа Цзан. Буддистами «истинный» мир обычно полагался, но не описывался. Фа Цзан также в своих рассуждениях не пошёл дальше линии, на которой соприкасаются дхармический и «истинный» уровни мира, которую он назвал «началом нет (*у ши* 無始)» [4, с. 153]. Буддистский уровень «нет» это такое запределье, которое даже не может быть названным без того, чтобы не была уничтожена его суверенность.

Свою миссию как Фа Цзан, так и Н. Онуф видят в том, чтобы помогать своими учениями объединять разные направления. Фа Цзан в своём тексте последовательно включает в учение Хуа-янь концепции других буддистских школ, заимствуя их как из Хинаяны, так и из Махаяны. В заключении он провозглашает Хуа-янь Единой колесницей (*И шэн* 一乘), в которой якобы преодолены все разногласия, существовавшие до того между китайскими буддистами. Похоже воспринимает роль своих теоретических построений Онуф. Он считает, что конструктивизм в теории международных отношений несёт в себе заряд, способный примирить разные точки зрения. Правда, он оговаривает, что это возможно только при системном, а не выборочном его применении. Онуф пишет: «В последние годы инакомыслящие учёные во многих областях [социальных исследований – Е. Ю.] избранно применяли язык социального конструирования для того, чтобы критиковать существующие социальные условия и научные практики. Это привело к большим разногласиям... Когда конструктивизм используется систематично, он приводит к противоположному результату. Он находит ценность в разнообразных материалах и выковыывает связи даже там, где, как казалось бы, это совершенно невозможно» [6, с. 58].

Интересно, что Онуфа с Фа Цзаном объединяет даже способ защиты от возможных обвинений в том, что далеко не всё из того, что они утверждают, подда-

ётся проверке. Оба настаивают на том, что, независимо от того, очевидны описываемые ими явления или неочевидны, они есть. Вот как эту мысль формулирует Онуф: «Даже если нигде невозможно отыскать формализацию правила, правило остаётся всеобъемлющим условием для общества» [6, с. 75]. Фа Цзан, в свою очередь, настаивал на том, что элементы дхармического мира могут быть «скрытыми (*инь* 隱)» или «проявленными (*сянь* 顯)», но это не меняет того, что они есть и даже обладают способностью «создавать» (*чэн* 成)» [4, с. 106 (гл. 7, 5)]. Типологически данные аргументы Фа Цзана и Онуфа имеют несомненное сходство.

Если говорить о похожих элементах анализа в работах обоих авторов, то таковыми являются «связи» и «отношения», язык как предельное основание и творец, «закон» и «правило», двухсторонний формат мира и его отдельных проявлений, понятие «сети». Проведём сравнение по этим параметрам.

«Связи» и «отношения»

Обращает на себя внимание то, что при описании буддистской картины мира и создании того, что Онуф определил как «систему концептов и утверждений» [6, с. 58] международного порядка, отправной точкой являются не конкретно воплощённые формы, но связи между ними. Произведение Фа Цзана также открывается частью, в которой разъясняется «поднимание связей (*юань ци* 緣起)». Фа Цзан призывает научиться видеть «связи (*юань* 緣)» сквозь вещи и дела окружающего человека дхармического мира, и понимать, что все, что нас окружает может быть истолковано как «поднимание связей» [4, с. 96]. Было бы некорректно приписывать нечто похожее Онуфу, однако именно «отношения» находятся в центре его внимания, при этом, он имеет в виду как общественные отношения (*social relations*) как таковые, так и отношения между государствами.

Принципиальное отличие в позициях состоит в том, что для Фа Цзана «связь» это объективная сущность всего (иллюзорного) мира, в котором мы живём, а для Онуфа «отношения» ограничиваются уровнем общества и международного сообщества. Онуф провозглашает, что «отношения» создаются людьми, но также играют по отношению к людям самостоятельную роль. Он пишет: «Фундаментальным для конструктивизма является утверждение, что человеческие существа – это существа общественные; и мы не были бы людьми, если бы не наши общественные отношения. Иными словами, общественные отношения *создают* или *конструируют* людей – *нас самих* [выделено Онуфом – Е. С.] – тот род существ, которым мы являемся» [6, с. 59]. Утверждение Онуфа о том, что «отношения создают или конструируют людей» укладывается в матрицу представлений Хуа-янь в качестве частного случая «поднимания связей».

Двухсторонний формат

«Отношения», как и «связи», изначально предполагают наличие более, чем одного субъекта. Как Онуф, так и Фа Цзан описываемые ими пространства представляют как двухчастные конструкции, взаимоотношения между двумя сторонами которых определяют инерцию, масштаб и динамику как их самих, так и их производных.

Для концентрирующегося на социальном Онуфа двумя предельными сторонами «отношений» являются «общество» и «человек». Он формулирует это так: «Конструктивизм считает, что люди делают общество, а общество делает людей. Это постоянный двухсторонний процесс» [6, с. 58]. Таким образом, он утверждает, что отношения между людьми и обществом это постоянно идущий двухсторонний процесс, в результате которого каждая из сторон создаёт другую сторону. Эту же схему он распространил также на страны: «Страны – это одна из социальных конструкций, или обществ, которые создаются людьми через то, что мы делаем» [6, с. 62]. Область международного, по Онуфу, также описываема в терминах «отношений», она представляет собой надгосударственное «общество, создаваемое государствами через их взаимоотношения» [6, с. 62].

У обоих авторов «отношения» двух сторон возможны благодаря наличию «взаимности» – понятие, которое Фа Цзан передаёт с помощью китайского слова «сян 相», а Онуф использует английское слово «*reciprocal*» [6, с. 58]. «Связи», которые стоят за каждым проявлением нашего мира, соединяют между собой эти две стороны, равно как и то, что расположено между ними.

По Фа Цзану весь мир нашего бытия и каждая его часть существуют в границах двух сторон – «истинной» и полностью иллюзорной. Эти две стороны находятся в постоянном взаимодействии и поддержании друг друга. Именно их как одно целое он называет «взаимностью». В «Чжане о «Золотом льве» это сформулировано так: «Две [стороны] взаимности существуют парой (*Эр сян шуан цунь* 二相雙存)» [4, с. 101 (гл. 6, 3)].

Фа Цзан учил, что обе стороны «взаимности» следует рассматривать как две одновременно создающиеся, неиерархические, обособленные стороны, при том, что каждая из них абсолютно полно вмещает другую. Обе стороны «одновременного без остатка вмещают (*цзюй цзу* 具足)» друг друга и «взаимно откликаются (*сян ин* 相應)» друг на друга [4, с. 103-104 (гл. 7, 1)]. Особым достижением мысли Хуа-янь было то, что обе стороны, находясь в непрерывном процессе становления, признавались всегда имеющимися.

Буддист, двигаясь в русле ещё до него сложившейся традиции анализа этой концепции, выделил шесть возможных её видов: «взаимность целого (*цзун сян* 總相)» – «взаимность отдельного (*бе сян* 別相)», «взаимность общего (*тун сян* 同相)» – «взаимность разного (*и сян* 異相)», «взаимность создания (*чэн сян* 成相)» – «взаимность разрушения (*хуай сян* 壞相)» [4, с. 109 (гл. 8)]. (Разбор концепции «взаимности» у Фа Цзана смотри в нашей статье [1]). Оба мыслителя предполагают равноценность обеих противостоящих друг другу сторон, что практически означает возможность брать любую из сторон в качестве начальной точки описания. Вот мнение Онуфа на этот счёт: «Практическая проблема состоит в том, что как конструктивисты мы хотим двигаться одновременно в обоих направлениях» [6, с. 62].

Понятие «взаимности» Онуфа и Фа Цзана имело разный генезис. Старокитайский мыслитель его представлял как элемент объективной картины двухстороннего дхармического мира, с одной стороны, помогающий двум сторонам не

распасться, а с другой стороны, объясняющий постоянно идущее в мире движения в двух направлениях – от истины к иллюзии и от иллюзии к истине. Что же касается современного учёного из США, то его представления о «взаимности» берут начало в теориях речевого акта и дискурса.

Язык как предельное основание и творец

Как известно, постмодернистская философия формировалась под знаменем «лингвистического поворота», что привело к тому, что язык стал рассматриваться как предельное онтологическое основание. В социальных науках, в том числе политологии, оформились школы, которые начали воспринимать язык не как инструмент для выражения мысли, отражающей реальность, но как первичную верифицируемую очевидность. Границы языка были провозглашены границами нашего мира. У современных авторов, работающих на стыке социальных наук и лингвистики, можно прочесть, что «мы всегда воспринимаем реальность посредством языка. С помощью языка мы создаём представление о реальности, которое не просто отражает то, что в ней есть, но и конструирует её. Это не значит, что самой реальности не существует. А значит, что реальны лишь значения и представления о ней. Конечно, также существуют и физические объекты, но они приобретают значение лишь благодаря дискурсу». [3, с. 25] Иначе говоря, признание существования реальности в виде физических объектов, сопровождается выводом о том, что человек способен судить о ней лишь настолько, насколько она отражается в языке, и более того, сам язык играет активную роль в её созидании.

Политология, которая апеллирует к языку, обращается к разным аспектам его осмысления. Для Онуфа важнейшей аналитической категорией языка является речевой акт. Он даёт собственное определение речевого акта: «Акт говорения в форме, побуждающей кого-то ещё к действию, обычно называется речевым актом». [6, с. 65] То есть, у основоположников философской теории языка Онуф заимствует мысль, что всякий речевой акт есть коммуникация, что он обязательно диалогичен. Поэтому в статье речевой акт он не рассматривает в отрыве от дискурса.

Он заявляет, что «разговор, несомненно, это самый важный путь, которому мы следуем, делая мир таким, каков он есть». [6, с. 59] И в качестве политолога-международника он объявляет, что «страны – это самодостаточные миры, потому что таким образом *о них говорят люди* [выделено нами – Е.С.]». [6, с. 58] Международные отношения, по его мнению, «покрывают собой всю землю», и поэтому их следует рассматривать как особый объект изучения, но и они «не более чем мир нашего делания» [6, с. 59] (через язык, добавим мы). По Онуфу получается, что язык как речевой акт является актом творения, в результате которого создаются страны и мир международных отношений: «Соответственно, мы *создаём* [выделено автором – Е.С.] мир таким, каков он есть, из сырых материалов, которые предоставляет природа, с помощью делания того, что мы делаем друг с другом, и говорения того, что мы говорим друг другу. В самом деле, говорение это делание: разговор, несомненно, это самый важный путь, которому мы следуем, создавая мир таким, каков он есть». [6, с. 59] Знак равенства, который

ставит американский учёный между «говорением» и «деланием», является результатом перенесения достижений лингвистической прагматики в сферу общественных и – более узко – международных отношений.

Между тем, сами представители лингвистической философии весьма осторожны в проведении категорических параллелей между словом и делом. Они работают, в первую очередь, с языковым материалом, и действие рассматривают в границах языкового действия, а к внеречевой области они обращаются в ограниченном смысле как к контексту, влияющего на успешность или неуспешность языкового акта. Онуф переносит акценты с языка на внеязыковую ситуацию, в результате чего, внешне использует доводы учёных-лингвистов, а по сути создаёт собственную реальность. Там, где происходит отрыв от философской теории языка, более рельефно выступает сходство с идеями Фа Цзана.

Из лингвистики XX века американский теоретик международных отношений заимствует деление речевых актов на три категории – утвердительные, директивные, комиссивные. [6, с. 65] Чтобы пояснить, что имеется в виду, Онуф почему-то выбирает примеры с утками (в статье о международных отношениях!). Он пишет: «Формы, которые должен иметь речевой акт, будут ясны из следующих примеров: (1) Вы утверждаете, что начался сезон охоты на уток (вы в действительности должны сказать: «Начался сезон охоты на уток!»). (2) Она требует, чтобы все шли охотиться на уток (она в действительности должна сказать: «Давайте пойдём охотиться на уток!»). (3) Я обещаю поджарить утку на обед (я в действительности должен сказать «Я приготовлю!»)». [6, с. 65] Вывод сводится к тому, что три категории речевых актов это не что иное, как три способа «создания вещей» для участников дискурса. Вот как эту мысль формулирует сам учёный: «Речевые акты делятся на три категории, потому что они представляют разные *функции* [выделено автором – Е.С.] – они тремя, и только тремя, способами производят окончательное создание вещей для говорящих и слушающих». [6, с. 67]

Декларируя то, что речевые акты создают вещи, Онуф не поясняет дальше, каковы объективные механизмы, с помощью которых язык, речь из несущих смысл набора звуков становится творцом вещей, равно как и субъектом конструирования стран и международных отношений, что и находится в центре внимания исследователя.

Фа Цзан, в противоположность Онуфу, разрабатывал вопрос о создающем мир языке. Фактически он в системе координат Хуа-янь объяснил «механику» творения мира с помощью языка.

Отправным пунктом для него являются понятия «сердца (синь 心)» и «корня (гэнь 根)». В философии Хуа-янь «сердце» понималось как общее, единое «сердце» (также «сердце Будды»), которое задаёт инерцию движения дхармическому миру, повторяя себя в единичных «сердцах» отдельных существ, наделенных чувством, то есть, людей и животных.

В Хуа-янь и других близких ей школах китайского буддизма «корень» трактовался как дхарма возможности «рождения». Классическое определение этого понятия китайскими буддистами звучит так: «Возможность родить именуется

корнем (нэн шэн мин гэнь 能生名根)». [5, с. 862] Под «корнем» подразумевалась объективная опора для (иллюзорного) воплощения вещей и явлений дхармического мира. Например, «корень» уха представляет собой возможность «рождать» (иллюзорное) ухо; «корень» глаза представляет собой возможность «рождать» (иллюзорный) глаз; «корень» мужчины представляет собой возможность «рождать» (иллюзорного) «мужчину»; «корень» «судьбы» (*мин*) – возможность «рождать» (иллюзию) «судьбы». В буддистском реестре мировых явлений насчитывалось 22 «корня». [5, с. 862] Но в соответствии с наиболее распространенной классификацией всего было пять «корней», которые с точки зрения небуддистов могут быть рассмотрены как рецепторы восприятия, но для буддистов Хуа-янь являются возможностями «рождения» явленного мира (или более точно: иллюзии явленного мира). Пятью «корнями», соблюдая правильную последовательность их перечисления, считались «глаз», «ухо», «нос», «язык», «тело». Когда возможность становится действительностью (что очень детально прописано у Фа Цзана, но что нам сейчас придётся опустить во избежание пересказывания всей аксиоматики Хуа-янь), то «корень» языка через его обладателя творит ту часть (дхармического или, что тоже самое, иллюзорного) мира, которая связана с языком. Творение осуществляется с помощью видения, слышания, обоняния, касания и речи. Речь становится одним из каналов создания (псевдо-) мира. В тот момент, когда прекращается речь и останавливаются процессы наименования, мир перестаёт твориться и перестаёт (псевдо-) быть. Фа Цзан пишет, что мир останавливается, когда «путь имён и слов обрывается (мин янь лу цзе 名言路絕)». [4, с. 102 (гл. 6, 4)] Прекращение создания (псевдо-) мира человеком, отказавшимся от речи, считалось в буддизме одним из путей прекращения воспроизведения дхарм, что соответствует личному спасению.

Итак. Пока «сердце» человека работает, и с опорой на «корни» реализуется возможность (псевдо-) воплощения, создаётся окружающий нас мир. Если в качестве опоры служит «язык», то мир создаётся через говорение. Фа Цзан это описывал так: «[Всё возникает] из вращений сердца. Говоришь ... – [тогда] есть создание, есть установление (Ю синь хуэй чжуань. Шо ... – ю чэн, ю ли 由心迴轉. 說 ... 有成有立)». [Юнлэ, с. 108 (гл. 7, 10)] Иначе говоря, в процессе говорения создаются и устанавливаются в положенных им местах элементы дхармического мира.

Похоже, что философия Хуа-янь могла бы оказать услугу представителям конструктивизма в области международных отношений, прежде всего, расширив номенклатуру инструментов для объяснения появления первичной верифицируемой очевидности

Опора на речевой акт как на единственное достоверное основание наших суждений о государствах и международном мире, лишённая глубинного обоснования, у самого Онуфа вызывает непреодолимое затруднение. Ему приходится признать, что там, где нет возможности для речевого акта, люди перестают быть социальными существами, и соответственно, там нет места обществу, государству, международным отношениям. Это его весьма спорное утверждение звучит

так: «Например, когда мы застываем от страха или проваливаемся в сон от переутомления, мы уже не являемся ... социальными существами». [4, с. 59] После такого заявления с неизбежностью напрашивается вопрос о том, куда же деваются международные отношения в моменты нашего ментального отсутствия? Американский учёный обходит этот вопрос стороной. Своё право на то, чтобы не доводить заявленные тезисы до логического основания, он оговаривает в самом начале статьи со ссылкой на то, что отказывается создавать целостную теорию. Он пишет: «Конструктивизм – не теория как таковая. Она не предлагает целостных объяснений того, что люди делают, почему общества отличаются друг от друга, как меняется мир». [4, с. 57] Этот аргумент, несомненно, защищает исследователя от лишних вопросов. Однако он не развеивает любопытства и желания узнать, что же происходит в мире пока мы спим. Очевидно, что ответ лежит в плоскости перевода анализа с субъективного уровня на объективный.

Внутри государства речевой акт осуществляется между «людьми (people)» и «обществом (society)», а в международном пространстве – между странами. Область международных отношений, таким образом, оказывается пространством речевого акта, осуществляемого между государствами.

Знаменательно, что, хотя в качестве центрального понятия Онуф использует «речевой акт», ему, помимо языка, приходится вводить другие виды конструирования мира – с помощью слышанья и виденья. Он пишет: «Достигают ли чего-нибудь речевые акты зависит от того, отвечают ли другие на то, что они слышат». [6, с. 65] Это ещё более сближает его с Фа Цзаном и с его представлением о таких «корнях» как «глаз», «ухо», «язык».

«Закон» и «правило»

Онуф и Фа Цзан удивительно близки также в других элементах своих рассуждений. Они прибегают к схожей терминологии, говоря о том, что цементирует собой обе создаваемые ими картины мира. Для буддиста это «закон (фа 法)» – так дословно переводится с китайского то, что в индийской традиции называется «дхарма», а для современного теоретика международных отношений это – «правило (rule)». И в одном, и в другом случае считается, что эти элементы занимают собой всё пространство между двумя границами, в которые мыслители заключают описываемые ими миры.

Онуф пишет: «Конструктивизм считает, что люди делают общество, а общество делает людей. Это постоянный двухсторонний процесс. Чтобы изучать его, мы должны начинать, так сказать, с середины, так сказать, потому что люди и общество, создавая друг друга, всегда уже там, и уже готовы к изменению. Превращая нужду в добродетель, мы будем начитать с середины, между людьми и обществом, путём введения третьего элемента, *правил* [выделено автором – Е.С.], которые всегда связывают вместе два других элемента. Общественные правила (термин *правила* [выделено автором – Е.С.] включает в себя, но не ограничен, юридическими правилами) делают процесс, в котором люди и общество создают друг друга, постоянным и обоюдным». [6, с. 59]

«Правило, – по определению Онуфа, – это заявление, которое говорит людям, что мы должны делать [выделено автором – Е.С.]». [6, с. 59] Имеется в

виду признание некоей объективной данности в виде вербализованных «стандартов для поведения людей». [6, с. 59] Правило это стандарт поведения человека в виде заявления.

Онуф, считает, что разнообразные «правила» лежат в основе всего, что могут предъявить международные отношения. По словам политолога, «правила из материальных черт мира делают *ресурсы* [выделено автором – Е.С.]», [6, с. 64] которые уже, в свою очередь, используют в интересах собственной или межгосударственной политики активисты-«агенты», главными из которых являются государства. [6, с. 74]

То, что Онуф обозначает как «правила», это всё, чем располагает поле международных отношений: «институты», «договоры», «баланс силы», «сферы влияния», «гегемония» и пр. Сами «агенты» создаются «правилами». Как пишет Онуф: «В пределах этой обобщённой формы речевого акта эти правила делают из слушателей агентов, к которым применимы эти правила». [6, с. 67] Правда, это обоюдный процесс, поэтому учёный также говорит о том, что «агенты создают правила». [6, с. 68]

Интересно проследить за глаголами, которые относимы Онуфом к существительному «правило». Что делает «правило» в межгосударственном пространстве? «Регулирует поведение агентов» [6, с. 67], «рассказывают» агентам, что делать [6, с. 68], «правила говорят то, что они говорят», а агенты на это отвечают. [6, с. 74] Помимо этого, «правила направляют слабые государства в пределах данной сферы в сторону исполнения пожеланий гораздо более сильных государств». [6, с. 70] «Правила присваивают высокий *статус* [выделено автором – Е.С.] нескольким великим державам (в идеале пять государств), которые должны действовать, как если бы они были примерно равны в смысле имеющихся у них ресурсов». [6, с. 70] «Правила назначают каждому агенту *офис* [выделено автором – Е.С.] [6, с. 70]» – так образно Онуф обозначает любое определённое «правилами» место. «Правила порождают правление. Делая агентов и общество тем, чем они являются, правила делают правление неизбежным. Правление это что-то такое, что случается с агентами, когда они следуют правилам или страдают от последствий не следования правилам.» [6, с. 74]

Понятия «правило» и «речевой акт» у Онуфа во многом дублируют друг друга, поэтому: «Правила могут принять общую форму речевых актов в каждой из трех категорий, приведенных выше: утвердительных речевых актов, директивных речевых актов и комиссивных речевых актов. Правила в форме утвердительных речевых актов информируют агентов о мире – как обстоят дела и как он работает – и информируют их о последствиях, которые могут наступить, если они проигнорируют эту информацию.» [6, с. 66] Поясняя, как работают директивные и комиссивные «правила» в межгосударственном сообществе, он пишет, что «принцип суверенитета это высоко формальное правило-инструкция, создающее общество из государств. Он поддерживается комиссивными правилами, которые наделяют государства в качестве агентов правом приводить в общество новых членов. Эти поддерживающие правила, известные нам как правила при-

знания, поддерживаются правилами-инструкциями, в которых разобрано некоторое число социальных и материальных условий, которым следует соответствовать до того, как государственность становится возможной». [6, с. 68]

Конструкция, в которой активную роль играют «правила», созданная современным теоретиком международных отношений, напоминает систему устройства мира, которую рисовал Фа Цзан. Все дела и явления нашего мира, за отдельными исключениями, в представлении буддистов Хуа-янь, являются (иллюзорным) воплощением разнообразных «законов»-дхарм. «Закон» – это возможность оформления и проявления. «Законы», по Фа Цзану, проходят череду процедур, чтобы (псевдо-) воплотиться в той или иной форме. Всё, что есть в дхармическом мире, за единичными исключениями, это «законы».

«Законы», наполняющие собой дхармический мир, и «правила» Онуфа, которыми насыщен мир международных отношений, и в одном, и в другом случае трактуются как величины объективные. Но, при этом, они неразрывно связаны с субъектностью человека. В обоих случаях проводником «законов» и «правил» в окружающую среду становится человек. Для Фа Цзана человек это носитель «сердца», от пульсации которого «законы» воплощаются в виде дхармического мира и отдельных его элементов. Помимо своей объективной функции, человек, в Хуа-янь, как субъект имеет цель, заключающуюся в усвоении системы взглядов Хуа-янь для того, чтобы достичь «бодхи, иначе говоря, дао или пробуждения» [1, с. 153], а потом и вообще выйти из дхармического мира. Онуфа интересует политический человек, и более конкретно – «агент» международных отношений. Такой «агент» обладает своими интересами, исходя из которых делает выбор. Через человека Фа Цзана объективный мир развивается без его участия, однако захлопывается вследствие его волевого акта, направленного на прекращение страданий и достижения нирваны. В отличие от этого «агент» Онуфа действует для того, чтобы конструировать общественные отношения, а не для того, чтобы радикально ликвидировать проект, называющийся жизнью. По Онуфу, человек создаёт мир говорением. По Фа Цзану, нас окружающий дхармический мир создаётся через человека, через его говорение, видение, слышание и пр.

Но Онуф также оставляет своему «агенту» пространство для разрушения всего проекта или его части. Так как «правила», установившиеся в межгосударственных отношениях, более выгодны для одних «агентов» (например, какой-то страны) и менее выгодны для других, то получающие наименьшую выгоду «агенты могут разрушить любое данное правило после обдумывания последствий для них самих всех имеющихся вариантов выбора». [6, с. 74] Надо заметить, что вполне сопоставима степень радикальности результата по выходу из мира, на который рассчитывал последователь Хуа-янь, и того, к которому может привести деятельность «агента», решившего покончить с существующими «правилами» в сфере международных отношений, – оба случая зависят от решения субъекта. Онуф пишет: «Каждое правило даёт агентам, на которых оно распространяется, возможность выбрать правило, или не выбрать его, с более или менее предсказуемыми последствиями». [6, с. 74]

Онуф классифицировал «правила», а Фа Цзан классифицировал «законы». Например, он их делил на «чистые (чунь 純)» и «смешанные (цза 雜)». [4, с. 104]

(гл. 7, 2)] Как Онуфа, так и Фа Цзана интересовала функциональная составляющая того, что один назвал «правилами», а другой – «законами», естественно, исходя из логики собственных теорий. По Фа Цзану, «чистый закон» есть возможность цельного оформления (псевдо-) явления, «смешанный» – возможность оформления части (псевдо-) явления, которое получает законченную (псевдо-) форму в результате соединения с другими «смешанными законами». (Слово «псевдо-» здесь и выше мы употребляем для напоминания о том, что речь идёт о дхармическом мире, который буддисты считают неистинным.)

Как видим, и Фа Цзан, и Онуф говорят о двухчастной конструкции мира, а также о том, что пространство между двумя сторонами организуется некими «правилами» или «законами». Важно также то, что обе конструкции находятся в динамичном состоянии. Конструктивист Онуф учит тому, что «правило», раз появившись, постоянно создаёт другие «правила», вплоть до того, что «порождает» такое «правило» как «правление». [6, 74]

Сетевое устройство

Конфигурация дхармического мира и области международных отношений, где есть две стороны и квантование заключённых между ними элементов, обоим авторам подсказала образ «сети» для описания процессов, происходящих в этих рамках. В буддизме принято сравнивать устройство мира с бесконечной жемчужной сетью мифического индийского царя Индры, хранящейся, по преданиям, в его дворце. Каждая жемчужина в узелке сети одновременно бесконечно отражает соседние жемчужины и всю сеть целиком. Этот образ буддисты использовали как метафору философской идеи всеобщего, бесконечно повторяющегося и уходящего в глубь отражения всего в одном и одного во всем, отражения, которому нет ни конца ни края. Используя образ жемчужной сети Индры, Фа Цзан показывает, как в ней неотделимо один от другого присутствуют элементы дхармического мира, как одно последовательно входит в другое, объёмля собою всю сеть целиком. [4, с. 107 (гл. 7, 7)]

Онуф пользуется термином «сеть», не конкретизируя его. Тем не менее, в его статье можно встретить утверждение о том, что «агенты располагаются в *сетях* [выделено автором – Е.С.] правил и связанных с ними практик (*networks of rules and related practices*)». [6, с. 70] («Практики», в его понимании, это действия человека, которые определяются «правилами», иначе говоря, заявлениями.) Функционирование «сети» он разбирает на примере принятого в теориях международных отношений понятия «баланс силы». В его системе координат «баланс силы» состоит из вербализируемых «правил» и соответствующих им «практик». «Правила» присваивают наивысший статус самым сильным мировым державам. «Практики» осуществляются агентами этих держав. Если агенты действуют согласно «правилам», то «сеть» участвует в балансировке их действий, даже независимо от их личных намерений. В результате этого возникает «постоянно сдвигающийся и относительно мирный баланс альянсов между великими державами». [6, с. 70]

Для буддистов сетевое устройство мира означает то, что отдельные элементы дхармического мира взаимодействуют в форме отклика или отражения.

Для Онуфа понятие «сети» синонимично взаимосвязи элементов межгосударственного пространства.

Маленькие слабости

Очень по-человечески выглядит стремление как Фа Цзана, так и Онуфа подчеркнуть значение своей школы, своей среды в противовес всем остальным. Так Фа Цзан презрительно называет сторонников Хиняны «учением глупых, слышавших о законе с голоса (юй фа шэн вэнь 愚法聲聞教)». [4, с. 100 (гл. 6, 2)] Свою же школу, Хуа-янь, он называет «круглым», то есть, совершенным, учением. [4, с. 102 (гл. 6, 5)]

Профессор из США тоже нашёл возможность в абсолютно теоретическую статью вставить комплиментарные слова, но не в адрес собственного учения, а в адрес своей страны. Рассматривая в контексте утвердительных речевых актов то, как государство в международных отношениях становится гегемоном, он приводит в качестве примера США: «... неформализованная иерархия может привести к усилению гегемонии, которая уже достигла сравнительно высокого уровня оформления. После Второй мировой войны, так называемый *Pax Americana* можно рассматривать как условие правления, при котором Соединенные Штаты правили во имя свободы и процветания, осуществляя интервенции везде и всегда по своему выбору. Провозглашённые принципы привели (возможно, первоначально непреднамеренно) к оформлению статуса США как лидера «свободного мира», а деятельность, основанная на этих принципах предоставила им неформализованное место». [6, с. 75] Иначе говоря, Онуф декларирует, что осуществление утвердительного речевого акта, когда США провозгласили своими принципами «свободу и процветание», имело результатом складывание неоформленной иерархии государств в международном пространстве, высшую ступеньку в которой заняли Штаты как лидер «свободного мира». Если бы не тезис об анархичность международных отношений, [2] который политологи заучивают со студенческой скамьи, то тогда ничто бы не помешало Онуфу провозгласить свою страну абсолютным гегемоном, а не только лидером иерархии, которая не способна формализоваться по причине изначальной анархии, царящей в отношениях между государствами.

Имплементация данных компаративистского анализа в дискуссию о месте Китая в теориях международных отношений

Считаем, что полученный нами эмпирический материал является косвенным свидетельством того, что политологическая мысль постмодерна, отвергнув многие постулаты европейской философии прежних времён, не только состыкуется с китайскими традиционными представлениями, но и разными опосредованными путями уже включила их в себя. Проведённое нами сравнение может быть использовано для верификации аргументов дискуссии о «китайском» и «западном», вот уже много лет идущей в Китае и за его пределами среди специалистов по теории международных отношений. Интересно, например, мнение одного из ведущих в КНР исследователей международных отношений Цинь Яцина, который на данный момент (2015 год) является ректором Университета международ-

ных отношений (Вайцзяо сюеюань 外交学院). Он активно освещает свою позицию на родине. Немаловажным является также то, что он получал образование в США и является признанным, в качестве представителя Китая, участником западного политологического дискурса.

Цинь Яцин акцентирует расстыкованность, существующую между теориями международных отношений и китайским опытом. По его мнению, она обусловлена двумя основными причинами: 1) непоявлением в Китае собственных теорий международных отношений; 2) западнотризмом имеющихся теорий.

В самом Китае, как он считает, не было условий для возникновения теорий по международным отношениям из-за даннических отношений. Систему дани как форму международных отношений Китая с другими странами, Цинь Яцин объясняет тем, что в Китае не возникло представления о суверенитете. По его словам, «без идеи и института суверенности имперский двор Китая был центром и рассматривал окружающие государства как зависимые от себя». [10, с. 320] Цинь Яцин пишет, что «это мировоззрение традиционного китайского ума практиковалось в Системе Дани, в системе сконцентрированной вокруг китайского императора и управляемой им с 221 г. до н.э. по начало 1800-х». [10, с. 320] Чтобы начать сомневаться в справедливости этого утверждения достаточно вспомнить историю отношений между империей Цин и Российской империей, например, Нерчинский договор 1689 года, который не является документом о взыскании дани.

По мнению профессора Циня, после Первой Опиумной войны Китай попал в орбиту Вестфальской международной системы и оказался перед фактом разрушения даннической системы. Хотя с тех пор прошло уже немало лет он по-прежнему является чужаком в теории и практике межгосударственных отношений.

Удивляет заикленность на мысли, позаимствованной из западных работ более чем полувековой давности, в соответствии с которой единственной формой организации отношений Серединной империи с другими государствами были якобы даннические отношения. В своё время её развивали также советские учёные, что частично происходило под влиянием политической конъюнктуры и некритического отношения к работам западных коллег. Это удобное упрощение, восходящее, видимо, к «Новой истории Китая» Джона Фэрбенка (John King Fairbank, 1907-1991), было данью своему времени и региону. Это объяснение, широко использовавшееся авторами XX века, сейчас уже требует пересмотра, так как XXI век отчётливо продемонстрировал, что наличие идеи государственного суверенитета в однополярном мире не препятствует стране-гегемону считать себя центром, а остальные государства приравнивать к вассалам, собирая с них дань, соответствующую эпохе. К тому же, демонтаж суверенности государств и концентрация международной власти в одном центре силы, которые можно наблюдать в современном мире, не позволяют дальше говорить о традиционной китаецентристской системе как о чём-то особенном. Кроме того, концепция дани, рождённая не китайскими историками, требует серьёзной перепроверки по китайским источникам за 2000 лет. Перечисленные соображения не позволяют считать систему дани достаточно убедительным доводом, объясняющим, почему в Китае не сложились теории международных отношений в том

виде, как они появились на Западе. Впрочем, этот вопрос не является приоритетным для темы нашей статьи. Вторым аргументом учёного, пытающегося объяснить, почему Китай до сих пор не представлен в теориях международных отношений, как уже указывалось, сводится к западноцентричности этих теорий. Он распадается на два аспекта: с одной стороны, западноцентризм как отражение философских традиций Европы, с другой стороны, западноцентризм как неготовность к восприятию чужих ценностей.

Что касается второго аспекта, то китайский учёный ранжирует теории международных отношений по степени их готовности к включению в себя опыта других, незападных, культур. Реализм и либерализм, в его представлении, наименее открыты для заимствований. «Немного лучше» – конструктивизм Александра Вендта (Alexander Wendt) и Барри Бузана (Barry Gordon Buzan). [8, с. 2] Особо высокую оценку получила английская школа Хедли Булла (Hedley Bull, 1932 – 1985), но и ей якобы не присущ универсализм. К сожалению, в работах Цинь Яцина нет ссылок на теорию Онуфа, именно на ту теорию, которая, как было показано выше, в отдельных своих элементах не только не противостоит китайской традиционной мысли, но и пересекается с ней.

По мнению Цинь Яцина, западная доминанта теорий международных отношений определяется тем, что в их основе лежит европейская философия, от Аристотеля до Гегеля. Он не принимает во внимание развитие философии в XX веке и то, что философия Запада за это столетие далеко ушла от своих корней, в чём, кстати, важную роль сыграло интеллектуальное движение с Востока в западном направлении. Взаимодействие Запада с Китаем, интенсивно развивавшееся с XIX века, он представляет как односторонний процесс, вот уже около 200 лет сохраняющий один и тот же вектор, с Запада на Восток.

Цинь Яцин прямо заявляет о том, что «китайский способ мышления, или мировоззрения, отличен от западного». [7, с. 137] Конкретизируя различия, он пишет: «Китайский мыслительный процесс явно отличается [от того, что предлагают западные политологи – Е.С.], потому что он менее чувствителен к таксономии. Он скорее сориентирован на отношения и концентрируется на отношениях в процессе, воспринимая объекты в отношениях друг с другом, а акторов как акторов-в-отношениях». [7, с. 137] Сравнивая западное и китайское мировосприятие, Цинь Яцин отмечает, что диалектика Гегеля, а вместе с ней и вся западная цивилизация, «не способна увидеть и поставить на службу процессы становления, ориентированные на отношения». [7, с. 132] Иначе говоря, в качестве маркеров различия между «китайским» и «западным» он использует категории «таксономия», «отношения», «процессуальность». Продолжая этот список, он противопоставляет гибкую китайскую диалектику «конфликтующей диалектике» Гегеля. [7, с. 137] Свою критику западных теорий международных отношений он распространяет также на то, что они слишком большую роль приписывают «правилам» (которые он трактует вслед за реалистами и институционалистами как некие застывшие, лишённые внутренней динамики формализованные инструкции), отражающими, на его взгляд, изначально присущий западной культуре «эгоизм» в противовес китайской «моральности». [9, с. 125] Понятие таким образом жёсткие «правила», по его мнению, проигрывают гибким,

этически обусловленным, «отношениям», выступающим на первый план в китайском классическом и современном социуме. В качестве особенности китайской мысли и её практического воплощения он также отмечает «холистические взгляды на универсум», позволяющие видеть связь между явлениями, их «коррелятивность», чего якобы полностью лишена западная культура с её склонностью к атомизации. [9, с. 127]

Что здесь подразумевается под «таксономией»? Категориальное мышление западного человека, останавливающего и расчленяющего непрерывный и текущий мир на части и закрепляющего за каждой механически выделенной частью статус категории. Нас тоже в университете учили тому, что китайские мыслители не выработали чётких понятийных дефиниций и что в этом состоит одна из особенностей китайской философии. Однако сейчас уже становится очевидным, что эта точка зрения объясняется неполной картиной, имевшейся в распоряжении учёных. Достаточно обратиться к толкованию иероглифов в словаре «Шо-вэнь цзе-цзы» (1 в.), чтобы убедиться в ошибочности представления о том, что для китайцев было нехарактерно категориальное мышление. Полностью опровергают этот тезис труды китайских буддистов, и в их числе представителей Хуаянь, в которых особое внимание уделялось обсуждению содержания понятий, границ их употребления и связи с другими понятиями. Из труда Фа Цзана следует, что категоризация результатов мыслительного процесса, являющаяся для Цинь Яцина синонимом таксономии, была свойственна не только философии Запада, но и Китая.

Текст Онуфа отвергает тезис Цинь Яцина о том, что западная цивилизация ориентирована на восприятие только статичных явлений, и поэтому «не способна увидеть и поставить на службу процессы становления». Выше мы приводили цитату из Онуфа о том, что в области политического идёт «процесс, в котором люди и общество создают друг друга», и процесс этот «постоянный и обоюдный». Можно сказать, что в центре его работы стоит именно теоретическое осмысление динамики межгосударственного пространства.

В контексте сравнения идей Фа Цзана и Онуфа безосновательным оказывается упрёк всей западной мысли в недооценке значения «отношений». Призывая китайские «отношения» внедрить в ориентированный на «правила» западный мир, Цинь Яцин абсолютизирует якобы существующий между этими двумя понятиями разрыв. Спорность его утверждений становится очевидной после прочтения текстов китайского мыслителя Фа Цзана, американского теоретика Онуфа и их сравнения.

Аргументы китайского учёного о китайском «холизме» и западной «атомизации» также во многом потеряли свою актуальность применительно к сегодняшнему состоянию политологии. Об этом свидетельствует то, что межгосударственное пространство Онуф склонен представлять в виде сетевого устройства, имея в виду взаимосвязанность его отдельных элементов, или «коррелятивность», в терминологии профессора Циня.

Китайский учёный ратует за то, чтобы обогащать теоретическое осмысление отношений между государствами идеями, заимствованными в других культурах. Он предлагает: «Давайте сделаем хорошие ценности китайской культуры

и традиции частью идейной конструкции международных отношений». [8, с. 9] Он призывает к тому, чтобы «просто прибавить что-то новое, что-то незападное так, чтобы мы смогли обогатить в целом знания о международных отношениях и социальных науках». [8, с. 1] Важность такого предложения очевидна, однако, вопрос состоит в том, насколько оно своевременно. Ведь теории международных отношений конца XX – начала XXI вв. вслед за философией осваивали новые горизонты, в результате чего стало возможным появление теории Онуфа, которой, при всей её прозападной ориентации, как было показано выше, перекликается с идеями Хуа-янь.

Цинь Яцин бросает упрёк западным теориям международных отношений в том, что они основываются на «конфликтной» логике Гегеля и игнорируют характерную для китайской культуры логику «гармонии» или «мира». Он утверждает, что в противоположность «эксклюзивной» (тут имеется в виду, что каждое явление представляется как исключительное и замкнутое на себя) философии Гегеля, китайская философия «инклюзивна», иначе говоря, она всегда предполагает включённость одного явления в другое, когда «в А включено не-А». [7, с. 132] В подтверждение своих слов Цинь Яцин приводит цитаты из сочинения Лао-цзы «Дао Дэ цзин». Хочется добавить то, что «инклюзивная» логика у Лао-цзы присутствует в зачаточном состоянии, и что вершина её осмысления была достигнута именно школой Хуа-янь, и в частности, в рассматриваемом нами произведении Фа Цзана. Оппонируя профессору Циню, можно сказать, что, более внимательно присмотревшись к теории Онуфа, китайский учёный смог бы открыть, что ей не чужд философский инструментарий и логика тех, кто говорит, что «А» и «не-А» включены друг в друга.

Удивительно то, что Цинь Яцин, выступающий от имени всей культуры Китая, редуцирует китайские ценности до Конфуция и Лао-цзы. Упоминание других китайских мыслителей прошлого в его работах встречается крайне редко. Что же до философии китайского буддизма, и в том числе буддизма Хуа-янь, то она полностью исключена из его поля зрения.

Выводы

Осуществив выборочное сравнение текстов Фа Цзана и Николаса Онуфа, мы можем сделать вывод об удивительном совпадении этих сочинений в плане формы и элементов аналитики.

Конечно, не следует чрезмерно увлекаться проведением параллелей. Буддийский дискурс шёл на абсолютно ином поле, в ином понятийном измерении, средствами иных доказательных приемов и являлся следствием по-иному оформленной совокупности побудительных причин. Общие черты двух сравниваемых объектов не отменяют принципиальных различий, существующих между буддистской философией Хуа-янь и политическими теориями постмодернизма. Различия эти носят принципиальный характер: в одном случае вера, в другом – наука. Онуф включает в круг вопросов то, что было за границами интереса Фа Цзана: общество, государство и надгосударственная общность, выбор человека. В свою очередь, Фа Цзан концентрирует внимание на пробуждении от дхарми-

ческого морока, вхождении в нирвану. Несмотря на отмеченные различия, оснований для сравнения философии Фа Цзана и теорий международных отношений не меньше, чем для сравнения этих теорий с философиями Конфуция и Лао-цзы.

Перенеся полученные результаты компаративистского анализа на дискуссию о месте Китая в теориях международных отношений и проанализировав аргументы Цинь Яцина, мы убедились в том, что профессор Цинь абсолютизирует различия, существующие между китайским и западным мировоззрениями, якобы блокирующие включение опыта и мысли Китая в теории международных отношений.

Система доказательств и основные выводы Цинь Яцина могут быть иными. Для этого надо изменить ракурс наблюдения, в том числе:

1) сделать объектом исследования теорию Н. Онуфа, что позволит отказаться от восприятия западного политологического контента как застывшего и лишённого внутреннего движения;

2) расширить круг источников по традиционной китайской мысли за пределы цитат из Конфуция, Мэн-цзы и Лао-цзы, обязательно включив в их число труды по философии буддизма Хуа-янь;

3) отказаться от редуцирования всей западной философии до Гегеля;

4) там, где Цинь Яцин видит одностороннее влияние Запада на Китай, зафиксировать и спроецировать на область политологии успешно развивающийся процесс движения навстречу друг другу двух культурных потоков, обуславливающий взаимопроникновение традиционной китайской и современной западной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стабурова, Е.Ю.* «Доклад о золотом льве» Фа Цзана: проблемы перевода и концепция взаимности» / Е.Ю. Старабудова // Общество и государство в Китае. 34 научная конференция. - Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 2004. - 146-152 с.
2. *Стабурова, Е.Ю.* Деконструкция концепции анархизма в теории международных отношений / Е.Ю. Старабудова // XV International Scientific and Practical conference «Military and political sciences in the context of social progress». - London-Kiev: the International Academy of Sciences and Higher Education (London, UK), All- Ukrainian Academic Union (Kiev, Ukraine). - Odessa: InPress, 2012.
3. *Филлипс, Л.* Дискурс анализ: теория и метод / Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен. - Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.
4. Цзинь шицзы чжан юнь цзянь лэй цзе. Бин суй (Чжан о «золотом льве». В обители «Среди облаков» сгруппирован по разделам и разбит на части. Сдвоенное предисловие) // «Юн-лэ бэй цзан (Северное Хранилище императора с девизом правления Юн-лэ)». - Бэйцзин: Сяньчжуан шуцзюй, 2008. - Це 175. - С. 93-123.
5. Цзунцзяо цыдянь (Словарь религий) / Ред. Жэнь Цзиюй. -Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1983. – 97+1343 с.

6. Onuf, N. Constructivism: A User's Manual / N/ Onuf // International Relations in a Constructed World / Editors: Vendulka Kubálková, Nicholas Onuf, Paul Kowert. Armonk: M. E. Sharpe, NY, 1998. - Pp. 58-78.
7. Qin Yaqing. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise / Qin Yaqing // The Chinese Journal of International Politics. Oxford: Oxford University Press, 2010. Vol. 3. Pp. 129–153.
8. Qin Yaqing. Rules vs Relations, Drinking Coffee and Tea, and a Chinese Approach to Global Governance / Qin Yaqing // Theory Talk No 45, November 30, 2011. - Pp. 1-11.
9. Qin Yaqing. Rule, Rules, and Relations: Towards a Synthetic Approach to Governance / Qin Yaqing // Chinese Journal of International Politics. Oxford: Oxford University Press, 2011. Vol 4, No 2. - Pp. 117-145.
10. Qin Yaqing. Why is There No Chinese International Relations Theory? / Qin Yaqing // International Relations of the Asia-Pacific. Oxford: Oxford University Press, 2007. Vol 7, No 3. - Pp. 313-340.

Филонов С. В.
(Благовещенск, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАРТИНЫ МИРА РАННЕГО ДАОСИЗМА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО АНАЛИЗА¹

Статья посвящена анализу представлений о загробном мире и подземном узилище, которые бытовали в даосской религиозной культуре эпохи раннего средневековья. В ходе работы были использованы материалы из ранних даосских сочинений, дошедших до нашего времени в составе Даосского канона (Дао цзана). Реконструкция важнейших аспектов картины мира раннего даосизма, связанных с концепцией загробного пространства смерти, проводилась на основе информационного анализа категориально-терминологического аппарата ранних даосских источников.

Ключевые слова: *Китай, раннесредневековый даосизм, картина мира, пространство смерти, Истоки рек, Три канцелярии, область Великого мрака, информационный анализ, электронные конкурдансы*

The article focuses on the analysis of the ideas of the otherworld and posthumous purgatory in early medieval Taoism. The study utilizes data extracted from the early Taoist scriptures and codes, have survived to our time as a part of Taoist Canon (Dao zang 道藏). Reconstruction of the representative aspects of the world-view of early medieval Taoism, connected with concept of space of death, was carried out on the basis of information analysis of terminological thesaurus of early Taoist texts.

1

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 15-06-09393 «Разработка концептуальных и инструментальных подходов к информационному анализу категориального аппарата раннесредневековых даосских письменных памятников: на основе комплексного исследования и перевода «Книги Желтого дворика» (Хуан тин цзин)».

Key words: China, early medieval Taoism, world-view, space of death, The Sources of Rivers 河源, Three Offices 三官, Great Darkness 太陰, information analysis, digital concordances

Методологическое введение. В русскоязычной литературе даосизм довольно часто соотносят исключительно с именем Лао-цзы и духовным наследием, отраженным в трактатах «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы». Это - устаревший подход, опровергнутый современным уровнем изучения даосской религиозной традиции. Даосизм принципиально не сводим и не выводим из идеологии, отраженной в «Дао дэ цзине» или «Чжуан-цзы». Данные письменные памятники воспринимались в традиционной китайской культуре в качестве самостоятельного направления, не тождественного даосизму как религии.

Современная синология с полным правом называет даосизм (*даоцзяо* 道教) китайской национальной религией. В основе этой религии лежит учение об обретении долгой жизни (бессмертия) и вера в то, что с помощью определенных методов самосовершенствования можно превратиться в *сяня*-небожителя [1, с. 44, 51]. С другой стороны, даосизм является неотъемлемой частью архитектурники более глобального масштаба - всей китайской культуры, этнорелигиозную основу которой составляет почитание умерших сородичей. Ту же основу демонстрирует и раннесредневековый даосизм - целеполагание его культовой практики напрямую было связано с реализацией метафизических аспектов культа предков [2, с. 31].

Даосизм на протяжении веков играл определяющую роль в повседневной жизни подавляющей части китайского общества, на что обратил внимание великий китайский писатель Лу Синь (1881–1936), записав 24 сентября 1927 г. в своем дневнике: «... [китайцы часто] испытывают антипатию к буддийским монахам и монахиням, антипатию к мусульманам, антипатию к последователям Иисуса, но они никогда не испытывают неприязни к даосам. Понять причину этого - значит наполовину понять Китай» [3, с. 556]. Современные исследования полностью подтверждают это мнение и свидетельствуют, что именно даосская религия в наибольшей степени отразила этнопсихологические особенности китайского народа, поскольку бытовая жизнь преобладающей части китайского традиционного общества - крестьян, ремесленников и торговцев - всецело находилась в сфере ее влияния [4, с. XIX].

Начало организационного оформления даосизма как национальной религии обычно датируют II в.н.э., когда на юго-западе Китая, согласно традиционным оценкам, появляется первое широкомасштабное и жизнеспособное религиозное сообщество, называемое школой Небесных наставников (*Тяньши* 天師) и возглавляемое Чжан Лином 張陵 или, как его стали уважительно называть, Чжан Дао-лином 張道陵 (по традиции: 34–156 гг.). Период со II по VI вв. занимает особое место в истории даосизма - в это время складываются его важнейшие религиозные институты. В эпоху Тан (618–907) даосизм уже входит как полиморфная, многоаспектная и многоуровневая институциональная религия, пользующаяся

необходимым уровнем лояльности со стороны царствующего дома и включающая разработанную религиозную философию и доктрину, структурированный институт священнослужителей, нормативный культ и ритуал, сложившиеся правила организации мест отправления индивидуального и коллективного культа, систему посвящения в религиозные таинства, комплекс высококочтимых текстов, пантеон божеств и свод этических правил для священнослужителей и мирян.

Даосская религиозная традиция формировалась на основе соединения различных идей, представлений и культов. У даосизма много истоков, подавляющее их большинство не имеет никакого отношения к наследию Лао-цзы. отождествление даосского учения лишь с одним из них, т.е. с «Дао дэ цзином», является типичным заблуждением, обусловленным слабой изученностью даосизма и игнорированием его собственных источников - сочинений из Даосского канона («Дао цзана») [5, с. 17–18].

Даосский канон, в составе которого сохранилось почти полторы тысячи письменных памятников на древнекитайском языке, является уникальной книжной коллекцией, включающей богатый материал по культуре, религии, философии, этнографии, литературе, ботанике, фармакологии, медицине, астрономии, химии, алхимии и другим аспектам истории китайской цивилизации [6]. Вместе с тем письменные памятники из Даосского канона с большим трудом вводятся в научный оборот из-за сложности работы с ними - это обусловлено отсутствием традиционных комментариев к ним, проблемами их датировки, слабой изученностью их внешней истории, истории их текста и того культурного пространства, в котором проходило их социальное бытие. Эти проблемы, в определенной мере, позволяет преодолеть предложенная нами методология текстолого-филологической герменевтики, основанная на информационном анализе категориального аппарата даосских текстов и их электронном конкордансировании.

Результаты экспериментальной работы свидетельствуют, что комплект электронных конкордансов к синхронным даосским сочинениям является весьма мощным инструментом, позволяющим вскрыть не только семантику сложного терминологического аппарата, но и выделить как его инвариант, так и варианты его реализации в различных спatio-темпоральных контекстах. Материалы настоящей статьи получены в ходе апробации данной методологии и разработанных на ее основе методик информационного анализа даосских сочинений. Основным объектом нашего исследования являлись даосские тексты, созданные до эпохи Тан и сохранившиеся до нашего времени в составе Даосского канона. Эти сочинения отражают не только историю формирования даосской религиозной доктрины и философии, но и процесс текстуализации, а за ней и закрепления, важнейших концептов религиозной «картины мира» общекитайского значения - представлений о посмертной судьбе человека, о времени жизни и пространстве смерти, о рае и подземном узилище. Анализу некоторых из них и посвящена данная статья.

Текстуализация представлений об инфернальном мире. В китайской культуре раннего средневековья широко бытовали представления, согласно которым одно из мест, где может оказаться душа человека после смерти, - это область у Истока рек (*хэ юань 河源*), находящаяся глубоко под землей [SLJ, 59b:

8]¹. В даосских сочинениях середины периода Шести династий (III–VI вв.) это место регулярно конкретизируется как область у истока Девяти рек (*цзю хэ чжи юань* 九河之源), хотя иногда количество рек сокращается до семи и тогда подземное узилище именуется областью у истока Семи рек.

Область у Истока рек - это судное место темного и страшного подземного мира. Здесь искупают вину за собственные преступления, совершенные в земной жизни, либо за преступления своих здравствующих родственников. В синхронных даосских письменных памятниках за этой областью закрепляются и иные обозначения, используемые в качестве семантических синонимов выражению «у Истока рек»:

- Девять дворцов Великого мрака (*Тай инь цзю гун* 太陰九宮) или, в сокращенном варианте, Девять подземных [управ] (*цзю инь* 九陰);
- Подземный дворец (*ю гун* 幽宮);
- Девять рек (*цзю хэ* 九河);
- Девять истоков (*цзю юань* 九源);
- Девять источников (*цзю цюань* 九泉);
- Истоки [рек], не имеющие предела (*у цзи чжи юань* 無極之源);
- Реки долгой ночи (*цзи е чжи хэ* 積夜之河);
- Девять подземелий (*цзю ю* 九幽);
- Управа душ умерших (*гуй фу* 鬼府).

Контекст использования этих выражений не оставляет сомнений, что все они обозначают один и тот же объект - царство мертвых, мир теней, мрачную подземную область Иного мира, где отбывают наказания, выполняя тяжелую каторжную работу, души умерших. Широкое использование этого категориального аппарата, причем в различных вариантах, имеющих явное типологическое сходство, свидетельствует, что он отражает не какую-то локальную религиозную традицию, а имеет общedaосское значение и даже более - характеризует представления о пространстве смерти, конституирующие китайскую наивную картину мира эпохи раннего средневековья. Более того, появление такого категориального аппарата в текстах IV-V вв. следует расценивать не как процесс оформления данных представлений, а, скорее, как их текстуализацию, поскольку в литературных памятниках эпохи Хань (206 до. н.э. –220 н.э.) и даже периода Чжэнь (V–III до н.э.) имеются очевидные терминологические коннотации с данным категориальным аппаратом.

Примечательно, что даже если даосские тексты обозначают подземное узилище по-разному, все варианты названия отражают единую типологию - они

---

¹ Здесь и далее аббревиатура обозначает название сочинения из Даосского канона, а ее расшифровка приводится в списке сокращений в конце статьи. Цифры, следующие после аббревиатуры, последовательно обозначают: номер цзюани, номер листа данной цзюани и номер вертикального столбца текста на данном листе. Индексы «а» или «b» отсылают, соответственно, к правому или левому развороту листа. При ссылке к источнику, текст которого на цзюани не разделен, цифры после аббревиатуры указывают на номер листа и вертикального столбца (столбцов) на нем.

непрерывно включают либо число девять (семь), обозначающее количество приказов этой судебной инстанции мира теней, либо содержат указания на водную стихию (реки, истоки, источники и т.п.):

- «Если [эти книги] передавать в нарушение [правил] кодекса, то вина за это ляжет на семь поколений [твоих] предков. Души [их], томящиеся в подземелье (*ю хунь* 幽魂), будут тяжкую повинность отбывать [в подземном узилище], и огонь глотать, и железо есть, и горы передвигать, и таскать камни для того, чтобы заваливать Истоки [рек], не имеющие предела (*у цзи чжи юань* 無極之源). Ты же сам будешь наказан с помощью ветра-секиры» [SLJ, 49a: 3–5];

- «[При совершении перечисленных преступлений] учитель с учеником подлежат обоюдному наказанию в виде допросов с пристрастием при помощи ветра-секиры, а их умершие предки в семи коленах надолго будут заперты [в узилище] у Подземных источников (*ю юань* 幽源). [В таких случаях] им вменяется в обязанность таскать камни и передвигать горы» [SLJ, 54b: 3–4];

- «Вина за [такие] преступления также возлагается на семь поколений родичей как со стороны отца, так и со стороны матери. На нарушителя будет наложено взыскание в виде службы в Приказе душ умерших (*гуй гуань* 鬼官) и вменяться обязанность переносить камни с горы Мэншань для того, чтобы заваливать Реки долгой ночи (*цзи е чжи хэ* 積夜之河)» [SLJ, 50a: 8–9].

Для обозначения подземной темницы мира мертвых в даосских сочинениях до эпохи Тан (618–907) регулярно используются и другие выражения, коррелирующие с указанными выше. Например, в даосской энциклопедии «У-шан би яо» 無上秘要, составленной на севере Китая во второй половине VI в., в контексте описания посмертной судьбы нерадивых даосов встречаем выражение Управа душ умерших (*гуй фу* 鬼府): «Если умершие [при жизни] совершали преступления, тогда они переводятся [из сферы небожителей] и возвращаются в Управу душ умерших» [WSBY, 9: 5b: 8].

В той же энциклопедии вся 54-я цзюань (глава) посвящена описанию ритуалов испытательного характера. В тексте только этой одной главы мы 22 раза встречаем словосочетание Девять подземелий (*цзю ю* 九幽). Анализ соответствующих фрагментов позволяет утверждать, что оно используется для обозначения подземного узилища и легко может заменяться другими подобными названиями, например - Девять дворцов Великого мрака (*Тай инь цзю гун* 太陰九宮) или Девять подземных [управ] (*цзю инь* 九陰).

Наконец, судное место Иного мира в ранних даосских сочинениях обозначаются и как «область Долгой ночи» (*чан е* 長夜). Данная номинация нередко используется в сложной атрибутивной конструкции, например - Управа душ умерших в области Долгой ночи, [включающая] Девять подземелий (*цзю ю чан е чжи гуй фу* 九幽長夜之鬼府) [DRJ, 2: 31b: 1]. Иногда такая сложная конструкция сокращается, тогда подземная темница для душ умерших называется просто Управой долгой ночи (*чан е чжи фу* 長夜之府) [WSBY, 24: 6b: 5].

Дополнительное подтверждение правильности предложенной нами интерпретации дает авторитетное даосское сочинение «Ежедневник с петициями от

Чи-сун-цзы» (*Чи-сун-цзы чжан ли* 赤松子章歷). Дошедшая до нас редакция этого текста относится к концу Тан или даже к эпохе Сун (960–1279), но она включает и значительно более ранние фрагменты, связанные с историей даосизма первых веков новой эры. В этом сочинении встречаем уточнение, однозначно указывающее, что все перечисленные выше выражения действительно обозначают некий китайский аналог ада-чистилища. Таким уточнением является выражение «Подземное судилище» (*ди юй* 地獄), включенное в описательное обозначение этой загробной административной инстанции, - Подземное судилище [в области] Долгой ночи, [включающее] Девять подземелий (*цзю ю чан е ди юй* 九幽長夜地獄) [CSZ, 6: 16a: 8].

Социальное измерение пространства смерти в раннедаосской картине мира. Перечисленный выше категориально-терминологический аппарат отражает, как правило, спатальные аспекты представлений о пространстве смерти, т.е. указывает на его местоположение. Для акцентуации же социально-административной функции этой инстанции Иного мира, в которой есть свои «чиновники», контролирующие мир мертвых, в ранних даосских текстах регулярно используются выражения Дворец воды (*шуй гун* 水宮) и Канцелярия воды (*шуй гуань* 水官) [WSBY, 22: 23b: 5; DRJ, 2: 3b: 4; CSZ, 6: 13b: 10].

Например, в сочинении второй половины IV в. «Девять формул-амулетов с красными крапинками» (*Цзю чи бань фу* 九赤班符) встречаем описание ритуала, в ходе которого даос должен был обратиться к повелителю Южного моря с прошением, написанным на амулете. Даос был обязан «бросить амулет в омут ‘южной реки’». Далее текст обещает, что при выполнении этой церемонии на протяжении 18 лет «во Дворце воды более не будут хранить записи с перечнем [твоих] преступлений, и божественный правитель внесет [твое] имя в списки [небожителей], которые хранятся у Нефритового августейшего» [JCBF, 28a: 3-6].

Другое синхронное сочинение подчеркивает, что все даосы должны строго соблюдать ритуальные правила «чистоты» и не разглашать содержание данного текста, а нарушителя этого требования ждут весьма неприятные последствия: «Если [ты] передашь [эту книгу] не тому, кому установлено, тогда Управители судеб с Трех небес подвергнут наказанию твое брненное тело, и после смерти станешь ты самым что ни на есть ничтожным призраком-навью (*ся гуй* 下鬼) и придется тебе долго-долго каторжную повинность отбывать в Канцелярии воды» [SSSFJ: 9b: 1–2].

О том, что повинность в Канцелярии воды именно каторжная, и что она сопряжена не только с непосильным трудом, но и с мучительными пытками, упоминает Тао Хун-цзин 陶弘景 (456–536), когда рассказывает об одном из тех, кто позволил себе ненадлежащее обращение с даосскими книгами: «[Некогда] Хуа Цяо разгласил секреты небесных книг. Он не соблюдал никаких правил, рассказывая [о них] всякие небывлицы и ерунду. Ныне из-за этого и отец, и сын из рода Хуа подвергаются допросам с пристрастием в Канцелярии воды» [ZG: 7: 6a: 2–3].

Выражения Дворец воды (*шуй гун* 水宮) и Канцелярия воды (*шуй гуань* 水官) тесно связаны с еще одной категорией того же семантического и ассоциативного ряда - понятием Три канцелярии (*сань гуань* 三官). В ранних даосских текстах выражение Три канцелярии регулярно используется в тех же значениях, что и Дворец воды или Канцелярия воды. На это стоит обратить особое внимание, поскольку в русскоязычной научной литературе выражение *сань гуань* переводят исключительно как «Три чиновника», что неверно, если мы ведем речь о даосизме до эпохи Сун.

В ранних даосских текстах словосочетание *сань гуань* обычно указывает на три главные административные инстанции Иного мира, которые выполняют функции надзора, суда и тюрьмы для душ умерших. Разумеется, по законам метонимии любое слово со значением места легко может использоваться и для обозначения тех, кто в этом месте находится. Такое значение у выражения *сань гуань* тоже встречается, но довольно редко. Более того, в этом значении выражение *сань гуань* указывает, как правило, не на неких трех божественных чиновников, а на многочисленный чиновничий аппарат из трех главных администраций Иного мира, обеспечивающий надзорные, судебные и пенитенциарные функции в царстве мертвых, и соответствует переводу «чиновники из Трех [подземных управ]». Таких «чиновников» даосизм знал изначально, их системное описание было представлено уже в одном из первых текстов школы Небесных наставников - «Правила этикета [при обращении к] 1 200 чиновникам» (*Цянь-эр-бай гуань* и 千二百官儀), но было их отнюдь не трое, а более тысячи.

Ранние даосские сочинения регулярно конкретизируют представления об этих трех управах Иного мира. Например, «Пресветлый кодекс от [владык] Четырех пределов» (*Си цзи мин кэ* 四極明科), разъясняя правила распространения одного из даосских текстов, указывает: «Тот, кто получит Дао-методы, изложенные в этой книге, белым днем вознесется на Небеса. Тот же, кто проявит небрежение [к этому тексту], кто разгласит его содержание, погрязнет в пороках или нерадивости, тот после смерти будет отбывать каторжную повинность, таская камни и заваливая [подземные] реки в области под управлением Трех канцелярий» [SJKK, 4: 5b: 7-8].

Другой фрагмент того же кодекса предупреждает даоса: «Если нарушишь это правило один раз, ты никогда уже не станешь *сянем*-небожителем. Если же трижды совершишь такое преступление, тогда [после смерти] и ты сам, и твои родичи в семи поколениях как по мужской линии, так и по женской - все вы подвергнетесь допросам с пристрастием в Трех канцеляриях» [SJKK, 5: 1b: 10-2a: 1].

Инстанция Иного мира, называвшаяся Три канцелярии (*сань гуань* 三官), мыслилась не только местом отправления наказаний, но и судом [7, с. 834]. Вот почему и живые люди, и души умерших могли, как считалось, подавать прошения и жалобы в Три канцелярии. Умершие просили у «чиновников» этого ведомства освобождения от наказаний, которым они подвергаются в подземном узилище, либо об отпущении тем, кто их обидел при жизни; живые же обращались с просьбой избавить их от болезней и бед, насылаемых душами умерших [8]. Один из таких примеров приводит Тао Хун-цзин, рассказывая о членах клана Сюй,

представители которого сыграли важную роль в истории даосского движения второй половины IV в.: «Что касается Сюй Цзянь, то это дочь Дай Ши-цзы. Ее убил Сюэ Ши, который был из клана, враждовавшего с родом Сюй. К тому же этот Сюэ Ши убил и малыша Сюй Цзянь, звавшегося А-нин, которого она как раз тогда нянчила. Ныне [душа] Сюй Цзянь находится в Канцелярии воды вместе с сыном. Поскольку ее бранные останки оказались разбросаны, развеяны, она подала судебный иск в Три канцелярии, требуя к ответу и призывая наказать ныне живых [из рода Сюэ]» [ZG, 7: 8b: 9–9a: 1].

Еще более эксплицитно семантику выражения *сань гуань* отражают комментарии к «Книге-основе, которая переправляет людей на берег [спасения]» (*Ду жэнь цзин* 度人經). Это сочинение становится очень авторитетным среди даосов уже в первой половине V в. Первый сохранившийся к нему комментарий составил в 485–486 гг. известный даос своего времени Янь Дун 嚴東. Одна из глосс Янь Дуна подробно разъясняет смысл выражения *сань гуань* 三官. Это толкование, по нашим оценкам, отражает широко бытовавшие в неконцептуализированном виде в Китае первых веков новой эры представления о загробном мире. С другой стороны, даосские тексты V–X вв. свидетельствуют, что это истолкование стало основной интерпретацией понятия *сань гуань* в последующий исторический период:

«Три канцелярии - это канцелярии Небес, Земли и Воды. Канцелярия небес, имеющая статус высшего Начала, включает три дворцовых управления. [Каждое из] дворцовых управлений включает двенадцать ведомств. Всего эта Канцелярия объединяет тридцать шесть ведомств.

Канцелярия земли, имеющая статус среднего Начала, также включает три дворцовых управления. Каждое из дворцовых управлений включает по четырнадцать ведомств. Всего в этой Канцелярии насчитывается сорок два ведомства.

Канцелярия воды, имеющая статус нижнего Начала, также включает три дворцовых управления, а каждое из дворцовых управлений - по четырнадцать ведомств. Всего эта Канцелярия объединяет сорок два ведомства.

Все Три канцелярии вместе объединяют 120 ведомств. Они управляют [миром], где живут души умерших, [миром] божеств и [миром] людей.

Кроме того, Трех канцеляриям... подчиняются Девять департаментов, полномочия которых распространяются на ведение реестров живых и мертвых, [обитающих] в девяти морях, в трех великих реках и в истоках двенадцати [обычных] рек» [DRJ, 2: 32a: 1–7].

Ли Шао-вэй 李少微, другой комментатор того же сочинения, даос высоких познаний, живший в эпоху Тан, указывает еще более определенно и предельно кратко: «Что до Трех канцелярий (*сань гуань* 三官) и Девяти приказов (*цзю фу* 九府), то каждое из этих учреждений ведает душами умерших, томящимися в подземном узилище» [DRJ, 2: 38a: 10–38b: 1].

Конечно, выражение *сань гуань* может реализовывать различные контекстуальные значения, но, как правило, в ранних даосских текстах все они так или иначе коррелируют с миром мертвых и с локативной функцией (указанием на

место, а не на лицо), что подтверждается содержанием и грамматической структурой соответствующих фраз.

Даосский «Пресветлый кодекс от Совершенных [правителей] Девяти [небес]» (*Цзю чжэнь мин кэ 九真明科*) подчеркивает, что выражения Три канцелярии и Дворец воды не просто связаны друг с другом, но являются основополагающими в системе представлений о загробном мире и подземном узилище. Один из фрагментов этого кодекса указывает, что Три канцелярии - это название того же порядка, что и выражение «область Великого мрака» (*Тай инь 太陰*), которое в китайских письменных памятниках III–VI вв. является самым характерным обозначением inferнального мира: «Если вот таким образом ты будешь вникать в своих преступлениях три года подряд, а затем совершишь еще и тридцатидневный очистительный ритуал, тогда сможешь получить освобождение в Трех канцеляриях, будешь избавлен от допросов с пристрастием в Девяти дворцах Великого мрака и вновь [сможешь] вернуться к практическому совершенствованию на истинных путях [учения]» [SLJ, 60b: 1–3].

Заключение. Таким образом, накопленный исследовательский материал позволяет скорректировать ошибочные представления об Ином мире, закрепившиеся в научной литературе. Даосский inferнальный мир III–VI вв. представлялся административно-бюрократической системой, в ведении которой находились функции контроля, надзора и судебного разбирательства. Эта инстанция управляла Иным миром и главным объектом ее надзора и судебного преследования были души умерших. Для обозначения такой судебно-пенитенциарной системы загробного мира и использовались взаимозаменяемые выражения - Три канцелярии (*сань гуань 三官*), Управа воды (*шуй гуань 水官*), Дворец воды (*шуй гун 水宮*), подчеркивающие ее административные функции. При постановке акцента на пространственную локализацию этого мрачного места загробного мира в даосских текстах того же периода регулярно использовался категориальный аппарат, эксплицитно указывающий на стихию воды. Все выражения такого рода обозначали подземное узилище, являющееся, одновременно, и надзорным ведомством, и судом, и тюрьмой, и главной инстанцией по исполнению наказаний, налагаемых на души умерших.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торчинов, Е. А. Что такое даосизм? Опыт построения новой модели / Е.А. Торчинов // Религиозный мир Китая – 2005: Исследования. Материалы. Переводы / Под ред. И.С. Смирнова. – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 43–65.
2. Филонов, С.В. Го Мо-жо и некоторые проблемы современной даологии / С.В. Филонов // Проблемы литератур Дальнего Востока. Т. 1. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 28–38.
3. Лу Сюнь цюань цзи (Полное собрание сочинений Лу Синя). Т. 3. – Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1981. – 608 с.
4. Robinet, Isabelle. Taoist Meditation: The Mao-shan Tradition of Great Purity / Isabelle Robinet / Transl. by Julian F. Pas and Norman J. Girardot. – Albany, N Y: State University of New York Press, 1993. – XXIX+285 p.

5. Филонов, С.В. Даосская книга в мифе и истории: предварительное исследование / С.В. Филонов // Религиозный мир Китая – 2013: Исследования. Материалы. Переводы / Под ред. И.С. Смирнова. – М.: Изд-во РГГУ, 2013. – С. 11–76.
6. The Taoist Canon: A Historical Companion to the Daozang / Ed. by Kristofer Schipper and Franciscus Verellen. 3 vols. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – XIX+1637 p.
7. The Encyclopedia of Taoism. Ed. by Fabrizio Pregadio. – London and New York: Routledge, 2008. – 1552 p.
8. Nickerson, Peter. The Great Petition for Sepulchral Pllaints / Peter Nickerson // Bokenkamp, Stephen R. Early Daoist Scriptures. With a contribution by Peter Nickerson. – Berkeley: University of California Press. 1997. – P. 230–274.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS¹

- CSZ *Chi-song-zi zhang li* 赤松子章曆 // DZ 335–336, CT 615.
- CT Schipper K.M. *Concordance du Tao-tsang*. – Paris: PEFEO, 1975. – 222 p.
- DRJ *Du ren jing si zhu* 度人經四註 // DZ 38–39, HY 87, CT 87.
- DZ *Dao zang*, Hanfenlou edition 道藏涵芬樓影印本. Shanghai, 1923–1926.
- JCBF *Jiu chi ban fu wu di nei zhen jing* 九赤班符五帝內真經 // DZ 1029, CT 1329.
- SJMK *Si ji ming ke* 四極明科 // DZ 77-78, CT 184.
- SLJ *Su ling jing* 素靈經 // DZ 1026, CT 1314.
- SSSFJ *Huang su si shi si fang jing* 黃素四十四方經 // DZ 1043, CT 1380.
- WSBY *Wu shang bi yao* 無上祕要 // DZ 768–779, CT 1138.
- ZG *Zhen gao* 真誥 // DZ 637–640, CT 1016.

¹ В данном списке для каждого даосского сочинения указан номер его тетради (тетрадей) в фототипическом издании Даосского канона 1923–1926 гг. [DZ], а также его номер по конкордансу Скиппера [CT].

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>Букатая А.М.</i> Религиозно-культурный синкретизм в творчестве Чжан Лин).....	4
<i>Вариченко Г.В.</i> Социокультурные основы языкового образования.....	12
<i>Галыня И.В.</i> Методические положения организации обучения студентов просодии китайской речи на основе функционального подхода.....	17
<i>Головня А.И., Ян Сяоянь</i> Репрезентация объема концепта «женщина» в сфере родства в паремиях китайского народа.....	22
<i>Жуковец В.В.</i> Китайская литература в белорусской критике и литературоведении.....	30
<i>Надумович А.Н.</i> Развитие китайского языка в эпоху социокультурной глобализации.....	38
<i>Нечипорук Д.Б.</i> 中国文化与中国典籍在白俄罗斯传播情况.....	41
<i>Рубаник Т.В.</i> Методические основы формирования профессиональной филологической компетенции китайских студентов в процессе усвоения терминологии на занятиях по РКИ.....	44
<i>Скворцова Н.Н., Лю Мэнди</i> Тематическая сегментация китайских и русских устойчивых сравнений, обозначающих предметный признак.....	50
<i>Суколен А.Г.</i> Вербализация лексико-семантического поля «лень» в русском и китайском языках (на материале зоонимической лексики).....	60
<i>Фан Сян</i> Основные принципы наименования болезней (на материале китайского языка).....	65
<i>Филимонова М.С.</i> Обучение чтению с опорой на когнитивную базу обучаемых как один из ведущих принципов обучения студентов чтению на китайском языке на начальном этапе.....	74
<i>Холева Г.С.</i> Параўнальны аналіз перакладаў верша ду му “金谷园” на англійскую, рускую і беларускую мовы.....	83

БЕЛАРУСЬ – КИТАЙ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

<i>Вальковский М.А.</i> Медийные факторы белорусско-китайского стратегического партнерства.....	90
<i>Вергейчик С.В.</i> Новый этап китайской дипломатии и динамика белорусско-китайских двусторонних отношений.....	97
<i>Гурко А.В.</i> Об особенностях распространения китайских праздничных традиций в современном белорусском обществе.....	102
<i>Дин Шуюэ</i> Китайская и белорусская свадьбы и их обрядовая специфика.....	108
<i>Коваленя Е.Г.</i> Геокультурный потенциал городов республики беларусь в рамках проекта «Шёлковый путь XXI века»: перспективы развития.....	117
<i>Струнченко А.А.</i> Диалог народов и культур (из опыта реализации социокультурного проекта).....	124
<i>Тозик А.А.</i> О развитии белорусского китаеведения.....	126
<i>Хухлындина Л.М., Молофеев В.М.</i> Перспективы белорусско-китайского сотрудничества в сфере науки, образования и культуры.....	130

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Ганьшина Г.И.* Перспективы развития российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере 136
- Литвиновский И.А., Литвиновская Ю.И.* Маньчжурский инцидент – первый шаг к новой мировой войне 143
- Цвык А.В.* Формирование и развитие торгово-экономических отношений между КНР и ФРГ 152

ЭКОНОМИКА КНР В XXI ВЕКЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Давыденко Е.Л.* Перспективные направления выхода белорусских компаний на рынок Китая 162
- Залесский Б.Л.* Проект, обращенный в будущее 168
- Ковальчук Н.С.* 白俄罗斯 – 丝绸之路经济带上的“明珠” 177
- Поплыко В.И.* Сравнительный анализ пенсионных систем Китая и Беларуси. 181
- Западнюк Е.А., Сорвилов Б.В.* Китай и США: состязание в технологическом доминировании в глобальной экономике 188
- Сороко П.О.* Структурные и территориальные особенности развития туризма в КНР 194
- Федорцова Т.А., Гончарук Н.А.* Современное развитие въездного и выездного туризма Китая 202
- Чэнь Чун* Особенности становления частного предпринимательства в Китае. 209
- Юрова Н.В., Яо Цзяхуэй* Перспективы развития торговых отношений КНР и Вьетнама в условиях региональной интеграции 221

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Артёмова Е.В.* Идеи Павла Петровича Чистякова и традиции реализма в живописи Китая во второй половине XX века 227
- Баженов Ю.В.* Использование русских песен и мелодий в китайском кинематографе (КНР, Тайвань) 234
- Воцинчук А.Н.* Презентация современного белорусского искусства в Китае (на примере VI-го международного биеннале искусства в Пекине) 237
- Гутько О.Л.* Знаково-символическое поле тибетских мандал 240
- Копытько Н.А.* Рецепция китайских художественных традиций и поэтики искусства Поднебесной в белорусской музыке рубежа XX – XXI веков 243
- Лю Янь, Соколовская М.М.* Мифические герои – создатели музыкального искусства Древнего Китая 248
- Михайлова Е.В., Цзи Нянь* Образы, связанные с вокальным искусством, в пейзажной лирике Ли Бо 255
- Прокофьева Ю.С.* Формы распространения китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в Республике Беларусь на современном этапе 265
- Сапотько П.М.* Белорусско-китайские культурные связи в сфере изобразительного искусства на современном этапе 270

<i>Смолик А.И.</i> «Исторические записки» Сыма Цяня как источник по древнекитайской цивилизации.....	273
<i>Сяліцкі А.Л.</i> Семантика канцэпту “шлях” у кітайскім мастацкім пейзажы.....	280
<i>Шамякина Т.И., Шамякина С.В.</i> Основы традиционной культуры Китая.....	284
<i>Шунейко Е.Ф.</i> Достижения китайской реалистической живописи на современном этапе.....	293

СТРАНОВЕДЕНИЕ КИТАЯ – ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ И ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

<i>Басава Г.І., Пяткевіч В.М.</i> Голас паднябеснай: фарміраванне медыявобразу краіны ў міжнародным вяшчанні Кітая.....	304
<i>Бригадина О.В.</i> Культурная идентификация русскоязычного населения северо-восточных провинций Китая.....	308
<i>Казакова И.В.</i> Экологичность традиционной китайской культуры.....	313
<i>Капляк С.Г.</i> Преломление морали в законодательстве Китая династии Тан и Византии Исаврийской династии.....	319
<i>Кохнович В.А.</i> Традиционное китайское крестьянское хозяйство в исследованиях российских ученых-аграрников начала XX в.....	323
<i>Кухто Л.К.</i> Миграционный «вызов» китайской цивилизации.....	331
<i>Приходько Ф.С.</i> Китайская модель народовластия в контексте современных концепций демократии и практики их реализации.....	336
<i>Шульга Д.П.</i> Об эволюции военной китайской мысли на рубеже древности и средневековья (на примере «Военного трактата Чжугэ Ляна»).....	342
<i>Эктов А.О., Петроченко А.Д.</i> Сравнение и анализ западного и китайского менталитетов.....	345
<i>Якушенко К.В.</i> Китай на международном рынке масс-медиа.....	351

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ

<i>Белая И.В.</i> «Покой среди волнения»: о вкладе Чэнь Ин-нина в изучение даосизма.....	361
<i>Воробьева С.В.</i> Парадоксальная логика и индивидуальная психодиагностика в древнем Китае.....	370
<i>Врублевская-Токер Т.И.</i> Идея нравственной добродетели в этических учениях Конфуция и Аристотеля.....	375
<i>Мацевич М.Я., Валеитёнок В.В.</i> Компаративный анализ европейского «активизма» и китайского императива поведения.....	381
<i>Стабурова Е.Ю.</i> Конструктивизм Николаса Онуфа и буддизм хуа-янь в контексте дискуссии о месте Китая в теориях международных отношений.....	390
<i>Филонов С. В.</i> Некоторые аспекты картины мира раннего даосизма: опыт реконструкции на основе информационного анализа.....	409

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Сборник научных трудов

Выпуск VI

В двух частях
Часть 1

В авторской редакции

Компьютерная верстка *В.В. Климович*
Дизайн обложки *А.А. Мультан*

Подписано в печать 27.02.2017. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 28,9. Тираж 100 экз. Заказ 10.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.